

В.Ф. Джунковский

ВОСПОМИНАНИЯ

1915 – 1917

Annotation

В 2015 г. исполнилось 150 лет со дня рождения В. Ф. Джунковского (1865–1938), свиты генерал-майора, московского губернатора (1905–1913), товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов (1913–1915).

В августе 1915 г. В. Ф. Джунковский был отстранен от службы по личному указанию императора Николая II, после того как представил на высочайшее имя записку, в которой подробно изложил неприглядные факты о деятельности Г. Распутина.

Осенью 1915 г. Джунковский добился назначения в действующую армию и командовал дивизией, а затем 3-м Сибирским корпусом, продолжая вести дневник, ставший основой его воспоминаний за 1915–1917 гг. Западный фронт, напряженные бои под Нарочью, окопные будни, Февральская и Октябрьская революции, падение монархии и развал армии, а следом и распад страны – все это документально зафиксированно очевидцем и непосредственным участником событий. Издание проиллюстрировано фотографиями из фронтовых альбомов мемуариста. Публикуется впервые.

В. Ф. Джунковский

Воспоминания (1915–1917). Том 3

© Издательство им. Сабашниковых, 2015

* * *

В. Ф. Джунковский, 1916

В. Ф. Джунковский. Август 1915 – декабрь 1917

15 августа 1915 года товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов Владимир Федорович Джунковский был уволен от службы по личному указанию императора Николая II. Поводом послужило досье, собранное шефом жандармов на Григория Распутина. Передавая на высочайшее имя эту неприглядную хронику деяний «старца», В. Ф. Джунковский знал, на что идет. Его отставка, весть о которой быстро распространилась в правительственных кругах, вызвала широкий общественный резонанс.

Этим знаковым эпизодом заканчивалось двухтомное издание «Воспоминаний» В. Ф. Джунковского, выпущенное Издательством имени Сабашниковых в 1997 году^[1]. Публикуемые ниже записки являются продолжением повествования.

Не останавливаясь подробно на биографии автора, обстоятельно изложенной в предисловии к изданию 1997 года, отметим, что интерес к фигуре В. Ф. Джунковского значительно вырос за последнее время. Учитывая это обстоятельство, Издательство имени Сабашниковых планирует к публикации также и его рукописи за предшествующий период 1865–1904 гг. Таким образом станет доступным весь корпус воспоминаний Джунковского практически за полвека до 1918 года – скрупулезнейшим образом зафиксированная хроника своего времени.

К сожалению, за более поздний период записок нет. Автор сам поставил точку: «На этом я кончаю свои воспоминания своей службы, которой была полна моя жизнь в течение лучших лет моей жизни».

Обо всем остальном пусть судит читатель. Ведь самым достоверным источником, особенно с таким педантичным автором как В. Ф. Джунковский, есть и остается текст, подготовленный им самим. Частью композиции, органическим элементом его повествования служат документы, сохраненные в многотомном архиве: газетные вырезки,

донесения, приказы, протоколы, письма и даже фотографии, сделанные им лично в боевой обстановке.

В предыдущих томах читатели получили возможность проследить глазами автора ход событий за 1905–1912 гг., когда В. Ф. Джунковский был московским губернатором, и за 1913–1915 гг., когда он возглавлял Особый корпус жандармов.

В настоящем томе В. Ф. Джунковский предстает перед нами действующим генералом Действующей армии.

* * *

Занимаемый пост и законодательство Российской империи вполне позволяло экс-шефу Отдельного корпуса жандармов получить генеральскую пенсию за выслугу лет и не утруждать себя дальнейшей службой. Однако, несмотря на обиду, В. Ф. Джунковский остается верен своим принципам. Осенью 1915 года он добивается назначения в Действующую армию командиром бригады 7-й Сибирской стрелковой дивизии, в 1916 – он будет командовать 8-й Сибирской стрелковой дивизией, в 1917 – возглавит формирование новой дивизии и добьется присвоения ей наименования 15-й Сибирской стрелковой, а в сентябре 1917 г. возглавит 3-й Сибирский армейский корпус.

В эти два года уместилось много событий. Западный фронт, напряженные бои, окопные будни, Февральская и Октябрьская революции, падение монархии и развал армии, а следом и страны. На глазах мемуариста армия, которой он присягал служить честно и добросовестно, теряла боеспособность, самые дисциплинированные полки заражались анархией, поворачивали оружие против своих же командиров. Как и тысячи других офицеров, Джунковский оказался перед самым тяжелым выбором в своей жизни – долг не позволял оставить свой пост, но и изменить течение событий было не в его власти.

До этого, получив военное образование в Пажеском корпусе, начав службу в элитном лейб-гвардии Преображенском полку, он поднимался по карьерной лестнице от поручика до генерал-майора, не имея реального

военного опыта. Оказавшись на фронте, В. Ф. Джунковский прошел основные ступени службы, последовательно командуя бригадой, дивизией и корпусом. Он был прекрасным организатором, но с необходимостью брать на себя ответственность посылать тысячи людей под пули, на смерть, ему пришлось столкнуться только в годы войны.

Многое, что определяло характер Джунковского, нашло реальное практическое применение и здесь, во фронтовой обстановке. Он отмечал в записках: «...Как легко на войне давалась популярность, надо было только добросовестно самому исполнять долг и заботливо относиться к подчиненным, входить в их нужды, смотреть на них не как на пушечное мясо, а как на людей, не сентиментальничая при этом... Больше ничего не требовалось, и за таким командиром люди пойдут куда угодно, будут переносить с ним всякие лишения...». [\[2\]](#)

Чрезвычайно примечательно описание Джунковским печально известной Нарочской операции. Без снисхождения к себе и другим он описывает действия русских войск, приводит случаи мужества и героизма рядовых стрелков, неразбериху в штабах и общую неподготовленность этого наступления.

Но еще более показательное описание работы комиссии, созданной командованием Западного фронта по горячим следам с целью определить причины и виновников неудач. Из скупых строк, описывающих этот эпизод, видно, как непросто было В. Ф. Джунковскому отстаивать честь сибирских полков, когда на них попытались возложить вину за прорыв немцев и последующее отступление. Но он сумел найти слова и убедить командование принять его точку зрения. Безусловно, авторитет бывшего заместителя министра внутренних дел и московского губернатора сыграл свою роль. Однако и характер человека в такой ситуации многое значит. В марте 1916 года для генерала Джунковского честь этих полков была также дорога, как его собственная, и он защищал их честь, как свою.

На войне не бывает мелочей. И со свойственной ему дотошностью бывший губернатор погружался во все премудрости фронтовой жизни.

Доставка продовольствия, приготовление пищи, обмундирование и снаряжение, медицинское обеспечение и взаимодействие с соседями по «передовой» – все это стало каждодневной работой, требующей внимания и днем и ночью.

Включение в корпус мемуаров большого количества приказов по частям, которыми он командовал, возможно, покажется лишними подробностями, перегружающими текст. Но каждая строчка приказа, указывающая, что на позициях полка или дивизиона надо что-то исправить, разместить полевые кухни поближе к окопам, выставить новые посты, создать команды по откачке воды из траншей или отремонтировать мостки, по которым должны эвакуировать раненых, свидетельствует о том, что они сделаны человеком, который сам регулярно ходит по этим окопам и мосткам.

И он ходил, и объезжал верхом растянувшиеся на много верст позиции, требовал обеспечить наблюдение за противником, добивался четкой работы санитарных служб, заботился о питании и бытовых условиях бойцов. Его отношение к людям в солдатских шинелях не осталось ими незамеченным, а его требовательность воспринималась ими не как генеральские придирки, а как проявление заботы и стремление к порядку, без которого жизнь в окопах превращается в кошмар.

Провожая Джунковского в сентябре 1917 г. в штаб 3-го Сибирского армейского корпуса, который он должен был возглавить, один из рядовых стрелков дивизии говорил: «Мы никогда не забудем нашего начальника дивизии, которого всегда можно было встретить то ночью, то днем без всякой свиты проходящего по окопам, скромно, без всякого оружия».

По своим убеждениям В. Ф. Джунковский был монархистом, и не скрывал этого, до последнего момента оставаясь преданным свергнутому российскому императору, несмотря на обиды, связанные с отставкой 1915 года. Однако он имел свое мнение о взаимоотношениях верховного командования и действующей армии. Об этом свидетельствует эпизод, когда Джунковский принимал участие

в торжественном смотре-награждении отличившихся солдат Западного фронта великим князем Георгием Михайловичем.

«Ведь насколько, — пишет Джунковский, — больше впечатления произвело бы прибытие посланца царя, если бы для него не устраивали бутафорского парада, а он бы сам объехал войска в местах их стоянок, побывал бы и в окопах, это конечно заняло бы несколько дней, но зато и великий князь мог бы доложить государю, как действительно живут полки, и войска бы увидали посланца царя у себя — это бы имело колоссальное влияние на настроение войск... Конечно, это представляло известный риск, но я смотрю так, что даже если бы великого князя какая-нибудь шальная пуля и настигла где-нибудь в окопах, то и такого рода жертва окупилась бы вполне тем моральным впечатлением, которое бы она произвела на войска, сознанием, что и великие князья жертвуют своей жизнью за царя и Родину...».

Такой же неоднозначной была и его позиция в отношении Распутина. В декабре 1916 года Владимиру Федоровичу пришлось специально объяснять товарищам по оружию свой взгляд на его убийство.

«...Один из чинов штаба обратился ко мне: «Ваше превосходительство, почему Вы не разделяете нашего восторга?» Я ответил: «Это начало конца!» Меня просили объяснить, что я этим хочу сказать. Я сказал, что дело не в личности Распутина, а дело в том, что такие явления, как распутиниада, вообще были возможны... Что касается самого факта убийства, то этим самым участники его... еще более скомпрометировали престол. «Убийцы, — прибавил я, — сыграли в руку революции».

Спустя два месяца опасения генерала-майора Джунковского подтвердились. Февральские события 1917 года привели к власти политические силы и людей, которые завершают распад того, чему он служил и во что верил.

Потому и его оценки многих военачальников и политических деятелей из числа членов Государственной думы и Временного правительства резко отличаются от хрестоматийных. В высшей степени

уничижительна его характеристика министра-председателя Временного правительства А. Ф. Керенского, оказавшегося наверху этой пирамиды.

Джунковский ясно видел неспособность Временного правительства решать значимые политические задачи. Демонстрацией служит эпизод, связанный с Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, на которую летом 1917 г. автор был приглашен для дачи показаний. Эта несвоевременная попытка сведения счетов с бывшими политическими противниками в условиях разваливающейся экономики и катастрофической ситуации на фронте, наглядно продемонстрировала близорукость и слабость новой власти.

Но и в данных условиях, как командир дивизии, а затем и корпуса, В. Ф. Джунковский предпринимает все от него зависящее, чтобы предохранить от анархии вверенные ему части, сохранить порядок и боеспособность рот и полков, невзирая на «демократические» веяния, агитацию, пропаганду и революционные лозунги. Даже с комиссарами временного правительства ему удается договариваться.

Однако новая политическая власть расставляет на местах и соответствующее военное командование. Керенский назначает верховным главнокомандующим известного своим успешным наступлением в 1916 году генерала А. А. Брусилова, заменив им генерала М. В. Алексеева. Но вот что пишет об этом Джунковский:

«Благодаря Брусилову развал в армии усилился, т. к. твердые начальники в нем поддержки не имели. Керенский, приехавши в Ставку, пришел в ужас, когда ему показали всю картину развала армии, но он не решился принять радикальных мер против этого развала, боясь, как бы эти меры не способствовали бы контрреволюции. Он стал насаждать комиссаров, из бывших политических, главным образом эсеров, наивно думая, что эти последние сумеют, с одной стороны, укрепить дисциплину, с другой, – пресечь всякие контрреволюционные попытки. Убедившись, что и из этого ничего не выходит, он, напуганный июльским большевистским движением, сменил безвольного и ничтожного

Брусилова, заменив его твердым как скала Корниловым, но было уже поздно».

Далее, оценивая личности А. А. Брусилова и А. И. Деникина, Джунковский дает понять, что его симпатии не на стороне генерала, пошедшего на службу к большевикам, а на стороне человека, чья фамилия при советской власти стала синонимом врага. Цитируя слова Деникина о долге и чести, Джунковский обозначает и свою личную позицию: «Иллюзий у него не было, но он считал долгом до конца, пока он в состоянии, твердо неуклонно продолжать свое дело защиты Родины».

Особое место в тексте воспоминаний занимает сюжет, посвященный положению дел в Московской практической академии коммерческих наук, попечителем которой Джунковский был без малого 10 лет. Первое письмо, включенное в текст, датировано 18 января 1916, а последнее – 1 мая 1917, т. е. уже после Февральской революции. Однако весь сюжет привязан в тексте к началу 1916 года, когда выдающийся русский химик и педагог А. Н. Реформатский принял решение об уходе с поста директора и перед попечительским советом встал вопрос о его замене.

Отношения между преподавательским составом, попечительским советом, администрацией и учащимися представляет собой некий слепок всего российского общества описываемого периода. Нельзя не отметить, что среди преподавателей, упоминавшихся в переписке, не менее половины – состоявшиеся ученые с европейским именем, а другая – будущие академики АН СССР, доктора наук и т. п. Их работа в стенах практической академии заставляет по-новому взглянуть на уровень образования ее выпускников.

Такие имена, как Д. Н. Анучин и А. П. Калитинский, С. А. Чаплыгин и В. И. Пичета, А. И. Успенский и П. И. Новгородцев и сегодня составляют славу и гордость отечественной науки и культуры. А что стоит список попечительского совета – практически повторяющий список промышленно-финансовой элиты Российской империи: Рябушинские и Абрикосовы, С. М. Долгов и Н. И. Астров, предприниматель

и математик Е. М. Эпштейн, Н. К. Смирнов и Д. И. Филиппов. Ведущие коммерсанты считали своим долгом поддерживать образование и науку в России.

Как оказалось впоследствии, многие из преподавателей этих учебных заведений предпочли «бой кровавый», а не «сеять разумное, доброе, вечное». Последний год существования учебного заведения по накалу страстей, скрытому напряжению и трагической развязке демонстрирует процесс распада всего общества в целом. Педагогические собрания превращаются в митинги, профессиональные качества преподавателей подменяются политическими взглядами, анонимки и доносы становятся средством избавления от профессуры старой школы. Большевистская идеология, исходящая из принципа «кто был никем, тот станет всем», одерживает верх над академическим подходом.

И в этой ситуации именно монархист, экс-жандарм и блестящий придворный В. Ф. Джунковский выступает в роли арбитра и пытается противостоять разрушительным тенденциям ради тех, кто пришел в академию учиться, его волнует учебный процесс, а не политические взгляды преподавателей.

По своему содержанию его переписка с С. М. Долговым, исполняющим обязанности председателя попечительского совета, и Е. Н. Ефимовым, директором академии, выходит далеко за пределы истории одного учебного заведения. Джунковский включил этот сюжет в состав книги как иллюстрацию того, что происходило в тылу, усматривая прямую взаимосвязь с процессами, происходившими на фронте.

А там, где маневренный период ведения боевых действий уже завершился и фронт застыл в окопах позиционной войны, В. Ф. Джунковский среди повседневных забот о большом дивизионном хозяйстве, личном составе, его боеготовности и здоровье, находит время для сбора документов по истории воинской части, у истоков создания которой он стоял. Так, в его личном фонде имеется целое дело [\[3\]](#), в котором собраны списки офицеров 15-й Сибирской стрелковой

дивизии, исторические справки о частях, послуживших основой для формирования ее и 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона, разнообразные инструкции и наставления.

Показателен приказ № 84 по 15-й Сибирской стрелковой дивизии от 5 февраля 1917 г., устанавливающий порядок увековечивания подвигов военнослужащих части. В нем Джунковский делает нормой не просто фотографирование героя для полкового музея, а отправку на родину семье героя его фотографии с описанием подвига. Такое отношение генерала Джунковского к подчиненным, его приказам или просьбам вызывало уважение.

В 1938 году, тогда, когда Джунковский был арестован и приговорен к расстрелу, в Париже вышла небольшая книга Болеслава Вильгельмовича Веверна «6-я батарея, 1914–1917 гг.: Повесть о времени великого служения Родине». Автор – полковник-артиллерист, участник 1-й мировой и Гражданских войн, эмигрант и нештатный автор таких изданий, как «Возрождение», «Русский инвалид», «Часовой». В 1917 году артиллерийская бригада, где служил Веверн, стояла на позициях вместе с дивизией Джунковского, и этому эпизоду он посвятил несколько слов, которые весьма точно характеризуют командующего дивизией:

«Наконец настал день, когда эту дивизию сменила тоже недавно сформированная Сибирская стрелковая дивизия, начальником которой был назначен генерал Джунковский. Мы сразу почувствовали разницу, как в отношении к себе, так и в отношении к неприятелю. Теперь мы могли опять спокойно стоять на своих позициях, не опасаясь за участь своих орудий.

Светлые воспоминания о личности генерала Джунковского навсегда останутся в нашей памяти. Он был всегда с нами необыкновенно вежлив и внимателен, как к нам самим, так и ко всем нашим нуждам. О генерале Джунковском мы никогда не слыхали от его подчинённых ни одного плохого слова: все всегда его только хвалили, любили и верили ему».

В воспоминаниях Джунковского практически не нашло места его личное увлечение фотографией. Несколько скупых фраз типа: «я даже раз

вышел из блиндажа и сфотографировал несколько взрывов», «снимались в группе» и т. п. да несколько фотографий генерала с фотоаппаратом фирмы «Кодак» руках. Но и в этом увлечении проявлялся его характер: не многие фотографы находили время, чтобы разобрать свои и чужие снимки, наклеить их в фотоальбомы, придерживаясь хронологии, даты и места съемки, сделать практически под всеми фотографиями подписи. Именно поэтому его фотоснимки сейчас, через 100 лет после начала 1-й мировой войны, приобрели особую ценность, благодаря им есть возможность увидеть лица людей, участников событий, о которых рассказывает автор.

Свои записки В. Ф. Джунковский готовил к изданию в серии «Записки Прошлого» издательства М. и С. Сабашниковых. С семьей Сабашниковых его связывала многолетняя дружба. Вспоминая об этом, Михаил Васильевич Сабашников писал:

«По мере написания своих записок Владимир Федорович прочитывал их мне и Софии Яковлевне вслух. Я часто удивлялся его удивительной памяти и добросовестной точности, с которыми он старался описывать иногда и незначительные подробности.

Когда мы лишены были общим ходом событий возможности издавать подобные произведения, Владимир Федорович реализовал свой труд у Бонч-Бруевича в Литературном музее, что дало этому благородному человеку средства к жизни на несколько лет».

Это был уже 1934 год. В. Д. Бонч-Бруевич едва сам не заплатил за то, что приобрел рукопись у бывшего царского генерала.

Позже машинописная копия воспоминаний со всеми сопроводительными материалами была передана в Государственный архив Российской Федерации, где и хранится по настоящее время.

* * *

При подготовке настоящего издания стиль и композиция оригинала сохранены. Написание слов и пунктуация приведены в соответствие с современными грамматическими нормами, за некоторыми

исключениями, в частности, в документах, для сохранения аутентичности текста и стилистических особенностей речи. Также устранены разночтения в написании имен собственных: фамилий, географических названий. Топонимы и географические названия соответствуют написанию 1914–1918 гг. Орфографические ошибки и опечатки исправлены без оговорок; смысловые ошибки и описки оговариваются в примечаниях. Примечания к тексту, сделанные автором, обозначаются как «Примеч. автора».

Из-за большого объема издания часть документов, включенных автором в общий корпус воспоминаний, таких, как приказы по воинским частям и соединениям, благодарственные письма и ряд постановлений Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов, призывы Временного правительства, обращения А. Ф. Керенского – частично опущены или сокращены. Пропуски и изъятия в тексте отмечены отточием, заключенным в угловые скобки.

При публикации составители постарались сохранить авторскую разбивку на абзацы, но в ряде случаев руководствовались смыслом и удобством восприятия текста. Авторские подчеркивания воспроизводятся в тексте без оговаривания. Общепринятые сокращения слов, обозначающие титулы, чины, рода войск и т. п. в тексте раскрыты. К номерам воинских частей и соединений добавлялось через дефис окончание, чтобы они отличались от чисел.

Даты в соответствии с общепринятыми правилами (до 1 февраля 1918) приводятся по старому стилю, в нескольких необходимых случаях рядом в круглыми скобками проставлена дата по новому стилю.

Издание снабжено именным указателем и примечаниями, в состав которых включены биографические сведения о лицах, упоминаемых автором в тексте. При подготовке примечаний и указателя были использованы документы личного фонда В. Ф. Джунковского (ГА РФ. Фонд 826. Опись.1).

Составители выражают особую благодарность В. А. Авдееву, Д. А. Белановскому, И. Н. Засыпкиной, Е. Л. Киселевой, Л. В. Крячковой,

А. В. Махалину, С. Г. Нелиповичу, И. К. Оганджян, З. И. Перегудовой, Е. А. Полуэктовой, А. Н. Сидоровой, М. В. Сидоровой, О. В. Чистякову, В. М. Шабанову, В. Л. Юшко за помощь, консультации и ценные советы.

1915. Продолжение[4]

Поездка в Курскую губернию

19-го августа я выехал через Москву в Курскую губернию, чтобы поделиться с моими близкими друзьями Евреиновыми[5] переменной моей по службе и сообщить о своем отъезде на фронт, вернулся я в Петроград 23 числа.

Особое совещание по обороне государства

Накануне этого дня в Зимнем дворце состоялось торжественное открытие заседаний Особого совещания по обороне государства[6], учрежденного при Военном министерстве.

Председательствовал государь, открывший заседание следующей речью:

«Дело, которое поручено Особому совещанию по обороне государства – самое главное и самое теперь важное: то усиленное снабжение армии боевыми припасами, которое только и ждут наши доблестные войска, чтобы остановить иноплеменное нашествие и вернуть успех нашему оружию.

Созванные мною законодательные учреждения твердо и без малейшего колебания дали мне тот единственный ответ, какого я ожидал от них: война до полной победы.

Я не сомневаюсь что это – голос всей русской земли.

Но принятое великое решение требует от нас и величайшего напряжения сил. Это стало уже общей мыслью, но мысль эту надо скорее воплотить в дело, и к этому призвано прежде всего ваше совещание.

В нем объединены для общего дружного труда и правительство, и избранники законодательных и общественных учреждений, и деятели нашей промышленности, словом, представители всей деловой России.

С полным доверием, предоставив вам исключительно широкие полномочия, я все время буду с глубоким вниманием следить за вашей работой и, в необходимых случаях, приму сам личное в ней участие.

Великое дело перед нами, сосредоточим на нем воодушевленные усилия всей страны.

Оставим на время заботы о всем прочем, хотя бы важном, государственном, но не насущем, для настоящей минуты.

Ничего не должно отвлекать мыслей, воли и сил наших от единой теперь цели: изгнать врага из наших пределов. Для этой цели мы должны прежде всего обеспечить действующей армии и собираемым новым войскам полноту боевого снаряжения. Эта задача, отныне вверена вам, господа, и я знаю, что вы вложите в ее исполнение все свои силы, всю любовь к Родине. С Богом, за дело!»

Предложение принца Ольденбургского принять должность состоящего при нем

23 августа я получил депешу от принца Ольденбургского^[7] из Харькова: «Не угодно ли вашему превосходительству состоять при мне, по моей должности Верховного начальника санитарной и эвакуационной части. Мне достоверно известно, что никаких препятствий не имеется. Ответ благоволите телеграфировать Ростов-на-Дону вслед. Принц Александр Ольденбургский».

Эта депеша меня страшно тронула, и мне было очень неловко, что я, решив ехать на фронт, не мог принять любезного предложения принца.

Я ему тотчас же ответил следующей депешей:

«Ростов Дон вслед.

Принцу Александру Петровичу Ольденбургскому.

Не нахожу слов выразить вашему императорскому высочеству чувства глубочайшей признательности, охватившие меня при чтении вашей депеши: поддержка, внимание минуты, ныне мною переживаемые более чем дороги. Мне крайне совестно, но ваше императорское высочество чутки и поймете меня, что в том состоянии, каком ныне я нахожусь, только строевая служба передовой линии может ввести меня в равновесие и спокойствие, поэтому я просил высочайшего соизволения на отправление меня на театр войны прикомандированием 1-й гвардейской дивизии для изучения боевого строя с тем, чтобы в случае удостоения меня иметь право получить бригаду на войне. На это князь Щербатов^[8], на словах, передал мне, что его величество изволил выразить согласие, и я ожидаю настоящее время высочайшего указа о моем отчислении их должностей, чтобы подать рапорт изложением моего ходатайства. Не посетуйте же на меня, Ваше высочество, и еще раз примите мою благодарность, я никогда не забуду вашего внимания; замедлил ответом, так как мучительно колебался.

Свиты генерал Джунковский.

25 августа 1915 года».

Как только я отправил эту депешу, то получил от графа Фредерикса следующую бумагу:

«Государю императору, в 23-й день сего августа, благоугодно было высочайше соизволить на назначение вашего превосходительства в распоряжение Верховного начальника санитарной и эвакуационной части его императорского высочества принца Александра Петровича Ольденбургского.

О таковом высочайшем соизволении и уведомляю ваше превосходительство».

Эта бумага меня крайне смутила, я понял, что принц просил государя о моем назначении и, получив согласие его величества, телеграфировал мне. Государь же, очевидно, подумал, что принц действует с моего согласия.

Делать было нечего, я решился послать графу Фредериксу следующую депешу:

«Царская ставка.

Командующему императорской главной квартирой.

24 августа получил депешу принца Ольденбургского. Предлагает мне состоять его распоряжении, просит ответа. Ответил глубокой признательностью извинением, что не могу принять, так как решил воспользоваться высочайшим соизволением, переданным мне словесно князем Щербатовым, отправиться в действующую армию на фронт прикомандированием меня штабу корпуса или дивизии для изучения боевого строя, как единственно отвечающего переживаемому мной ныне состоянию, с тем, чтобы, в случае удостоения меня, иметь право получить бригаду на войне. Был счастлив такому высочайшему соизволению. Сейчас получил от вашего сиятельства высочайшее соизволение назначении меня в распоряжение принца Ольденбургского. Считаю долгом совершенно искренно доложить, что в том состоянии, в каком я ныне нахожусь, только строевая служба в передовой линии может ввести мое душевное состояние в равновесие и успокоить меня, поэтому не признаете ли Вы возможным всеподданнейше доложить обо всем вышеизложенном государю императору и о последующем не оставить меня уведомлением».

На другой день, я получил ответ:

«Ваша телеграмма мною доложена государю императору. Его величество изволил выразить соизволение.

Генерал-адъютант граф Фредерикс».

Тем не менее приказ о моем назначении к принцу был опубликован в Правительственном вестнике, и ко мне стала поступать масса разных ходатайств по санитарной части и стали являться просители.

Это вынудило меня обратиться с письмом к помощнику принца, И. В. Мещанинову^[9], с просьбой опубликовать новый приказ о моем освобождении от обязанностей состоящего лично при Верховном

начальнике санитарной и эвакуационной части, вследствие назначения в действующую армию.

От графа Фредерикса я получил еще бумагу, от 27 августа, благоугодно окончательно рассеявшую все сомнения:

«Государю императору, в 26-й день сего августа, благоугодно было соизволить на отбытие вашего превосходительства в Действующую армию для прикомандирования к одному из штабов корпуса или дивизии для изучения боевого строя, с тем, чтобы вы могли получить, в случае удостоения, в свое командование бригаду. О таковом высочайшем соизволении уведомляю ваше превосходительство в отмену сообщения моего, от 25 сего августа».

Принятие государем императором Верховного командования на себя

Пока шла вся эта переписка, произошло крупное событие. Государь принял на себя Верховное командование, великий князь [\[10\]](#) назначен наместником на Кавказ вместо графа Воронцова-Дашкова [\[11\]](#).

23-го августа опубликован был следующий приказ государя по армии и флоту:

Одновременно был опубликован и рескрипт на имя великого князя Николая Николаевича:

Великий князь, оставляя командование, обратился к войскам с следующим прощальным приказом:

«Сегодня, во главе вас, доблестные армия и флот, стал сам державный верховный вождь, государь император! Преклоняясь перед вашим геройством за более чем год войны, шлю вам мою душевную сердечную горячую благодарность. Твердо верю, что, зная, что сам Царь, которому вы присягали, ведет вас, вы явите новые, невиданные доселе, подвиги, и что Господь от сего дня окажет своему помазаннику свою всеильную помощь дарованием победы.

Генерал-адъютант Николай».

Взятие государем Верховного командования на себя было, как мне казалось и тогда, большой ошибкой, и потому лично меня это известие сильно огорчило и встревожило. Не было никакого сомнения, что этот шаг был сделан под влиянием императрицы[\[12\]](#), которая не выносила великого князя, популярность которого среди войск, несмотря даже на неудачи, росла с каждым днем. Она не понимала, что престиж Верховного главнокомандующего отзывается и на престиже государя, подымая его. Она же боялась обратного, а так как вокруг нее была целая клика лакеев в роде Воейкова[\[13\]](#), которая старалась потакать ей в ее недоброжелательных суждениях по адресу великого князя, доходивших чуть ли не до обвинения его в стремлении к свержению государя с престола, то, конечно, она напрягла все усилия, чтобы настоять на удалении великого князя. Она не понимала, что этим она не помогает государю, а роет ему яму, что когда внутри страны неспокойно, когда Совет Министров расшатан, когда брожение, недовольство проявляется то тут то там, то государю нельзя покидать столицу, а надо показываться больше народу, входить в общение с ним и своей простотой в обращении, своим обаянием, которое, несомненно, было, парализовать то неблагоприятное течение, которое распространялось среди масс, под влиянием неудач на фронте и подпольной работы революционных групп.

Когда я, через некоторое время, очутился на фронте и столкнулся с жизнью на передовых позициях, то не мог не констатировать с грустью, что верховное командование государем вносило и в боевое дело скорее больше вреда, чем пользы. Но об этом я буду говорить в свое время.

В это время, по некоторым данным, я узнал причину моего увольнения. Оказалось, что воспрещение Распутину[\[14\]](#) являться к государю произвело большую тревогу среди всех пользовавшихся милостями этого изувера и окружавших его. Были мобилизованы все силы для выхода из этого положения; что и как все это было осуществлено, я не знаю, но в конце июля месяца моя всеподданнейшая записка попала в руки императрицы. Об этом я узнал от флигель-адъютанта Саблина[\[15\]](#), пользовавшегося большим доверием

императрицы, как исполнявший разные поручения императрицы и Вырубовой[16] к Распутину. Встретившись со мной, он спросил: «Вы ведь подавали государю записку о Распутине?» «Нет», – ответил я. «От меня Вы можете не скрывать, записка у меня, мне ее передала императрица, и вот я и хочу просить помочь мне в этом деле. Я прочел вашу записку и мне хочется открыть глаза ее величества на этого человека. Вам императрица не верит, а мне она безусловно поверит. Мне поручено расследовать достоверность всех фактов, изложенных в вашей записке, Вы можете оказать большую услугу, назвав мне тех свидетелей, которые бы могли мне все это подтвердить».

Я, по наивности, принял все это за чистую монету и сообщил ему имена всех тех, кому желательно, чтобы он обратился.

Оказалось, что расследование он повел совсем с другого конца и составил доклад, отрицавший представленные мною факты. Он допросил, правда, и Адрианова[17], бывшего градоначальника, но тот, будучи уволен по моей инициативе, успел уже за это время приблизиться к Распутину, очевидно, мечтая при нем всплыть опять и избежать угрожавшее ему предание суду за попустительство при московских беспорядках. Адрианов в угоду Распутину и показал, что сообщенное мною о происшествии у «Яра» ему неизвестно. Конечно, такое показание Адрианова явилось лучшим оружием против меня. Эту гнусность Адрианова я узнал из записки Белецкого[18], когда она появилась в печати[19].

Я убежден, что государь, увольняя меня, ни минуты не сомневался в моей правоте, и, будучи чуток, в душе своей верно оценивал произведенное расследование, но против императрицы, конечно, стоять не мог.

Увольнение князя Орлова и Дрентельна

Вскоре последовало увольнение двух ближайших лиц свиты, окружавшей государя: князя Орлова[20] – начальника Военно-походной

канцелярии и его помощника Дрентельна^[21], этих двух светлых безукоризненных личностей.

Оба они были обвинены императрицей в дружбе со мной, а Орлов еще в слишком большой близости к великому князю Николаю Николаевичу. Оба они получили другие назначения. С Орловым произошло таким образом: когда великий князь был назначен наместником на Кавказе, государь предложил ему взять с собой Орлова, сказав: «Ты так любишь Орлова, возьми его с собой на Кавказ».

Орлов и был назначен в распоряжение наместника, впоследствии же помощником его.

С Дрентельном государь расстался месяцем или двумя позже; видно было, чувствовалось, как трудно было государю решиться на это. Государь знал удивительное благородство его души и непоколебимую верность и преданность его, не лакейскую, а настоящую. Он привык к Дрентельну и был действительно привязан к нему, поэтому он и медлил его отпустить, избрав для него наиболее почетный выход, он был назначен командиром л. – гв. Преображенского полка.

Прощание с Дрентельном еще раз доказало, как тяжело было государю расстаться с ним. Когда он, уезжая к месту нового своего служения, явился откланяться государю, то его величество, поздоровавшись с ним и предложив сесть, сказал приблизительно следующее:

«Я понимаю отлично, что вы переживаете, а вы понимаете и без слов, что я переживаю, расставаясь с вами, поэтому всякие слова, сейчас, будут слишком банальны». «Лучше посидим просто и выкурим папироску», – прибавил государь, подавая портсигар. Выкурив папироску, государь встал, обнял Дрентельна и, пожелав ему счастья в командовании полком, отпустил.

Передаю это со слов Дрентельна, думаю, что почти дословно.

Наступил сентябрь месяц, а высочайшего приказа о моем отчислении все еще не было и я продолжал командовать корпусом жандармов, делать

всякие распоряжения и только не сопровождал более государя при его поездках, командировав для сего моего начальника штаба Никольского[22]. От всяких проводов и чествований я, конечно, отказался, да и не время было этому, особенно при тех обстоятельствах, которых я оставлял должности. Я только объехал все свои учреждения, чтобы поблагодарить всех за дружную самоотверженную работу, снимался в группах. Затем, я сделал прощальные визиты всем своим сотоварищам по службе, по министерству внутренних дел, и всему составу Совета Министров. Все они проявили ко мне самое сердечное искреннее сочувствие, особенно трогательно отнеслись ко мне, не говоря уже о Самарине[23], Григорович[24] – морской министр, Сазонов[25] – иностранных дел и Кривошеин[26] – земледелия, а также и военный министр Поливанов[27], принявший большое участие в материальном моем обеспечении. Выходило так, что если бы я вышел в отставку, то мне как командиру отдельного корпуса, полагалась пенсия, по особому докладу военного министра, как вообще командующим войсками, обыкновенно не менее 8000 руб. в год, а т. к. я оставался на службе, то этим самым я как бы терял право на эту пенсию и содержание мое по должности генерала свиты снижалось с 20000 руб. в год, которые я получал, при готовой квартире и экипаже, до 3500 руб., в том числе и квартирные деньги. Поливанов вошел с всеподданнейшим докладом, и министр финансов меня уведомил, что по высочайшему указу за мной сохраняется право, в случае моего выхода в отставку, на получение пенсии 8000 руб., независимо от того, с какой бы должности я в отставку не вышел.

Из всего огромного числа писем и депеш, которые я получил за это время с выражениями сочувствия, я хочу здесь привести одно от моего большого друга А. Н. Вельяминова[28], моего товарища еще по корпусу, а затем и по полку, впоследствии бывшего ставропольским губернатором. Это письмо я привожу, т. к. в нем яркой нитью показано общее, царившее в то время настроение в обществе.

«Тощица.

28 августа 1915 г.

Не знаю с чего начать, дорогой мой. Начну вот с чего: если тебе суждено окончить теперь твою служебную карьеру – окончил ты ее блестяще, настолько даже, что тебе можно позавидовать. Теперь во всей стране твое имя синоним величайшего благородства, порядочности и чести. Согласись, что лучшего конца пожелать нельзя. Обнимаю тебя крепко, крепко и горжусь тобой. «Вот каков мой Джунка», – говорю я каждому, и всякий мне на это отвечает: «Передайте ему мой земной поклон».

Но все это прекрасно, а что же, в конце концов, будет от всего этого. Ведь таким путем мы катимся напрямик в пропасть, и уже весьма недалеко находится она от нас. И это в такое время. Знаешь, как-то в голове путается, и совершенно не понимаешь, где же кончается граница возможного и где вступаешь в хаос. В последние дни решавшихся событий я был в Могилеве и совершенно терял голову. Да что же это такое? Чем все это кончится? Общее подавленное настроение прямо ужасающее, начиная с верхов и до самого низа.

Кажется один только Кувака[\[29\]](#), со своими лакеями, до чрезвычайности доволен. Другие сидят как в тюрьме; Сережа[\[30\]\[31\]](#) чуть не плачет. Одним словом, есть с чего сойти с ума.

Видел Никольского, на которого прямо грустно смотреть. Видел его немного, но и его слов было достаточно.

Что ты теперь будешь делать? Прямо до болезненности хочется тебя видеть. Не зайдешь ли сюда? Ведь теперь ты свободен. Я останусь здесь до 15-го, а потом, если только немцы не очень приблизятся, поеду на месяц в Ялту. Пожертвуй мне несколькими днями, во имя нашей дружбы.

Обнимаю тебя крепко и горжусь тем, что ты мой старый и верный друг и товарищ. Сашук».

Мой прощальный приказ по Корпусу жандармов

9 сентября высочайший приказ об отчислении моем от должности был, наконец, опубликован в правительственном вестнике, и я мог сдать должность командира корпуса. Я обратился, в тот же день, со следующим моим прощальным приказом:

Приказ по Отдельному корпусу жандармов № 290.

Подписав этот приказ, обойдя всех чинов штаба, отслужив молебен, поблагодарив всех за прекрасную дружную работу, простившись с начальником штаба, я сел последний раз в свой автомобиль и отправился на новую свою квартиру, где все уже было готово, благодаря заботам моей сестры[46].

Новая моя квартира была чудная, небольшая, уютная; так приятно было очутиться у себя, отдохнуть душой, почувствовать отсутствие всякой ответственности, удалиться от интриг.

Моя поездка в Ставку к генералу Алексееву

Сдав корпус, явившись министру князю Щербатову[47], как шефу жандармов, и сделав визиты всем числившимся в списках корпуса жандармов генералам, я поехал в Ставку, чтобы получить все нужные указания от начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Алексеева[48] по поводу моего отправления на фронт.

Алексеев меня принял очень любезно и дал мне прекрасный совет, за который я ему до сих пор страшно благодарен. Приняв во мне большое участие, Алексеев посоветовал мне проситься на фронт не в гвардию, а в армию, лучше всего в какие-нибудь сибирские части, что я там гораздо скорее и гораздо серьезнее изучу боевой строй, где будет посерьезнее, но и поделнее и где я, по своему характеру, принесу больше пользы и мне лично будет легче, т. к. я буду подальше от солнца и всяких интриг, не буду возбуждать зависти. Он долго со мной говорил и, в конце концов, тронул очень своим вниманием. Я предоставил ему выбор фронта,

он назначил меня в распоряжение главнокомандующего Западным фронтом генерала Эверта[49]. «А там дальше, — сказал он, — будет зависеть от этого последнего».

Выбор меня на новое двухлетие председателем

Императорского воздухоплавательного Общества в Москве

Заехав к моему другу Вельяминову, который жил в своем имении, недалеко от Могилева, я довольный, радостный, вернулся в Петроград, где нашел нижеследующую депешу, глубоко меня тронувшую:

«Совет Императорского московского общества воздухоплавания в сегодняшнем заседании своем, высоко ценя Ваше сердечное отношение и всегда живой интерес к делам общества, единогласно постановил просить Вас, дорогой Владимир Федорович, не отказать принять должность председателя общесва и на следующее двухлетие, и вместе с сим совет выражает Вам свое глубокое уважение, шлет вам большой поклон. Граф Муравьев».

Я ответил письмом словами благодарности за оказанную мне честь и доброе сердечное отношение.

Кончина П. Н. Дурново

11 сентября скончался П. Н. Дурново[50], бывший министр внутренних дел в 1905 году, известный лидер правого крыла Государственного Совета. Я о нем не раз писал в своих воспоминаниях. Ко мне он всегда относился весьма искренно и сердечно, хотя в отношении ведения дел в Департаменте полиции мы с ним расходились во взглядах.

Когда же меня ушли, он очень близко к сердцу принял это известие, проявив ко мне большое участие. Я не переставал бывать у него запросто, все время моей службы в Петрограде, и беседа с ним доставляла мне всегда большое удовлетворение здравостью его суждений. Это был большого государственного ума человек. Последние события его глубоко

удручали, он ничего хорошего впереди не видел, считал, что все катится по наклонной плоскости и остановить этот катящийся ком могло только какое-нибудь чудо.

Отчисление Юсупова от должности главного начальника Московского военного округа

15 сентября последовал высочайший приказ об отчислении князя Юсупова[51] от должности главного начальника Московского военного округа и назначение на его место генерала Мрозовского[52], таким образом деятельность Юсупова по Москве окончилась. Думаю, что этому отчасти способствовало сенаторское расследование, которое Крашенинников[53] вел с большой энергией. В результате расследования, I-й департамент Сената единогласно постановил назначить над бывшим московским градоначальником А. А. Адриановым предварительное следствие по ст. 341 Положения о наказаниях о бездействии власти и постановление это представить на благовоззрение государя императора. Дальнейшего хода дело не получило.

Кончина генерал-адъютанта Д. С. Арсеньева

16-го, в Царском Селе, хоронили генерал-адъютанта Арсеньева[54], бывшего воспитателя великих князей Сергея[55] и Павла Александровичей[56], а затем директора Морского училища, каковую должность Арсеньев занимал довольно продолжительное время. Я его хорошо знал, т. к. он часто бывал у великого князя Сергея Александровича и в Москве, и в Ильинском, проживая иногда неделями. Это был очень образованный человек, но производивший неприятное впечатление своей раболепностью.

Уход Самарина и князя Щербатова

20 сентября произошли новые печальные события – ушел Самарин, замененный Волжиным[57]. Ушел Щербатов, замененный

А. Н. Хвостовым[58], членом Думы, выступавшим против меня в заседании 3 августа.

Эти перемены произвели удручающее впечатление на всех, они послужили доказательством, что в честных людях не нуждаются.

Ничего хорошего все это не предвещало. Товарищем министра внутренних дел назначен был сомнительный Белецкий, командиром Корпуса жандармов – ярославский губернатор, граф Татищев[59], переименованный для сего в генерал-лейтенанты. Когда этот последний приехал ко мне, еще до выхода приказа об его назначении, счастливый и радостный, я прямо ему сказал, что не поздравляю его, т. к. его роль командира Корпуса будет довольно постыдная – ему придется быть исполнителем приказаний Белецкого, а если он попробует хоть немного противоречить компании Хвостова с Белецким, то они его также быстро уволят, как и назначили.

Он очень был смущен всем, что я ему сказал, и у него вырвались слова: «Так, значит, ты считаешь, что я просто продался за блестящее положение и содержание?» Я промолчал. Он увлекся этим положением, не думая о последствиях и, приняв эту должность, сам себя погубил ни за что.

Брюн де Сент-Ипполит[60] ушел, как я говорил уже ранее, на его место назначен был Моллов[61], прокурор Одесский судебной палаты, человек недурной, мечтавший только о карьере.

Очень все это было грустно, хотелось скорее от всего этого уехать.

Уход Самарина повлек, конечно, за собой уход Истомина[62], который, естественно, при Волжине остаться служить не мог. Волжин представлял собой слишком отрицательный тип без устоев и принципов. К счастью, Истомину удалось получить прекрасное место директора канцелярии и наместника на Кавказе, что было и для великого князя большой находкой – получить талантливого, знающего отчасти и местные условия, и прекрасного, честнейшего работника.

Поездка моя в Москву на Дворянское собрание

22 сентября в Москве открылось чрезвычайное Дворянское собрание, на которое и я получил приглашение как дворянин Московской губернии. Собрание это было созвано для выборов губернского предводителя и выборщиков в Государственный Совет[63].

Я приехал в Москву накануне, 21-го числа, и первый раз остановился не в генерал-губернаторском доме, а в гостинице «Националь». Оказалось, что в той же гостинице жили и великий князь Михаил Александрович[64] со своей женой, урожденной Шереметьевской[65]. Днем я нашел у себя записку его адъютанта[66], что великий князь приглашает меня на другой день, к завтраку.

Т.к. на другой день было открытие Дворянского собрания, то я, к сожалению, должен был извиниться перед великим князем, что не могу воспользоваться его любезным приглашением. Тогда великий князь очень любезно поручил мне передать, что просит зайти к нему около 7 часов вечера, т. к. очень хочет меня видеть.

В 7 час. я был у его высочества, который меня очень любезно встретил и сказал, что хотел непременно меня повидать, чтобы выразить глубокое сочувствие и сожаление по поводу отчисления меня от должностей, занимая кои, я принес столько пользы государю и родине, что ему очень прискорбно, что все это так произошло и, питая глубокое уважение ко мне, ему бы хотелось помочь, хотя бы чем-нибудь, что он едет в Царское Село и затем в Ставку, увидит государя и сможет ему передать все, чтобы я не понимал, что он просит меня откровенно высказать все мои желания.

Я глубоко был растроган такой добротой великого князя, при этом он смотрел на меня такими искренними честными глазами, напомнившими мне глаза Александра III[67], что я, не без волнения, поблагодарив его очень за добрые слова, сказал: «У меня, ваше высочество, нет никакой просьбы к его величеству, все, что я просил, государь уже исполнил. Я буду очень счастлив, если ваше высочество передадите его величеству мою глубокую благодарность за его милостивое разрешение ехать

на фронт, это было моим заветным желанием и оно исполнено, другой просьбы у меня нет».

Тогда великий князь спросил еще, не нуждаюсь ли я материально? Я ответил, что я получил уже пособие из сумм министерства внутренних дел, получу и полагающиеся мне подъемные, которых мне будет достаточно, в будущем же я обеспечен пенсией.

Вскоре в комнату вошла жена великого князя, я ее видел в первый раз, великий князь меня ей представил. Она мне показалась красивой, высокого роста, только неприятная какая-то морщинка у рта делала лицо ее недобрым. Она присела, предложила мне несколько ничего не значащих вопросов, потом посмотрела на часы и сказала мужу, что им пора ехать. Великий князь опять взглянул на меня своими добрыми ласковыми глазами, простился со мной, пожелав мне счастья на фронте, и сказал, что передаст брату весь наш разговор, затем прибавил, что он просит, если мне что-нибудь понадобится, сейчас же ему написать совершенно откровенно.

Я вышел от него совершенно растроганный таким незаслуженным вниманием с его стороны. На другой день, когда я вернулся из собрания, я нашел у себя на столе его визитную карточку.

22-го, к открытию Дворянского собрания, я отправился в дом дворянства, где был очень радушно встречен дворянами; сразу я почувствовал себя как бы среди близких родных.

Собрание было открыто графом Муравьевым в час дня, после чего, по предложению председательствовавшего, дворяне перешли в депутатский зал, где состоялось частное совещание. Среди дворян был и Самарин, приехавший из Петрограда, об его уходе с должности обер-прокурора официально еще не было известно.

На этом совещании, после дебатов, длившихся в течении нескольких часов, было достигнуто почти полное единение по вопросу о тексте всеподданнейшей телеграммы государю, основной мыслью которой было, что какие бы еще не суждено России претерпеть испытания,

она не должна прекращать войны до полного победного конца. Телеграмма эта была следующего содержания:

«Великий государь!

В самом начале войны, когда дерзкий враг только что бросил России свой ничем неоправдываемый вызов, Вы торжественно заявили, что война не будет прекращена, пока в пределах родной земли останется хотя бы один неприятельский воин. В недавние дни и при обстоятельствах, неблагоприятно сложившихся для России, вы признали своевременным еще раз, с тою же определенностью, заявить о своей непреложной воле довести войну до победного конца.

Чувством мужественной радости и твердой решимости отозвались эти слова ваши в сердцах московского дворянства, заодно со всею Россией.

Да, государь, какие бы еще не суждено было России претерпеть испытания, она не вложит свой меч в ножны, пока в конец не истощит врага своей необъятной силой.

Одно лишь приведет Россию к победе – это непоколебимая вера в свое высокое призвание и в те великие духовные начала, которым русский народ должен служить. В этой вере, по примеру нашего православного воинства, пусть черпают силы все русские люди.

Забыв все внутренние распри, отложив на время заботу о каких-либо коренных государственных преобразованиях, во многом без сомнений, необходимых, но теперь несвоевременных, весь русский народ должен слиться для общей дружной работы во имя единой цели – победы над врагом.

Но это народное единение было бы неполно и малоуспешно, если бы оно не встретило поддержки и содействия со стороны власти. Верная и преданная православной Церкви, свободная от всяких пагубных влияний и соблазнов, твердая, сильная своим внутренним единством и быстрая в своих действиях государственная власть должна создавать такие условия, которыми устранялись бы всякие справедливые поводы

для общественного недовольства и народных волнений и облегчалась бы непрерывная, одушевленная любовью к Родине, работа народных сил.

Такова наша мысль, государь.

И мы верим, что это единение осуществится и что недалек уже тот светлый день, когда доблестное воинство русское, ныне под верховным водительством вашего величества, столь мужественно отстаивающее каждую пядь родной земли, с помощью Божией, сломит упорного врага и заставит его сложить оружие перед русским царем и его верными союзниками».

В пятом часу дня и.о. губернского предводителя, московский уездный князь В. В. Голицын^[68], открывая собрание, прочел по поручению депутатского собрания выработанный вышеуказанный текст всеподданнейшей телеграммы, встреченный долгими громкими аплодисментами и криками «ура». Резолюция была принята единогласно, после чего собрание перешло к рассмотрению ряда докладов: об учреждении лазарета и госпиталя московского дворянства, с кратким отчетом о деятельности их, о деятельности общедворянской организации, об исходатайствовании беспроцентной ссуды на покрытие расходов этой организации для дальнейшей ее деятельности в размере 1 млн руб. и, наконец, по вопросам, связанным с оставлением А. Д. Самариним должности губернского предводителя.

Перед началом рассмотрения этого доклада А. Д. Самарин оставил, на время, зал собрания. Прежде всего председательствовавший князь Голицын доложил, что в виду исключительных условий переживаемого времени весьма важно иметь избранного губернского предводителя дворянства, а не временно исполняющего его должность, и т. к. Высочайшее соизволение на производство выборов до конца текущего трехлетия последовало, то предложил собранию произвести выборы двух кандидатов на эту должность, что и было единогласно принято всеми дворянами.

Затем, перейдя к вопросу об ознаменовании деятельности А. Д. Самарина, собрание, по предложению графа С. Д. Шереметева^[69],

постановило возбудить в установленном порядке ходатайство об изменении § 13 устава института московского дворянства включением в состав правления его вторым пожизненным платным членом (первым состоял граф С. Д. Шереметев) А. Д. Самарина. Затем собрание постановило поместить портрет А. Д. Самарина в залах собрания и поручить собранию предводителей и депутатов дворянства представить ближайшему очередному губернскому дворянскому собранию доклад о способах выражения московским дворянством благодарности А. Д. Самарину за его плодотворную деятельность на пользу дворянства.

Вошедшему в этот момент обратно в зал собрания А. Д. Самарину присутствующие устроили шумную овацию.

А. Д. Самарин ответил следующими словами:

«Низко кланяюсь московскому дворянству и сердечно благодарю за то внимание, которое оно мне оказало. Оказанное внимание много выше моих заслуг. Мне отрадно видеть эти видимые знаки внимания, но еще отраднее чувствовать ту духовную связь, которая существует между мною и московским дворянством. Сознание этой связи всегда давало мне силы к работе, теперь же эта связь даст мне силы нести мою новую службу государю, которую я буду нести как верноподданный не за страх, а за совесть».

Речь А. Д. Самарина была покрыта громкими аплодисментами. По рассмотрении докладов состоялся перерыв, после чего собрание приступило к выборам. Было уже 7 часов вечера.

Прежде всего, выбраны были в дворянскую опеку А. Т. Обухов^[70] и Н. А. Осетров^[71], затем приступили к подаче записок для определения кандидатов в выборщики членов Государственного Совета. Когда все стали вписывать в записки своих кандидатов, я услышал свою фамилию, тем не менее, я был очень далек от мысли, что моя кандидатура в Государственный Совет, как некоренного дворянина Московской губернии, возможна, но все же я несколько взволновался. Когда же, по данным запискам, начали читать фамилии, мое волнение росло все больше и больше – в результате я получил 120 записок, граф

П. С. Шереметев[72] – 112, Базилевский[73] – 20 и затем немногие голоса получили ряд других лиц.

Как только окончился подсчет записок, я услышал голос князя Голицына, обращенный ко мне: «Не угодно ли вам баллотироваться?»

Страшно взволнованный, я вышел из рядов дворян – гром аплодисментов раздался в зале, принявший вид грандиозной манифестации. Меня это еще более смутило.

Я был до слез тронут таким отношением, но понимал отлично, что дворяне хотели этим подчеркнуть сочувствие по моему адресу вследствие отчисления моего от должностей, и мне было несколько неприятно быть предметом демонстрации. Я боялся, как бы это не было учтено государем как выражение протеста и не возбудило недовольства к московскому дворянству.

Когда наступила тишина, я обратился к собранию со следующими словами:

«От всей души благодарю московское дворянство за оказанную мне высокую честь баллотироваться в выборщики Государственного Совета. Такое внимание московского дворянства трогает меня до глубины души, особенно в настоящий момент, и, особенно, ввиду сердечной связи моей с московским дворянством. Сердечное отношение ко мне дворянства еще недавно выразилось в чествовании меня при оставлении мною должности московского губернатора и в занесении моего имени в родословную книгу московского дворянства. Настоящее предложение доказывает, что за время моей службы в Петрограде связь эта не порвалась. Примите от меня самую душевную благодарность и мой низкий поклон за внимание ко мне, проявленное в такую минуту и доставившее мне такую радость. Этот день будет одним из самых отрадных в моей жизни. И я всегда буду ценить расположение ваше ко мне».

Аплодисменты прервали на этом мою речь. Когда опять все смолкло, я продолжал:

«Но мне все-таки приходится отказаться от чести выполнить волю московского дворянства. Я не считаю себя вправе баллотироваться. С высочайшего соизволения, я назначен уже на Западный фронт и, при всем желании, я не мог бы даже выполнить обязанности выборщика в Государственный Совет. Но, отправляясь в Действующую армию, я всегда с особенной отрадой буду вспоминать сегодняшний день, и на поле брани буду стараться оказаться достойным той высокой чести, которую вы сегодня мне оказали».

Зал огласили криками: «Просим, просим, просим».

Я опять стал отказываться, говоря, что в виду скорого отъезда, даже обязанностей выборщика я не смогу выполнить.

Но зал не унимался, голоса «просим, просим» продолжали раздаваться еще с большей силой, среди этих голосов выступил П. А. Тучков^[74], заявляя, что члены Государственного Совета избираются на девять лет, что будет еще много времени для исполнения мною этих обязанностей, если меня выберут.

Наконец, видя настойчивость собрания, мне стало казаться уже неприличным отказываться, и я дал свое согласие. Гром аплодисментов раздался в зале.

Граф П. С. Шереметев тоже согласился баллотироваться, остальные отказались.

При баллотировке шарами я получил 173 голоса против 24-х, граф Шереметев 160 против 37.

Когда умолкли вновь раздавшиеся аплодисменты, я от всего сердца поблагодарил еще раз московских дворян и попросил меня извинить, если бы обстоятельства военного времени не дали бы мне возможности присутствовать на окончательных выборах в Государственный Совет.

Затем было приступлено к выборам кандидатов губернского предводителя дворянства.

По традиции князь В. В. Голицын сделал предложение баллотироваться всем бывшим предводителям, обратился он

и к А. Д. Самарину. Когда только произнесено было его имя, бурные аплодисменты раздались в зале, он пытался начать говорить, но аплодисменты гремели долго, не давая ему этой возможности.

Наконец когда немного затихло, он, видимо растроганный, сердечно благодарил собрание и произнес твердым голосом: «В должности, которую я ныне занимаю, по закону не допускается совместительства».

После него П. А. Базилевский на предложенный вопрос отвечал, что он горячо благодарит дворянство за оказанную ему честь. «Всецело разделяя те взгляды и мысли, которые были выражены дворянством в прочитанной сегодня всеподданнейшей телеграмме, – говорил П. А. Базилевский, – считаю возможным согласиться на баллотировку. Я ясно сознаю тяжесть задачи, которую предлагают возложить на меня, но в переживаемое время никто не может отказаться от общественной работы, которая считается необходимой и полезной».

При баллотировке П. А. Базилевский был избран кандидатом на должность губернского предводителя дворянства 161 избирательным шаром против 36 неизбирательных. Объявление результатов выборов встречено было долгими аплодисментами.

По избрании П. А. Базилевского, дворянам предложено было разойтись по уездным столам и наметить второго кандидата на должность губернского предводителя, за отказом баллотироваться всех опрошенных лиц.

После совещания за уездными столами председателем было заявлено, что дворяне решили просить серпуховского предводителя дворянства П. А. Янова[75] баллотироваться в кандидаты на должность губернского предводителя. П. А. Янов дал согласие на баллотировку и был избран вторым кандидатом большинством 141 голоса против 56-ти.

Чрезвычайное губернское дворянское собрание объявлено было закрытым.

Статья члена Думы кадета Маклакова в Русских Ведомостях

В конце сентября в «Русских ведомостях»[\[76\]](#) в Москве появилась статья известного кадета, члена Думы В. А. Маклакова[\[77\]](#), под заглавием «Трагическое положение», привожу ее как очень смелую и отчасти соответствующую переживаемому тогда моменту:

Мой отъезд в отпуск для лечения болезни в Кисловодск и поездка в Тифлис

Через два дня, по возвращении в Петроград, я отправился в в разрешенный мне отпуск для лечения в Кисловодск. Я решил сначала проехать в г. Тифлис на несколько дней к брату[\[78\]](#)[\[79\]](#), хотел побыть немного с ним перед отъездом на фронт, а кроме того повидать и великого князя Николая Николаевича.

До Ростова я ехал с моим верным Сенько-Поповским[\[80\]](#) и наслаждался отдыхом в вагоне, вне всяких обязательств и ответственности. Только в некоторых городах губернаторы, по старой памяти, выезжали меня приветствовать, да чины Корпуса жандармов. Но так было приятно сознание, что не надо было с ними говорить о служебных делах. Последние везде трогательно меня встречали.

В Беслане меня встретил начальник Владикавказского жандармского управления[\[81\]](#)[\[82\]](#) со своим вагоном и просил меня доехать в нем до Владикавказа и отобедать у него. Пришлось на это согласиться, к обеду были приглашены и другие офицеры, и меня трогательно чествовали. Но, благодаря этому, я выехал из Владикавказа только в 6 час. вечера, было уже темно и лил дождь. Автомобиль за мной был прислан из Тифлиса, по приказанию великого князя. Это была чудная 100 сильная машина Бенца[\[83\]](#), шофер удивительно хорошо и осторожно правил, т. к. ехать было по Военно-Грузинской дороге трудно и опасно, под дождем и еще в темноту.

Чтобы не приехать к брату ночью, я переночевал в Пассанауре, в гостинице «Франция», очень чистой и опрятной. В Тифлисе я был в 9 утра, застал брата плохого вида; как раз перед моим приездом у него было два припадка, по-видимому, грудной жабы. В тот же день я был приглашен к великому князю, к 12 час. дня. Встретил он меня как родного, поцеловал, расспрашивал обо всем и рассказывал о своих первых впечатлениях от Кавказа.

В час дня пришли доложить, что завтрак подан, и великий князь пригласил меня в столовую, где я увидел великую княгиню Анастасию Николаевну^[84], радостно нас встретившую. Тут же был Орлов и адъютанты великого князя, все знакомые. После завтрака я проехал с Орловым к нему, он мне рассказал очень много интересного про Кавказ, о том, как везде принимают великого князя, с каким радушием, какое он производит хорошее впечатление. Затем разговор перешел на назначения, и Орлов мне заявил, что имеет полномочие великого князя позондировать меня, не приму ли я должность помощника наместника по гражданской части, т. к. великий князь не видит никого кроме меня, кто бы мог заменить Петерсона^[85]. Я ответил Орлову, что я совершенно не чувствую себя способным в настоящее время принять какую-либо должность, что я не в силах отказаться от принятого желания — ехать на фронт; кроме того служить по министерству внутренних дел, хотя бы и под защитой великого князя, при наличии Хвостова и Белецкого мне немыслимо, а кроме того, мне кажется, что одно мое присутствие в Тифлисе в то время могло бы только внести осложнения, а не облегчить великому князю его положение. Затем я говорил с Орловым по поводу кандидатур Истомина и Сенько-Поповского, кандидатура первого была уже решена, а о назначении второго вице-губернатором Орлов обещал оказать содействие.

На другой день я опять завтракал у великого князя, а затем он меня еще раз пригласил вечером, чтобы специально поговорить о делах.

За этой беседой окончательно решилось назначение Истомина директором канцелярии и тут же мною была составлена шифрованная

депеша, которую подписал Орлов. Я был ужасно счастлив назначению Истомина. Великий князь тут вновь возбудил – не пожелал ли бы я принять должность начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска, но я опять, по тем же причинам, кои высказал Орлову, должен был отклонить это назначение, которое в мирное время я бы принял с полной готовностью. При прощании великий князь отнесся ко мне как к родному, ласково простился со мной, обнял, поцеловал и благословил меня, приказав мне предоставить автомобиль для обратного проезда по Военно-Грузинской дороге.

Очень мне было грустно расстаться с моим братом, здоровье которого внушало серьезное опасение. Четыре дня, проведенные в Тифлисе, прошли незаметно, все свое свободное время я старался проводить с ним. Прощаясь, у меня было жуткое чувство, что я с ним больше не увижусь, но обстоятельства сложились так, что я смог еще раз побывать в Тифлисе по окончании моего лечения в Кисловодске.

Из Тифлиса я выехал на той же чудной машине, на которой совершил уже путь по Военно-Грузинской дороге.

Начальник почтово-телеграфного округа[\[86\]](#)[\[87\]](#) предупредил меня, что в горах сильная метель, но я решил все же ехать и выехал в 3 часа дня, чтобы поспеть во Владикавказ на 12 час. ночной поезд.

Со мной поехал племянник моего брата по жене Кравченко проводить до Владикавказа.

Дождя не было, и мы отлично доехали до Млеть, но приехали туда уже в сумерки. Стали подниматься на Гудоур, кругом все горы были уже покрыты сплошь снегом, было как-то таинственно, жутко.

Не доезжая верст 6-ти до Гудоура начал идти снег, чем дальше, тем все сильнее и сильнее. Все же до Гудоура добрались хорошо. Здесь нас остановили, заявив, что дальше проезда нет, что на Гудоуре стоят 6 автомобилей, не могущие пробиться, что на перевале сильнейшая вьюга. Я, как не останавливавшийся ни перед чем, хотел все же испытать, может быть, проберусь, ведь до перевала оставалось только шесть верст

в гору, а затем под гору уже пустыки, тем более шофер уверял, что 100 сильная машина везде пройдет.

Начальник станции, видя мою непреклонность, все же не решился меня так отпустить, а послал вперед, на всякий случай, 4 пары волов и 15 солдат с факелами. Двинулись в путь, первые две версты, хотя и по глубокому снегу, проехали тихо, но хорошо, тут был поворот, как только повернули, сразу попали в сугроб и страшнейшую метель.

Ветер завывал кругом, крутил, факела горели на темном небосклоне, их рвало немилосердно, стали впрягать волов, картина была фееричная, но жуткая, я надел башлык, закутался буркой, автомобиль сам двигаться уже не мог, его заносило снегом все больше и больше, а вправо шагах в 4–5 зияющая пропасть, которую, к счастью, не было видно из-за темноты, слева высокая стена. Наконец запрягли волов, они рванули, автомобиль двинулся, солдаты шли впереди, очищая дорогу, двигались черепашьям шагом, зад автомобиля то скатывался влево, то вправо, шофер мастерски управлял машиной. Так мы тащились версты две, снегу все прибавлялось, выюга не давала расчищать дорогу, солдаты выбивались из сил, факелы начинали гаснуть, ветер крутил и среди этого завывания ветра раздавались крики погонщиков, удары хлыстом. Жуть брала, не хотелось отступать. Наконец пришлось сознать, что мы не доедем, хотя до перевала оставалась только верста, но там, на открытом месте, ветер, конечно, должен был бы быть еще сильнее и мог бы сбросить машину в пропасть. Надо было вернуться, но для этого надо было повернуть машину. Это было опасно, т. к. она могла соскользнуть в пропасть, но нечего делать, надо было. Солдаты взялись за автомобиль и буквально на руках после долгих усилий повернули машину. Как только повернули, стало легче, ветер был в спину, двинулись под гору, скоро могли двигаться уже без быков и благополучно добрались до Гудоура, а т. к. там ночевать нигде нельзя было, поехали вниз в Млеты. Там было тихо, снегу не было. Переночевав, я запросил ст. Гудоура по телефону – кончилась ли метель и, получив утвердительный ответ, двинулся в путь. По всему пути рабочие уже расчищали дорогу. Было чудное утро, солнце светило ярко и красиво

освещало горы, сплошь покрытые снегом. Уже без помощи быков, но все же с большими усилиями добрались мы до перевала. Когда при дневном освещении мы проезжали по тому месту, где ночью поднимались с таким трудом, прямо не верилось, что мы сделали эти 4 версты в темноту в нескольких шагах от пропасти.

Все другие автомобили, которые мы перегоняли, двигались при помощи быков, только наша 100 сильная машина шла сама. Спускаясь к Коби в одном месте и она застряла в снегу, и только при помощи лошадей, которые встретились нам, мы могли вытащить машину. Проехав Коби, снегу уже не было, и в 3 часа дня мы были во Владикавказе. Я нисколько не раскаивался, что рискнул проехать через перевал в такую метель – впечатление, полученное от этого, было такое исключительно грандиозное, которое на всю жизнь осталось у меня в памяти.

Во Владикавказе для меня был уже готов вагон начальника управления, который мне любезно был предоставлен до самого Кисловодска.

На 2 часа ночи я был уже в своем номере лучшего пансиона этого курорта, у Ганешина[\[88\]](#).

В Кисловодске я хотел пробыть до 19 октября, проделав аккуратно целый курс лечения, но, получив тревожные вести о здоровье брата, решил проехать к нему перед возвращением в Петроград, тем более, что и моя сестра[\[89\]](#) выехала из Петрограда к нему. Мы встретились с ней на ст. Минеральные воды и по Военно-Грузинской дороге на автомобиле проехали в Тифлис, где пробыли два дня, после чего вернулись прямо в Петроград.

Я был очень рад еще раз повидать брата перед отъездом и побыть у него вместе с сестрой, ему стало несколько лучше, когда мы приехали к нему, наш приезд его очень обрадовал и ободрил. Все время, что мы провели в Тифлисе, мы не покидали его, только один раз, все это время, мы завтракали у великого князя. Это было последнее свидание мое с братом, через год его не стало.

Приехав в Петроград, я стал собираться к отъезду на фронт, оставалось всего 10 дней до отъезда.

В это время в Петроград, на 23-е число, был назначен съезд выборщиков от дворянских обществ для избрания шести членов Государственного Совета от дворянства на десятилетие 1915–1924 и одного сроком по 1921 г. Я, как выборщик, получил об этом извещение от московского губернатора.

Всего было 82 выборщика от 41 дворянской губернии, из них и предстояло избрать 6 человек. Когда я приехал в Петроград, то нашел у себя приглашение от группы правых выборщиков на совещание в дом Петроградского дворянского собрания на 21 октября в 9 час. веч. и 22 октября в 2 часа дня, а также и от Петроградского губернского предводителя дворянства С. М. Сомова[\[90\]](#) на чашку чая накануне съезда, в 9 час. веч.

На совещании группы правых, которые среди выборщиков, были в значительном числе, выступал, главным образом, Марков 2-й[\[91\]](#) и был, надо отдать ему справедливость, вполне корректен и сдержан, совещание имело целью наметить кандидатов, которых и держаться при выборах, дабы голоса не раскидывались; никаких страстных дебатов не было, все проходило вполне гладко.

Между прочим, было решено, что во всяком случае обязательно должен быть проведен один из кандидатов московского дворянства, т. е. Шереметев или я. Это было принято единогласно, конечно, без нашего участия. Когда это было принято, я просил не считать меня кандидатом, т. к. я еду на фронт и потому лишен буду возможности посещать заседания Государственного Совета, если б выбор пал на меня.

Это, по-видимому, произвело хорошее впечатление на всех присутствовавших, и кандидатура графа Шереметева была принята всей группой.

23-го состоялись выборы, среди избранных прошел весь список, намеченный правой группой.

Этими выборами окончились последние мои общественные обязательства, я мог с этого дня посвятить себя всецело сборам на войну. Надо было обзавестись многим. Верховую лошадь мне удалось получить очень хорошую, с разрешения военного министра, из ремонта московского жандармского дивизиона, она мне прослужила верой и правдой в течение всей кампании. Затем из Оренбурга мне посчастливилось выписать очень хорошую пару выносливых лошадей для своего обоза; двуколку-экипаж в Петрограде в военной мастерской, она была очень удобная, на рессорах, вроде тех, кои служили для перевозки раненых. Затем следовали разные походные вещи и снаряжения. К концу октября все было готово, отъезд мой был назначен на 31-ое октября.

Отслужив молебен, простившись со всеми моими близкими, я покинул свою уютную квартиру на Каменноостровском проспекте и с сестрой и племянницей Н. Н. Шебашевой^[92] отправился на Царскосельский вокзал, где благодаря любезности правления Московско-Виндавской ж.д. меня ждали два вагона и платформа, прицепленные к скорому поезду – один вагон для меня, другой для лошадей, фуража и багажа, платформа для одноколки. Меня сопровождал мой верный слуга Петр Ткаченко^[93] и два вестовых, командированные распоряжением Главного управления Генерального штаба из петроградского жандармского дивизиона с переводом в ту часть, в которую я буду назначен.

На вокзале собрались все мои родные и близкие. Чины корпуса жандармов, представители Департамента полиции, к моему большому удивлению, отсутствовали – там царил уже дух Белецкого, и мне было бы неприятно с ними встретиться. Кто меня особенно тронул – это офицеры запасного батальона Преображенского полка, приехавшие меня проводить в полном составе, и поднесшие мне небольшой складень с изображением Георгия Победоносца для ношения на цепочке на шее, перед этим за несколько дней депутация жен и семей преображенцев поднесли мне чудный складень с изображением Преображения Господня,

Богородицы и Нерукотворенного Спаса с выгравированными фамилиями всех, в числе 47, с надписью «Да не смущается сердце Ваше».

Больно было очень расставаться со всеми близкими дорогими, они все были тут, на вокзале.

Раздался третий звонок, поезд тронулся, и я долго не мог забыть взволнованные лица всех меня провожавших.

Сестра моя, племянница, мой близкий дорогой друг Н. В. Евреинова и Сенько-Поповский – этот также дорогой, неоценимый и преданный мне друг, принимавший так близко к сердцу все касавшееся меня, провожали меня до Царского Села.

Мы сидели почти молча эти полчаса, пока поезд шел это расстояние, было грустно на душе от мысли, что сейчас мы расстанемся, но на сердце было спокойно и даже радостно от сознания, что я еду туда, где решается судьба России, что и на мою долю выпало счастье разделить боевую страду со всеми защитниками Родины.

Мой отъезд на фронт[94]

31-го октября я выехал из Петрограда в Минск во исполнение депеши дежурного генерала штаба Верховного главнокомандующего:

«Вследствие воспоследования высочайшего соизволения отбытия Вас в действующую армию, начальник штаба одновременно указал сообщить это главнокомандующему Западным фронтом, в распоряжение которого Вам надлежит отправиться.

Кондзеровский[95]».

Расставшись со своими в Царском Селе, я долго еще смотрел из окна вагона по тому направлению, где я оставил своих близких. Затем, напившись чаю, лег спать. Сначала долго не мог уснуть, очень уже нервы были натянуты от переутомления и всего пережитого. Все же усталость взяла свое, и я крепко уснул, проспал до 10 утра, поезд стоял в Ново-Сокольниках. В 12 час. позавтракал в вагоне ресторане и скоро после этого поезд подошел к Витебску. Здесь меня любезно, по старой памяти,

встретили губернатор Арцымович[96] и начальник губернского жандармского управления Шульц[97] со своими офицерами. Поговорив с ними и очень поблагодарив за такое внимание, двинулся с поездом далее.

Скоро доехали до Орши, где я страшно обрадовался, увидев могилевского губернатора Пильца[98], В. П. Никольского, моего бывшего начальника штаба и моего друга Вельяминова. Они приехали из Могилева на автомобиле, чтобы меня повидать. В Орше мне предстояло ждать до вечера, поэтому можно было спокойно посидеть в вагоне с ними и поговорить. Мы обедали вместе, и они просидели у меня до 9 часов. Никольский мне рассказал, что Хвостов (министр внутренних дел) приезжал в Ставку к Фредериксу, прося его доложить государю, что я ездил в Тифлис к великому князю Николаю Николаевичу специально, чтобы проситься в помощники наместника и что этого допустить нельзя, т. к. такого рода соединение великого князя со мною может иметь пагубные последствия. К счастью, Дрентельн был в курсе дел и мог сообщить как раз обратное.

В 9 часов я их проводил до автомобиля, простился с ними и вернулся в свой вагон, скоро пришел почтовый поезд из Москвы, захватил и мои вагоны. Я лег спать и проснулся верст за 50 до Минска. Меня поразила царившая пустота на станциях, редкие поезда после того необычайного движения, которое было еще так недавно при последней моей поездке в августе месяце. До Минска ходил только пассажирский поезд в сутки, а до Погорелец только воинские. Это была последняя станция. Барановичи входили в нейтральную зону. За Барановичами сейчас же были уже немцы.

Приезд в Минск. Генерал Эверт

В Минск я приехал в 10 час. утра, на вокзале приехали меня встретить губернатор Гирс[99], чины корпуса жандармов, полицеймейстер[100][101] и еще несколько лиц. Эти все встречи были так трогательны, что я не мог не чувствовать волнения. С вокзала я вместе

с губернатором проехал прямо к Эверту – главнокомандующему Западным фронтом. Он меня принял более чем радушно и ласково, выразил радость моему прибытию, сказал, что сейчас же узнает, где имеются свободные бригады, чтобы сразу меня назначить командиром одной из них. Когда я начал говорить, что я бы хотел раньше осмотреться и поучиться, что я в строю прослужил мало и давно, он мне сказал, что все это пустяки, что у меня жизненного опыта много и я сумею всегда ориентироваться во всем, и считает, что на штатной должности я скорее привыкну к обстановке.

Оказались две вакантные бригады в 65-й и 68-й дивизиях. Генерал Эверт предложил мне самому выбрать одну из этих вакансий, сказал мне, чтобы я подумал и пришел к обеду к 2 часам с ответом. От него я пошел к начальнику штаба генералу Квещинскому[\[102\]](#) и к генерал-квартирмейстеру[\[103\]\[104\]](#) – это были для меня совершенно новые люди, но у них я встретил ту же любезность и предупредительность. До них до всех дошли слухи о причине моей опалы, и это как-то возвышало меня в их глазах. Из разговора с ними я пришел к заключению, что лучше остановиться на 68-й дивизии, которой тогда командовал Апухтин[\[105\]](#), эта дивизия была во 2-й армии, а 65-я в 10-й армии. Обе дивизии были второочередные, бывшие в больших передрягах, поэтому обе одинаково могли быть неприятны. Важно было, кто начальник дивизии. Я же ни того ни другого не знал, а об Апухтине хорошего слышал мало. Но я все же остановился на нем и, придя к Эверту к обеду, сообщил ему свой выбор. Он велел сейчас же заготовить приказ.

После обеда я отправился к командующему 2-й армией генералу Смирнову[\[106\]](#), он и его штаб помещались у губернатора в доме. Я застал его за раскладыванием пасьянса, это был добродушнейший, милейший старичок, он меня принял удивительно просто, любезно. Но когда я ему сказал, что назначен бригадным командиром в 68-ю дивизию, то мне показалось, что этому он не посочувствовал, а Гирсу он потом высказал свои сомнения на счет Апухтина, обладавшего весьма неуравновешенным характером. Тогда я отправился к начальнику штаба фронта высказать свои сомнения. Тот отнесся весьма к этому внимательно и посоветовал

обратиться за разъяснением к начальникам штабов 2-й и 10-й армий, штаб которой тоже находился в Минске, которые должны были знать хорошо Апухтина. В результате этих переговоров я явился опять к Эверту и попросил его переменить бригаду и дать ее мне в 65 дивизии, на что Эверт любезно согласился.

Тогда я уже пошел к начальнику штаба 10-й армии[\[107\]](#)[\[108\]](#), в составе коей находилась 65-я дивизия, чтобы явиться ему и доложить о решении главнокомандующего. Выслушав меня, он мне сказал, что не хотелось бы мне давать бригаду в 65-й дивизии, что там очень молодой начальник дивизии[\[109\]](#)[\[110\]](#), не успевший сколотить ее, что дивизия не устойчивая, а что им бы хотелось дать мне бригаду в твердой надежной дивизии в 3-м Сибирском корпусе, а именно в 8-й Сибирской дивизии, где и начальник дивизии[\[111\]](#)[\[112\]](#) очень опытный и знающий свою дивизию досконально и что под руководством такого серьезного боевого генерала я быстро свыкнусь с боевой обстановкой, что вакансия в этой дивизии должна открыться в течение месяца. Мне это, конечно, весьма улыбнулось, я очень поблагодарил начальника штаба за его такую предупредительность и решил опять побеспокоить Эверта, хотя мне это было ужасно совестно, но дело было слишком серьезное.

К счастью, мне не пришлось даже потревожить Эверта; еду к нему, я его встретил выходящим от генерала Смирнова, подошел к нему и [передал] весь разговор мой с начальником штаба 10-й армии. Эверт очень любезно отнесся к этому, пожалел только, что я не сразу попаду в бригадные командиры.

Переночевав в своем вагоне, я на другой день получил уже от штаба фронта следующее предписание:

«Главкомандующий приказал командировать Вас в распоряжение командующего 10-й армией на предмет прикомандирования к одной из пехотных дивизий, для изучения боевого строя.

Для исполнения сего Вам надлежит отправиться в штаб 10-й армии и явиться к генералу от инфантерии Радкевичу[\[113\]](#).

Об отбытии донесите».

Отъезд к месту назначения в штаб

8-й Сибирской стрелковой дивизии

С этим предписанием я и явился к Радкевичу – это был уже старик, сибиряк, с несколько суровым видом, но это не помешало ему чисто по-отечески обласкать меня. Я вышел от него совсем растроганный, получив предписание от штаба его армии отправиться в распоряжение командира 3-го Сибирского армейского корпуса[\[114\]](#)[\[115\]](#) для прикомандирования к 8-й Сибирской стрелковой дивизии, при этом я получил и секретную подробную карту с нанесенным на ней расположением всех частей 3-го Сибирского корпуса. Обедал я в тот день у генерала Смирнова, который выразил сожаление, что я не буду служить у него в армии, но в 68-ю дивизию к Апухтину ему было бы жутко меня отпустить.

Я так устал за этот день от пережитого и массы впечатлений, что рад был вернуться в свой вагон и лечь спать. Спал как убитый. В 11 ч. вечера мой вагон перевели на Либаво-Роменскую жел. дор. и прицепили к какому-то поезду, когда я уже спал. Проснулся я на ст. Молодечно, был солнечный день. Молодечно – это была последняя станция, дальше до Залесья ходили только этапные поезда, обслуживаемые железнодорожным батальоном, к одному из них и прицепили мои вагоны и через час я уже был на ст. Пруды – откуда до штаба корпуса, куда я должен был явиться, оставалось всего 5 верст.

Пруды была крошечная станция, кругом полная тишина, населения не было видно никакого, природа более чем унылая. На станции стоял небольшой передовой отряд, сооруженный на средства крестьян Пермской губернии, и на путях питательный пункт Красного Креста, устроенный Пуришкевичем[\[116\]](#), где я и пообедал. Устроен он был прекрасно в нескольких вагонах, заведовала очень милая сестра милосердия. Мне дали отличный суп с зеленью и рисом с большим куском мяса и на второе котлету с гречневой кашей.

Я приехал на ст. Пруды в 11 часов и хотел в тот же день проехать к командиру 3-го Сибирского армейского корпуса, потом вернуться, чтобы на другой день отправиться уже в свою дивизию. Приказав оседлать верховую лошадь, одевшись в установленную форму, захватив с собой документы и выданную мне штабом армии карту с обозначенным на ней расположением войск, я сел на лошадь и выехал по направлению к штабу корпуса, следя по карте. К лошади своей я еще не привык, т. к. только один раз попробовал ее в Москве в манеже. Она шла очень беспокойно, пугаясь каждой лужи, куста, камней, заборов... Это было очень неприятно, но я понемногу свыкся с этим. Происходило это от того, что лошадь привыкла к городу, а в поле терялась.

Проехав дер. Заполяты, я по карте наметил проселочную дорогу на Марково (стоянка штаба корпуса) и поехал по этому направлению, но вскоре дорога стала пропадать, и я попал в болото, попробовал объехать, нашел тропинку, но опять болото, так я бился, кругом ни души, потерял всякие следы. Хотел проверить по карте, опустил руку в карман и вдруг, ужас! Карты нет. Первый дебют – потерял карту с дислокацией войск. Впал в отчаяние, что делать? Как я ее выронил, я понять не мог. Пришлось возвращаться тем же путем. Я слез с лошади, повел ее в поводу, вглядываясь в дорогу и по сторонам. Нигде ничего. Как я явлюсь к командиру корпуса? Начальнику дивизии? Потерял секретную карту. Скрыть же – это было бы еще большим преступлением. Плутал я часа два, наконец, стало уже темнеть, я решил ехать обратно на ст. Пруды, потеряв надежду отыскать карту. Подъезжая уже к дер. Заполяты, вдруг вижу полотняный портфельчик с картой на дороге. Вот уже действительно счастье. Я ужасно обрадовался и поблагодарил Бога за его милость. В штаб корпуса было уже поздно ехать, я вернулся на станцию, чтобы переночевать в вагоне и на другой день уже выехать прямо в дивизию, заехав к командиру корпуса.

Проснувшись на другой день, я был поражен – все было покрыто снегом, который не переставал идти, было что-то похожее на вьюгу.

Напившись кофе, я сел на лошадь и вместе со своим обозом двинулся в путь. Шел снег, который таял, ветер завывал, ехать было трудно. У меня оказалась такая уйма вещей, что они не поместились на мою двуколку; пришлось просить еще одну повозку в Красном Кресте. Кроме своих личных вещей, у меня было еще три тюка теплых вещей для нижних чинов и много табаку.

Тем не менее моя повозка, запряженная парой, двигалась с трудом, дорога была убийственная, колеи по ось, глина, горы, одним словом, прямо мучение. У дер. Хомутичи я покинул свой обоз, который пошел прямо в Каскевичи – расположение штаба дивизии, а сам я поехал к командиру корпуса. Припустив лошадь рысью, я быстро доехал до деревни, где была стоянка штаба корпуса. Генерал Трофимов знал уже о моем назначении и поджидал меня, принял очень любезно, пригласил отобедать с ним. Мы обедали втроем – Трофимов, его сын и я. Обед был дивный, вареное мясо, щи с чудными блинчиками-пирожками, котлеты «деволяй» и кофейный крем. Вино – красное и коньяк. После завтрака я прошел к начальнику штаба [\[117\]](#)[\[118\]](#) познакомиться и поговорить с ним, после чего, получив предписание явиться к начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии, зашел откланяться к генералу Трофимову, который пошел меня проводить. Увидев, что я приехал без конвоя и даже без вестового, он пришел прямо в ужас, приказал немедленно нарядить двух казаков его конвоя для моего сопровождения.

От штаба корпуса до штаба дивизии было 9 верст по ужасающей дороге. Начальника дивизии не было, он был в командировке, его заменял бригадный командир генерал Романов [\[119\]](#). Штаб стоял в небольшом имении Каскевичи, расположен был в усадьбе и надворных постройках, хорошо сохранившихся. От передовых окопов было всего 4 версты, так что немецкие снаряды могли свободно долетать до нашего расположения. С большим волнением подъезжал я к совершенно для меня новому необычному месту служения.

Приезд к месту назначения

Меня ждали, т. к. мои вестовые с вещами уже приехали. Чины штаба жили тесновато, так что меня поместили в одной комнате с генералом Мещериновым[120] – командиром 8-й Сибирской артиллерийской бригады, я знал хорошо его братьев-преображенцев[121][122], и потому он был мне не совсем чужой.

Временно командовавший дивизией генерал Романов встретил меня любезно, он представлял собой тип самого заурядного генерала, не увлекавшегося службой и отдававшего ей как говорится «le chose nécessaire»[123], не больше. Начальником штаба был подполковник Радзин[124], эстонец, очень милый человек, отлично знавший службу и высокой степени честный и добросовестный. Я с ним очень скоро сблизился и впоследствии сглаживал происходившие зачастую недоразумения между ним и не всегда сдержанным начальником дивизии. Кроме них и Мещеринова при штабе состояло еще 9 человек, все мне показались очень милыми симпатичными людьми.

Мещеринов оказался приятным и весьма покладистым соседом, так что мы друг друга совсем не стесняли. Я устроился в отведенной мне половине комнаты со всеми удобствами, установил свою кровать и привезенную складную мебель, расставил свои вещи и у меня вышел очень уютный уголок. За ужином, который был в 8 часов, в небольшой крытой галерее, изображавшей столовую, я перезнакомился со всеми чинами штаба. После ужина немного поговорили с генералом Романовым и лег спать. В этот же день в приказе по дивизии было отдано о моем прикомандировании к 8-й Сибирской стрелковой дивизии. Я со своей стороны о своем прибытии донес рапортами начальнику штаба Западного фронта и командующему Императорской главной квартирой, как лицо Свиты.

Меня предупредили, что немцы имеют обыкновение по ночам обстреливать наше расположение, и я ждал с нетерпением этого обстрела, но ночь прошла тихо, следующая также. На другой день я проснулся рано. Мещеринов еще спал. Прибрав свой угол и напившись чаю, пошел

к командовавшему дивизией и беседовал с ним о делах, он неохотно отвечал на мои расспросы и, казалось, недоумевал тому, что меня все так интересовало. В час дня обедали. Стол был очень сытный, разнообразный, простой, но вкусный, заведовал им старший адъютант по хозяйственной части Константинов[\[125\]](#) – очень почтенный и милый человек, природный сибиряк.

Первое мое знакомство с расположением частей дивизии

7 ноября, на третий день моего приезда, генерал Романов, чтобы удовлетворить мою назойливость (я к нему все приставал, чтобы он меня ознакомил с расположением дивизии), решил объехать часть расположения и пригласил меня с собой. Мы объехали части двух полков, стоявших в резерве, помещались они в землянках, прекрасно устроенных, офицеры тоже жили в землянках несколько более усовершенствованного типа. Я с жадностью все это осматривал, знакомился со всем этим, все для меня было ново. Меня только страшно неприятно поразил оборванный вид солдат, они были ужасно одеты, после гвардии, которую я видел на позиции в августе месяце под Вильной и которая была одета с иголочки, контраст этот был слишком большой. Я спросил Романова, он ответил: «Что ж будешь делать, когда из интенданства еще не выдали шинелей».

Деревни, которые нам пришлось проезжать, представляли собой развалины, населения никакого. Командиры полков и офицеры мне показались весьма симпатичными, это все были большей частью сибиряки, многие участвовали во всевозможных боях, многие были уже ранены и вернулись в строй, скромные серые герои. Они все с любопытством смотрели на меня, с иголочки одетого Свиты генерала, каждый из них, очевидно, думал: «Зачем он сюда приехал, в нашу серую обстановку? что он будет тут делать? наверное, и в окопы к нам он никогда не заглянет». И чувствуя, что они так думают, мне становилось неловко, мне хотелось скорее сравняться с ними, с этой серой, но беззаветно геройской массой.

В этот день с утра немцы стали усиленно обстреливать нашу позицию, но до штаба выстрелы их не долетали.

Обедня в полку

8 ноября, в воскресенье, я поехал к обедни в расположение 32-го Сибирского полка. Первый раз мне пришлось быть у обедни в такой обстановке среди землянок в лесу на открытом воздухе. На меня это произвело огромное впечатление, было трогательно величественно, молилось так хорошо, люди в числе 1500 стояли покоем, вид у них был, правда, самый разнообразный, одеты были они пестро, некоторые прямо в лохмотьях, сапоги, перевязанные тряпками, но это не мешало им выглядеть бодрыми, веселыми, и на мое приветствие (первый раз мне пришлось поздороваться с новыми своими стрелками) они ответили как один человек, и их громкое «здравия желаем...» гулко разнеслось по лесу.

Священник служил обедницу под навесом из еловых ветвей, пели стрелки – певчие под управлением одного прапорщика, а «Верую» и «Отче наш» пропели все 1500 человек. Раздававшиеся орудийные выстрелы дополняли общую картину. Накануне и в этот день немцы и мы стреляли особенно много, два снаряда разорвались в сотнях шагов от штаба, а по деревне, на окраине нашей позиции, немцы стреляли удушливыми газами, но, к счастью, без результата.

Простояв обедницу, я вместе с Мещериновым зашел в несколько землянок и беседовал со стрелками, впечатление от этого посещения и беседы с ними у меня осталось самое отрадное. Зашли и к офицерам. Вернувшись домой, узнал, что командовавший дивизией меня спрашивал и уехал в 30-й полк, куда приехал командир корпуса. Я тотчас велел оседлать коня и поскакал в расположение этого полка за 4 версты от штаба, корпусный командир беседовал в это время с офицерами. Оттуда в его автомобиле с ним проехали в 29-й полк, где генерал Трофимов смотрел разведчиков, гренадер-бомбометов [\[126\]](#) и сводный батальон, назначенный для высочайшего смотра. Всем Трофимов остался

очень доволен и уехал в прекрасном расположении духа. В этот день ко мне заехал Веревкин[127] – Виленский губернатор, который ехал в расположение Преображенского полка и звал меня ехать с собой; преображенцы стояли в 80 верстах от нас. Но мне казалось неудобным отпрашиваться у своего нового начальства и потому не поехал. На другой день пришло приказание удлинить наш фронт, вследствие чего штабу дивизии пришлось перейти на другое место стоянки.

Переход на другую стоянку в Залесье

Мне очень было жаль оставлять Каскевичи, где я прожил так хорошо и уютно почти неделю. Новое место стоянки было около ст. железной дороги Залесье, это была последняя станция, до которой в то время доходили этапные поезда, дальше рельсы были уже разобраны. Переезд на новое место мы совершили 11 ноября днем. Выехал я вместе с Мещериновым, с которым по пути объехал несколько батарей, ознакомился с позициями и новыми местами расположения полков. В одной из деревень, через которые мы проезжали и в которой стоял полк, смененный нами, накануне на позиции 8-м дюймовый немецкий снаряд попал в избу, в которой в это время последний раз обедали уходившие с позиции офицеры, празднуя под звуки полкового оркестра благополучное свое отбытие. Два офицера были убиты, четверо, среди них и священник и несколько музыкантов, ранены.

Приехали мы на место новой стоянки, когда уже стемнело, сделав верхом около 20 верст. Штаб разместился в барской усадьбе, весьма запущенной, но с чудным парком, помещение было просторное, так что мне отвели отдельную комнату. Как только мы водворились, поднялась орудийная стрельба из тяжелых орудий – такую стрельбу я слышал впервые, и она произвела на меня внушительное впечатление. Целый час немцы громили позицию соседней с нами дивизии, выпустив до 300 «чемоданов»[128]. Я прислушивался к этой канонаде и выучился узнавать взрывы снарядов и полеты по звукам. По окончании канонады

выяснились результаты стрельбы, с нашей стороны оказалось, к счастью, всего 10 раненых.

На другой день, приведя в порядок свою комнату, разобрав поступившие в штаб бумаги и донесения, я отправился на ст. Залесье, чтобы ознакомиться с окружающей местностью. На станции находился штаб 65-й дивизии, той дивизии, в которой я должен был получить бригаду, я зашел к начальнику дивизии Троцкому, чтобы познакомиться с ним. Он оказался очень милым и любезным, но совершенно заурядным начальником дивизии, малосамостоятельным, так что я был очень рад, что не попал к нему. Тут же на путях станции стояло несколько вагонов передового питательного отряда А. И. Гучкова[\[129\]](#), а недалеко от станции Царскосельский подвижной госпиталь. Я перезнакомился со всем персоналом этих обоих учреждений – все оказались премилые люди, нашлись и общие знакомые, меня принимали, как мне показалось, как-то особенно любезно. От подвижного Царскосельского госпиталя я остался в положительном восторге – порядок, чистота, уход меня поразили, а главное состав врачей и сестер – это была дружная семья, все так бодро радостно работали. Я много видал госпиталей и лазаретов и за время моих путешествий, когда я сопровождал государя и из всех виденных мною лазаретов этому Царскосельскому надо отдать пальму первенства. Особенно сильное впечатление на меня произвела женщина – врач-хирург[\[130\]\[131\]](#), фамилию которой я, к сожалению, сейчас не помню. Я присутствовал во время трепанации черепа одному раненому, когда она вынимала пулю, застрявшую в голове этого несчастного. Это было изумительно, все ее движения были при этом необыкновенно изящны, оперировала она с такой ловкостью и смелостью, что от ее работы нельзя было оторваться. Через неделю после операции этот раненый уже начал вставать с кровати, а до операции он несколько суток лежал без памяти.

При штабе нашей дивизии состоял передовой Гродненский отряд и Пермский подвижной лазарет. В первом хирургом был американец[\[132\]](#), почти не говоривший по-русски, но это не мешало ему справляться с персоналом и со всеми делами отряда. Как хирург он

не представлял собой крупной величины, но был вполне удовлетворителен для подачи первой необходимой помощи. Состав персонала и отряда и госпиталя не оставлял желать лучшего, мы жили очень дружно с ними и часто друг друга навещали, работали они более чем добросовестно.

Возвращение начальника дивизии Редько, первое знакомство с ним

14 ноября начальник дивизии генерал-лейтенант Редько возвратился из отпуска, я уже был в курсе всех дел дивизии и потому мог предстать перед ним не совсем как новичок. Все утро в ожидании его все в штабе как-то присмирели, в помещениях и во дворах шла усиленная чистка, чувствовалось, как все его боялись. Он был очень строг, особенно к нестроевым. Ждали его к обеду, но он не приехал, решили, что он приедет на другой день, все успокоились, а он неожиданно прикатил вечером уже после ужина, когда все разошлись. Я сидел в помещении штаба, когда он вошел. Все встали, он поздоровался с генералом Романовым и начальником штаба. Я назвал себя.

Он посмотрел на меня, как на пустое место, молча подал мне руку. Меня такая встреча не смутила, я был подготовлен к ней, я знал, что в его глазах Свиты генерал и еще из товарищей министра из Петрограда представлял собой отрицательную величину – белоручку, а таких он, по своему характеру, не выносил. Я решил на другой день откровенно с ним переговорить. Одевшись в соответствующую форму, я отправился к нему, он меня принял, как и накануне, крайне официально и сухо. Я ему объяснил подробно все обстоятельства, предшествовавшие моему назначению в его дивизию, причины, по которым я попал именно к нему и сказал, что я приехал на фронт не с тем, чтобы сидеть сложа руки, а работать и очень прошу его, не стесняясь, давать мне какие угодно поручения, что чем больше он мне будет давать работы, хотя бы самой и неблагодарной, тем мне будет приятнее.

Он выслушал меня и сразу переменял тон. «Так значит, Вы хотите работать? – сказал он. – А я думал, что Вы приехали на фронт, чтобы получать награды и ничего не делать, если так, то я Вас сейчас же запрягу, но Вы, наверно, ничего еще не знаете, не знаете даже как расположена дивизия?» Я ответил, что хорошо знаю расположение дивизии. Тогда он мне произвел целый экзамен и был поражен моими ответами, удивившись, как я в течение 2-х недель мог так хорошо изучить все дела. Он мне дал поручение осмотреть окопы 32-го полка и ознакомиться с расположением резервов.

Мое первое посещение передовых окопов

Первый раз я отправился в передовую линию, т. к, до приезда начальника дивизии не считал себя вправе самостоятельно ездить в расположение полков. Выехал я верхом с ординарцем, до штаба полка было 6 верст. Взяв командира полка, направился к передовой линии, проехали одну версту, после чего пришлось слезть с лошадей и идти уже пешком, т. к. вся местность была открытая и солнце светило вовсю. Отправив лошадей домой, вдвоем с командиром полка двинулись к окопам по вырытому ходу сообщения, впереди шел стрелок связи. Этот ход сообщения был почти весь завален снегом и, кроме того, уже очень много заняло бы времени идти по нему 3 версты, поэтому мы шли напрямик полем, дошли до батальонного резерва в полуверсте от окопов. Осмотрев землянки офицеров и стрелков, похожие скорее на конуры, чем на жилища, я вызвал из них их обитателей, знакомясь с офицерами и стрелками. Среди офицеров встретил бывших воспитанников Московского лицея и Александровского училища, которые меня знали по Москве и неожиданно обрадовались мне. Поговорив с ними, я пошел далее к окопам.

Чтобы не обратить внимание неприятеля, пришлось идти друг за другом в расстоянии 100 шагов. Наконец дошли до окопов передовой линии, до блиндажа, вернее конуры, покрытой бревнами, ротного командира. Первый ротный командир, с которым я познакомился,

мне очень понравился. Призванный на службу из студентов Харьковского университета, будучи уже в чине поручика, он отлично знал расположение окопов, ходов сообщения, размещение людей, расположение немцев, толково и спокойно обо всем мне доложил.

В окопах в это время шла работа по очистке от снега и углублению их в некоторых местах. Большая часть людей была в убежищах, отдыхала после ночной службы, другая часть чистила окопы, третья занимала посты у бойниц, наблюдая за противником. Подробный осмотр окопов продолжался с 9½ часов утра до 2½ дня, когда я дошел до окопа смежной с нами дивизии. Осмотрев батальонный резерв и доехав на лошади разведчика до ближайшей деревни, где меня ждали мои лошади, я вернулся к себе страшно усталый от непривычки ходить по окопам, лег отдохнуть и уже потом отправился к начальнику дивизии сделать первый служебный доклад.

Первый доклад начальнику дивизии

Он, по-видимому, был очень удовлетворен моим докладом, нашел, что я очень метко обратил внимание на слабые стороны нашей позиции, и тут же утвердил мое мнение о необходимости вывести окопы двух фланговых рот на полверсты вперед. Он просил меня посетить окопы и остальные полки. Немцы, при моем первом обходе окопов, проявили необычайную любезность, не выпустив ни одного снаряда, ни одной пули, для меня это было большим разочарованием, т. к. я в то время ждал с нетерпением той минуты, когда я получу боевое крещение.

18-го числа я впервые был на одной из батарей нашей дивизии, в расположении 31-го полка, вместе с начальником дивизии. С каждым днем я к нему чувствовал все больше и больше симпатии, это был строгий к себе солдат с головы до ног, храбрый, не знавший усталости, бодрый; пешком бывало с трудом за ним поспеешь, верхом приходилось скакать, чтобы не отстать от него... В обращении он был очень суров, с начальствующими лицами и офицерами строг, с нижними чинами, строевыми, снисходителен, с нестроевыми неумолимо строг.

До болезненности заботился он о стрелках, чтобы они все получили, что полагается, стрелки это очень ценили. Мне он особенно нравился тем, что это был не телефонный начальник дивизии, а полевой, на неделе он уж обязательно раза два бывал в окопах и жил все время непосредственно с дивизией. Немцам не давал отдыха, тревожа их постоянно огнем из батарей; немцы редко отвечали, но уж если решались на это, то выпускали не менее 300 снарядов; у нас в то время снарядов было сравнительно мало, но для нашей скромной стрельбы хватало.

На батарее начальник дивизии обошел землянки нижних чинов, осмотрел орудия, обо всем подробно расспросил командира батареи и затем перед строем вручил крест Георгия 1-й степени фейерверкеру батареи, поздравив его при этом подпрапорщиком. Новому георгиевскому кавалеру батарея устроила целую овацию, его качали, кричали «ура». Это был общий любимец всей бригады, до изумительности храбрый и отличный товарищ. С батареи мы прошли в находившийся в версте оттуда батальонный резерв 31-го полка. С большим уважением и интересом следил я, как генерал Редько говорил с стрелками, с каким умением беседовал он и какое впечатление производило на них каждое его слово.

Осмотрев батальонный резерв, поднялись на артиллерийский наблюдательный пункт, в это время шла сильная орудийная стрельба и над нашими головами летали наши снаряды, я прислушивался к этим, еще незнакомым мне, звукам. Немцы не отвечали. С наблюдательного пункта все немецкое расположение было видно как на ладони. Начальник дивизии, по телефону, приказал 3-й батарее открыть огонь по данной цели, и мы стали наблюдать в трубу за разрывами.

Тотчас над нашими головами пролетел снаряд, через секунду он уже разорвался у немцев, попав очень ловко в блиндаж; на наших глазах полетели бревна, доски, песок, второй снаряд угодил влево, третий прямо в окоп, мы видели, как побежали немцы и куда-то скрылись. Редько поблагодарил по телефону за стрельбу и приказал ее прекратить. Немцы сначала отвечали, а потом начали жарить, но не в нашу сторону, а правее.

Мы направились по ходу сообщения в окопы, немцы участили огонь, и один снаряд попал недалеко от нас, испортив насыпь. Командир полка просил начальника дивизии не идти дальше, но он и внимания не обратил; в это время стали посвистывать своим неприятным звуком пули. Я был удовлетворен – первый раз попал под выстрелы, старался отнюдь не наклонять головы – «кланяться пулям», хотя при каждом свисте пули невольно как-то тянуло наклонить голову. Из окопов проехали в штаб полка, где обедали, и поздно вечером вернулись к себе.

Приезд А. Чаплиной

На другой день совершенно неожиданно в нашу дивизию приехала А. А. Чаплина[\[133\]](#), жена товарища министра юстиции[\[134\]](#)[\[135\]](#), о котором я упоминал в своих воспоминаниях за 1914 год, описывая свою командировку в Баку, куда я хотел и его взять с собой, но министр юстиции[\[136\]](#) воспротивился. Это была премилая женщина, она приехала на фронт представительницей Петрограда, с нею и два представителя от рабочих арсенала Петра Великого[\[137\]](#), они привезли подарки и теплые вещи для наших стрелков. Она приехала прямо на смотр гренадер (бомбометчиков) по приглашению начальника дивизии и наблюдала, как подлезали к проволоке, резали ее, метали бомбы, ручные гранаты. Затем она обедала у нас с рабочими, по этому случаю у нас был парадный обед, скатерть вместо клеенки, вино, суп с пирогом, жареные куры, спаржа и сладкий пирог, кофе.

После обеда в 2-х автомобилях поехали в окопы, они очень хотели ознакомиться с боевой жизнью, особенно рабочие. Благодаря закрытой местности доехали почти до окопов, только версту пришлось сделать пешком. Зашли на наблюдательный пункт, о котором я говорил выше и откуда так хорошо было видно все немецкое расположение. Открыли стрельбу, наш гости наблюдали за разрывами снарядов, видели перебежавших немцев, что произвело на них громадное впечатление, и они остались в восторге от виденного. Затем спустились в окопы,

где продемонстрировали им стрельбу из пулемета, а А. А. Чаплина сама стреляла по немцам из винтовки через бойницу.

Встреча рабочих с солдатами была трогательная, рабочие говорили воодушевляющие речи. Стрелки их приветствовали, благодарили, тут же раздавались подарки. Уже стало темнеть, когда мы вышли из окопов и направились на ближайшую батарею. Началась сильная метель, в офицерской столовой – землянке с сосновым срубом самого примитивного устройства – был предложен чай. Перед уходом с батареи Редько приказал открыть стрельбу залпами из всех орудий по резервам противника. Темень была непроглядная, шел сильный снег с метелью, грянули пушки, огонь красиво вылетал из горла орудий, картина была величественная. За первым залпом грянул второй, затем орудия стреляли поодиночке. Наши гости, особенно рабочие, были страшно довольны.

Очевидно, немцам попало, т. к. не успели мы отъехать от батареи на версту, как они открыли сильный орудийный огонь. Среди метели выстрелы эти звучали зловеще, производя сильное впечатление. Не доезжая до стоянки штаба, сбились с пути и застряли в снегу. Пришлось послать на батарею за лошадьми, и полным артиллерийским уносом в 6 лошадей вытащили автомобиль из оврага. Вернувшись к себе, узнали, что немцы стреляли как раз по тому окопу, из которого стреляла А. А. Чаплина, но безрезультатно.

Вступление в командование бригадой

В этот день уехали генерал Романов к новому месту служения начальником штаба сводного Осовецкого корпуса[\[138\]](#), я вступил во временное командование бригадой впредь до назначения на эту должность высочайшим приказом, каковой состоялся 26 декабря. Таким образом, с 18-го ноября я уже занял официальное положение на фронте и стал получать содержание по новой своей должности – жалованье по сибирскому окладу (несколько повышенному вместо 125 руб.) 161 руб., столовых 216 руб., фуражных 83 руб., полевых порционных 240 руб., на дрова 5 руб. 80 коп. и на освещение 3 руб., всего 708 р.

80 коп. в месяц, что, при небольших расходах на войне, составляло очень большую сумму.

Взятие в плен немецкого аэроплана

23 ноября в нашей дивизии было ликование – 31-й полк подбил немецкий аэроплан, который принужден был спуститься в наше расположение. В это время я сопровождал начальника дивизии при его обходе окопов 32-го полка, над нами красиво летали два немецких аэроплана, я наблюдал за ними в бинокль и обратил внимание, что один был новенький с иголки, все у него блестело, другой же старой конструкции, загрязненный. Они перелетели наши окопы и направились в наш тыл, скрывшись из виду.

Спустя некоторое время вновь мы услышали шум мотора и над нами в обратном направлении пролетел грязненький аппарат, я сказал начальнику дивизии, что, очевидно, новенький улетел в другую сторону, мы и не подозревали, что в эту минуту аппарат этот был уже в наших руках. Об этом мы узнали, вернувшись в штаб, и тотчас поехали в 31-й полк полюбоваться нашим трофеем.

Аппарат оказался действительно совершенно новеньким, последней конструкции[139], на нем нашли чудный фотографический аппарат[140], снимавший на расстоянии 2-х верст со всеми подробностями, объектив в нем был так устроен, что приближал к себе все видимые предметы, и детали местности выходили на снимках поразительно отчетливо. Кроме фотографического аппарата, на аэроплане оказался и беспроволочный телеграф новейшей конструкции. Пуля одного из стрелков 31-го полка угодила как раз в бензиновый бак, который оказался пробитым насквозь, летчикам ничего не оставалось, как спланировать, они пытались это сделать на свою сторону, но наши направили на них ружья, и они предпочли не рисковать. Летчики – их было два – имели весьма сконфуженный вид, но с гордостью заявляли, что уверены в победе, что у них всего вдоволь на 2 года, и им сейчас легче воевать, чем в начале. Их отправили в штаб армии.

Обход окопов 29-го полка

21 ноября я осматривал окопы 29-го полка, ближайшего к немцам. Между нашими и немецкими окопами было всего 300 шагов, и потому этот полк постоянно подвергался обстрелу. Этому обстрелу подвергся и я, это было мое первое настоящее боевое крещение. Обстреливали меня и моих спутников три раза, когда мы шли ходами сообщения между взводами по совершенно открытым местам, и наши папахи ясно были видны немцам. В одном из этих мест нас буквально засыпали пулями, было, конечно, неприятно с одной стороны пропасть ни за грош, но с другой стороны в душе чувствовался какой-то спортивный задор, и я нарочно замедлял шаги и даже останавливался, обращаясь с ненужными в сущности вопросами к ротному командиру и офицерам; это было своего рода ненужное бахвальство, хотелось показать свое хладнокровие. И все же, когда я вошел в окопы, прикрытые от оружейного огня, я почувствовал какое-то облегчение и помолился в душе, что остался невредим.

В окопах было уже безопасно, но звуки от ударов пуль о деревянные козырьки производили впечатление гораздо более неприятное, чем свист пуль. Я заметил при этом одного стрелка, стоявшего у бойницы, в которую особенно ударялись пули. Этот стрелок стоял весь посиневший и дрожавший. Я спросил его: «Чего ты дрожишь? холодно, озяб?» «Никак нет». «Боишься пуль, немцев?» «Никак нет». «Чего же ты боишься? Начальства?» «Так точно», – обрадовано ответил он. Мы не могли удержаться, чтобы не расхохотаться.

На другой день начальник дивизии и я были приглашены на обед в наш передовой отряд Красного Креста в дер. Зарудичи. Обед был чудный, нас принимали с трогательным гостеприимством. Во главе отряда уполномоченным состоял премилый и симпатичный князь Святополк-Мирский^[141]. После обеда он нас привез домой на чудной тройке.

В этот день, вернувшись домой, начальник дивизии дал мне новое и очень трудное поручение – заняться продовольствием дивизии,

выяснить все плохие стороны постановки этого дела, отношение интендантства и т. д. Задача была трудная и совсем для меня новая. Чтобы облегчить мне ее и направить меня, он повез меня на другой день в 29-й полк, где наглядно показал, что именно он требует от полков. Я тотчас же принялся за это новое порученное мне дело и, вызвав к себе начальников хозяйственных частей полков, выяснил с ними все недочеты по продовольственной части. Выработав ряд мер, одобренных затем начальником дивизии, я усиленно стал объезжать полки, проверяя продовольствие. Как результат этих проверок привожу одно из моих донесений по этому поводу:

Только я покончил с продовольственным делом, как начальник дивизии возложил на меня другую работу – наблюдение за обучением в учебных командах по подготовке унтер-офицеров в полках. Это новое поручение сопряжено было с постоянными разъездами – фронт дивизии занимал 15 верст в длину и 10 в. в глубину, учебные команды были раскинуты на всем протяжении. Это было очень трудно, отнимало все время с утра до позднего вечера, но зато я, в короткое время, обстоятельно сам изучил службу и когда мне пришлось в начале декабря, через месяц по моему приезду на фронт, вступить во временное командование дивизией, вследствие отъезда генерала Редько, я был уже в курсе решительно всех дел дивизии.

В это же время в нашу дивизию пришло пополнение, к счастью, из Сибири, а то последние полгода нам присылали самый разнородный элемент, половину неграмотных, плохо обученных, так что приходилось их обучать заново. Этот пришлый элемент, особенно из фабричных мест, вливаясь в войска, имел отвратительное влияние на стрелков, вследствие чего было сделано распоряжение комплектовать сибирские войска сибирскими же пополнениями. Сибиряки сразу выделялись, у них и взгляд был совсем другой, живой, сметливый, среди них было мало безграмотных, и к делу относились они с большей сознательностью.

Вместе с начальником дивизии я ездил смотреть это вновь прибывшее пополнение. Редько почти с каждым поговорил, и я, идя за ним, учился

у него как надо говорить с людьми. Он удивительно умело предлагал им всевозможные вопросы, говорил таким ясным простым языком, вообще каждое его посещение какой-нибудь части всегда оставляло надлежащий след – он требовал от каждого сознательного отношения к делу, чтобы каждый знал и понимал, для чего от него требуют то или другое.

К обозным и каптенармусам, выдавшим хозяйственную часть, он бывал беспощаден. Как-то раз он встретил походную кухню, рядом с которой шел каптенармус. Остановив ее, он попробовал пищу, проверил мясо и вдруг заметил рядом с мясом теплые портянки. Тотчас позван был начальник хозяйственной части, каптенармусу приказано было снять одну нашивку (разжаловать в младшие унтер-офицеры) и отослать в строй.

Другой раз он, поверяя припасы в одном из полков, обратился к каптенармусу с вопросом: «Сколько ты денег послал на родину?» «Десять рублей». «Почему так мало?» «Я только неделя, что каптенармус», – чистосердечно с наивностью ответил каптенармус. Редько вышел из себя, приказал немедленно лишить его унтер-офицерского звания и перевести в строй в другой полк.

К строевым же он относился очень хорошо, но не выносил лжи, не дай Бог, если кто-нибудь скроет что-нибудь или скажет неправду – такой человек для него уже конченный. Он говорил всегда, что надувать можно только интенданство, т. к. иначе люди будут голодать, что плох тот командир, который надеется на интенданство, его часть всегда будет разута, раздета и голодна.

Георгиевский праздник

26 ноября в день Георгиевского праздника был парад георгиевским кавалерам из 31-го полка по случаю его полкового праздника, а также и 2-й батареи. Это был первый парад при мне, полк был построен в лесу, где нашлась большая удобная поляна, после молебствия полк и георгиевские кавалеры проходили церемониальным маршем, я проходил на правом фланге полка. Затем были здравицы, на мою долю

выпал тост за начальника дивизии, как кавалера «георгиевского» оружия. За мое здоровье тост провозглашен был командиром полка, который пожелал, чтобы моя грудь украсилась Георгием. Погода была отчаянная, то дождь, то снег с сильным ветром. Оттуда проехали на позицию 2-й батареи. У самых орудий, замаскированных еловыми ветвями, был устроен шатер для молебна, после чего артиллеристы прошли церемониальным маршем в пешем строю. По окончании в одной из халуп в импровизированной столовой состоялся завтрак, меню было самое разнообразное, присутствовали все, не бывшие в наряде, офицеры бригады.

Так было хорошо, уютно, оживленно, дружно, тосты следовали один за другим, касаясь главным образом боевых воспоминаний. Только к вечеру мы двинулись к себе, немцы в это время открыли пальбу из орудий, было удивительно красиво наблюдать разрывы шрапнелей среди темноты, разрываясь, эти шрапнели освещали нам путь, не причинив никому вреда. Наши не отвечали, и немцы скоро умолкли.

Я вступаю первый раз во временное командование дивизией

28 ноября начальник дивизии был вызван в штаб армии и я, вследствие приказа по корпусу, вступил первый раз в командование дивизией не без волнения. Первый раз я самостоятельно принял доклад начальника штаба и дивизионного интенданта[\[143\]](#)[\[144\]](#). В этот же день на мою долю выпало произвести опыты с светящимися снарядами и гасителями.

Светящиеся снаряды выпускали из гаубиц, они разрывались на воздухе на довольно большой высоте, освещая немецкое расположение, вспышки горели на воздухе больше минуты, что было вполне достаточно для наблюдения за падением наших снарядов, которые пускались батареями один за другим вслед за светящимися. Это было очень красивое зрелище. Затем были опыты с гасителями – это снаряды, огонь которых гаснет еще в канале орудия, так что почти не видно совершенно, как он вылетает из орудия и как летит. Опыты удались

вполне, у немцев в то время таких снарядов не было и для них появление таковых у нас было совершенной неожиданностью. Когда мы уже возвращались домой, немцы стали громить в отместку наши окопы, но, к счастью, без результата.

На другой день я был у обедни на ст. Залесье, служба шла в зале 1 класса, после чего пил чай в поезде Гучкова. К обеду приехал мой друг Веревкин – виленский губернатор, переведенный в Ревель. Я ему очень обрадовался, мы с ним дружески поговорили, он посидел у меня после обеда часок и уехал.

Встреча с москвичами

30 ноября я все утро поверял обучение учебных команд и пополнения полков и, найдя много неправильного, вызвал к себе командира полка, указав им на все недочеты.

Посетив землянки последних пополнений, я был приятно удивлен, встретив в одной из них до 160 уроженцев Московской губернии. Можно было подумать, что их нарочно прислали ко мне. Я велел им выстроиться, спросил, не помнит ли кто из них меня? На это раздались голоса, страшно тронувшие и взволновавшие меня: «Так точно, вы изволите быть Жонковский, наш губернатор», «Владимир Федорович»... «Где же вы меня видели?» – спросил я. «Вы приезжали к нам на наводнение», «Вы были у нас на освящении памятника», «Вы были у нас в школе» и т. д. Удивительно мне это было приятно, и глядели они так радостно и бодро.

Я им сказал несколько слов о том, что, очевидно, сама судьба столкнула меня с ними, что мы вместе будем бить немца и что они должны помнить, что т. к. я считаю их родными мне, то буду краснеть за всякий их дурной поступок, и потому прошу их меня не подводить и стараться служить примером другим, показать, как служат москвичи. С большим подъемом провожали они меня, когда я с ними простился.

Возвращение начальника дивизии

3 декабря возвратился начальник дивизии. Слава Богу, эти пять дней его отсутствия и моего командования дивизией прошли благополучно. За его отсутствие я позволил себе сделать одно крупное распоряжение, и я не знал, как Редько отнесется к нему. При посещении моем 32-го полка, стоявшего в резерве, я пришел в ужас от того, как он был разрешен, во-первых, он был раскинут на протяжении 4 верст, во-вторых часть землянок настолько была ужасна, даже офицерские, в которых, когда я вошел, на полу стояла вода и с потолка капало от сырости. Увидев это, я тотчас распорядился свести весь полк в одно место в сосновый лес, где имелись готовые землянки для 2-х батальонов, и приказал построить там же другие для других 2-х батальонов, для чего отменил на время все занятия и командировал еще сапер для руководства работами. Я несколько тревожился, как бы мне не влетело за отмену занятий, но начальник дивизии, напротив, меня очень поблагодарил за мое энергичное распоряжение. При этом он мне передал, что в штабе армии все очень интересовались моей службой, расспрашивая его, а Эверт ему наговорил по моему адресу очень много лестного.

В этот вечер к нам перебежали три наших мужичка Пермской губ., бежавшие из плена. Я пишу «мужички», т. к. солдатского вида у них не было вовсе, нельзя было даже подумать, что они когда-нибудь были солдатами.

Я их допрашивал, оказалось, что они работали в 25 верстах от нашей линии на жел. дороге, в числе 600 человек, все наши. Я спросил, почему они бежали? Они ответили, что плохо кормили, давали во $\frac{1}{2}$ ф. хлеба в день, а что палками били, то это еще терпеть можно, также и когда за воровство на час времени подвешивали[\[145\]](#). Я спросил, бежали ли бы они, если бы кормили хорошо, они ответили: «Зачем же тогда бежать?» Грустно было слышать такие ответы, убеждаться в полном отсутствии сознательности.

6-го декабря в день именин государя один из полков в дивизии, а именно 32-й, праздновал свой полковой праздник и т. к. он стоял

в резерве, то можно было устроить настоящее празднество. Накануне в местной церкви дер. Михневичи была отслужена всенощная и панихида по убиенным, а в самый день праздника обедня, после чего состоялся парад в присутствии корпусного командира. Полк был выстроен покоем на огромном поле у опушки леса, в котором полк был расположен в землянках. В строю было 4000 человек.

Сначала приехал я, поздоровался с полком, удивительно приятно бодрящее чувство охватывает, когда в ответ на приветствие раздается бодрое единодушное «здравие желаем» нескольких тысяч человек, сразу по тону ответа чувствуется настроение части. Затем приехал Редько и, наконец, корпусный командир Трофимов. Погода была хмурая, это было очень кстати – тучи помешали вражескому нашествию аэропланов. После молебствия священник связал чудное слово, простое захватывающее, затем полк прошел церемониальным маршем. Проходили блестяще, лучше было трудно, корпусный командир благодарил несколько раз. После его отъезда начались здравицы. Начальник дивизии произнес речь очень дельную и содержательную, но чересчур длинную, это было большим ее недостатком, а тем более что ведь только половина всех людей могли его слышать, а понять его речь могли не более четверти. Командир полка [\[146\]](#)[\[147\]](#), провозглашая мое здравие, пожелал мне поскорее получить дивизию, что вышло не особенно удачно.

По окончании парада направились к землянкам, пробовали пищу. Люди получили суп с рисом $\frac{3}{4}$ фун. мяса, $\frac{1}{2}$ фун. сала, ячневую кашу с изюмом и по белой булке. Надо было удивляться изворотливости полков, чтобы на позиции суметь приготовить все это на такое количество. В бывшей еврейской корчме, отведенной под офицерское собрание, состоялся обед, на который приглашены были и врачи и сестры двух отрядов «гучковского» и Гродненского. Сестер всех посадили за генеральский стол, т. к. незадолго перед тем вышел приказ Эверта по поводу ухаживания за сестрами. Приказом воспрещалось офицерам и классным чинам ухаживать за сестрами «в каком бы виде таковое не выражалось». А т. к. про генералов не было упомянуто, то и посадили

сестер среди генералов, тут же сидела и старушка мать одного из офицеров, приехавшая с Кавказа навестить сына.

Обед был обильный, закуски, суп с зеленью и кулебякой, поросенок с кашей, гусь с капустой и вместо пирожного очень вкусный крешен, белое и красное вино с яблоками. Оригинальный напиток, но вкусный и не крепкий. Вернулись к себе только в 5 часов.

На другой день я, по поручению начальника дивизии, осматривал передовой перевязочный отряд дивизии, пробовал пищу в команде гренадер 30-го полка (так назывались команды, вооруженные ручными гранатами) и присутствовал на обучении рот пополнения рассыпному строю. Ночью же отправился в окопы, мне хотелось ознакомиться с жизнью в окопах в это время, днем ведь служба в них замирала, оставались одни наблюдатели, ночью же шли и работы и занятия, все люди были на ногах. С 9 ½ часов вечера и до 7 утра я успел обойти линию окопов всей дивизии, меня сопровождал начальник штаба. Начали с правого фланга, где производились работы по выносу окопов на ½ версты вперед.

Пройдя вперед за проволочное заграждение, мы осмотрели произведенные работы, а затем направились к району соседних рот, которые не знали о нашем прибытии. Тени наши за проволокой показались наблюдателям подозрительными и со всех сторон были высланы цепи, чтобы нас окружить. Хорошо еще, что не открыли стрельбу. Проверив секреты, находившиеся впереди, мы вернулись в окопы и продолжали обход, успев к утру пройти всю линию в 15 верст. Было очень трудно идти, т. к. перед тем была оттепель и земля замерзла колдобинами. Везде я нашел все в большом порядке. Немцы нас не трогали, несмотря на то что мы довольно близко подходили к их проволочным заграждениям, но когда я приказал одному пулеметчику выпустить пол-ленты по окопам немцев, а проходя мимо пушки Гочкиса[\[148\]](#), пустить в них парочку гранат, то немцы в отместку открыли довольно сильный ружейный огонь, но впустую. Когда мы

выходили из окопов, подъехали походные кухни с утренней пищей для стрелков. Я попробовал, пища оказалась прекрасной.

Около 10 декабря зима наконец, по-видимому, установилась, а то все время была распутица, то снег, то дождь, людям в окопах приходилось очень тяжело от таких перемен погоды. 10 декабря был первый сильный мороз, температура опустилась до 17°. В этот день начальник дивизии поехал в дивизионный обоз и взял меня с собой, пришлось проехать на автомобиле 15 верст, благодаря моему чудному полушубку я не ощущал вовсе холода. Дивизионный обоз, о котором я не имел до того никакого понятия, представлял собой огромное учреждение – более 1000 повозок – оно было главной продовольственной базой дивизии.

Начальник дивизии при мне произвел на выдержку проверку разных припасов, все оказалось на месте и все в большом порядке. Оттуда заехали в Пермский лазарет, обошли раненых, напились чаю у сестер и вернулись домой. На обратном пути нас застала сильная метель, которая продолжалась три дня, снегу навалило целые горы, окопы с трудом удавалось расчищать. В самую сильную метель я отправился проверить запасы продовольствия в обозах II-го разряда. Первый раз поехал в санях, которые купил за 25 рублей у одного крестьянина. Меня конечно в такую пургу не ждали, но все оказалось в большом порядке, я осмотрел обозы всех 4-х полков, лошадей, повозки, цейхгаузы, пробовал пищу. В 2-х полках пища была на редкость чудная, кашевары получили от меня по рублю. Не обошлось и без комичности – начал я с 32-го полка, где меня, конечно, не ждали, пища была чудная, но кашевары были в засаленных грязных фартуках, в 31-м полку кашевары уже успели надеть белый чистый передник сверх засаленного, в 30-м – оба кашевара были в белых рубахах и передниках, а в 29-м – кроме снежной белизны фартуков и рубах, кашевары были в чудных с иголки новые поварских колпаках, как мне показалось, даже накрахмаленных.

Я рассказывал об этом, смеясь, начальнику дивизии и сказал, что очевидно, если бы было еще несколько полков, то, пожалуй, костюмы

кашеваров продолжались бы украшаться crescendo[149]. Но пищу подменить не успели, и в 29-м полку она была хуже, за что старательному кашевару от меня влетело.

Приказ по армии

Я уже писал выше о приказе Эверта, воспрещавшем офицерам и классовым чинам ухаживать за сестрами, теперь же последовал дополнительный относительно врачей. Генералов оставили в покое, очевидно, их считали, по возрасту, уже не опасными, а про пословицу «седина в бороду, а бес в ребро» Эверт позабыл. Одновременно получили в штабе и совершенно секретную бумагу, чтобы не принимать и не передавать никаких сведений о Распутине, об его жизни, поступках и вообще говорить о нем. Это было и смешно, и возмутительно, и просто не умно – у нас и так никогда никто не интересовался и не говорил о Распутине, а с получением этой бумаги, которую все же читали писаря, начались всевозможные, закулисные толки и, во всяком случае, не в пользу династии. Меня это распоряжение страшно расстроило и вывело несколько из спокойной колеи, как новое подтверждение, что Россия-матушка катится под гору.

14 декабря прибыл целый возок с вещами из склада императрицы на мое имя для дивизии, благодаря хлопотам моей дорогой сестры. Я был страшно счастлив, что мог их раздать своим стрелкам. Я лично, с разрешения начальника дивизии, распределил все вещи между четырьмя полками, сотней казаков, ротой сапер, командой при штабе и семью батареями. Все были в таком восторге, вещи присланы были самые нужные. Накануне, по случаю воскресного дня, я был в церкви у обедни в местной церкви, много крестьян исповедовалось и причащалось. Жаль было на них смотреть, все они были разорены, жили в сфере огня, и каждый день случайно попавшим снарядам последнее их имущество могло быть уничтожено, а сами они искалечены. Много я передумал, глядя на них, когда они подходили к святому

причастию, на их лицах отражалась вся их внутренняя скорбь и в тоже время отсутствие какого-либо ропота.

После обедни я сидел дома, обдумывал, как устроить елку у нас в штабе. Благодаря суровому и необщительному характеру начальника дивизии царил какой-то гнет, а это очень тяжело действовало на настроение. Начальника дивизии все сторонились, и между ним и чинами штаба стояла какая-то стена. Вот я и задумал устроить елку, чтобы несколько оживить атмосферу, разбить эту стену. Редько, к моей радости, пошел мне навстречу и принял устройство елки очень близко к сердцу. Я переговорил со всеми офицерами и предложил каждому внести некоторую сумму сообразно получаемого содержания. С прапорщика, получавшего 100 руб. жалованья в месяц, пришлось 3 руб., с меня 40 руб., с начальника дивизии – 50 руб. Суммы для каждого необременительные. Таким образом, все чины штаба являлись хозяевами на предстоящем празднике. Решено было пригласить врачей и сестер трех отрядов Красного Креста и представителей от всех полков и частей дивизии. Т. к. мне, благодаря моей связи с чинами корпуса жандармов, облегчены были сношения с Петроградом по пересылке и грузов, и багажа, то я предложил взять на себя все хлопоты по покупке всего необходимого чрез мою сестру и пересылке к нам.

Вступление во временное командование дивизией

15 декабря в приказе по 3-му Сибирскому армейскому корпусу было отдано следующее:

«Отъезжая сего числа с разрешения командующего армией в г. Минск, приказываю во временное командование корпусом вступить начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенанту Редько, а во временное командование 8-й сибирской стрелковой дивизией командиру бригады этой же дивизии Свиты его величества генерал-майору Джунковскому.

Командир корпуса генерал-лейтенант Трофимов».

Отсутствие Трофимова предполагалось в течении 5 недель, так что на все это время мне пришлось взять на себя всю ответственность по сложной работе управления дивизией. Я успокаивал себя тем, что все чины штаба и начальники частей дивизии считали меня уже своим и относились ко мне с большой предупредительностью и потому у меня была какая-то уверенность, что они не подведут меня, а напротив, будут мне помогать всеми силами для выполнения возложенной на меня задачи.

На фронте в то время было затишье, боевых столкновений не ожидалось, но зато на позициях шли усиленные работы по их укреплению; все время свыше сыпались суровые приказы, присылали недовольные депеши, что работы идут очень медленно, а между тем, благодаря непогоде работать было трудно, земля промерзла местами до $\frac{1}{2}$ аршина, а настоящего инструмента не было, приходилось работать кирками – молотами, при ударе коими отлетал небольшой комок мерзлой земли. Кроме того и кирок этих было мало, а покупать их не разрешалось, боялись поднятия цен. Вот и приходилось мучиться над этим вопросом как быть? Работы шли при этом на совершенно открытой местности, что еще более их осложняло, т. к. производить их можно было только с наступлением темноты, днем немцы обстреливали, и даже в светлые лунные ночи было далеко не безопасно.

Работы эти отнимали, таким образом, массу времени и разбалтывали людей, что вредно отражалось на настроении части, и я все усилия употреблял, чтобы с ними поскорее покончить, зачастую лично посещая их, т. к. надо было заняться строем, сколотить людей; в это время в роты были влиты пришедшие пополнения (за последние месяцы до 8000), поэтому надо было дать время ротным и взводным изучить своих людей, подготовить их, серьезно заняться ими, воспитать, т. к. большинство пополнения представляли из себя едва-едва обученных мужичков, которые при первом полете «чемодана» могли самым добродушнейшим образом удрать.

А тут еще было объявлено, что фронт дивизии с 20 декабря будет удлинён и на позиции в окопах будут стоять 3 полка, вместо двух,

и только один в резерве – для работ и занятий должно было таким образом остаться еще меньше людей. Кроме этих забот по строевой части, приходилось все время тревожиться по продовольственной части – никогда нельзя было быть уверенным, что подвезут достаточное количество продовольствия и фуража.

Каждый день приходилось с тревогой ждать доклада дивизионного интенданта о том, подвезли ли по железной дороге требуемое количество? В первые дни моего вступления в командование дивизией был кризис с хлебом, который доставляли из корпусной хлебопекарни из Минска; произошла заминка, пришлось перейти на сухари, а при стоянке на месте это представляло собой крайне нежелательное явление, возбуждавшее далеко не желательные толки. Все время приходилось нажимать на интендантство – в этом отношении я совершенно не стеснялся и чуть только мне казалось, что есть опасность чего либо недополучить, то сейчас же я посылал одну депешу грознее другой, умышленно сгущая краски.

А раз и с интендантством у меня был такой случай – стали присылать мясные туши, замороженные и не отделенные от кожи. Приходилось туши оттаивать, для чего вносить их или в землянки, или в избу. Процедура отнимавшая много времени, а кроме того при оттаивании текло, при снятии кожи отпадали куски, которые тут же падали, все это вымыть бывало иногда прямо невозможно, и в избе или землянке получалась целая зараза. Полки взвыли и действительно были правы. Я приказал тогда дивизионному интенданту послать депешу корпусному, что по моему приказанию полки не будут принимать туши с кожей. Дивизионный интендант взмолился, говоря, что если он подпишет такую депешу, то его съест корпусный интендант. Тогда я сам подписал депешу и вызвал к себе начальников хозяйственных частей, запретив им принимать такие туши. Если же других не будут присылать, то обойтись своими средствами, покупать мясо или варить из консервов. Одну партию интендантство прислало, ее не приняли, в следующий раз прислали уже мясо, отделенное от кожи. Редько меня очень благодарил, что я так

поступил. Только такими приемами удавалось поддерживать равновесие в деле продовольствия.

А на позициях в окопах с питанием людей было очень сложно. Наша дивизия занимала окопы на совершенно открытой местности, и потому кухни были очень отдалены от позиции, у одного из полков кухни были в 10 верстах. Приходилось, таким образом, ежедневно лошадям делать два раза по 20 верст. Это совершенно выбивало их из сил. Подвозить кухни к окопам можно было только в темноту – обед к 6 часам вечера, ужин к 6 утра, а когда бывала яркая лунная ночь, то всегда являлась опасность, что кухня не доедет, что немцы обстреляют.

Такие случаи бывали, но, к счастью редко, при мне таковых было только два, когда снаряд угодил прямо в походную кухню. Я все же распорядился перевести все кухни на расстояние не больше 4 верст, устроив для них надежные убежища.

Все вот эти вопросы страшно волновали, ни минуты нельзя было оставаться покойным, а мне, как новичку в этом деле, представлялись всякие ужасы и каждый недочет какой-нибудь, даже мелочный не давал мне покоя.

Среди всех хлопот по обучению дивизии и по питанию ее, я объехал и все те части дивизии, с которыми еще не был знаком и которые я не успел объехать с начальником дивизии. Это было два дивизионных лазарета и все батареи. Один из лазаретов помешался в дер. Заскевичи в 7 верстах от расположения штаба. Туда я и проехал на третий день моего вступления в командование дивизией. Погода была чудная, и я с удовольствием проехал туда верхом, было солнце при 5° мороза. Приехав в лазарет, я нашел помещение для раненых и больных ниже всякой критики. Избы были приспособлены под лазарет, но крайне небрежно, рожистый больной лежал вместе с другими, а один больной с 40 температурой лежал не на нарах, а на горячей печке. Мне это было очень неприятно, я не сдержался и наговорил врачу неприятностей, а затем командировал дивизионного врача [\[150\]](#)[\[151\]](#) для приведения всего в порядок, на что дал им три дня сроку.

Что было хорошо там устроено, так это зубо врачебный кабинет. Он был обставлен великолепно, чистота безукоризненная, хотя устроен он был в простой хате, при этом оборудование не оставляло желать лучшего. То же прекрасный порядок я нашел в фельдшерской школе. Пользуясь затишьем, начальник дивизии устроил обучение солдат фельдшерским наукам и искусству, обучалось в этой школе по 50 учеников от полка. Обучение велось очень хорошо. Это школа сослужила дивизии большую службу во время боев.

Поразительный случай в пехотной дивизии

Вернувшись к себе, я узнал о поразительном случае, происшедшем в соседней с нами дивизии и произведшем на всех огромное впечатление, заставившем многих неверующих подумать о Боге. В одном из полков этой дивизии один нижний чин отказался идти с ротой на работы, сказав, что он уже работал прошлую ночь и не желает идти опять.

На повторенное ротным командиром приказание он дерзко ответил и даже изругал его. Тогда ротный командир, не желая подвергать его военно-полевому суду, что грозило расстрелом, приказал его высечь, после чего он пошел на работу. На другое утро этот самый солдат подошел к ротному командиру и спросил его, за что он приказал его высечь, тот ответил, что он сам это отлично знает, и послал его в землянку. Повернувшись и сделав вид, что он идет в землянку, солдат подкрался сзади и выстрелил из винтовки ротному командиру в спину, когда же тот упал, то лежащему стал наносить штыком одну рану за другой. Его схватили, связали, назначали сейчас же полевой суд, который и осудил его к расстрелянию. На суде он себя держал дерзко вызывающе. После произнесенного приговора к нему явился полковой священник, но скоро от него вышел, говоря, что это не человек, а какой-то зверь, что он его прогнал и выругал, отказавшись от причастия. Тогда командир полка попросил благочинного дивизии [\[152\]](#)[\[153\]](#) пойти попробовать воздействовать на него, вызвать покаяние.

Благочинный, незаурядный священник, сумел к нему так ласково подойти, разбудить заглухшее чувство совести, что тот постепенно стал каяться, вылил всю свою душу, он исповедался, как редко кто может, и причастился с глубоким смирением. Благочинный ему сказал, что от смерти его спасти теперь никто не может, что он кончает свою земную жизнь, но что там за гробом его ждет другая жизнь, что когда разбойник умирал на кресте, будучи полон грехов, ему за одно только слово, обращенное ко Христу «помяни мя Господи, когда приидеши во Царствие Твое», были прощены все грехи и он очутился в раю, и что если и он также покается, то и ему Господь простит его грехи.

После этого осужденный совсем успокоился, вдохновился и с полным сознанием бодро пошел на место казни, провожаемый благочинным. Тут к нему подошли все солдаты, назначенные для приведения в исполнение приговора, каждый из них просил его простить, говоря, что исполняет свой долг, он каждого обнял, просил прощения, затем просил повидать фельдфебеля, поклонился ему до земли, просил простить его и совершенно спокойно сам надел на себя саван. В момент, когда раздалась команда, слышался возглас «помяни меня Господи во Царствии Твоем». Раздался залп, все было кончено.

Этот случай произвел сильное впечатление на солдат, многие неверующие стали верующими, так необычайно на глазах у них преобразился человек после разговора с благочинным. Уважение к последнему сразу еще более выросло, его имя приобрело известность в полках всей армии, что касается роты, которая была в полку на очень неважном счету, стала неузнаваемой, люди стали из кожи лезть, чтобы выполнить все, что от них требовалось, она стала первой по исполнительности в полку.

Если бы было побольше таких священников, сколько просветления могли бы они внести в темную народную массу.

Московская практическая академия коммерческих наук

17 декабря, в день 105 годовщины основания Московской практической академии коммерческих наук[\[154\]](#), попечителем которой я продолжал состоять, в Москве, в здании академии состоялось обычное торжественное собрание Общества любителей коммерческих знаний[\[155\]](#) и годичный акт.

По этому поводу я послал на имя председателя Совета следующую телеграмму:

«Сегодня, в день торжественного ежегодного акта и празднования дня основания Академии, я всеми мыслями переносюсь к вам и очень сожалею, что второй год подряд не могу лично председательствовать на акте. Шлю с передовой линии славных сибирских стрелков командуемой мною бригады самый сердечный привет дорогой мне Академии, поздравляю членов Совета, преподавателей, наблюдателей и классных наставников, с праздником нашей Академии, которой желаю от всего сердца дальнейшего преуспевания на радость и гордость всех, кои дорожат ею и любят ее. Всех, кто получит награды и аттестаты, поздравляю особенно сердечно и желаю им и впредь служить добрым примером своим товарищам».

На это приветствие я получил следующий ответ:

«Собравшиеся на праздник 105 годовщины в жизни Академии, Совет, Педагогический комитет, учащиеся и их родители, и родственники глубоко сожалеют по поводу отсутствия Вас, нашего сердечно любимого президента. Ваше проникнутое чутким вниманием и нежной любовью приветствие Академии написанное на передовой линии до глубины души тронуло всех нас. Примите и нашу глубокую благодарность, примите и горячие пожелания вам всего лучшего, да сохранит вас Господь на радость нашей Академии, на радость всех нас горячо любящих вас.

Директор Реформатский[\[156\]](#)».

Вслед за этим воспитанники Академии препроводили мне девять мешков с подарками для стрелков, что меня страшно растрогало. Полный чувств благодарности, я написал директору следующее письмо:

Приезд М. Д. Карповой

В это время я был обрадован приездом москвичей – приехала М. Д. Карпова[157] с тремя представителями от рабочих Никольской мануфактуры. С ними пришли два вагона вещей, пожертвованных рабочими и служащими. Вещи все были чудные, а главное их было большее количество, так что вполне хватило на 18.000 строевых нижних чинов.

М. Д. Карпову сопровождала еще сестра милосердия О. В. Корибут-Дашкевич[158]. Я знал об их приезде и поехал их встретить на ст. Залесье. Для меня встреча с москвичами была большой радостью. Встретив их и переговорив, я повез дам к себе в санях, а уполномоченные остались в вагоне при вещах. После ужина разбирал с М. Д. Карповой список привезенных вещей, приблизительно распределив их по частям дивизии, и затем отвез их на вокзал, а на другой день командировал на вокзал прапорщика Редько – сына начальника дивизии, чтобы помочь разобрать вещи и присутствовать при передаче их офицерам полков командированных для принятия их.

К концу распределения вещей на станцию приехал генерал Редько и я. Затем все прибывшие у нас завтракали в штабе, после чего я повез их на один из наблюдательных артиллерийских пунктов, откуда хорошо были видны немецкие позиции, чтобы показать им стрельбу по окопам неприятеля из двух батарей легкой и мортирной из гаубиц. К сожалению погода была пасмурная и потому не так ясно видны были разрывы. Тем не менее, впечатление было сильное. Как только мы прибыли на наблюдательный пункт, я приказал открыть огонь и одна граната за другой вперемежку со шрапнелями стали перелетать чрез наши головы и обрушиваться на окопы немцев.

Эти последние тотчас стали отвечать нам из тяжелых орудий, и их разрывы были уже видны совершенно ясно в расстоянии версты от нас. Это все были перелеты, не принесшие вреда. Насладившись этим зрелищем, наши гости посетили со мной четыре батареи, в двух из них пили чай у гостеприимных артиллеристов в блиндаже. Когда мы возвращались уже в темноту, немцы очень красиво освещали наш путь ракетами, мы говорили нашим гостям, что немцы очевидно беспокоились, как мы доедем в темноту и потому любезно освещали нам дорогу.

На другой день наши гости лично раздавали подарки в 32-м полку, стоявшем в резерве. К этой раздаче приехал генерал Редько и приветствовал москвичей перед выстроенным полком, в ответ на это старичок-рабочий произнес очень простую задушевную речь, которая растрогала солдат. Я оставил уполномоченных от рабочих, по просьбе солдат, у них в полку, они обедали вместе с ними, их всячески ублажали, и они вернулись поздно вечером в восторге от проведенного дня среди сибирских стрелков. Дамы же обедали у нас в штабе. Затем было еще посещение 31-го полка и чай у командира, после чего заезжали в штаб корпуса к Редько, откуда поехали в окопы 29-го полка нарочно в темноту, т. к. это был самый опасный участок, немцы были от нас на этом участке всего в 400 шагах.

Мы обошли две роты, и я был не рад, что повел их; т. к. в одном из ходов сообщения нас обстреляли, несмотря на то, что нас не могли заметить, было слишком темно – очевидно они услышали наши разговоры; я очень испугался за своих гостей, когда явственно просвистало несколько пуль, но они не обратили на это никакого внимания, не отдавая себе отчета в этом свисте. Я был рад, когда мы выбрались из окопов. На следующий день уполномоченные рабочие были у обедни в 32-м полку, а днем я со всеми ими ездил в 30-й полк – самый безопасный участок. В окопах я велел собрать стрелков 2-й роты, и старик уполномоченный держал им речь, затем посетили еще две батареи, везде раздавали подарки.

В последний день их пребывания, это был уже четвертый день, они ездили без меня, я командировал с ними для осмотра наших военных лазаретов и отрядов Красного Креста и посещения раненых дивизионного врача. Вечером, поужинав у нас, они покинули наше расположение – я их не провожал, т. к. не мог отойти от телефона, у меня шла сильная перестрелка на одном из боевых участков, я командировал на вокзал оркестр музыки, который играл при отъезде наших гостей. Мы простились самым сердечным образом, эти 4 дня, хотя и отняли у меня много времени, но радостно бодряще отзывались в моей душе.

В этот день (20 декабря) я получил распоряжение, чтобы в ночь на 22-е произвести в назначенном пункте усиленную рекогносцировку и во чтобы то ни стало захватить находившуюся там рощу с целью захвата пленных и определения расположения противника. Это была первая боевая задача, которую мне предстояло разрешить. Естественно, что распоряжение это меня весьма взволновало, оставалось два дня, надо было немедленно приступить к разработке плана.

Отдав распоряжение пригласить на утро командира полка этого участка, командиров артиллерийской бригады и всех батарей, я устроил с ними и начальником штаба совещание, на котором, по обсуждении всех вопросов, пришли к соглашению в 12 часов ночи на 22-е число пустить на разведку две партии по 150 человек в белых саванах под прикрытием артиллерии и поддержке пехоты, дабы, отвлекши внимание неприятеля в одну сторону, с другой, незаметно подкравшись, произвести неожиданное нападение, захватив возможно больше пленных.

Но командующий корпусом не согласился с моим планом и приказал разведку начать в 8 часов вечера и сразу отправить не менее 2-х батальонов. Пришлось все переделывать, я был просто в отчаянии, т. к. ясно себе представлял, что из такого плана ничего выйти не могло, в 8 часов вечера немцы бывали особенно бдительны и сразу посылать два батальона – значит производить форменное наступление, и это без предварительной разведки. Значит, идти на полную неизвестность, на «авось». Все свои опасения и соображения я изложил в депеше

командующему корпусом, донося, что во исполнение его приказа, я отдал распоряжение произвести наступление двумя батальонами с целью овладения рощей, подготовив атаку ураганным огнем 4-х батарей и мортирной, начав наступление в 8 часов вечера.

Весь день я находился в сильном волнении, несмотря на все мое хладнокровие. Наступило 8 часов вечера – грянул первый выстрел, затем другой, третий и пошло. Хотя батареи стреляли от нас в трех верстах, но стекла дрожали у нас и весь горизонт освещался как заревом. Грозно гудели пушки, но мне все казалось, что огонь недостаточно интенсивен, и я все время по телефону понукал командира бригады. В это время батальоны должны были выходить из окопов и идти на рощу, до которой расстояние было 600 шагов. Все время мне докладывали по телефону: «наши идут», «немцы не отвечают», но прошло полчаса, и слышались разрывы немецких 8 дюймовых. Мы же стреляли трёх- и шестидюймовыми.

Тотчас по телефону мне передали, что снаряд попал в козырек окопа и все стоявшие и под ним стрелки убиты, эти первые потери отозвались тяжело в моей душе. Затем слышалось сообщение, что наши батальоны продвигаются, впереди ползут разведчики с ножницами, немцы усиленно освещают всю местность ракетами, лучи от их прожекторов скользят и ловят наши цепи, после чего град пуль засыпает их, но наши все продвигаются несмотря на потери, один ротный командир уже убит и с ним несколько стрелков.

Проходит некоторое время – телефон передает, что наши подошли к роще, разведчики стали резать проволоку, в первом ряду оказалось до 8 кольев, резать очень трудно, можно только в перерывы между ракетами и когда луч прожектора отходит в сторону. Кроме кольев, все деревья рощи оказались перепутанными проволокой. Я приказал перенести часть орудийного огня в тыл немецких позиций, немцы стали реже отвечать, усилили пулеметный огонь и стали бросать в разведчиков ручные гранаты, к счастью, без большого вреда.

Командир полка мне докладывает, что держаться трудно, что как только разведчики лежат, поднимают руки для резки проволоки, их буквально засыпают из пулеметов. Я приказываю во что бы то ни стало срезать весь первый ряд из 8 кольев, резервам быть наготове, чтобы не пропустить момент для наступления. Проходят томительные полчаса, артиллерия наша замолкла, надо беречь снаряды, а в 3 часа ночи должна взойти луна и если мы не окончим к этому времени нашу задачу, то немцы смогут свободно перестрелять всех наших.

Часы бьют час ночи, раздается телефонный звонок – первый ряд проволоки срезан, подползли ко второму, который оказался местами в 8, а затем у самых немецких окопов еще 4-х кольевый ряд. Срезать все, проделать проход до 3-х ночи невыносимо. Звоню командующему корпусом, т. к. задача выполнялась непосредственно по указаниям, данным штабом корпуса. Получаю ответ: «Поступить, как я найду нужным». Приходится решить самому как быть. Ясно, что до восхода луны я не могу справиться с моей задачей, могу только зря погубить всех людей.

Посоветовавшись с начальником штаба, решил отступить, разведка выяснила в полной мере как защищена роща, больше делать нечего. Позвонив командиру полка, приказал начать отступление через ½ часа, а артиллерии – всем батареям открыть ураганный огонь по роще и окопам для прикрытия отступления, не жалея снарядов.

Через ¾ часа огонь артиллерийский умолк – наши вернулись в окопы, подобрав всех убитых и раненых. Потери оказались, к счастью, меньше чем можно было ожидать – 1 офицер и 5 стрелков убиты, раненых до 40. Сравнительно весьма благополучно. Трудность этой разведки усугублялась тем, что в батареях отсутствовали лучшие наводчики и офицеры, которые в это время были в Молодечно на царском смотре[\[159\]](#). На другой день состоялись похороны убитых, было трогательно и величественно хотя и очень просто и скромно. Отпевали в местной сельской церкви в дер. Михневичи в версте от штаба и похоронили на устроенном, по моей инициативе, братском кладбище,

близ церковной ограды. По поводу устройства этого кладбища у меня вышли препирательства с местным священником, который протестовал против выбранного мною места и когда солдаты пришли рыть могилу, то он не допустил их. Пришлось послать офицера, чтобы предупредить его, что если он будет препятствовать погребению павших на поле брани, то я пошлю депешу архиерею с просьбой заменить его другим священником. Он смирился, и я мог закончить начатое мною устройство кладбища. Вышло очень хорошо, а то до этого времени хоронили, где попало.

На отпевании присутствовали офицеры полка, свободные от нарядов, чины штаба, сестры Гродненского отряда. Посреди церкви стоял гроб с телом ротного командира, рядом без гробов в саванах тела стрелков, тело одного из них, татарина, стояло вне церкви. По окончании отпевания их понесли к братскому кладбищу мимо выстроенной роты, командир коей был убит; музыка трогательно играла «Коль славен». Под звуки оружейных выстрелов – я приказал двум батареям в виде салюта выпустить по 5 очередей снарядов, тела опустили в могилу. По окончании церемонии я обратился к роте с несколькими словами, назвав кончину их товарищей почетной смертью на поле брани, которой бояться нечего, т. к. она ведет к будущей светлой жизни и что только безбоязненно относясь к ней, можно сокрушить врага. Затем рота с музыкой прошла мимо свежесыпанных могил этих героев. Я вернулся к себе.

В этот день около Молодечно состоялся смотр представителям от войск 10-й армии. Для этого в Молодечно были собраны сводные батальоны от всех дивизий, ходивших в состав этой армии. Эти сводные батальоны были составлены из лучших стрелков роты, чтобы представить их во всем блеске, отбирали лучшие сапоги, шинели, фуражки, башлыки, амуницию. Это вызывало большое неудовольствие среди тех, у кого отбирались эти предметы одежды и снаряжения. И, действительно, оно было крайне несправедливо – одеты были все люди, как я уже говорил выше, очень плохо и только у некоторых, которые особенно аккуратно и бережливо относились к выданной им одежде и амуниции,

постоянно чинили, чистили – одежда и амуниция были в хорошем виде. И вот у таких-то ее отбирали, чтобы передать идущему на царский смотр, а ему взамен давали самую рвань. Меня лично это глубоко возмущало, но я ничего не мог поделать и мог только в душе сочувствовать неудовольствию тех, у кого отбиралась одежда.

Да и самый выбор людей для царского смотра не мог не отражаться вредно на настроение тех, кто не устаивался этого выбора, а соблюсти полнейшую справедливость было очень трудно – как выбрать достойнейших? И в течение двух недель сколачивали этих избранников, они были выделены, размещены отдельно, не несли службы в окопах, все это для чего? Чтобы на смотре государя показать товар лицом, другими словами обмануть его, чтобы он подумал, что все его войска, стоящие в передовых линиях, так одеты, обуты и снаряжены, чтобы не огорчить его действительностью.

Все это было весьма грустно, т. к. войска не могли этого не чувствовать, а такие мысли, конечно, развращающе влияли на них, возбуждая нежелательные толки. И еще возмутительнее было то, что и усиленная разведка, повлекшая за собой только напрасные потери, о которой я говорил выше, была также затеяна в связи с приездом государя в Молодечно. Командующий армией Радкевич хотел показать государю, что и в период затишья его армия не дремлет, и потому приказал во всех дивизиях в ночь кануна приезда государя произвести усиленные крупные разведки с обязательным захватом пленных, дабы было что доложить государю о боевых действиях 10-й армии.

В результате оказалось, что все эти разведки, как не вызванные обстоятельствами и искусственно придуманные без достаточной обдуманности, успеха не имели, но все же они дали возможность сделать доклад государю под известным, выгодным для штаба армии, соусом. Обратной стороны, конечно, никто государю не доложил.

Я лично боялся, что мои действия по этой разведке одобрены не будут, что результаты разведки будут найдены чересчур ничтожными по сравнению с потерями, я и сам себя винил, что может быть я

действовал недостаточно энергично т. к. зная подкладку, приступал к ней неохотно и против своей воли, – каково же было мое удивление, когда я получил благодарность за все мои обдуманые распоряжения. Оказалось, что в других дивизиях было хуже и по результатам, и по потерям, мне поставили в плюс то, что я, по крайней мере, выяснил во всей подробности как немцами укреплен роцка, а также и вся местность между ней и неприятельскими окопами.

Смотр в Молодечно прошел отлично и генерал Редько вернулся со смотра очень довольный, смотр удался блестяще, мне лично он передал от Эверта много лестного, сказанного им опять по моему адресу.

Этот показательный смотр и искусственно созданные разведки, столь вредные, как все показное, не могли бы иметь места, если бы во главе Верховного командования не находился бы сам государь. Отсюда ясно было, что несчастная мысль государя принять на себя Верховное командование над войсками принесла более вреда, чем пользы нашим военным действиям. Боязнь противоречить, когда этого требовали обстоятельства, боязнь говорить правду в лицо и желание представить все в розовом свете, быть приятным, все это, к сожалению, были отличительными чертами не только многих придворных, но также и строевых генералов.

По возвращении сводного батальона с царского смотра стрелки возвратились в свои роты, жизнь вошла в свою колею, все стали готовиться к праздникам Рождества, пользуясь полным затишьем на фронте. В штабе тоже усиленно готовились к празднику, чистили, убирали, из Петрограда и Москвы приходили вагоны с подарками для нижних чинов и офицеров, вернулись и офицеры, командированные от штаба корпуса и дивизии для разных закупок, между прочим, вина к празднику. В то время вина в продаже не было, его можно было получать только с разрешения градоначальников или губернаторов, поэтому и мне пришлось обратиться к Е. К. Климовичу[\[160\]](#), который любезно исполнил мою просьбу, написав при этом мне следующее письмо:

24 декабря, накануне Рождества, в 8 час. утра, мне передали, по телефону, что командующий корпусом поехал в окопы 32-го полка. Велев оседлать себе лошадь, я поскакал, чтобы встретить его. Около дер. Перебрановичи увидел я генерала Редько, едущего полной рысью, но совершенно в обратную сторону. По своей привычке он так быстро ехал, что я карьером с трудом мог его догнать. Обнаружив его ошибку, мы поехали вместе и, для сокращения дороги, напрямик чрез кустарник и поля, снег проваливался, местами приходилось переезжать речки, нас сопровождали два казака, мы доехали, таким образом, непосредственно до левого фланга окопов.

Немцы, очевидно, никак не думали, что эти два всадника, имевшие дерзость подъехать к самым окопам верхом, были командующие корпусом и дивизией, они подумали, наверно, что это какие-нибудь ординарцы или обозные и не стоит по ним тратить пуль. Мы безнаказанно сошли с лошадей и вошли в окопы. Эти окопы были заняты частями нашей дивизии всего два дня назад, и потому мы их видели впервые. Благодаря дождям середина расположения окопов, находившихся в ложине, была наполнена водой, это было целое озеро, залившее собой все окопы. Такая неблагоприятная погода, сильные оттепели после морозов, дожди прямо выбивали из сил людей, по восстановлению постоянно разрушавшихся окопов. Мы обошли их до конца расположения нашей дивизии, далее шли уже окопы 65-й дивизии.

Выйдя из окопов, мы по железнодорожной насыпи линии Молодечно-Вильно пошли пешком до штаба полка, где нас ждал автомобиль. Хотя мы шли по совершенно открытому месту в расстоянии полуверсты от немцев, ни одной пули пущено нам вслед не было.

Редько заехал к нам в штаб, мы пообедали вместе, после чего я поехал на автомобиле к моим соседям – начальникам дивизий 7-й Сибирской и 65-й, чтобы пригласить их к нам на елку на 26 декабря. Я страшно торопился, т. к. у нас в штабе было назначена всенощная в этот день в 7 часов вечера. Но когда торопишься, то всегда случаются неудачи.

Возвращаясь из 7-й Сибирской дивизии, я с автомобилем влетел в канаву, наполненную снегом. Долго бились, пока его не вытащили, и я попал домой только в 8½ часов. Страшно было совестно, т. к. меня ждали и не начинали всенощной. Всенощная прошла очень торжественно, служил очень хороший священник одного из полков, певчие прекрасно пели. После всенощной сели ужинать вокруг елочки.

25-го в 8 часов утра я поехал поздравить с праздником командующего корпусом и вместе с ним к обедне в 30-й полк. Обедню служили в сарае, очень красиво и хорошо приспособленном для церкви. Поздравив людей с праздником, Редько уехал в 7-ю Сибирскую дивизию, а я вернулся к себе. По моему распоряжению в этот день полковые священники должны были обойти с крестом и св. водой окопы и расположения своих полков, при этом всем находившимся в окопах в этот день было роздано по кисету-подарку.

В 6 часов вечера в помещении казачьей сотни конвоя состоялся спектакль и елка, на которые я получил приглашение. Был целый дивертисмент – сочинение самих казаков, просто и остроумно, местами наивно. Потом зажгли елку, и каждый казак получил по подарку. Вернувшись в 9 часов вечера к себе, я не пошел ужинать, а сел за работу – надо было разобрать накопившиеся бумаги. Так прошел первый день праздника, невольно все мысли переносились к родным, близким.

26-го декабря, с утра, стали все прибирать и готовиться к елке, которую поставили в моей комнате, предварительно убрав из нее все мои вещи, это была самая большая комната и потому я ее и предложил для устройства елки. Громадную чудную елку наша молодежь начала усердно украшать, разложили на двух столах подарки, стали накрывать и столы для ужина и чая. Всех приглашенных, кроме нас – хозяев – чинов штаба, было 68 человек.

Благодаря распорядительности нашего мага и волшебника, заведовавшего столовой капитана Константинова, все было устроено прямо удивительно красиво, изящно и грандиозно. В моей комнате была елка, рядом тоже, в большой комнате ужин, столы и скамейки были

устроены своими средствами, сидячих мест было 75. Плотники из обоза устроили очень красивую деревянную люстру на 30 свечей, разукрасив ее папиросной бумагой. На столах стояло 8 керосиновых ламп. Рядом с комнатой для ужина – оркестр музыки. По другую сторону в 2-х комнатах был накрыт чай. К чаю были всякие елочные угощения. Провизия к ужину и все эти угощения – все это было выписано из Петрограда при любезном содействии моей сестры и из Москвы чрез моих друзей. Повар наш и кондитер превзошли себя, была такая дивная выставка блюд, так все артистически подано, что, казалось, мы не на войне, а у «Медведя» или в «Праге»[\[171\]](#). Был окорок ветчины, телятина, холодные поросята, паштеты домашнего приготовления, индейки, рябчики – последние были поданы с головой и крыльями, лососины два блюда и т. д. торты, закуски. Из вин было красное и белое.

Гости наши прямо ахнули, увидев такое разнообразие и так красиво декорированные блюда. Мы могли так все устроить благодаря тому, что повар у нас был от «Медведя», а кондитер – из какой-то кондитерской г. Царицына. Они очень обрадовались случаю вспомнить свое старое искусство, которым они занимались до войны, и приложили все свое старание, чтобы отличиться.

Около 8-ми часов начался съезд гостей, все проходили в комнату, где был накрыт чай. В 9 часов зажгли елку, раздались звуки оркестра 29 полка и фанфары возвестили, что гости могут войти. Раскрылись двери, и глазам гостей представилась разукрашенная елка с сотнями горевших свечей. Зрелище было эффектное, необычное. Стали разбирать подарки, ходили вокруг елки, а затем незаметно и как-то невольно заговорили о танцах. Тотчас елка была отодвинута на край комнаты, музыка заиграла вальс, начались танцы. Сестры Гучковского отряда, которых уполномоченный их Баржили[\[172\]](#) держал очень строго, никуда не отпускал, были так рады потанцевать, что не скрывали своего восторга, две из них были поразительно красивы и изящны, и наша молодежь совсем растаяла.

Сестры Гродненского отряда тоже танцевали, Пермского же заявили, что они дали себе слово до конца войны не танцевать; но под конец тоже не выдержали и стали танцевать с большим оживлением. Редько, всегда угрюмый и не общительный, сам оживился, видя кругом такое оживление, и уговорил их сделать на сей раз исключение. Правда, у нас все было так просто, уютно, молодежь держала себя так корректно, что предосудительного ничего быть не могло. Танцы сменялись небольшими антрактами, дирижировал все тот же Константинов. Я лично протанцевал два-три тура вальса и прошелся в мазурке. Одна из сестер Гучковского отряда протанцевала лезгинку удивительно изящно и грациозно.

В 11 часов сели ужинать, все были очень оживлены, царило действительно неподдельное веселие, было приятно на них на всех смотреть. После ужина танцы продолжались уже в комнате, где ужинали и откуда успели уже убрать столы. Только около 3-х час. ночи стали разъезжаться. Немцы были так деликатны, что за все время не выпустили ни одного снаряда. Мы тоже их не трогали. Я был очень доволен, что моя затея увенчалась успехом и что этот вечер оживил, подбодрил и объединил всех, даже на Редько он подействовал благотворно.

Мое настроение было несколько омрачено и потрясено полученным мною печальным известием о кончине моего друга А. В. Михалкова[\[173\]](#), которого я долгое время был опекуном. Он умер после продолжительной тяжелой психической болезни у известного психиатра доктора Баженова[\[174\]](#). Его кончина хотя и явилась и для него и для его семьи избавлением, но на меня она произвела сильное впечатление, мне было очень тяжело, что я не мог поехать отдать последний долг моему старому другу, повидать его детей[\[175\]](#), поклониться вместе с ними праху их отца.

В Петрограде в это время произошла крупная перемена в составе Совета Министров – ушел Горемыкин[\[176\]](#). На его место председателем Совета Министров назначен был Б. В. Штюрмер[\[177\]](#). Назначение это я скорее приветствовал и даже написал ему несколько слов, т. к. за 3 дня до моего отъезда из Петрограда имел с ним очень откровенный разговор,

встретившись с ним в Английском клубе, когда он очень сочувственно отнесся к высказанным мною ему взглядам на положение вещей и ведение дела и, со своей стороны, высказал мне много практически жизненных мыслей, которые он находил необходимым провести в жизнь. Зная его честолубивый характер, я был уверен, что он скупает Хвостова и вместе с ним конечно и Белецкого, стремясь сделаться вторым Столыпиным[178].

Первое ему удалось, Хвостов попался в грязной истории «Ржевский – Симоновичи»[179], Белецкий его предал и Хвостов ушел. Штюрмер получил портфель министра внутренних дел, но до Столыпина ему было далеко, все, что он мне говорил в клубе, осталось одними словами, он окружил себя проходимцами и темными личностями, взяв себе в секретари известного пройдоху и низкопробного жулика Манусевича-Мануйлова[180], грязи вокруг министра внутренних дел стало еще больше.

По этому поводу и вообще на злобу дня в Петрограде ходил по рукам очень остроумно составленный отчет по результату «скачек», в коем под видом лошадей выставлены были все тогдашние претенденты на пост председателя Совета Министров и министра внутренних дел:

Скачки

I

II

Накануне Нового года, 31-го декабря, утром я был обрадован приездом представителей города Москвы С. В. Пучкова[194], В. М. Челнокова[195] – сына городского головы и уполномоченных от городских служащих А. Г. Раттур[196] и Л. В. Кострова[197], привезших подарки от Москвы стрелкам моей дивизии. Они привезли такую массу вещей, что я смог поделиться с соседней 65-й дивизией, которая никаких подарков ниоткуда не получала.

Новый год мы встречали вместе с ними, мне это было удивительно приятно. В 11 часов вечера в помещении штаба отслужен был новогодний молебен. Без пяти минут 12 я стал читать приказ государя армии по случаю Нового года, приказ был составлен удивительно хорошо, без волнения его нельзя было слушать. Окончив чтение его, я крикнул «ура» в честь государя, музыка заиграла гимн и раздалась канонада из всех орудий, было ровно 12 часов. Этот салют был произведен по моему приказанию во всех батареях – каждое орудие выпустило по 5 снарядов по немецким окопам, этими выстрелами мы зажгли у немцев один блиндаж, который они не могли погасить до самого утра. Немцы ответили нам, выпустив 20–30 снарядов, не причинивших нам никакого вреда.

1916[198]

Новогодний ужин был очень оживленный, была масса тостов. Пучков произнес целый ряд тостов, среди них очень трогательный тост по моему адресу, от родной мне Москвы. Покончив с ужином, перешли в другую комнату и молодежь затеяла танцы. Было несколько сестер милосердия, которым буквально не давали вздохнуть. В. М. Челноков был очень забавен, он оказался большим любителем танцев и так увлекся, что, хотя и неуклюже, но с большим подъемом протанцевал с одной из сестер «ras d'Espagne»[\[199\]](#) в валенках и кожаной куртке. У него не было другого костюма, и он, бедный, страшно страдал от жары. Пучков и уполномоченные уехали вскоре в свой вагон на ст. Залесье, а Челнокову так понравились танцы, что он продолжал с остервенением, обливаясь потом в буквальном смысле, откалывать валенками мазурку, и только в три часа ночи гости стали разъезжаться. В день Нового года наши гости были у обедни в 29-м полку, а затем посетили окопы 31-го полка, начав с батальонного резерва.

Я приказал выстроить роту под горой, прикрывавшей нас от немцев. Поздравив стрелков с Новым годом, я сказал им несколько слов по поводу новогоднего приказа государя, в честь которого крикнул «ура»,

мощно подхваченное стрелками. В эту минуту совершенно неожиданно грянул выстрел, затем другой, третий и снаряды с особенным шумом, перерезая воздух понеслись над нашими головами. Оказалось, что это наша 3-я батарея открыла огонь, т. к. с наблюдательного пункта ей сообщили, что появились немцы и производят какие-то работы.

После меня к стрелкам обратился Пучков с приветствием от Москвы и передал им в подарок гармонию. Я приказал тогда лучшему игроку взять гармонию и сыграть плясовую. И всего в 100 шагах от окопов раздались звуки гармонии и один за другим стали выбегать стрелки и плясать с каким-то особенным задором, веселые радостные, а снаряды все продолжали с шипением проноситься над нашими головами.

Мы пошли далее в окопы, но уже с осторожностями по одиночке в ста шагах друг от друга. В это время наша стрельба кончилась, пришла очередь немцев, они открыли стрельбу тяжелыми снарядами, но мы в это время находились уже в мертвом пространстве, куда их снаряды падать не могли. Разрывы их ясно были видны нам, снаряды падали в ложину шагах в 300–400 от нас. Обойдя окопы, я повез гостей в 3-ю батарею на солдатский спектакль «Царь Максимилиан»[\[200\]](#).

В лесу отлично была устроена сцена, играли хорошо и забавно, затем зажгли елку, солдаты танцевали, плясали, среди плясунов был один любитель рассказчик, одет он был жидом в маске и, припрыгивая, танцуя под музыку, рассказывал преуморительные анекдоты из еврейского быта и разные экспромты. И вдруг среди этих экспромтов он, прыгая под музыку, еврейским акцентом произнес: «А я с его превосходительством и Уточкиным летали». Оказалось, что он был механиком[\[201\]](#) у авиатора Уточкина[\[202\]](#), когда я первый раз летал с ним на «Фармане» в Москве. На войну он был призван в автомобильную роту и находился при штабе фронта. После ужина в офицерской халупе наши гости уехали, я проводил их на поезд.

Вот как описал в то время С. В. Пучков свое посещение нашей дивизии в газете «Русское Слово»:

У генерала В. Ф. Джунковского

На другой день отъезда москвичей командующий корпусом прислал мне телеграмму штаба армии с требованием объяснения, почему не была соблюдена должная осторожность при посещении окопов представителями от г. Москвы и они были подвергнуты опасности. Я ответил следующим донесением:

На другой день отъезда москвичей поднялась страшнейшая метель, продолжавшаяся двое суток. Окопы, землянки, блиндажи – все засыпало снегом. По окончании метели я поехал в окопы, снегу навалило целые горы, все ходы сообщения были совершенно занесены. Шла усиленная работа по очистке окопов от снега, вся линия была сплошь усеяна работавшими стрелками, у немцев шла такая же работа т. к. и их занесло снегом. И они, и мы работали открыто, можно было подумать, что состоялось взаимное соглашение – какое-то перемирие, стрельбы не было ни с нашей, ни с неприятельской стороны.

После метели два дня были довольно сильные морозы, а затем температура сразу поднялась до оттепели и вся эта масса снега стала быстро таять – в окопах было целое наводнение, просто беда, люди выбивались из сил, выкачивая воду из блиндажей, землянок, отводя воду из окопов и ходов сообщения. Срочно по телефону выписал я из Москвы, при любезном содействии градоначальника Климовича, для откачивания воды насосы, которые и были мне немедленно высланы с курьерским поездом с нарочным, так что я их получил вовремя. Посылая мне насосы, Климович написал мне следующее письмо:

В это самое время, когда дивизии пришлось бороться со стихией, к нам приехало три генерала из 3-го Кавказского корпуса для ревизии отчетности во всех частях дивизии, а затем должен был приехать из штаба фронта генерал Кондратович^[211] для осмотра позиции с боевой точки зрения в смысле ее подготовленности. Ревизии по отчетности меня несколько не волновали, т. к. начальником дивизии Редько вся хозяйственная часть дивизии была поставлена образцово и учет всему был самый аккуратный до мелочей, что касается подготовленности позиции, с боевой точки зрения, то в этом отношении можно было найти

много дефектов, но виной этому главным образом были прямо стихийные бедствия.

9-го января я обедал у начальника 64-й дивизии генерала Жданко[212]. Эта дивизия находилась в составе 26-го корпуса и стояла в то время на отдыхе. Жданко жил в роскошном замке, это от нас было в 12 верстах, он жил с женой[213][214] и дочерью. Я был поражен роскошной обстановкой, от которой совершенно отвык. Обед был накрыт в огромной столовой, скатерть, чудная сервировка, тонкий обед, вина, точно в Петрограде у какого-нибудь посла. За обедом присутствовал весь штаб. Все держали себя непринужденно, чувствовалась самая тесная дружная связь всех чинов штаба с начальником дивизии, чувствовалось как все его почитали и любили. Я уехал от него под очень приятным впечатлением. Заехав к командующему корпусом и пробыв у него весь вечер, я только к 12 часам ночи вернулся к себе.

На другой день, 10 января в 31-м полку при штабе полка назначен был, по моей инициативе, спектакль. Мне очень понравилась игра солдат и все устройство на спектакле в этом полку на Рождество, и я тогда же сказал командиру полка, что надо было бы повторить этот спектакль, пригласив командующего корпусом и сестер. Командир полка мне ответил, что он лично на это не решается, опасаясь обстрела, т. к. штаб полка находился всего в одной версте от немецких окопов, и обстреливался он даже и ружейным огнем. Я сказал, что по вечерам немцы обыкновенно не стреляют и потому риска мало. Командир полка ответил, что если я нахожу возможным, то он очень рад повторить спектакль и просил меня пригласить от себя всех, кого я найду желательным и в какой день я найду более удобным. Я и назначил 10 января, пригласив командующего корпусом с чинами его штаба, штаба дивизии и свободный от занятий персонал трех отрядов Красного Креста.

Погода в этот день была убийственная, мокрая метель, страшнейший ветер, я обещал лично заехать за сестрами Пермского отряда, т. к. уполномоченный ехать сам не мог и согласился отпустить сестер только со мной. Спектакль был назначен в 7 часов, как вдруг в 2 часа дня

началась совершенно неожиданная канонада – немцы стали громить штаб полка тяжелыми снарядами. В течении трех часов снаряды с остервенением падали и рвались в расположении штаба, один сарай был разрушен до основания, все стекла в помещениях штаба и у командира полка были выбиты, снаряды к счастью ложились в фруктовом саду, уничтожив массу деревьев и изрыв всю землю. Среди чинов штаба ранено было двое. Я уже думал отменить спектакль, но когда в 5 час. дня наступила тишина, канонада прекратилась, я решил не откладывать, т. к. находил именно безопасным ехать после канонады, вряд ли немцы в тот же день решились бы повторить обстрел. Немцы всегда делали все по известной системе, очевидно и на сей раз они положили громить три часа, кончили, и возобновления в тот же день ожидать нельзя было, если только мы бы сами не вызвали огня.

В 6 часов стали собираться гости, было уже темно, автомобили бесшумно подъезжали с потушенными огнями. В 7 часов начался спектакль в приспособленном для сего огромном сарае, к счастью не пострадавший от выстрелов. Все окна, малейшие отверстия были забиты досками и затянуты темными материями, чтобы ниоткуда не проникал свет, чтобы звуки оркестра не были слышны снаружи. Одним словом, все меры, для безопасности были приняты. Спектакль сошел отлично с большим подъемом, солдаты играли с каким-то особенным воодушевлением, все были бодры, то, что высшее начальство пренебрегло немецкой канонадой и приехало в такой опасный пункт посмотреть игру нижних чинов, придавало как-то всем еще более бодрости, сближало начальство с подчиненными в одну общую семью, одинаково относящуюся к опасности. После спектакля был ужин, угощение нижним чинам и все кончилось танцами. Разъезд состоялся только в час ночи. Если бы немцы могли только догадаться, что в версте от них происходил такой пир с высшим начальством! Все прошло очень оживленно, близость опасности поднимало настроение. Я отвез сестер Пермского отряда и сдал их в полном благополучии уполномоченному.

11-го января я обходил с командующим корпусом окопы 30-го полка и пришел в большое беспокойство, увидев малую успешность работ.

Вызвав к себе командира саперной роты, приказал изменить совершенно план работ, занявшись исключительно укреплением только одного участка самого серьезного, дав на эту работу 10 дней, затем я вместе с ним распределил и рабочих и все сорганизовал.

12-го числа, узнав от перебежчика немца, что в этот день в 5 часов утра у немцев должна произойти на позиции смена, я приказал открыть пальбу из орудий, пустив по их окопам и резервам несколько сот снарядов с промежутками получаса.

Отдавая такого рода приказания вполне сознательно, я всегда волновался от мысли, что этим я несомненно вызову огонь со стороны немцев, последствием чего у нас могут быть жертвы. Когда шел бой, то жертвы являлись естественным последствием, они становились неминуемыми, когда же я отдавал приказание к открытию огня исключительно для тревожения неприятеля, или для показа как ложатся снаряды, или для пристрелки лично для себя, то всегда мысль – «окупятся ли жертвы» не покидала меня и, покончив стрельбу, в ожидании ответной со стороны немцев я с волнением ожидал ее результатов. К счастью, жертв бывало мало.

13-го числа в дивизию приехал генерал Кондратович, командированный главнокомандующим Эвертом для осмотра боеспособности позиции. Я не виделся с ним лет 15, мы встретились с ним как старые знакомые. Он состоял для поручений в качестве офицера Генерального штаба при покойном великом князе Сергее Александровиче в бытность его в Москве командующим войсками. Затем он командовал дивизией во время Японской войны и на Кавказе корпусом, но неудачно, будучи отчислен от должности.

Приезд Кондратовича, которого мы в этот день не ждали, чуть было не нарушил назначенного в этот день у нас в штабе прощального ужина, который мы затеяли для наших двух отрядов Красного Креста, с которыми мы расставались вследствие полученного распоряжения об отходе нашей дивизии на отдых в армейский резерв.

Вскоре по приезде ко мне Кондратовича приехал командующий корпусом и мы устроили совещание, дав Кондратовичу подробные сведения о состоянии нашей позиции. После этого совещания я предупредил Кондратовича об имевшем состояться у нас ужине и пригласил его принять в нем участие. Он любезно принял приглашение и сказал мне только, что хотел бы под утро обойти окопы и ознакомиться с боевой службой в них.

Ужин прошел очень оживленно, затем танцевали, музицировали, одна сестра, обладавшая очень хорошим голосом, пропела несколько романсов, разъехались около часа ночи.

В 4 часа утра на автомобиле с начальником инженеров армии [\[215\]](#)[\[216\]](#) и двумя еще офицерами поехали в штаб 31-го полка, откуда уже пешком в окопы. Кондратович был очень поражен, что я не взял с собой ни ординарца, ни казака и сам указывал все время шоферу дорогу, а когда мы вошли в окопы, то на все его вопросы я отвечал сам, не обращаясь ни к командиру полка, ни к начальнику штаба [\[217\]](#)[\[218\]](#). В окопах было много воды вследствие сильной оттепели, местами она доходила до колен. Мы вымазались страшно, но Кондратович остался очень всем доволен, а главное чудным видом стрелков, их бодрыми веселыми лицами, он заходил и в блиндажи и землянки, беседовал с ними и был очень удовлетворен, а мне он все повторял, что видит первого начальника дивизии, который в окопах как у себя дома.

На обратном пути я предложил ему заехать на наблюдательный пункт, который был устроен на вышке и имел большой кругозор. Поднявшись на вышку, и ознакомив Кондратовича с видневшейся позицией немцев, я спросил его не желает ли он поверить стрельбу. Он согласился, я приказал открыть огонь взводами шрапнелью, которые одно за другой стали красиво разрываться над окопами. Затем я велел перейти на гранаты и мы ясно видели, как они стали падать в окопы, подымая целые столбы снега, песка. Выпустив два десятка снарядов, пошли пить чай к командиру батареи. Тотчас немцы стали отвечать,

открыв сильную канонаду, продолжавшуюся более часа и обстреливая наши окопы и излюбленный ими штаб 31-го полка.

Я не мог понять, почему немцы на мои 30 выстрелов отвечали сотнями, оказалось, что это был день рождения Вильгельма^[219], и они стреляли по всему нашему фронту. Получив по телефону сведения, что в 30-м полку ранено несколько стрелков, я приказал всем батареям выпустить по окопам и резервам противника по 20 снарядов на орудие, всего значит 840 снарядов. Канонада пошла такая, что немцы были не рады, с наблюдательных пунктов мне было доложено, что как только началась наша стрельба, немцы из резервов побежали в окопы, оставалось только по одному наблюдателю на взвод, тогда мы начали жарить по окопам, они побежали обратно, а наши батареи стали их посыпать сверху шрапнелями. Все соседние корпуса встревожились, и отовсюду меня запрашивали по телефону, что это за стрельба. Я отвечал, что это подарок Вильгельму ко дню его рождения. Тогда мои соседи тоже последовали моему примеру.

Вечером был на ужине в Гродненском отряде Красного Креста, а 15-го весь день занимался с генералом Кондратовичем и с ним же обедал в 65-й дивизии, где снимались в группе, после чего я простился с ним и вернулся к себе. В эту же ночь на позиции наша дивизия, сменившись 84-й пехотной, отошла в резерв. К счастью смена прошла спокойно, немцы очевидно не были осведомлены происходившей сменой, а то очень часто они накануне смены кричали нашим, находившимся в окопах: «Счастливого пути, вы сменяетесь завтра». Но на другой день очевидно немцы узнали о происшедшей смене и стали кричать 84-й дивизии: «Сибиряк ушел, так мы вам покажем».

И действительно, на следующий же день открыли такую канонаду по ним, что разрушили совершенно тот сарай, где у нас в 31-м полку был спектакль, сравняли часть окопов с землей и в дер. Шутовичи зажгли снарядами три дома; разбито было 4 кухни, искалечено 20 лошадей и до 40 нижних чинов было убито и ранено. Снаряды попали даже близ Залесья – штаба дивизии. Если бы немцы причинили такие потери моей

дивизии, то я бы им ответил так, что им бы не поздоровилось, 84-я же дивизия, как передавали, ответила десятками снарядов всего.

Наша дивизия отошла в район Высоковщина-Молодечно. Штаб разместился в чудной усадьбе, оставшейся нетронутой, в Высоковщине. Дом был чудный с водопроводом, мраморной ванной, обстановка, все сохранилось в целости, даже ковры были в комнатах. Приехал я в новое место стоянки верхом, т. к. надо было проехать только 13 верст. Я рад был, что нашу дивизию отправили на отдых, а то ее сильно трепали все время, и это был первый отдых для нее после 1 ½ года исключительно боевой жизни. А кроме того надо было сколотить ее, влив все пополнения, заняться серьезно обучением, приодеть, снарядить и т. д.

Жить было в Высоковщине очень хорошо, но времени свободного было гораздо меньше, чем на позиции, я был завален чисто будничными делами, которые отнимали больше времени и были гораздо менее интересны. Полки были раскиданы на большое расстояние и потому объезды и обходы их были весьма утомительны.

19-го числа вместе с начальником штаба и дивизионным врачом [\[220\]](#)[\[221\]](#) я объезжал полки и лазареты. Выехав в 9 час. утра, удалось посетить все четыре полка, оба дивизионные лазарета, все батареи, перевязочный отряд, команду пулеметов Кольта [\[222\]](#). Вернулся только в 10 часов вечера, не завтракав и не обедав, замучив себя и своих спутников, но зато хорошо ознакомился с местами расположения всех этих частей. На другой день, в 9 часов утра, я опять выехал для осмотра остальных частей дивизии, дивизионного обоза и 5 пулеметных команд Кольта, они стояли в 35 верстах от расположения штаба. Нашел много непорядков, пришлось наложить много взысканий.

21-го я хотел спокойно посидеть у себя, заняться канцелярскими делами, но увы! Не удалось – по телефону передали, что командующий корпусом приехал в 29-й полк. Я поехал туда, застал генерала Редько страшно не в духе, все нехорошо, все не так, навел на всех панику, без толку выговаривал то одному, то другому, придирался, кричал, прямо было невыносимо слушать.

Я в таких случаях держался такой тактики: старался его тихонько успокаивать, находя оправдание в какой-нибудь неисправности или беря вину на себя, если же и этим не удавалось его привести в нормальное состояние и он продолжал кричать, суетить, то я отходил от него в сторону, старался показать полное равнодушие и начинал заниматься чем-нибудь другим, хладнокровно экзаменовать какого-нибудь офицера или унтер-офицера, не обращая на него внимания, это уже всегда действовало магически и он сразу притихал; так было, и на этот раз. Когда он приехал, то казалось его ничем нельзя было укротить, при отъезде же это был уже другой человек, и он не знал как расхвалить командовавшего полком.

Приезд из Москвы С. И. и А. Ф. Матвеевых

На следующий день из Москвы приехали С. И. и А. Ф. Матвеевы^[223] и ее сестра – мои большие друзья, он служил при мне для особых поручений в бытность мою губернатором. Получив депешу об их приезде, я поехал их встретить на вокзал и привез их в штаб, где мы их очень хорошо устроили. Они привезли 18 000 подарков стрелкам моей дивизии, собрав все эти подарки в Москве. Читая списки всех пожертвовавших вещи, во главе коих стояло дорогое мне имя великой княгини Елизаветы Федоровны^[224], я был до слез тронут таким вниманием близких моему сердцу москвичей, вместе с подарками Матвеевы привезли мне и массу трогательных писем, приветов. Среди подарков было много и от крестьян с приговорами обществ на мое имя за подписью волостных старшин. На покупку подарков Матвеевы устроили также у себя в доме концерт, в котором приняли участие лучшие силы Москвы. Программа концерта, которую мне привезли Матвеевы, была усеяна подписями всех артистов. Я был прямо смущен таким общим вниманием. Распределив все подарки по частям дивизии, мы объехали все полки. Матвеевы лично раздавали их во всех 4-х полках дивизии и обворожили офицеров своей лаской и заботой при удивительной при этом простоте и скромности.

Самая трогательная раздача была в 32-м полку, в котором находилось до 160 нижних чинов уроженцев Московского уезда, которых я приказал построить отдельной группой, т. к. Матвеев сам в то время занимал должность помощника московского уездного предводителя дворянства. Увидев эту группу родных ему обывателей московского уезда, Матвеев попросил меня разрешить отслужить молебен. Я сначала не понял почему, но подумал, что он, вероятно, хочет помолиться с крестьянами своего уезда, которых он неожиданно нашел у нас. Приглашен был священник, который и отслужил молебен, после чего Матвеев, совершенно неожиданно для меня, произнес несколько слов по моему адресу, попросил моего разрешения благословить меня небольшой иконой Иверской Божьей Матери от моих бывших сослуживцев по Москве. Я был совершенно растроган и умилен, получив благословение при такой обстановке и в присутствии стрелков – бывших москвичей. Слезы подступили мне к горлу, и я с трудом мог ответить Матвееву. Затем приступили к раздаче подарков, по окончании чего под звуки полкового марша и крики «ура» уехали из расположения полка.

Кроме поездок по остальным полкам, я возил Матвеевых в г. Сморгонь – этот разрушенный снарядами город, о котором я уже писал, описывая посещение его представителями Москвы С. В. Пучковым и др. Путешествие туда совершили на автомобиле 17 верст, в двуколке с версты и последние 2 версты пешком. Из Сморгони отлично видно было все немецкое расположение. Когда мы уже отъезжали от Сморгони, немцы начали нас обстреливать, я ехал верхом и вдруг я вижу мою двуколку, едущую вскачь – они так перетрусили, что пустили лошадей карьером, смеху было не мало. Матвеевы пробыли у нас 5 дней, был у нас и один вечер для них с танцами, затем был в 30-м полку и ужин в Гродненском отряде, так что это было 5 дней сплошных празднеств. Я конечно не всюду сопровождал их, т. к. был очень занят служебными делами.

Только они уехали и я отправился на учение в 31-й полк, как мне принесли депешу, что из Молодечно выехали ко мне представители почтово-телеграфного ведомства с тремя вагонами вещей для моих

стрелков из склада императрицы. Они привезли чудные вещи и такое множество, что их не только хватило на 24000 человек моей дивизии, но я мог еще передать часть подарков и в соседние дивизии. Вагоны эти составляли часть летучего поезда под начальством полковника Молостова[225]. В поезде было две сестры милосердия, Л. Н. Хрулева[226] и известная благотворительница Штемпель[227]. Они пробыли 1 ½ дня и потому раздача подарков происходила во всех полках в один день. Утром до обеда в 31-м и 32-м полках, затем был обед у нас в штабе с музыкой, после чего раздавали подарки артиллерии и 29-му полку. В этом последнем я еще показал им небольшое учение с разведчиками и гренадерами. Человек 60 разведчиков, вооруженных бомбами и ручными гранатами в белых саванах и ножницами в руках начали наступление с перебежками, затем ползком подкрались к проволочным заграждениям и лежа на спине резали проволоку, затем забросав окопы бомбами и гранатами. кинулись на «ура». Учение произвело очень хорошее впечатление, и они остались очень довольны.

Почтово-телеграфные чиновники оставались еще два дня и были очень трогательны по моему адресу, я возил их по полкам, говорил в честь их перед фронтами полков и старался чем только мог их отблагодарить за их дорогое ко мне внимание и память. Когда они уехали, приехал ко мне Ф. В. Шлиппе[228], бывший председатель губернской земской управы в Москве, переночевал у меня и, проведя со мной целый день, уехал в Минск. Я ужасно был рад его повидать, съездил с ним в Сморгонь показать ему немцев. Приехав туда, я обратил внимание на совершенно разрушенную стенку костела, которая была цела, когда я там был с Матвеевыми, а на дороге увидал массу воронок от снарядов. Оказалось, что всего 2 часа назад немцы громили Сморгонь «чемоданами» в течении целого часа. Я прошел со Шлиппе по развалинам города и с окраины показал окопы немцев, шла редкая ружейная перестрелка. Полный впечатлений Шлиппе вернулся со мной в наш штаб и уехал в тот же вечер.

Проводив всех гостей, пришлось все внимание сосредоточить на обучение людей, снаряжение и одежду. Было уже много сделано,

но предстояло немало еще труда. К тому же на днях ожидалось 1000 человек пополнения, надо было им построить землянки, заняться их обучением и затем влить в полки, ходили слухи, что в марте нашей дивизии предстоит наступление в Виленском районе для прорыва неприятельского фронта. Надо было подготовиться.

На запрос командующего корпусом, как я полагаю разместить пополнение и продовольствовать, я донес следующее:

Кончина Воронцова-Дашкова

В конце января я узнал о кончине графа И. И. Воронцова-Дашкова. Он скончался в своем дворце, в Алушке, 15 числа, на 79 году своей жизни. Это был на редкость благороднейший и честнейший человек, все его знавшие, имевшие какое-либо к нему касательство не могли не уважать его и не почитать. Я лично питал к нему совершенно исключительное уважение и преклонялся перед его высокими нравственными качествами. Я писал уже о нем, описывая свою командировку в Баку в бытность графа наместником на Кавказе, когда он проявил и ко мне, и к моей командировке столько благородства и предупредительности. Но не только за его удивительное внимание ко мне я сохранял всегда в моей душе чувство глубокой к нему признательности, а главное, я никогда не забуду его заботливо доброе отношение ко всей нашей семье, к моему брату, который долгое время служил при нем на Кавказе, и к моей покойной матери, которой тяжелые трудные минуты жизни были не раз облегчены дорогим его участием.

Он был ближайшим другом такой же благородной личности как и он сам – императора Александра III и на посту министра Двора оказался влиятельнейшим лицом в империи. Высота, на которой он очутился, не изменила основных черт его характера – самостоятельности в действиях и прямоты в отношениях. Безгранично преданный своему государю он и пользовался исключительной любовью и уважением Александра III.

Граф Витте[229] рассказывал такой случай, иллюстрирующий как характер графа Воронцова, так и Александра III:

«Это было за несколько лет до кончины императора Александра III. Министр юстиции Н. В. Муравьев[230] совершенно неожиданно для себя получил подписанный государем для распубликования Сенатом указ, который вносил переворот в жизнь министерств. Речь шла о создании особого инспекторского отдела или комитета в Собственной его императорского величества канцелярии, через который должны были проходить все представления о наградах по всем ведомствам. До этого министры каждый по своему ведомству самостоятельно делали представления о наградах своих подчиненных, и создание инспекторского комитета грозило нарушением «священнейших» прав министров, ибо раз докладывает о той или иной награде не министр, а представитель комитета, то этим самым всегда создается возможность, что одержит верх мнение докладчика.

Н. В. Муравьев всполошился и немедленно созвал к себе министров, бывших тогда в Петрограде[231]. На созванном экспромтом заседании присутствовали Н. В. Муравьев, К. П. Победоносцев[232], С. Ю. Витте и покойный П. Н. Дурново. Министры пришли к единодушному заключению, что новый порядок невозможен и что государю необходимо указать на то, что создавшееся положение нарушит прерогативы министров.

Заседание это происходило в четверг вечером, а на следующий день, в пятницу утром у С. Ю. Витте был очередной доклад у государя. Министры стали просить Витте, чтобы он завтра же доложил об их совещании императору Александру III. С. Ю. Витте взял на себя эту миссию, а Н. В. Муравьев обещал на время «задержать» указ.

На докладе между С. Ю. Витте и государем произошел знаменательный разговор. С. Ю. Витте подробно рассказал о совещании министров и стал горячо доказывать, что новый порядок поведет к подрыву дисциплины в ведомствах и создаст произвол в наградах.

Государь выслушал внимательно С. Ю. Витте и ответил ему: «Знаете, Сергей Юльевич, вы меня убедили, но все же отменить указа я не могу. Мне поднес его к подписи граф Воронцов – Дашков, а его теперь нет (министр был в отъезде). Раз дав слово, я изменить ему не могу. Надеюсь, что на практике все неудобства исчезнут. Если бы я знал раньше все, что вы говорите, то я указа не подписал бы».

Указ таким образом вышел, и действительно, на практике неудобства хотя и были, но произвола зато было меньше».

Графа похоронили в его родовом имении Ново-Темниково Тамбовской губернии.

Да сохранится вечная память об этой светлой личности.

Демонстрирование действий газами профессором Лавровым

1-го февраля в дивизию прибыл профессор Лавров^[233], командированный штабом фронта для ознакомления нижних чинов и офицеров с действием ядовитых газов, которыми немцы последнее время стали усиленно пользоваться, а главное, чтобы доказать совершенную безопасность газов при надетых масках-противогазах. Лекция эта состоялась в 31-м полку. Полк был выстроен на большой площадке и профессор Лавров, сказав несколько слов, выпустил газы из трех баллонов, сначала очень высоко, затем в рост человека и наконец на земле. Маски у всех были в руках, дабы в случае, если бы стало трудно дышать, можно было их моментально надеть. Зеленоватый дымок пошел из трубок, как только открыли клапаны баллонов, он сгустился в небольшое облако, в которое вошли сначала все офицеры во главе со мной, а затем нижние чины.

Начался общий кашель, стали надевать маски. Когда таким образом обкурили весь полк и все получили о газах наглядное понятие, то в одну из изб, откуда были вынесены все вещи и в которой заткнуты были все малейшие отверстия и скважины, пустили газ, который наполнил помещение. После этого в избу впускали по очереди от каждой роты по 25 человек с надетыми масками-противогазами. Каждая такая группа

оставалась в избе, наполненной газами, 10 минут; некоторые в виде опыта пробовали снимать маски, но не выдерживали и секунды, выбегая стремглав на воздух. Я вошел в избу с первой группой, в ней было несколько офицеров и 20 стрелков. Маску я не снимал и ровно ничего не чувствовал, мог свободно разговаривать и все видеть. Но я, очевидно, чересчур наглотался мерзости, когда пускали газ на воздухе и почувствовал себя нехорошо. Приехав к себе, меня стало тошнить, мучительно как-то тянуть, казалось – я отравился газами. Прележав часа два, встал с головной болью и болью в груди и кашлем. Заказал автомобиль и проехался верст 30, чтобы продезинфицировать свои легкие на воздухе. Голова кружилась, но к утру я уже стал себя хорошо чувствовать. Также случилось и со многими стрелками. Эти опыты были произведены во всех частях дивизии, так что все нижние чины воочию могли убедиться, какое спасение маска при газовой атаке.

2 февраля я был у обедни в 29-м полку, после чего произвел экзамен окончившим курс нижним чинам пулеметных команд с новыми пулеметами Кольта. Увы, большинство оказалось совершенно неподготовленными, пришлось продлить им занятия еще на неделю, они все не достаточно сноровисто обращались с пулеметами, которые поэтому все время капризничали.

В этот вечер возвратился в дивизию генерал Редько и 3-го февраля вступил в должность, предписав мне обратиться к исполнению моих обязанностей по должности командира бригады, но 4-го числа он снова уехал на четыре дня в Минск, я опять вступил на эти дни в командование дивизией. 7-го февраля Редько вернулся и приказом по дивизии, за № 41, просил меня принять его «искреннюю благодарность за отличное командование мной дивизией почти в течении двух месяцев его отсутствия».

4 февраля я служил панихиду по великому князю Сергею Александровичу в походной церкви 32-го полка, 5 февраля я отправился с начальником штаба [\[234\]](#) на экзамены в полковых учебных командах. Довезя начальника штаба до 32-го полка и поручив ему ознакомиться

с успехами обучения в этом полку, сам проехал в 31-й полк. Не найдя учебной команды, заехал в штаб полка, вызвал командующего полком [\[235\]](#)[\[236\]](#) и уже с ним проехал в учебную команду, где застал полную растерянность: команда была собрана, а экзаменационной комиссии еще не было, хотя было уже 10 час. утра.

Меня это страшно взорвало, я еле сдержался, послал за подполковником Антоновым [\[237\]](#) – председателем комиссии. Он пришел, по-видимому, его подняли с постели, т. к. он, растерявшись, ничего не соображал и не мог мне даже дать определенных ответов на мои вопросы. Я обратился тогда к командовавшему полком, и от него не мог получить должного ответа. Тогда я заявил, что вижу, что мне тут делать нечего и предоставляю им самим судить, дать самим себе оценку такому отношению к делу, что делать замечания такому боевому офицеру (это был подполковник Зиневич с Георгием 4 степени и золотым оружием) мне совестно, что он лучше меня должен понимать, что сейчас для обучения надо дорожить каждой минутой, что ведь им же самим и придется идти в бой с этими стрелками и потому казалось бы в их же интересах обучить людей как можно лучше, а они начинают занятия не в 8 часов утра, как мною было приказано, а после 10-ти.

Сказав все это, я сел в автомобиль и, не простившись ни с кем, уехал. Все во мне кипело, отъехав немного, встретил двуколку, на которой нагружено было огромное дерево, которое, казалось, сейчас раздавит двуколку, а между тем у нас был и так большой некомплект обоза. Остановился, послал за заведывавшим хозяйством и, отчитав его, приказал немедленно снять дерево с двуколки.

Вылив немного накипевшее во мне, поехал в 30-й полк, где застал экзамены учебной команды в полном разгаре, отвечали очень хорошо, учение также прошло весело с большим подъемом. Поблагодарив заведывавшего учебной командой, проехал на стрельбище. Тут меня вполне удовлетворили – на 400 шагов в головные мишени (очень трудная стрельба) большинство из 5 пуль попадало 3, что считалось очень хорошо.

Вернулся домой к обеду, днем ездил к соседям – к командиру 26-го корпуса генералу Гернгроссу[238] и к начальнику 7-й Сибирской стрелковой дивизии Братанову[239], три раза застревал в снегах, но все же добрался до них.

На другой день опять поехал в 31-й полк, все уже были на местах и поверка окончивших учебную команду шли в полном порядке, была представлена программа испытаний со всеми заметками членов комиссии, результатами ответов я был вполне удовлетворен. Командир полка извинялся за происшедшее накануне. Из 31-го полка проехал в 29-й полк – этот полк оказался первым по успехам, экзамены и учение прошли блестяще.

7-го числа я был у обедни с начальником дивизии в 30-м полку, а вечером поехали в дер. Зарудичи в Гродненский отряд Красного Креста, который праздновал первую годовщину со дня своего формирования. Был целый фестиваль – командир 26-го корпуса Гернгросс со своими двумя начальниками дивизий[240][241], многие из чинов нашего штаба. Мы свезли чудный пирог, сделанный нашим поваром с соответствующей надписью из глазури и серебряную чарку с вырезанными инициалами штаба. Было очень оживленно, немцы не стреляли и мы провели время до 12 час ночи.

На другой день, когда я проснулся в девятом часу, мне сказали, что начальник дивизии меня спрашивал и, не дождавшись меня, уехал куда-то на автомобиле. Стали всюду спрашивать по телефону, и наконец узнали, что он приехал в 31-й полк. Ехать туда уже не имело смысла, я мог его уже не застать, поэтому спокойно напился кофе, прочел телеграммы, полученные за ночь и, велев оседлать лошадь, поехал в 32-й полк, где очень запоздали с постройкой землянок. Пожурив ротных командиров 4-го батальона за медленную работу и дав им срок на окончание их не более 5 дней, я прошел на кухню 2-го батальона, в трех ротах пища оказалась хорошей, а в 6-й роте до того солона, что останавливалась в горле. Наговорив неприятностей ротному командиру, в самом скверном настроении поехал домой, и только

быстрая езда полевым галопом как-то испарила мое недовольство. Дома застал начальника дивизии вернувшимся из 31-го полка, где он тоже нашел много непорядков. Вечером у нас ужинали сестры и главный врач [\[242\]](#)[\[243\]](#) Гродненского отряда.

Между 10 и 14 февраля я исключительно был занят осмотром обмундирования и снаряжения в полках. Это отнимало у меня все время с утра до позднего вечера. Ведь в одних полках было до 22000 человек. К 15-му февраля я покончил со всеми осмотрами и к моему большому удовлетворению мог доложить начальнику дивизии, что дивизия не только хорошо, но и нарядно одета, цветные петлицы и погоны придали людям совсем другой вид, снаряжение, добытое с большими трудностями, было полностью, дивизия была более или менее сколочена, пополнения влиты, этот месяц отдыха не пропал даром.

18 февраля получено было распоряжение о переводе нашего корпуса из 10-й во 2-ю армию, которой командовал генерал Смирнов, о котором я упоминал уже в своих воспоминаниях, когда описывал свой приезд в Минск. Это перемещение свидетельствовало, что нас куда-то перебросят, и, действительно, через несколько часов пришло приказание нашему корпусу немедленно выступить походным порядком, ночными переходами, куда – неизвестно, маршруты будут давать только на сутки вперед до остановочного пункта. Полкам нашей дивизии назначено выступление 19-го вечером с наступлением темноты, штабу дивизии 20-го.

Спешно пришлось уложиться, часть вещей отправить в Петроград, чтобы не брать с собой большого количества, что только бы стеснило передвижение. Накануне нашего выхода на нас было сделано нападение целой эскадры немецких аэропланов; мы открыли по ним ожесточенную пальбу, но, к сожалению, безрезультатно, они же успели сбросить массу бомб, причинив у нас немало потерь, жертв людьми было до 50. Одна бомба упала и разорвалась в саду против окон штаба, но как-то счастливо не попало к нам ни одного осколка.

Накануне выступления нашего штаба 19-го вечером в штабе корпуса был прощальный ужин отрядам Красного Креста – Гродненскому, Елисаветинскому и Пермскому, которые обслуживали наш корпус и с которыми мы расставались, перейдя во 2-ю армию из 10-й.

20-го в 9 часов утра вышел наш обоз. При себе я оставил только самые необходимые вещи, уложив их в кобуры седла и в маленький чемоданчик, который поручил шоферу. В 12 часов дня мы последний раз пообедали в роскошном замке Высоковщины и около двух часов дня двинулись в путь. Все были в бодром настроении, радостные – в этот день получена была депеша о взятии штурмом Эрзерума – этой неприступной турецкой крепости.

Начальник дивизии с командиром парковой бригады, начальником штаба и старшим адъютантом [\[244\]](#)[\[245\]](#) поехали на автомобиле, а я с остальными чинами штаба, эскортируемый полусотней казаков верхом. Предстояло до ночлега сделать 20 верст. Погода была чудная, солнце ярко светило, это была просто чудная прогулка. Ночевали в дер. Осиновичи, куда приехали засветло, обоз уже там был. В этой деревне имел отдых в этот день один из наших полков, и как раз когда мы вступали, полк выходил. Я обогнал выходящие части, выехал в поле и пропустил мимо себя весь полк. Это была прямо красота, нельзя было без восторга смотреть на этих молодцов. Несмотря на тяжелый переход, они сделали ночью 35 верст, несмотря на плохой отдых днем в деревне, стрелки шли бодро, как на параде, и еще бодрее отвечали на мое приветствие и мое «спасибо за поход». Я приказал оркестру остановиться и весь полк продефилировал со всеми командами мимо меня под музыку.

Пропустив полк, я направился к деревне, где мне уже было отведено помещение вместе с Мещериновым, командиром артиллерийской бригады. Рядом за перегородкой жил техник, строивший мосты. Ночевать было довольно скверно – Мещеринов любил жару, я же ее не выносил, почему совсем измучился в духоте. Техник угощал нас блинами, но весьма неаппетитными, пришлось все-таки заставить себя съесть несколько.

Встал я на другое утро рано, т. к. совсем не мог спать, стал собираться в дорогу, предстоял трудный переход в 35 верст, а с заездом в Вилейку – и все 45. Выехали в таком же порядке как и накануне, я во главе чинов штаба и полусотни казаков, направление взяли на Вилейку. Ехать было трудно, снегу были целые горы, лошадь проваливалась по колено, дорога при этом совершенно от прохода обозов и артиллерии была разбита. В Вилейке попали прямо к обедне, очень было приятно побывать в церкви и помолиться.

Здесь я узнал, что в самом городе стоит отряд Иверской общины Красного Креста – общины из Москвы, в которой я работал целый ряд лет, с сестрами которой ездил в качестве уполномоченного на театр греко-турецкой войны в 1897 году. Прослышавши о нашем приезде, две сестры пришли за мной в церковь, прося непременно их посетить. Я ужасно обрадовался увидев милые знакомые мне лица. Госпиталь их оказался очень близко, и я в сопровождении их отправился к ним, направив свой отряд на питательный пункт на ст. жел. дор. «Вилейка». Меня встретили как родного, все сестры, врачи – все были мне близкие знакомые, они не знали чем бы меня угостить и, в конце концов, я так плотно и хорошо пообедал, как давно не ел. Они мне показали все палаты, помещения персонала, все выглядело так чисто, уютно. Моей лошади тоже досталось угощение, каждая сестра непременно хотела сама дать кусок сахара, так что мой «Огонек», так звали мою лошадь, получил не менее полуфунта сахара. Меня провожали почти до самой станции, и все просили, чтобы я устроил их госпиталь при нашей дивизии.

На питательном пункте я нашел всех своих, и около 3-х часов мы двинулись в путь, рысью было трудно ехать, лошади вязли в снегу. Конечный наш пункт был в дер. Андрейки, куда прибыли уже в темноту. Не доезжая дер. Андрейки я посетил расположение 3-х полков дивизии. Вскоре после нас прибыл и обоз, деревня эта была весьма невзрачная, всего домов 15–20, много домов было разрушено. Мне отвели избу семь аршин в квадрате, было довольно чисто и я мог устроиться очень уютно. В другой половине избы жили хозяева, к ним поместились мои вестовые. Я проверил по часам, сколько времени мне надо для сборки вещей

и для разборки. Оказалось, вполне достаточно часа на сборку и два часа на разборку. Спал я первую ночь плохо, с непривычки на новом месте, а кроме того я сильно переутомился – ведь пришлось за два дня верхом по плохой дороге проехать 70 верст.

На другой день я с утра занимался с начальником дивизии, а после обеда поехал с ординарцем начальника дивизии Хрипуновым[246] – очень милым дельным и серьезным офицером – на ст. Кривичи. Мне хотелось установить чрез жандармов связь с Петроградом, а также посетить другой Иверский госпиталь, помещавшийся при станции в шатрах. Повидав сестер и врачей, напившись у них чаю, мы отправились обратно в дер. Андрейки, но дорога была столь разворочена обозами, что мы с трудом ехали в санях, проделав путь в 15 верст в два часа времени. Вернувшись к себе, получили приказание командира корпуса отправиться на рекогносцировку одной местности с двумя офицерами и взводом казаков. Я был очень рад этому поручению, мне была дана задача обследовать все дороги в данной местности, отстоявшей от дер. Андрейки в 20 верстах, выяснить количество дворов, землянок в населенных пунктах и выяснить удобные позиции с наибольшим обстрелом.

Выехал я 24-го февраля в 8 часов утра верхом и успел все сделать к вечеру, пройдя верхом 54 версты. Первый привал мы сделали в 2 часа дня в дер. Королевцы, где имелся питательный пункт. Погода благоприятствовала, было тихо и ясно. Лошадь моя совершила эту поездку легко, но я устал порядком, а надо было еще написать донесение. На другой день, в 10 часов утра, я представил его начальнику дивизии. Привожу его целиком:

26 февраля с начальником дивизии ездил в санях в дер. Слободку и Гарово осматривать места, предназначенные для полков 1-й бригады нашей дивизии. Сделали 25 верст, погода была не холодная, но сырая, пронизывало насквозь.

27 числа утром приехал к нам командир корпуса Трофимов, говорил о предстоящих военных действиях и участии в них нашего корпуса,

приказал быть готовыми ежеминутно выступить. В 7 часов вечера, у начальника дивизии состоялось совещание с командирами полков, после чего они у нас остались обедать. На другой день я был у обедни в 29 полку, едва доехал до полка, свирепствовала сильнейшая вьюга. За обедней в этот день во всех полках стрелки приобщались святых тайн.

29-го прибыл новый начальник штаба подполковник Соколов[248], я с большим сожалением и грустью расстался с капитаном Радзиным – этим серьезным, дельным офицером. Соколов мне не понравился, произвел впечатление болтуна и только, таким он и оказался. Все чины штаба трогательно прощались с Радзиным, все его успели полюбить за его чистую прямую натуру. Только Редько – начальник дивизии почему-то не оценил его и они расстались холодно.

На другой день пришло приказание 1-й бригаде под командой начальника дивизии передвинуться в дер. Слободку, штабу дивизии в Горово, 2-й же бригаде под моим начальством образовать особый отряд и поступить в непосредственное распоряжение командира корпуса, перейдя в дер. Любки в 20 верстах от дер. Андрейки.

Это известие мне было не особенно приятно, я мечтал попасть в боевую линию, а вместо этого очутился в резерве.

В этот день пришло известие, что государь посетил Думу[249], обратился с речью к депутатам, благодарил их за работу на пользу армии и их поддержку. Говорили, что это посещение состоялось вследствие настойчивой просьбы графа Фредерикса, это делает последнему честь. Но я лично считал, что реального это посещение принести ничего не могло, момент был пропущен, и оно не произвело того впечатления, на которое так рассчитывали все преданные престолу и Родине.

А через четыре дня, 26-го февраля, последовало назначение митрополитом Петроградским Питирима[250] – ближайшего друга Распутина. Этот последний приобретал, таким образом, все больше и больше влияния. На всех назначение Питирима произвело угнетающее впечатление.

Дело об отряде Андросова

В течении февраля месяца еще до выступления из Высоковищизны я был очень встревожен затеей К. Н. Андросова[\[251\]](#), бывшего моего чиновника особых поручений, когда я был губернатором в Москве. Он затеял сформировать передовой врачебно-питательный отряд для обслуживания дивизии, в которой я командовал бригадой, и хотел присвоить отряду имя великой княгини Елизаветы Федоровны. Получив его депешу об этом и зная его легкомыслие, я страшно встревожился, т. к. Андросов был способен, по свойству своего характера, наделать ряд бестактностей, а кроме того, мне было неприятно вообще, чтобы что-нибудь затевалось и связывалось с моим именем. Я хотел работать в тени, никуда не лезть и чтобы ко мне не лезли с затеями, не предусмотренными положениями на театре военных действий, а при войсках врачебно-питательных пунктов не полагалось, и это бы бросилось в глаза.

Я ответил уклончиво и просил подробностей. Но Андросов медлил с ними, а в то же время уже телеграфировал мне, что великая княгиня Елизавета Федоровна жертвует церковь отряду и просит сообщить имена святителей полков для написания икон. Это меня еще более смутило, а когда я узнал, что Андросов получил будто бы 100000 руб. из сумм министерства внутренних дел, что это отряд «Северо-помощи», находившийся в ведомстве министерства внутренних дел, то я решил отклонить от себя эту честь – иметь этот отряд и понял, что Андросов затевает что-то бестактное. Поэтому я подробно написал состоявшему при великой княгине А. А. Зурову[\[252\]](#) все мои сомнения, а также и Андросову. Великой княгине послал депешу, что посылаю Зурову письмо для доклада ей, прося обратить внимание на все изложенное в нем. Письма эти я привожу здесь целиком.

Письмо Зурову:

Письмо Андросову:

В ответ на это я получил от Андросова следующее письмо:

Письмо это меня не убедило, и я прекратил дальнейшую переписку. В результате отряд был сформирован и, к моей радости, направлен

не ко мне, а на Северный фронт. Кончилась эта затея, как и следовало ожидать, какой-то историей и неприятностями для великой княгини.

Московская практическая академия коммерческих наук

Среди всех этих сложных военных дел, на которых должно было быть сосредоточено все мое внимание, мне пришлось уделить немало времени и напряжения по делам Императорской Московской практической академии коммерческих наук, попечителем коей я продолжал состоять и будучи на войне. Я не имел достаточно мужества, уезжая на фронт, просить высочайшего соизволения об освобождении меня от обязанностей попечителя на просьбу Совета академии не оставлять ее, хотя разум мне и подсказывал, что я должен уйти, т. к. уже за время моей ответственной службы в Петрограде, когда я не мог уделить достаточно времени делам академии, в ней началось скрытое брожение среди части преподавательского персонала, вернее, бывших классных наставников, потерпевших материально от закрытия пансиона.

А тут еще возник сложный вопрос по замещению директора, после совершенно неожиданной для меня просьбы А. Н. Реформаторского освободить его от обязанностей директора, просьбу эту он изложил в нижеследующем письме от 18 января и поставил меня в очень затруднительное положение:

Письмо это меня очень встревожило – найти заместителя было нелегко, а находясь вдали на фронте, и подавно. Кроме того, я знал, что среди педагогов единения большого не было, и было много склонных к подпольным интригам; я опасался, как бы уход Реформатского не вызвал осложнений на этой почве и они, пользуясь моим отсутствием, по поводу назначения нового директора не вынесли какой либо неприемлемой резолюции. Поэтому я тотчас написал и.д. председателя Совета С. М. Долгову [\[255\]](#) и А. Н. Реформатскому, прося сохранить в тайне уход его из Академии, пока я не буду иметь серьезного кандидата на его место.

27 января эти письма были мною отправлены почтой, но, очевидно, попав в черный кабинет [\[256\]](#) Белецкого, крайне интересовавшийся всеми моими письмами, дошли по назначению только 14 февраля. Поэтому моя просьба об оставлении в тайне уход Реформатского не была выполнена. Этот последний наоборот, не дождавшись моего ответа, разгласил всем и всюду о своем уходе, поступив относительно меня крайне бестактно. 17-го февраля я получил от и.д. председателя Совета следующее письмо:

Одновременно с этим письмом я получил от него и депешу с просьбой разрешить ему с одним из членов Совета приехать ко мне на фронт для переговоров. Я ответил следующей депешей и одновременно письмом:

Когда я отправлял это письмо, у меня уже был целый ряд кандидатов. Каждый день я получал по несколько писем с рекомендациями того или другого лица на место Реформатского. Обо всех их я наводил справки, все это, конечно, отнимало у меня много времени и крайне заботило меня. На другой день отсылки депеши Долгову с приглашением приехать получено было приказание нашей дивизии двинуться в поход. Пришлось срочно телеграфировать – просить отложить приезд до более благоприятного времени.

От Долгова я получил в ответ следующее письмо:

То, чего я опасался, и случилось: преподаватели захотели инициативу выбора директора взять в свои руки. Я знал, что во главе интриги, главным образом, должен был стоять преподаватель истории Пичета, имевший большое влияние на своих коллег, из письма же С. М. Долгова и, к моему сожалению, не мог не обратить внимания на какую-то недостойную игру отца протоиерея Диомидова, которого оппозиционно настроенная группа преподавателей избрала, очевидно, посредником между ими и начальством. Пичета [\[271\]](#), как очень хитрый, не решился выступить сам. Мне было очень неприятна роль, которую взял на себя о. Диомидов, хотя и не удивился ей, т. к. был не особенно хорошего мнения об его нравственных устоях – это был выдающийся богослов, но как священник был из кадетствующих.

Во всем этом было и не без участия инспектора Казакова, желавшего очень пройти в директоры.

По поводу выступления преподавателей я послал Долгову следующую депешу:

Одновременно я написал ему и письмо:

Затем мною было получено письмо от А. Н. Реформатского.

В ответ на мою депешу о выступлении преподавателей С. М. Долгов ответил мне письмом:

Это письмо меня несколько успокоило, затем получено было мною следующее:

Мой ответ:

Письмо С. М. Долгова:

Мой ответ:

Беспокоясь все же по поводу выбора кандидатов, я решил проехать в Москву на несколько дней, но опять неожиданные военные обстоятельства помешали, и я послал 6 мая следующую депешу:

Письмо С. М. Долгова:

Мой ответ:

Ответ от С. М. Долгова:

Мое письмо:

Письмо С. М. Долгова:

Мой ответ:

Письмо С. М. Долгова:

Мой ответ:

Письмо С. М. Долгова:

Моя записка, писанная во время боя С. М. Долгову:

Мое письмо к С. М. Долгову:

Письмо С. М. Долгова:

13-го июля я получил от А. Н. Реформатского следующее письмо:

На это письмо я ответил следующим:

Письмо С. М. Долгова:

16-го июля я получил печальное известие о кончине Владимира Григорьевича Сапожникова, председателя Совета академии, после тяжелой, длившейся более двух лет болезни. Отпевали его 19 июля на Новой Басманной, в храме св. Петра и Павла, где он состоял церковным старостой. Литургию и отпевание совершил преосвященный Трифон[\[311\]](#). От Академии отдать последний долг почившему собрались в храм и. о. председателя Совета С. М. Долгов, члены Совета В. В. Усачев, А. А. Ильин[\[312\]](#), К. Н. Томилин, инспектор Академии А. В. Казаков, преподаватели и воспитанники Академии, погребение состоялось в Новоспасском монастыре.

Мне очень было жаль, что я не мог лично отдать последний долг этому честнейшему человеку, столь светлой личности.

53 года своей жизни В. Г. Сапожников отдал на служение Академии: 20 декабря 1863 г., будучи 20 лет от роду, он был избран действительным членом Общества любителей коммерческих знаний, и с тех пор начались его деятельные отношения к обществу и к Академии, не прекращавшиеся до самой его смерти.

Первые десять лет он участвовал постоянно в работах ревизионной комиссии, избираемой ежегодно для проверки академических сумм и для рассмотрения отчетности, представляемой Советом. В 1880 г. В. Г. был избран членом Совета, а в 1883 г. взял на себя обязанности казначея. После выхода в отставку А. И. Абрикосова[\[313\]](#) он был единогласно избран 27 ноября 1897 г. на должность председателя Совета и в этой должности скончался.

Общественная деятельность Владимира Григорьевича не ограничивалась одной Академией, он принимал близкое участие в делах Строгановского училища, Александровского коммерческого училища, состоял выборным Московского купеческого общества, долгое

время был выборным Биржевого общества и гласным Городской Думы. В 1909 г. он получил потомственное дворянство, в 1910 г., в день столетнего юбилея Практической академии, чин действительного статского советника и в 1914 г. ко дню празднования своего 50-летнего юбилея – орден Св. Владимира 3-й степени.

53-летняя деятельность Владимира Григорьевича оставила глубокие следы в истории развития Императорской практической академии. При его непосредственном участии был переработан устав Академии, расширивший права воспитанников и давший лицам педагогического персонала право на государственную пенсию. По его предложению в 90-х годах в стенах Академии, под председательством профессора А. С. Алексеева, был выработан подробный план организации высшей коммерческой школы. Все реформы, осуществленные в Академии в последние 20 лет, могли войти в жизнь только благодаря его деятельной поддержке и доброжелательному отношению к ним.

По характеру своему В. Г. был самым скромным и деликатным человеком: враг всего резкого и грубого, он умел одним мягким словом останавливать разгорающиеся споры своих собеседников и вносить мир и успокоение там, где начиналась вражда и озлобление. Простой и ласковый в обращении со всеми, на какой бы ступени служебной иерархии тот ни находился, он был доступен всем: все шли к нему с своим горем, своими нуждами, и В. Г. умел согреть каждого теплым словом и, в случае крайности, поддержать материальными средствами.

И все это делал он скромно, застенчиво, как бы боясь огласки, отклоняя от себя всякую благодарность. К воспитанникам он всегда относился в высшей степени доброжелательно и ни одному из них, обращавшихся к нему за поддержкой после окончания курса, не отказал в своей помощи, устраивая на месте у себя в своем громадном деле или в других торгово-промышленных учреждениях.

Со смертью Владимира Григорьевича Академия лишилась своего искреннего друга, прекрасного человека, душевно преданного заботам о подрастающем поколении, любившего детей нежной любовью.

Умер В. Г., но память о нем, как о сердечном, гуманном человеке, никогда не изгладится в душе всех, кто работал на пользу Академии».

Письмо С. М. Долгова:

Мое письмо С. М. Долгову:

В последних числах июля я получил депешу от С. М. Долгова, весьма меня порадовавшую – об единогласном избрании Ефимова директором академии. Я послал следующие депеши и бумагу министру торговли.

Затем я получил от С. М. Долгова следующее письмо:

Мой ответ С. М. Долгову:

Мое письмо новому директору Е. Н. Ефимову:

Мое письмо к бывшему директору А. Н. Реформатскому:

Письмо С. М. Долгова:

Последнее письмо А. Н. Реформатского:

Письмо директора Е. Н. Ефимова:

Мой ответ:

Письмо к Лагорио, управлявшему учебным отделом министерства торговли и промышленности:

Письмо Е. Н. Ефимова:

Мой ответ:

Мое письмо С. М. Долгову:

Ответ С. М. Долгова:

Письма Е. Н. Ефимова:

В первых числах ноября мне удалось получить 3-х недельный отпуск, что дало мне возможность побывать и в Москве, чтобы посетить академию и познакомиться с новым директором. Он произвел на меня очень хорошее впечатление своей прямоотой, честностью; с ним было легко говорить, т. к. каждое его слово звучало искренностью, в беседе же с Реформатским я этой искренности никогда не чувствовал, и это всегда бывало очень тяжело.

В сопровождении членов Совета и директора обошел я все классы, затем приказал собрать всех воспитанников в актовом зале, куда собрались и все преподаватели с инспектором Казаковым во главе.

Когда я вошел в залу, меня трогательно встретили, я обратился с несколькими словами приветствия к воспитанникам и приказал их освободить от занятий на три дня. Это конечно вызвало гром аплодисментов. Когда ученики разошлись, я обошел весь педагогический персонал, беседуя с каждым отдельно, многие, как мне показалось, чувствовали себя неловко, смотрели на меня как-то виновато. Затем я, на виду у всех, отозвал инспектора Казакова в сторону и довольно долго беседовал с ним, откровенно высказав ему свое недовольство, что он уклонился от правильного пути и пошел на поводу у отрицательного меньшинства состава преподавателей, что я жду от него поддержки новому директору и не сомневаюсь, что интересы академии он поставит выше своих личных.

Когда я, простившись с преподавателями и сказав им на прощание несколько слов, направился к выходу, меня остановил В. Н. Пичета, стоявший во главе оппозиции, и от имени всех преподавателей просил меня принять их чувства уважения и преданности и заверение, что они против моих желаний идти никогда не будут. Такое выступление Пичеты мне доставило большое удовлетворение, хотя я и не особенно доверял его словам, зная отлично подпольную игру, которую часть преподавателей, а с нею и Пичета, вели против директора Ефимова.

На другой день состоялось общее собрание Общества любителей коммерческих знаний под моим председательством. На этом заседании председателем Совета, на место скончавшегося В. Г. Сапожникова, избран был С. М. Долгов, человек достойный во всех отношениях.

Перед самым моим отъездом обратно на фронт, я узнал, что на предстоящем заседании педагогического совета готовится выступление оппозиционно-настроенной группы преподавателей.

Озабоченный этим, я послал В. Н. Пичете следующую телеграмму:

К сожалению, депеша моя запоздала и пришла уже после заседания. Я получил от Е. Н. Ефимова следующее письмо:

После этого письма последовала его депеша от 27 ноября, написанная им после окончательного заседания педагогического совета:

Моя депеша Пичете очевидно возымела должное действие, я почувствовал большое удовлетворение.

В ответ на мое письмо С. М. Долгову по поводу его утверждения председателем совета я получил следующее письмо от него от 22 ноября:

17-го декабря в день праздника академии я послал следующую депешу:

В ответ на нее я получил следующую:

и затем письмо от С. М. Долгова от 28 декабря:

Письмо Е. В. Ефимова:

В конце декабря я был тронут полученной депешей директора:

Дав соответствующие указания, куда направить подарки, я депешей поблагодарил учеников. Когда же подарки пришли, то раздав их, я отправил следующую депешу на имя директора:

Вслед затем я получил письмо от директора:

Мои два письма к Е. Н. Ефимову:

Ответ Е. Н. Ефимова

Это было последнее его письмо, адресованное мне как попечителю. В последних числах февраля совершился переворот, самодержавие пало, власть перешла к Временному правительству. Я не считал возможным оставаться попечителем академии, считая свои функции оконченными и обратился с нижеследующими бумагами от 4 марта 1917 года к министру торговли и промышленности:

К Обществу любителей коммерческих знаний:

Одновременно я написал председателю Совета С. М. Долгову письмо следующего содержания:

Пока это мое письмо шло в Москву, я успел получить от С. М. Долгова следующее письмо от 7 марта:

Вслед за письмом я получил следующую депешу:

То, что надо было ожидать – случилось. Страсти разнуздались. Поддерживающего начала не было, и кучка меньшинства беспринципная, не брезговавшая ничем, одержала верх.

Хотя я и ждал этого, но мне все же было очень больно получить такую весть, т. к. это предвещало начало конца, и, действительно, скоро от Академии осталось лишь одно воспоминание. Когда весть о моем уходе дошла до Академии, я получил следующее письмо от С. М. Долгова, депешу от инспектора Казакова и письмо от бывшего директора Е. Н. Ефимова.

Письмо С. М. Долгова:

Письмо Е. Н. Ефимова:

Моя связь с Академией все же не порвалась, воспитанники (см. [письмо] Казакова ниже) вспомнили меня в пасхальные праздники и собрали массу подарков для моей новой дивизии, которой я командовал. Я был этим очень тронут, но при этом вышло какое-то недоразумение, ответная моя депеша Казакову не дошла до назначения, и Казаков подумал, что я не хочу иметь с ним дело. Я был озадачен, когда получил от С. М. Долгова сначала депешу, а потом письмо следующего содержания:

Письмо:

Я ответил сейчас же депешей, и недоразумение разъяснилось, и я получил от инспектора Казакова письмо следующего содержания:

Я ответил глубокой благодарностью воспитанникам за их добрую память обо мне.

1-го мая я получил от Общества любителей коммерческих знаний следующую бумагу:

Этой бумагой завершились мои сношения с академией, во главе которой я пробыл почти 10 лет, был привязан к ней всей душой. Грустно

очень, тяжело было быть свидетелем ее крушения и сознавать при этом свое бессилие и невозможность помочь ей, спасти от разрушения.

При Временном правительстве Академия еще кое-как, по инерции просуществовала, но с переходом власти к большевикам от нее в скором времени осталось одно воспоминание.

Назначение меня начальником особого отряда в составе двух полков в распоряжении командира корпуса

Но вернусь, однако, к своим обязанностям на фронте, когда 1 марта 1916 года я получил приказание с 2-мя полками дивизии – 31-м и 32-м Сибирскими передвинуться в дер. Любки и поступить в распоряжение командира корпуса. Отряд этот как самостоятельный официально назывался «отряд Свиты генерала Джунковского». За начальника штаба отряда мне дали старшего адъютанта штаба нашей дивизии капитана Афанасьева. Последнему обстоятельству я был чрезвычайно доволен, т. к. это был один из добросовестнейших работников нашего штаба, аккуратный, толковый, а главное, был мне очень предан и потому я был в нем совершенно уверен. Ординарцем ко мне был назначен 31-го полка прапорщик Глазунов [\[349\]](#) – очень хороший офицер, скромный и дельный.

Пришлось расстаться с начальником дивизии, который ушел с 1-ой бригадой и артиллерией по направлению к озеру Нарочь, а я остался еще на день в дер. Андрейки, выступив со своей бригадой только на другой день в 11 часов утра. Я лично выехал верхом около часу дня с начальником своего штаба, ординарцем и небольшим конвоем из казаков, обогнав на марше 31-й полк. Люди шли молодцами, бодро, как на параде. Часа в четыре мы уже приехали в дер. Любки – в назначенное место расположения моего отряда, расположились тесновато, т. к. к моей бригаде присоединили еще 26-й Сибирский полк 7-й Сибирской дивизии и дивизион артиллерии. Командир корпуса генерал Трофимов назначил меня начальником гарнизона всех войск, расположенных в этом районе. Лично я со своим начальником штаба поместился в маленькой халупе, весьма непрезентабельного вида,

грязной, переполненной клопами. Весь первый вечер пошел на борьбу с ними, победа оказалась на стороне моих денщика и вестовых, которым удалось их преодолеть, и я мог спокойно лечь спать.

На другой день я обошел стоянки всех полков, говорил со стрелками, они все произвели на меня прекрасное впечатление своим добрым веселым видом, все они буквально рвались в бой и выражали надежду, что их скоро двинут.

Около семи часов вечера, когда я сидел у себя и знакомился с полученными сводками о расположении противника, раздался оглушительный взрыв. Я выбежал из халупы узнать, что случилось, и побежал по направлению взрыва, где видны были еще облака дыма. Оказалось, что во время перекладки ручных гранат в обозе 1-го разряда 31-го полка произошел взрыв, которым было убито трое нижних чинов и тяжело ранен инструктор, у него оказалось до 200 ран, при этом он потерял оба глаза.

Когда я подошел к месту взрыва, то невольно бросилось мне в глаза отсутствие старших должностных лиц, командир полка явился только после того, что я послал за ним офицера, а заведующий хозяйственной частью так и не поинтересовался узнать, что такое случилось у него в обозе 1 разряда; дежурный по полку совершенно растерялся и не принял никаких мер к ограждению места взрыва, бережной отправке тяжело раненного в приемный покой, вызову дежурной части и т. п. На мои вопросы он ничего ответить не мог, удивился моему приказанию вызвать дежурную часть и даже не знал, из какой она роты, т. к., как оказалось потом, назначенная на этот день приказом по полку для этой цели 2 рота отправлена была на работы в м. Королевцы. Дежурной части я так и не дождался, в течение целого часа она не явилась, а уходя уже, я встретил вместо нее трех стрелков со старшим из полкового караула.

Тела убитых были прибраны и перенесены только по моему приказанию, а для тяжело раненного не нашлось даже носилок и его перенесли на руках в околоток, отстоявший от места происшествия

в полуверсте, причиняя ему невероятные страдания. В околотке я застал его сидевшим на каком-то сундуке, не было даже места, куда бы его положить, его придерживали, чтобы он не упал. Носилки даже тут появились только после моего приказанья, доктор явился тоже после моего вызова.

Такова была печальная картина, которую я застал. Я был так возмущен, что только тогда успокоился, когда в приказе по гарнизону изложил свое отношение к проявленной начальствующими лицами 31-го полка халатности.

Представленное мне затем дознание, произведенное капитаном Никитиным[350], меня не удовлетворило, и я возвратил его обратно для пересоставления, донеся командиру корпуса следующее:

Я присутствовал при перевязке несчастного инструктора Дербышева. Он удивительно терпеливо переносил невероятные боли, не проронив ни стона, ни жалобы, говорил только: «Лишь бы глаза уцелели». Бедняга не знал, что их уже нет. Когда на другой день я его навестил уже в госпитале, он так трогательно меня благодарил за заботы и все спрашивал про глаза, которые были у него забинтованы, доктор мне сказал, что только через месяц его можно начать подготавливать к тому, что он не будет видеть, а пока надо скрывать. Его вскоре эвакуировали в Москву и по моей просьбе добрая великая княгиня Елизавета Федоровна взяла его к себе в приют для слепых воинов, где они были все окружены удивительной лаской и заботой. Он мне оттуда писал трогательные письма.

Приказ о наступлении

4-го марта, утром, торжественно хоронили тела убитых при взрыве, и в этот же день пришел приказ командовавшего армией генерала Рагозы[351], заменившего заболевшего Смирнова:

Командовавший группой, в которую входил и 3-й Сибирский корпус, генерал Балуев[352], объявляя этот приказ, прибавил следующее:

Затем была получена мной и телеграмма сего последнего:

Первый раз мне приходилось читать приказ, призывавший к бою, относившийся ко мне; трудно описать чувство, охватившее меня. Какая-то гордость, счастье, величие момента, сознание серьезности его – все это вместе охватило меня. Послав за командирами полков и батарей, я прочел им приказ Балужева. Мы все перекрестились, и они отправились в свои части сообщить боевой приказ. Стрелки приняли весть с восторгом и воодушевлением и, я думаю, если бы нас двинули сейчас, то это наступление было бы столь стремительное, что никакие немецкие силы не выдержали.

Легли мы с начальником штаба в этот день около 12 часов ночи, но не спалось, думы о том, что скажет завтрашний день, куда нас двинут, не покидали нас. Да и трудно было бы спать, раза четыре в течение ночи ко мне приходил мой вестовой, принося срочные телефонограммы, приказания.

Начало боевых действий. Возвращение к дивизии

В 7 часов утра были разбужены грохотом орудий, хотя от позиций было не менее 15 верст. Этот грохот орудий означал начало ураганного огня по немецким окопам и резервам. Беспрерывно гудели пушки, все сливалось в один оглушительный гул. В 12 часов дня 5-го пришло приказание выступить 26-му Сибирскому полку, а мой отряд так и не тронули до вечера. Вещи наши были уже уложены, обоз был готов к выступлению по первому требованию, пришлось немного разложиться, чтобы улечься спать. Ночью получено было приказание произвести рекогносцировку одной позиции.

Я послал за командиром 31-го полка, приказав ему с рассветом произвести эту рекогносцировку. Днем 6-го марта я ездил в штаб корпуса, утешительного за первый день боя было мало. Что-то будет дальше, но уже и эти первые весть подействовали угнетающе. Опять, по-видимому, мало снарядов и патронов. Прошел томительный день, нас никуда не двинули, опять легли спать, ночью пришел приказ быть

готовым к рассвету, но рассвет наступил, и только около 12 часов дня пришел приказ моему отряду вернуться в дивизию.

Сделав распоряжение полкам направиться согласно данному им каждому маршруту, я с начальником штаба и ординарцем верхом отправился в дер. Слободку, откуда, согласно полученного приказа, в Горово в штаб дивизии, который в то время был размещен там, в лесу, в землянках. Надо было сделать верст 30, погода была туманная, стало таять, что сильно затрудняло передвижение, по дороге целые пространства были сплошь покрыты водой поверху льда и снега. Почему выбрали такое время для наступления, никому не было известно. С большим трудом добрался я до штаба дивизии. Меня очень радушно встретили, все уверяли, что страшно по мне соскучились. Я подробно доложил начальнику дивизии о днях, проведенных с бригадой в дер. Любки, затем весь вечер знакомился со всеми сведениями о неприятельских силах и расположении его частей и со всеми приказами и распоряжениями генерала Балугева, командовавшего группой, в которую входил и наш Сибирский корпус.

Инструкция генерала Балугева, данная им корпусам, гласила следующее:

Инструкция группе корпусов генерала Балугева для перехода в наступление

Прибывший со мной 32-й полк был сразу направлен на позицию, где уже стоял 29-й, так что в боевой линии от нашей дивизии к вечеру 8-го марта находилось два полка. Другие два: 30-й и 31-й составляли резерв. Справа от нас стояла 7-я Сибирская дивизия, правее которой уже армейский корпус, составлявший правый фланг войск западного фронта, далее стояли уже войска северного фронта (группа генерала Плешкова). Слева наша дивизия примыкала к частям 36-го армейского корпуса. За нами стоял 35-й армейский корпус в виде резерва всей группы.

Наступление это было приказано с целью поднять общее настроение как на фронте, так и, главным образом, внутри России. Войскам было приказано по подготовке атаки ураганным артиллерийским огнем

стремительно атаковать противника и, прорвав его фронт по направлению на Свенцяны, двинуться в Виленском направлении. Нашей группой, в которую входили 5-й и 35-й армейские и 3-й Сибирский корпуса и составлявшие 2-ю армию, за болезнью генерала Смирнова, командовал командир 5-го корпуса генерал от инфантерии Балув. Это было большой ошибкой, что для командования группой не было назначено особое лицо, т. к. генерал Балув, как командир одного из корпусов группы, невольно обращал наибольшее внимание на войска своего корпуса, стараясь поставить его в более выгодное положение, более заботясь о нем и вообще проявив некоторое пристрастие, что не могло остаться незамеченным и производило развращающее действие на остальные войска группы.

Почему было выбрано Виленское направление в местности, покрытой болотами, через которые можно было проходить только по узким гатям, почему наступление было назначено в самое отчаянное, по погоде, время, я не знаю, но, конечно, успеху способствовать это не могло.

В первый день наступления 5-му корпусу удалось прорвать три линии немецких позиций, две дивизии этого корпуса действительно молодецки со всей стремительностью атаковали немцев, захватив несколько тысяч пленных, но они не могли укрепиться на занятых ими участках, т. к. тыл их не был обеспечен, наш 3-й Сибирский корпус Балув держал слишком далеко и он не мог вовремя поддержать 5-й корпус.

Момент был упущен, и при бешеной контратаке немцев войска 5-го корпуса должны были отхлынуть. Тогда поправлять положение двинули наш корпус, слив его в боевую линию. Но было уже поздно, немцы спешно стали подвозить укрытия и принимать меры к недопущению прорыва.

Все 8-е число мимо нас проходили пленные немцы, среди них было и много гвардейцев, прекрасно одетых.

Мое назначение начальником передовой боевой линии

К вечеру 8-го числа выяснилось большое неудобство управлять боевой частью из штаба дивизии, который по причине непроходимых болот размещен был за гатями, ведущими к передовой линии, в верстах 8-ми от этой последней, особенно при наступлении, которое должно было начаться в ближайшие дни. Начальник дивизии поручил мне отправляться к передовой линии и взять на себя командование боевой частью 29-м и 32-м полками, дав указание расположиться для удобства управления в блиндаже командира 32-го полка при господском дворе Стаховцы, других никаких помещений и землянок в районе боевой части не имелось, строить же было поздно, а кроме того мне представлялась возможность для связи со штабом дивизии пользоваться полковой.

Я был очень смущен этим назначением, тем более, что меня отпускали одного, только с ординарцем, капитана же Афанасьева не дали мне, он был нужен штабу. Это последнее обстоятельство меня сильно огорчило, и я выехал верхом с ординарцем поручиком Хрипуновым и вестовым к месту моего назначения, не без сознания огромной ответственности.

До господского двора Стаховцы надо было проехать 8 верст, из коих 4 версты по гати через болото. Погода была отчаянная, дорога тоже, пришлось ехать шагом. Ординарцы у меня сменялись каждый день, это были офицеры штаба – Хрипунов, очень дельный офицер, уже немолодой, из запаса, толковый, образованный, с которым я очень подружился, Василенко – молодой офицер крайне симпатичный, высокопорядочный, и Редько, сын начальника дивизии, совсем мальчик, очень воспитанный, милый.

Прибытие в передовую линию, вступление в командование

Поздно вечером я добрался до г. дв. Стаховцы, от которого оставались одни воспоминания, все было снесено артиллерией. Тут же находился и блиндаж командира 32-го полка, в котором мне суждено было прожить

9 дней непрерывных боев. Блиндаж этот представлял собой землянку, вырытую в земле, без окон, с одной выходной дверью в ходы сообщения.

Для ограждения от разрушения он покрыт был тремя рядами толстых бревен и 1500 мешками, наполненными землей и песком. Такая крыша выдерживала при попадании тяжелого снаряда-чемодана, как их называли, и только два таких снаряда один за другим могли разрушить блиндаж. Размер внутри был 4 на 5 аршин, высота его была такая, что я мог стоять в папахе, не сгибая головы, причем верх папахи касался потолка. Когда же я оставлял этот блиндаж, то уже не мог стоять во весь рост, от попадания снарядов в крышу весь блиндаж как-то осел в землю.

В блиндаже все 9 дней помещались, кроме меня и моего ординарца – командир 32-го полка полковник Костяев, полковой адъютант и при телефоне два телефониста из нижних чинов. Костяев, с которым я тогда был еще мало знаком, т. к. он недавно только получил полк, показался мне очень дельным и симпатичным, и мы с ним прожили дружно, но потом, когда я его узнал ближе и раскусил, то мог дать ему настоящую оценку. Это был заурядный офицер Генерального штаба, большой рекламист, умевший очень ловко втирать очки, доверия большого не заслуживал, как боевой офицер был из средних, в серьезные минуты не терялся и потому был мне действительным помощником во время этих страдных боевых дней. Полковой адъютант, фамилию которого сейчас не могу припомнить, был прямо выдающимся офицером, и по знаниям, и по храбрости.

Все 9 дней я ни разу не прилег, просидев на стуле, выходя из блиндажа ненадолго, чтобы обойти передовую линию, посетить батарею, побывать на наблюдательном пункте или встретить проходившие на смену части, подбодрить их, утешить, поддержать раненых, которых проносили мимо или которые ковыляли сами, направляясь на перевязочный пункт, находившийся в версте за моим блиндажом. Многие из них не доходили до него, т. к. приходилось почти все время идти под непрерывным огнем противника. Немцы, по несколько раз в день, осыпали нас снарядами, а иногда и пулеметным

огнем, до их позиции было не более 1–1 ½ версты, иногда они пускали снаряды с формалином, вызывающие сильное слезотечение и тошноту, это было очень противно.

Недалеко от блиндажа была лощина, через которую дорога вела в дер. Стаховцы и которую никак нельзя было миновать, чтобы пойти или на батарею или в резерв. Эту лощину называли «долиной смерти», т. к. немцы ее засыпали каждый раз, как только начинали стрелять, сотнями снарядов, и редко удавалось какому-нибудь смельчаку пройти безнаказанно. На ночь я устраивался на своем же стуле, предварительно надев всю амуницию и закутавшись в бурку для тепла поверх шинели, принимая наиболее удобную позу, чтобы можно было подремать. Редко проходила ночь без тревожных телефонных звонков, приходилось подходить к телефону, причем каждый раз обязательно я стучался головой о перекладину. Когда начинался обстрел, то невольно приходилось прислушиваться, немцы стреляли методично и аккуратно, бывало, что они обстреливали одно место, чаще всего «долину смерти», шагах в 50 от блиндажа, тогда они лупили все в одно место, так что я даже раз вышел из блиндажа и сфотографировал несколько взрывов их снарядов, очень удачно. Но иногда они начинали стрелять от дер. Стаховцы на наш двор и далее к окопам. Это бывало всегда жутко. Чувствовалось, как снаряды постепенно приближались к блиндажу. И вот ждешь, хватит или нет? Вот всего в 15 шагах с остервенением разрывается тяжелый 8-ми дюймовый снаряд, блиндаж вздрагивает, ждешь очередь за блиндажом, но снаряд падает уже на другую сторону – значит миновало. За все 9 дней было три попадания в блиндаж – это было очень неприятно, т. к. невольно ждешь после этого второй снаряд, а если бы два-три снаряда попали в блиндаж один за другим, то от него осталось бы одно воспоминание. Но все три попадания были единичные и после них тотчас чинили крышу, прибавляли мешки с песком. Так мы и прожили все девять дней, обед мне привозил казак из штаба дивизии по вечерам с наступлением темноты, чай у меня был с собой. Кипятили воду в котелках. На другой же день мне было приказано овладеть лесом,

занятым противником, и выйти на его опушку, дабы затем, подготовив атаку артиллерийским огнем, атаковать главную позицию немцев.

Первая задача была выполнена моими двумя полками, несмотря на тяжелые условия и отчаянную погоду, с полным успехом, так что я получил благодарность от командующего армией и 75 георгиевских медалей для раздачи стрелкам.

Выполнение первой задачи началось в ночь на 10 марта, с 3-х часов ночи. К 9-ти утра задача оказалась уже выполненной. Привожу ряд донесений начальнику дивизии, за 10 и 11 марта, которые передавались по телефону:

В этот день 11 марта была сильнейшая снежная метель, во время которой было заметно, что немцы усиленно укрепляли свою позицию против моего правого фланга.

В 12½ час. дня немцы открыли сильный огонь тяжелыми снарядами, как по нашей передовой линии, так и по госп. дв. Стаховцы, огонь продолжался без перерыва три часа. Потерь за 10 и 11 марта в полках было до 800 человек. В артиллерии и горной батарее нижних чинов ранено было 3, лошадей убито 11, ранено 14. В ночь с 10 на 11-ое число по приказанию начальника дивизии 29-й полк был заменен 30-м, мне это было крайне неприятно, т. к. из 4-х полков дивизии это был слабейший и командир полка полковник Изюмов был далеко не боевой офицер, тогда как командир 29-го полка Басов [\[358\]](#) был один из лучших, прямой, высокой степени порядочный, боевой, прошедший всю свою службу в доблестных кавказских войсках, унаследовав их традиции.

Уходя от меня с полком, он прислал мне полевую записку, благодаря которой я мог принять некоторые зависящие от меня меры для упорядочения дела. Мне лично, как совершенному новичку в бою, было очень трудно все предусмотреть, и я был искренно ему признателен за откровенно высказанное мнение. Его записка была следующего содержания:

В ночь с 11 на 12-ое я ночевал в штабе дивизии, куда меня вызвали для получения дальнейших инструкций своих действий. Я нашел это

весьма неосторожным, но не мог не исполнить приказания. Сдав командование полковнику Изюмову, как старейшему, я приехал в Гарово и, получив все инструкции и приказы и поделившись с начальником дивизии своими впечатлениями и сомнениями, рано утром 12 вернулся в свой блиндаж. Приказ по дивизии, переданный мне, гласил следующее:

В исполнении этого приказа по дивизии я отдал следующий по моей группе:

12 марта последовал следующий приказ начальника дивизии, развивавший план наступления:

Затем была получена телеграмма Балугева к начальникам частей:

Все 12-е число прошло в большом волнении, я крайне пессимистически смотрел на исход боя, т. к. считал, что намеченная атака на «Фердинандов Нос» – так называлась укрепленная высота неприятеля, о которую разбились части 10-й дивизии, при недостатке снарядов, плохой связи и других недостатках, успеха иметь не может. К тому же люди были измучены от непогоды и ужасных условий местности. То снежная вьюга, то проливной дождь, люди не имели возможности обсушиться, а по ночам бывали заморозки, мокрые шинели покрывались льдом, люди коченели – условия были ужасающие. И, несмотря на это, мои стрелки держались бодро, нигде я не слышал ни одной жалобы, все были преисполнены сознанием долга, переносили тяжелые условия с полным терпением и спокойствием. Я прямо преклонялся перед ними, когда, обходя в самую ужасную погоду боевые участки, причем пули свистели со всех сторон, я встречал одиночных стрелков, которые, завидя меня, вытягивались во фронт, мокрые насквозь, но с бодрым, веселым лицом и как-то особенно, молодецки прикладывая руку к головному убору.

Я помню, как это поразило Набокова – особоуполномоченного Красного Креста, не побоявшегося приехать ко мне в столь опасное место, и которого я повел показать немецкие окопы, занятые нами накануне ночью.

К вечеру 12-го числа выяснилось, что артиллерия не смогла проделать необходимые для атаки проходы в проволочных заграждениях немцев и нам предстояло поэтому новое осложнение – проделать эти проходы ножницами, что редко удавалось. В 11 час. 30 мин. вечера я донес начальнику дивизии следующее:

Ночью послал второе донесение:

Ровно в 3½ часа утра 32-й полк перешел в наступление. Батальоны двигались в большом порядке, особенно 1-й батальон, на который любо было смотреть. Порядок наступления был следующий: впереди команда для разрушения проволочных заграждений и сзади рота за ротой, в расстоянии 50 шагов друг от друга густыми цепями. Передние прикрывались щитами. Вправо для связи с 26-м Сибирским полком 7-й Сибирской дивизии двигалась полурота для прикрытия фланга. Движение было безостановочно и в 4 часа передние достигли уже проволочных заграждений и стали резать проволоку, вырезав три прохода шириной от 3-х до 6-ти шагов. Противник видимо был вполне подготовлен к встрече нашей атаки, т. к. встретил передовые части сильным ружейным, артиллерийским и пулеметным огнем.

Пулеметы Кольта были выдвинуты вперед для разрушения части проволочных заграждений, также и для стрельбы по пулеметным гнездам противника. Вследствие больших потерь, а главное – отхода соседнего батальона 26-го Сибирского полка пришлось приостановить наступление, т. к. я не имел уже поддержки справа. С 26-м же полком чужой дивизии я ничего сделать не мог, люди там дрогнули, часть людей стала перебегать к немцам и сдаваться, другая отхлынула. Подпоручик 32-го полка Люкшин[\[361\]](#), командуя пулеметами, открыл огонь по стрелкам 26-го полка, перебегавшим к немцам, но не успел он сделать двух залпов, как был убит предательским выстрелом в спину.

Положение становилось критическим, в передних батальонах 32-го полка потери доходили до 20 %, в некоторых же ротах оставалось не более 30 стрелков. Я обратился к начальнику дивизии с просьбой подготовить дальнейшее наступление артиллерийским огнем по тылу

противника, дабы заставить его прекратить огонь. Сам я не мог распорядиться этим, т. к. в моем распоряжении было всего три батареи, вся остальная артиллерия была подчинена групповым начальникам. Это было одним из крупных недочетов этой операции. В то время, когда я обратился к начальнику дивизии, положение было следующее: большая часть, оставшихся в живых 1-го батальона лежала впереди проволоки, а некоторые даже под самым бруствером.

Было заметно, что когда наша артиллерия стреляла, и стреляла с успехом, то немцы оставляли наших в покое, но как только наша артиллерия замолкала – немцы начинали поражать наших. Я считал, что дальнейшая атака возможна, если бы 7-я Сибирская дивизия помогла своим 2-м полком, одним же нам идти в атаку, не имея поддержки справа, было безумием, мы погибли бы от перекрестного огня. Это я и донес начальнику дивизии, сообщив, что я решил пока закрепиться в том положении, в каком очутился после отхода 26-го полка, но для того, чтобы немцы не выбили бы моих поодиночке, необходим сильный непрерывный артиллерийский огонь, сможет ли наша тяжелая артиллерия вести таковой?

Одновременно с этим я принимал все меры, чтобы связаться с 26-м полком, что мне и удалось к 12 часам дня 13 марта. Командир этого полка сообщил мне, что правофланговому его батальону удалось проделать в проволоке несколько узких проходов, через которые можно бы провести стрелков, но не более роты, и потому атаковать через них он считает невозможным, на левом же фланге, где у него отхлынул батальон, проволочные заграждения остались целы, прорезать их он не мог. В течение дня выяснилось, что немцы стали стрелять разрывными пулями.

Было обидно отступать, части моего 32-го полка и расположенный уступами слева 30-й полк для поддержки 32-го рвались в бой, настроение среди них, несмотря на потери, было приподнятое, я решил с наступлением темноты пойти в атаку, назначив ее в 8 час. вечера,

надеясь неожиданным нападениям занять «Фердинандов Нос» даже без помощи 26-го полкаа.

Увы! Мне это не удалось – я получил приказание от начальника дивизии отойти назад и занять положение, с которого полки выступили утром. Наблюдавшийся подъем и повышенное настроение сразу упали. Отходить было очень трудно, стрелки несли большие потери, многих раненых пришлось оставить на поле сражения. К 11 часам вечера измученные стрелки в подавленном настроении заняли позицию, с которой вышли утром. Я очень опасался, как бы немцы нам не устроили какой-либо пакости, убедясь в нашей слабости, и потому просил оставить мне батальон 31-го полка до утра следующего дня в качестве резерва, чтобы помочь в случае чего измученным полкам 32-му и 30-му.

Но начальник дивизии не разрешил и приказал направить его в место расположения штаба полка в его распоряжение. Таким образом, я остался со своими остатками 32-го полка и 30-м полком, которые только в 12 ночи получили за весь день первый раз горячую пищу. С тяжелым чувством вышел я проводить уходивший батальон 31-го полка, который сам неохотно шел в дивизионный резерв. Темень была непроглядная, было как-то жутко различать в этой мгле отдельные силуэты стрелков, пробивавшихся в тыл по узкой гати, чуть ли не поодиночке.

Вернувшись к себе в блиндаж далеко не в восторженном настроении, мне казалось, что все пропало и ни о каком наступлении больше и речи быть не может. Я застал моего ординарца – в этот день прапорщика Редько – спавшего сладким сном в блиндаже, мне стало жаль этого совсем юношу и, не зная, что ожидает еще ночью и на другой день, не желая подвергать его опасности, я разбудил его и послал его в штаб дивизии с донесением. Таким образом, я остался даже без ординарца.

Выпив чаю и поговорив с Костяевым, командиром 32-го полка, я устроился на своем стуле поудобнее на ночь, надеясь подремать. Устал я страшно за этот день, тишина кругом была необычайная, ни одного выстрела слышно не было, и мы подумали с Костяевым, что и немцы переутомились за этот день и потому вряд ли нас побеспокоят.

Разведчики доносили нам, что противник закрепляется на своих позициях, усиливает и подчиняет попорченные и изрезанные проволочные заграждения, а мелкие партии противника выходят по временам из окопов с целью захватить наших еще не убранных раненных, но каждый раз они их отгоняют огнем.

Казалось, все это не предвещало ночной тревоги, и я скоро задремал. Я был разбужен сильным орудийным огнем, сначала я подумал, что это обычный обстрел госп. дв. Стаховцы, но огонь становился все сильнее, я разбудил командира полка, мы вышли наружу, и сразу стало ясно, что это не простая стрельба, а подготовка к атаке со стороны немцев, которые развили огонь до крайних пределов. Было еще темно, но от разлетевшихся снарядов весь участок был освещен как днем, снаряды рвались ежесекундно. Трудно было очень ориентироваться, в 3 час. 30 мин. утра позвонил командир 30-го полка Изюмов, докладывая, что полк его тает, потери огромные и он просит помощь в два батальона, ждет атаки немцев. Я тотчас позвонил начальнику дивизии, прося подкрепления, после чего вся связь была порвана, телефонисты, посланные для восстановления, большей частью были убиты. Пришлось пользоваться летучей почтой, но и многих из них постигла та же участь.

Один случай произвел на меня жуткое впечатление. Я стоял около блиндажа, пропуская мимо себя батальон резерва, подбадривая и благословляя людей, которые шли по ходу сообщения, а я стоял над ними. Кругом был сплошной ад от разрывавшихся снарядов и свиста пуль. В это время ко мне подошел посыльный летучей почты и подал донесение. Прочитав его и написав ответ я, не оборачиваясь, протянул руку, чтобы отдать конверт, но никто его не взял, я обернулся – посыльный лежит на земле, шальная пуля убила его наповал, за шумом разрыва снарядов я даже не слышал, как он упал.

Ужасное состояние, когда чувствуешь, что наступил момент, когда нельзя даже никакого отдать приказания, когда надо предоставить все воле Божьей и ждать. Это чувство какой-то жуткой беспомощности.

Около 7 часов утра, когда уже рассвело, ко мне явился командир 30-го полка, не из храбрых, Изюмов, бледный, растерянный и огорошил меня словами: «У меня полка нет, все пропало, все уничтожены».

Зная его паническое настроение, я конечно не поверил ему, что полк уничтожен, изругал его, сказав, что если его полк уничтожен, то он должен был погибнуть с ним, а не являться в штаб боевой части, пускай он поищет своих людей, которые наверно найдутся, когда подъедут кухни, а если он не соберет людей, то будет предан суду. Он как будто опомнился, но в это время сзади уже в тылу у меня на опушке леса появились ракеты и одиночные люди шагах в 1000–1500 – это были немцы, сигнализировавшие своим об успешном наступлении. Изюмов еще более струсил, предложил даже бежать, но я на него посмотрел такими глазами, что он сразу пришел в себя. Положение становилось критическим, меня могли захватить в плен, ударить в тыл моим частям.

Приказав забрать телефонное имущество из блиндажа, я с пятью или семью стрелками связи решил перейти на ближайшую батарею, чтобы оттуда управлять дальнейшим боем, командиров же полков 32-го и 30-го направил к своим частям, чтобы контратакой опрокинуть немцев, батальон 31-го полка передал в распоряжение Костяева, приказав обоим командирам немедленно по прибытии к своим частям соединиться со мной летучей почтой. Когда командиры полков скрылись из виду, я остался со своими чинами связи, кругом не было ни души, немцы вышедши из лесу, не направились почему-то на Стаховцы, а пошли в сторону, это спасло положение.

Я тогда двинулся к батарее, пришлось проходить «долину смерти». Я шел в ужасном настроении, мне казалось, что все пропало, что я очевидно виноват, наверное, что-нибудь не предусмотрел по неопытности, по незнанию, что мне что-то надо сделать, а что, я сам не знаю – и я был один, никого кругом, кроме этих славных стрелков связи, которые так заботливо, ласково смотрели на меня, как будто чувствуя все, что я переживал. А снаряды между тем с остервенением разрывались то тут, то там, со всех сторон, другие проносились злобно

шипя, а то вдруг над головой с треском разрывалась шрапнель и осколки ее со шлепанием падали вокруг на мокрую землю, обдавая меня грязью. Мои стрелки поминутно ложились при пролете гранат, а мне как-то было все равно, слишком я был полон дум о том, что-то делается в лесу, успеют ли мои перейти в контратаку и мне и в голову не приходило, что каждый снаряд несет смерть, я не мог даже себе представить, как это в меня попадает снаряд, и в тоже время мысль, что я останусь целым, когда мою линию прорвали, мне казалась позором, и я, стряхивал с себя комки грязи, которой меня все время обдавало от рвавшихся снарядов. Помню, как жаль мне было одну лошадь – она паслась совсем одна, вероятно, сбежала из какой-нибудь части, как сейчас помню, серой масти. На моих глазах осколком снаряда у нее оторвало одну ногу, и часть зада и она осталась стоять на трех ногах, вся дрожа и как-то странно фыркая.

Минут через 20 я был на батарее, нашел жалкие ее остатки – из 6 орудий одно, из прислуги осталось всего несколько артиллеристов, из офицеров один командир батареи, телефонной связи не было, и эти герои продолжали стрелять из единственного орудия. Поблагодарив людей, записав этих молодцов для представления к наградам, поговорив с ними, я решил дойти до промежуточной телефонной станции, чтобы связаться с начальником дивизии просить поддержки – надо было пройти еще с $\frac{1}{2}$ версты, снаряды стали ложиться реже. Сообщение со штабом дивизии было и я мог доложить Редько положение дел, получил разрешение взять из корпусного резерва два батальона на помощь. Вскоре Редько сам приехал на промежуточную станцию.

В это время связь моя летучей почтой возобновилась и я стал получать донесения. Это помогло мне ориентироваться. Контратака удалась, я вздохнул свободно, немцы были оттеснены и я мог вернуться опять в свой блиндаж, мне прислали из штаба дивизии нового ординарца поручика Василенко, с которым я и прошел вместе «долину смерти», все еще осыпаемую снарядами. Но шел я уже не подавленный, а полный бодрости, положение было спасено, мои стрелки дрались, как львы. Один офицер 30-го полка, чудом уцелевший, рассказывал мне, что в одном месте столкнулись в лесу неожиданно для самих себя – роты немцев

и наши. В первый момент и те и другие ошалели, а потом кинулись с яростью друг на друга врукопашную. Кололи штыками, разбивали головы прикладами, били кулаками, кусали друг друга, наши одолели, а в другом месте, когда немцы убегали по ходу сообщения, наши их преследовали поверху и били их прикладами по головам – не многим удалось спастись, весь ход сообщения был завален трупами.

На другой день было приказано восстановить утраченное положение, что и было мной выполнено. При подсчете за эти бои дивизия наша потеряла убитыми и ранеными около 9 тысяч – почти 50 %, из офицерского состава 31 офицер был убит, 41 ранен. В неуспехе нашем, т. к. нельзя было назвать успехом продвижение на 1 ½ версты, главным образом виновата была артиллерия и недостаток снарядов. Когда немцы выпускали 2000 снарядов, мы могли выпустить сотню, другую.

Возвращение в штаб дивизии

Когда мы восстановили наше положение, то получено было распоряжение сменить нас на позиции частями 7-й Сибирской дивизии, мои части отошли в тыл, на отдых и пополнение, я вернулся 16-го в штаб дивизии. Странно как-то, после 9 дней что я, не раздеваясь, просидел на стуле в темном блиндаже, очутиться в уютной землянке и лечь в свою кровать, не слышать выстрелов. Как всегда бывает после неудачи, надо найти виновника. Прорван был мой фронт – очевидно виновник налицо, тем более что обвинять 5-й корпус значило бы Балуюеву обвинить себя, остался 3-й Сибирский – обвинить 7-ю Сибирскую дивизию нельзя, т. к. эта дивизия бывшая Трофимова – командира корпуса, значит всех собак надо вешать на 8-ю Сибирскую. Я решил защищаться до крайности и, затребовав от командиров полков подробные донесения, предоставил рапорт начальнику дивизии, который и привожу целиком:

Затем последовала телеграмма главнокомандующего фронтом Эверта затребовать от всех начальников мнения о причинах неудачи нашего наступления в районе оз. Нарочь. Я изложил следующее:

Отвод дивизии на отдых в дер. Сивцы

Устав страшно и физически и нравственно, я чувствовал потребность хоть немного отдохнуть после всего пережитого, и потому, как только дивизия отошла на отдых в дер. Сивцы, попросился в отпуск на одну неделю, но командир корпуса не разрешил, сказав, что дивизия в скором времени опять станет на позиции, как только пополнится людьми.

Действительно 5000 пополнения уже пришло к 23 марта, а 4000 еще ожидалось на днях. Среди пополнения опять пришли москвичи, среди коих многие меня узнали. Устроился я в дер. Сивцы очень хорошо, погода стала дивная, теплая, прямо летние дни. В это время прямо завалили письменной работой, посылая один запрос за другим, все искали виновных в неудаче. Кроме того запрашивали и по разным специальным вопросам. Что делали в штабах со всеми этими ответами, не знаю, но, во всяком случае, разбор всех этих мнений непроизводительно отнимал немало времени у офицеров оперативных отделений штабов.

Привожу один из моих ответов на один из таких запросов:

Приезд великого князя Георгия Михайловича

26 марта меня вызвал генерал Балувев – начальник всей группы, действовавшей под Нарочем. Принял меня он любезно и дал мне возможность доложить ему с полной откровенностью о ходе боев в 3-м Сибирском корпусе, т. к. Трофимов ему многое осветил совершенно неправильно.

Он меня вызвал по случаю ожидаемого приезда великого князя Георгия Михайловича [\[367\]](#), командировавшегося в его группу для раздачи георгиевских крестов. Великий князь должен был проехать со ст. Кривичи, 28 марта, в дер. Узлы, где должны были быть собраны представители 4-х корпусов по 100 человек от каждого полка и был назначен парад, командование которым поручено было мне. Последнее мне доставило большое удовлетворение, как доказательство, что меня не считали уже таким плохим боевым начальником, не считали

виновником неудачи. А затем я и не рад был, что меня выдвинули на такую роль. Несколько дней готовились к его приезду, по обыкновению по-бутафорски, что всегда развращающе действовало на войска. Сначала было приказано выставить почетный караул на ст. Кривичи – это в 20 верстах от расположения 29-го Сибирского полка, от которого назначен был караул. Приказано было, чтобы одет был караул однообразно, щегольски, значит, со всего полка приходилось собирать все лучшее, причем начальство суетилось, приезжал сам командир корпуса смотреть, хорошо ли одет караул. Затем посыпались депеши, сначала выставить на смотр всех представленных к георгиевским крестам и медалям, составили списки, затем перемена – не более ста человек от полка, затем по сто обязательно, наконец, по пять от роты. Три дня все адъютанты в полках и штабах были заняты исключительно этой перепиской и составлением списков. Затем пришло приказание – выслать три роты чинить дорогу для проезда великого князя. В последнюю минуту почетный караул отменили, когда он был уже на станции, и ни у кого не хватило гражданского мужества сказать, что караул на станции, и его спрятали, люди не повидали даже великого князя, для которого прошли 40 верст туда и обратно. Прямо возмутительно.

Меня заставили разбить парад и дали задачу найти место, чтобы разместить 4–5 тысяч человек, чтобы место было ровное, чтобы можно было хорошо пройти церемониальным маршем, чтобы было безопасно от неприятельских аэропланов. Вот так задача! Я выбрал место на аэродромном плацу, а что касается безопасности от аэропланов, положился на милость Божию. И Господь мне помог, была такая снежная пурга, после чудных почти летних дней, что никакой аэроплан не рискнул вылететь.

Наступил день смотра, многие части прошли 30 верст, нам было близко, всего 5–6 верст. За 2 часа до приезда великого князя я приехал на место расположения частей и занялся их расстановкой. Пришлось поставить покоем в старых резервных колоннах. Каждый полк образовал два взвода, бригада и рота: 7-я и 10-я дивизии 5-го корпуса, 55-я и 67-я –

35-го корпуса, 25-я дивизия 36-го корпуса, 7-я и 8-я Сибирские нашего корпуса, затем артиллерия, саперы, казаки. Возня была порядочная, так что к приходу генерал Балуева я еще не успел все окончить.

Около 11 час. утра подъехал великий князь, я скомандовал: «На караул!» – и направился с почетным рапортом к его высочеству, который, приняв рапорт, подал мне руку и любезно спросил: «Как поживаете?» Затем великий князь, быстро поздоровавшись с Балуевым, не стал обходить войска, а вышел на середину и передал привет от государя, благодарил за геройские подвиги. Говорил он поспешно и недостаточно громко, так что большинство его не расслышало, даже я, стоявший недалеко, не понял его слов. Чудные звуки гимна исправили впечатление, вызвав гул восторга. Затем началась раздача крестов, каждому великий князь говорил: «От имени его величества!», – это было хорошо. Раздача длилась 2½ часа. Затем великий князь вышел на середину и крикнул: «Ура!» – в честь новых кавалеров Св. Георгия. Генерал Балуев крикнул: «Ура!» – в честь великого князя, а последний еще всем боевым начальникам. После этого войска, по моей команде, прошли церемониальным маршем прямо по своим частям. Начальствующим лицам и офицерам великий князь не проронил ни слова – это произвело на всех удручающее впечатление, а проходя мимо моего 30-го полка, сказал: «А, это полк, который сдался в плен?». Командир корпуса на это ответил, но очень слабо, без протеста, что в этом полку был прорыв, но в плен он не сдавался. Великий князь ничего не ответил, и впечатление от его слов так и осталось.

Я был вне себя, это заключение вывели в штабе армии из немецкой радиотелеграммы, в которой сообщалось об их ночной атаке и что они взяли 5 пулеметов и 2500 нижних чинов. Это радио послужило в руку штабу армии, который и нашел козла отпущения в 30-м полку в неудаче всей операции, так было доложено и в Ставке. Узнав об этом, я привел фактические данные, опровергавшие это обвинение, и доказал цифрами, что пулеметы в 30-м полку, все до единого, оказались после боя налицо, а стрелков не досчитались всего 232 человека, которые, быть может, и сдались немцам, но это не 2500.

Вот как делается история. Командир полка Изюмов, как я и писал, был трусом и показал себя очень с отрицательной стороны, я просил даже начальника дивизии его отрешить от командования полком, но Редько не захотел, люди же и офицеры были вне всяких подозрений.

К тому же 27-й Сибирский полк, сменив 30-й, нашел в лесу и лощинах еще несколько сот трупов стрелков 30-го полка и похоронил их, что также служит опровержением голословного обвинения полка в сдаче неприятелю. Было всегда невыгодно попадать в чужие корпуса или армии – выдвигали своих, а пришедших старались смешать с грязью, все сваливали на них. Редкие начальники выступали в защиту. Генерал Балуев – командир 5-го корпуса и в то же время, как я уже говорил, начальник группы 4-х корпусов, конечно, всю славу хотел приписать своим полкам 5-го корпуса и благодаря этому с самого начала сделал большую ошибку. Он повел наступление своими двумя дивизиями, не обеспечив себя сзади другими корпусами, уверенный, что с налета возьмет три линии окопов немцев, а наши корпуса подойдут уже на готовое и держал нас далеко.

Но вышло иначе. С налета-то он взял, но имея поддержку слишком далеко, не мог развить успеха, а люди его, сделавшись хозяевами немецких окопов, тотчас разбрелись по ним и стали разбирать продукты, вино, коньяк и т. п., поднять их для дальнейшего наступления было уже трудно, момент был упущен, атака не была доведена до конца, и немцы, собравшись с силами, произвели контратаку. Чтобы спасти положение, а в то же время, не желая давать успеха другим, Балуев стал прямо трепать наши дивизии, выхватывая из нее пачками даже отдельные батальоны, которые и посылал на помощь то туда, то сюда, только на 4-й день боев соединил опять нашу дивизию, растрепав по мелочам 30-й и 32-й полки, которые в таком виде и поступили под мое начало.

Прямо до слез было обидно. На совещании, бывшем потом у генерала Балуева, я все это вывел наружу.

Но я отвлекся от описания посещения великого князя. Обедали у Балуева. Великий князь сидел на главном месте, направо от него

генерал Балуев, налево генерал Трофимов, около Балуева я. Обед прошел быстро, великий князь все шептался с Балуевым, который устраивал свои делишки. Из этого шептания я понял то, что Балуев для своего 5-го корпуса получил еще 600 георгиевских крестов. За обедом никаких разговоров не было. Когда встали из-за стола, великий князь подал всем руку и пошел в кабинет к Балуеву. Я полудемонстративно вышел на крыльцо, крикнул казака с лошадей и уехал к себе в Сивцы.

В весьма удрученном состоянии возвращался я и думал, как это не умеют ничего устроить, сами все портят. Ведь насколько было бы лучше, насколько больше впечатления произвело бы прибытие посланца царя, если бы для него не устраивали бутафорского парада, а он бы сам объехал войска в местах их стоянок, побывал бы и в окопах, это конечно заняло бы несколько дней, но зато и великий князь мог бы доложить государю, как действительно живут полки, и войска бы увидели посланца царя у себя – это бы имело колоссальное влияние на настроение войск, подняло бы дух. Конечно, это представляло известный риск, но я смотрю так, что даже если бы великого князя какая-нибудь шальная пуля и настигла где-нибудь в окопах, то и такого рода жертва окупилась бы вполне тем моральным впечатлением, которое бы она произвела на войска, сознанием, что и великие князья жертвуют своей жизнью за царя и Родину, а не только пребывают в тылу и занимаются от нечего делать интригами.

Я очень уговаривал начальника дивизии поехать к генералу Эверту восстановить истину о 30-м полку, но генерал Редько был таким формалистом и так боялся начальства, что я наконец мог его уговорить только поехать к командиру корпуса Трофимову, который первый обратил внимание на немецкое радио и приписал его 30-му полку.

Ничего из этого не вышло, Редько не сумел толком поговорить с Трофимовым, привез ему только цифры, а тот ему ответил такую чепуху: «Я пошлю пересчитать трупы».

К счастью, мне пришлось быть у Трофимова, и когда он заговорил о прорыве, то я ему столько истины наговорил самой горькой и так ему

горячо и картинно рассказывал, как было дело, и почему немцы потом больше не атаковали, что он сразу замолчал, переменял тон и сказал, что он себе все иначе представлял.

Все удивлялись, что я так близко к сердцу принимал такие обвинения 30-го полка, так возмущался, мне говорили, что к этому надо привыкнуть, что в случае неудачи свыше стараются всегда обвинять войска, считая себя безгрешными и не желая даже вникать в дело, что такой хаос, который был за этот период боев бывал и раньше, мне приводили и худшие примеры. Я не мог с этим мириться и просил даже командира 26-го Могилевского полка полковника Лебедева[\[368\]](#), как постороннее лицо и из корпуса Балугина, дать мне оценку действий 30-го полка, когда этот полк находился в его распоряжении, он прислал мне следующий отзыв, который я представил начальству:

Выступление двумя полками в фольварк Гать

31 марта я получил приказание с 29-м и 31-м полками выступить в ф. Гать, для поддержки атаки 5-го корпуса. Выступили мы с вечера и в 4 часа утра 1-го апреля были на месте. Переход был легкий, хотя и ночной. Разместились мы в страшной тесноте, так что я просидел все время на воздухе. В бой нас так и не втянули и в ночь на 2-ое вернули обратно. Выступили из Гати опять в 11 вечера, ночь была чудная лунная, красота удивительная. Я пропустил в пути оба полка мимо себя поротно, люди шли как на параде, полки были уже пополненные, настроение чудное.

Это была последняя попытка атаковать немцев в районе оз. Нарочь. Она окончилась неудачно, я простоял сутки со своими двумя полками в ф. Гать, нас никуда и не вызывали и вернули обратно.

4-го апреля группа войск генерала Балугина была упразднена, все корпуса, кроме 5-го вышли из его подчинения, и он обратился к войскам группы с прощальным приказом:

Назначение Климовича директором Департамента полиции

В марте месяце состоялось назначение Климовича – директором Департамента полиции. Я послал ему по этому поводу привет, на какой получил следующее письмо:

Мне очень было жаль, что Климович оставил Москву и где он действительно приносил много пользы, на его место был назначен мой товарищ по Пажескому корпусу, бывший гродненский губернатор Свиты генерал Шебеко[370]. Я о нем уже писал в своих воспоминаниях за 1914-15 гг. Для Москвы в должности градоначальника он был лицом далеко не подходящим.

2 апреля я был у всенощной в Талупе и исповедовался у местного священника, причащался на другой день за обедней в 32-м полку.

Возвращение дивизии на старую стоянку в Высоковщизну.

Мое назначение в комиссию Балугева

5-го днем получено было приказание нашему корпусу отойти в резерв главнокомандующего в районе между ст. Будислав и Кривичи за железную дорогу, переход мы должны были сделать в 45 верст.

Полки уже выступили, выслав вперед квартирьеров, как вдруг последовала перемена – корпус перевести из 2-й в 4-ю армию, которой командовал генерал Рагоза. Пришлось рассылать конных ординарцев догонять полки, чтобы их вернуть, и все это ночью, только успели они вернуться, как новое приказание – дивизии двинуться в район Высоковщизны, куда прибыть не позднее утра субботы на Страстной неделе. Я же получил назначение в особую Комиссию под председательством генерала Балугева по выяснению причин неудачи при наступлении его группы и потому остался один в деревне Сивцы.

6-го апреля начались заседания комиссии, приходилось в течение трех дней 6–8 апреля ежедневно ездить в деревню Узлы к Балугеву.

В комиссии приняли участие кроме меня начальник штаба 5-го корпуса генерал-майор Вальтер – на редкость благородный человек,

сглаживающий все время бестактные выходки своего начальника генерала Балуюева, начальники штабов 7-й и 67-й пехотных дивизий, командир 10-й артиллерийской бригады полковник Пащенко[371], 25-й артиллерийской бригады полковник Гашкевич[372] и командиры полков: 25-го Сибирского полковник Кондра[373], 39-го Томского Пацевич[374] и 220-го пехотного полковник Бонч-Богдановский[375]. Кроме того для участия в комиссии были командированы Генерального штаба генералы Ярон[376] и Ельчанинов[377], как представители штаба фронта.

Всем казалось странным, что Балуюев, самое заинтересованное лицо в этом деле, назначен был председателем комиссии. Очевидно, все было направлено к тому, чтобы обелить его 5-й корпус и закидать грязью остальных и прежде всего наш 3-й Сибирский, который все время дергали, сутили, бросали пачками то сюда, то туда, делая его ответственным за все неудачи.

Заседания этой комиссии произвели на меня удручающее впечатление, Балуюев вел их до неприличия пристрастно, отрицательно относясь к действиям всех корпусов, кроме своего 5-го, неудачные действия которого определенно умалчивались, в случае же возбуждения кем-либо из членов комиссии вопроса по поводу их, Балуюев выходил из себя и как председатель комиссии старался затушевать его.

Началось заседание нормально и вполне корректно – генерал Балуюев начал с того, что им допущена была большая ошибка, что он уступил приказанию командующего армией, разбив 3-й Сибирский корпус на бригады по всему участку, между тем его желание было сосредоточить весь корпус за правым флангом, дабы воспользоваться им для развития успеха 8 марта, двинув вперед для дальнейшего наступления.

Сказав это генерал Балуюев стал порицать действия моего начальника дивизии генерала Редько, который будто бы, 8 марта, на его требование немедленно выдвинуть 30-й и 32-й полки в помощь 5-му корпусу, стал говорить о том, куда он поместит свой штаб, как он устроит связь и т. д., одним словом, больше заботился о себе и о штабе, чем о помощи, вследствие чего, хотя 30-й полк и подошел вовремя, но 32-й задержался

неимоверно долго, пройдя будто бы 10 верст в течение 8 часов и то после категорической депеши, которую Балугев прочитал нам. Все это по его словам и задержало наступление. Я, к сожалению, не мог ответить на эти обвинения, т. к. не был в курсе дела, находясь в то время еще в дер. Любки с 31-м полком на самом левом фланге, но мне было очень неприятно все это выслушивать.

Затем Балугев перешел к критике атаки «Фердинандова Носа», в которой я принимал ближайшее участие в ночь с 12-го на 13-ое. Выслушав его обвинения в действиях нашего корпуса, я заявил, что неудача атаки произошла главным образом вследствие того, что проходы в проволочных заграждениях на участке 32-го полка не были проделаны артиллерией. Командир же 25-го полка прибавил, что и на участке 26-го полка они тоже не были сделаны. Балугев возразил, сказав, что командир корпуса генерал Трофимов в 7 часов вечера заявил ему, что к атаке все готово, что проходы сделаны, я позволил себе заметить, что сообщение командира корпуса очевидно явилось недоразумением, т. к. я лично проверял успехи артиллерии и ручаюсь, что проходы сделаны не были, почему я и донес начальнику дивизии, прося при этом срочно прислать мне щиты, сапер с подрывными минами и т. д. Тогда Балугев стал порицать действия Трофимова, говоря, что 3-й Сибирский корпус в течение 4-х дней знал, что ему придется атаковать «Фердинандов Нос» и не принял никаких мер для образования проходов.

Это меня возмутило, он явно передернул, я принужден был заявить, что 4-х дней быть не могло, т. к. 3-й Сибирский корпус сменил на этой позиции его 5-й корпус всего за 2 дня до атаки и раньше сменить не мог, т. к. в ночь с 9-го на 10-ое марта «Фердинандов Нос» был атакован полками 10-й дивизии его 5-го корпуса, следовательно 3-й Сибирский корпус на этом участке никак не мог распоряжаться и знать, что ему предстоит атаковать «Фердинандов Нос». Затем я прибавил, что раз идут разговоры о причинах неудачи этой атаки частями 3-го Сибирского корпуса, то интересно было бы выяснить, почему эта же атака не удалась в ночь с 9 по 10 марта и 5-му корпусу, тем более что атака повторная

в одном и том же направлении бывает всегда труднее в случае неудачи первой.

Я попал этим Балуюеву не в бровь, а в глаз. Он такого выпада от меня не ожидал. Все как-то присмирели и ждали, что скажет Балуюев. Он смело заявил, что никакой атаки 10-й дивизии его корпуса на «Фердинандов Нос» не производилось, что половина этой дивизии замерзла и была отведена, что первым атаковал этот пункт 3-й Сибирский корпус. Я заметил, что климатические условия были одинаковы для обоих корпусов и настаивал на своем, что 10-я дивизия атаковала, но неудачно, он же все отрицал. Тогда я вынул из портфеля приказ по моей дивизии, у коей был напечатан приказ самого Балуюева о производстве атаки «Фердинандова Носа» частями 10-й дивизии в ночь с 9 на 10-ое. Балуюев и тут не согласился и спросил меня, кем этот документ подписан. Я ответил: «Генерал Редько». «Я не отвечаю за чужие приказы, я говорю, что 10-я дивизия не атаковала и довольно», — резко ответил Балуюев. Но меня не так легко обойти; я заявил, что в таком случае я, вернувшись в дивизию, постараюсь выяснить, почему в приказе по дивизии помещен был не существовавший приказ его, Балуюева? А для полноты картины я просил все же огласить все приказы по группе. Он и слушать не хотел, рассердился, сказал, что он никаких доказательств приводить не будет, что он сказал и довольно.

Я все же не унялся и настойчиво стал просить огласить журнал боевых действий за 9 и 10 марта, в чем получил наконец поддержку генерала Ярона. Тогда начальник штаба 5-го корпуса Вальтер, которому очевидно стало стыдно за своего генерала и видя, что я не отстану все равно, сказал, что атака 10-й дивизии имела место действительно. Балуюев побагровел, все переглянулись между собой, почувствовалась неловкость. Чтобы выйти из положения, Балуюев вскочил, ударил кулаком по столу и, обратясь ко мне сказал: «Я вижу, что Вы стремитесь доказать, что я придираюсь и пристрастно отношусь к действиям 3-го Сибирского корпуса?» Я ответил совершенно хладнокровно: «Этого я, Ваше высокопревосходительство, не сказал, но я стою за то, чтобы все действия всех частей были одинаково разобраны, а я вот второй день слышу только

одни нападки на 3-й Сибирский корпус, представителем коего я являюсь, во всех неудачах оказывается виновным он один и даже такие боевые действия, как занятие длинного леса, за которое 8-я дивизия получила особую благодарность командующего армией, были тоже осуждены. Себя лично я не защищаю, это был мой первый опыт, быть может, я наделал по неопытности много ошибок и готов выслушать любое осуждение моих действий, но выслушивать хладнокровно огульные обвинения всего корпуса я не могу и прошу извинения, если я по горячности, может быть, и сказал что лишнее».

«Вас никто и не обвиняет, Ваши действия критики не заслуживают», – сказал Балугев, и инцидент был исчерпан.

Вся эта полемика шла между мной и Балугевым без всякого участия остальных членов комиссии, но я чувствовал, что все они были на моей стороне, но боялись выступить, большинство было в зависимости от Балугева.

После небольшого антракта заседание возобновилось, разбирался самый больной вопрос – прорыв линии 30-го полка в ночь с 13 на 14 марта. Балугев держал себя совсем иначе, никаких инсинуаций и нападок на 3-й Сибирский корпус уже не было, прения вели беспристрастно, было прочитано донесение командира 3-го Сибирского корпуса, на имя командующего армией, составленное по моему донесению, все спокойно выслушали, было высказано сожаление, что 26-й и 32-й полки при атаке «Фердинандова Носа» не были объединены под общим командованием и войска не были своевременно снабжены средствами для уничтожения проволочных заграждений.

По окончании заседания состоялся обед, все вошло в колею, страсти улеглись и мы расстались без всяких инцидентов, я вернулся к себе в Сивцы. Это был страстной четверг. Вернувшись к себе, читал в своей халупе «Двенадцать Евангелий» всему своему штату и семье крестьянина избы, в которой я жил.

На другой день в пятницу было последнее заседание комиссии, началось в 9 часов утра и в 2 окончилось, прошло оно мирно, разбирались

действия других корпусов, так что меня не затрагивали. В 2 часа дня сейчас после заседания мы все пошли в местную церковь на вынос плащаницы. Было очень приятно, что удалось в этот день побывать в церкви, народу было мало, но служба была скромная, но чинная, служили очень трогательно и хорошо. По окончании службы обедал у Балужева, после чего простился с ним и просил его извинить меня за некоторые резкости на заседаниях. Со своей стороны он тоже просил извинить и его, мы расстались дружески.

Полтора года спустя, уже после переворота, когда он назначен был главнокомандующим фронтом, заменив Эверта, он проявил относительно меня много благородства. Когда открылась вакансия командира 3-го Сибирского корпуса – того самого, из-за которого у меня вышла с ним перепалка, то выбор его пал на меня и он вошел с представлением о назначении меня, дав обо мне выдающуюся аттестацию.

В то время Верховным главнокомандующим был Керенский[\[378\]](#), который не согласился на мое назначение. Балужев проявил тогда большое гражданское мужество, послав телеграмму начальнику штаба Верховного главнокомандующего, что если его представление не будет утверждено, то он просит освободить его от обязанностей главнокомандующего. Я был назначен, и Балужев ко мне относился все время совершенно исключительно.

Отъезд мой к дивизии

Итак, простившись с Балужевым, я сел на лошадь и верхом в сопровождении двух казаков выехал в Вилейку, где я должен был получить сведение о местонахождении штаба дивизии. В этот день с утра лил дождь, была ужасающая погода, так что я промок насквозь. Дорога была убийственная, были места, где верхом с трудом можно было проехать.

Около 8 вечера приехал я в Вилейку прямо в Иверский госпиталь, где меня встретили с распростертыми объятиями, отвели чудную комнату, всячески ухаживали за мной. Я почувствовал такое

наслаждение, очутившись после месячного скитания в приличной обстановке. Ночью отправился в местную церковь на погребение Христа. В субботу утром получил депешу о месте стоянки штаба дивизии, тотчас отправил туда свой обоз, сам же остался обедать у милых радушных сестер и врачей и выехал только в 4 часа в Высоковщизну – в знакомое место. Погода была хорошая, переход в 30 верст я сделал легко и незаметно, приехал в 8 часов вечера, застал полный разгар по приготовлению к празднику Святой Пасхи. В штабе дивизии меня радостно встретили, начальник дивизии мрачный Редько и тот не знал как выразить свою радость. Я почувствовал себя в родной семье, было удивительно приятно. А к тому я встретил и друзей своих, привезших подарки моей дивизии – Апарина[379] с Катей и Гришей Неклюдовыми[380].

Приехал я страшно усталый, взял ванну, чтобы немного освежиться, разобрал привезенные мне вещи из Петрограда от моей сестры и только-только успел я все это сделать, как надо было идти к заутрене. Церковь была устроена в огромном сарае стараниями сапер, внутри и снаружи они очень красиво разукрасили, провели электричество, устроили снаружи иллюминацию, а на верху крыши над входом водрузили большой крест из электрических лампочек, который эффектно сиял на темном небосклоне. Все это зажглось, когда крестный ход, обойдя вокруг сарая, остановился у главного входа и духовенство и певчие запели «Христос Воскресе». Только служба не отличалась большой торжественностью, хотя служили по-монастырски, заутреня окончилась в 2 часа, а обедня в 3 ½ часа утра, пели довольно плохо, не успели подготовить хора. Я от усталости не выдержал и должен был уйти среди службы. Придя к себе, я сел на стул и моментально уснул, проснулся, когда пришел священник святить куличи и пасхи. После обедни у нас было разговенье, присутствовали сестры Гродненского отряда, вернувшегося к нам в дивизию, было очень оживленно, но я от усталости почти не мог принимать участия в этом явлении. Разошлись около 5 часов, я проспал как убитый до 11 часов. Когда я проснулся, мне доложили, что приехали Матвеевы[381]. Они привезли два вагона подарков, приехали они на ст.

Кривичи и, узнав, что мы из того района ушли, направились в Молодечно, где просидели всю пасхальную ночь на перроне станции, к утру раздобыли телегу и притащились к нам. Я очень рад был их опять увидеть, подарков моим стрелкам они привезли еще больше, чем в прошлый раз.

В первый день праздника я съездил только к командиру корпуса поздравить его с праздником и доложить о результатах заседания у Балуева. На второй день я повез Апарина и Неклюдовых в 29-й полк, где они раздавали подарки, а я христосовался с офицерами, фельдфебелями и георгиевскими кавалерами. Отобедав у командира полка, мы вернулись домой. К этому времени прибыли вагоны с подарками, привезенными Матвеевыми и я поехал на ст. Пруды, чтобы рассортировать с ними вещи. Это заняло очень много времени, мы вернулись только в 10 час. веч.

12-го числа раздавали подарки, утром артиллерии, казакам, саперам, 30-му и 31-му полкам, обедали в 31-м полку, после обеда проехали в 32-й полк, раздавали подарки и ужинали в лазарете Красного Креста.

13-го числа просидели дома, я возил только Апарина и Неклюдовых в дер. Заскевичи, откуда как на ладони видна была вся немецкая позиция. Вечером они уехали, все чины штаба провожали их на вокзале.

14-го апреля Матвеевы провели весь день в 65-й дивизии, которая стояла в передовой линии, они и туда отвезли массу подарков.

15-го апреля провели время у себя, вечером провожали Матвеевых, я вызвал на вокзал хор музыки 32-го полка, проводы были прямо торжественные, все начальники частей дивизии собрались, чтобы их благодарить – ведь это прямо не поддавалось описанию, сколько они навезли вещей и подарков, и все исключительно практичные, особенно из одежды. Каждому чину дивизии досталось по два подарка.

Стрелки были в восторге. Среди подарков были и от Главного комитета Земского Союза и от Лицея цесаревича Николая и от воспитанников моей Практической академии и от всевозможных

обществ и разных частных лиц. Всех я благодарил письменно. Земскому Союзу и Лицею я послал следующие депеши:

А начальник дивизии Редько послал депешу князю Львову:

Переход дивизии в дер. Ковальцы

17 апреля нас опять двинули на новое место в дер. Ковальцы, где штаб расположился в деревне. Я приехал туда только к вечеру, т. к. ездил верхом за 35 верст в г. Вилейку с двумя офицерами штаба Хрипуновым и Василенко[382] за автомобилем дивизии, который целый месяц простоял там, в Иверском госпитале, вследствие бездорожья. Нас встретили как родных, мы отобедали у персонала госпиталя и пробыли у них несколько часов, выехали от них уже на автомобиле и быстро, менее двух часов, проехали до дер. Ковальцы. Мне отвели очень хорошую халупу, в которой после усиленных занятий по уничтожению блох и тараканов, устроился очень уютно и хорошо. В этот день все сибирские части получили следующую бумагу из штаба фронта, которая нам доставила большое удовольствие:

Мое донесение Балуюеву

18 апреля я получил депешу от начальника штаба 5-го корпуса генерала Вальтера, что генерал Балуюев ждет от меня мое мнение о причинах неудачи наступления в район оз. Нарочь, т. к. неполучение им моего мнения задерживает его представление командующему армией.

Дело в том, что когда заседание у него закончилось, он обратился с просьбой ко всем членам совещания прислать ему в течение ближайших пяти дней письменно изложенные мнения каждого. Я тогда же решил, что ничего писать не буду, находя это излишней тратой времени и бумаги.

Прошло, таким образом, десять дней, очевидно, все представили, кроме меня. Получив депешу Вальтера, было уже неловко не ответить, написать мне было нетрудно, одно было жаль – гонять казака за 75 верст,

т. к. Балугев находился в то время в 75 верстах от дер. Ковальцы. Делать было нечего, я написал следующее:

В этот же день мне вернули для дополнения мое представление к наперстному кресту на Георгиевской ленте благочинного дивизии священника 32-го полка отца Мансуровского, которого, из-за каких-то личных расчетов, командир полка представил не к боевой награде, а к сану протоиерея. Поэтому, дабы подкрепить мое ходатайство за него, я донес начальнику дивизии следующее:

Вести из Петрограда. Предание суду Сухомлинова

Из Петрограда в это время получены были вести далеко не утешительного свойства и действовавшие на войска удручающе.

Еще 18 марта, по рассмотрению деяний Сухомлинова[\[385\]](#), Верховная комиссия определила передать дело на рассмотрение суда, и Сухомлинов был уволен в отставку. 20-го же апреля[\[386\]](#) он по распоряжению сенатора И. А. Кузьмина[\[387\]](#) был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Обстоятельства, сопровождавшие этот арест, были следующие:

Обвинение его базировалось на том, что он закрывал глаза на преступные действия Мясоедова[\[388\]](#), казненного по обвинению в шпионстве в 1915 г., являвшимся посредником по части получения взяток, что он сознательно бездействовал и скрывал истинное положение дела, что и было причиной недостатка в снабжении армии.

В 11 часов утра на квартиру Сухомлинова, по Торговой улице, шли сенатор С. А. Богородский[\[389\]](#) – помощник ревизующего сенатора Н. А. Кузьмина, обер-прокурор уголовного кассационного департамента В. Н. Носович[\[390\]](#) и прокурор судебной палаты Смитен[\[391\]](#), в сопровождении наряда жандармских и полицейских чинов. Предъявив соответствующий ордер, сенатор С. А. Богородский распорядился о производстве обыска во всех помещениях, занимаемых бывшим военным министром.

Обыск продолжался свыше двух часов. Найденные бумаги были опечатаны. После чего, по составлению протокола обыска Сухомлинов был допрошен, а затем допросили его жену[\[392\]](#) и прислугу.

Во время обыска в квартиру Сухомлинова никто не был допущен. На все вопросы, по слухам, Сухомлинов отвечал очень подробно и обстоятельно, сохраняя все время наружное спокойствие. Сильное волнение проявила только его жена, она все твердила вперемежку с рыданиями, что муж ее жертва интриги.

После допроса сенатор Богородский объявил В. А. Сухомлинову, что он арестован и подлежит заключению в Петропавловскую крепость. Около 4-х часов дня подан был закрытый автомобиль и бывший военный министр, под эскортом жандармов и сопровождении прокурора судебной палаты был отвезен в Петропавловскую крепость и помещен в каземат Алексеевского рavelина.

Арест этот был последствием состоявшегося накануне решения в совещании всех чинов, участвовавших в следственном производстве о бывшем военном министре В. А. Сухомлинове.

О постановлении совещания следственных властей сенатор С. А. Богородский доложил министру юстиции[\[393\]](#)[\[394\]](#), который выразил согласие на арест В. А. Сухомлинова.

Министр юстиции обратился к товарищу министра внутренних дел А. В. Степанову с просьбой отпустить в распоряжение сенатора С. А. Богородского для производства обыска у бывшего министра и ареста Сухомлинова наряд полиции и жандармов, что и было исполнено распоряжением директора Департамента полиции.

Левые группы, так называемая «общественность», одержала верх. Они отлично отдавали себе отчет, что такой оборот дел Сухомлинова является потрясающе компрометирующим фактом для правительства и потому они не постеснялись воспользоваться моментом разгара страстей для удовлетворения своих целей. Я опять повторяю, как и говорил уже в своих воспоминаниях, что вымещать в то время военные неудачи на Сухомлинове было недостойно; к его роли и его

действиям трудно было, в то время, отнестись объективно и дать им надлежащую справедливую оценку. Государь, против своей воли, соглашаясь на предание суду военного министра во время войны, сам подрубил сук, на котором сидел. Надо было подождать с этим делом до окончания войны, увольнение Сухомлинова в отставку было вполне достаточно, а разбирать его виновность было бы достойнее после войны, когда можно было бы спокойно объективно взглянуть на дело.

Зная несколько психологию государя, я убежден, что он несомненно это чувствовал, но поддался окружающим, а поддавшись против своей воли, он несомненно почувствовал еще большую неприязнь к Поливанову, к которому он никогда не чувствовал симпатии и которым он заменил Сухомлинова тоже против своей воли под влиянием великого князя Николая Николаевича. Поэтому было естественно, что он не мог выносить больше Поливанова, после того, что согласился на предание суду Сухомлинова и, спустя 10 дней, заменил Поливанова Шуваевым[395]. Это было большой ошибкой, т. к. Поливанов, несмотря на отрицательные качества своего характера, все же сильно упорядочил дела в военном министерстве, будучи выдающимся администратором, знатоком дела, методичным, находчивым и пользовавшимся огромным доверием Думы. Говорили, что именно за его популярность в Думе государь решил с ним расстаться, но я убежден, что это не так, а исключительно по причине, указанной мною выше. Шуваев ничего из себя не представлял, это был кабинетный работник, честный, без всякого кругозора. Сухомлинова судили уже после переворота во времена Керенского, когда Временное правительство на помочах у Совета рабочих депутатов с жадностью накидывалось на бывших министров, тоже в разгаре страстей его присудили к лишению всех прав и ссылке в каторжные работы. Большевики, получив власть, его помиловали, а жену его расстреляли[396]. Сейчас он, кажется, проживает где-то в Германии.

О Штюмере, его премьерстве, тоже доходили до нас неутешительные вести, он все более сближался с Распутиным и вел Россию к гибели. Рубинштейн[397], Мануйлов[398] и т. п. еврейские

спекулянты пользовались этой дружбой, извлекая из нее пользу себе и вред для России.

Только одна утешительная весть несколько приободрила всех – получено было известие о занятии 18 апреля нашими доблестными кавказскими войсками Трапезунда.

Пребывание в дер. Ковальцы

В Ковальцах мы стояли в мирной обстановке, начальник дивизии поручил мне организовать обучение вновь сформированных команд конных и пеших разведчиков, охотничьих, саперных и военно-полицейских. Приходилось все время быть в разъездах, полки стояли довольно далеко друг от друга. Времени было впереди мало, ходили слухи, что наш корпус предназначен к новой операции и что нас скоро двинут, поэтому надо было торопиться, занятия шли с большим успехом, понукать почти не приходилось.

Мой авторитет после моего настоящего боевого крещения под Нарочем и смелого выступления в защиту корпуса на совещании у Балуева сильно поднялся, и я чувствовал, что и боевые старые командиры и офицеры стали считаться с моим мнением; что касается стрелков – на них огромное впечатление произвело мое 9-дневное пребывание во время адских боев рядом с ними в самой передовой линии, ходили даже разные легенды, так легко создаваемые на войне, будто я при прорыве лично водил в атаку то одну, то другую роту, были стрелки, которые рассказывали эти небылицы как очевидцы, и разубедить их нельзя было.

Слушая эти рассказы, я убеждался, как легко на войне давалась популярность, надо было только добросовестно самому исполнять свой долг и заботливо относиться к своим подчиненным, входить в их нужды, смотреть на них не как на пушечное мясо, а как на людей, не сентиментальничая при этом и не играя на популярность. Больше ничего не требовалось, и за таким командиром люди пойдут куда угодно,

будут переносить с ним всякие лишения, я не раз замечал, как вся эта серая масса необыкновенно чутка.

Приезд моей сестры и племянницы

24 апреля я был страшно обрадован приездом моей сестры и моей племянницы Н. Н. Шебашевой. Я их устроил в своей халупе, а сам перешел в палатку, поставленную тут же в саду. Жили они у меня как на даче, обедали и ужинали в общей штабной столовой, я их возил в м. Сморгонь, откуда они могли видеть немецкое расположение, были на учениях в некоторых полках, посетили они и некоторые лазареты Красного Креста, которыми моя сестра особенно интересовалась, работая давно в Красном Кресте. Даже успел показать им привязной шар («колбасу», как его называли)[\[399\]](#), причем они даже поднимались на нем на наибольшую высоту. Везде их встречали с трогательным радушием. Эта неделя, что они провели у меня, была для меня какой-то сплошной радостью, после полугодовой разлуки и после всего тяжелого, что мне пришлось пережить в связи с мартовскими боями. Они внесли большое оживление и среди чинов штаба, даже мрачный Редько вышел из своей скорлупы и сделался неузнаваем, все время был в духе и ни на ком не срывал своего неудовольствия.

2 мая они уехали, начальник дивизии и некоторые из чинов штаба поехали их провожать, когда я вернулся к себе, то мне показалось грустно и одиноко.

Приезд главнокомандующего Эверта

На другой день я занимался все утро текущими делами, а вечером ездил с начальником дивизии экзаменовывать молодых офицеров. 5-го числа прибыл Эверт, я должен был ехать с начальником дивизии в 20-й полк, куда его ждали, но потом вышла отмена, к вечеру пришло распоряжение – на другой день показать Эверту атаку двумя полками и оборону укрепленной позиции. Чтобы устроить это, поехали мы с начальником дивизии в 31-й и 32-й полки и задали задачи командирам

полков. В одну ночь надо было создать укрепленную позицию, которая бы напоминала немецкую. Эта работа была поручена 32-му полку, который мастерски, в одну ночь, справился с задачей и вырыл чудное укрепление, на котором свободно мог маневрировать целый батальон. Эверт приехал к 8 часам утра, все учение было отлично проделано и, по-видимому, он остался очень доволен, был весьма ласков со стрелками, очень всех благодарил и произвел отличное впечатление. Со мной он был до крайности предупредителен, из этого я вывел заключение, что прорыв в мартовских боях не был поставлен мне в вину. Вечером мы обедали в Пермском лазарете, для нас, сибиряков, были специально приготовлены сибирские пельмени.

6-го мая, в день рождения государя, я был у обедни в 20-м полку, пропустил мимо себя церемониальным маршем батальон, наряженный для церковного парада.

Вечером заехал отдать визит уполномоченному Красного Креста в Елизаветинском лазарете, а ужинал с начальником дивизии у гродненцев, чтобы проститься с сестрой Вик, отозванной в резерв.

7 мая дождь лил как из ведра, но я все же поехал в 31-й полк навестить раненых от разорвавшейся бомбы. К счастью, они все оказались на пути к выздоровлению.

8-го мая я все утро занимался черчением карт, нанося позиции как наши, так и неприятельские, а днем ездил верхом в 65-ю и 84-ю дивизии по служебным делам; вернувшись, получил известие из Петрограда о назначении Сабурова[\[400\]](#) губернатором в Петроград, а графа Татищева в Москву вместо графа Муравьева. Меня эти назначения удивили – Сабуров и вице-губернатором был не на высоте, а Татищев чересчур уже был молод, особенно для Москвы. Когда к нему еще назначили графа Клейнмихеля[\[401\]](#), совсем мальчика, вице-губернатором, то графиня Олсуфьева[\[402\]\[403\]](#) не без остроумия заметила, что Московской губернией управляет детский сад.

Приезд В. С. Гадона

11-го мая ко мне в Ковальцы приехал мой большой друг В. С. Гадон[\[404\]](#), состоявший в то время при императрице Марии Федоровне по Красному Кресту.

Я ужасно обрадовался его приезду, к сожалению, он пробыл всего 1½ дня, но и за это время успел, благодаря своему живому характеру, внести большое оживление в нашу штабную жизнь. Ездил я с ним в 32-й полк, который в этот день посетил командующий армией генерал Рагоза. На обратном пути заехал с ним в воздухоплавательный отряд, ему хотелось попробовать подняться на колбасе.

Этот раз она стояла ближе к позиции, верстах в 3-х. Сначала я поднялся, пробыв наверху для наблюдений минут 20, затем подняли Гадона с наблюдателем. Вдруг неожиданно немцы пустили две шрапнели, я очень испугался за Гадона, но, к счастью, они разорвались под колбасой без вреда для нее.

Проводив Гадона, я с начальником дивизии (это было 13-го мая) отправился на автомобиле на позицию, куда, благодаря лесу, мы могли доехать почти до самых окопов. Погода была чудная, и страшно интересно было увидеть немецкую позицию, которая представилась глазам, как на ладони. Наша дивизия еще не стояла на позиции, но, ввиду предположенного большого наступления нашим корпусом на этом месте, мы все время тщательно ее изучали, а наши полки, по очереди, работали по устройству новых траншей. Осмотрев позиции, сделав необходимые наблюдения и посетив работы, мы вернулись в Ковальцы. Следующие три дня я провел в разъездах: по поручению начальника дивизии мне было приказано освидетельствовать всех нижних чинов в возрасте 40 и более лет, чтобы подразделить их на 3 категории – 1) способных воевать, 2) могущих остаться на фронте для тыловой службы и 3) годных только для тыла вне фронта.

Таких дядей оказалось 649 в дивизии, из коих 400 человек я подвел к 3 категории, дабы избавить полки от обузы. Работа была очень большая,

во всех полках и частях дивизии я образовывал комиссии под своим председательством, справился в три дня. Редько очень остался доволен.

На другой день меня позвал и сказал, что получил депешу из штаба армии с требованием прислать на меня аттестацию и что он никогда не скрывает даваемой им аттестации, поэтому он просит меня прочесть то, что он написал. Я отказывался, но он настоял, чтобы я прочел.

Аттестация была составлена им в следующих выражениях: «С большим жизненным опытом и пониманием людей. Отлично поставил себя в дивизии, где пользуется общими любовью и авторитетом. Дело военное любит и предан ему до глубины души. Работы ищет и все поручения исполняет отлично. В бою очень спокоен, правильно оценивает обстановку. Прекрасно владея собой, умеет это передать и окружающим. Пережив трудные и ответственные дни боевой работы в качестве начальника боевого участка в боях под Нарочь, показал себя с самой лучшей стороны, как основательностью даваемых распоряжений, так и умением управлять подчиненными и частями войск, не теряясь и в самые тяжелые минуты боя.

За семь месяцев работы во время войны приобрел необходимый опыт и знание, а потому считаю его заслуживающим выдвижения на должность начальника дивизии».

Я был очень сконфужен такой лестной аттестацией и тронут его отношением, мог ему только сказать, что он преувеличил мои заслуги, что если только половина соответствует истине, то я более чем удовлетворен, что он может быть уверен, что я постараюсь заслужить его мнение обо мне.

Переход штаба в дер. Сеньки. Полки встали на позицию

19-го мая я был у обедни в 29-м полку вместе с Редько, 20-го пришло приказание – штабу перейти в дер. Сеньки, полкам встать на позицию. В эту ночь в дер. Ковальцы, где мы стояли, случился пожар, сгорело 4 сарая, в одном из них стоял наш автомобиль, его едва успели вытащить. К счастью, ветер был в сторону, а то бы могла сгореть вся деревня, немцы

при этом открыли такую канонаду, что казалось, они перейдут в наступление, но, как только наша артиллерия стала отвечать, они сразу замолкли.

Начальник дивизии как только получил распоряжение перейти в Сеньки, тотчас с начальником штаба переехал туда, я остался с частью штаба и переехал на другой день 21 мая. Из конфиденциальных источников мы узнали, что в начале июня нам предстоит перейти в наступление, и на наш корпус возложена задача прорыва неприятельского фронта.

По дороге в Сеньки я заехал в Бенницу, где стоял штаб корпуса, праздновавший 21 мая свой штабной праздник, по окончании празднества проехал на новую стоянку. Мне отвели большую просторную избу, но до того переполненную мухами, что бороться с ними не было никакой возможности, листы от мух покрывались ими сплошь в какие-нибудь 10 минут, я никогда и нигде не видал такого их множества. Пробовал я перейти в палатку, поставив ее в садике, но в ней набиралось мух еще больше. Стоянка эта, по слухам, была временная, по получении приказа о наступлении мы должны были перейти в блиндажи, выстроенные для нашего штаба в лесу близ дер. Саковичи. В это время приходили радостные вести с южного фронта, что сильно поднимало настроение, но там войска имели дело с австрийцами, это большая разница, нам же приходилось наступать на немцев, а к тому же и погода вдруг изменилась, пошли проливные дожди, кругом все вода, окопы залило водой, работать было невыносимо. А немцы, как назло, очевидно, чувствуя предположенное на них наступление, все прибавляли и прибавляли проволочные заграждения, каждую ночь перед нами вырастали новые. Мы усиленно работали, целые дни и начальник дивизии, и я обходили окопы, траншеи, наблюдали за работой с новых траншей впереди; всю позицию мы успели изучить в несколько дней, во всех деталях, так что мы смело и уверенно могли начать наступление и идти не в темную, как это большею частью бывало. Немцы все это время проявляли необыкновенную нервность, открывая убийственный огонь с целью помешать нашим работам и делая вылазки то тут, то там.

А 25-го мая они открыли такой ураганный огонь, что мы невольно стали готовиться к их атаке.

В это самое время я был в Залесье, это было в верстах 12-ти, поехал с капитаном Афанасьевым в поезд-баню [\[405\]](#) помыться и вдруг, моясь, услышали канонаду. Это меня, конечно, сильно беспокоило, я поторопился окончить мытье, одеться, и мы отправились в Сеньки. Пришлось 12 верст ехать около 2-х часов, которые показались вечностью, дорога от дождей была убийственная, хорошо еще, что мы были в моей двуколке, а то на автомобиле наверно бы застряли. Ехать было жутко, хотя и удивительно красиво – по всей неприятельской линии шла адская канонада, были уже сумерки, на протяжении 20 верст непрерывно вспыхивали огоньки, освежая красивым заревом темное небо, казалось сплошной фейерверк. Я волновался от мысли, что Редько волнуется и раздражается, что в такую минуту он остался без правой руки своей – капитана Афанасьева, т. к. начальника штаба Соколова он не выносил.

Когда мы въехали в лес уже недалеко от нашей деревни, то, казалось, мы попали в волшебное царство. Справа вспыхивала молния, и раскаты грома сливались с грохотом от снарядов, слева же соловей беззаботно заливался вовсю, не обращая никакого внимания на происходившее вокруг.

Приехав в штаб, застал генерала Редько со всеми чинами штаба в телефонной, как я и ожидал, страшно раздраженного, недовольного всем, с телефонными переговорами не ладилось, он кричал на заведовавшего связью, на телефонистов, отчего, конечно, связь не становилась лучше, он только мешал всем работать. Видя, что дело не ладно, я, как всегда в таких случаях, пытался его увести из телефонной, но на этот раз мне не удалось. Тогда я, делавшийся невозмутимым (волнение других на меня действовало всегда обратно, я делался спокойнее, чтобы его успокоить и отвлечь), стал ему рассказывать о том, как хорошо было в бане, кого я там видел, что очень жаль, что и он не поехал с нами, и т. д., а в тоже время потихоньку от него приказывал звонить к соседям, наводить справки и докладывать мне.

Скоро все выяснилось: стреляли, главным образом, по 3-му Кавказскому корпусу, а на нашем участке только по 31-му полку, причем у нас разрушили в 2-х местах окопы, ранили 8 стрелков. В 1 час ночи пальба прекратилась, все успокоились.

На другой день я спросил начальника дивизии, почему он так волновался. Он ответил, что был раздражен на начальника штаба. Действительно, Соколов совсем не пришелся ко двору и, поняв это, подал рапорт о болезни, его заменил Афанасьев, и в штабе наступила тишина и спокойная работа.

В этот день мне неожиданно было сделано два предложения: сестра моя написала мне, что моему племяннику [\[406\]](#)[\[407\]](#), служившему в штабе Гвардейского корпуса поручено было позондировать у меня – не желаю ли я получить 2-ю Гвардейскую пехотную дивизию, которая на днях должна была освободиться, а из штаба фронта меня запросили, не желаю ли я получить бригаду, отправлявшуюся во Францию [\[408\]](#). Сестре моей я написал, что никакого ответа дать не могу и прошу ее так и сказать, что я ничего не ответил на ее письмо. Мне не улыбалось переходить в гвардию и покидать своих сибиряков, а кроме того, я терпеть не мог закулисных зондирований. От бригады же во Францию я отказался, желая остаться в России.

На другой день канонады я отправился в пострадавшие окопы 31-го полка и проверял связь этого полка с Горийским полком Кавказского корпуса. Вечером у нас ужинали врачи и сестры Гродненского отряда, который стоял в нашей же деревне, к сожалению, шел дождь, но все же мы торжественно пообедали с музыкой, играл оркестр 27-го Сибирского полка – это был лучший в нашем корпусе. 27-го у нас обедал персонал Пермского лазарета. 29-го, в Троицын день, был у обедни в 30-м полку, очень хорошо служили, пели, всем раздавались даже букетики цветов – и это в версте от позиции.

Затем я занимался с командиром полка наградными списками и остался обедать в полку. 30 мая я поехал навестить командира Туркестанского корпуса, генерала Шейдемана [\[409\]](#), которого очень

хорошо знал по Москве. Его штаб стоял в Видовщизне в 20 верстах, поехал я в колясочке при мотоциклетке по ужасной дороге, приходилось часто ее вытаскивать из грязи. Очень был рад повидать Шейдемана и побеседовать с ним, пробыл я у него часа два, напился чаю и уехал обратно. В этот день я передал в дар штабу дивизии тридцативерстный телефонный провод и две стереоскопические трубы, которые мне удалось достать в Петрограде, благодаря моим связям в Главном артиллерийском управлении, начальник коего генерал Маниковский[\[410\]](#) оказал эту любезность. Редько был в восторге, действительно мы прямо бедствовали, не имея достаточно и проводов, и этих труб. Довольный, он мне написал следующее официальное письмо:

31 мая я ездил с начальником дивизии на позицию в 30-й полк и на наблюдательный пункт, испытывали новую трубу, которая оказалась чудной, удивительно отчетливо все было видно. На обратном пути остановились у могилы, где в это время хоронили убитого накануне стрелка на батарее. Возмущен был неряшливостью, проявленной со стороны полка на этих похоронах. Вернувшись к себе, высказал командиру полка по телефону мое возмущение.

1-го июня производили опыты с миной унтер-офицера Семенова[\[411\]](#) – длинная деревянная, обшитая жестью лыжа в виде коробки. В ней 1½ пуда динамита и пироксилиновые шашки в расстояния 1½ фута одна от другой. Мина эта системой блоков подтягивалась к проволочным заграждениям, проходила под ними и взрывалась в тот момент, когда задний край доходил до столба проволочного заграждения. Взрыв происходил от ручной гранаты, вложенной в мину, когда у нее от прикосновения к столбу соскакивало кольцо. Опыт удался вполне; мина совершенно незаметно подошла и своим взрывом произвела в 8-ми рядном заграждении проход в 12 шагов.

2-го июня, в мое отсутствие, приезжал к начальнику дивизии и спрашивал меня командир 2-го Кавказского корпуса Мехмандаров[\[412\]](#). Не застав меня, говорил с начальником дивизии, спрашивая его, аттестован ли я на должность начальника дивизии и, получив

утвердительный ответ, сказал, что у него очищается Кавказская гренадерская дивизия и что он имеет в виду просить штаб армии о назначении меня. Я был страшно польщен этим и, конечно, был бы более чем счастлив, если бы на мою долю выпала столь высокая честь, как получить такую дивизию. Эта дивизия считалась лучшей на нашем фронте, в нее входили лучшие кавказские полки, покрывшие себя боевой славой – Эриванский, Грузинский, Тифлисский и Мингрельский[413].

В это время, в последних числах мая и первых числах июня[414], по всему фронту возили чудотворную икону Владимирской Божьей матери из Успенского собора, дабы благословить ею войска, назначенные к готовившемуся наступлению.

2 июня икона была у нас. С утра уже радостно готовились к принятию ее, для чего на огромном лугу на окраине нашей деревни соорудили нечто вроде часовни, украсили цветами и зеленью. Икону сопровождали: протопресвитер Успенского собора И. А. Любимов, протодиакон Розов и священник Пшенишников[415]. На огромном лугу были выстроены представители от всех боевых частей 4-й армии, всего было несколько тысяч. Ровно в три часа дня состоялась трогательная торжественная и умилительная встреча святой иконы. Икону обнесли мимо войск, затем поставили на особый помост. Был отслужен торжественный молебен.

Не верилось глазам, что тут, на фронте, вблизи позиции, та самая икона, которая составляет одну из святынь Успенского собора. После молебна все прикладывались к иконе. Какое это было счастье приложиться к ней. Этот молебен произвел огромное впечатление на собранных представителей войск, он как-то освежил всех, подбодрил, влил уверенность в успехе.

По окончании молебна, духовенство пило чай у нас, а затем о. протопресвитер Любимов и протодиакон Розов заходили ко мне – я так был счастлив, что они посетили меня.

Спустя час после отъезда их с московской святыней, немцы открыли сильнейший огонь, как раз по тому лугу, где были выстроены войска

для встречи иконы, некоторые снаряды ложились и на деревне, весь луг был покрыт воронками, немцы стреляли до 11 часов вечера, выпустив несколько сот снарядов.

8 июня мы должны были выступить в боевую линию, разместиться в блиндаже, но из-за бури и страшной непогоды отложили до следующего дня.

Отмена наступления. Переход наш опять в 10-ю армию

Вечером совершенно неожиданно получили известие, что 35-му корпусу приказано срочно выступить – оказалось, его передвинули на юг на поддержку наступавшей южной армии, нас же оставили на месте и перевели из 4-й опять в 10-ю армию – мы поняли, что наступление на нашем фронте отложено. Все приуныли, столько работ, столько стараний, все так было великолепно подготовлено и все это насмарку. Обидно было до слез. А погода как будто рассердилась, что наступление отменено, буря, холод, ветер, ливень продолжались 4 дня, все залило, в окопы с трудом можно было добраться, нога вязла в мокрой глине, с трудом можно было ее вытащить.

Настроение у людей сразу упало, как только получена была отмена наступления, я старался почаще обходить окопы и подбадривать их. Ужасная досада, т. к. мы были на этот раз подготовлены как никогда.

Потом уже мы узнали, что причиной был успех на Юго-Западном фронте^[416], решили его развить и не рисковать на нашем. Юго-Западный фронт выполнил блестяще данную ему задачу, он принял на себя всю австро-венгерскую армию, спас этим итальянскую армию, отвлекши оттуда все силы.

В 20-х числах мая германское командование перебросило большие силы на помощь австро-венгерским войскам; поэтому от нас перебросили несколько корпусов на поддержку Юго-Западному фронту.

Это сделано было после того, как Эверт сообщил, что позиция немцев на нашем фронте чрезвычайно сильна, что за успех вступления он

не ручается, т. к. у него слишком мало тяжелой артиллерии, и потому он просит отложить операцию, пока его не усилят ею. И вот у нас наступление отменили вовсе, перебросив большую часть корпусов с нашего фронта на юг. Но ничего от этой суеты не вышло, т. к. германцы, благодаря своей сильно развитой железнодорожной сети, успели перебросить туда же гораздо более войск, чем мы, и до прибытия наших успели захватить инициативу в свои руки. Войска же Юго-Западного фронта выдохлись и не могли уже развить своего успеха, а подкрепления опоздали.

Так за лето 1916 года и не удалось нигде перейти в настоящее наступление и пришлось опять готовиться к зимней окопной войне. Все чувствовали переутомление, многие стремились в тыл. Укомплектования 1916 г. по моральным качествам становились все хуже, а с осени разлилась по фронту усиленная пропаганда против командного состава и за прекращение войны, этому весьма способствовал процесс Сухомлинова, недостаток в технических средствах, огромное превосходство артиллерии противника; войска продолжали бросать на проволоку, которую артиллерия не могла разрушить. В некоторых учреждениях Всероссийского Земского Союза заметно стала вестись пропаганда; по представлению Вырубова [\[417\]](#) – главноуполномоченного по Союзу пришлось закрыть некоторые питательные пункты и чайные Союза.

Переход наш в местечко Мир

11 июня пришло приказание дивизии выступить походным порядком в район м. Мир, отстоявшее от дер. Сеньки в 140 верстах.

В этот же день начальник дивизии вступил во временное командование корпусом, возложив на меня командование дивизией.

После обеда 11-го числа я выступил со штабом дивизии из дер. Сеньки и на шестой день прибыли в м. Мир. Погода все время стояла чудная, так что этот переход можно назвать приятным пикником. Останавливались мы в чудных по красоте и живописности местах,

разбивали палатки на берегу рек, в лесах, воздух был дивный, несколько раз купались. Полки и батареи шли бодро, я часто пропускал их мимо себя, обращал их во время стоянок на биваках. Из всей дивизии (18000) не было ни одного отставшего, ноги натерли около 200 человек, % совершенно ничтожный. Продовольствие удалось подвезти своевременно, так что люди получали пищу очень аккуратно. Дивизионный интендант[\[418\]](#) работал выше всякой похвалы, всюду заготавливал все необходимое, так что никаких недоразумений за все 6 дней перехода не было. Обыкновенно мы выступали или в 7–8 утра или в 6 вечера.

Часа полтора в день приходилось заниматься с начальником штаба, составлять схемы расположения войск на привалах, собирать сведения об отсталых, затем составлять приказы о движении на следующий день, давать указание каждому полку относительно маршрута, продовольствия и т. д. Жил я все время в палатке и очень был ею доволен.

17-го прибыли в м. Мир – небольшое еврейское местечко, грязное. Поместился в своей палатке в одном из фруктовых садов. На другой день был у всенощной в местной церкви; а 19-го в воскресенье у обедни. Обедал в 29-м полку у командира полка кавказца Басова[\[419\]](#). Он получил с Кавказа красное вино в бурдюке и угощал им. Первый раз мне пришлось пить вино из бурдюка, очень мягкое, хорошее и совсем без привкуса.

20 июня нас опять двинули на поддержку корпуса «черного» Данилова[\[420\]](#), который перешел в наступление[\[421\]](#). После обеда начальник дивизии, я и начальник штаба двинулись на автомобиле по направлению к Полонечскому лесу. По дороге заехали в Пермский лазарет напиться чаю, а потом меня завезли к «черному» Данилову, которого я хотел навестить. В это время у него бой был в полном разгаре. Он страшно обрадовался мне, рассказал как лихо его части перешли в наступление и одним махом прошли три линии неприятельских позиций, захватив целую батарею, 1600 пленных, среди них 30 офицеров, пулеметы и т. д., но обошлось это ему дорогой ценой – бригадный

командир тяжело был ранен в обе ноги. Два командира полков убиты. Проезжая, потом, я увидал на площади этих пленных, больше все австрийцы, немцев немного. Среди австрийцев больше поляки и чехи, а на другой день еще взято было от 2 до 3 тысяч и среди них оказалось много болгар, было противно на них смотреть. Наш корпус составлял резерв главнокомандующего и нам предстояло поэтому развивать успех. С 20-го на 21-е бой шел всю ночь, канонада не прекращалась.

Мы разместились в селе Ижболодзь на большой дороге, соединявшей позиции со станцией железной дороги, так что мимо нас все время шли раненые, которые могли передвигаться сами, а затем тянулись длинные колонны санитарных автомобилей с тяжело ранеными, тянулись и вереницы пленных. Я поставил свою палатку внутри церковной ограды, у церкви и сидя наблюдал за происходившим. Сведений мы не имели весь день 21-го, раненые же, как везде, рассказывали небылицы. Вечером, когда смерклось, нас направили на ночлег в лес юго-западнее Полонечки, палатки расставлять разрешено не было, так что провели ночь прямо на земле, к довершению пошел дождь, так что мы промокли. 22-ое число простояли на том же месте, разрешили поставить палатки, очевидно не думали нас пока двинуть.

Ночью поднялась такая буря, какую я еще не видывал. Гром, молнии не прекращались, ливень, ветер рвал деревья, и в это время по всему фронту с обеих сторон стреляли ураганным огнем, из нашего корпуса двинули 7 сибирскую дивизию. Я проснулся от ливня, грома и ураганной канонады, это был какой-то ад, в котором все смешалось. Мою палатку неистово стало рвать, встал и всё время держал ее полотнища, чтобы она не опрокинулась. Когда я стал поправлять дверное полотнище, то его ветром вырвало из моих рук, и ливень окатил меня с головы до ног и поток воды влился в палатку. Я едва справился и закрыл полотнище. Это продолжалось полчаса. Упавшими деревьями было убито несколько стрелков, палатки их местами прямо взлетали от ветра и повисали на деревьях. Конечно, никто не спал, все были на ногах, пока буря и канонада не стихли. Потом уже под утро улеглись, и я отлично проспал после дождевого душа до 10 утра.

24-го нас перевели опять на новое место немного севернее, также в лесу. Перешли мы вечером, стоянка ужасающая, сырость невообразимая. В ночь на 25-е бодрствовали, т. к. 7-я Сибирская атаковала и нас могли двинуть, если бы была удача, но атака не удалась, поэтому нас не потревожили.

26-е мимо нас провозили огромное количество раненых.

27-го числа я ходил с начальником штаба Шафаловичем[\[422\]](#), очень дельным обстоятельным офицером Генерального штаба, выбрать наблюдательный пункт и осмотреть подступы. При штабе нашей дивизии в то время находился В. П. Рябушинский[\[423\]](#), командированный к нам из штаба 4-й армии. Я предложил ему пройтись с нами, находя, что ему полезно будет, при его толщине, подвигаться по окопам и болоту. Он очень охотно согласился, но потом, я думаю, сильно раскисался, что пошел с нами, т. к. ему не легко далась эта прогулка по жаре от 10 утра до 5 ч. дня. Я даже страшно устал, а он едва переводил дыхание.

Осмотрели мы и место боя накануне, все оно было еще покрыто предметами снаряжения, еще не все трупы были убраны, и они валялись в самых разнообразных позах. Кое-где мы встречали и ползущих раненых, которых подбирали санитары. Картина была жуткая, но интересная.

На другой день я опять с Шафаловичем отправился на вершину, занятую 5-й дивизией корпуса «черного» Данилова, хотелось ознакомиться со всей окружающей местностью, разглядеть неприятельскую позицию на фланге, а также подступы к ней и стык между нашим и 9-м корпусом.

Мы доехали верхом до последнего полицейского поста, откуда 3 версты можно было идти только пешком. Солнце пекло, пришлось идти открытой долиной. Шли минут 40 до подножия горы и пошли дальше уже ходом сообщения. Эта вершина носила название «Фернандов нос», такие носы были в моде и имелись на всех фронтах. Как ее взяла 5-я дивизия, прямо трудно себе представить, казалось это маленькая неприступная крепость. Взять ее 5-ая дивизия взяла, но продвинуться дальше, чтобы ее

закрепить, не могла, и, когда я с Шафаловичем туда взошли, то от немцев мы были в 30 шагах. Немцы уступили натиску наших и отступили, расположившись в 50 шагах. Поэтому положение этих храбрецов 5-й дивизии было отчаянное, они несли ежедневно по несколько десятков потерь ранеными.

Нас приняли в 5-й дивизии радушно, но были поражены нашей смелостью и выразили большое опасение, как бы нам не сдобровать на обратном пути, т. к. немцы бьют наверняка одиночных людей, что днем у них никто не рискует проходить долиной, окружавшей «Фердинандов нос». Осмотрев все подробно, раздобыв ценные сведения о расположении противника, характере местности, результатах действия артиллерии, я нанес все необходимое на карту.

Затем я просил командира полка вызвать поручика Богдановича[\[424\]](#), который был женат на Андреевской[\[425\]](#) – семьи мне очень близкой. Его жена писала мне о нем и просила устроить его в штабе. Я заручился согласием Редько и хотел с ним переговорить по этому поводу. Это был очень храбрый офицер, георгиевский кавалер и при этом очень скромный. Он с самого начала войны все время был в строю и в жестоких боях. Когда я его спросил, почему он хочет идти в штаб, он мне ответил, что боится, что в следующем бою он струсит, что его нервы так натянуты от постоянного пребывания под огнем, что он чувствует теперь прямо страх. Я условился с ним, как все это оформить. Командир полка очень был недоволен желанием Богдановича уйти из полка, но я просил его не препятствовать, и он дал согласие. Богданович очень понравился Редько и был у нас образцовым штабным офицером.

Простившись, мы двинулись в обратный путь, несмотря на уговоры остаться до темноты. Не прошли мы и 100 шагов, как немцы открыли пальбу из орудий. Первый выстрел был далеко впереди нас, второй за нами, мы поняли, что немцы нас увидели, значит, третий будет на нас. Раздался третий, мы услышали почти рядом знакомое шипение, инстинктивно легли на землю, и в тот самый момент в 10 шагах от нас произошел разрыв, осколки, благодаря тому, что мы легли, перелетели

через нас, не зацепив. После этого немцы стали жарить попеременно гранатой и шрапнелью, последние были неприятны, от осколков шрапнели не скроешься. Вернулись благополучно, Редько нас выбранил, найдя, что мы поступили неблагоразумно, подвергая себя излишней опасности.

29 июня нас опять передвинули немного к северу, было приказано 31-му полку произвести атаку на немецкую позицию против госп. дв. Осташина, но потом отменили.

Перед нашим уходом мы подверглись жестокому нападению аэропланов в 4 часа утра. До 8-ми часов они сбрасывали на нас бомбы. Резкий звук от их падения был очень неприятен, сброшено было до 50 бомб, пострадали к счастью только 2 лошади.

30 июня перешли в фольварк Вышков, но т. к. он оказался занятым, устроились в фруктовом саду госп. дв. Долматовщизна очень хорошо. После долгих, скитаний, наконец удалось отдохнуть.

1-го июля были на полковом празднике 30-го полка в дер. Бурдзевичи, было как-то натянуто, оживления никакого, видно, что все переутомились от постоянных передвижений.

2 июля было приказано дивизии стать на позицию, два полка заняли окопы, штаб дивизии разместился в дер. Юровичи, я устроился в палатке в открытом поле близ деревни. В деревне была непролазная грязь, что-то невероятное, и я рад был, что мог расположиться подальше от этой грязи.

В течении 6-11 июля я, по приказанию начальника дивизии, производил смотры пулеметным командам дивизии, поверяя фактически как численный состав людей и лошадей, так и всего имущества. Эти поверки были весьма кропотливого свойства, поэтому они отняли у меня очень много времени и я совсем не мог бывать на позиции это время. По окончании поверки пришлось письменно изложить результат по каждому полку отдельно и представить генералу Редько.

11-го числа у нас был кинематограф. Это было первый раз за всю войну, устроили это артиллеристы. Были сестры двух передовых

отрядов – Гродненского и 1-го Сибирского. Когда одна из сестер узнала, что я Джунковский, то пришла в восторг, оказалось у нас очень много общих друзей, а уполномоченным их отряда был присяжный поверенный Погожев[426], уже старик 66 лет, москвич. Когда ему сказали, что я в 8-й дивизии, то он сейчас же приехал ко мне. Увидав меня в такой обстановке, он расплакался, тронув меня до слез. Он остался у нас обедать и провел весь вечер.

15 июля, в день своих именин, я был разбужен в 3 часа ночи страшной канонадой – это две дивизии соседних корпусов переходили в наступление. Уснуть уже я более не мог и встал в 7 часов, вскоре пришел ко мне начальник дивизии, чтобы поздравить меня, затем интендант. К обедни я пошел в 33-й полк, как ближний. Отлично отслужили обедню и молебен. Собрались все офицеры и команды от всех рот. После молебна командир полка перед стрелками возгласил «ура» имениннику, я ответил за полк и его командира, затем я пропустил мимо себя команды. Этим церемония кончилась, было скромно и очень трогательно. В 11 часов я был уже у себя и ко мне явились все чины штаба, все были трогательны и милы. В 12 часов я отправился в 3-ю роту 5-го Сибирского саперного батальона, праздновавшую ротный праздник. Был молебен, раздача Георгиевских медалей и завтрак. Саперы с таким вкусом и умением разукрасили место своего бивака, что прямо поразили всех. Завтрак прошел оживленно, тосты и речи сменялись.

Вернувшись домой, отдохнув немного, поехал верхом к командиру корпуса генерал Трофимову, который был тоже именинником. Я выпил у него стакан чаю, поздравил и вернулся к ужину к себе. Оказалось, что в этот день пришло пополнение в дивизию 1200 человек. За отсутствием Редько пришлось его принять и распределить по полкам, это заняло довольно много времени. Сказав им затем несколько напутственных слов, я пропустил их мимо себя под музыку. Затем уже мы сели ужинать, за ужином играл хор 32-й полка. После ужина перешли к моей палатке, перевели туда и оркестр и скромно, уютно, без вина с чаем и леденцами провели вечер, были и две сестры Гродненского отряда.

Вечером 16-го числа пришел срочный приказ в ту же ночь полкам перейти на новые места, чтобы в следующую сменить части, стоявшие на позиции. Начальника дивизии не было, пришлось все взять на себя. Штаб нашей дивизии тоже перевели на новое место, и все это срочно. Переход предстоял 32 версты, а у меня как на грех обе обозные лошади заболели, одна плевропневмонией, другая нарывом на спине. Мне дали лошадь из обоза, запрягли ее в корень, а мои с нарывом на пристяжку. Лошадь из обоза не пошла и чуть не разбила двуколку. Пришлось выпрячь, запрягли в корень лошадь моего ординарца, но она никогда не ходила в упряжи, бились, бились, наконец пошла, но пройдя 10 верст – легла и ни с места. Пришлось мне лошадь с больной спиной переложить в корень и так кое-как доехали.

В этот день мне вообще не везло. Я был зол на начальника дивизии, который был совершенно неприличен накануне со всеми, точно с цепи сорвался, я решил его игнорировать и не разговаривать и потому не поехал с ним на новую стоянку в автомобиле, а поехал верхом самостоятельно. Проплутав, т. к. карта не соответствовала дорогам, я попал в г. дв. Цента, пришлось вернуться по гати в ф. Ужа и оттуда, по большой дороге, на ДЕРЕБОСТЫНЬ, Кочаны и Турец. От ДЕРЕБОСТЫНЯ до Кочаны была всего верста.

Переехал я мост через речку, а за мостом увидел черную дорогу, мокрую, длиной шагов 30. Как только я въехал в эту грязь, лошадь увязла до колен, затем глубже, сделала скачок и провалилась по шею. Я соскочил скорее и сам ушел до пояса. Лошадь осталась лежать, фыркая, а я сам, не чувствуя дна, лег и, вроде как плавая, выбрался на более сухое место. С ординарцем стали вытаскивать лошадь. К счастью, нам это удалось после невероятных усилий. Несчастная лошадь набрала жидкой грязи в рот и задыхалась. Пришлось обмывать, вытаскивать землю изо рта. Оставалось пройти еще шагов 20 по топи. К счастью, проходила команда телеграфистов, я послал их в лес за хворостом, устроили нечто вроде гати и перевели лошадей. Оказалось, накануне, лошадь одного разведчика ушла с головой в эту топь и затонула. И это на большой дороге. Я послал депешу об этом инженеру армии.

Приехав в госп. дв. Рапиево, место стоянки нашего штаба, застал там Симанского[427] – начальника 61-й дивизии со своим начальником штаба Радзиным – бывшим нашим. Страшно обрадовался его увидеть. Редько со штабом еще не было, приехал он злющий-презлющий и с начальником 61-й дивизии был прямо неприличен. Я попробовал с ним поговорить, но махнул рукой – не стоило.

Устроился я отлично в фруктовом саду. Палатка моя – прямо дача, погода была чудная.

Дивизия заняла позицию длиной в 24 версты, так что посещение окопов брало всегда очень много времени, приходилось тратить до 8 часов, чтобы обойти 2–3 батальона.

22 июля был у обедни в 32-й полк у и поздравлял именинниц в Гродненском отряде.

Весь конец июля месяца усиленно вели разведки по вечерам и ночам, к сожалению, эти разведки всегда обходились нам очень дорого, мы теряли почти каждый раз офицеров и всегда лучших, а их у нас и так было мало.

27 ездил в 30-й полк произвести расследование по поводу грустного случая – разведчики, вернувшись ночью с разведки, оставили недалеко от немецких заграждений раненых – офицера и стрелка.

Я собрал роту, бывшую в разведке и, не поздоровавшись с ней, сказал, что она покрыла себя позором, оставив своих боевых товарищей на поле сражения, что если эти два раненые погибнут, то у них на всю жизнь останется на совести их гибель. После моих слов тотчас вызвались охотники отправиться за ранеными. К счастью, как офицер, так и стрелок поползли в тот же вечер до своих окопов, но что они перенесли, несчастные! Вообще при расследовании выяснилось, что разведка эта велась самым халатным образом, и я донес начальнику дивизии о следующих причинах ее неудачи:

«1) Разведка выступила в 22 или 22½ часа, потеряв 1½ часа, а то и 2 часа вследствие нераспорядительности полка относительно перекидного моста, который запоздали принести.

2) Полковых сапер прислано было всего по показанию прапорщика Должникова[428] – 6, прапорщика Панича[429] – 8 или 10, никто даже определенно не знал, сколько, и они провозились с мостом до 1 часу, следовательно разведку начали спустя 4 часа после наступления темноты.

3) Резчиков на 14 кольев (показание прапорщика Должникова), на 9 кольев (прапорщик Панич), было выслано 7 и, пока эти 7 резали, остальные лежали, по показанию прапорщика Должникова в 200 шагах от проволоки, по показанию прапорщика Панича на немецком берегу реки – опять потеря времени.

4) Затем показания разошлись: прапорщик Должников – прошли проволоку, двинулись цепью, наткнулись на новый ряд и т. д. Прапорщик Панич – засели в проволоке и получили там донесение о новых рядах проволоки. Очевидно, донесение прапорщика Панича правильно, донесение же прапорщика Должникова явилось фантазией, т. к. и рядовой Моисеев[430] подтвердил показания прапорщика Панича.

5) Если показания прапорщика Должникова были правильны, то находясь в 20–25 шагах от немецких окопов и видя со стороны немцев полное игнорирование, конечно, надо было броситься в атаку, быстро прорезав 4 кола проволоки в траве. Если же взять показания прапорщика Панича, то отход нельзя не признать правильным, т. к. не имея сзади поддержки, а впереди проволоку и петли, и предстоящий скоро рассвет – на успех рассчитывать было нельзя.

6) Отход был организован неправильно, вернее вовсе не был организован и потому это было, очевидно, если не бегство, то беспорядочное отступление, не вызываемое обстоятельствами и повлекшее за собой оставление на неприятельском берегу офицера и нижнего чина.

Ввиду всего вышеизложенного я ходатайствовал:

1) Отрешить от должности командования батальоном капитана Пширкова, проявившего полную неспособность организовать разведку и не давшего никаких инструкций офицеру, оказавшемуся при этом совершенно неподготовленным для руководства разведчиками, по возвращении разведчиков и полученном донесении об оставленных на неприятельском берегу раненых офицере и стрелке, не принявшем никаких мер для спасения их и представившего ряд неточных непроверенных донесений.

2) Прапорщика Должникова не назначать впредь в самостоятельные командировки, как офицера совсем не подготовленного.

3) Младшего унтер-офицера Баранова[\[431\]](#) 3-й роты лишить унтер-офицерского звания, как оставившего на поле сражения раненого офицера и не принявшего никаких мер к выносу его, между тем, после контузии прапорщика Должникова и ранения прапорщика Панича, он явился их заместителем.

4) Командиру 5-й роты выяснить санитаров, которые, по показанию рядового Моисеева, не пошли на помощь прапорщику Паничу.

5) рядового Павла Питсана[\[432\]](#) 1-й роты за то, что выполнил, несмотря на явную опасность, свой долг перед офицером, перевязал его и стрелка, обезопасил место, где они находились, и только, когда все сделал, что мог для облегчения их положения, пренебрегая опасностью своей жизни, вернулся в роту, ходатайствую о награждении Гергиевской медалью 4 степени, согласно пункта 1 ст. 145 Георгиевского статуса».

28 июля я ездил в колясочке при мотоциклетке в штаб армии в м. Мир к генерал-квартирмейстеру Стаеву[\[433\]](#), моему близкому знакомому, узнал от него о назначении Куропаткина[\[434\]](#) в Туркестан. Это назначение нельзя было не приветствовать. На обратном пути я заехал в госпиталь Александрийской общины моей сестры. Этот госпиталь был придан нашему корпусу. Узнав, что я брат их председательницы, весь персонал принял меня с трогательным, радушием, угощали меня, не знали куда посадить.

Отъехав от них версты 2, моя колясочка сломалась, пришлось дойти пешком до штаба корпуса – версты 3, там мне любезно дали автомобиль и я мог вернуться к себе.

30-го июля я был у обедни в 31-му полку, а 31 июля ездил верхом, повидать герцога Лейхтенбергского[\[435\]](#), женатого на графине Граббе и командовавшего 12-м Туркестанским стрелковым полком, который стоял в 26 верстах от нас. Очень был рад его повидать, он радушно меня встретил. Я обедал в полковом собрании, офицерство мне показалось выдержанным, воспитанным, уехал я от него под самым дорогим впечатлением.

В конце месяца я получил следующее письмо от Н. А. Маклакова[\[436\]](#):

Мое назначение временно командующим 7-й Сибирской дивизией

2 августа начальник дивизии получил следующую телеграмму из штаба корпуса:

«Генералу Редько. Ввиду болезни и эвакуации генерала Братанова комкор приказал теперь же командировать в дивизию генерала Джунковского, которому, по приеме дивизии, вступить во временное командование ею. Генералу Джунковскому по дороге заехать в штаб корпуса для получения руководящих данных. О приеме дивизии и вступление во временное командование его от генерала Джунковского ожидается донесение. Богданович[\[447\]](#)».

Препроводив мне эту депешу в копии генерал Редько обратился ко мне со следующим предписанием:

«Вследствие приказания командира корпуса предписываю Вам с получением сего отправиться в 7-ю Сибирскую стрелковую дивизию и вступить во временное командование ею».

На другой день 3 августа я выехал к месту нового временного служения.

Командировка эта, с одной стороны, была для меня очень лестной, как доказательство огромного доверия со стороны высшего начальства, т. к. участок 7-й дивизии, в боевом отношении был самый серьезный на всем протяжении нашей армии. Но с другой стороны мне она была неприятна, т. к. между 8-й и 7-й дивизиями особенно дружелюбных отношений не было и я опасался, что мое назначение будет встречено там с неудовольствием, тем более, что там находился такой же бригадный командир, как и я в 8-й, а именно генерал Панафутин[\[448\]](#), который, по закону, и должен был заменять своего начальника по дивизии при отсутствии последнего и потому естественно мог обидеться и, еще тем хуже, заподозрить меня в интригах. Кроме того я знал, что эта дивизия распущена и я боялся, слажу ли я с ней, к тому же мне ужасно было жаль расставаться с 8-й дивизией, у меня было предчувствие, что я уже не вернусь в нее.

За мной из 7-й дивизии прислали автомобиль и я, с большой грустью, расстался и с Редько, и со всеми членами штаба, которые все меня трогательно напутствовали. Проехал я прямо к командиру корпуса представиться и получить указания. Дома его я не застал, зашел к начальнику штаба узнать некоторые подробности, вскоре приехал Трофимов, принял меня более чем любезно, остался обедать, сказал, что хотя в 7-й Сибирской дивизии имеется бригадный командир, но он недавно назначен, он его не знает и потому поручить ему такую распущенную дивизию не мог, а потому решил командировать меня, что Братанов вероятно не вернется, и что поэтому я не должен стесняться никакими бывшими его распоряжениями и действовать совершенно самостоятельно как бы это была моя дивизия, и что он вполне уверен, что я справлюсь с делом, и приведу в порядок дивизию, которая в этом весьма нуждается, что он просит меня произвести тщательную проверку денежных сумм и хозяйство штаба дивизии и делопроизводства и донести ему, в каком виде я все это найду.

Затем он меня ознакомил с некоторыми деталями, боевыми предположениями и подготовкой к ним. В заключение же сказал, что полагает, что Братанов не вернется в дивизию и, в таком случае,

он намерен просить о моем утверждении, т. к. я аттестован на дивизию вне очереди. После обеда я уехал от него и меня так не тянуло в 7-й дивизии, что, по дороге, я еще заехал в Пермский лазарет, напился у персонала чаю и только к вечеру был в штабе 7-й дивизии, стоявшем в дер. Юровичи, которая была мне уже знакома.

Начальник дивизии Братанов спал, я пошел тогда бродить по деревне, обошел ее всю, присматривался к порядкам и ища какое-нибудь помещение для себя. Вся деревня представляла из себя какую-то клоаку. В избах поместиться не решился – грязь и мерзость, поэтому решил поставить свою палатку в поле, где только что сжали ячмень. Чтобы несколько укрыть ее от неприятеля (позиция была в 3 верстах), я приказал нарубить сосен и замаскировать ее.

Я был до того не в духе, все мне казалось хуже, чем оно было на самом деле, со всеми меня встретившими я был почти что невежлив. Мне сейчас совестно это вспоминать. Дело было в том, что я в то время был страшно переутомлен и нравственно, и физически, и мне почему-то именно 7-ю дивизию не хотелось принимать. Когда Братанов проснулся, я пошел к нему, и с ним, как я сейчас вспоминаю, без раздражения говорить не мог.

Так прошел вечер, за ужином мне тоже показалось все плохо. На другой день Братанов уезжал в 8 часов утра, я встал к этому времени, чтобы проститься с ним, затем отдал следующий приказ по дивизии:

Подписав этот приказ и другие бумаги, я обошел весь штаб, знакомясь со всем расположением и порядком, вернулся под скверным впечатлением, послал за комендантом и командиром полицейской команды. Приказал им, чтобы в 4-х дневный срок вся деревня была очищена от грязи, все вылизано, чтобы вызвали дезинфекционный отряд и произвели общую дезинфекцию. Затем пригласил дивизионного врача и наговорил ему всякой горечи.

И.д. начальника штаба Фартушному (он временно исполнял обязанности, т. к. начальник штаба, генерал-майор Воскресенский[450] – и.о. начальника штаба 35-го армейского корпуса) я выразил удивление

халатному отношению к денежному ящику, который я увидел в сарае вместе с двуколками начальника дивизии и дивизионного врача, тут же в сарае были и караул и обозные. Велел немедленно денежный ящик поставить под навес у входа в штаб, а сарай очистить, продезинфицировать, убрать елками и устроить в нем столовую для штаба.

Все сразу засуетились, забегали и через несколько дней деревню узнать нельзя было. Для лошадей были устроены навесы, для людей вырыты отличные землянки, работа кипела. Я прямо удивлялся, как это они жили до тех пор.

В тот же день я вызвал к себе к 5 часам командиров полков, командира артиллерийской бригады и саперной роты, чтобы познакомиться с ними, высказать им свои взгляды и требования и выслушать их нужды. Результатом разговоров с ними я очень остался доволен и это меня немного подбодрило. Весь вечер я знакомился с приказами и распоряжениями бывшими до меня.

5-го августа утром я ездил в имение князя Радзивилла[\[451\]](#) «Полонечка», где у него был чудеснейший замок, отлично сохранившийся, в нем размещался штаб 35-го корпуса. Мне хотелось повидать и побеседовать с генерал-майором Воскресенским – начальником штаба 7-й дивизии, временно исполняющим должность начальника штаба этого корпуса. Воскресенский оказался очень симпатичным и милейшим человеком, но он уже мало интересовался делами 7-й дивизии, т. к. знал, что должен получить высшее назначение.

Вернувшись домой, был обрадован приезду капитана Афанасьева из 8-й дивизии. Я уже писал о нем, он приехал согласно моего ходатайства для исп. обязанности начальника штаба до возвращения Воскресенского. Я был очень рад, по крайней мере свой человек, я мог с ним душу отвести.

Вечером я поехал в 27-й полк ко всенощной по случаю кануна Преображения, осмотрел три батальона этого полка, впечатление осталось хорошее. Стоя у всенощной, мысли мои невольно переносились

в родной Преображенский полк, праздновавший на другой день свой полковой праздник. Священник служил хорошо, певчие пели отлично и я простоял за всенощной с очень хорошим чувством. Затем пробовал пищу и остался поужинать у командира полка[\[452\]](#)[\[453\]](#). На другой день, чтобы немножко скрасить праздник, я пригласил к обеду командира 25-го полка с полковым адъютантом[\[454\]](#)[\[455\]](#) – этот полк праздновал свой полковой праздник 6 августа, но т. к. он стоял на позиции, то празднования не было. Вот я и пригласил их двоих, а также командира 27-го полка. Заведующий столовой штаба очень постарался и устроил чудный обед, а я пригласил музыку.

Утром 6-го я ездил в 3-ю батарею, которая тоже праздновала свой батарейный праздник в этот день, был на молебне и поздравил нижних чинов, стоявших на позиции. Обед у нас прошел очень оживленно, я выставил несколько бутылок вина и все по-видимому были довольны, вышли из мертвой спячки, в которой я застал весь штаб.

После обеда я вскоре поехал в 25-й полк, обошел окопы одного батальона, поздравляя стрелков с праздником. Когда стемнело, я отправился за проволочные заграждения далеко вперед по направлению к немцам, где шла работа по постройке плацдарма для предстоявшего наступления – это для целей и окопов с ходами сообщения. Работы происходили только ночью. Я подробно осмотрел все, что было сделано, дал указания саперному офицеру, где надо что изменить. В это время рядом шел бой в 35-м корпусе. Там наши занимали немецкие окопы и сблизились с немцами до 40 шагов и вот каждый день в 10 часов вечера, начиналось между нашими и немцами перепалка, закидывали друг друга ручными гранатами, минами из минометов, стреляли, немцы при этом непрерывно освещая все место ракетами. Гул стоял невообразимый, на горке, где это происходило и которая от меня отстояла всего на расстоянии 1000 шагов, стоял прямо ад. Было жутко и красиво вместе с тем, не хотелось уходить. Такая битва происходила у них ежедневно между 10 вечера и 2 часами ночи.

Немцы осветили и нашу группу ракетами, и какой-то немец стал стрелять в нашу сторону из винтовки. Пули вокруг так и свистали, а когда мы дошли до деревьев, то было гораздо хуже, они попадали в деревья, издавая крайне неприятный звук. Только к часу ночи я вернулся домой, очень довольный своим днем.

7-го августа я принимал доклад приехавшего начальника штаба генерала Воскресенского, обедал дома, после чего поехал на позицию 25-го полка, где обходил окопы тех батальонов, которых я накануне не видел, а также осмотрел и произведенные работы на другом плацдарме. 25-й полк произвел на меня отличное впечатление, я каждого офицера экзаменовал, расспрашивал и вынес очень хорошее впечатление. Вернулся домой в 9 часов вечера и уселся за разбор текущих бумаг.

В этот день я отдал в приказе о том, что:

«При моих объездах района временно командуемой мной дивизии мною замечено, что телефонные провода проведены недостаточно высоко над землей, так что на дорогах возможны при проезде верхом несчастные случаи особенно ночью. Приказываю немедленно во всех частях дивизии проверить провода и приподнять их особенно над проезжими дорогами и тропинками настолько, чтобы можно было верхом проезжать совершенно свободно».

8-го августа утром я поехал с дивизионным врачом в перевязочный передовой отряд дивизии. Нашел массу недостатков, неудобство расположения, плохую перевязочную, так что и дивизионному и главному врачу пришлось выслушать от меня порядочно упреков. Я приказал найти другое место для размещения отряда и купить гессенскую палатку[\[456\]](#).

Оттуда я отправился к начальнику 55-й пехотной дивизии[\[457\]](#)[\[458\]](#), дивизия которого соприкасалась с 7-й Сибирской. Он оказался моим старым знакомым, так что мы отлично с ним побеседовали, обдумали способы поддержки друг друга и сговорились по многим вопросам. Оттуда я поехал в батальон 26-го полка, который был расположен недалеко в лесу, познакомился с офицерами, поговорил с ними,

поблагодарив их за службу и уехал домой к обеду. После обеда я поехал верхом с одним из офицеров штаба в 26-й полк и по дороге проверил обучение учебной команды 28-го полка. Очень остался доволен наружным видом людей 26-го полка, состав офицеров мне показался хуже, чем в 25-м, но все же удовлетворительным.

В штабе полка я посетил командира полка[\[459\]](#)[\[460\]](#), затем заехал в питательный пункт Пуришкевича, ужинал в Елизаветинском госпитале Красного Креста. Во всех отрядах Пуришкевича всегда было удивительно все хорошо, чудный порядок, домашняя уютная остановка, все, чтобы можно было отдохнуть душой. Бывало, попадешь в страшную глушь, вдруг надпись «отряд Пуришкевича»,ходишь и сразу веет комфортом, чувствуешь себя дома и чего только не получишь в этом благодетельном учреждении. Елизаветинцы меня встретили с криками восторга, приветствуя мое назначение в 7-ю дивизию, они меня чудно угостили и я вернулся домой под отличным впечатлением. В этот день вернулся в штаб Воскресенский, Афанасьев уехал к себе в 8-ю дивизию.

9-го августа приезжал ко мне командир корпуса генерал Трофимов и дал мне разные указания по подготовке к боевым действиям. После обеда, в этот день, взяв с собой дивизионного врача, я поехал в 1-й и 2-й дивизионный лазареты.

Что я застал в 1-м лазарете, трудно себе представить. Прежде всего заменявший главного врача мне показался таким развинченным, что меня сразу это привело в дурное расположение духа. Придя в палаты, я зашел прежде всего в перевязочную – операционную. Шатер, в нем тучи мух, на столе не покрытый перевязочный материал. Увидев мое удивление, врач доложил, что этот материал для покрытия ран сверху. Подойдя ближе к столу и заметя кусочки гигроскопической ваты, приготовленные кружками, я не мог не спросить: «А это тоже снаружи?». Врач ответил, что это для наворачивания на палочку и мазания горла. Я возмутился и сказал, что такое отношение к делу преступно. В палате для больных на образе заметил грязное полотенце, указал священнику, сказав, что очевидно он никогда не заглядывает к больным. В следующем сарае

больные лежали на нарах, поднявшись по лестнице вверх, увидел на полу группу больных человек 30. «Что это?» – спросил я.

«Венерики и глазные». Почему вместе, что общего? «И те и другие могут ходить». Удивительная логика, приказал разъединить.

В хозяйственной части оказалось еще хуже: грязь, помощник заведующего хозяйством ничего не знал и не мог мне ответить ни на один вопрос. Я извелся в дребезги, обещая всех отдать под суд, а помощника заведующего хозяйством разжаловать и проехал дальше. Думал, что и во 2-м лазарете найду тоже самое, но оказалось все в блестящем виде, поразительная чистота, хозяйственность, заведывавший хозяйством был в курсе всех дел. Я не знал, как благодарить доктора. Вернувшись домой, дал дивизионному врачу 3 дня сроку на приведение в порядок 1-го лазарета.

10 августа я с утра проехал в штаб 28-го полка, где в лесу осмотрел 1-й батальон 27-го полка и 1-й батальон 28-го полка. Первый представился мне отлично, второй скверно. Я вызвал офицеров и сказал им, что их батальон на меня произвел плохое впечатление, люди не смотрят в глаза, имеют хмурый забитый вид, фуражки носят как поварские колпаки, после команды «смирно» шевелятся и т. д. Дал им ряд дружеских советов, сообщил им мои требования и выразил надежду, что в следующий раз я найду разницу.

Осмотрев эти два батальона, я отправился по окопам 28-го полка длиной в 10 верст. Мне хотелось успеть обойти их сразу. Окопами я остался доволен. Люди имели хороший вид, хорошо толково отвечали, офицеры, за исключением некоторых, знали свои участки отлично. К 7 часам вечера я обошел все, а начал я в 10 утра. Поехал на автомобиле в Гродненский лазарет поужинал, голоден был страшно, а до них было всего 6 верст. Поужинав, вернулся домой, разобрал бумаги, прочел приказы и лег около часу. В эту ночь немцы двумя ротами повели наступление на 28-й полк, как раз на окопы, которые я обходил, но заставы быстро собрались и опрокинули немцев, это мне доставило большое удовлетворение.

11-го августа я поехал с начальником штаба на наблюдательный пункт начальника дивизии, где мне пришлось бы находиться во время боя. Пункт мне очень не понравился, мал кругозор и устроен он был очень уж примитивно без всяких мало мальских удобств. Приказал переделать. Вернулись мы к обеду, после чего я с дивизионным интендантом [\[461\]](#)[\[462\]](#) поехал за 15 верст в дивизионный обоз, остался недоволен и отдал следующий приказ:

«При посещении мною вчера дивизионного обоза я обратил внимание, что нижним чинам варка пищи производится один раз в сутки. Кроме того по два взвода: первый со вторым, третий с четвертым – получает пищу из одного котла.

На мой вопрос командир дивизионного обоза мне доложил, что это по просьбе обозных, дабы пища была гуще и лучше.

Нахожу объяснения капитана Чернышева [\[463\]](#) не выдерживающими критики и не допускаю такого отношения к продовольствию нижних чинов. Распределение варки по два взвода – для первого и второго и для третьего и четвертого также нахожу неправильным, идущим в ущерб, т. к. первый взвод работает с четвертым, а второй с третьим, в силу чего по два взвода ежедневно получают разогретую пищу.

Приказываю такие неуместные распоряжения по продовольствию командира дивизионного обоза отменить и перейти к нормальному способу приготовления пищи, обязательно делая две отдельные варки на обед и ужин. Раскладку предоставить на утверждение мне. Обязательно к обеду давать кашу.

Что касается соединения двух взводов для продовольствия вместе, то ввиду небольшого количества людей препятствий не вижу, нахожу даже практичным, но надо соединить вместе те взводы, которые и работают вместе, и пищу готовить для них или ко времени выступления их или ко времени их возвращения. Требую немедленного изменения системы продовольствия в дивизионном обозе, согласно моих указаний, и требую, чтобы пища была вкусна и к обеду, и к ужину, не допуская никаких возражений».

12 числа я посвятил весь день на объезд батарей и их наблюдательных пунктов, я подробно ознакомился с расположением всех батарей, как легких, так и двух мортирных и одной 6-ти дюймовой. На наблюдательном пункте я поверял, насколько видно в стороны, затем давал задачи обстрелять то одно, то другое место и наблюдал верность попадания. Некоторые батареи очень все хорошо и сноровисто выполняли, другие вяло и скверно. Со мной был командир бригады, которому я поручал все отмечать. Я осмотрел 9 наблюдательных пунктов и, благодаря этому, изучил расположение противника до совершенства. Вернулся домой, ног под собой не чувствуя от усталости.

13-го августа я посетил обозы 2-го разряда полков дивизий и учебные команды трех полков. За эти дни, увлекшись работой, я перестал хандрить, тем более, что с каждым днем я все более и более убеждался, что мои опасения были напрасны, и все меня окружавшие не только не выказывали недружелюбия, а старались всячески угодить мне, исполняя все мои указания с особенным старанием, а если я делал какое-нибудь замечание, хотя бы самое маловажное – то это уже производило необычайное смятение.

В полках я тоже встретил высшей степени предупредительное отношение и мне это значительно облегчало мою работу. 1-й лазарет, на который я обрушился, стал в короткое время неузнаваем, в три дня сделана была им новая операционная, мухи исчезли, все стало безукоризненно чисто, хорошо.

В лице бригадного командира генерал-майора Панафутина я встретил верного себе помощника, он принял мое назначение с тактом и достоинством, и за все время моего командования дивизией у меня с ним не произошло ни одного недоразумения, он всегда к моим требованиям относился с полным уважением. Это был человек благородный, честный, прямой, и работать мне было с ним большое удовольствие.

Начальник штаба генерал-майор Воскресенский был очень милый симпатичный человек, весьма опытный и знающий офицер Генерального

штаба, но он устарел для начальника штаба дивизии, ему это просто надоело быть на такой маленькой должности и потому ретивостью он не отличался и, при всем уважении к нему, я был рад, когда он получил высшее назначение. Дивизионный врач Карсунский[464], уже старик, представлял из себя благороднейшего и честнейшего служаку, он удивительно быстро ориентировался во всех моих требованиях, которые я предъявлял к постановке медицинской части в дивизии и, сочувствуя им, шел всегда навстречу.

Дивизионный интендант кавказец Михеладзе был из средних, но работал добросовестно.

Старший адъютант по оперативной части Фартушный был на редкость добросовестный и выдающийся работник, весьма толковый, знавший дело.

Старшего адъютанта по хозяйственной части Метляева, к счастью, все время моего командования не было, он находился в командировке, думаю, что умышленно, это был родственник Братанова и злой гений штаба, если можно так выразиться.

Благодаря ему хозяйственная часть штаба была в хаотическом состоянии, он, как родственник начальника дивизии, был *persona grata*. Обязанности его исполнял подъесаул Карпов[465] – командир конвоя начальника дивизии, он был неопытен, но старания прилагал много. Остальные офицеры были среднего типа.

Командиры полков были все достойные люди – слабее был командир 26-го полка Романов, он не умел держать офицеров в руках и руководить ими, 25-го же полка Кондра был боевой офицер и держал свой полк в руках, 27-го полка Бутенко был гвардеец, всю службу он провел в л. – гв. Егерском полку и ему было трудно приноровиться к традициям сибиряков, он не сумел отгадать ту точку, на которую ему надо было стать, чтобы быть действительно командиром, но это был удивительно милый благородный человек. 28-го полка Соболевский[466] – сибиряк с головы до ног, израненный и перераненный, очень храбрый, но, благодаря своим контузиям,

ему было трудно командовать полком. Командир артиллерийской бригады Степанцов [\[467\]](#) не был особенно на высоте, был малоопытным офицером, но как человек весьма и весьма достойный.

Командир саперной роты капитан Арефьев – это был выдающийся во всех отношениях человек. Это был опытный инженер, дельный, отлично знавший саперное дело, умевший руководить нижними чинами и при всем этом необычайно скромный. Благодаря ему мне удалось в Юрьевичах построить прекрасную землянку-столовую для штаба, такую же для гаража и в конце чудный дом для начальника дивизии, докончив начатый и доведенный до крыши каменный дом в центре деревни. Он был готов как раз к приезду Братанова в первых числах октября. Из отрядов Красного Креста при дивизии состоял Богодуховский передовой, персонал коего и сестры были удивительно милы. Отряд этот был великолепно оборудован и работал выше всякой похвалы.

14 августа я ездил в свою родную 8-ю дивизию и так мне было приятно очутиться среди своих близких. Они меня трогательно встретили, начиная от Редько и кончая младшим прапорщиком. Пообедав у них, я вернулся к себе, а 16-го, в день полкового праздника 29-го полка своей родной 8-й дивизии был в этом полку, который стоял в резерве, и потому они могли отпраздновать свой праздник по-мирному.

Был церковный парад в присутствии командира корпуса, затем обед в офицерском собрании. Мне устроили целую овацию. Тост за меня был встречен таким громовым единодушным «ура», что мне даже было неловко и неприятно, чересчур офицерство полка подчеркнуло свое отношение ко мне, я почувствовал неловкость перед командиром полка и начальником дивизии, что меня так выделили, а когда я собрался уезжать, то меня офицеры подхватили и понесли на руках в автомобиль, крича, что не пустят меня в 7-ю дивизию, что 29-й полк весь как один человек пойдет за меня и т. д. Это было очень трогательно, но мне это не доставило удовольствия и крайне смутило, т. к. я чувствовал, что среди оваций по моему адресу была и доля демонстрации по отношению к Редько, которого 29-й полк весьма недолго любил. Это мне, конечно,

было крайне неприятно, но я ничего сделать не мог, все вышло чересчур неожиданно.

Разные боевые распоряжения

Первый мой боевой приказ по 7 дивизии был мною отдан 12 августа, когда предстояла смена полков на позиции. Привожу его целиком:

Затем пришлось очень много поработать над планом обороны позиции командуемой мною дивизии, а для этого надо было изучить ее во всех деталях и вести усиленную разведку. Редкий день проходил, чтобы я не бывал в окопах или на каком-нибудь наблюдательном пункте. Артиллерия в 7-й дивизии была гораздо лучше чем в 8-й дивизии, как по составу офицеров, так и по снаряжению. Пушки не были так изношены, как в 8-й, поэтому стрельба была гораздо более точной, батарейные командиры были лихие, храбрые, и к моему удовольствию я не замечал у них стремления становиться подальше в безопасные места, что бывало в 8-й.

Благодаря моим частым посещениям позиции, я к 18 августа, ко времени представления плана обороны чувствовал себя вполне хозяином положения, никаких сюрпризов я ожидать не мог, полки работали прекрасно, разведка в них поставлена была очень хорошо. Привожу план обороны, представленный мною командиру корпуса:

Приезд моей сестры, племянницы Н. Н. Шебашевой и Н. В. Евреиновой

26 августа я был обрадован приездом ко мне моей сестры, племянницы Н. Н. Шебашевой и моего большого друга Н. В. Евреиновой. Т. к. в Юревичах, где стоял штаб дивизии, я не считал возможным их поместить, считая это небезопасным – в 3-х верстах от позиции, а кроме того я никогда не одобрял, когда семьи жили при штабах и в местах расположения частей передовой линии, поэтому я их устроил в Богодуховском отряде близ дер. М. Жуховичи в 3 верстах от меня.

Сестры очень предупредительно пошли навстречу моему желанию и отлично устроили их, отведя им целую комнату, которая у них пустовала. Таким образом я был совершенно покоен за них, они были окружены и лаской и заботой, приезжая ко мне, когда у меня было свободное время.

Получив депешу об их приезде, я поехал в автомобиле на ст. Замирье в верстах 20 от нас, встретил их и отвез в Богодуховский отряд. Встреча была необыкновенно радостная. Они провели, таким образом, неделю. Каждый день приезжали ко мне или я приезжали к ним, как только я бывал свободен. Чины моего штаба во главе с начальником штаба оказывали им большое внимание, они несколько раз то обедали, то ужинали у нас, раз в штабе устроили вечеринку с танцами, пригласив сестер двух наших отрядов, слушали музыку и пение наших сибиряков-стрелков. Особенно хороши были песенники 27-го полка, пели они исключительно сибирские песни, полные грусти, тоски, но чрезвычайно музыкальные.

Один раз я был с ними в 28-м полку у обедни. Полк этот стоял в резерве в лесу, но очень близко от позиции в 1½-2 верстах, был чудный день, походная церковь была сооружена очень красиво из еловых и сосновых ветвей, священник служил очень благоговейно, хор певчих пел безукоризненно. Весь полк был выстроен покоем среди деревьев. Шла обедня, а невдалеке слышны были разрывы снарядов, несколько шрапнелей разорвались над лесом и в довершение всего над нами реяли немецкие аэропланы. Эта обедня при такой обстановке произвела на меня особенное впечатление. После обедни я обратился к полку с несколькими словами напутствия, т. к. им предстояло в этот день сменить, на весьма серьезной позиции, 25-й полк.

25 августа этот полк, отошедший в резерв, праздновал свой полковой праздник. Был молебен и парад, на котором присутствовали Рагоза и командир корпуса генерал Трофимов. Парад сошел блестяще,

по окончании его в офицерском собрании состоялся завтрак, сопровождаемый целым рядом состава.

Накануне этого дня мы получили приказ главнокомандующего фронтом Эверта, отданный им 22 августа, накануне годовщины принятия государем на себя Верховного командования:

«Завтра 23-го августа истекает годовщина с того исторического дня, когда государь император с твердой верой в милость Божию и непоколебимой уверенностью в свои войска и в конечной победе соизволил принять на себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий, призывая всех нас исполнить наш святой долг защиты родины до конца и не посрамить земли Русской, вступив в Верховное командование. Его величество принес с собой счастье своим доблестным и верным войскам, минувший год ознаменовался решительным переходом успеха на нашу сторону и целым рядом блестящих побед над врагом.

Приказываю отслужить завтра в частях вверенной вам армии молебствия, призывая Божие благословение на горячо любимого нашего августейшего Верховного главнокомандующего вознося Господу Богу горячие благодарения за дарованные нам под мудрым водительством его императорского величества победы и моля о ниспослании нам конечного одоления над врагом. Государю же нашему и его августейшей семье здоровья и сил на многие лета и счастья видеть Россию возвеличенной и процветающей под державным скипетром его величества. Приказ этот прочесть во всех частях и командах. Эверт».

Мои оставались до 2 сентября, навещая меня ежедневно, я их возил то в какой-нибудь полк, то на батарею, побывали и на наблюдательном пункте, осматривая немецкое расположение. Кроме того, т. к. моя сестра в течение целого ряда лет работавшая по Красному Кресту очень интересовалась постановкой лечебного дела, то мы посетили и лазареты нашей дивизии, а затем она уже без меня побывала и в двух лазаретах

своих общин, Евгениевской и Александринской, попечительницей коих она состояла.

Время до 2 сентября прошло быстро и незаметно, с грустью я с ними расстался. Испросив разрешение на отлучку в Минск, куда мне необходимо было проехать по делам для дивизии по части снаряжения, я выехал вместе с ними на автомобиле прямо до Минска и устроил их в прямом вагоне на Петроград.

Проводив их, я пробыл в Минске два дня. За это время я успел справиться довольно удачно со всеми делами для дивизии, был в штабе фронта, являлся генералу Эверту и сделал еще несколько визитов. Все были удивительно любезны и предупредительны. Заехал я и в госпиталь Евгениевской общины, где главным врачом состоял Н. И. Раевский[\[468\]](#), очень хороший хирург, я с ним был давно знаком, будучи очень близок с семьей его жены, он мне в подробности показал весь свой лазарет, от которого я не мог не остаться в восторге; меня поразила не только безукоризненная чистота, но и все устройство, согласно последним указаниям науки.

На другое утро, в 10 час. я выехал обратно с одним из офицеров штаба 7-й дивизии Губановым[\[469\]](#) и, заехав по дороге к командиру корпуса, вернулся к себе в Юревичи.

В это время на фронте все чаще и чаще стали повторяться случаи заболевания цингой, эта болезнь, сама по себе не заразная, сделалась эпидемической и вырывала из строя здоровенных людей. Издавались всевозможные приказы, принимались соответствующие меры, но болезнь упорно держалась.

30 августа мною был отдан следующий приказ:

«Ввиду непрекращающихся заболеваний цингой подтверждаю к неуклонному и точному руководству приказ главнокомандующего армиями Западного фронта от 7-го августа сего года за № 148. Во исполнение сего приказываю:

1) Цинготных больных, требующих продолжительного лечения, немедленно эвакуировать в тыловой госпиталь, направив их через эвакуационный пункт в Осиповичах, больных из Александринского подвижного лазарета отправлять по узкоколейке, для чего главному врачу означенного лазарета потребовать подвижной состав к д. Сбытень. Дивизионному врачу оказать содействие, больных из дивизионных лазаретов присоединить также к означенным больным Александринского лазарета и отправить по узкоколейке, доставив их на ст. Сбытень к моменту отхода поезда.

2) До ст. Сбытень доставить в двуколках транспорта или Богодуховского отряда. Больных, не требующих продолжительного лечения и слабосильных, предрасположенных к заболеванию, выделить из полков и снабдив их аттестатами к утру 1-го сентября сосредоточить в сел. Бол. Жуховичи. Начальникам хозяйственных частей 26-го и 28-го полков озаботиться приготовлением для них пищи: 26-й полк для стрелков 26-го и 27-го, и 28-й полк для стрелков 25-го и 28-го полков. После обеда направить их всех командой в Оюцевичи в устроенную для сего распоряжением Красного Креста армии санаторию в лесу между Оюцевичами и Симоково. Для слабых больных иметь при следовании команды 5 двуколок транспорта.

Командиру 28-го полка назначить одного опытного офицера для наблюдения за командной слабосильных в санатории и ведения с ними занятий и бесед, а командиру 27-го полка в помощь означенному офицеру назначить 2-х младших офицеров.

Означенным трем офицерам явиться 1-го сентября к 9 часам утра в с. Бол. Жуховичи к начальнику гарнизона и принять от него команду.

В санатории ежедневно вести строевые занятия со стрелками не менее 2-х часов.

Дивизионному врачу обратить особое внимание на соблюдение в частях дивизии пункта 7-го приказа главнокомандующего за № 148. Командирам полков в местах расположения резервов озаботиться приведением в порядок землянок, а где нужно и постройкой новых, дабы,

ввиду наступивших холодных осенних дождливых дней, можно было бы всех стрелков разместить в землянках. Дивизионному врачу произвести осмотр всех землянок в санитарном отношении.

Только постепенной заботой и вниманием и дружной работой как строевого начальства, так и врачебного надзора можно в корне пресечь печальное и недопустимое явление распространения цинги».

Но на другой день я получил от командира корпуса распоряжение временно приостановить его выполнением, т. к. Красным Крестом устраивается специальная санатория для такого рода больных при дер. Оюцевичи.

Между тем оказалось, что полки выполнили мое распоряжение уже 31 августа и потому отмены получить не успели. Это вызвало мой следующий приказ:

«В моем приказе, от 31-го сего августа за № 881, было предписано сосредоточить всех больных легкой формой цинги к утру 1-го сентября в сел. Бол. Жуховичи. Между тем по полученным мною сведениям означенное распоряжение было выполнено 31-го августа благодаря чему, когда последовало приказание командира корпуса временно приостановить мое распоряжение, они уже были собраны в с. Бол. Жуховичи. Приказываю впредь выполнять мои приказы в точности не допуская отступлений.

Приказ мой за № 81 временно приостановить исполнением, оставив больных цингой легкой формы 25-го Сибирского стрелкового полка – в дер. Бурдзевичи, озаботившись устройством их в возможно теплых помещениях отдельно от здоровых и усилении питания».

Прошло три недели и я получил следующее приглашение на открытие санатория:

«Начальнику 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Завтра субботу 10 часов в присутствии командующего армией будет отслужено молебствие в санатории Оюцевичи по случаю открытия. Покорнейше

прошу Ваше превосходительство пожаловать. И.о. особоуполномоченного барон Бильдерлинг[470]».

Ко дню открытия в санаторий переведены были все страдавшие более или менее тяжелой формой цинги, больные же легкой формой оставлены были при полках. Санатория была великолепно оборудована и принесла огромную пользу войскам. Больные быстро поправлялись и возвращались в строй. Этому способствовала и здоровая местность в сосновом лесу. Все больные составили слабосильную команду, и распределение времени, порядок были установлены особыми инструкциями, которые привожу целиком:

Инструкция для соблюдения порядка в слабосильной команде санатории Красного Креста

Распределение времени и повседневный порядок в команде слабосильных при санатории Красного Креста были следующие:

6 часов	Вставание. Умывание. Утренняя молитва.
7½ – 8 час. утра	Чай с маслом (4 з.), молоком, лимоном или клюквенным экстрактом; сахару по 9 золотинок на человека, белого хлеба 1 фунт.
10 час. утра	Гимнастика (вольные движения на воздухе), или строевые занятия.
12 час. утра	Легкие хозяйственные работы на участке санатории (плотничьи, земляные и пр.).

1 час. дня	Обед: 1) щи или борщ с $\frac{1}{2}$ мяса, 2) каша гречневая, пшенная, ячневая, рисовая или овсяная с 10 зол. масла, 3) винегрет из овощей, кисель или компот, 4) хлеба черного 1 фунт, 5) пива 200,0 гр. или спиртной мятной настойки 35,0 гра. или красного вина – 50,0 гр.
3 час. дня	Отдых.
4 час. дня	Гимнастика или строевые занятия.
4 $\frac{1}{2}$ час. дня	Чай с молоком и $\frac{1}{2}$ бел. хлеба.
4 $\frac{1}{2}$ –5 $\frac{1}{2}$ час. дня	Словесность.
5–6 $\frac{1}{2}$ час. вечера	Хоровое пение.
6 $\frac{1}{2}$ –7 ч. вечера	Беседы: три раза в неделю ротных командиров на военные темы, два раза врачей относительно гигиены солдата в военно-походной обстановке и два раза в неделю священника на духовно-нравственные темы.
8 час. вечера	Ужин: щи или борщ $\frac{1}{4}$ фун. мяса и $\frac{1}{2}$ черного хлеба.
8 $\frac{1}{2}$ час. вечера	Вечерняя поверка. Молитва.

«Замечание. 1. По воскресным и праздничным дням занятия гимнастикой и словесностью, а равно легкие хозяйственные работы не производятся.

2. На гимнастику, строевые занятия и хозяйственные работы назначаются лишь те нижние чины, для которых таковые, по мнению медицинского персонала санатории, возможны без ущерба для здоровья.

Генерал-лейтенант Абаканович».

Я часто посещал своих больных в санатории, все они чувствовали себя в ней так хорошо, что когда я, уходя от них, желал им поскорее поправиться, то они без особенного подъема отвечали мне: «покорнейше благодарим». Было видно, что они не особенно охотно выздоравливали.

По дороге в санаторию приходилось всегда проезжать местности, где были расположены тыловые учреждения дивизии, при этом часто приходилось убеждаться в недостаточной дисциплинированности среди чинов этих учреждений.

Последствием этого явился следующий мой приказ по дивизии:

«Проезжая последнее время среди расположений частей временно командуемой мной дивизии я, к сожалению, не мог не обратить внимание на отсутствие должного вида и дисциплины среди нижних чинов. Зачастую при моем проезде люди даже не вставали или вставали слишком поздно, что же касается отдания чести, то исполнялось это небрежно. Отвечали стрелки на мое приветствие тоже зачастую вяло и без должного перцу.

Особенно заметно это в местах расположения обозов 1 и 2-го разряда и в лазаретах. Мне не раз приходилось останавливаться и делать замечания. Проезжал я большей частью на автомобиле, следовательно, и отговариваться, что меня не заметили, нельзя. Все это доказывает отсутствие надлежащего внутреннего порядка и сознания долга среди нижних чинов.

Приказываю обратить на выправку, отдавание чести самое серьезное внимание, особенно быть строгим к этому в обозах, где люди имеют склонность быстро распускаться.

Вменить стрелкам, что при проезде или проходе начальника первый увидавший его должен скомандовать «смирно», «встать», за исключением тех случаев, когда люди стоят или идут целой командой, имея старшего, который только и командует.

Обратить внимание и на одежду, приняв все меры, чтобы у всех обязательно были погоны, кокарды; командирам полков возложить за это ответственность на ротных командиров; вообще не давать людям распускаться. При следовании обозов, какого бы разряда они не были или дивизионного, сколько бы двуколок не назначалось, всегда должен быть старший, назначаемый сверх двуколучного обозного. При следовании более 5-ти двуколок старший должен быть верхом,

он и будет всегда ответственным лицом за порядок при следовании обоза».

6 сентября начальник штаба 7-й дивизии генерал-майор Воскресенский получил новое назначение и должен был покинуть штаб командуемой мной дивизии. По моей просьбе командир корпуса командировал из штаба 8-й дивизии капитана Афанасьева для принятия должности от генерала Воскресенского впредь до назначения нового начальника штаба. Я был очень рад опять поработать с Афанасьевым, который знал хорошо сон взгляды и был мне очень предан, да и с чинами штаба он был со всеми в хороших отношениях. Накануне отъезда Воскресенского мы устроили ему прощальный обед, пригласив всех командиров полков, все очень любили и уважали его и потому проводы носили весьма сердечный характер. Я же лично отдал по дивизии следующий приказ:

«Приказом главнокомандующего армиями Западного фронта начальник штаба временно командуемой мной дивизии генерал-майор Воскресенский допущен к исправлению должности начальника штаба 26-го армейского корпуса.

Расставаясь ныне с глубокоуважаемым Владимиром Ивановичем, как начальником штаба, я не могу не выразить своего искреннего сожаления, что мне так мало пришлось поработать с таким выдающимся талантливым сотрудником.

Генерал-майор Воскресенский пробыл в должности начальника штаба 7-й Сибирской стрелковой дивизии с 2-го февраля сего года и за все это время он проявил себя деятельным энергичным работником, опытным организатором, принимая все интересы дивизии очень близко к сердцу.

Как генерал с большим боевым опытом, с отличием командовавший во время настоящей войны полком и бригадой, он внес в работу дивизии и ее штаба очень много ценного, а за время моей краткой совместной службы с ним он, благодаря своему прекрасному знакомству с дивизией значительно помог мне быстро ориентироваться и ознакомиться со всеми сторонами жизни дивизии — этот момент нашей совместной службы,

когда я нашел в нем большую нравственную поддержку, я всегда буду вспоминать с глубокой сердечной признательностью.

От всего сердца желаю дорогому Владимиру Ивановичу боевого успеха и счастья в новой ответственной должности начальника штаба корпуса и чтобы то уважение и любовь, которые он оставляет по себе в рядах нашей дивизии, сопутствовали бы ему и в последующей его жизни.

Счастливого пути, благополучия, дорогой Владимир Иванович, и не забывайте 7-ю Сибирскую дивизию, которая сохранит о Вас навсегда светлую память».

7 сентября я переехал в новый дом, построенный саперами для начальника дивизии на зиму. Такого помещения у меня за все время пребывания на войне не было. Саперы постарались, и вышел уютный, чистенький и изящный домик. Т. к. я командовал дивизией временно и домом этим предстояло воспользоваться не мне, а Братанову, то я и позволил поэтому себе такую роскошь. Вечером в тот же день я был на лекции в штабе армии, куда поехал с капитаном Афанасьевым. Лекция была очень интересная по поводу защиты крепости Верден[472] на французском фронте, но она сильно затянулась, потом еще был ужин, так что я усталый вернулся только в 3 часа ночи.

8-го числа, в день Рождества Богородицы, у меня в новом помещении отслужено было молебствие, на которое я пригласил весь штаб и Богодуховский отряд. Приехали случайно и две сестры из Гродненского отряда 8 дивизии. После молебствия отпраздновали новоселье, был подан чай, вино, фрукты.

9-го числа я посетил 26-й полк, подробно осмотрел строившиеся землянки, обошел полк и уехал под очень хорошим впечатлением.

В этот день была смена на позиции, и я отдал по сему поводу следующий приказ:

«9 сентября 1916 г. 16 час. 20 мин.

Приказ штаба дивизии

д. Юревичи

1. Противник продолжает занимать укрепленную позицию по западному берегу р. Сервечь, причем установлено, что в районе Карчева расположен 21-й германский ландверный полк, в районе г дв. Тугановичи – 63 пехот. австрийский полк, в районе д. Подгайная – 51-й пехотный австрийский полк, в районе Треугольной роши – 404 германский пехотный полк.

2. Правее нас на позиции 3-я Сибирская стрелковая дивизия, левее – 55 пехотная дивизия.

3. Вверенной мне дивизии приказано: а) оборонять позиции до от д. Рукавчицы включительно до ф. Дробыши включительно, б) продолжать усиленные поиски и огневые нападения, в) энергично продолжать работы по усилению и совершенствованию занимаемых позиций и по устройству передовых плацдармов у ф. Трацевичи и против д. Бытковщина и тылового от левого нашего фланга до ф. Трацевичи.

4. Приказываю:

а) Правый боевой участок –
полковник Соболевский:
28-й Сибирский стр. полк – 4 б-на,
5-я и 6-я батареи 7-й Сибирской
стрелковой артиллерийской бригады
12 орудий.
Пулеметная команда Кольта №116
4 пулемета
2-й саперной роты 5-й Сибирский са-
перный б-н. – I взвод.
ИТОГО: 4 б-на, пулеметов 19, ору-
дий 12, саперов 1 взвод.

а) Упорно оборонять уча-
сток от д. Рукавчицы вклю-
чающий до дороги: Руда-
ши – Тугановичи держать
прочную связь, направо
с частями 8-й Сибирской
стрелковой дивизии, на-
лево – с 25-м Сибирским
стрелковым полком.

б) Левый боевой участок –
Полковник Кондра:
25-й Сибирского стрелковый полк
4 б-на.
1-я и 2-я батареи 7-й Сибирской
стрелковой артиллерийской брига-
ды – 12 орудий.
Пулеметная команда Кольта №117 –
4 пулеметов.

в) Дивизионный резерв –
Полковник Романов:
26-й Сибирский стрелковый полк – 4
б-на.
2-й саперной роты 5-го Сибирского
саперного б-на – 2 взвода.
Итого: 4 б-на, саперов 2 взвода.

б) Упорно оборонять уча-
сток от дороги: Рудаши
– Тугановичи до ф. Дро-
быши включит., держать
прочную связь направо
с 28 Сибирским стрелко-
вым полком и налево – с
частями 55 пех. дивизии.

в) Оставаться в северной
части Полонецкого леса.

5. 27-му Сибирскому стрелковому полку оставаться в корпусном резерве: два батальона в д. Далматовщина и два – в ф. Негниче-Рофалово. Со штабом корпуса иметь телефонную связь.

6. Начальникам боевых участков продолжать усиленные и огневые нападения с целью захвата пленных и тревожения противника; энергично продолжать работы по усилению и совершенствованию занимаемых позиций, а в 25-м полку, кроме того, и по устройству передовых и тылового плацдармов. В отношении работ руководствоваться моими приказами №№ 74 и 80.

7. Связь по указанию начальника штаба дивизии.

8. Срочные донесения представлять ежедневно: а) оперативные к 12 час. и 15 часам, б) по разведке к 8 час. в) о потерях к 17 часам, г) сводка наблюдений за сутки к 11 часам.

9. Приказом по 3-му Сибирскому армейскому корпусу № 148 для борьбы с неприятельской артиллерией на участке временно вверенной мне дивизии образована левая группа батарей в составе: 1-й и 3-й батарей 6-го Отдельного тяжелого дивизиона и 3-го и 4-го батарей

7-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады под начальством командующего этой бригадой.

10. Начальнику группы поставлена задача — подавлять огонь неприятельских батарей, непрерывно следить за обнаруженными уже батареями и наблюдать за появлением новых.

11. Для корректирования стрельбы и наблюдения группе придается станция № 1 20-й воздухоплавательной роты, расположенная у ф. Бурлаковщина. Для этой же цели могут быть использованы и самолеты, для чего начальнику группы обращаться к инспектору артиллерии корпуса[473].

12. Все поименованные батареи группы, когда они не заняты борьбой с артиллерией противника обязаны по требованию начальников боевых участков выполнять боевые задачи, указанные в приказе корпусу № 129 и объявленные в приказе дивизии № 69 пункт 6.

13. Общее руководство борьбой с неприятельской артиллерией и согласование действий групп, образованных на участках 8-й и 7-й Сибирских стрелковых дивизий возложено на инспектора артиллерии корпуса.

14. Начальнику группы ежедневно к 13 и 18 часам доставлять инспектору артиллерии корпуса сведения о ведении стрельбы и результатах ее. Кроме того в 13 часовом донесении сообщать о всех наблюдениях и вновь открытых батареях, точно указывая их места, какие батареи вели по ним огонь и кем корректировалась стрельба.

15. Впредь до возвращения из отпуска командующего 7-й Сибирской стрелковой бригадой полковника Степанцова во временное командование группой вступить полковнику Штедингу[474].

16. Боевые функции командира бригады над четырьмя батареями 7-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, остающимися в ведении начальников боевых участков, возлагаю на командиров дивизионов по принадлежности. Впредь же до возвращения командующего

артиллерийской бригадой 1-й и 2-й батареями командовать командиру 1-й батареи подполковнику Буржинскому[\[475\]](#).

17. Командирам дивизионов оперативные донесения представлять непосредственно в штаб дивизии ежедневно к 12 и 17 часам и о потерях к 17 часам.

18. Тыловым учреждениям оставаться: головному парку в Полонцеком лесу. Передовому перевязочному отряду, дезинфекционному отряду и 10 Военно-Санитарному транспорту в д. Юревичи и в лесу севернее этой деревни; 1 лазарету – в ф. Гусаки, 2 лазарету – в д. Мал. Недзвятка, обозам 2 разряда 25 и 27 полков и артиллерийской бригады в д. Мал. Жуховичи, 26 и 28 полков в Бол. Жуховичи; дивизионному обозу в д. Оюцевичи; 55-му передовому отряду Красного Креста в ф. Мал. Жуховичи.

19. Ближайший головной этап – м. Мир.

20. Заместители: генерал-майор Панафутин, полковники Степанцов и Кондра».

10-го сентября я посетил сапер, осмотрел у них строящиеся на зиму землянки и очень остался всем доволен, проехал оттуда в 25 полк. В это время немцы открыли небывалую пальбу из тяжелых орудий, снаряды пролетали над головой в тыл. Потом оказалось, что они стреляли по дер. Серафимовичи, где у нас стояли обозы и по дороге из этой деревни в Юревичи – расположение нашего штаба. Первый раз они стреляли на такое дальнее расстояние и произвели порядочную панику среди обозов. К счастью, потери были незначительны.

В 25 полку я осматривал блиндажи в резервах и для той же цели заехал и в 28 полк.

11-го сентября поехал верхом в Долматовщизну к обедне в 27 полк, осмотрел строящиеся землянки и остался очень недоволен, приказал прекратить работы, найдя землянки и непрочными, и темными. Снесся оттуда же с командиром саперной роты, приказав отрядить сапер для руководства работами. Обедал я в Елисаветинском отряде, где,

как всегда, приняли меня более чем радушно. Вернувшись к себе, переоделся и в 6 час. отправился в своей двуколке в штаб 33 корпуса на лекцию. Было очень интересно, а главное я рад был повидать многих своих соседей – боевых товарищей и поговорить с ними. После лекции был чудный ужин.

12 сентября рано утром, часов в 6, я поехал в дер. Бол. Жуховичи, где я назначил сбор всех цинготных легкой формы для отправки их в санаторий Оюцевичи. К моему удивлению, застал только команду 28-го полка, остальные не собрались. Пришлось вызывать по телефону командиров полков, наговорить им неприятностей. Только к 11 час. собрались все команды. Сказав несколько слов наставления цинготным больным, которых со всей дивизии собралось 220 человек и дав надлежащие указания офицеру, командированному мною с ними, я уехал.

После доклада вечером поехал в 32-й полк к командиру полка Костяеву по делу о награждении его Георгиевским оружием и оттуда, поблизости, заехал в Гродненский лазарет.

13-го числа у меня был ряд неприятностей. Приехал командир 28-го полка и доложил, что у него пропал один стрелок без вести с винтовкой, кроме того из 1-й батареи пропал бомбардир. При этом он мне сказал, что это 2-й случай у него, что 13 августа тоже таким же образом пропал стрелок. Сомнений не было – ушли к немцам. Меня это страшно расстроило, за время моего командования дивизией это было первый раз, т. к. случай 13 августа мне не был доложен, Воскресенский от меня скрыл, я настроил по этому поводу ряд приказов и донесений. На другой день был пойман немец-перебежчик, который рассказал, что они узнали, какие части стоят перед ними от одного перебежчика, перебежавшего к ним накануне.

Весь день я ходил сам не свой, только за всеобщей по случаю накануне Воздвижения я немного отошел. Всеобщую я слушал в перевязочной передовом отряде, где было очень красиво устроена походная церковь, причем весь иконостас был убран очень красиво живыми цветами, которые они достали из оранжерей князя Радзивилла,

чудом уцелевших. 14-го я был там же у обедни, потом проехал в Туркестанскую казачью дивизию, куда меня пригласил начальник дивизии [\[476\]](#) смотреть джигитовку. Было очень интересно, чего только эти молодцы казаки не выделывали, по временам было жутко смотреть.

Во второй половине сентября стало плохо с продовольствием, стали отпускать только постное масло, сена вместо 12 фунт. на лошадь – 5 фун. и т. д. С одеждой тоже не легче; пришла бумага, что шинелей отпустят всего на $\frac{1}{4}$ состава, шаровар и рубах на $\frac{3}{4}$, сапог на $\frac{1}{3}$ и что окончат выдачу только к февралю будущего года. Все это меня приводило по временам в отчаяние, всю надежду я возлагал на дорогих москвичей, что они не забудут меня своими подарками.

Трудно было при этом и с офицерством, состав коих все ухудшался. Эти скороспелые прапорщики без воспитания и образования были чистое горе, а их между тем присылали все больше и больше.

Но все же работа у меня шла сравнительно хорошо. С Афанасьевым было легко работать, он никогда ничего не скрывал от меня, тогда как Воскресенский, как выяснилось уже после его ухода, из всех поступавших бумаг и донесений докладывал мне $\frac{1}{3}$ и скрывал от меня зачастую разные происшествия в полках. Кроме того и командиры полков не всегда доносили о пропавших без вести, из коих большая часть были перебежавшие к немцам и меньшая в тыл. Этих всех они накапливали к моменту боя и показывали убитыми в сражении. Я все меры употреблял, чтобы искоренить это явление и чтобы заставить всегда говорить только правду, ничего не скрывая, но в 7-й дивизии, как оказалось, это вошло в правило и было поощряемо начальником дивизии Братановым, поэтому мне было очень трудно бороться с этим злом, все же кое-что в этом направлении мне удалось сделать. 16-го сентября неожиданно в расположении дивизии приехал командующий армией генерал Рагоза. Как только из 27 полка мне сообщили об этом, я тотчас выехал туда и застал Рагозу на тактическом учении 4-го батальона.

Результат этого посещения я изложил командиру корпуса в полевой записке:

В это же время мне было приказано составить мои соображения относительно наступления частей командуемой мной дивизии на Кутовщинский лес для поддержки общего наступления 3-го Сибирского корпуса с целью овладения Новоселковским лесом с высотами севернее его. При этом у меня возник ряд вопросов, которые я считал крайне важными для успеха дела, особенно меня тревожил вопрос о количестве снарядов, я находил, что число снарядов в сутки по 100 снарядов на легкие и по 50-ти на тяжелое орудие крайне недостаточно, а кроме того опять возник большой вопрос о порядке подчиненности артиллерии.

Опять по-видимому склонны были повторить ошибку Нарочских боев, когда главный неуспех произошел от обособленности артиллерии. Это конечно не могло не вызвать во мне тревоги и я, составив свои соображения, приводимые ниже, одновременно обратился к командиру корпуса со следующим рапортом:

Соображения же мои относительно наступления частей 7-й Сибирской стрелковой дивизии на Кутовщинский лес были следующие:

Задача дивизии

Директивой командарма-4 14 сентября № 1313 3-му Сибирскому армейскому корпусу поставлена задача выбить противника из рощи восточнее Грездичи и овладеть Новоселковским лесом с высотами севернее его.

Одновременно с этим приказано для содействия правофланговым частям 35-го корпуса вести наступление на Кутовщинский лес. Эта задача возложена на части 7-й Сибирской стрелковой дивизии.

Силы

а) Пехота.

При решении поставленной задачи дивизия может рассчитывать только на свои силы, два полка дивизии занимают позицию, из которых

левофланговый, на который и возложено будет наступление на Кутовщинский лес, занимает свой участок 2-мя батальонами, имея 2 батальона в полковом резерве. Один полк дивизии находится в дивизионном резерве и один в корпусном.

Для выполнения поставленной задачи полагаю возможным назначить 5 батальонов: 2 батальона полкового резерва левофлангового участка и 3 батальона полка дивизионного резерва.

б) Артиллерия. На участке дивизии на позициях находятся:

7-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады – 6 батарей = 36 легких орудий

3-го Сибирского мортирного дивизиона – 1-я и 3-я батареи = 8 гаубиц.

6-го Отдельного тяжелого дивизиона 1-я и 3-я батареи = 8 6-ти дюймовых орудий.

Всего: 36 легких орудий, 8 – 48-ми линейных гаубиц и 8 – 6-ти дюймовых.

Непосредственное участие в выполнении поставленной дивизии задачи – наступление на Кутовщинский лес – примут участие 1-я, 2-я, 3-я и 4-я легкие батареи, 3-я батарея 3-го Сибирского мортирного дивизиона и 3-я батарея 6-го Отдельного тяжелого дивизиона.

Остальные батареи назначаются для содействия наступлению и будут иметь задачами:

5-я легкая батарея будет обстреливать позицию противника против своего участка на правом фланге дивизии.

6-я легкая батарея будет обстреливать участок позиции противника у д. Карчева, для чего она займет новую позицию, более выдвинутую вперед.

1-я батарея 3-го Сибирского мортирного дивизиона назначается для борьбы с артиллерией противника и обстреливания целей на участке севернее д. Тугановичи.

1-я батарея 6-го Отдельного тяжелого дивизиона по имеющимся сведениям переходит на участок 8-й Сибирской стрелковой дивизии и поэтому рассчитывать на нее не могу.

Число снарядов

По предположениям батареи будут снабжены следующим числом снарядов на орудие на сутки:

легкое – 100;

48-ми линейное – 50;

6-ти дюймовое – 50;

Имея в виду сильную демонстрацию с нашей стороны, полагаю, что число снарядов необходимо будет увеличить, как мною донесено было рапортом 16 сего сентября № 193 (Секретно).

Выполнение задачи

Выполнить поставленную задачу наступления на Кутовщинский лес полагаю следующим образом:

1. Наступление на Кутовщинский лес вести в направлениях на высоту 85,8 и песчаные бугры против д. Бытковщины.

Последнее направление считаю более важным: захватить высоту 85,8 необходимо только для того, чтобы парализовать фланкирование подступов к буграм впереди д. Бытковщина, захват же этих бугров с выходом на Кирпичный завод вдоль долины р. Сервечь дает возможность войти в непосредственную связь с частями 55-й пехотной дивизии.

Для первого удара назначаю два батальона полкового резерва от полка, занимающего левый боевой участок. Для атаки высоты 85,8 предположено назначить две роты, первоначальной целью которых будет захват этого отрога и удерживание его в своих руках, насколько это потребуется общим положением дела на участке.

Для наступления на бугры против д. Бытковщины предположено назначить 6 рот; эти роты должны будут наступать на бугры, охватывая их с юга.

Роты, назначенные для наступления, для исходного положения должны будут занять передовой Дробутевский плацдарм и мокрый севернее его.

Для поддержки этих 2-х батальонов и развития удара из дивизионного резерва будут выдвинуты 3 батальона, из которых один займет щели за первой линией окопов на крайнем левом фланге участка; другой батальон расположится в убежищах и землянках участкового резерва за левым флангом близ дороги на Городище и третий батальон будет переведен в лес «Семерка». Четвертый батальон дивизионного резерва остается на своем месте, как последний резерв дивизии.

Время перехода в наступление и момент атаки будут определены успешным действием артиллерии, которая должна подготовить атаку, пробив необходимые проходы и разрушив блиндажи пулеметов и т. д., но при этом необходимо иметь в виду, что на позиции противника по условиям освещения представляется выгодным до 16 часов, после этого солнце, садясь за горизонт, настолько слепит наступающего, что представит крайнее затруднение для движения, ведения огня и для управления, равным образом наблюдения с артиллерийских наблюдательных пунктов почти парализуется; после 18 часов снова лучи видно, но в настоящее время так быстро начинает темнеть, что около 18 час. 45 мин. наступают уже густые сумерки. Поэтому полагаю, что вообще желательно атаку начать или рано утром, или днем до 16 часов, когда освещение в нашу пользу и в глаз противнику.

2. Задача артиллерии. Для успешности атаки считаю необходимым сделать не менее 4-х проходов, как указано на схеме.

Для пробивания проходов назначаются 1-я и 3-я легкие батареи; 3-я батарея должна будет выдвинута для этого вперед. 2-я легкая батарея назначается для обстрела высоты 85,8, с целью попытаться взорвать предполагающиеся перед проволокой фугасы.

4-я легкая батарея для флангового обстрела атакуемого участка.

3-я батарея 3-го Сибирского мортирного дивизиона назначается для борьбы с артиллерией противника и для стрельбы по другим целям у д. Карчева и кирпичного сарая.

3-я батарея 6-го Отдельного тяжелого дивизиона для стрельбы по выс. 85, 8, песчаным буграм и Кирпичному заводу.

Совместное действие с частями 55-й дивизии

Действия частей 7-й Сибирской стрелковой дивизии будут вестись в полной связи с действиями частей 55-й пехотной дивизии, с начальником которой лично переговорил по этому вопросу.

Близ стыка обоих дивизий в резерве 55 дивизии будет находиться целый полк, который в случае успеха у них или у нас будет двинут в направлении дороги на Городище, имея целью содействовать захвату леса «Австралия» и содействовать продвижению наших частей вдоль р. Сервечь.

Приложение: схема 250 саженей в дюйме.

Вр. командующий дивизией Свиты его величества,
генерал-майор Джунковский

Вр. и. д. начальник штаба

Генерального штаба капитан Афанасьев».

Этому наступлению, к сожалению, не суждено было осуществиться, и вся наша подготовка к оному оказались впустую.

Почему последовала отмена, я не знаю, т. к. скоро по представлении мною соображений, я покинул 7-ю дивизию, думаю, что это вызвано было распоряжением из ставки от Верховного командования о переформировании полков действующей армии из 4-х батальонного в 3-х батальонный состав, почему нашли несвоевременным всякие наступления.

18-го сентября я решил сделать опыт с миной Семенова на позиции у песчаного бугра, занятого немцами, близ Цирина. Я уже говорил

об этой мине, представлявшей из себя длинную узкую коробку, в виде лыжи, начиненную 1½ пуда динамита.

Назначение ее было для устройства проходов в проволочных заграждениях, для этого сначала надо было прикрепить кошку к колу немецкого проволочного заграждения и затем стальным тросом тянуть, отчего мина сама начинала ползти и подойдя под проволоку, ударившись о приспособление при кошке, взрывалась с невероятной силой. Пробу я назначил в 12 часов ночи на 19-е число, в случае удачи я наметил тотчас после взрывов (их предполагалось два) обрушиться тяжелыми снарядами на песчаный бугор из 2-х батарей, а легкими устроить заградительный огонь между буграми и треугольной рощей.

Приехав на место, я уселся на горке над наблюдательным пунктом. Темень была страшная. К сожалению, опыты не увенчались успехом. Одна мина взорвалась, как только ее стали заряжать, но взорвались только пироксилиновые шашки, динамит, к счастью, остался цел, а то бы катастрофа была бы ужасная, от взрыва шашек ранило только саперного унтер-офицера в лицо и ногу. Другая мина дошла до проволоки и остановилась, не взорвавшись, причину установить нельзя было. Это было ужасно досадно, тогда я все же, не желая оставить немцев в покое, приказал 2 тяжелым батареям открыть огонь по бугру, а легким – одной по границе бугра и леска, другой по проволоке по тому месту, где остановилась мина, с целью попасть в нее и взорвать. В тоже время прожекторной роте я приказал освещать бугор и слепить глаза немцам, чтобы они не могли уловить места наших батарей. Картина была величественная, особенно когда по всему фронту стали вспыхивать пускаемые ракеты, как с нашей, так и с немецкой стороны под оглушительный гул снарядов и разрывов их. В мину к сожалению не попали и она осталась под проволокой немцев.

У немцев переполох произошел страшный, они думали, что мы будем наступать и стянули все резервы к бугру. Это нам сказал перебежчик-румын, перебежавший к нам на другой день из австрийского полка.

Около 3-х часов ночи я вернулся к себе весьма недовольный неудачей с минами. На другое утро потребовал объяснения от командира саперной роты. Оказалось, что саперы ни разу не произвели ни одного опыта с этими минами, меня это взорвало – командир роты обязан мне был это доложить, когда я сделал распоряжение о взрыве проволочного заграждения немцев этими минами, я бы тогда отложил свое намерение, пока они не изучат эту мину и не произведут пробу в тылу. Я нашел, что командир роты отнесся чересчур легкомысленно, эти мины с таким количеством динамита были крайне опасны в неумелых руках.

Опасаясь, как бы немцы не воспользовались неразорвавшейся миной, приказал саперам взорвать ее каким угодно способом, а опыты с миной произвести в ближайшие дни в поле.

На другой день вечером саперы отправилась к месту, где оставлена была мина. В течении всего дня было установлено наблюдение за этим местом из окопов и наведен был к этому месту пулемет, дабы не допустить немцев взять мину. Я очень волновался, как-то удастся саперам выполнить возложенную на них задачу, ведь мина была под носом у немцев и она могла взорваться от малейшего сотрясения при подходе к ней.

Я сидел у себя и томительно ждал результата. Около 2-х часов ночи раздался страшный взрыв и у меня даже в Юревичах в доме зазвенели стекла, а между тем до взрыва было 5 верст. Тотчас по телефону сообщили, что все обошлось благополучно. Немцы от этого взрыва очевидно ошалели и стали беспорядочно палить из всех своих пулеметов. Я приказал двум батареям открыть по ним огонь. В эту же ночь 26-й полк произвел удачную разведку, зайдя немецким постам в тыл, уничтожив один пост, а другой забравши в плен.

Вторую половину сентября я провел все время в постоянных разъездах, посещая окопы и объезжая батареи, резервы и тыловые учреждения. В большинстве случаев выносил весьма отрадное впечатление; но бывали и изумительные случаи добродушного

отсутствия дисциплины, если так можно выразиться, среди стариков нестроевых, попавших на войну прямо от сохи.

Привожу мои два приказа, как результаты моих объездов:

Переход дивизии в Быкевичи

26-го сентября пришло приказание удлинить боевой участок моей дивизии на 4 версты, поэтому пришлось несколько изменить расположение дивизии и отдать для сего следующий приказ:

1-го октября я ездил в 8-ю дивизию на полковой праздник 31-го полка, опять как в 29-м полку мне была устроена целая овация и я сидел за завтраком все время как на иголках, боясь как бы эти овации не вылились опять в демонстрацию по адресу начальника дивизии, хотя я и успел принять соответствующие меры во избежание повторения того, что было в 29-м полку. Все, слава Богу, окончилось хорошо, после завтрака, когда я стал прощаться, меня офицерство хотя и вынесло на руках к автомобилю, но одновременно другая часть вынесла и начальника дивизии. Мы уехали одновременно и потому овации по нашему адресу были общие.

2 октября я присутствовал на спектакле в 28-м полку, где нижними чинами прекрасно поставлена была оперетка на украинском языке, было красиво, интересно, играли с большим подъемом, затем был еще маленький водевиль, полный юмора. Привожу программу:

Программа

любительского спектакля, устраиваемого учениками

музыкантской команды 28-го Сибирского стрелкового полка.

2 октября 1916 г. д. Долматовщина

Начало в 18 час.

Представлено будет:

1. Хор под управл. ст. унт. оф. Похилого[\[482\]](#).
2. «Сватання на гончарівці» – Українська оперета на 3 дії.

Сочинение Г. Основьяненко[\[483\]](#).

ДІЄВІ ЛЮДЕ:

- 1) Прокіп Шкурат (обітатель з за Лопаші) Лежанский
- 2) Одерка (его жінка) Русенко
- 3) Уляна (дочка (їх) Бычковский
- 4) Олексій (крепа) Иваненко
- 5) Павло Кандзюба (обітатель з за Харківка) Арбуз
- 6) Стецько (сын его) Резников
- 7) Осіп Скорык (отставній москаль) Баумштейн
- 8) Тиміш (обітатель з Заїківкі) Жура

3. «Рыцарь индустрии» водевиль в I действии.

Сочинение А. Аверченко[\[484\]](#)

Действующие лица:

Цацкин (представитель разных фирм) Баумштейн

Хозяин дома Иваненко

Декоратор – Капустин

Суфлер – Сахаров

Режиссер – Сахаров[\[485\]](#)

4 октября получена была телеграмма от генерала Братанова, что он возвращается в дивизию – это было большим разочарованием для командира корпуса Трофимова, который не особенно долюбивал его и надеялся, что я останусь начальником 7-й дивизии. Для меня лично тоже известие о возвращении Братанова было немного неприятно – т. к. я очень свыкся с 7-й дивизией и чувствовал себя в ней полным хозяином, и в душе своей конечно надеялся остаться командовать ею на законном основании. С приездом же Братанова мне предстояло вернуться к роли бригадного командира, правда в родную мне 8-ю дивизию, но знал, что это ненадолго, т. к. я был аттестован на получение дивизии

вне очереди и мне могли каждый день предложить дивизию, но какую, в этом был весь вопрос.

5 октября, в день праздника штаба 8-й дивизии, я ездил в Турец, куда штаб недавно перешел. Меня встретили радостно, все выражали удовольствие, что я возвращаюсь к ним. Начальник штаба произнес по моему адресу очень теплую речь. Редько также, приветствуя мое возвращение. За обедом подали депешу от моей сестры, которая вызвала бурю восторга, когда Редько, прочитав ее, предложил тост за ее здоровье.

Последние дни моего пребывания в 7-й дивизии были очень трогательны тем вниманием, которое все старались мне проявить. Я объехал все полки, и батареи, и некоторые тыловые учреждения дивизии, прощаясь с ними везде я чувствовал искреннее сожаление по поводу моего оставления дивизии.

6-го вечером Богодуховский отряд давал мне прощальный ужин, а 7-го числа, когда я пришел в обычное для ужина время в 8 часов в столовую штаба, то застал там всех начальников частей дивизии, врачей и сестер Елисаветинского и Богодуховского отрядов. Вся столовая была разукрашена, стол весь в цветах, это чины штаба устроили совершенно неожиданно для меня прощальный ужин. Было все так просто, искренно, сердечно, я был совершенно растроган. Оживление было полное, масса была речей неказенных, чувствовалась неподдельная искренность. Командир артиллерийской бригады, которому больше всех влетало от меня, т. к. я всегда бывал очень требователен к артиллерии, в своем тосте очень хорошо выразил мне благодарность за то, что я их ругал и ругал всегда за дело, что они очень ценили, т. к. видели в этом, что я принимал их недочеты близко к сердцу и не оставался к ним равнодушным. Только в три часа ночи разошлись, немцы к счастью не тревожили нас в этот день, на фронте была полная тишина.

На другой день ждали генерала Братанова, но он приехал только в 3 часа ночи на 9-ое октября. Накануне его приезда 8-го я отдал по дивизии следующий прощальный приказ:

Мое возвращение в 8-ю дивизию

Братанов был поражен своим новым помещением – чудным домом, который я ему выстроил в Юревичах, рано утром 9-го числа мы обошли с ним все расположение штаба, я ознакомил его со всеми делами дивизии, по-видимому он остался очень доволен всем, что я ему оставил в наследство и даже, при всей своей сухости, поблагодарил меня. В 9½ часов утра, напутствуемый им и всеми чинами штаба, я выехал верхом в свою родную 8-ю дивизию в Турец.

По дороге я заехал к командиру корпуса генералу Трофимову явиться по случаю сдачи дивизии и представил ему нижеследующий рапорт:

«Рапорт командиру 3-го Сибирского армейского корпуса.

Уезжая сего числа к месту постоянного моего служения и сдав командование дивизией ее начальнику генерал-лейтенанту Братанову, долгом почитаю донести, что работы по укреплению позиций 7-й Сибирской стрелковой дивизии в настоящее время находятся в следующем состоянии:

1) Дробышевский плацдарм.

Первая линия одета за исключением на двух флангах по 150 шагов, бойницы выложены во всей одетой части, а козырьками перекрыто около 350 шагов ($\frac{1}{3}$ всей линии).

Вторая линия только открыта с устройством траверса, за отсутствием материала не открыта вовсе. К этим двум линиям ведут два хода сообщения: правый закончен, сделан почти весь из мешков, остальная часть из дерева, мешков пошло 160000 (стоимость 96000 руб.), левый только начат, вырыто около 70 шагов и начата в дальнейшем выкладка мешками (осталось выложить мешками еще около версты, на что потребуется около 150000 мешков).

Впереди плацдарма установлен один ряд проволоки в 4 кола, примыкающий к проволоке 55-й дивизии слева и к проволоке впереди Трацевичского плацдарма вправо. Из 4-х кольев два заплетены по всему

участку, а два еще в работе, оплетение должно быть окончено в 10-дневный срок.

Считаю совершенно необходимым довести до конца левый ход сообщения (три месяца), в первой линии докончить одежду (необходимо около 2000 досок, когда они будут, работа будет окончена в недельный срок) и козырьки (необходимо толстые доски около 2000, когда они будут, то работа займет дней 12) и во второй линии одеть крутости (когда будут доски около 10 000, то можно закончить в течение месяца).

2) Трацевичский плацдарм – весь оборудован, осталось одеть 150 шагов, доски имеются, и будет закончен через 5 дней. Проволока имеется, но для усиления предназначен еще один ряд в 4 кола – продолжение проволоки от Дробышевского плацдарма, работа эта будет делаться попутно и не задержит.

3) Тыловой плацдарм – открыта одна линия, но не одета. Необходимо одеть, весь обваливается, досок надо около 80000 и при наличии их работы не менее месяца – шести недель. Признаю эту работу крайне необходимой, без второй линии обойтись невозможно без большого ущерба для обороны и наступления.

4) Вторая линия первой полосы левого участка от 55-й дивизии до Рудаши. Земляные работы закончены, но все обваливается за неимением материала (досок), проволока частями. Полагал бы не задаваясь неисполнимым эту линию оставить, т. к. вторая полоса доходит местами совсем близко.

Желательным казалось бы устройство опорных пунктов: на левом фланге на стыке с 55-й дивизией, за Трацевичским плацдармом, за Митропольщиной и за Рудашами.

Но принимая во внимание, что справиться с этой работой совершенно непосильно, полагал бы ограничиться устройством укрепленных узлов на левом и правом флангах второй линии первой полосы левого боевого участка дивизии. С работой таких двух укрепленных узлов справиться было бы возможно, но и это потребует много материала и займет около 3-х месяцев.

5) Вторая линия первой полосы правого боевого участка от Рудашей до Цирина.

Земляные работы еще не закончены, остался участок от Рудашей до Тарасевичи, докончить предположено в течение месяца. Все осыпается, поэтому обязательно одеть весь участок, но на это потребуется от 20 до 25 тысяч. Чтобы одеть всю полосу, потребуется при наличии материала 1½ месяца.

6) Вторая линия первой полосы правого боевого участка от Цирина до госп. дв. Осташин II. Земляные работы еще не сделаны на новом участке от Рукавчицы до Осташин II, а на всем участке линия не одета. Потребуется ввиду большого протяжения от 35 до 40 тысяч досок и при их наличии, считаю одновременно земляные работы и одежду крутостей потребуется около 2½ месяцев.

7) На правом боевом участке конечно было бы желательным устройство опорных пунктов за Тарасевичами, за Красным, за Цириным, за Рукавчицами и за госп. дв. Осташин II. Но задаваться этим было бы непосильным и труд оказался бы непроизводительным, т. к. справиться с этой работой нельзя было бы. Поэтому считаю, что на этом участке надо было бы ограничиться тем укрепленным узлом, который уже устроен у Цирина, несколько развить его в стороны и вглубь, а у госп. дв. Осташин II приспособить к обороне имеющиеся здания впереди окопов.

Из всего вышеизложенного видно, что все работы, мною намеченные, можно было бы докончить к февралю месяцу, но при получении 200000 досок и непрерывной усиленной работе.

Если б это удалось, то к февралю месяцу задача по приведению укрепленной полосы в хорошее состояние было бы выполнена.

Донося обо всем этом по долгу совести, должен доложить о выдающейся работе не за страх, а за совесть командира 2-й саперной роты капитана Арефьева и гг. офицеров роты, которые с исключительной добросовестностью выполняли все приказания и поручения по укреплению и усовершенствованию позиций дивизии.

Свиты его величества, генерал-майор Джунковский».

Трофимов меня принял очень любезно, наговорив мне кучу самых лестных слов по поводу командования мною 7-й дивизией и благодарил за все сделанное для дивизии, а на другой день отдал в приказе по корпусу следующее:

«Эвакуированный по болезни начальник 7-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенант Братанов телеграммой за № 8979 донес, что он сего числа к дивизии прибыл и вступил в исполнение своей должности. В виду сего временно-командовавшему 7-й Сибирской стрелковой дивизией, Свиты его величества генерал-майору Джунковскому предписываю возвратиться к месту своего постоянного служения.

Считаю своим нравственным долгом от лица службы искренно благодарить генерал-майора Джунковского за отличное во всех отношениях командование 7-й Сибирской стрелковой дивизией в течение двух слишком месяцев, а также – за тщательную проверку денежной отчетности в частях дивизии, в целях правильного и полного отчисления экономических сбережений в «Фонд на ведение настоящей войны» и за принятые меры к приведению в порядок запущенной отчетности штаба 7-й Сибирской стрелковой дивизии».

От корпусного командира я проехал прямо в 8-ю дивизию и явился к Редько, который меня принял также как и весь штаб трогательно и радушно. Я очень хорошо устроился в прекрасной комнате, отведенной мне в одном из домов штаба.

На другой же день я вступил в обязанности бригадного командира, а 11-го и 12-го числа уже обходил окопы 8-й дивизии, знакомясь с ними, и сразу наткнулся на большие неполадки в 32-м полку, что мне было крайне неприятно. По дороге в окопы, я подъехал к месту расположения резервной роты, меня встретил батальонный командир; я спросил его, где ротный командир, он ответил, что вся рота на учебной стрельбе в передовых окопах и ротный с ними. Я стал тогда обходить все землянки, вернее конуры, и к моему удивлению нашел людей роты,

они вовсе не были на стрельбе. Приказал им выйти и построиться. Батальонный командир был очень озадачен и стал оправдываться, что он предположил, что рота ушла на занятия, т. к. ротного командира, который жил с ним в одной землянке, не было дома. Тогда я стал доискиваться, где ротный командир? Старший офицер роты доложил, что он ушел в передовую линию. Проверив стрелков роты, я не досчитался 35 человек, где они? Офицер указать не мог.

Меня это все очень расстроило. В окопах я нашел все в порядке. Вернувшись к себе, я доложил Редько, он отнесся хорошо и предоставил мне дальнейшее. Произведя дознание, оказалось, что ротный командир уезжал в Турец, стрелки тоже где-то гуляли. Приказал ротного командира отрешить от командования ротой, батальонному командиру объявить выговор, а офицера роты за неправильный доклад посадить на 5 суток.

13 октября штаб дивизии переехал в Рапиова, помещение отвратительное, грязное, пришлось много труда положить, чтобы комнату, отведенную мне, сделать жилой.

В этот день получил из штаба корпуса радостное известие о разрешенном мне 3-х недельном отпуске, решил воспользоваться им с 27-го числа, после того, что окончу порученную мне генералом Редько разработку штата мирного времени в особой комиссии под моим председательством в составе командиров 31-го и 32-го полков, подполковника Антонова, штабс-капитана Малеева[\[487\]](#) и поручика Василенко. Мне удалось все окончить и представить начальнику дивизии 24 числа.

Отъезд генерала Алексеева из Ставки и замена его Гурко – его заместителем

В это время в Ставке произошла крупная перемена – заболел Алексеев и временным его заместителем назначен был генерал Гурко[\[488\]](#) – это был еще молодой генерал, годом моложе меня из Корпуса, но весьма способный, быстро схватывающий дела, определенно и ясно дававший

всегда указания, твердый и прямой. Это назначение, хотя и временное нельзя было не приветствовать.

Переформирование полков из 4-х батальонного состава в 3-х батальонный. Формирование новых дивизий.

Предложение мне принять на себя формирование 131-й дивизии и командование ею. Мой отъезд в отпуск и возвращение

В конце октября месяца, когда я собрался уже выехать в отпуск, последовало высочайшее повеление о переформировании всех полков действующей армии из 4-х батальонных в 3-х батальонный состав с тем, чтобы из четвертых батальонов полков образовать новые полки, соединив их в новые дивизии.

Вызвано это было желанием увеличить число боевых единиц и сделать полки и дивизии более подвижными и легче управляемыми, тем более, что и полки германской армии все были 3-х батальонного состава. На Западном фронте таких вновь формируемых дивизий предположено было шесть, они назначены были к формированию при штабах следующих армий: 2-й – 129-я пехотная дивизия, 3-й – 130-я, 4-й – 131-я, 10-й – 132-я и 133-я и при штабе Минского военного округа – 134-я. Формирование и командование 131-ой дивизией возложено было на меня. Меня это назначение мало порадовало, т. к. я не мог не сознавать всей трудности формирования дивизии, и я бы, конечно предпочел получить в командование одну из старых кадровых дивизий.

Меня успокаивала мысль, что полки 131-й дивизии подлежали формированию, главным образом, из четвертых батальонов родных мне полков 7-й и 8-й Сибирских дивизий, а потому состав дивизий не будет мне чужд, также как я не буду для них чужим. Одну минуту я думал, что мне не придется воспользоваться отпуском, но в штабе армии мне сказали, что я смело могу ехать, т. к. еще пройдет довольно времени до опубликования приказа о моем назначении и начала формирования.

Поэтому я и решил не откладывать своего отъезда в отпуск, но перед тем, как выехать, заехал в штаб армии, чтобы выяснить все вопросы, связанные с формированием дивизии, познакомился с намеченным на должность начальником штаба дивизии подполковником Станиславским[\[489\]](#), чтобы сговориться с ним по поводу первых распоряжений по формированию дивизии, в случае если бы я запоздал к началу их.

В последних числах октября я смог со спокойной душой выехать в отпуск, проехал прямо к своим в Петроград. Три недели прошли незаметно, часть времени я провел в Москве, посвятив большую часть времени моего пребывания там Практической академии коммерческих наук, о чем я уже писал выше.

12 ноября я получил депешу с фронта о состоявшемся приказе главнокомандующего армиями Западного фронта о назначении меня командующим 131-ой пехотной дивизией, а командира 17-го пехотного Архангельского полка полковника Буйвида[\[490\]](#) командующим бригадой этой дивизии.

17 ноября, по окончании срока моего отпуска, я выехал обратно на фронт. Грустно было расставаться со своими, но в то же время меня тянуло к новым моим обязанностям по формированию дивизии, мысль о том, как бы лучше и успешнее сформировать ее, меня увлекла и я, не зная совершенно своего бригадного командира Буйвида, тревожился как бы он не сделал на первых порах какой-нибудь ошибки или промаха.

По приезде в Минск, я явился к генералу Эверту, который, как всегда, был очень любезен. Также и в штабе фронта меня все приняли с особой предупредительностью. Утешительного по части формирования дивизии я узнал мало – об артиллерии, как оказалось еще и вопрос не поднимался, так что первое время дивизия будет без оной, материальная часть тоже далеко не полностью.

Полки, как оказалось, были уже сосредоточены в районе Койданово, нумерация полков 521-й, 522-й, 523-й и 524-й, в первом полку по батальону от 25-го и 26-го Сибирских стрелковых полков, во втором –

от 27-го и 28-го, в третьем – от 29-го и 30-го и в четвертом – от 31-го и 32-го. Третьи же батальоны составлены были из частей 7-й Туркестанской, 83-й и 5-й дивизий, так что $\frac{2}{3}$ дивизии составляли мои сибиряки. Эверт предоставил мне дать названия полкам, я просил наименовать их 521-м Байкальским, 522-м Ангарским, 523-м Ачинским и 524-м Канским. Я взял наименования сибирских городов – мест стоянок сибирских полков из состава коих формировалась моя новая дивизия.

Покончив все дела в Минске, я выехал по железной дороге до ст. Замирье, где меня ждала тройка, на которой я по убийственной дороге доехал до Рапиово, места расположения штаба 8-й дивизии, куда добрался только в 3 часа ночи, немцы в это время открыли оружейную стрельбу, освещая всю местность ракетами, как бы салютуя моему возвращению. Все конечно спали, я лег и встал в 8 часов. Ко мне пришел Редько, трогательно обнимал меня, затем пришли все чины штаба, радостно приветствовали. Редько в этот день уезжал на два дня для исполнения особого поручения, возложенного на него командующим 4-й армией, и я вступил на эти дни в командование дивизией.

В тот же день я получил от вступившего во временное командование 131-й дивизией бригадного командира Буйвида следующую депешу, осведомлявшую меня о местах расположения частей моей новой дивизии:

Мое прощание с 8-й дивизией

Все 19 ноября я просидел дома, только к вечеру отправился верхом к командиру корпуса генералу Трофимову, который меня встретил очень радушно. Заехав в Гродненский отряд, чтобы проститься с ним, я поужинал у персонала и вернулся около 11 вечера.

20 числа поехал к командующему армией Рагозе представиться по случаю получения 131-й дивизии. Он меня принял очень любезно, оставил обедать и заставил выслушать целую тираду хвалебных гимнов в мой адрес. Посла обеда я занимался с дежурным генералом [\[492\]](#) по части формирования моей новой дивизии, выясняя разные вопросы. Покончив с ним, поехал прощаться с персоналом в Пермский лазарет,

ужинал у них. Домой вернулся к 12 ночи, проделав половину пути на тройке, половину верхом.

21 и 22 ноября посвятил объезду полков и частей дивизии, прощаясь с ними. Эти поездки сопряжены были с большим трудом, т. к. дороги были убийственные, а расстояния огромные. Два полка 29-й и 30-й стояли на позиции, так что я мог повидать только и проститься с командирами полков и некоторыми офицерами. В 31-м же и 32-м полках, которые находились в резерве, я смог повидать всех. Полки были выстроены с музыкой, меня встречали Преображенским маршем, сменявшимся полковым. Я обошел полки, обращался к стрелкам с прощальным словом, затем обедал в офицерском собрании в том и другом полку.

Взволнованный, расстроенный я уезжал от них, сопровождаемый громкими криками: «Ура!»

В 31-м полку за обедом песенники пропели мне на прощание свою полковую песнь и сибирскую:

1. Полковая.

Из тайги, тайги дремучей
С Енисея от реки
Молчаливой грозной тучей
Шли на бой Сибиряки.
Ни усталости, ни страха
Бьются ночь и бьются день
Порыжелая папаха,
Лихо сбита набекрень.
Нас сурово воспитала
Енисейская тайга,
Волны грозного Байкала,
Да Сибирские снега.
Енисей, река родная,
За тебя мы постоим
Волнам Вислы и Дуная
Твой привет передадим.
Немец нам совсем не страшный
Коль возьмемся за штыки

И пойдем в бой рукопашный
Мы на то Сибиряки.
Долго Немец не забудет
Про Сибирские войска
И раскаиваться будет
Что сваял он дурака.

2. Сибирская.

О славное море, священный Байкал
Прекрасный корабль – омулевая бочка.
Эй, Баргузин, пошевеливай вал.
Плыть молодцу недалечко.
Долго я звонкие цепи носил,
Долго скитался в горах Акатуя
Старый товарищ бежать пособил
Ожил я, волю почуя.
Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Зоркая стража меня не догнала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.
Шел я и ночь и средь белого дня,
Вкруг городов пробираясь зорко
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.
Смело я плыть на сосновом бревне,
Плыть чрез большие я реки пускался;
Мелкие речки встречались мне,
Вброд через них преправлялся.
У моря струсил немного беглец:
Берег крутой, а ведь нет и корыта
Шел я тайгой и дошел наконец
К бочке дресвою залитой.
Нечего думать, Бог счастья послал!
В этой посуде и бык не потонет,
Труса достанет и на судне вал,
Смелого в бочке не тронет.
Тесно в ней было житье омулям.

Бедные рыбки утешьтесь словами:
«Раз побывать в Акатуе бы вам,
В бочку полезли бы сами».
О, славное море – священный Байкал
Прекрасен и парус – армяк дыроватый.
Тучи собрались над морем святым,
Слышатся бури раскаты.

К командирам полков я обратился еще со следующими письмами:

23 ноября, в день моего отъезда к новому месту службы, в штабе дивизии мне устроили прощальный обед, меня трогательно провожали, Редько – начальник дивизии до слез меня тронул, я не мог не чувствовать, как он действительно, при всем своем сухом и сдержанном характере, был огорчен, что я покидаю его дивизию. Мне лично было очень тяжело расставаться с ним и всеми чинами штаба, с которыми я провел более года и так много пережил.

За обедом Редько вручил мне свой приказ по дивизии, посвященный моему уходу:

Отъезд мой в 131-ю дивизию и вступление в командование ею

Обед затянулся до 5 часов, путь предстоял далекий и по очень скверной дороге. Редько мне дал свой автомобиль и я, сопровождаемый трогательными пожеланиями, двинулся в путь. В новом своем штабе в м. Койданово я был в одиннадцатом часу вечера, меня уже перестали ждать, думая, что меня что-нибудь задержало.

Когда я подъехал к дому, занимаемому штабом, чины штаба находились еще в столовой, они только что отужинали.

Меня встретил дежурный офицер с рапортом, затем представился бригадный командир полковник Буйвид. В это время в столовой выстроились все чины штаба. В сопровождении бригадного, я вошел к ним и стал обходить всех, беседуя и расспрашивая каждого в отдельности о его службе, семейном положении т. д. Первое

впечатление было какое-то неприятное, мне показалось, что все как-то нехотя отвечали на мои вопросы, как-то сквозь зубы, кроме того в столовой меня поразил какой-то тяжелый специфический запах, я не мог понять, почему все казались какими-то смущенными. Потом все разъяснилось, на другой день, в разговоре с начальником штаба, оказалось, что меня ждали с 8-ми часов к обеду и т. к. большинство чинов штаба любители чеснока, то к обеду у них всегда подавался чеснок. В этот день в виду ожидаемого моего приезда решили это неудобным, не зная, переносу ли я чеснок или нет. Но прождав 2 часа, и видя, что я не еду, решили, что я приеду на другой день, и потребовали чеснока, которого любители и наелись. А тут как раз и я подъехал.

Они растерялись – и вот этим объясняется их смущение и то, что они, отвечая на мои вопросы, сдерживали дыхание, чтобы не дышать мне в лицо чесноком, а мне показалось, что они отвечали нехотя, сквозь зубы. Меня это очень позабавило, но я все-таки просил не подавать к столу чеснока, т. к. запаха его не выносил. Познакомившись со всеми чинами штаба, я прошел в свою комнату и так стало как-то жутко одиноко, все, начиная с бригадного, были для меня новые люди, ни с кем из них я не встречался, никого не знал. Мало-помалу я познакомился с ними, оказались все очень хорошими старательными офицерами.

Первый день я посвятил знакомству с начальником штаба и со всеми делами штаба, не вступая пока в должность. Начальником штаба был подполковник Станиславский, образцовый офицер Генерального штаба, скромный, благороднейший и весьма пунктуальный, исполнительный, работать с ним было одно удовольствие. Старшими адъютантами были по оперативной части Генерального штаба Фролов[\[493\]](#), по инспекторской Коптев[\[494\]](#) – это тоже были серьезные достойные работники. Начальником связи сначала был Шоттен[\[495\]](#), офицер несколько легкомысленный, но затем на эту должность я назначил поручика Богомолова[\[496\]](#), который оказался выдающимся во всех отношениях, я редко встречал такого добросовестнейшего работника и преданного делу. Интендант капитан Яковлев[\[497\]](#) и дивизионный врач

Рожалин[498] также были люди достойные полного уважения, особенно первый – это был честнейший и благороднейший человек.

25-го числа, я вступил в должность и отдал следующий приказ по 131-й пехотной дивизии:

§ 1.

«Сего числа я прибыл и вступил в командование вверенной мне дивизией.

Временно командующему полковнику Буйвиду, обратиться к исполнению своих прямых обязанностей, по должности командира бригады.

Основание: приказ главкозапа от 12-го ноября с.г. за № 952».

§ 2.

«С гордостью вступая в командование дивизией, составленной из доблестных рот боевых корпусов: родного мне 3-го Сибирского, 9-го и 31-го и, отдавая себе ясный отчет в серьезности и трудности по формированию дивизии, я отлично сознаю, что, выполнить эту, возложенную на меня задачу, я могу только опираясь на дружную самоотверженную работу моих ближайших сотрудников.

Вот к этой дружной совместной работе я и призываю всех чинов вверенной мне дивизии, дабы общими усилиями и с полным сознанием важности дела и верой в ее успех, создать на страх врагу крепкую сплоченную одним духом и, сознательно готовую на всякие жертвы и подвиги, дивизию.

С твердой верой в Бога и его помощь, и во славу нашего державного вождя и матушки России будем же работать не за страх, а за совесть».

В этот же день я пригласил к себе командиров полков, чтобы познакомиться с ними и побеседовать. С тремя из них я уже был знаком – это были офицеры из 7-ой и 8-ой Сибирских дивизий – полковники Стукалов[499] из 26-го Сибирского полка, Элерц[500] из 27-го и Гулидов из 30-го, и только один из 67-й пехотной дивизии полковник

Витковский[501] был для меня новым лицом, сначала он показался мне самым деловитым из всех командиров, но потом я должен был разочароваться в нем, т. к. он слишком много времени тратил на разные ненужные изобретения в ущерб делу.

Затем по опытности и выдающемуся благородству шел Гулидов. Элерц и Стукалов имели довольно крупные недостатки, свойственные характеру каждого и оставляли желать лучшего, но они все были люди безукоризненной честности, а для меня это было самое главное.

Так как две трети дивизии состояли из сибиряков, то я возбудил ходатайство перед главнокомандующим армиями Западного фронта о переименовании 131-й пехотной дивизии в 15-ю Сибирскую с наименованием полков 57-м, 58-м, 59-м и 60-м Сибирскими стрелковыми, послав дежурному генералу штаба фронта следующую депешу:

«Дежгензап. Командарм четвертой мне приказал представить соображения наименования полков формируемой мной дивизии. Представив свое мнение наименования Байкальским, Ангарским, Ачинским и Канским, я, с разрешения командарма, прошу не отказать в ходатайстве перед главкозапом о наименовании 131-й пехотной дивизии 15-й Сибирской стрелковой и полков 57-го, 58-го, 59-го и 60-го Сибирскими стрелковыми, так как в каждом полку по две трети сибирских стрелковых рот и только одна треть 3-й и 83-й дивизий.

В числе выделенных сибирских рот попало очень много кадровых офицеров и стрелков сибиряков и возвращение им названия сибирских стрелков несомненно способствовало укреплению духа части, так как именование сибирского стрелка составляет их гордость.

Позволяю себе ходатайствовать по бывшему примеру 25-го и 26-го Туркестанских стрелковых полков. 471.

Начдив-131 Джунковский».

Одновременно я написал и письмо вр. и. д. начальника штаба Верховного главнокомандующего генералу Гурко, прося поддержать мое

ходатайство, получил от него очень любезную депешу в ответ, что он рад будет оказать мне содействие.

И действительно, в январе месяце последовал Высочайший приказ о переименовании 131-й пехотной в 15-ю Сибирскую дивизию, что привело в восторг и офицеров и нижних чинов дивизии.

Георгиевский праздник

Т.к. 26 ноября был день празднования ордена Св. великомученика Георгия, то я распорядился собрать в Койданово представителей от частей дивизии – георгиевских кавалеров, с целью отпраздновать с ними родной им праздник. Георгиевских кавалеров в дивизии оказалось: офицеров – 21, нижних чинов до 1200.

Все распоряжения свои по этому поводу я изложил в следующем приказе:

В самый же день праздника, 26 ноября, я обратился к георгиевским кавалерам со следующим приветствием, изложенным в приказе за № 7.

Парад удался отлично, обед также, все остались довольны, это было первое торжество в дивизии и я рад был, что оно произвело на всех хорошее впечатление.

28 ноября я объявил в приказе по дивизии депеши, полученные мной в ответ на мои, посланные начальствующим лицам по случаю праздника:

«Счастлив объявить полкам вверенной мне дивизии нижеследующую, полученную мной сегодня высокомиловитую депешу от его императорского высочества великого князя Николая Николаевича:

Означенная депеша последовала в ответ на мою – посланную в день Георгиевского праздника:

В этот же день, по случаю Георгиевского праздника, мной были также посланы депеши георгиевским кавалерам: главнокомандующему, генерал-адъютанту Эверту, командующим армиями: 2-й – генералу от инфантерии Смирнову и 4-й – генералу от инфантерии – Рагозе, командиру 3-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанту

Трофимову и начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенанту Редько.

В ответ на эти депеши мной получены следующие ответы:

От генерал-адъютанта Эверта:

От генерал-лейтенанта Трофимова:

От генерал-лейтенанта Редько:

Начало моей деятельности по формированию дивизии

27-го числа я начал объезд полков, что было нелегко.

Полки были сильно раскинуты по деревням и потому более одного полка за день я объехать не мог. Автомобиля, полагавшегося начальнику дивизии, я в то время не получил и потому все объезды произвел верхом. При посещении 522-го полка пришлось сделать 46 верст. Все полки произвели на меня очень хорошее впечатление, к моему стыду люди от 30-го и 32-го Сибирских полков моей бывшей дивизии оказались хуже других, также и от двух туркестанских полков. Вообще части 3-го Сибирского корпуса побледнели, когда я увидел части 5-й и 83-й дивизии, выделивших по батальону в мою новую дивизию.

Я подробно знакомился с каждой ротой, и командой отдельно, одежда, а главное сапоги меня привели прямо в отчаяние, до того это было плохо. 40 % буквально были без сапог. В теплых вещах тоже был большой недостаток. Все это очень грустно, но я не унывал, надеясь на добрых людей, в которых недостатка у меня не было.

Мои сибиряки и офицеры и стрелки встречали меня восторженно, очень тронули меня, я чувствовал, что радость их видеть меня была искренняя.

К сожалению, радость свидания моего с моими сибиряками была несколько омрачена при проверке частей 32-го полка, прибывших на комплектование моей новой дивизии. Меня поразили неудовлетворительный вид людей, о чем я писал выше, а кроме того я обратил внимание, что и среди офицеров некоторых, которых я помнил

в 4-м батальоне полка не было налицо, а между тем части должны были выделять от себя четвертые батальоны целиком в полном составе. Оказалось, что Костяев – командир 32-го полка, известный очковтиратель передернул и перед отправкой ко мне на формирование дивизии выделил из 4-го батальона лучших стрелков и офицеров и оставив их у себя, заменив их худшими стрелками и офицерами из других батальонов. Меня это страшно возмутило, я телеграфировал Редько, но тот почему-то преклонялся перед Костяевым и не решился принять крутые меры, тогда я доложил командующему армией и на другой день сделал распоряжение отправить обратно в полк всех неправильно направленных ко мне, как офицеров, так и стрелков 32-й полк с тем, чтобы мне были присланы взамен их те, которых Костяев оставил у себя.

Окончив объезд полков, я первым делом распорядился постройкой землянок, чтобы можно было сосредоточить каждый полк в одном месте, а то при раскиданности сплотить полки не представлялось возможным. Я изложил это мое распоряжение в следующем приказе:

«С разрешения командующего армией к ведению землянок или приступить ныне же к возможно скорейшему сосредоточению частей полков путем возведения землянок или приспособления сараев там, где батальоны и роты слишком удалены друг от друга. Обратить внимание на удобное размещение гг. офицеров, для чего разрешаю в случаях, когда офицеры размещаются в избах, приспособить эти последние путем устройства полов, перегородок и т. д.

При этом командирам полков приступить к работам там, где это безусловно необходимо и с необходимой бережливостью средств; при внимательном и практичном отношении можно будет сберечь не одну сотню рублей. Желательно, чтобы к 18 декабря все работы были закончены.

Дивизионному врачу заботиться подысканием помещения для отряда Красного Креста, имеющего прибыть в скором времени, возможно удобном его размещении, а также составить соображения – насчет размещения двух лазаретов, перевязочного отряда с транспортом

и дезинфекционного отряда, имеющих прибыть к 1 января. Все свои соображения представить мне к 10-му сего декабря».

Для работ в мое распоряжение командирована была 88-я ополченская рабочая дружина, которая и расположилась в м. Койданово, где стоял штаб дивизии. Я был этому очень рад, т. к. я мог передать ей ряд работ, дабы не отвлекать на них строевые части дивизии.

Несколько дней после объезда полков я просидел у себя, занимался разрешением всевозможных вопросов и сложных, и мелочных, отнимавших у меня буквально все время. Помещение у меня было отличное; местный земский начальник Лилон[503] уступил мне в своем доме две чудные комнаты с отдельным входом, с полной обстановкой. В другой половине дома помещался он с женой и двумя детьми, вся семья была милая и любезная, штаб помещался рядом в другом доме, там же была и столовая, где я столовался со всеми чинами штаба. Мои вестовые помещались под моими комнатами. Лошади мои – на соседнем дворе, так что все было очень хорошо и удобно.

Много внимания с первых шагов моего командования пришлось уделить хозяйственной части, установить раз навсегда взаимодействующие отношения между частями дивизии и дивизионным интендантом, которые я и изложил в следующем моем приказе по дивизии от 29 ноября за № 14:

6-го декабря дивизия праздновала день тезоименитства государя, по этому поводу я отдал следующий приказ:

«6-го сего декабря в высокаторжественный день тезоименитства его императорского величества государя императора, приказываю, во всех полках дивизии, произвести церковные парады у ближайших, к штабам полков, церквей.

К богослужению выслать наряды по усмотрению командиров полков.

На церковных парадах присутствовать всем гг. офицерам свободным от службы.

Форма одежды – походная, при орденах.

В этот день нижним чинам выдать по фунту белого хлеба и приготовить улучшенную пищу».

В Койданово Московская ополченская дружина праздновала в этот день свой храмовый праздник. Приняв от нее церковный парад, я зашел к офицерам дружины в их столовую, закусил немного, выпил за их здоровье и вернулся к себе, т. к. в час дня у меня был обед по случаю тезоименитства государя, на который я пригласил кроме чинов штаба лиц местной администрации.

Поездка к командующему армией

Накануне этого дня я ездил к командующему 2-й армией в непосредственном ведении которого находилась моя дивизия. Набралось много вопросов по делу формирования и надо было их разрешить в штабе армии. Чтобы утром попасть в Несвиж, где находился штаб армии, надо было выехать с этапным поездом из Койданова в 11 часов вечера накануне. Поезд этот шел до Погорелец, откуда в 5-40 утра обратно, а мне надо было сойти в Замирье, не доезжая Погорелец. Чтобы не приехать ночью, я улегся спать в вагоне и вышел в Замирье на обратном пути поезда, в 7 часов утра. Доехав отлично по шоссе до Несвижа на высланном за мной автомобиле, я, около 9 часов, был у милейшего генерала Смирнова – командовавшего тогда 2-й армией, который меня встретил со свойственным ему радушием, напоил кофе, затем пригласил к обеду, подробно расспросил меня обо всем, одобрил все мои распоряжения и по-видимому остался всем доволен. Я очень тревожился, когда ехал к нему, т. к. мне казалось, что у меня формирование идет крайне медленно и ожидал, что мне может нагореть. Каково же было мое удивление, когда мне в штабе сказали, что моя дивизия первая по успеху формирования.

Посетив все отделы штаба армии, я выклянчил все, что только было возможно и, очень довольный результатами, уехал с 6-тичасовым поездом в Койданово, куда приехал в 9 ч. веч.

7 декабря я поехал в Минск к генералу Эверту и князю Туманову[508] (главному начальнику снабжения фронта) также по вопросам о формировании и снабжении дивизии, выехал на автомобиле в сильную метель. Сначала ехал хорошо, но на 18 версте мотор встал, сломалась пружина и соскочил магнит. Бились долго, но ничего сделать нельзя было, пришлось смириться. К счастью – мимо проезжал автомобиль с летчиками, которые меня и захватили, довезя до имения графа Чапского, где стоял штаб 2-й кавалерийской дивизии, которой командовал князь Трубецкой[509], бывший командир Конвоя.

Он сейчас же приказал двум уносам конной батареи[510] доставить автомобиль в Минск, а я, пообедав него, поехал туда же на его автомобиле, любезно мне предложенном. Приехав в Минск вместо 10 в 3 часа дня, сейчас же принялся всех объезжать, кого был нужно, был у Эверта, у князя Туманова, в Земском союзе и т. д. В результате получил 100 пудов керосина (люди сидели до этого с наступлением сумерек в темноте), 180 верст телеграфного кабеля, 70 телеграфных аппаратов – это все вдобавок к штатному, картофеля, овощей, сала, достал новый автомобиль, у главного священника сговорился насчет священников в полки и т. д. К 10 час. веч. все закончил и, удовлетворенный успехом, вернулся в Койданово.

Тревожные вести о здоровье брата

Все это время среди непрерывных забот по формированию дивизии, я был очень озабочен вестями о значительном ухудшении в состоянии здоровья моего брата и все время по телеграфу сносился с сестрой, выехавшей к нему в Тифлис, т. к. письма шли неимоверно долго. Мне ужасно было обидно, что я не мог быть около него, и я опасался дурного исхода. Мысль о нем не выходила у меня из головы и это значительно мешало мне работать.

Письмо В. П. Никольского

9 декабря я получил письмо от бывшего моего начальника штаба В. П. Никольского, в бытность мою командиром корпуса жандармов, которое привожу целиком, как характеризующее петроградскую жизнь того времени:

«22 часа 7-го декабря.

Дорогой мой и милый Владимир Федорович!

Только 5-го вернулся я из Одессы, на поездку куда пришлось потратить целую неделю. В Одессе я пробыл два дня, был у Эбелова[\[511\]](#), который с особой теплотой вспоминал о Вас, тот же Эбелов предъявил ко мне требование немедленно убрать из Екатеринослава полковника Терентьева[\[512\]](#); действительно, он оказался слаб/глуп, а по отношению к Эбелову (генерал-губернатору), еще и недисциплинирован.

Сегодня я его предназначил в Казань, на его место Федоренко[\[513\]](#), и в Саратов Тржецяка[\[514\]](#).

Сосновские[\[515\]](#), конечно, вспоминали о Вас, заставляли рассказывать, что я знал нового о Вас.

До этого пришлось выезжать на проверку охраны перед последним приездом сюда государя. Граф Татищев не захотел ехать, ему было лень, пришлось мне экстренно скакать. Таким образом я носился с 23-го ноября. Вернувшись, конечно, застал массу бумаг, с которыми теперь и приходится усиленно возиться. Вашей телеграммы я не получил совсем; по-видимому, Вы по ошибке адресовали свою телеграмму о получении 131-й дивизии и отъезде в Койданово «комкорпжанду», хотя Татищев и мало что из нее понял, но был страшно доволен получением ее и особенно тем, что в ней Вы «его обнимали».

Теперь поговорим о делах. Письма ваши я, как верный почтальон немедленно разослал. Сегодня говорил по телефону с Постовским[\[516\]](#). Он велел Вам передать, что в деле снабжения телефонным имуществом не только он, но даже и Милеант[\[517\]](#) совершенно бессильны помочь. Они все «отсылают на фронт, от которого все» и зависит. Там этим делом

ведает инженер (начальник инженеров фронта); его и надо просить; здесь теперь нельзя даже купить телефонов за наличные деньги.

Возвращаю Вам письмо Патона[518]. Подполковника Прокоповича[519] я буду числить кандидатом на Московское отделение, но только надо иметь в виду, что он является третьим по порядку: значит он получит просимое место не так уже скоро.

Насчет подарков организую к Рождеству, постараюсь для Вашей дивизии прислать побольше и то, что Вам понужнее. Карты прилагаю при сем, раньше никак не мог прислать, ибо сам отсутствовал; для того, чтобы проехать в Одессу теперь надо потратить 2½ дня; это целая мука. За эту поездку много наслышался про Румынский фронт. Конечно, мы пропустили время, но и румыны оказались подлецами.

Начать с того, что офицеры питают к нам явную ненависть и стараются высказать ее при всяком удобном случае; затем офицеры приклоняются перед немцами и презирают своих солдат, связи с которыми у них нет никакой. В итоге бегут они артистически и своим бегством только подводят нас. Туда мы направили массу войск, но из-за бездорожья сосредоточение происходит очень медленно. Туда уже проехал Рагоза со своим штабом, теперь едет Горбатовский[520], тоже со своим штабом[521]. К сожалению, наша стратегия, как всегда, опаздывает; румыны теперь никуда не годятся; они совершенно деморализованы и было бы правильнее отправить их прямо в тыл в Россию; офицеров совсем убрать, а вместо них послать наших офицеров и унтер-офицеров; тогда бы этот кадр в течение 2–3 месяцев создал бы прекрасные войска, оставаясь же на войне, они теперь только нас подводят (своим артистическим бегством).

Бедный Николаев[522] обыскал весь Петроград, чтобы отыскать Вам цепи; Вы знаете, как теперь все это трудно найти; но, молодец, у Андреевского[523] все-таки выцарапал, что Вам нужно.

Вчера празднование 6-го прошло очень скромно[524]. Протопопов[525] болеет официально и потому не мог быть на параде; парад принимал наш граф, который сиял как медный шар, ввиду своего

производства. Он лишен шталмейстерского звания, но зато теперь настоящий командир. Возвращаясь с парада, он, с чувством удовлетворения говорил мне, что в 48 лет он уже генерал-лейтенант и что он очень многих обогнал.

В дивизионе ничего не было по части закуски, но штаб решил в «Астории» устроить завтрак; пригласил графа, но он уклонился, сказав, между прочим, что «ведь без вина». Кроме чинов штаба был приглашен П. Н. Шабельский[526]. Всего оказалось 14 человек. Шабельский поднял бокал за Ваше здоровье; сказал несколько очень трогательных слов по Вашему адресу и просил быть выразителем перед Вами тех горячих чувств, которые испытывают все чины штаба, помятуя всегдашнее Ваше милое внимание к нам. Охотно передаю все это Вам.

Протопопов, по-прежнему, в итальянской забастовке[527] по отношению к России; пользуясь высокой поддержкой, он вначале мечтал было удержаться на том посту, за который держится с такой судорогой, но за последнее время, он, видимо, получил сведение о том, что не останется министром. Теперь, очевидно, все сводится к тому, чтобы показать, что он уходит не от Думы, а посему дело заключается только в некоторой выдержке, вернее – в промежутке времени. Кто будет протопоповским заместителем, положительно неизвестно; называют как наиболее вероятных А. Н. Веревкина[528] (товарищ министра юстиции); сегодня – Иславина[529] (Новгород). Затем опять заговорили об Ал. Нейдгарте[530]. Одним словом, по-прежнему, идет такая каша и неразбериха, что просто беда.

Жена и дети шлют Вам душевный привет. Маруся[531][532] все прихварывает, а дети здоровы и учатся. У меня опять поднакопилось столько работы, что я не успеваю с ней справляться, а время-то теперь как раз горячее.

Очень хорошо, дорогой Владимир Федорович, что Вы сообразили переделать свои войска в сибирских стрелков. Я надеюсь, что это пройдет в жизнь.

Ну, дорогой мой, будьте здоровы. Не надрывайтесь в работе, главное дайте себе достаточно сна, а то скоро подорветесь и никуда не будете годны. Пишите. Господь да сохранит Вас. Крепко обнимаю и целую.

Сердечно любящий и ценящий Вас В. Никольский».

Ограничение проживания в районе Действующей армии

10 декабря мне пришлось отдать следующий приказ по дивизии по поводу замеченного пребывания посторонних лиц, получивших пропуск для въезда в район армии, сверх разрешенного им срока:

«Начальник штаба армии Западного фронта[\[533\]](#) уведомил, что по его сведениям многие лица, в особенности жены офицеров и нижних чинов, получившие пропуск для въезда в район армий только на определенный срок, не более 7 дней, продолжают жить там сверх указанного срока, наштабап приказал отнюдь не допускать проживание указанных лиц сверх срока, на который дан пропуск. Наблюдение за сим, начальником этапно-хозяйственного отдела штаба 2-й армии[\[534\]](#)[\[535\]](#), возложено на этапных комендантов в подведомственных им районах.

Объявляя о таковом распоряжении штаба фронта полкам вверенной мне дивизии, со своей стороны ответственность за неисполнение сего в полках, возлагаю на командиров полков и предупреждаю, что все прибывающие в расположения полков жены офицеров и чиновников, должны обязательно иметь пропуск на срок, за моей подписью, а нижних чинов за подписью командира полка или начальника соответствующей части, пользующегося одинаковыми с ним правами».

Приказ государя

12 числа последовал следующий приказ государя армии и флоту по поводу предложения Германией начать переговоры о мире:

«Среди глубокого мира, более двух лет тому назад, Германия, втайне, издавна подготовлявшаяся к порабощению всех народов Европы,

внезапно напала на Россию и ее верную союзницу Францию, что вынудило Англию присоединиться к нам и принять участие в борьбе.

Проявленное Германией полное пренебрежение к основам международного права, выразившееся в нарушении нейтралитета Международного права, выразившееся в нарушении нейтралитета Бельгии и безжалостная жестокость германцев в отношении мирного населения в захваченных ими областях понемногу объединили против Германии и ее союзницы Австрии все Великие державы Европы.

Под натиском германских войск, до чрезвычайности сильных своими техническими средствами, Россия, равно как и Франция, вынуждены были в первый год войны уступить врагу часть своих пределов, но эта временная неудача не сломила духа ни наших верных союзников, ни в вас, доблестные войска мои.

А тем временем, путем напряжения всех сил государства, разница в наших и германских технических средствах постепенно сглаживалась.

Но еще задолго до этого времени, еще с осени минувшего 1915 года, враг наш уже не мог овладеть ни единой пядью Русской земли, а весной и летом текущего года испытал ряд жестоких поражений и перешел на всем нашем фронте от нападения к обороне.

Силы его видимо истощаются, а мощь России и ее доблестных союзников продолжает неуклонно расти.

Германия чувствует, что близок час ее окончательного поражения, близок час возмездия за все содеянные ею правонарушения и жестокости.

И вот, подобно тому, как во время превосходства в своих боевых силах над силами своих соседей, Германия внезапно объявила войну, так теперь, чувствуя свое ослабление, она внезапно предлагает объединившимся против нее в одно неразрывное целое союзным державам вступить в переговоры о мире.

Естественно желает она начать эти переговоры до полного выяснения степени ее слабости, до окончательной потери ее боеспособности. При этом она стремится для создания ложного представления о крепости

ее армий использовать свой временный успех над Румынией, не успевшей еще приобрести боевого опыта в современном ведении войны.

Но если Германия имела возможность объявить войну и напасть на Россию и ее союзницу Францию в наиболее неблагоприятное для них время, то ныне окрепшие за время войны союзницы, среди коих теперь находится могущественнейшая Англия и благородная Италия, в свою очередь, имеют возможность приступить к мирным переговорам в то время, которое они сочтут для себя благоприятным.

Время это еще не наступило. Враг еще не изгнан из захваченных им областей.

Достижение Россией созданных войною задач – обладание Царьградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей – еще не обеспечено.

ЗаклЮчить ныне мир, значило бы не использовать плодов несказанных трудов ваших, геройские русские войска и флот.

Труды эти, а тем более священная память погибших на полях доблестных сынов России, не допускает и мысли о мире до окончательной победы над врагом, дерзнувшим мыслить, что если от него зависело начать войну, то от него же зависит в любое время ее окончить.

Я не сомневаюсь, что всякий верный сын Святой Руси, как с оружием в руках вступивший в ряды славных моих войск, так равно и работающий внутри страны на усиление ее боевой мощи или творящий свой мирный труд, проникнут сознанием, что мир может быть дан врагу лишь после изгнания его из наших пределов, только тогда, когда окончательно сломленный, он даст нам и нашим верным союзникам прочные доказательства невозможности повторения предательского нападения и твердую уверенность, что самой силою вещей он вынужден будет к сохранению тех обязательств, которые он на себя примет по мирному договору.

Будем же непоколебимы в уверенности в нашей победе и Всевышний благословит наши знамена, покроет их вновь неувядаемой славой и дарует нам мир достойный ваших геройских подвигов, славные войска мои, мир, за который грядущие поколения будут благословлять вашу священную для них память.

Николай».

Поездка в расположение 3-го Сибирского корпуса

В пятнадцатых числах я совершил дальнюю поездку в расположение 3-го Сибирского корпуса, надо было повидать начальников 7-й и 8-й дивизий, чтобы лично попросить их дать мне опытных людей в дивизионный обоз и офицеров, так как перепиской это бы отняло слишком много времени. Выехал я на автомобиле в 7½ часов утра, до Столбцов дорога была хорошая, но затем поднялась метель, а дорога оказалась настолько разбитой, что пришлось употребить целых пять часов, чтобы доехать до Рапиово, места расположения штаба дивизии. Мне там страшно обрадовались и я был ужасно рад их всех повидать. К сожалению Редько оказался в отпуску, обязанности начальника дивизии исправлял новый начальник штаба генерал Койчев[536], которого я раньше не встречал. Он меня принял особенно предупредительно, наслышавшись обо мне от чинов штаба и положительно не знал, как меня ублажить. Все мои просьбы он исполнил, дал мне желательный мне кадр людей для обоза и я в 5 часов дня, довольный результатом, проехал в Турец в штаб корпуса. Это было всего в двух-трех верстах от Рапиова.

Застал у генерала Трофимова его жену, которая у него гостила. Трофимов меня не отпустил без ужина, пришлось остаться, жена его оказалась весьма разговорчивой дамой, она буквально никому не давала сказать ни слова, рассказывала много про иркутскую жизнь, откуда она только что приехала.

Поев и устроив все свои дела, я отправился в Гродненский лазарет, помещавшийся в Турце же и очень симпатично просидел у них

до 12 ночи, когда вернулся в Рапиово переночевать. На другой день на автомобиле же, по сугробам, проехал в 31-й полк к командиру полка, надо было мне от него получить в свою дивизию одного офицера, которого он охотно мне уступил. Проехав затем в дер. Луки в распоряжение 32-й полка, я повидал там поручика Боруна[\[537\]](#), который должен был перейти ко мне в штаб и священника о. Павла Мансуровского, назначенного ко мне в дивизию благочинным.

Затем по отчаянной опять дороге, проехал в 7-ю дивизию к Братанову, устроив с ним дела очень удачно. Он мне без всяких возражений предоставил выбрать из дивизионного его обоза любых людей. Оттуда я проехал в Елисаветинский госпиталь, где меня не ожидали и страшно радушно приняли. От них я направился в Пермский лазарет, но по дороге мой автомобиль въехал в топь, которую шофер не заметил, т. к. сверху она была примерзшая и покрыта снегом, под тяжестью автомобиля лед проломился. Пришлось идти за 2 версты в дер. Радунь. 30 стрелков 30-го полка быстро собрались мне помочь и мигом вытащили мой автомобиль. Пришлось сделать крюк, на что у меня ушло 3 часа. Приехав к пермцам, застал там штабс-капитана Коренца, назначенного ко мне командиром дивизионного обоза, который меня дожидался – я с ним списался перед тем, что заеду за ним, чтобы взять его с собой и отвезти к новому месту его служения.

От пермцев мы выехали в 9 часов вечера. До Столбцов ехать было хорошо, но затем мы, в темноте, сбились с дороги, в довершение всего сломалась в моторе пружина. На починку ушло три часа. Мы проплутали затем по снежным полям и только в 5 часов утра были в Койданове. Устал я порядком, но все же раньше чем лечь, прочел почту, среди которой было очень грустное и тревожное письмо от моей сестры из Тифлиса с описанием болезни моего брата, состояние здоровья которого все ухудшалось, припадки удушья учащались.

Описывая страдания брата, моя сестра трогательно отзывалась о доброте и заботах великого князя Николая Николаевича и великой княгини Анастасии Николаевны, проявляемых ими к моему

страдающему, сверх сил, брату. Прочитав все письма, я лег и долго не мог уснуть, но усталость все же взяла свое и я проснулся, когда было уже 12 часов дня.

В этот день мне было предоставлено дознание, произведенное, по моему приказанию, по поводу двух случаев поранений левых рук от взрыва капсюлей. Ознакомившись с ними, я отдал следующий приказ по дивизии.

«В течении двух последних недель, в полках вверенной мне дивизии, произошли два случая поранений левых рук от взрыва капсюлей ручных гранат. Сначала в 523-м, а затем в 521-м полку.

Очевидно воспитание нижних чинов оставляет желать еще многого, если, несмотря на постоянные напоминания, указания о недопустимости трогать капсюли, ковырять их, несмотря на ряд примеров поранений от неосторожного обращения с капсюлями, все же люди не могут отвыкнуть от этих дурных привычек. Переходя затем к этим двум более чем печальным случаям во вверенной мне дивизии, я не могу не обратить внимания, что случай, происшедший в 523-м полку, произошел в команде бомбометчиков и следовательно с нижним чином, который, казалось бы, должен был совершенно ясно понимать, насколько представляется опасным иметь в руках какой-то капсюль так случайно найденный. Между тем рядовой Макар Косовец[538], нашедший, по его словам, капсюль, воткнувший в паклю в углу одного сарая, вместо того чтобы пойти доложить взводному, берет капсюль, чтобы отнести его ему, идет в халупу к взводному и не сразу ему отдает, а говорит с другими нижними чинами, почему-то поворачивается и тут происходит взрыв. Картина неясная.

Все это свидетельствует о недостатке внутреннего порядка в роте и недостаточном надзоре со стороны командира взвода бомбометчиков ефрейтора Гордея Косогорова[539], которого смещаю с должности взводного и лишаю ефрейторского звания. Командующему 3-м батальоном капитану Иванову[540] объявляю выговор, а командира 6-й роты[541][542] арестовываю домашним арестом на трое суток,

с исполнением служебных обязанностей. Рядового Макара Косовца держать в роте и посылать на перевязку в околодок, учредив за ним надзор не фиктивный, а настоящий. Командиру полка распорядиться переводом его в другой батальон.

В 521-м полку случай с поранением кисти левой руки является более чем странным. Рядовой II роты Яков Лабызенков[543] по смене, вместе с караулом, пошел в дер. Камионку в место расквартирования роты, по дороге уже в дер. Камионке Лабызенков будто бы увидал на дороге трубочку, поднял ее и, придя домой, закурил. Курил из этой трубочки, по показанию свидетелей три дня, по показанию же его самого покурил только раз, а потом чубук этот у него «завалился в кармане» и на четвертый день он будто бы вспомнил о нем, вышел на двор и закурил, и вдруг, когда чубук этот находился у него не во рту, а в левой руке, то взорвался. Случай совершенно непонятный и не могущий не вызвать сомнений, между тем эвакуация означенного нижнего чина произошла необычайно быстро.

14-го с ним произошел этот случай, а 15-го с военно-санитарным поездом он был уже эвакуирован в тыл.

Не могу не поставить на вид командиру полка недостаточно серьезное отношение к такому случаю, а дивизионному врачу – допущенную им эвакуацию раненого вопреки всех правил и непринятые им сразу необходимые меры для воспрепятствования эвакуации.

Командиру 2-го батальона, полковнику Попову[544], объявляю выговор, за отсутствие внутреннего порядка в роте его батальона, отсутствие надзора – три дня носит рядовой Лабызенков какой-то чубук, товарищи его это видят, а что делают отделенный и взводный?

Командующего ротой прапорщика Заболотского[545] отрешаю от командования ротой, взводного старшего унтер-офицера Якова Алексеенко[546] переименовываю в младшие и приказываю отнять у него взвод, а отделенного младшего унтер-офицера Казакова[547] смещаю в рядовые. Отдав распоряжение о возвращении в полк эвакуированного

рядового Якова Лабызенкова, приказываю командиру полка перевести его в другой батальон и отдать под надзор ближайшего начальства.

На будущее время приказываю командирам полков и начальникам частей дивизии, в подобных случаях немедленно доносить мне по телефону, а врачам доносить дивизионному врачу, на ответственность которого возлагаю, чтобы таковые раненые не эвакуировались».

В тот же день я отдал и другой приказ о результате осмотра лошадей полков дивизии:

«Объявляю полкам вверенной мне дивизии результаты осмотра лошадей произведенного по моему приказанию ветеринарным врачом дивизионного обоза:

521-й пехотный полк. Лошади размещены в 2-х сараях. В одном из сараев крыша требует ремонта. В остальных отношениях сараи вполне удовлетворительны. Чистка лошадей удовлетворительная. Кована большая часть на переда, ковка удовлетворительная, но следует приступить к постепенной перековке.

Кузнецов имеется 4 человека. Лошади частью в удовлетворительных, частью в худых телах; последнее обстоятельство объясняется тем, что лошади усиленно работают и еще недостаточно втянулись в работу.

В хороших телах и порядке лошади пулеметной команды.

Ветеринарный фельдшер военного времени Иван Молотков^[548] временно назначен исполнять обязанности ветеринарного фельдшера.

Ветеринарное снаряжение полку выдано.

Больных лошадей в полку 10 простудных болезнями.

522-й пехотный полк. Лошади размещены в имении «Негорелое» в скотных дворах; помещение удовлетворительное. Чистка лошадей удовлетворительная. Кованы лошади большею частью лишь на переда. Необходимо приступить к постепенной перековке лошадей с более старой ковкой. Тела удовлетворительны. В хорошем порядке и телах найдены лошади пулеметной команды, которые размещены в другом имении и в соседней с имением деревне. Кузнецов имеется 9 человек.

Ветеринарным фельдшером в полку назначен младший ветеринарный фельдшер Николай Диденко[\[549\]](#), переведенный в 131 дивизию из 9 паркового артиллерийского дивизиона.

Ветеринарное снаряжение полку выдано.

Среди лошадей полка много простудных заболеваний. Лошади были простужены во время приема из конского запаса и в дороге.

Больных лошадей 20, из них простудных 18, внутренних 1 и подозрительных на сап. 1.

523-й пехотный полк. Приблизительно половина лошадей полка размещена в имении Рудицы в 2-х скотных дворах. Крыша одного двора требует исправления. Лошади в имении имеют подстилку и содержатся хорошо. Чистка удовлетворительная. Другая часть лошадей размещена по дворам у крестьян в дер. Волк. Здесь условия содержания лошадей благоприятны. Кованы лошади на переда. Кузнецов 7 человек, из них 2 кузнеца прошли курс учебной кузницы.

Исполнять обязанности ветеринарного фельдшера временно назначен ветеринарный фельдшер военного времени Александр Беднарский[\[550\]](#).

Ветеринарное снаряжение полку выдано.

Больных лошадей в полку 20, из них простудными болезнями 16, внутренними 1, мытом 2 и по подозрению на сап. 1.

524-й пехотный полк. Лошади размещены частью в скотных дворах в имении Старинки, частью в сараях около деревни Петрашевичи. Скотные дворы вполне удовлетворяют своему назначению, что же касается сараев, то в них необходимо заделать щели в стенах. Чистка лошадей удовлетворительная. Лошади частью в хороших, частью в удовлетворительных телах. Кованы лошади на переда, а те лошади, которые употребляются в работу, кованы и на задние ноги. Кузнецов в полку 6 человек.

Ветеринарным фельдшером в полк назначен Иван Малянович[\[551\]](#), переведенный в 131-ю дивизию из 17-го военного транспорта 4-го обозного батальона.

Ветеринарное снаряжение полку выдано.

Больных лошадей в полку – 12, из них внутренними болезнями – 2, наружными 2, мытом – 3 и зачесом – 5.

Ввиду изложенного приказываю:

- 1) Устранить немедленно дефекты в помещениях, указанные выше.
- 2) Во избежание заболевания лошадей мокрецами и гниением стрелок, необходимо, чтобы помещения содержались возможно чище и суше, для чего, в случае отсутствия подстилки, тщательно вычищать навоз и посыпать пол песком.
- 3) Свободных от работы лошадей, днем в хорошую погоду, держать на коновязях на открытом воздухе.
- 4) В достаточно теплых помещениях, каковыми являются в полках конюшни и скотные дворы, не укрывать лошадей попонами.
- 5) Следить, чтобы попоны были сухими.
- 6) Разгоряченных после езды лошадей – поводить, и только тогда ставить в помещения и укрывать сухими попонами.
- 7) Обратить особое внимание на тщательную чистку лошадей, для чего необходимо каждому уборщику иметь щетку и скребницу (из конского запаса получен 1 комплект на 4 лошади).
- 8) Втягивать лошадей в работу по возможности постепенно.
- 9) Сейчас же перековать лошадей на переды и подковать тех, которые употребляются для работы, на зады (менее нуждаются в этом монгольские лошади).
- 10) Замечено ветеринарным врачом, что некоторые лошади поедают веревочные поводья и нижние чины тогда заменяют их проволокой, что недопустимо, приказываю в таких случаях заменять веревки цепями.
- 11) Так как зерновым фуражом наравне с овсом служит и ячмень, то ни в коем случае не следует смешивать овса с ячменем вместе, а давать или овес, или ячмень, например, утром давать ячмень, а вечером овес.

При кормлении ячменем необходимо поить лошадей за 2 часа (в крайнем случае за 1 час) до дачи ячменя».

Предложение великого князя Николая Николаевича поста генерал-губернатора занятых турецких областей

17-го числа я получил зашифрованную депешу от великого князя наместника на Кавказе, которую, при всем своем желании расшифровать я не мог, ни один из шифров, имевшихся у меня, не подходил. Пришлось просить разрешения командующего армией проехать в Минск в штаб фронта для разбора депеши. Получив разрешение, я выехал 18 числа.

В этот самый день, перед самым моим отъездом в Минск, за обедом мне подали зашифрованную депешу в несколько слов из Петрограда от Никольского, начальника штаба корпуса жандармов; лично расшифровав ее, я прочел: «Гришка сегодня убит. Никольский».

Взволнованный, я поделился содержанием этой депеши с чинами штаба. Она вызвала общий восторг, который я разделить не мог. Все удивленно на меня смотрели, наконец, один из чинов штаба, кажется комендант Герасимович^[552], обратился ко мне: «Ваше превосходительство, почему Вы не разделяете нашего восторга?» Я ответил: «Это начало конца!» Меня просили объяснить, что я этим хочу сказать. Я сказал, что дело не в личности Распутина, а дело в том, что такие явления, как распутиниада вообще были возможны и убийство его не гарантирует от появления новых распутиных. Что касается самого факта убийства, то этим самым участники его поставили точки над «і» и еще более скомпрометировали престол. «Убийцы, – прибавил я, – сыграли в руку революции».

Когда через несколько дней я узнал подробности и ту обстановку, при которой было совершено это убийство, то почувствовал какую-то безразличность по отношению к «героям» этого «подвига» и никак не мог разделить того восторга, который многие выказывали перед делом рук убийцы. Я не мог поэтому не написать княгине Юсуповой^[553] письмо полного соболезнования в участии ее сына в этом деле^[554].

По приезде в Минск оказалось, что депеша была зашифрована особым шифром, служившим для обмена депеш между главнокомандующими, содержание ее было следующее:

«Желаете принять должность генерал-губернатора турецких областей. Ценя Вашу работу, рассчитываю плодотворность Вашей деятельности, телеграфируйте 3703. Генерал-адъютант Николай».

Такое неожиданное и столь лестное для меня предложение великого князя сильно взволновало и растрогало меня до глубины души. Принять его я не считал себя вправе, т. к. покинуть дивизию в самый разгар ее формирования мне казалось невозможным, в то же время отказывать великому князю было мне очень мучительно.

Я отправился с депешей к Эверту, который, прочитав ее, спросил меня: «Неужели Вы согласитесь?» Я ответил, что мне бы очень не хотелось покидать формируемую мною дивизию и вообще покидать Западный фронт, где я чувствую себя так хорошо и идти на неизвестное и совсем для меня новое, но что мне очень тяжело отказывать великому князю, что я боюсь, как бы он не счел это неблагодарностью с моей стороны. Эверт отрицал последнее и стал меня убеждать не уклоняться от пути, по которому я шел и не покидать строя, вообще, и Западного фронта, в частности, где я себя зарекомендовал с такой хорошей стороны и где дальнейшая дорога мне открыта.

Поблагодарив очень Эверта и растроганный его участием, я решил уже в душе отказаться от лестного предложения, но для большей уверенности в принятом решении послал еще две депеши шифром двум лицам, мнение коих я считал очень ценным. Это были – Никольский, бывший у меня начальником штаба Корпуса жандармов и князь Трубецкой, бывший командир Конвоя, а в то же время начальник 2-й кавалерийской дивизии. Первый мне ответил, что отказываться от должности генерал-губернатора завоеванных турецких областей не следует, но, конечно, я должен просить отложить это назначение до окончания начатого мною формирования дивизии, второй же советовал не идти в эту авантюру, как он называл это назначение.

Получив очень скоро по телеграфу эти два мнения, я переночевал в Минске и утром пришел к окончательному решению отклонить от себя это назначение. Составив в этом смысле депешу и дав ее зашифровать в штабе фронта, я просил ее передать в Тифлис по прямому проводу. Содержание депеши было следующее:

Отправив депешу, я очень волновался — как-то великий князь отнесется к моему отказу, но на другой же день его высочество меня совершенно успокоил следующим ответом:

«Вполне понимаю Ваше решение, очень тронут выраженными Вами чувствами. Николай».

Я ответил на эти милостивые слова следующей депешей:

Вернувшись к себе совсем успокоенный, я с легким сердцем мог продолжать сложную работу формирования дивизии.

Привет Военно-исторического общества

У себя на столе я нашел любезное письмо генерала Цветаева[556] из Москвы с приветом Исторического общества по случаю полученной мной боевой награды. Такое внимание меня очень тронуло, и я ответил ему следующим письмом:

Снабжение дивизии

В этот же день я получил отрадное для меня известие — хлопоты мои увенчались успехом и на мою дивизию полностью были присланы сапоги, полушубки, валенки, новое обмундирование, белье, так что самое главное было сделано и дивизия была обута и одета, и я мог отдать по дивизии следующий приказ:

Приказ Эверта

В это время получено было известие, что немцы объявили об учреждении из временно занятых ими губерний Царства Польского

свободного государства[\[557\]](#), с конституционно-монархическим образом правления. По этому поводу главнокомандующим армиями Западного фронта Эвертом был издан следующий приказ:

«Изучая историю славянских народов, нельзя не обратить внимания, что на протяжении целых столетий самым злейшим и беспощадным врагом славян являлись немцы. Мы видим постоянное стремление их к покорению и порабощению малых и наиболее слабых членов славянской семьи, а затем настойчивое и жестокое уничтожение всего того, что составляет душу и совесть покоренного народа, для его обезличения и онемечения.

Роковую роль сыграли немцы и в судьбе Польши и польского народа. Не будучи в состоянии собственными силами справиться с поляками, король Фридрих Прусский в течение нескольких лет склонял своих соседей, доказывая им необходимость решения участи польского государства, и только благодаря этому, состоялся первый раздел Польши. Выдающиеся польские патриоты, ученые и писатели единогласно признают, что гибель Польши более всего нужна была именно Пруссии.

Не знающая границ жестокость, беспощадность и постоянное вероломство всегда являлись отличительными чертами характера этого кровавого врага славянства.

И теперь, когда немцы набросились на намеченную ими очередную жертву, стремясь раздавить и уничтожить слабую и маленькую Сербию, Россия, а за нею и все ее друзья и союзники выступили на защиту права и справедливости на защиту угнетаемых славянских народов.

С первых же дней войны, нами была поставлена на очередь задача освобождения польских земель, захваченных Австрией и Германией, и создания, под державным скипетром Государей Российских, на началах автономии, целокупной Польши, с предоставлением ей свободного строения своей национальности, культурной и хозяйственной жизни, при сохранении единой с Россией государственности.

Затянувшаяся война воспрепятствовала немедленному осуществлению этого твердого и неизменного решения. Этим

обстоятельством воспользовались, с присущим им вероломством, наши исконные враги — немцы и 23 октября с.г. объявили об учреждении из временно занятых ими губерний царства Польского свободного государства, с конституционно-монархическим образом правления.

Преследуемые ими расчеты и планы вполне ясны.

С одной стороны — они надеялись, смутив поляков, создать для нас внутренние затруднения и осложнения, а главным образом, с другой, — привлечь их на свою сторону.

Зачем же понадобились немцам поляки, какая тайная цель их шага, возмущившего грубым нарушением международного права и обычаев весь мир?

Вот в этом и сказалось их постоянное коварство: они рассчитывают, поссорив поляков с Россией и ее союзниками и, заручившись их доверием, навсегда закрепить за собой захваченные ими ранее польские земли, а вместе с тем, под видом создания польской армии, произвести набор поляков в ряды своих войск, чтобы бросить их затем с оружием в руках на своих освободителей, на своих сыновей, братьев и отцов. Об этом откровенно заявляют немецкие депутаты в речах, произносимых в законодательных учреждениях, это же подтверждают и все немецкие газеты.

Таким образом, немцы вновь налагают свою тяжелую руку на Польшу, в чаянии сокрушить ее мечту светлой будущности, и притом в такое время, когда мечта эта уже близка к осуществлению.

Мало того, что они толкают поляков на братоубийственную войну, немцы пытаются склонить их на клятвопреступление и совершение самого гнусного деяния — измены. Ибо, чем иным, как не изменой и нарушением присяги, данной на кресте и Св. Евангелии на верность царю и Родине, явилось бы поступление, или переход поляков в немецкие или созданные неприятелем польские войска.

Само собой разумеется, что, помимо несмываемого позора и презрения таких лиц, по изгнании врага из пределов государства,

ожидало бы и заслуженное ими суровое наказание, так как имена их, равно и место прописки известны. Теперь же во время войны при захвате их на поле брани, не могло бы быть и не будет к ним иного отношения, как к презренным изменникам и бунтовщикам, с оружием в руках восставших против своего монарха и государства.

Вот что, под видом заботы о благе Польши, готовят для поляков немцы.

Все это лишний раз свидетельствует, что наш враг для достижения своих целей не останавливается ни перед какими средствами, не щадя и не признавая ничего святого.

Мы должны всегда это помнить.

Не будем забывать и того, что немецкий проект образования Польского государства из временно захваченных наших губерний служит также показателем тяжелого внутреннего положения наших врагов, усугубляемого еще почти полным недостатком людей для пополнения убыли в их армии.

А это означает, что день нашей полной победы и их неизбежного поражения – приближается.

Приказ этот прочесть во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах».

Кончина моего брата

Перед самыми праздниками Рождества я получил из Тифлиса печальное известие о кончине моего брата. Хотя я и был подготовлен к такому концу, получая все время неутешительные вести об его тяжелой болезни, все же я как-то не ожидал, что это произойдет так скоро. Очень я был огорчен его кончиной, в его лице я потерял не только горячо любимого брата, но и друга.

После кончины моего брата осталась вдова и сын, студент Петроградского политехнического института и т. к. у нас было большое место на Смоленском кладбище в Петрограде, где были похоронены

и мои родители, то решено было перевезти тело брата для погребения в семейном склепе.

Великий князь и все сослуживцы моего брата по Тифлису трогательно отнеслись к его кончине, а экзарх Грузии[\[558\]](#) предоставил свой специальный вагон-церковь для перевезения тела брата.

Я решил проехать в Москву ко времени привоза туда тела брата и проводить его до Петрограда, на что и получил согласие от командующего армией[\[559\]](#), разрешившего мне 2-х недельный отпуск.

Включение моей дивизии в состав Гренадерского корпуса

В ожидании известия о времени прибытия тела в Москву, я усиленно объезжал части моей дивизии, торопя с формированием, т. к. ходили уже слухи, что нашу дивизию скоро двинут и как бы в подтверждение этого пришло распоряжение о включении ее в состав Гренадерского корпуса.

Распоряжение мое о праздновании Рождества Христова

По случаю предстоящих праздников Рождества я отдал по дивизии следующий приказ:

«На предстоящих праздниках Рождества Христова обязательно во всех полках обратить особое внимание на удовлетворение духовных нужд гг. офицеров и нижних чинов. В тех полках, у коих еще не прибыли священники, пригласить местных сельских священников, или из других полков полковых священников, но чтобы обязательно молебствия были отслужены во всех местах расположения частей полков, чтобы все без исключения нижние чины имели возможность присутствовать на молебствии, помолиться как следует и приложиться к Св. Кресту и Евангелию. Где возможно послать командами в церковь».

Письмо от тюремного инспектора о подарках посланных каторжниками

Перед самым праздником я получил следующее письмо от Московского тюремного инспектора Захарова[\[560\]](#), глубоко меня тронувшее:

Мой новогодний приказ

27-го декабря, я выехал через Минск на Москву, оставив начальнику штаба следующий мой приказ для опубликования его накануне Нового года:

Поездка на похороны брата

28-го я уже был в Москве, а 29-го встречал, на Курском вокзале, тело моего дорогого брата. В вагоне церкви удивительно красивой и уютной стоял гроб весь в зелени и цветах, отслужена была панихида, после чего вагон был передан на Николаевский вокзал для отправления в Петроград. Семья брата, моя сестра и я сопровождали его.

31-го на Смоленском его похоронили после заупокойной обедни и отпевания в том же вагоне-церкви.

1917

Мое возвращение в дивизию

В Петрограде я пробыл недолго, получив депешу от своего заместителя, что мою дивизию перебрасывали в район Гренадерского корпуса. Это меня страшно встревожило, т. к. дивизия не была еще окончательно сформирована и потому я поспешил выехать пятью днями раньше срока, успев за свое краткое пребывание в Москве и Петрограде заказать Земскому союзу 200 комплектов парной интендантской упряжи для дивизионного обоза дивизии и закупить 40 пудов лоскута кожи для починки сапог, послав депешу дивизионному интенданту для высылки приемщиков.

На обратном пути в Минске мне удалось испросить у Эверта отсрочку для переброски дивизии в район Гренадерского корпуса на два дня. 6-го января я вступил в командование и, в первый же день, был обрадован полученным известием о переименовании моей 131-й пехотной дивизии в 15-ю Сибирскую стрелковую и полков в 57-й, 58-й, 59-й и 60-й Сибирские стрелковые.

Я отдал об этом в приказе, написав следующее:

«Государю императору в 21 день декабря 1916 г. благоугодно было высочайше соизволить на присвоение вновь сформированной 131-й пехотной дивизии наименование 15-й Сибирской стрелковой дивизии и последующую нумерацию полков 57, 58, 59-го и 60.

Усмотрев в этом высочайшем повелении высокий знак монаршего внимания к полкам вверенной мне дивизии, сформированной, главным образом, из сибирских полков 3-го Сибирского армейского корпуса, я от всего сердца приветствую всех гг. офицеров и стрелков вверенной мне дивизии с новым дорогим для них наименованием. Я твердо уверен, что все чины дивизии от мала до велика приложат все свои силы и умение, чтобы доказать своей боевой работой, что они достойны оказанной им Высочайшей милости».

Это переименование привело в восторг как офицеров, так и нижних чинов, гордившихся званием стрелка и я получил от всех командиров полков депеши с выражением благодарности за оказанное мною в этом содействие.

В этот же день к моей дивизии придан был 135-й военно-санитарный транспорт, ввиду того, что дивизионный обоз еще не был окончательно сформирован.

7 января прибыл вновь назначенный начальник штаба полковник Суходольский^[563] и я, к моему большому сожалению должен был расстаться со Станиславским, которому надлежало вернуться к месту своего служения в Главное управление Генерального штаба.

Получив от них донесения о принятии и сдаче должности начальника штаба, я отдал 9 января следующий приказ по дивизии:

«Полковник Суходольский и подполковник Станиславский рапортами от 9 сего января за №№ 1607 и 1608 донесли, первый о принятии, а второй о сдаче им должности начальника штаба вверенной мне дивизии. Расставаясь ныне с подполковником Станиславским, я долгом посчитаю выразить ему от лица службы мою сердечную благодарность за отличное исполнение им обязанностей начальника штаба с самого начала формирования дивизии. На долю подполковника Станиславского выпала нелегкая задача по формированию штаба, – с этой очень сложной ответственной задачей подполковник Станиславский справился блестяще, и все это формирование свершилось быстро, незаметно, как бы само собой.

Несмотря на то, что вступая в и.д. начальника штаба дивизии он знал, что вступает в нее временно впредь до прибытия нового начальника штаба, подполковник Станиславский отдался порученному ему делу более чем добросовестно, отдавая ему все свои силы, вкладывая всю свою душу, – такое отношение к делу не могло не оказаться благотворным; приехав во вверенную мне дивизию и вступив в командование ею 23 ноября минувшего года, я уже застал штаб не только сформированным, но, что мне особенно бросилось в глаза, – это уже налаженная и дружная работа всех его чинов. В дальнейшем мое первое впечатление только подтвердилось, и я встретил в лице подполковника Станиславского ценного, дорогого мне помощника. Выражая Андрею Васильевичу чувство моего глубокого уважения за его выдающуюся преданность своему долгу, за его отеческое попечение о подчиненных ему чинах и за его всегда высокочестное правдивое отношение при всех возникавших вопросах, я прошу его принять мои самые задушевные пожелания счастья и удовлетворения в дальнейшей его службе по Генеральному штабу.

Счастливым путем Вам, дорогой Андрей Васильевич, и не забывайте молодую 15-ю Сибирскую дивизию, которая с признательностью будет помнить своего первого начальника штаба».

8 января получено было приказание главнокомандующего армиями Западного фронта 15-ой Сибирской дивизии к вечеру 9-го числа перейти в район Гренадерского корпуса. Дивизия моя считалась сформированной, хотя многого еще ей не доставало и это меня крайне заботило. Но делать было нечего. <...>[\[564\]](#)

Перед уходом дивизии из района Койдонова все стрелки получили подарки, присланные им в большом количестве.

Наибольшая часть была из Москвы, из других мест особенно трогательные подарки были из Вышнего Волочка от учеников реального училища, среди них между прочим перископы собственноручной работы.

12 января устроился со штабом в имении «Вольна» в помещичьей усадьбе.

Переход полки сделали отлично, несмотря на трудные условия и сильные морозы. Перед выступлением я объехал все четыре полка частью верхом, частью в автомобиле, напутствовал их благословив каждый полк иконой. Вслед за полком выступил походным порядком и я с некоторыми офицерами штаба, чтобы иметь возможность по два раза объехать и посетить все полки в походе.

Впечатление от бодрого вида полков было очень хорошее, отсталых были единицы. По прибытии на место стоянки я явился к командиру Гренадерского корпуса генералу Парскому[\[565\]](#), который чрезвычайно любезно меня принял, пригласил пообедать и сам познакомил меня со всем штабом. Парский произвел на меня впечатление очень хорошего человека, но не боевого, его любили за его снисходительность, но авторитетом он не пользовался, т. к. был далеко не самостоятелен и колебался в решениях. Ко мне относился он очень хорошо, но я бы предпочел иметь более строгого и обладающего большой энергией начальника. Он настолько был мало самостоятелен, что советовался иногда даже со своим денщиком, находя что у того много здравого

смысла. Помню, как я был поражен, когда он при мне как-то при разрешении какого-то вопроса (это было после переворота), позвал своего вестового, чтобы спросить его мнение. Объезжая полки своего корпуса, он любил говорить очень длинные речи, по содержанию может быть и очень хорошие, в чисто христианском духе, но не производившие впечатления и наводившие скуку.

При этом приезжая в какую-нибудь часть и желая обратиться к нижним чинам с речью, будучи небольшого роста, он требовал табуретку, вставал на нее и таким образом произносил свою речь, что выходило комично и не соответствующе званию корпусного командира. Почему он в таких случаях не приезжал верхом, что было бы несравненно приличнее, я не знаю.

Начальником штаба был Генерального штаба генерал Довгирд[\[566\]](#), человек знающий, да и в смысле энергии не далеко ушедший от своего начальника. Весь штаб производил впечатления какого-то патриархального учреждения, не подходившего к переживаемому времени и боевой обстановке.

Корпусной интендант[\[567\]](#)[\[568\]](#), фамилию его не помню, был человеком мало заботившимся о своем деле, чтобы добиться чего-либо от него, надо было испортить много крови, я всегда с ним препирался и не отставал от него, пока не получал требуемого. Мне помогало то, что со мной считались и я добивался своего, что выводило всегда дивизию из затруднительных положений, особенно по продовольственной части. Моя настойчивость и самостоятельность делали свое дело.

Я объяснил Парскому, в каком тяжелом положении находилась тогда молодая дивизия, не имея своей артиллерии, своего обоза и своих лазаретов, которые в то время еще не были окончательно сформированы. Эти недочеты возмещены были приданными мне временно батареями 81-й артиллерийской бригады, а взамен дивизионного обоза и доставки хлеба из корпусной хлебопекарни предоставлены были мне, помимо 60-го и 135-го транспортов, еще и повозки из корпусного транспорта, но это

было все не то, т. к. распоряжаться чужими частями, не чувствуя себя хозяином, всегда было нелегко. Что касается лазаретов, которые формировались в Москве вдали от моего наблюдения, то хотя они и пришли, но я ужаснулся, увидев их.

Все, от состава врачей и кончая последним обозным, были самого низшего разбора. Прошло много времени, пока мне удалось привести их в христианский вид. Поэтому я не решился их развернуть и взамен их придали моей дивизии Курско-Знаменский лазарет, великолепно оборудованный и с отличным составом врачей и всего персонала. Богодуховский передовой отряд пришлось временно оставить в прежнем районе, и только через 10 дней мне удалось найти ему помещение и перевести его.

От командира корпуса я узнал, что дивизии моей придется, через несколько дней стать на позицию, сменив 81-ю пехотную и потому мне надлежало подготовиться к этому, тем более, что позиция предстояла очень трудная и серьезная. Ознакомившись в штабе корпуса с условиями ее, я вернулся в госп. дв. Вольна, где расположился штаб моей дивизии. Огромный помещичий дом вместил в себя весь штаб, только некоторые отделения пришлось расположить во флигелях. У меня оказалась хорошая просторная комната, но такая холодная, что нагреть ее никак нельзя было из-за неисправности труб, приходилось заниматься в полушубке. А морозы, как на грех, стояли жестокие, все время термометр не поднимался выше 20° мороза.

Устроившись возможно удобнее, наладив работу в штабе, я посетил своих соседей – начальников дивизий, переговорив с ними и узнав от них все подробности той позиции, которую мне предстояло занять.

Объехав затем все полки, посетив лазареты и ознакомившись с местами расположения всех батарей, приданной мне 81-й артиллерийской бригады, которой командовал генерал-майор Борисов[569], дельный, честнейший и благороднейший человек, я 15 числа отдал приказ о вступлении дивизии на позицию. <...>

В этот же день я окончил начатый мною неделю тому назад труд: «Наставление 15-й Сибирской стрелковой дивизии на случай газовой атаки противника» и отослал в Петроград в типографию для отпечатания.

По выходе из печати брошюра эта, приложенная здесь, была создана и отправлена в дивизию во все части до рот и команд включительно и всем офицерам и взводным. <...>[\[570\]](#)

16 января я объявил в приказе по дивизии следующий приказ по Гренадерскому корпусу, отданный генералом Парским о подвиге двух нижних чинов 2-го гренадерского Ростовского полка, достойный подражания.

«1-го января сего года взят пленный при следующих обстоятельствах: вечером, 31-го декабря, 2-го гренадерского Ростовского полка ефрейтор Зайкин[\[571\]](#) и гренадер Мовлян[\[572\]](#), вызвавшись охотниками, поставили в 30–35 шагах от проволочных заграждений противника плакат, на котором было написано по-русски и по-румынски: «С Новым Годом!» и повешено 2 фунта хлеба, колбаса, 2 пустых банки от консервов и бутылка.

Вырыв у плаката окопчик, оба разведчика залегли и там пролежали до вечера 1-го января. В течение дня немцы обстреливали наш плакат разрывными пулями, а с наступлением сумерек, около 17 часов, один немец вышел из окопа и подошел к плакату, увидев засаду, он бросился бежать.

Один из разведчиков бросил в пленного 4 ручных гранаты, которые хотя и не разорвались, но остановили немца и он, видя направленные в себя винтовки, вынужден был сдаться.

Разведчики, захватив пленного, начали отходить и по ним из окопа был открыт ружейный огонь, в ответ на который отдельные взводы 2-й и 4-й батарей 1-й Гренадерской артиллерийской бригады открыли огонь по стрелявшим и тем облегчили отход двух храбрецов.

Отмечаю с удовольствием продуманную и остроумную разведческую хитрость, давшую пленного без потерь с нашей стороны и от лица

службы объявляю мою благодарность инициаторам этого и составителю плана командиру 10-й роты 2-го гренадерского Ростовского полка подпоручику Батурину[573] и вр. командующему 3-м батальоном поручику Георгианову[574], а молодцов ефрейтора Зайкина и гренадера Мовляна награждаю Георгиевским крестом 4 степени, первого за № 132262 и второго за № 131267».

17-го моя молодая дивизия уже стояла на позиции. Позиция эта на всем фронте Гренадарского корпуса была самая серьезная, хотя протяжением она была всего 3 версты. Немецкие окопы сближались с нашими в некоторых местах до столь близкого расстояния, что нас разделяло только одно общее проволочное заграждение в два хода, за неимением места сделать таковые с обеих сторон, ручные гранаты можно было перекидывать свободно из одних окопов в другие, что со стороны немцев практиковалось почти ежедневно.

В одном месте, где расстояние между нашими и немецкими окопами было не более 30 шагов, как раз на середине этого расстояния, находился колодец, которым за отсутствием другого, приходилось пользоваться и нашим и немцам.

Потребность была так велика, что между немцами и нашими состоялось молчаливое соглашение и каждое утро за водой ходили сначала немцы, а затем наши, причем никогда в это время ни одного выстрела, ни с той стороны, ни с другой стороны не было. Я раз пришел специально посмотреть на эту оригинальную картину.

Кроме того трудность позиции состояла в том, что местность за нашими окопами на расстоянии 2-х верст была совершенно открытая, что не позволяло подвозить пищу днем, приходилось это делать один раз в сутки с наступлением темноты и подвезя кухни к открытому месту, нести пищу до окопов 2 версты в ведрах. Для того, чтобы она при переноске не охлаждалась, были устроены особые двойные ведра, вставлявшиеся одно в другое с промежутком, наполняемым горячим углем, т. к. на позиции в виду близости немцев костров для разогревания пищи отнюдь разводить нельзя было. С дровами для кухонь и добывания

угля было тоже очень трудно, их приходилось подвозить за 25 верст, ближе лесов не было.

Смену полки провели блестяще, без суеты, тихо, в полном порядке; я не без волнения ожидал телефонного доклада об окончании смены и все время прислушивался, не стреляют ли немцы?

В первый же день я отправился в окопы правого участка и хотя они занимали по фронту всего 1 версту, мне пришлось потратить на обход их и ознакомление с ними от 10 утра до 7 вечера, благодаря массе опорных пунктов, узлов сопротивления и нескольких линий. Эта укрепленная полоса представляла собой целый лабиринт с ходами, переходами, лисьими ямами и т. д. Разобраться в этом лабиринте было очень трудно, ориентироваться тоже. Вернулся я к себе совершенно разбитый.

Немцы не стреляли, пока я ходил по окопам, но когда я шел обратно по открытому месту, то весь мой путь они забросали гранатами, не принеся мне однако никакого вреда. В первый же день были первые жертвы – один стрелок 59-го полка убит пулей в голову, другие два ранены.

Отдохнув один день, я, на следующий, обошел окопы левого участка, изучая его. Получив опять большое количество подарков, состоявших преимущественно из теплых вещей, столь нужных при непрекращающихся морозах, часть из них была из склада императрицы, другая из Земского союза, я раздал их мерзнувшим в окопах стрелкам.

В это время я был очень обрадован приходом в дивизию в мое распоряжение третьей саперной роты Гренадерского саперного батальона, той самой, которая работала у меня в Бородине в 1912 году и о которой я писал такие восторженные отзывы в своих воспоминаниях за тот год. Почти весь состав роты был тот же, и когда я приехал к ним, то оглушительное «Ура!» раздалось на мое приветствие. Эта рота так же усердно как и в Бородине, работала у меня на моей трудной позиции все время своего прикомандирования.

К 21-му января я успел уже основательно ознакомиться как с окопами, так и с расположением полков в резерве, обозов, команд и т. д. Результатом этого ознакомления с частями дивизии явился мой приказ за № 69 от 22 января 1917 года:

«1. Обойдя расположения всех полков дивизии и подробно ознакомившись со всей боевой позицией, как первого, так и левого боевых участков, я не мог не обратить внимания на чрезвычайную сложность той позиции в смысле расположения окопов, укрепленных пунктов, ходов сообщения и т. д. Несмотря на то, что я обходил позиции непосредственно после смены, мне было отрадно убедиться, гг. батальонные и ротные командиры успели уже разобраться во всех деталях на своих позициях.

Благодаря этому и смена полков, произведенная на обоих участках одновременно, прошла так блестяще, что не вызывала никаких активных действий со стороны противника. За такое серьезное отношение к делу по ознакомлению с позицией и за столь заранее продуманный план смены полков на таком сложном участке я долгом почитаю от лица службы благодарить командиров 59-го и 60-го Сибирских стрелковых полков, батальонных и ротных командиров.

Полки, находящиеся в дивизионном и корпусном резервах, расположились хорошо, особенно 58-й Сибирский стрелковый полк, благодаря тому, что весь полк сосредоточен вместе. Несколько труднее в этом отношении 57-му полку, разделенному на три части. Предлагаю командиру 57-го Сибирского стрелкового полка обдумать вопрос более сосредоточенного расположения батальонов и команд полка не в ущерб, конечно, боевым задачам.

Переходя затем к расположению команд, обозов I разряда и околотков полков, находящихся на позиции, я нахожу их слишком разбросанными и удаленными, особенно, в 59-м Сибирском стрелковом полку, необходимо принять меры возможно более сосредоточенному их расположению для облегчения надзора за ними.

Что касается околотка 59-го полка, то я нахожу его совершенно не на месте, слишком он далек от расположения полка, также и обоз I разряда. Все это, постепенно подыскав соответствующее помещение, надо изменить. Предлагаю командиру полка по выработке своих соображений мне доложить.

Переходя, затем, к внутреннему порядку осмотренных мной полков и к найденным недочетам, укажу наглавные:

1. При обходе моем левого боевого участка мне бросились в глаза винтовки 3-го взвода 5-й роты 60-го Сибирского стрелкового полка, сплошь покрытые густым инеем и запорошенные совершенно снегом. Произошло это вследствие небрежности взводного, который поставил винтовки как раз перед дымовой трубой, выходящей из землянки, где находился и сам взводный. Дым, выходящий из трубы, прямо окутывал винтовки, которые очевидно и индевели и примерзали на сильном морозе. Несмотря на то, что рота эта прибыла до 11-ти часов, когда я делал обход, не удосужился обратить внимание на винтовки, также и временно командующий ротой тоже равнодушно отнесся к такому вопиющему безобразию. Объявляю временно командующему 15-й ротой прапорщику Фищенко[\[575\]](#) выговор, а взводного, у которого под самым носом происходило это безобразие, старшего унтер-офицера Андрея Гусака[\[576\]](#) смещаю в отделенные командиры с переименованием в младшие унтер-офицеры и переводом в другую роту. Обращаю внимание командира 60-го полка и временно командующего 2-м батальоном на этот печальный случай. Приказываю всем начальствующим лицам всех степеней частей вверенной мне дивизии обратить самое серьезное внимание на хранение и бережливое содержание оружия. Я во многих ротах при обходе позиции делал замечания по этому поводу. Казалось бы, почетное звание стрелка обязывает каждого хранить свою винтовку и беречь ее, как зеницу ока, а между тем, это не всегда так. Можно не доест, не доспать, но винтовку вычистить, протереть – это первое, что должен сделать стрелок, помолившись Богу. В этом духе и надо воспитывать стрелка. Я очень

надеюсь, что подобных случаев, как описанный, во вверенной мне дивизии больше не будет.

2. Телефонная связь оставляет желать лучшего, провода во многих местах, особенно на правом боевом участке, проведены беспорядочно, без системы, переплетаются между собой, изоляция во многих местах отсутствует. Приказываю немедленно заняться упорядочением этого серьезного дела.

Что касается других мелких замечаний и пожеланий, которые я лично высказывал при обходе, предлагаю принять к точному руководству.

3. В одном из полков вверенной мне дивизии за январь месяц были три самовольные отлучки стрелков в тыл, которые так и не возвратились. У нас принято как-то формально относиться к подобным явлениям, с чем я примириться не могу.

Приказываю в подобных случаях немедленно мне доносить телефонограммой с копией дивизионному коменданту, в которой указывать, какой роты, взвода, когда прибыл в полк, какой губернии. Одновременно с этим приступить к дознанию, которое представлять мне не позже пятого дня. Вместе с этим сообщать в канцелярию губернатора, по месту родины отлучившегося, на предмет лишения пайка семьи и розыска.

4. За последние дни в полках дивизии, стоящих на позиции было 15 случаев обмороживания, причем один из них тяжелый, остальные легкие. Хотя морозы действительно стоят сильные, но это несколько не служит оправданием начальствующих лиц. Большинство этих случаев приходится на один из полков, в другом случае единичные. За каждого обмороженного будут мне отвечать ближайшие начальствующие лица. Командирам полков при повторении случаев обмороживания рассматривать каждый случай во всей подробности по существу».

Одновременно с этими заботами чисто строевыми и боевыми приходилось заниматься доформированием дивизии и немилосердно приставать к начальству с теми или другими ходатайствами, а также вести усиленную переписку с окружным генералом московского военного

округа, достойным и милейшим генералом Окуньковым[577] по поводу кадровых унтер-офицеров и специалистов для моего дивизионного и других обозов.

Благодаря любезности и предупредительности генерал Эверта, мне удалось достать необходимые суммы на приобретение походных церквей для полков дивизии, выписав их из Москвы, в чем мне помог добрейший В. В. Шереметевский[578], бывший мой дорогой сотрудник по губернаторству и попечительству трезвости в Москве.

Я чрезвычайно торопился с доформированием дивизии, так как стоять на трудной позиции с приданными чужими частями, у которых были свои привычки, свои взгляды, часто не сходявшиеся с моими, было очень трудно.

И я с нетерпением ждал того момента, когда моя дивизия не будет уже нуждаться в чужой помощи, когда и артиллерия, и обозы, и лазареты все будут свои.

Целыми днями приходилось ездить, чтобы лично все предусмотреть, везде дать должные указания, ничего не упустить, а дома меня всегда ждали ворохи бумаг, донесений. Чины штаба, когда дело дошло до боевой обстановки, оказались малоопытными, приходилось их натаскивать, а начальник штаба Суходольский со своим характером и привычками меня выводил из себя. Он сразу хотел поставить себя в самостоятельное положение, многих бумаг не докладывал и распоряжался за моей спиной, давая от себя указания командирам полков, шедшие зачастую совершенно вразрез с моими взглядами. Это был человек, высоко мнивший о себе, бестактный и какой-то упертый, так что мне с ним было очень трудно. Несколько раз я ему выговаривал, требовал, чтобы он помимо меня не делал никаких распоряжений, но ничего не помогало. Тогда, чтобы раз и навсегда завести известный порядок, я решил письменно дать ему нужные указания.

После этого дело несколько упорядочилось.

Со штабом корпуса у меня отношения были отличные, со штабом армии несколько натянутые, благодаря моему постоянному приставанию из-за снабжения дивизии, постоянных депеш с неподходящими, по их мнению, выражениями и т. д.

Но это меня не смущало, т. к. только такой своей назойливостью я достиг того, что к 1-му февраля у меня в дивизии не только было уже все полагающееся, но даже с большим избытком. Окончив же формирование, я быстро наладил свои отношения со штабом армии.

Постоянные мои поездки, посещения полков во второй половине января команды и батарей не могли не вызвать ряда приказов, которые я и привожу:

1. 23-го января 1917 г.

«Сего числа неприятельская артиллерия открыла огонь из тяжелых батарей по окопам 59-го Сибирского стрелкового полка, о чем командир полка немедленно доложил мне, прося разрешения обстрелять тяжелыми снарядами неприятельские батареи.

Несмотря на ряд моих попыток передать приказание командиру 1-й батареи 12-й тяжелой артиллерийской бригады, я не мог ничего добиться ни на батарее, ни на наблюдательном пункте не было ни одного офицера и отвечали какие-то бестолковые нижние чины. Пришлось прибегнуть к офицеру-наблюдателю 81-й артиллерийской бригады, через которого и было передано мое распоряжение. Только минут через 20–30 удалось командиру 81-й артиллерийской бригады переговорить с командиром батареи, таким образом было потеряно почти полчаса благодаря небрежно организованной службе в батарее.

После же открытия огня снаряды, вместо окопов, ложились перед немецкой проволокой, что доказывает насколько поверхностно произведена была пристрелка. Ограничиваюсь на первый раз выговором командиру батареи полковнику Попову[\[579\]](#) и приказываю ему немедленно принять меры, чтобы служба велась у него на батарее так, как того требует серьезность положения, а о том, как им организовано наблюдение, дежурство, связь, приказываю мне донести завтра же,

а также, кто из офицеров должен был находиться на батарее и на наблюдательном пункте и не оказался там, когда я звонил».

2. 24-го января 1917 г.

«1. Обойдя вчера полковые околотки 59-го и 60-го Сибирских стрелковых полков вверенной мне дивизии, я нашел среди лежащих там больных 11 обмороженных стрелков 59-го полка и 27 обмороженных 60-го полка. Между тем донесения об обмороженных далеко не достигают этих цифр.

Усматривая в этом или небрежность или желание скрыть, не могу не обратить внимание командиров полков на такое нежелательное явление и предлагаю им в этом разобраться.

Опрашивая вышеуказанных стрелков, я не мог не обратить внимания, что в 59-м полку из 11 обмороженных 9 приходится на 3-й батальон, 5 из них на 11-ю роту. При этом я был поражен, что среди 11-й роты с обмороженными ногами младший унтер-офицер Зюдов[580] с 2 Георгиевскими крестами. Оказалось, что означенный унтер-офицер был послан за получением соломы, вернулся сильно озябший около 24 часов и был поставлен со своим отделением в окопы для наблюдения, не успев обогреться, простоял до 6-ти утра – результат обмороженные ноги. Правда, что позиция, которую в то время занимал 3-й батальон, самая не выгодная, т. к. ни одного укрытия в этой передовой линии нет и потому стрелки лишены возможности тут же обогреться, но такой большой %, падающий на один батальон и даже на одну роту, заставляет призадуматься – были ли приняты все необходимые меры со стороны ближайшего начальства, думаю, что нет. Случай с унтер-офицером Зюдовым меня приводит к этому печальному выводу. Уверен, что командующий 11-й ротой штабс-капитан Богданов[581], которого я привык считать за отличного ротного командира, разберется сам в этом деле и примет все меры для того, чтобы такие случаи не могли иметь места. <...>

Дивизионному врачу приказываю возможно чаще посещать полковые околотки и проверять содержание в них больных и раненых, следить,

чтобы легкие больные не залеживались, а серьезные обставлялись лучшим уходом.

2. В ночь с 16-го на 17-е января полки дивизии стали на позицию и приступили, таким образом, к боевой работе позиционного характера.

Благодаря позиционной войне и однообразной службе в окопах, при сравнительном затишье, а также и предстоящим усиленным ночным работам по укреплению позиций частями резервов, на строевые занятия остается мало времени. Вследствие этого люди невольно постепенно теряют воинский облик и распускаются, что особенно заметно и в полках командуемой мной дивизии в отношении нижних чинов прибывших пополнений.

Обращаю поэтому на это внимание гг. командиров полков, приказываю принять немедленно все меры к поддержанию в стрелках воинского духа, бодрости, сознания долга и укрепления веры в победу.
<...>

Стрельбой заниматься ежедневно и самым тщательным образом, чтобы из каждого нижнего чина по возможности выработать отличного стрелка.

В полках резервов найти подходящие места для устройства стрельбищ, при желании всегда можно все устроить. Кроме стрельбы из винтовок обратить особенное внимание на обучение бросанию ручных гранат: без практики толку никакого не будет.

Сейчас во время затишья на нашем фронте надо пользоваться часом для совершенствования стрелка.

Ежедневно, по мере возможности, вести занятия с младшими офицерами, час-другой из дня выкроить для сего всегда можно, это лежит на обязанности батальонных командиров. Командирам полков обратить особенное внимание на занятия с прапорщиками».

3. От 24 января 1917 г.

«Секретно. Представляется настоятельная необходимость выяснить современный состав и группировку сил противника на фронте дивизии, –

главнейшим средством к этому является систематически производимая разведка его сил и расположения. Причем внимательное изучение позиции противника даст возможность к планомерной организации разведки и выбору соответствующих задач.

Начальникам боевых участков, организуя разведку, необходимо ставить определенные и вполне достижимые задачи разведчикам и настойчиво добиваться выполнения их, а не ограничиваться шаблонным способом, вроде: «Наши разведчики доползли до неприятельского проволочного заграждения, не будучи обстреляны – отошли обратно».

В общем, известно, что у неприятеля есть проволока, за проволокой окопы и люди, а в руках у них винтовки, а для того, чтобы проверить эту истину, не стоит затрачивать силы людей и время, а равно и рисковать жизнью. Необходимо узнать, какие части сидят напротив нас, как укреплена позиция противника, где пулеметные гнезда, где его бомбометы и минометы, много ли противника, кто у них в тылу, где их секреты и полевые караулы, каким образом ведется противником сторожевая служба и т. п.

Соображаясь с такой общей целью необходимо высылать разведывательные партии в такие места, где есть надежда или проникнуть скрытно за проволоку, или захватить немца вышедшего из-за проволоки. Признаком того, что немцы вышли сами на разведку, может служить почти полное прекращение огня на тех участках, где такие имеются.

Если разведка ведется без системы, без твердо и ясно поставленной цели, то она в большинстве случаев не даст никаких результатов, а приучит только людей к халатному исполнению своих обязанностей, так как они будут терять веру в возможный успех. Там, где нельзя надеяться на такой, надо ограничиться только высылкой необходимого сторожевого охранения, цель которого не давать противнику возможности приближаться к нашим оборонительным линиям для их изучения. При всех попытках к разведке со стороны противника, пользоваться, в этих случаях, возможностью захвата и уничтожения разведывательных партий немцев, вышедших из-за проволоки,

а не ограничиваться отбитием их огнем, особенно это касается тех случаев, когда противник приближается к нашим окопам и ведет разведку мелкими партиями.

Кроме обычной разведки возможно производить на некоторых участках после тщательного исследования и изучения подступов, силы и характера проволочных заграждений и огневой обороны большие поиски силами от роты до батальона, цель которых добыть открытой силой необходимых нам пленных, причинить противнику возможно больше вреда и заставить его быть всегда в напряжении. Проекты таких поисков своевременно представлять всегда мне на утверждение, донося об избранном пункте нападения, когда его предположено пополнить, сколько сил для этого предназначается, нужно ли содействие легкой и тяжелой артиллерии, необходим ли заградительный огонь химическими и обыкновенными снарядами, необходима ли поддержка резервом (у соседей) и т. д».

К этому времени все лазареты дивизии получили возможность начать правильно функционировать, что было необходимо, т. к. потери в частях дивизии все увеличивались и надо было в деле направления раненых и больных и распределении их ввести известный порядок. Он и был установлен следующим моим приказом от 24 января:

«Ввиду перевода состоящего при дивизии 55-го передового отряда Красного Креста и развернувшихся дивизионных перевязочного отряда, 1-го и 2-го лазаретов, приказываю раненых и больных направлять в:

1) Перевязочный отряд д. Вольна – раненых 58 и 59-го полков для подачи первоначальной помощи, откуда их переводить для дальнейшего лечения в 2 Курско-Знаменский лазарет Красного Креста.

2) 1-й лазарет в лесу восточнее до Задвеи – направлять больных с внутренними и хирургическими болезнями 58 и 59-го полков.

3) 55-й передовой перевязочный отряд Красного Креста (ф. Рафалин – всех раненых, непосредственно из полковых перевязочных пунктов 57 и 60 полков и больных 57-го полка).

4) Лазарет при передовом пункте В. М. Пуришкевича – больных 60 полка;

5) (2-й лазарет (ф. Фелисин) – всех заразных и кожных больных и венериков 57, 59-го, 60 полков. До перехода 2 лазарета в ф. Фелисин означенных больных направлять в д. Ишкольда в эпидемский отряд В. С. Г.)

6). Зубоврачебный кабинет открывает свои действия при 55-й передовом отряде (ф. Рафалин) с 25 сего января для всех полков.

Дивизионному врачу иметь наблюдение, чтобы все изложенное точно исполнялось».

Постоянно обходя окопы, как только мне это по распределении времени представлялось возможным, я не мог не обратить внимание, что они, как-то неестественно выдвинутые вперед, требовали тщательного укрепления для приведения их в оборонительное состояние. Работы эти сопряжены были с невероятными трудностями, ввиду особо тяжелых условий и недостатка рабочих рук.

Последнее являлось вследствие того, что из работы не было возможности наряжать стрелков из частей корпусного резерва (8 верст до передовой линии) и 2-х батальонов дивизионного (6 верст) ввиду того, что переходы по глубокому снегу туда и обратно отнимали непроизводительно 4–5 часов времени, да и работы после 2–3 часового перехода не могли быть успешными.

Кроме того и в тактическом отношении я находил рискованным ослаблять корпусный и дивизионный резервы, вследствие чего приходилось ограничиваться нарядами из полковых резервов, как правого, так и левого боевых участков, причем опять таки, по тактическим соображениям, больше половины стрелков и из этих резервов снаряжать, я находил не желательным. Из батальонных же резервов и от рот гарнизонов окопов можно было снаряжать только по полуроте или взводу.

Тяжелые же условия вызывались близостью противника, требовавшей большой осмотрительности. Кроме того местность позади первой полосы была открытая, почему подвозка, подноска материалов и сами работы можно было производить только ночью.

Помимо этих неблагоприятных обстоятельств, т. к. надо было окончить работы к 1 марта, у нас на февраль осталось рабочих дней не более 19–21, т. к. каждая смена частей на позиции, а их должно было быть три, отнимало в два приема от 2 до 3 дней, а т. к. известно было, что февраль месяц обыкновенно изобиловал снежными метелями, когда работать нельзя было бы и когда все время уходило бы на очистку окопов и ходов сообщения от снега, то число рабочих дней было бы еще меньше.

В виду всего этого мне пришлось ограничиться только самыми необходимыми работами и согласиться на постройку лисьих нор[582], взамен блиндажей, т. к. первые не требовали того огромного количества бревен как блиндажи и строились гораздо быстрее.

Затем еще одна отрасль, которой я не мог не коснуться, это руководство артиллерией. Помня из практики какие были всегда печальные результаты, когда артиллерией распоряжались не начальники боевых участков, а особо назначаемые лица, я составил схему заградительного артиллерийского огня на участке моей дивизии и, войдя в соглашение с соседними начальниками дивизии, выработал особый порядок действий артиллерии, причем предоставил право требования открытия такового огня не только начальникам полковых боевых участков, но и командирам батальонов и рот на своих участках, если командир полка признал бы это необходимым. <...>

3-го февраля я присутствовал на погребении двух стрелков убитых во время разведки, они в числе 20-ти уже совсем окружали немецкий караул, как вдруг один кашлянул, обнаружив таким образом себя.

Немцы, открыв беспорядочную пальбу, удрали и затем открыли огонь из бомбометов. Два наших были убиты, одному совсем оторвало голову. Об убитых узнали только тогда, когда засада была вынуждена отойти назад. Для выноса тел убитых были вызваны охотники, охотников

оказалось 8 человек, в том числе ефрейтор Рязанов и стрелок Кузьмин; как только охотники подошли к месту, где лежали убитые, по ним открыли бомбометный и ружейный огонь и, вследствие близости расстояния до проволоки противника, забрасывали ручным гранатами. Местность же беспрерывно освещалась ракетами. Попытка не удалась, и они вынуждены были отойти. Спустя полчаса пошли снова и были обнаружены бдительным противником. Когда партия отчаялась уже вынести убитых товарищей, стрелок Кузьмин и ефрейтор Рязанов, несмотря на полное освещение ракетами местности, пошли вперед, увлекая своим примером остальных, и вытащили почти из-под проволоки убитых товарищей и их винтовки. Оба они за свой подвиг были мной награждены Георгиевскими медалями.

Первый же раз мои разведчики столкнулись с немецкими, мои 4-х немцев уложили, два из них упали за проволокой, а один у самой проволоки. Немцы стреляли и не давали взять труп, но мои молодцы все же притащили его, благодаря чему мы могли определить, какая немецкая часть стояла перед нами. У убитого нашли письмо в кармане, которое он не успел отослать своему брату. Вот копия этого письма, переведенная на русский язык:

«4 февраля 1917 г. Россия.

Милый брат!

Приветствую тебя со словами «Благословен Иисус Христос» и надеюсь также и у тебя. Твое письмо получил, за что весьма благодарю, теперь нет никакой возможности писать, так как должны стоять и сидеть в темноте – так как со светом скуп. Снаружи нельзя писать по случаю холодов. Теперь ужасно холодно. На постах мерзнут, на зимней стоянке так же. Служебной работы у нас не так много, как раньше. Русские держатся спокойно, они, должно быть, мерзнут так же, как и мы. Еда (frese) – до сих пор все отвратительный горох и макароны. Так уже два месяца – каждый день. Брюква, свекла, капуста истрачены.

Иосифу посчастливилось, он так долго находится в гарнизоне. Последнее пополнение, что мы получили все признанные годными

к Гарнизонной службе. Старые молодцы 45 лет. Теперь из нашей роты еще 15 человек уехали. Из тех, что вместе прибыли – мы остались всего вдвоем – остальные откомандированы. Напиши мне адрес Генриха, из Кенигсхютте. Должен закончить свое письмо, так как последний кусочек свечи заканчивается.

Привет и до свидания, Виктор.

Отправитель мушкатель Виктор Кобылко

403-го пехотного полка 3-го батальона 2-й роты».

По этому поводу я отдал в приказе по дивизии следующее:

«В ночь с 29 на 30 и с 30 на 31 сего января 59-й и 60-й Сибирские стрелковые полки сменены на позиции 57-м и 58-м Сибирскими стрелковыми полками, простояв на ней с 17 сего января.

Молодые полки приняли свое первое боевое крещение после сформирования и показали за это время, что они остались верны заветам старых сибиряков и будут носить с честью высочайше пожалованное им наименование. Произведя скрытно для противника и в полном порядке смену частей 81-й пехотной дивизии, они очень быстро освоились с позицией, местами близко подходящей к окопам противника, и несли боевую службу с постоянными разведками, при очень тяжелых климатических условиях, благодаря сильным морозам.

Причем за это время особенно отличились: 2-й роты 60-го Сибирского стрелкового полка младший унтер-офицер Степан Трибух[\[583\]](#) и стрелок Петр Носков[\[584\]](#), которые, вызвавшись охотниками, выполнили успешно лихое дело.

В ночь на 26 января партия германцев силой около 25–30 человек в белых халатах пыталась захватить полевой караул 2-й роты, но метким огнем стрелков была отброшена в свои окопы, потеряв при этом 4-х убитых. Три трупа остались позади проволочных заграждений, а один между проволокой. Стрелки решили, во что бы то ни стало достать труп убитого, чему противник старался воспрепятствовать, и место это все время держал под сильным пулеметным и ружейным огнем. Однако

в ночь с 29-го на 30-е января стрелкам Трибуху и Носкову удалось подползти к проволочным заграждениям противника, прикрываясь щитами, обернутые в белые халаты, они перерезали два ряда проволочных заграждений и несмотря на огонь противника, благополучно извлекли и притащили в окопы труп немца, благодаря чему удалось установить по найденным при нем документам не только принадлежность его к 403-му германскому полку, но и очень ценные сведения о душевном состоянии противника.

Ныне полки в резерве – на отдыхе, и я считаю своим долгом, за первую боевую работу благодарить командиров 59-го и 60-го Сибирских стрелковых полков, батальонных и ротных командиров, и всех гг. офицеров, – всем стрелкам объявляю: «Спасибо», а молодцов стрелков 2-й роты 60-го Сибирского полка младшего унтер-офицера Трибух и стрелка Носкова за молодецкую их работу и удаль (п. I ст. 145 Георгиевского статуса) по высочайше представленной мне власти награждаю Георгиевскими медалями 3 степени за № 148937, младшего унтер-офицера Трибух и 4 степени за № 854712 – стрелка Носкова».

Вообще мне всегда доставляли большое нравственное удовлетворение мои посещения полков на позиции, они несли службу с таким усердием, что мне почти не приходилось делать замечаний, и офицеры и стрелки все переносили тяжелые условия с удивительной бодростью.

2-го февраля я был обрадован прибытием ко мне в дивизию сформированного 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона, в составе трех батарей, и 15-го Сибирского стрелкового паркового артиллерийского дивизиона, в составе двух парков. Для первого были выделены четвертые батареи 1-й Гренадерской, 7-й и 8-й Сибирских стрелковых артиллерийских бригад, для второго – третьи парки 2-го Гренадерского и 7-го Сибирского стрелкового парковых артиллерийских дивизионов.

Таким образом две батареи были из родных мне 7-й и 8-й дивизий, я был очень рад, что ко мне попали эти две батареи, командиры которых

подполковники Шпренглевский[585] и Ясенский[586] были выдающиеся, особенно первый.

Командир дивизиона Тихомиров[587] был для меня человеком совершенно новым. Познакомившись с ним ближе, я, к сожалению, не встретил в нем такого командира, которого бы мне хотелось иметь. При всех его безупречных нравственных качествах, это был маловоенный человек, не имевший должного авторитета среди своих подчиненных, без должной энергии, и потому у меня с ним были постоянные недоразумения.

Произведя смотр артиллерийскому дивизиону и осмотрев парковый дивизион, первое впечатление я вынес хорошее, особенно от бодрого вида нижних чинов из сибирской бригады. 1-я батарея из гренадер была послабее. Дав им три дня отдыха, я их поставил на позицию в ночь с 4 на 5 февраля. <...>

С постановкой на позицию 15-й Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона моя дивизия была окончательно сформирована, т. к. и дивизионный обоз также начал обслуживать дивизию, и я мог вздохнуть свободно.

В этот день штаб мой покинул старший адъютант по операционной части капитан Фролов, я очень пожалел об уходе от меня такого образцового офицера. <...>

4-го февраля, в день кончины покойного великого князя Сергея Александровича, я поехал в Киевский гренадерский полк, шефом которого состоял покойный, отслужил обедню и панихиду; это было в 8 верстах от меня. Офицеры с командующим полком Барыковым[588] встретили меня очень радушно и пригласили позавтракать в штабе полка на позиции; полк в то время занимал окопы. Завтрак был чудный, мне казалось, что я нахожусь не на позиции, а в Праге или Эрмитаже. Вина, водки было чересчур. Это последнее, особенно на позиции, мне не понравилось, в дивизии у себя я этого не допускал, и это всегда развращающе действовало на нижних чинов, которые теряли уважение к офицерам.

Вообще в гренадерских полках распущенность большая, поэтому немало способствовали кутежи среди офицерства. Это сильно влияло и на дисциплину. Я очень боялся за полки своей дивизии, как бы они не попали под дурное влияние своих соседей гренадер и старался, чтобы между ними было как можно меньше общения. Как раз через несколько дней после завтрака в Киевском полку, где меня так неприятно поразило обилие вина, я получил от командира Гренадерского корпуса письмо, нижеследующего содержания:

Хотя я на свой счет содержание этого письма принять не мог, все же неприятно было получить такое письмо, больно было от сознания того, что офицерство так дискредитирует себя отсутствием такта и неумением себя держать, давая повод начальству писать такие, позорящие звание офицера, письма.

На основании этого письма Парского я составил секретный циркуляр, приказав разослать его офицерам моей дивизии. Приказав их выдать по принадлежности, я в приказе моем от того же числа установил порядок церковных богослужений и удовлетворения духовных нужд офицерства и стрелков дивизии, поместив в этом приказе и некоторые другие указания, как результат моих посещений частей дивизии:

9-го числа мне пришлось в приказе по дивизии указать на ряд дефектов, найденных мной при обходе некоторых частей накануне. Привожу этот приказ:

Все эти недочеты, которые я находил при моих посещениях частей дивизии, меня всегда страшно угнетали, только на позиции приходилось редко делать замечания – там службу несли образцово, несмотря на очень трудные условия при непрерывных морозах, – в течение целого месяца температура колебалась от 10 до 20 мороза все время. Кроме того немцы так пристрелялись по нашим окопам, что ежедневно выводили из строя по несколько стрелков убитыми и ранеными. Много было убитых в голову через бойницы, до того метка была стрельба немцев. И все же несмотря и на потери мои стрелки стояли на позиции бодро. Правда все, что только можно было для облегчения несения ими службы было

сделано, они были тепло одеты, все имели полушубки и валенки, так что последнее время обмороженных у меня совсем не было. Блиндажи и лисьи норы были освещены стеариновыми свечами, которые я лично выписывал на хозяйственные суммы из Петрограда прямо с завода при посредстве моей сестры.

Благодаря освещению блиндажей легче было поддерживать порядок на позиции, а кроме того темнота удручающе действовала на настроение стрелков, поэтому я не скупился на освещение и у меня всегда было светло в этих норах. <...>

11-го февраля я получил от начальника штаба корпуса копию телеграммы главнокомандующего Эверта на имя командующих армиями, которые в свою очередь направили ее командирам корпусов для принятия необходимых мер против начальных фактов, изложенных в депеше.

Депеша гласила следующее:

Препровождая эту депешу, начальник штаба приложил и резолюцию командира корпуса Парского:

Все, что рекомендовал Парский, у меня в дивизии делалось, но это все паллиативы, а на главное не обращалось внимания – на продовольствие.

В начале февраля продовольственный вопрос стоял особенно остро, особенно с хлебом, дачу сократили до 1 фунта печеного хлеба, а недостающее количество 2 фунта стали выдавать сухарями по 67 золотников. К 15 числу кризис этот миновал, стали давать хлеб полностью, а то бы могли возникнуть серьезные беспорядки, что и было в других частях.

Я считал это нераспорядительностью корпусного интенданта и на месте командира корпуса давно бы выгнал этого лентяя, но Парский не в состоянии был не только выгнать, но даже сделать замечание, поэтому я нигде не видел такого хаоса с продовольствием. Это был самый трудный вопрос, а главное мы стояли в таком районе, где ничего купить нельзя было.

А тут как на грех пришло пополнение – три маршевых роты из Москвы. Я приказал командиру 59-го полка произвести им смотр и поверку их знаний, насколько они обучены. Из донесения его я усмотрел, что одеты и снаряжены роты были отлично, обучены же две роты удовлетворительно, одна неудовлетворительно. Поэтому я не сразу влил их в полки, а оставил их доучиваться. Настроение среди пополнения было неважное, они сразу стали хулить пищу, говоря, что их кормили в тылу гораздо лучше, давали и белый хлеб. Этим они возбуждающе действовали на стрелков, и я опасался, как бы они не внесли в мою дивизию разложение.

Поэтому все эти три роты пополнения я распределил по всем полкам дивизии, по ротам, где за отдельными чинами было бы легче следить, а тут еще в Киевском гренадерском полку, в котором я так недавно еще, 4 февраля, был на панихиде, и завтракал на позиции, произошел более чем печальный инцидент. Одна из рот этого полка пыталась устроить бунт. Кучка негодяев во главе с вольноопределяющимся[\[590\]](#), которому удалось бежать, подкравшись к землянке, в которое сидел командир полка и батальонные командиры, произвела в окно несколько выстрелов из винтовок, бросив вслед несколько ручных гранат. Один из офицеров, Машковский[\[591\]](#), был убит на месте и еще 4 офицера ранены.

Этот ужасающий случай всколыхнул все начальство, Парский спешно собрал у себя совещание, пригласив всех начальников дивизий и некоторых командиров полков.

Заседание велось бестолково, без всякой системы и оставило во мне весьма удручающее впечатление. Говорили очень много, я все молчал и только под конец заявил, что все эти разговоры ни к чему, что единственно, что может парализовать такие явления, это:

1. Чтобы люди получали полностью все, что им полагается, а для этого надо, чтобы корпусный интендант проникся тем, что он существует для войск, а не войска для него.

2. Чтобы офицерство, начиная с младших и кончая начальниками дивизий, стояло бы ближе к нижним чинам, чтобы они чувствовали, что о них заботятся, входят в их нужды и т. д.

Под конец заседания начальник штаба по поручению Парского передал каждому начальнику дивизии следующую бумагу:

14 февраля окончились опытные стрельбы, произведенные по моему поручению командующим бригадой на основании приказа командира корпуса из пулеметов по окопам противника с дистанции 1500–3000 шагов с закрытой позиции и по закрытой цели. Опыты эти, благодаря трудам и более чем добросовестного отношения к этому моему поручению со стороны Буйвида, дали блестящие результаты и доказали, что стрельба через головы своих возможна не только с дистанций дальних свыше 2000, но и на средних 1500–2000 шагов, при соответствующей конфигурации местности, не ближе 1500, при установке пулемета на твердом неизменяющемся основании и удалении наших окопов от противника не менее 200 шагов. Это открытие было очень важно, до того времени из пулеметов не рисковали стрелять через головы своих. <...>

Мне было очень жаль расставаться с батареями 81 артиллерийской бригады, а главное с командиром бригады генерал-майором Борисовым, т. к. три его батареи все время работали выше всякой похвалы и служили примером другим. Я обратился поэтому со следующим приказом, посвященным этой доблестной бригаде:

В это самое время я получил от моей сестры копию письма великого князя Павла Александровича[\[592\]](#) на ее имя от 8 февраля:

Я все мог ожидать, но чтобы государь согласился на назначение меня начальником дивизии старейших полков Гвардии мне даже не могло придти в голову. Меня страшно тронуло такое внимание и доверие со стороны великого князя, тем более, что я все время старался быть в стороне от всего, никуда не совался, не напоминал о себе и все же великий князь вспомнил меня и захотел вытянуть из глухой армии. Известие это меня взволновало, мне было очень жаль расстаться со своей

дивизией, но об отказе от такого лестного и почетного для меня назначения, как командование дивизией, во главе которой был родной мне Преображенский полк, не могло быть и речи и я, не колеблясь, ответил полковнику Шиллингу следующей депешей:

«2191. Безгранично счастлив оказываемой мне высокой честью и доверием, отдам все свои силы, чтобы оправдать драгоценное внимание ко мне августейшего инспектора. Прошу не отказать доложить его императорскому высочеству чувства моей всепреданнейшей признательности и что я глубоко взволнован и тронут. 573. Начдив 15-й Сибирской Свиты генерал Джунковский».

Оправив эту депешу, а также и частное письмо непосредственно великому князю, я стал мучительно думать, хорошо ли, что я так быстро, не взвесив всего, ответил согласием. Ведь в Гвардии были совсем другие требования, взгляды, смогу ли быть там таким же полным хозяином, каким я был здесь в глухой армейской части. Подойду ли я со своими твердо сложившимися за 1½ года войны требованиями и известными взглядами, подойдут ли они Гвардии. Все эти вопросы меня волновали и я возлагал надежду только на Божью помощь, что Господь укажет мне должный путь, по которому мне надо будет идти. Полон этих мыслей я поехал к командиру корпуса доложить о полученном предложении. Парский очень пожалел о возможном моем уходе из его корпуса, а в штабе у меня все опустили голову, я был до слез растроган, видя их действительное огорчение. Но оно оказалось преждевременным, наступившая революция не дала этому осуществиться, я остался командовать моей молодой дивизией.

Из последующего письма моей сестры после свидания ее с великим князем я узнал подробности доклада его государю.

Доложив его величеству об освобождающейся вакансии на должность начальника 1-й Гренадерской пехотной дивизии, великий князь сказал, что у него имеется один кандидат, но что он не решается его назвать, опасаясь отрицательного отношения государя к этой кандидатуре. На это

государь ответил: «Я догадываюсь, ты хочешь просить за Джунковского, если это так, я согласен и не только не имею ничего против, а очень рад».

Эти слова государя доставили мне большое удовлетворение как доказательство, что в душе своей, государь продолжал питать ко мне доверие, несмотря на то, что в 1915 году так резко уволил меня от ответственных должностей.

В ожидании нового назначения я еще как-то более отдался своей дивизии и даже усилил свои заботы о ней. Мне хотелось во чтобы то ни стало сохранить ее до последних минут моего командования в целости, оградить ее от тлетворного влияния пропаганды все более и более распространявшейся на фронте из тыла. А это требовало колоссального напряжения, а главное, все приходилось делать самому, чины моего штаба, хотя и были все очень хорошие люди, честнейшие, благородные, но среди них много было из запаса — со статскими привычками, это были чиновники и их приходилось перевоспитывать.

Отнимало также немало времени составление приказов и многих бумаг, это приходилось делать самому, т. к. чины штаба до начальника включительно никак не могли мне в этом угодить, начальник штаба Суходольский из упрямства и слишком большого самомнения, чины же штаба по неопытности. Кроме того начальник штаба мало заботился о дивизии и думал только о том как бы поскорее пробраться в начальники штаба корпуса, — дела дивизии ему были скучны, он знал, что месяца через 3—4 ему предстоит другое назначение и смотрел на свое положение как на временное. Что касается строевых начальников, то два командира полков были выдающиеся, третий занимался посторонними делами, все время что-то изобретал ничего общего с войной не имевшего и раздражал меня этим ужасно, за четвертым приходилось все время следить, чтобы он не наделал глупостей и вести его на помочах.

Командир дивизиона, как я говорил выше, был бездарный, бесхарактерный, батарейные командиры — два выдающиеся, один полустатский, которого приходилось постоянно подбадривать по телефону. Лазареты к этому времени определила вполне —

перевязочный отряд и 1-й были на высоте, 2-й же ниже всякой критики, главный врач этого лазарета оказался просто напросто сумасшедший и мне с трудом удалось с ним расстаться, уже гораздо позднее.

Хотя дивизионный интендант у меня был выше всякой похвалы, но он ничего поделаться не мог, с тыла ничего не подвозили и, к 20-му февраля, вопрос о продовольствии сделался критическим. Казалось, что происходит в тылу какая-то подпольная работа, нарушающая транспорт с целью вызвать волнения на фронте. В течении 16–18 февраля наши хлебопекарни пустовали за неимением муки, которую не подвозили. На моей дивизии это не отозвалось, т. к. я, в предвидении могущей быть задержки, требовал от полков, чтобы у них всегда был в наличности пятидневный запас печеного хлеба. Но если бы кризис продлился бы, то и моей дивизии пришлось бы перейти на сухари и тронуть неприкосновенный запас – это было бы уже совсем плохо. Но до этого к счастью не дошло, я продержался благополучно, выдавая в течении недели по 1½ фунта хлеба и 2 ф. сухарей. Крупа в это время доставлялась с тыла тоже очень неаккуратно, так что приходилось ее давать не каждый день, а это не могло, конечно, не вызывать недовольства. А наступавшее время распутицы при обилии снега внушало серьезное опасение, как бы войска, стоявшие на позиции, не оказались бы отрезаны от продовольственных своих баз. По этому поводу командир корпуса созвал на совещание всех начальников дивизий для выработки правил поддержания дорог в исправном виде.

Последствием этого совещания явился приказ Парского, в развитие которого я отдал по дивизии следующий приказ от 16-го февраля.

«Командир корпуса приказал принять следующий порядок для поддержания дорог в исправном виде как сейчас, так в особенности во время предстоящей распутицы.

Все дорого района корпуса разделяются строго на два вида:

а) Дороги первой очереди должны быть приведены в исправное состояние сейчас же и поддерживаться таковыми всегда распоряжением лиц, на которых это будет возложено. Дороги второй очереди также

должны быть поддерживаемы в исправности, но когда понадобятся средства для дороги первой очереди, то таковые средства могут быть взяты с дорог второй очереди.

Средствами дивизии и под своей ответственностью командир корпуса приказал содержать в исправности дороги в районе дивизии от передовой позиции до меридиана штаба дивизии, т. е. до линии: Подонечка – г. дв. Вольна – г. дв. Чернихово (западн.)

Остальные дороги первой и второй очереди, к востоку от меридиана штабов дивизий до меридиана Замирье, в пределах дивизионных районов, должны наблюдаться и поддерживаться также средствами дивизии, возложив это на те части и учреждения, которые на этих дорогах расположены.

На главной магистрали назначить коменданта-офицера, на обязанности которого лежит частый объезд дороги, принятие энергичных мер к исправлению ее теми учреждениями и частями, к которым этот участок приписан, а при невозможности – исправить их собственными средствами, немедленное извещение об этом корпусного инженера, а на остальные комендантами из толковых унтер-офицеров сапер распоряжением корпусного инженера – обязанности их те же, что и комендантов офицеров. <...>

Распоряжением означенных комендантов немедленно приступить к сколке льда у колодцев и на гатях и выравниванию колеи и ухабов. Соответствующие наряды рабочих от всех частей и лазаретов, занимающих эти деревни».

Благодаря этим распоряжениям дороги все время распутицы оставались вполне проходимыми, доставка продовольствия не прерывалась. Кроме того были приняты меры и на позиции от порчи и заливания окопов и укрепленных мест и блиндажей весенними водами.

Были организованы и подготовлены особые гидротехнические команды в полках и инструкторы в ротах под руководством специалистов.

Один из саперных офицеров назначен был ответственным руководителем по борьбе с водой на фронте дивизии, офицеры с техническим образованием были приданы ему в помощь, была выработана особая инструкция как для предохранения окопов, ходов сообщения, блиндажей и проч. от попадания в них воды, так для принятия мер для отвода или удаления воды из затапливаемых участков. Одновременно со всеми этими заботами я все время не переставал посещать и обходить части дивизии, прислушиваясь к царившему настроению, т. к. последнее время все чаще и чаще получались сведения из других дивизий о не совсем спокойном настроении и, хотя у меня никаких даже попыток нарушения порядка не было, ни в одной части, я все же мог опасаться какой-нибудь вспышки на почве продовольствия и непомерных подчас работ.

18 февраля я посетил две батареи на позиции и произвел поверочную стрельбу с 2-х наблюдательных пунктов. Результатами я остался очень не доволен и отдал в приказе по дивизии следующее:

«Вчера я посетил расположение 2-й батареи 1-й Гренадерской артиллерийской бригады, вошедшей в состав батарей левого, боевого участка вверенной мне дивизии и 3-й батареи 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона, а затем с наблюдательных пунктов произвел поверочную стрельбу как означенной батареи, так и 4-й батареи 2-й Гренадерской артиллерийской бригады, вошедшей в состав батареи правого боевого участка. На батарее найдено было мною все в полном порядке, но стрельба меня далеко не удовлетворила. Укажу на следующие дефекты:

1) Открытие огня после моего приказанья последовало во 2 батарее 1 Гренадерской артиллерийской бригады через 3 минуты, а в 4 батарее 2 Гренадерской артиллерийской бригады через 4 мин 15 секунд – это недопустимо долго.

2) Во время передачи по телефону моего приказанья об открытии огня было много лишних разговоров и вопросов со стороны батареи. Как например: были вопросы, из какого орудия стрелять, а во время

самой стрельбы был вопрос продолжать ли гранатой, все это, конечно, только замедляло стрельбу.

3) При проверке целей оказалось, что батареи пристреляли до сего времени очень мало целей – 2-й батареи 1-й Гренадерской артиллерийской бригады всего три цели, 3-я батарея 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона – 6 целей, 4-я батарея 2-й Гренадерской артиллерийской бригады – 6 целей...

Сообщая о всем вышеизложенном, приказываю командиру 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона немедленно принять соответствующие меры к устранению указанных дефектов».

В этот же день после проверки стрельбы я посетил один батальон 57-го Сибирского стрелкового полка находившийся в полковом резерве на позиции и таковой же 59-го полка с целью поговорить с офицерами и стрелками и проверить настроение. В 57-м полку я вынес весьма отрадное впечатление. Среди нижних чинов настроение было бодрое и не заметно было и тени чего бы то ни было, также и среди офицеров. К сожалению не мог сказать того же о батальоне 59-го полка. Я как раз застал командира полка, обходившего этот батальон. Войдя в один из блиндажей один, не сопровождаемый никем, я завел разговор со стрелками о продовольствии. Из ответов я не мог уловить ничего подозрительного, стрелки во всем соглашались со мной, хотя и говорили, что без хлеба очень трудно – они получили накануне 1 фунт хлеба и 85 золотников сухарей, но говорили это хорошим тоном. Подозрительными мне показались некоторые, которые молчали, и я несмотря на то, что ничего не мог заметить нехорошего, вышел оттуда не с легким сердцем. Мне показалось, что когда я раз показывал, как мало пищи у немцев сравнительно с нашей, то они этому не верили. Один даже сказал: «Как же они так шибко воюют, если у них мало хлеба». После этого я собрал всех офицеров батальона.

Недостаток офицеров был настолько велик в то время из-за всевозможных командировок, что в батальоне оказалось всего восемь офицеров. Большинство из них, а главное – командующий батальоном

капитан Иванов[595] – произвел на меня очень нехорошее впечатление, кроме одного офицера штабс-капитана Богданова, это все были статские люди и не отдававшие себе отчета в окружающей обстановке.

С трудом можно было вызвать их на обмен мнений, затронуть за живое, этот батальон меня тревожил еще в Койданове. Он весь был из чинов Бузулукского полка[596], не бывшего ни в одном бою и простоявшего на пассивной позиции целый год, где находился в чудных условиях в смысле продовольствия. Картофеля например в полку было закуплено до 60 000 пудов, отказу ни в чем не было, покупали все у местных жителей в таком изобилии, что и вывезти не могли.

Пришел батальон одетый отлично, но офицерство сразу произвело впечатление не офицеров и батальонный их командир тоже. Их поразила царившая у нас беднота в продовольствии, а т. к. и денег в только что сформированных полках не могло быть, то приходилось пользоваться только индендантским отпуском, и они уже в Койданове стали жаловаться. Полки были тогда очень разбросаны и этот батальон от штаба полка был в 5 верстах, вдали от наблюдения. Когда же мне удалось устроить их сосредоточение, то нас вскоре двинули, и потому командиру полка Гулидову – это был выдающийся командир – и не удалось как следует разобраться в этом батальоне. Хотел командир полка сменить батальонного еще в Койданове, но полное отсутствие штаба, офицеров (у нас вместо 20-ти было всего 8) помешало ему это сделать.

Под впечатлением моей беседы с этим батальоном, я высказал командиру полка мнение, что дольше медлить нельзя и надо теперь же назначить другого командира батальона.

Командир полка мне доложил, что получил анонимное письмо переданное вечером каким-то солдатом дневальному для передачи командиру полка. Солдата дневальный не приметил. В анониме было сказано: «Дайте полную дачу положенного хлеба иначе потом будете жалеть». Это очевидно было из этого батальона. Командир полка докладывал мне, что последнее пополнение составленное из стариков

из разных транспортов, лазаретов – деморализующе влияет на массу и что он теперь их выделил в отдельную группу, не вливая в полк.

Я вполне одобрил это распоряжение, рекомендовал и другим полковым командирам поступить также, если они заметят дурное влияние людей пополнения.

Вернувшись к себе, я донес командиру корпуса вынесенное впечатление и высказал ему, что хотя серьезного ничего пока и не произошло, но все же нельзя оставлять без внимания и таких мелких фактов и необходимо принимать всевозможные меры, чтобы не давать почвы к возбуждению какого-либо недовольства.

Я настаивал перед командиром корпуса на исполнении моих следующих ходатайств:

1) оставить в 59-м полку штабс-капитана Богданова – единственного надежного офицера из Бузулукского полка (его требовали в Смоленск, как техника).

2) отменить массовые командировки офицеров, и притом всегда самых лучших кадровых, в разные учреждения, а также и в школу прапорщиков командировать вместо 5-ти по 2 офицера от полка, дабы не ослаблять офицерский состав.

3) за недополученный последние дни хлеб выдать деньгами, как это было при понижении дачи хлеба с 3-х до 2 ½ фун. и объявить об этом немедленно как о высочайшем поведении, дабы парализовать слухи о расхищении хлеба, который поэтому будто бы не доходит.

4) наряды на работы сообразовать со степенью их трудности и трудности участка и с местными условиями, не обязывая во чтобы то ни стало выполнить невыполнимую по местным условиям работу к такому то сроку, как напр. прокладка подземного кабеля 11 верст длиной и на глубине 2-х аршин, теперь, при мерзлости грунта в 1½ и 1¾ аршина, каковую работу нельзя было не признать непроизводительной и непосильной.

<...>

19 февраля я посетил 58-й полк, обошел все роты и команды, беседовал со стрелками и затем со всеми офицерами. Впечатление от беседы вынес отличное, настроение бодрое. Из разговора узнал, что в запасных полках кормили тогда лучше, чем на позиции.

В 60-м полку тоже обход мой и беседа с офицерами и стрелками произвели на меня очень хорошее впечатление.

В это время я получил печальное известие о кончине близкого мне человека А. А. Княжевича, с семьей которого я был очень дружен. Он долгое время служил чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе еще при великом князе Сергее Александровиче и отличался всегда строгой исполнительностью в работе и аккуратностью. Это был честнейший и благороднейший человек, к сожалению тяжкая болезнь, которой он страдал ряд лет, не позволяла ему занять ответственной должности. Я очень любил его и его кончина меня сильно огорчила; после него осталась вдова Лидия Павловна, рожденная Родственная, очень достойная женщина, умная, всесторонне образованная и талантливая и один сын в то время еще учившийся в гимназии.

Продолжая усиленно посещать части дивизии и вникать во все подробности их жизни я во второй половине февраля издал ряд приказов по дивизии как результаты моих объездов, привожу их в порядке постепенности:

1. От 16 февраля 1917 г.

«Просматривая приказы по полкам, я не мог не обратить внимания на частые опаздывания как офицеров, так и нижних чинов из отпусков без уважительных причин, опоздания офицеров на меня произвело весьма тяжелое впечатление, в этих проступках сквозит не только отсутствие сознания своего долга у нас и отсутствие товарищеских чувств. На каждой полк правом на отпуск одновременно пользуются не более 8 % всего офицерского состава, вследствие чего каждый опаздывающий офицер лишает своего товарища возможности выехать в намеченное им время,

а если несколько офицеров опоздает, то может случиться, что кто-нибудь и вовсе пропустит свою очередь». <...>

2. От 19 февраля 1917 г.

«При моем посещении сего числа противозаэропланного взвода, выставленного от батареи 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона, я не застал там офицера. На мой вопрос обращенный к фейерверкеру, этот последний мне ответил, что командует взводом поручик Солдатов[597]. Когда же я позвонил к нему по телефону, то оказался он на наблюдательном пункте и на мой вопрос, он ли командует заэропланным взводом, ответил что нет, а что стрельбой заэропланной батареи управляет один из офицеров, живущих в землянке у батареи, кто свободен. То же мне подтвердил командующий батареей. Нахожу совершенно недопустимым такое семейное отношение к столь серьезному делу, как стрельба по заэропланам противника и приказываю немедленно изменить принятый порядок...»

3. От 25 февраля 1917 г.

§ 1.

«Замечено мною, что в некоторых частях вверенной мне дивизии при увольнении офицеров в отпуск не указывается в приказах о сроке, на каковой офицер уволен. Приказываю всегда указывать точно срок. <...>

§ 3.

При выводе на работы целыми ротами из резервов корпусного, дивизионного и полкового обязательно должны быть все офицеры роты, не допускаю, чтобы кто-нибудь из них оставался дома, когда стрелки на работе».

4. От 26 февраля 1917 г.

«24 сего февраля, с целью осмотреть состояние окопов после снежной пурги, я посетил таковые на левом боевом участке в расположении 2-го

батальона и 12-й роты 60-го Сибирского стрелкового полка. К сожалению, не все роты меня удовлетворили. <...>

Командиру батальона полковнику Поступальскому^[598] принять к исполнению все данные ему мною указания и устранить все недочеты. Кроме того в этой линии окопов «Завидного участка» я не мог не обратить внимания, с каким, скажу прямо, варварским способом уничтожались козырьки согласно приказанию командующего армией <...> Одновременно с уничтожением козырьков в большинстве мест уничтожалась и одежда брустверов и траверсов.

<...>

Все это меня наводило на грустную мысль – страх перед начальством. Неужели лучше исполнить приказание под страхом отрешения от должности, отнесясь к нему чисто формально и этим ослабить оборону участка на долгое время, или, отсрочив его исполнение, представить необходимые данные, указывающие на невозможность исполнить без вреда для обороны! Приказ командующего армией, основанный на мысли главнокомандующего – уничтожить козырьки сплошных перекрытий – ловушки, вовсе не предписывал уничтожать все козырьки без исключения и потому к этому приказу надо было отнестись продуманно, а не огульно. <...> Во всем должна быть жизнь, а не рутина.

Для исправления разрушенных окопов и приведения в порядок обрушившихся брустверов и бойниц, приказываю начальника боевого участка, в который входит «Завидный участок», озаботиться восстановлением насыпей, траверсов, ступеней и проч. как только это представится возможным по состоянию погоды. <...>

Мостки, недавно устроенные через щели на плацдарме левого участка, когда я шел обратно, оказались растащенными, очевидно, мало ротные командиры обращают внимание на воспитание стрелков, пора прекратить это варварство все разрушать».

5. от 27 февраля 1917 г.

§ I.

«1 марта, в 11 часов утра отслужить панихиды во всех полках, 1-м и 2-м лазаретах по в бозе почивающих императорах Александре II[599] и Александре III, перед панихидой священникам сказать соответствующее слово. На панихиды вывести наибольшее число нижних чинов, присутствовать всем наличным офицерам свободным от нарядов.

§ 2.

При посещении мною богослужения в одном из полков в воскресный день, я был неприятно поражен малочисленностью присутствовавших нижних чинов и полному отсутствию гг. офицеров, кроме одного, не считая командира полка. <...> Не допускаю, чтобы в воскресенье и праздничные дни церкви в резервах пустовали и чтобы все наличные офицеры не присутствовали при богослужениях.

§ 3.

В ночь на 25 сего февраля, командой пеших разведчиков 60-го Сибирского стрелкового полка в числе 24 стрелков при подпоручике Росове[600], были произведены поиски к стороне противника близ дер. Модевевичи, с целью исследовать состояние проволочных заграждений, определить места имеющихся в них проходов и проверить места пулеметных гнезд и местонахождение секретов. Первая часть задачи разведчиков была выполнена и ими исследован весь ряд проволочных заграждений, но когда они собирались, проползши под проволокой, зайти в тыл обнаруженному ими секрету, находившемуся в нескольких десятках шагов от окопов противника, то были внезапно обнаружены и по ним был открыт сильнейший ружейный и пулеметный огонь, сразу выведший из строя пять разведчиков ранеными. Высмотрев по направлению пулеметного огня пулеметные гнезда, разведчики стали медленно отползать, унося с собой раненых, из коих один по дороге скончался. Дойдя до своих проволочных заграждений, начальник команды, проверив число разведчиков, двух назначенных в дозор сперва не досчитался. Поиски их к результатам не привели, так как из-за

наступившего рассвета добраться до проволочных заграждений нельзя было. В тот же день в 19 часов, когда уже стемнело, оставшиеся в дозоре разведчики ефрейтор Григорий Еремечёв[601] и стрелок Хорис Латынов[602] подползли к нашей проволоке и вышли к 9-й роте.

Оказалось, что они пролежали среди немецкой проволоки в нескольких десятках шагах от пулеметных гнезд противника и потому не могли выбраться оттуда без обнаружения себя из-за лунной ночи; устроив себе небольшой окопчик из снега они и пролежали там 18 часов до наступления сумерек следующего дня, наблюдая за противником, после чего отползли к своим. Усматривая во всем вышеизложенном молодецкие осмысленные действия разведчиков 60-го Сибирского стрелкового полка, мне приятно выразить начальнику команды подпоручику Росову мою благодарность, а раненых, кровью своею запечатлевших подвиг и не имевших возможности довести оный до конца, за ранением, (п. 6 ст. 145 Георгиевский статут) ефрейтора Николая Никитина[603] (умершего от ран), стрелков Андрея Бурко[604], Степана Калинина[605], Николая Чернятина[606] и Викентия Следевского[607] награждаю, в силу представленной мне власти Георгиевскими медалями 4-й степени за №№ 854702–854706.

Всем молодцам разведчикам, участвовавшим в поиске, мое сердечное спасибо, что выполнили свой долг, вынеся все своих раненых товарищей. Разведчикам – ефрейтору Григорию Еремечеву и стрелку Харису Латыпову не растерявшимся и столь обдуманно обсудившим свое трудное положение среди немецкой проволоки, пролежавших 18 часов вблизи неприятеля и молодцами вернувшимися к своим, объявляю мое особенное спасибо и приказываю выдать из моего содержания по десяти рублей награды».

6. От 4 марта 1917 г.

«Из представленных мне сведений о работах, произведенных на боевых участках, я усмотрел, что не только все работы, кои приказано было выполнить с 16 февраля по 2 сего сего марта исполнены, но даже с излишком, несмотря на неблагоприятные условия погоды. Отмечая это

с чувством особого удовлетворения, я считаю долгом от лица службы поблагодарить начальников боевых участков полковников Гулидова и Витковского и дивизионного резерва полковника Стукалова, и.д. дивизионного инженера подпоручика Берга, а также всех гг. штабс- и обер-офицеров, руководивших саперами и стрелками при производстве работ. Молодцам нижним чинам большое сердечное спасибо за их самоотверженную службу <...>».

27 февраля пришел на мое имя вагон с подарками для дивизии от чинов Отдельного корпуса жандармов в сопровождении унтер-офицера Царскосельского вокзала Буянова[\[608\]](#). На другой день вещи были выгружены и доставлены мне. Я был очень тронут таким вниманием со стороны чинов корпуса жандармов, которые не забыли своего старого командира. Вместе с Буяновым я распределил вещи по частям дивизии, их была такая масса, что хватило на всех. Все вещи были практичные и нужные. Распределив их по частям дивизии, я отправил их в части при соответствующих бумагах нижеследующего содержания:

Мне хотелось, чтобы Буянов сам, как представитель корпуса жандармов, лично бы роздал хотя бы часть подарков и потому я ему предложил отправиться со мной в окопы, захватив до 200 пар теплых рукавиц, чтобы раздать их находившимся там стрелкам. Доехав в санях до полкового резерва, начальник штаба, Буянов и я, обойдя роту, стоявшую в резерве, пошли по ходу сообщения в передовые окопы, откуда как на ладони видны были немецкие окопы, видны были и перебегавшие немцы. Буянов был в полном восторге, он первый раз был в такой боевой обстановке, первый раз видел окопы. Немцы как будто нарочно изощрялись перед ним – стреляли из винтовок, пулеметов, бомбометов, минометов и, наконец, из орудий. Мы прошли всю первую линию правого участка и 6 лисьих нор, спускаясь в каждую из них.

Два раза нас обстреляли довольно сильно, особенно у наблюдательного пункта. Пули летели с визгом, другие ударялись в землю, взрывая снег в расстоянии не более аршина от нас. Буянов

бросался искать пулю в снегу, думая, по наивности, что найдет ее и говоря: «Вот бы домой такую пулю привезти, ведь не поверят, что так близко от меня падали». Только к 10-ти часам вечера мы вернулись в штаб. Перед уходом из окопов, когда уже темнело, я приказал выпустить несколько ракет, которые очень эффектно и красиво разрывались, освещая немецкие окопы. Наши ракеты в то время были лучше немецких, горели сильнее и более продолжительное время. Приятно было смотреть на Буянова – до того он был счастлив, что он все это видел.

На другой день я снабдил его посылкой к моей сестре и письмами и простился с ним, поручив моему вестовому отвезти его на вокзал. Я был далек от мысли, что в это время в Петрограде уже совершался переворот. И этому несчастному Буянову не дадут возможности доехать до Петрограда. Что случилось с ним, убили ли его, скрылся ли он, осталось неизвестным, но посылка на имя моей сестры с письмом и вложенными в нее деньгами, которые я посылал сестре, не пропала.

Полгода спустя курьер из Чрезвычайной следственной комиссии принес эту посылку в неприкосновенности со всем содержимым, только она была перетянута другой веревкой с печатями вышеназванной комиссии. Как, при каких обстоятельствах, она попала туда, узнать не удалось.

На другой день отъезда Буянова я был вызван в штаб корпуса, где мне было сообщено, что моей дивизии предстоит занять новую позицию и что мне надлежит по сему поводу представить в штаб корпуса мои соображения. <...>

Это было 2 марта, мы были далеки от мысли, что в это время, в Петрограде совершился уже переворот, что государь отказался от престола, что монархия перестала существовать. Никаких слухов, никаких признаков не было. На фронте было спокойно, моя дивизия стояла стойко на позиции, свято и непоколебимо продолжая выполнять свой долг перед царем и Родиной, перенося и невзгоды и всякие лишения с полным самоотвержением.

Накануне переворота[609]

3 марта у нас на позиции было совершенно спокойно, никто у нас и не подозревал, что в Петрограде совершаются чрезвычайные события.

В этот день, в виду предстоящей смены полков на позиции, я отдал следующие обычные оперативные приказы. <...>

К вечеру в этот день я получил следующую депешу от командира корпуса:

«Без заголовка начдиву. Главкозап приказал сообщить, что во избежание ложных слухов в войсках, следует объявить всем офицерам и объяснить нижним чинам:

1) Что никакого увода войск с фронта, обязанного защищать Родину от врага не будет допущено, посланные же два полка пехоты с батареей для восстановления порядка в Петрограде, ввиду того что порядок восстановлен Думой при содействии запасных частей Петрограда, по высочайшему повелению возвращаются;

2) Что утверждение нового состава министров ожидается в самое ближайшее время, и потому – никакие отдельные выступления войсковых частей с заявлениями о присоединении не могут иметь никакого основания и совершенно бесцельны;

3) Что все внимание войск и всех чинов от генерала до солдат должно быть обращено против врага, который не дремлет и несомненно воспользуется ослаблением войск на фронте, чем бы таковое не было вызвано. Нужно помнить всем, что Родина ждет от всех нас защиты от ее злейшего врага. Срочно исполнить 2419. Парский».

Депеша эта была слабым намеком на то, что что-то происходит, но т. к. у нас решительно не было никаких слухов – ни о беспорядках в Петрограде, ни о посылке туда каких-либо войск с фронта, то я впал в полное недоумение – что же я буду объявлять офицерам и объяснять солдатам. Я позвонил по телефону Парскому, он тоже был в полном недоумении, и я решил ничего не предпринимать, оставив депешу у себя в ожидании дальнейших вестей.

Не прошло и четверти часа после моего телефонного разговора с Парским, как мне подали телефонограмму с приглашением приехать в штаб корпуса. Приказав оседлать лошадь, я выехал несколько встревоженный. В штабе были уже и другие начальники дивизий. Парский показал нам депешу, только что переданную ему из штаба армии о последовавшем отречении государя от престола за подписью «Юрий Данилов»...

Эта депеша как громом поразила нас всех, никто не решался произнести слова, Парский вопросительно смотрел на нас. Тогда я решился заговорить и сказал, что этой депеше придавать значения нельзя, что сообщение о таком исключительном событии может быть принято только от своего главнокомандующего, Данилов же является для нас посторонним лицом и такая депеша, идущая по фронту может быть ничем иным как провокацией, с целью внести смуту в войсках передовой линии, что депешу надо спрятать и снести шифром через штаб армии со штабом фронта. Ко мне присоединились и другие начальники дивизий, на этом мы и расстались.

Не могу сказать, чтобы я возвращался к себе со спокойной душой – всю ночь я не мог уснуть; мысли, одна тревожнее другой, бродили у меня в голове, надо было быть готовым ко всему.

Наступило 4-е марта. В 11 часов утра мне подали депешу с известием о назначении ответственного министерства во главе с князем Г. Е. Львовым, а также и о назначении великого князя Николая Николаевича главнокомандующим, а через час пришла еще и следующая депеша:

«Государь император издает манифест, который будет объявлен законным порядком. 3 марта 1917 г. № 1939. Генерал-адъютант Алексеев. Телеграмму эту объявить войскам и населению 6247, Эверт. 7684, Смирнов» 5769, Парский».

Я понял, что очевидно произошло что то исключительное, но все же я не хотел еще верить, что государь отрекся от престола.

Отречение государя от престола

К вечеру слух этот подтвердился, сомнений не оставалось, мы ждали только подробностей.

На другой день пришел и манифест, а затем я получил следующую телеграмму от командира корпуса:

Во исполнение этой депеши, я отдал следующий приказ по дивизии от 5 марта 1917 г. за № 108:

«§ 1.

2-го сего марта его императорскому величеству благоугодно было отречься от престола и издать в согласии с Государственной Думой следующий манифест:

§ 2.

До отречения, в тот же день, его императорское величество указами правительствующему Сенату данными назначил Верховным главнокомандующим его императорское высочество великого князя Николая Николаевича и, в согласии с Государственной Думой, председателем Совета министров, ответственного перед народными представителями министерства, князя Георгия Евгеньевича Львова.

В состав министерства вошли: министр внутренних дел князь Георгий Евгеньевич Львов, министр иностранных дел Павел Николаевич Милюков[\[610\]](#), министр юстиции Александр Федорович Керенский, министр путей сообщения Николай Виссарионович Некрасов[\[611\]](#), министр торговли и промышленности Александр Иванович Коновалов[\[612\]](#), министр народного просвещения Александр Аполлонович Мануйлов[\[613\]](#), военный и временно морской Александр Иванович Гучков, министр земледелия Андрей Иванович Шингарев[\[614\]](#), министр финансов Михаил Васильевич Терещенко[\[615\]](#), государственный контролер Иван Васильевич Годнев[\[616\]](#), обер-прокурор Синода Владимир Николаевич Львов[\[617\]](#).

По всем вопросам и надлежит сноситься с новым правительством.

§ 3.

Великий князь Михаил Александрович, получив высочайший манифест от 2 сего марта, обратился к народу с следующим воззванием:

§ 4.

Объявляя выше указанные манифест и воззвание по частям вверенной мне дивизии, я призываю всех, начиная от старших и до самых младших сохранить полное спокойствие, беспрекословно подчиниться Временному правительству и следовать его указаниям, помнить, что, в настоящую минуту, когда Россия ведет великую войну с грозным врагом, и когда от результатов войны зависит само существование России, все воины, начиная от старших до младших, должны проникнуться единою мыслью о победе над врагом и всеми силами стремиться, чтобы не могли возникнуть какие-либо междуусобные распри, памятуя, что только после победы над врагом может наступить полная слава и благоденствие России.

К этому нас призывает наш Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич телеграммой от 4 сего марта за № 4318, повелевший внушить и разъяснить чинам армии и флота, что после объявления обоих актов они должны оставаться в повиновении законным начальникам, оберегать Родину от грозного врага и своими подвигами поддерживать союзников наших в беспрецедентной борьбе.

§ 5.

Объявляю приказ по армии и флоту нашего Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича от 3 сего марта за № 1.

«Волею монаршею, по неисповедимым путям господним, я назначен Верховным главнокомандующим. Осенив себя крестным знаменем, горячо молю Бога явить мне свою всесильную помощь. Твердо верю, что на благо Родины, он – всемогущий и всемилостивейший – услышит молитву мою. Глубоко проникнут сознанием, что только при всесильной помощи Божьей получу силы и разум вести вас к окончательной победе.

Что касается вас, чудо-богатыри, сверхдоблестные витязи Русской земли, то знаю, как много вы готовы отдать на благо России. Нам только нужна помощь Божья. Веруйте со мной, что Бог нам поможет.

Знайте, что Россия в сознании, что для достижения окончательной победы нужна дружная самоотверженная работа всех ее сынов в тылу, своим достоинством и спокойствием явить всему миру величие русского духа и непоколебимую силу нашей молодой Родины. Генерал-адъютант Николай».

Сплотимся же дружной, крепкой стеной вокруг нашего Верховного главнокомандующего и поможем ему вывести обновленную Россию на путь победы и славы.

§ 6.

Объявляю приказ главнокомандующего армиями Западного фронта от 4 сего марта за № 1071.

§ 7.

В ознаменование происшедших событий первостепенной важности приказываю в ближайший воскресный день, 12 сего марта, отслужить после божественной литургии молебствия во всех частях дивизии с возгласением многолетия богохранимой державе Российской и благоверному Временному правительству.

В 59-м Сибирском стрелковом полку отслужить молебствие на площади в присутствии всего полка после обедни, которую начать в 11 часов.

В 60-м полку в южной части Россошского леса после обедни, которую начать в 9 часов утра, на молебствии быть 2-м батальонам и командам этого полка, саперным ротам и резервам 2-й батареи.

В полках, стоящих на позиции, обозах, лазаретах молебствия по распоряжению начальников боевых участков, командиров полков, обозов и главных врачей.

Командующий дивизией

Это был первый приказ, который мне пришлось подписать после отречения государя, расписаться «Свиты его величества» я не мог уже, т. к. государя в России не было, расписаться же просто «генерал-майор» мне казалось, что я этим отказываюсь от своего звания, которое я носил с гордостью, и потому я и стал подписываться «Свиты генерал-майор». Может быть это было не логично, но в то время мне было слишком тяжело сразу сбросить с себя звание «Свиты», поправить как бы идеалы, которыми я жил.

Я продолжал носить и свитскую форму и вензеля на погонах, пользуясь, что никаких указаний по сему поводу получено не было, я носил их как дорогое мне воспоминание, снять их, как многие из лиц бывшей Свиты это сделали тотчас по отречении государя, мне претило. Некоторых смущало, что я хожу в погонах с вензелями отрекшегося государя, других это коробило, большинство же с уважением отнеслись к этому.

Я, конечно, отлично понимал, что рано или поздно, мне придется расстаться с вензелями, но дабы это произошло для моего внутреннего чувства безболезненно, я обратился к командиру корпуса с просьбой – представить меня по телеграфу к производству в генерал-лейтенанты, т. к. будучи уже 8 лет в чине генерал майора имел на это полное право, а такового рода производства автоматически сопровождалось снятием вензелей.

Парский очень охотно пошел навстречу этому моему желанию и 2 апреля последовал приказ Временного правительства о производстве меня в генерал-лейтенанты.

К сожалению, мне все же не удалось дотянуть до моего производства, т. к. 21 марта последовало распоряжение из ставки об упразднении званий генерал-адъютанта, свиты генерал-майора и флигель-адъютанта. Пришлось во исполнение этого приказа снять свитскую форму, а с нею и вензеля и облечься в общегенеральскую с нумерацией на погонах «15 Сб. с», взамен вензелей Николая II.

Но возвращусь к моменту опубликования мною манифеста об отречении государя. Отдав приказ, я решил спешно лично объехать все полки, команды и части дивизии, чтобы лично объяснить всем чинам происшедшие события. Первыми я посетил полки, сменившиеся из окопов 6-го числа – 59-й полк, а 7-го – 60-й. Приказав построить полки в батальонных колоннах покоем в полной боевой амуниции, я приехал к ним верхом и, приказав скомандовать на караул, прочел манифест государя об отречении его от престола.

По команде «к ноге» обратился к полкам с несколькими словами, посвященными памяти государя. В заключение я сказал, что если государь решился на такой шаг, как отречение от престола не только за себя, но и за своего сына наследника, другими словами пожертвовал собой, то очевидно, им руководило при этом только одно желание – благо своей Родины и наш долг сохранить о нем добрую память в своих сердцах.

Я прибавил затем, что в настоящую минуту наш бывший государь, наверное, переживает тяжелые дни. «Помянем же его молитвой», – сказал я. Раздалась команда «на молитву». Когда обнажились головы, я прибавил: «Перекрестись же каждый и помолись про себя, чтобы Господь помог нашему бывшему вождю перенести в бодрости ниспосылаемое ему Богом испытание и чтобы принесенная им жертва способствовала бы счастью нашей матушке России».

Слова мои были приняты очень сочувственно, я не заметил ни одного стрелка, который бы не перекрестился, а у многих на глазах были слезы. Музыка в это время трогательно играла «Коль славен».

Затем я вновь приказал скомандовать «на караул» и прочел манифест великого князя Михаила Александровича. Объяснив его смысл и что такое Учредительное собрание, я предложил в честь великого князя, поставившего благо Родины выше своих личных интересов, крикнуть «ура». Громкое «ура» под звуки кавалергардского марша [\[618\]](#) огласило все поле.

Когда крики «ура» смолкли, последовала команда «к ноге». Я прочел тогда приказ Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Оглушительное, долго несмолкаемое «ура» наполнило воздух. Известие о назначении его опять верховным главнокомандующим было встречено средним восторгом. Пропустив мимо себя полки церемониальным маршем, поблагодарив их за молодецкий вид и выразив уверенность, что они не только не ослабят, а удесерят свою энергию для борьбы с врагом, я уехал под очень хорошим впечатлением.

К сожалению, я не мог сразу объехать все полки, т. к. два из них стояли в окопах и потому я был принужден отложить беседу с ними до смены их с позиции.

Меня смущали в штабе корпуса, говоря, что я слишком смело выступил перед солдатами, что остальным полкам, с которыми мне придется беседовать через две недели, мне не удастся и половины сказать того, что я говорил о бывшем государе, т. к. полки уже будут так распропагандированы, что мне не дадут и сказать двух слов.

Опасения штаба корпуса оказались напрасными. 57-й и 58-й полки приняли все мои слова о государе и через две недели так же сочувственно как и первые два, а учебная команда 58-го полка просила меня разрешить оставить висеть у них портрет Николая II. Я им ответил, что очень ценю их добрые благородные чувства, но разрешить этого не могу, т. к. за всех ведь они не смогут поручиться и среди них всегда может найтись такой, который неуважительно отнесется к портрету и давать этому повод не следует. Я сказал им, что только этой причиной я и руководился, отдавая приказание заменить в частях дивизии портреты государя портретами Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича.

Первые дни после переворота

Вспоминая сейчас эти дни после совершившегося переворота, я удивляюсь, как меня на все хватало. Приходилось находиться все время в ужасном напряжении, целыми днями объезжать части дивизии,

внимательно прислушиваясь ко всему, что происходит в них, говорить и со стрелками, и с офицерами, рассеивать разные нелепые слухи и небылицы и стараться, чтобы эти последние не проникали в части дивизии, принимать меры к ограждению передовой линии от тлетворного влияния с тыла и т. д.

Все казалось у меня наружно спокойно, никаких выступлений, резкостей не замечалось, но, конечно, чувствовалось сильная нервность, а она-то и могла сама по себе вызвать эксцессы, влиять на настроение толпы, тем более, что отовсюду получались вести тревожного характера и в соседних с нами гренадерских дивизиях было далеко не ладно.

Целыми днями я ходил по ротам, беседуя со стрелками, стараясь, чтобы они узнавали все непосредственно от своих офицеров, а не подпольными путями, требовал, чтоб ротные командиры, офицеры постоянно общались со стрелками, читали бы им газеты, приказы, разъясняли им. К сожалению, на офицеров было трудно положиться, кадровых было мало, а все эти новоиспеченные были уж чересчур мало образованы.

В общем, настроение было довольно хорошее, революционный дух как-то не проник еще в ряды моей дивизии. Помню, как несколько дней после получения вестей о перевороте, проезжая мимо землянок саперной роты, я обратил внимание на повешенные красные флажки. Остановившись и войдя в землянку, я спросил, зачем это они повесили какие-то красные флаги. Саперы сконфуженно, как мне показалось, ответили, что так теперь везде украшают в знак свободы. Я им на это сказал, что этот цвет вовсе не означает свободу, а кровь, и красные флаги являются эмблемой кровавой революции; у нас же, как им известно, революция прошла бескровно. Я прибавил, что я не запрещаю им, если им это нравится, но остановился и зашел к ним только для того, чтобы высказать им свой взгляд вообще на красные флаги и сказать им, что многое, что допустимо в тылу, в боевой линии, где все мысли должны быть направлены к победе над врагом, является неуместным.

Сказав это, я уехал. Возвращаясь обратно я уже флагов не заметил. По объезде всех частей я вынес впечатление, что большинству происшедшая перемена в правлении России была безразлична, их интересовала она только с точки зрения продовольственной – будут ли их лучше или хуже кормить, другая часть, напротив, была очень рада новому режиму, жадно набрасывалась на газеты и на всякие известия, очень многие жалели государя, других шокировали крайности и они никак не могли о них мириться. Все в один голос приветствовали назначение великого князя верховным главнокомандующим. Его имя действительно объединяло армию, про него ходили разного рода легенды.

И немцы были подавлены его назначением. 8 марта к нам перебежал один немец-офицер, за всю войну это был первый случай в нашей армии – по его словам, когда у них узнали о революции в России, то ликование было общее, но когда пришло известие о назначении великого князя, то ликование сразу стихло, они опустили голову, имя Николая Николаевича было для них пугалом.

И действительно было очень заметно, что немцы сильно нервничали, забрасывали наши окопы прокламациями об окончании войны, а также и возбуждающие против Англии, как например:

Ночами немцы усиленно стали стрелять минами, так что с нашей стороны ежедневно бывали потери. Это все еще более осложняло и без того трудные условия нашей позиции, держало нас в постоянном напряжении. И как на беду еще метели и морозы, сменявшие друг друга, не прекращались. Было уже около 10 марта, а морозы стояли 10–15 градусов.

И вот, среди всех этих трудностей приходилось поддерживать равновесие в настроении людей и защищать войска, стоявшие на позиции, от влияния тыла. <...>

Большой вопрос возник о том, как поминать на ектениях и великом выходе за обедней. Сначала остановились на том, чтобы не смущать молящихся оставить по-старому, с прибавлением «бывшего». Но 5 марта была получена депеша на имя благочинных от протоиерея 2-й армии

Рубина[\[619\]](#), что главный священник Западного фронта предложил помянуть на ектениях и великом выходе – государыню Марию Федоровну и Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, а в молитве «спаси Господи» – «победы христолюбивому воинству на сопротивные даруя».

По прошествии же некоторого времени пришла перемена – помянуть «благодарное Временное правительство».

В самый разгар этих первых тяжелых дней после переворота, я был очень утешен подвигом разведчиков 58-го полка, о подвиге которых я отдал в приказе по дивизии от 7-го марта:

«В ночь с 5 на 6-е сего марта, получив от командира роты задачу продвинуться с группой разведчиков до проволочных заграждений противника и выяснить сколько рядов кольев, как заплетена проволока и не наэлектризована ли она, партия разведчиков 58-го Сибирского стрелкового полка под командой младшего унтер-офицера Пылыгалова[\[620\]](#) выступила из северной части окопа Кривун. Не дойдя до проволоки противника, разведчики были обнаружены, и немцы открыли по ним сильный ружейный и пулеметный и бомбометный огонь.

Стрелок Щеглов[\[621\]](#), не обращая внимание на сильный огонь противника, дополз до проволоки и начал ее резать, но здесь же и был убит ружейной пулей в голову, запечатлев свой подвиг геройской смертью. Благодаря сильному огню, разведчики вынуждены были вернуться в свои окопы. Не дойдя до своих окопов, стрелки Белогрудцев[\[622\]](#) и Грицко[\[623\]](#), заметив, что среди возвращавшихся нет стрелка Щеглова, вернулись обратно, доползли до проволоки, взяли тело убитого и под сильным не прекращавшимся огнем противника вынесли его в свои окопы.

На основании вышеизложенного, согласно ходатайства командира полка, награждаю молодцов стрелков Георгиевскими медалями 4-й степени. Щеглова за № 854707, Белогрудцева за N 854708 и Грицко за № 854709 (п.п. 6 и 7 ст. 145, Георгиевского статута)».

В это же время получены были для распространения среди войск и населения следующие телеграммы и объявления от нового правительства и председателя Думы:

1). «По приказанию командующего армией объявляется во всеобщее сведение.

Телеграмма председателя Государственной Думы начальнику штаба Верховного главнокомандующего.

Временный комитет членов Государственной думы, взявший в свои руки создание нормальных условий жизни и управления в столице, приглашает действующую армию и флот сохранять полное спокойствие и питает уверенность, что общее дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прекращено или ослаблено.

Так же стойко и мужественно, как доселе, действующая армия и флот должны продолжать дело защиты своей родины.

Временный комитет при содействии столичных воинских частей и присутствии населения в ближайшее время возвратит спокойствие в тылу и восстановит правильную деятельность правительственных установлений. Пусть и со своей стороны каждый офицер, солдат и матрос спокойно исполняет свой долг и твердо помнит, что дисциплина и порядок есть лучший залог верного и быстрого окончания вызванной старым правительством разрухи и создания новой сильной правительственной власти.

Председатель Государственной Думы Родзянко».

2). «Повеление Верховного главнокомандующего к армии и флоту:

7 марта 1917 г.

Установлена власть в лице нового правительства.

Для пользы нашей родины, я, Верховный главнокомандующий, признал ее, показав сим пример нашего воинского долга.

Повелеваю: всем чинам нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямых начальников. Только тогда Бог нам даст победу».

Первые приказы, способствовавшие разложению армии

Одновременно стали получаться приказы по военному ведомству, все они отнюдь не способствовали поддержке дисциплины, столь необходимой на фронте, и вели только к большему разложению в армии, что очевидно и нужно было авторам этих приказов, или, если они хотели действительно победы, то просто не понимали, что со всеми коренными реформами в армии надо было обождать до окончания войны.

Первый же такой приказ Гучкова – военного министра я и объявил, скрепя сердце, в приказе по дивизии.

«8 марта 1917 г.

«Объявляя при сем приказ по Военному Ведомству за № 114, предписываю принять его к неуклонному руководству и исполнению:

Приказываю:

1) отменить наименование «нижний чин», подлежащих случаям заменять его названием «солдат».

2) отменить титулование, заменив таковой формой обращения «господин генерал», «господин полковник», «господин капитан», «господин штаб-ротмистр», «господин хорунжий», «господин врач», «господин чиновник» (или по должности, например: «господин казначей», «господин унтер-офицер», или по названию «господин отделенный») и т. п.

3) При обращении ко всем солдатам, как на службе, так и вне ее, говорить «Вы».

4) Отметить все ограничения, установленные для воинских чинов, статьями 99, 100, 101, 104 Устава внутренней службы, воспрещавшими курение на улицах и в общественных местах, посещение клубов и собраний, езду внутри трамвая, участие в качестве членов в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью и проч.

Предлагаю Главному управлению Генерального штаба теперь же приступить к переработке соответствующих статей воинских уставов в соответствии с указаниями настоящего приказа.

Предоставляю тому же управлению разъяснить все вопросы и недоразумения, могущие возникнуть при применении настоящего приказа.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и всех воинских строевых и нестроевых командах.

Военный министр Гучков. № 1314».

В это же время получено было приказание – всем начальникам отдельных частей до командира полка включительно, представить военному министру непосредственно, минуя свое начальство, желательные изменения в уставе внутренней службы. Это распоряжение военного министра А. И. Гучкова служило доказательством того хаоса, который происходил в то время в Петрограде, органы которого лихорадочно спешили проявить свою деятельность, не думая о том, что этим они вносят только полную неразбериху в делах. Ведь это был полный абсурд – требовать мнение от полутора тысяч человек, чтобы произвести некоторые ничтожные изменения в уставе. Могло ли министерство разобраться во всех этих мнениях, для чего было затевать такую непроизводительную работу, отвлекая на фронте командиров полков от боевой работы.

И для чего военному министерству понадобилось нарушать порядок подчиненности, на которой зиждилась дисциплина, без которой воевать нельзя было, и требовать присылки мнений от командиров полков не по команде.

У меня в дивизии, конечно, командиры полков не позволили себе представить свои рапорты помимо меня, так что я имел возможность ознакомиться с их мнениями. Привожу один из этих рапортов как образец.

«9 марта 1917 г. Рапорт командира 58-го Сибирского
стрелкового полка военному министру. № 358

Представляя при сем желательные изменения в уставе внутренней службы, присовокупляю, что кроме приложенных изменений нахожу необходимым:

1) Снять со всех гг. офицеров ответственность за поведение солдат вне казарм.

2) Разрешить офицерам ношение вне службы статского платья.

3) Сложить со строевых начальников заботы по хозяйственным вопросам.

4) Уравнять армию в правах с гвардией, флотом и специальными войсками.

5) Избавить войска от полицейских обязанностей во всех ее видах.

6) Избавить войска от окарауливания банков, тюрем и т. п.

7) Желательно, чтобы в комиссии по выработке всех вопросов, связанных с новыми реформами в военном ведомстве, деятельное участие приняли бы не только опытные офицеры генерального штаба, но и строевые начальники с фронта, куда назначенные явятся вполне подготовленные, т. к. сейчас, ввиду экстренности изложения, своего мнения дать в полном объеме таковое невозможно.

8) Желательно, чтобы Временное правительство привлекло в строевые части действующей армии всех тех граждан и воинских чинов, кои, по разным причинам, уклонялись до сих пор от военных действий, причем, если замена их потребуется, на фронте и в тылу всегда найдется масса воинских чинов, искалеченных и раненых, которые свой долг перед родиной в рядах действующей армии уже исполнили.

9) Считать изменниками перед родиной всех членовредителей и бежавших во время сражения, а также при следовании в действующую армию.

10) Назначить строгое наказание за хулиганство и неуважение к чужой собственности и личности.

Приложение: Перечень изменений статей Устава внутренней службы.

Полковник Элерц.

Полковой адъютант штабс-капитан Подьяпольский[\[624\]](#).

Приложение:

Перечень изменений статей Устава внутренней службы.

§ 1 Каждый воинский чин есть слуга своей родины и защитник ее от врагов внешних и внутренних.

§ 2. Выкинуть – «равно числящиеся в запасе».

§ 14. Выкинуть.

§ 16. Выкинуть «и не садиться, пока не получать на то разрешение».

§ 18. Выкинуть «не отпускать, пока на то не последует разрешения».

§ 19. Выкинуть «до тех пор, пока не последует разрешение».

§ 23. Выкинуть.

§§ 30, 31. Оставить отдание чести, но не становясь во фронт.

§ 45. Честь не отдают.

§ 46. То же.

§ 47, 48, 52, 53, 58 – выкинуть.

§ 98. Участвовать в сборищах можно, в буйствах и драках нельзя.

§ 101. Желательно внести исправление – «играть на деньги можно в солдатских столовых и общественных местах».

§ 110. Всех чинов, заведующих разными частями ротного хозяйства, выбирать самим солдатам и эти выборные отвечают перед выбравшими за добросовестное исполнение своих обязанностей. Если хозяйственные чины будут замечены в недобросовестном исполнении своих обязанностей, то солдаты просят ротного командира удалить их и выбирают новых чинов хозяйственного управления.

§ 117. Денщики и вестовые к офицерам назначаются из числа желающих и могут быть во всякое время откомандированными в строй по желанию же. Денщику разрешается носить штатское платье, офицеру

разрешается также отказываться от пользования денщиком, когда ему выдаются деньги для найма частной прислуги.

§ 148. Упразднить, а с ними и вольноопределяющихся. Допустить в войска добровольцев на одинаковых правах со всеми солдатами.

§ 163. Выкинуть о неразрешении иметь книги и журналы без подписи ротного командира.

§ 217. Упразднить.

§ 317. Игры допускаются только в солдатских собраниях.

§ 322. Свидания с солдатами допускаются только в солдатских собраниях, куда могут допускаться торговцы, книгоноши и т. п. Кроме нищих.

§ 334, 335 и 354 отменить.

§ 380. Изменить: «дежурный офицер встречает и рапортует своим прямым начальникам.

§ 381. Изменить перечисленные в этом лица только спрашивают разрешение у дежурного

§ 404, 409 и 460 отменить.

§§ Религиозные обязанности солдат изменить в том виде, что это дело совести каждого и понуждений быть не может.

§§ Арест для солдат установить одного вида – простой. Установить отдельное наказание постановку под винтовку.

§§ 678 выкинуть пункты В и Г. 681, 682, 683, 733, 734, 745, 746 и 747 – отменить.

Командир 58-го Сибирского стрелкового полка
полковник Элерц.

Полковой адъютант штабс-капитан Бодиско».

Последнее обращение отрекшегося императора к войскам

9-го марта мы получили следующее обращение отрекшегося императора к войскам, подписанное им перед окончательным отъездом из Ставки 8-го марта.

Подписав это обращение, Николай II выехал из Могилева, хотя и в своем бывшем императорском поезде, но уже под конвоем с лишением свободы, прямо в Царское Село, где он опять-таки был подвергнут домашнему аресту со всей своей семьей в Александровском дворце, в котором и прожил до отправления в Тобольск, не имея общения с внешним миром.

Первый случай братания с немцами

9-го марта произошел у меня в дивизии первый случай братания с немцами, что меня страшно расстроило, это было первое серьезное нарушение дисциплины; я тотчас поехал в этот полк, говорил с офицерами, а затем отдал следующий приказ от 10-го числа:

«Вчера на левом боевом участке часть солдат 57-го Сибирского стрелкового полка в 11 час. 10 мин. вышли из своих окопов по направлению к немцам, которые, в свою очередь, вышли за свои проволочные заграждения и встретились на поляне в районе минированной рощи, после чего, получив от немцев пук прокламаций, вернулись обратно, а немцы были загнаны в свои окопы пулеметным огнем, открытым командующим 1-й ротой.

Артиллерийские же офицеры наблюдатели, видевшие это безобразие, не приняли мер для разгона этой группы. <...> Кроме того, очевидно стрелки не дали себе отчета, что встретившись с немцами и вступив с ними в разговор, они этим самым дали возможность немцам разглядеть их погоны и удостовериться, какой из наших полков занимает позицию, очень возможно, что немцы вызывая наших и имели в виду мирным порядком узнать, какой полк стоит перед ними, а наши простаки и сыграли им в руку. Приказываю объяснить стрелкам все недопустимость и позор их поступка, и надеюсь, что эти роты своими

смелыми разведками смоют легшее на них пятно — якшания с немцами. В выносном окопе приказываю иметь всегда офицера, наблюдателя от батальона, а командующему 15-м Сибирским стрелковым артиллерийским дивизионом предписать батареям в таких случаях, как вышеуказанный, немедленно открывать огонь по требованию артиллериста — наблюдателя, не дожидаясь распоряжений начальника боевого участка». <...>

Присяга Временному правительству

10-го марта согласно полученного распоряжения, я отдал следующий приказ:

«С 11-го марта во всех частях, управлениях, учреждениях и заведениях вверенной мне дивизии принести присягу на верность Российскому государству и повиновению Временному правительству, ныне восстанавливающему российское государство, отслужив благодарственные молебствия. Я со штабом дивизии принесу присягу с чинами 60-го Сибирского стрелкового полка».

Отдав этот приказ, мне стало как-то тяжело на душе, этой присягой я как бы отрекался от всего, что я чтил с детства. Но для блага родины это было нужно, я должен был показать пример верности Временному правительству и, хотя я многому сочувствовать в душе не мог, тем не менее я работал над собой, чтобы этот разлад, происходивший в моей душе, не вырывался наружу, т. к. тогда я бы уже был не в силах поддерживать равновесие в своей дивизии, сохранить ее от развала.

Мое положение как свиты генерала становилось с каждым днем труднее, вернее щекотливее. Благодаря газетным статьям, обливавшим грязью бывший царствующий дом, агитациям, я стал замечать возбуждение против дома Романовых и чувствовал, что многие начинали коситься на меня, продолжавшего носить вензеля государя. По этому поводу стали распространяться слухи, что я присягать не буду, и некоторые части дивизии и даже один полк стали говорить, что я буду

со всем штабом присягать в первый день с 60-м полком, чтобы прекратить все разговоры.

Присяга прошла в полном порядке, я присягал верхом, окруженный 60-м полком, построенным покоем в батальонных колоннах.

Затем отслужено было торжественное молебствие, после чего я сказал стрелкам по поводу присяги несколько слов и пропустил полк мимо себя церемониальным маршем.

Увольнение в. кн. Николая Николаевича, назначение генерала Алексеева

На другой день получено было известие о прибытии великого князя Николая Николаевича в ставку, а затем и другое, повергшее всех в уныние — об увольнении его и о назначении Верховным главнокомандующим генерала Алексеева.

Увольнение Николая Николаевича, пользовавшегося огромным авторитетом и популярностью среди войск, послужило крупным шагом к развалу армии, отовсюду все чаще и чаще стали получаться вести об эксцессах и насилиях над командным составом и офицерами, а также и об отказах со стороны частей войск исполнять боевые приказы.

А тут еще проник на фронт знаменитый исторический приказ № 1, составленный по инициативе Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

И хотя и последовало разъяснение, что означенный приказ относится только к войскам Петроградского гарнизона, тем не менее, он уже успел произвести должное впечатление и поколебать взаимоотношения между офицерами и солдатами.

Приказ этот гласил следующее:

«1 марта 1917 г. Приказ № 1. По гарнизону Петроградского округа. Всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для незамедлительного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1) Во всех ротах батареях и полках, батальонах, эскадронах, отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей;

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от роты, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 час. утра 2-го марта. Во всех своих политических выступлениях воинские части подчиняются Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам. Приказы военного комиссара Государственной Думы следует исполнять за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов;

3) Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и проч., должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в каком случае не выдаваться офицерам, даже по их требованию;

4) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общественно-гражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в этих правах, коими пользуются все граждане. В частности вставание во фронт и обязательное отдавание части вне службы отменяется. Главным образом отменяется титулование офицеров высокопревосходительствами и благородиями и т. п. и заменяется обращением г. генерал, г. полковник и т. д.» <...>

Когда зараза эта проникла и на фронт, и, опираясь на этот приказ, солдаты стали отказываться от исполнения боевых приказов, выражая недоверие офицерам, то в Петрограде спохватились и разослали следующие воззвания[\[625\]](#):

Эти все воззвания мало достигли цели, т. к. одновременно все делалось для дискредитирования командного состава и офицеров

и для колебания дисциплины. Гучков с Поливановым, назначенным к нему помощником, собрали комиссию для пересмотра уставов и изменения их (и это в разгаре военных действий), а затем был составлен список всех начальствующих лиц до командиров корпусов включительно, причем по совету генералов, окружавших Гучкова, им ставились кресты против фамилий тех, кои им были нежелательны. Было уволено до 100 генералов[626], что также сыграло немалую роль развалу армии. Все чувствовали, что армия, как боевая единица, катится по наклонной плоскости.

У меня, к счастью, дивизия как-то держалась и из повиновения не выходила, но это стоило невероятного напряжения.

Среди всех этих тревог за завтрашний день, я был очень растроган бывшими моими соратниками по Нарочскому бою, которые в день этого боя вспомнили меня. Я получил несколько депеш из родной бывшей 8-й дивизии:

«Вспоминая славные дни доблестных подвигов и душою с Вами Редько».

«В годовщину славного Нарочского боя 31-й полк, вспоминая своего вождя, шлет Вам наилучшие пожелания и горячие приветы. Командующий 31-м полком поручик Крюков[627]».

«Годовщину боев под Нарочем вспоминаю пережитое, шлю Вам самый сердечный привет. Хрипунов».

Первые солдатские организации

12-го марта пришло распоряжение допустить в полках учреждение самостоятельных солдатских организаций.

Пришлось отдать по сему поводу приказание, которое я облек в следующую форму.

«Приказываю начальникам частей дивизии не чинить препятствий и оказывать содействие самостоятельным солдатским организациям, для чего — разрешать собрания в свободное от службы время во всем

районе расположения дивизии, за исключением района расположения боевых полковых участков с полковым резервом включительно.

От полков, находящихся на боевой позиции разрешаю увольнять на собрания в тыл не более 2-х солдат от роты, дабы не ослаблять боеспособности, памятуя, что нам сейчас надо быть особенно зоркими на позиции, т. к. немец не дремлет и может каждую минуту устроить нам пакости».

Дабы несколько обезвредить эти организации, я просил офицеров не отказываться от вступления в оные с тем, чтобы они своим влиянием способствовали тому, чтобы все проводимое на их собраниях не только не ослабляло бы боевой дух дивизии, но напротив, стремилось бы его укрепить. В приказе по дивизии я отдал следующее:

«В интересах скорейшего проведения в жизнь армии нового законного порядка, установления духа общности и взаимопомощи в высоких целях организации свободы и победы необходимо, чтобы начальствующие лица содействовали организации солдат и, содействуя, сближались с ними сами.

Нужно проникнуться убеждением, что только путем совместных собеседований и обмена мнений вырабатывается строгая организация ради братства и победы над врагом. Верьте здравому смыслу солдат – предоставьте им возможность в пределах закона свободно собираться, обсуждать свои нужды, создавать свои организации, конечно, не ослабляя боевых рядов и не нарушая порядка настороженной боевой жизни.

На ближайшее же собрание, о котором части будут своевременно оповещены, отпустить из резервных полков возможно больше офицеров и солдат, но с таким расчетом, чтобы отпуск чинов не вредил текущему боевому делу и необходимым для сего работам, от боевых же частей по два офицера от батальона и по 4 солдата от каждой роты и до двух от каждой команды. В дальнейшем же руководствоваться нижеследующими правилами: в частях войск, стоящих на боевых позициях, для участия в воинских собраниях отпускать по два солдата

от роты и команды численностью более 100 солдат, от других же команд по одному.

Прошу и приказываю всемерно и со всею полнотой поддерживать дух дисциплины и порядка, помятуя, что новый свободный строй устанавливает благодетельные законы, возвышающее звание солдата и способствующие при искреннем проникновении ими сближению и взаимному доверию. Помните, что чем больше дается свободы, тем больше требуется от каждого соблюдения порядка и законности».

Мои объезды частей дивизии

В этот же день я издал и следующие приказы, как результат моих объездов частей дивизии:

1.

«При осмотре мною пострадавшей от обстрела правой батареи боевого участка, я не мог не обратить внимания на то, что 4-я тяжелая батарея не пришла на помощь своим огнем, несмотря на то, что с наблюдательного пункта ясно было видно место неприятельской батареи, которая обрушилась на нашу правую батарею. Офицер наблюдатель тяжелой батареи проявил какое-то непонятное для меня равнодушие. Приказываю командиру 4-й тяжелой батареи представить мне по сему поводу объяснение».

2.

«При обходе мною перевязочных пунктов и лазаретов я заметил недостаточно внимательное, в некоторых случаях, отношение к раненым со стороны ближайшего начальства в ротах и фельдшерского персонала, – так были случаи, что раненый в грудь с переломом ребра, другой – в горло доходили пешком до перевязочного пункта. Такие случаи возможны только во время серьезных боев, при больших потерях, и когда, волей неволей, приходится и более тяжелым раненым добираться самим до перевязочных пунктов, в настоящее же время это недопустимо.

Кроме того, я напал в одном из лазаретов на тяжелый случай. Раненый, доставленный на полковой перевязочный пункт заявил, что у него имеется 80 рублей денег. Врач перевязочного пункта обязан был или взять эти деньги на хранение и выдать расписку, или же, если бы раненый пожелал взять с собой деньги, должен был в препроводительной бумаге указать сумму денег, находящуюся при раненом. Так как врач не принял этих мер, а раненый по прибытии в дивизионный перевязочный отряд был без памяти – деньги в результате пропали. Считая виновным как полк, так и дивизионный перевязочный отряд, приказываю на этот раз вернуть эту сумму раненому стрелку 58-го Сибирского стрелкового полка Дурневу[\[628\]](#), находящемуся в Курско-знаменском лазарете, в равных долях по сорок рублей из хозяйственных сумм 58-го полка и перевязочного отряда.

Предупреждаю, что на будущее время в таких случаях будет взыскиваться с виновных лиц...»

3.

«Около 16-ти часов тяжелая батарея противника, корректируемая с аэроплана, обстреляла 4-ю батарею 2-й Гренадерской артиллерийской бригады, выпустив около 200 снарядов, причем в нишах со снарядами произошли пожары, которые были потушены мужественной и самоотверженной работой взводного фейерверкера Крылов и старшего фейерверкера Григоренко[\[629\]](#). За полное спокойствие и самообладание, проявленное на батарее, объявляю благодарность командующему батареей капитану Каминскому[\[630\]](#), а молодцов Крылова и Григоренко приказываю представить к соответствующим наградам».

Посещение дивизии членом Государственной Думы Н. Н. Щепкиным для передачи приветствия Временного правительства

13-го марта я получил извещение, что на другой день, в распоряжение дивизии прибудет член государственной Думы Н. Н. Щепкин [\[631\]](#) с приветствием от Временного правительства.

Я был этому очень рад, т. к. надеялся, что Щепкин сумеет повлиять на массы в смысле необходимости поддержать дисциплину и довести войну до конца. Чтобы наибольшее число солдат могло его увидеть, я отдал следующий приказ по дивизии:

«Завтра 14-го сего марта, в 14 час. 30 мин. прибудет в распоряжение дивизии член Государственной Думы Н. Н. Щепкин с приветствием войскам от Временного правительства.

Для выслушивания этого приветствия назначить:

- 1) 59-й Сибирский стрелковый полк в полном составе;
- 2) Батальон 60-го Сибирского стрелкового полка и команды из южной части Россошского леса.
- 3) от батальона того же полка из узкой части Россошского леса по 10 солдат от каждой роты при одном офицере от батальона.
- 4) от батальона, расположенного при штабе левого боевого участка, по 2 солдата от роты при одном офицере от батальона.
- 5) от 57-го и 58-го Сибирских стрелковых полков по 2 солдата от роты и по одному от каждой команды при одном офицере от каждого полка.
- 6) от 3-й саперной роты Гренадерского саперного батальона возможны большее число солдат при офицере.
- 7) от штаба дивизии – 20 солдат, управлений 15-го Сибирского артиллерийского дивизиона и дивизионного интенданта по 2 солдата.
- 8) от каждой батареи по 10 солдат при офицере от дивизиона.
- 9) от дивизионного обоза – 20 солдат.
- 10) от обозов II разряда каждого полка – по 10 солдат.

11) от перевязочного отряда – 20 солдат.

12) от 1-го и 2-го лазаретов: Курско-Знаменского и Богодуховского отрядов и военно-санитарного транспорта по 10 человек.

<...> К означенному времени и месту командиру 60-го Сибирского стрелкового полка прислать хор музыки. Форма одежды пехотная».

Я приказал обставить посещение Щепкиным нашей дивизии возможно торжественнее, соорудить особую трибуну, с которой бы он мог сказать свою речь, чтобы все его видели и слышали.

За Щепкиным на вокзал я послал свои сани и командировал адъютанта. Погода была дивная, тихая, солнце светило вовсю, за полчаса до назначенного времени его приезда, я приехал верхом, объехав все части дивизии, здороваясь со стрелками и поздравляя их с праздником – приездом к нам представителя от Временного правительства. Настроение было бодрое, веселое. В три часа дня приехал Щепкин в полушубке, большой меховой шапке с солдатским Георгиевским крестом на груди и зеленым бантом. Командир полка скомандовал «на караул», музыка заиграла марш «Победы» и он подошел к Щепкину с рапортом.

После этого подошел я и приветствовал от лица дивизии, поблагодарив за оказанное нам внимание его приездом.

Щепкин поздоровался: «Здравствуйте граждане-солдаты».

Дружно и бойко ответили мои стрелки. После этого, когда Щепкин взошел на эстраду, я приказал придвинуть всех солдат, которые и окружили его тесным кольцом.

Все более и более воодушевляясь, Щепкин произнес очень хорошую речь, говорил просто, без фраз, касаясь как раз самых больных вопросов, которые волновали солдатские умы, он попадал как раз в точку. К его речи я бы ничего не мог прибавить и ничего бы не мог от нее отнять. Впечатление она произвела огромное, я лично был вполне удовлетворен, все окружающие также. По окончании его речи я поднялся на трибуну и, обратясь к офицерам и солдатам, спросил, уполномачивают ли они меня

ответить члену Государственной Думы. Дружно подхваченное «просим» было ответом.

С большим порывом я обратился к Щепкину, прося принять нашу благодарность за все им высказанное, за разъяснения, которые для нас особенно ценны, т. к. они затронули каждого из нас и никаких сомнений в целях, преследуемых правительством у нас после его речи не осталось и, что я прошу его передать пославшему его Временному правительству, что моя дивизия, присягнув на верность обновленной России и повиновении ее Временному правительству, будет свято выполнять присягу и, что мы все, начиная с меня и кончая младшим стрелком, в полном единении и дружной работе, не за страх, а за совесть будем работать на фронте, не покладая рук, защищая родину от нашего врага – немца, с полной верой в будущее счастье России.

Кончил я за матушку Россию, Временное правительство и Щепкина, после чего мы со Щепкиным обнялись тут же на трибуне, при прямо неистовых криках 7 тысяч солдат моей дивизии.

Чудная речь Щепкина, отвечавшая как раз на наши запросы и часть коей была посвящена поддержке командного состава и офицерства, заставила меня забыть все, что накопилось в душе моей против него еще с 1905 года, когда он так вооружил меня против себя своими резкими выступлениями.

Вместе с ним под руку, мы прошли сквозь густые шпалеры солдат к саням и он уехал, провожаемый звуками оркестра и криками «ура». Настроение у всех было приподнятое, чувствовалось, что не было ни одной нотки диссонанса, а главное, из уст представителя высшей власти мои стрелки слышали все то, что я и мои командиры и офицеры твердили им все время, а разные агитаторы старались их уверять в противном. <...>

Инцидент с двумя прапорщиками

На другой день, 15-го марта, мне представлено было дознание, произведенное по моему приказанию по поводу непристойного поведения

двух прапорщиков. Это дело меня весьма расстроило, пришлось отнестись с большой строгостью, дабы парализовать подобные явления.

Один из них Савин[\[632\]](#), будучи в душе большевиком, вносил страшную дезорганизацию среди солдат и пользовался влиянием среди отрицательно настроенных солдат.

Я изложил это позорное дело в приказе от 15-го марта:

«Из дознания, представленного мне полковником 60-го Сибирского стрелкового полка Поступальским по поводу неблагоприятного поведения прикомандированных к 3-й гренадерской саперной роте прапорщиков 57-го полка Савина и 59-го – Голицина[\[633\]](#), я усматриваю, что прапорщик Савин в течении двух последних недель вел совершенно недопустимый образ жизни, недостойный офицерского звания, злоупотребляя крепкими напитками, являлся на питательный пункт в нетрезвом виде, где вел себя неприлично, как по отношению к этому почтенному учреждению вообще, так и в частности к персоналу пункта. Последний же раз его невменяемость дошла до того, что он вызвал взвод сапер и с ними намеревался идти на пункт, но вовремя был остановлен командующим 3-й гренадерской саперной ротой.

Что касается прапорщика Голицына, то он, также злоупотребляя напитками, сопровождал прапорщика Савина при его посещениях пункта В. М. Пуришкевича, принимая этим участие в непристойном поведении своего товарища. Находя поведение прапорщика Савина совершенно несоответствующим званию офицера, а прапорщика Голицына в непонимании долга офицера, и, предварительно арестовав их на основании ст. 82 Свода Военных Постановлений кн. XXIII, приказываю немедленно откомандировать их в свои полки, не освобождая из-под ареста и командировав на их место других под ответственностью командиров полков. За означенные проступки арестовываю прапорщика Савина на один месяц, а прапорщика Голицына на две недели, с зачетом предварительного ареста и приказываю содержать при штабе дивизии в отдельной комнате (п.2 ст.78 дисциплинарного устава).

Вместе с сим предаю суду чести 57-й Сибирского стрелкового полка поступок прапорщика Савина, согласно приказа начальника штаба Верховного главнокомандующего за № 60 от 20 ноября».

На позиции в окопах

С 16-го числа погода сразу сдала и началось таяние снегов, приходилось все внимание обратить на борьбу с водой, причем на некоторых участках это было прямо не под силу.

Образованная для сего гидротехническая команда прямо выбивалась из сил. Я все время ездил то на один, то на другой участок, лично давая необходимые указания саперному офицеру, назначенному ответственным руководителем работ.

В ночь с 19-го на 20-е полки 57-й и 58-й были сменены на позиции 59-м и 60-м полком. Смена прошла гладко, в полном порядке, по проверке о проведенных работах на позиции сменившимися полками оказалось, что ими не только выполнены все предполагавшиеся работы, а по некоторым отделам было сделано даже больше, несмотря на огромные трудности работы, благодаря климатическим условиям в течении этих 2-х недель.

Я отдал по сему поводу благодарность командирам полков, офицерам и стрелкам, проявившим столь должную энергию и добросовестное отношение к делу.

21-го марта последовал следующий очередной приказ, подрывавший дисциплину в войсках и который я должен был объявить дивизии:

«Объявляю для сведения и исполнения копию телеграммы начальника штаба 2-й армии:

20 марта 1917 г. — Несвиж. По приказанию вр.и.д. командарма передаю приказ Верховного главнокомандующего № 8, который будет разослан приказом по армии за № 1335. Впредь до изменения статей 32, 33, 34, 35, 39, 40 и 47 Устава внутренней службы, объявляю для руководства в районе театра военных действий:

1) Отдание чести становясь во фронт отменяется для всех чинов армии – заменяется во всех подлежащих случаях прикладыванием руки к головному убору, согласно правилам службы.

2) Отдание чести есть оказание почета воинскому званию того, кому отдается честь – поэтому оно одинаково обязательно как для подчиненных и младших в отношении начальников и старших, так и для начальников и старших в отношении подчиненных и младших.

3) Отдание чести при встрече воинских чинов между собой должно предшествовать всякому другого рода приветствию, в каких бы личных отношениях не находились встретившиеся.

4) Обязательное для всех взаимное отдание чести служит символом единения между всеми чинами Российской армии.

5) Подчиненные и младшие обязаны отдавать честь первыми. 8056. Искрицкий[634]».

Посещение мною лазаретов

В этот же день, посетив один из лазаретов, я обратил внимание на некоторые случаи, о которых я и изложил в приказе от 20-го марта.

«...Больной выдерживает тяжкую болезнь воспаление легких, плеврит и т. п. выздоравливает, но нуждается по выписке в отдыхе для окончательного укрепления в здравии. Пересылать его на эвакуационный пункт не поможет, только отпуск на Родину в деревенскую обстановку может восстановить окончательно его здоровье.

Ввиду сего прошу дивизионного врача сделать немедленное распоряжение, чтобы главные и старшие врачи лазаретов и отрядов при выписке солдат после перенесенной тяжелой болезни и необходимости для полного укрепления сил, отдыха, пересылали бы на имя начальника части дивизии, каковой принадлежит выписываемый, заявление о том, что такому-то необходимо для укрепления сил отпуск на родину. Начальник части, получив такого рода записку, дает

разрешение на месячный отпуск, причем в приказе должно уговариваться, что отпуск по указанию такого-то врача, выписанному из лазарета такому-то.

При этом такого рода отпуск дается сверх выше нормы.

Я уверен, что гг. врачи при выдаче этих удостоверений будут строго придерживаться действительно необходимой нужды, не делая никаких поблажек, т. к. в противном случае рекомендуемая мною мера не достигнет цели и будет служить только поводом к злоупотреблениям».

Последний приказ великого князя Николая Николаевича

В этот день я получил приказы великого князя Николая Николаевича и генерала Алексеева, которые я и объявил в приказе по дивизии; тяжело было очень удостовериться в этом совершившемся факте – уходе великого князя из армии:

«Объявляю приказы Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича от 11 сего марта за № 2 и начальника штаба Верховного главнокомандующего за № 3, предписываю таковые прочитать во всех частях, ротах, эскадронах, батареях и командах.

№ 1. «Письмом от 9-го сего марта министр председатель князь Львов уведомил меня, что при создавшемся положении Временное правительство считает неизбежным оставление мною поста Верховного главнокомандующего, как члена Дома Романовых. Применительно к ст. 47 положения о полевом управлении войск, предписываю во временное исполнение обязанностей Верховного главнокомандующего вступить генералу от инфантерии Алексееву.

Великий князь Николай Николаевич».

№ 2. «Сего числа я вступил во временное исполнение обязанностей Верховного главнокомандующего. Временное исполнение обязанностей начальника штаба возлагаю на помощника моего генерала от инфантерии Клембовского[\[635\]](#).

Генерал Алексеев».

Одновременно получено было известие и об уходе Эверта. Главнокомандующим армиями Западного фронта назначен был Гурко. Мне было очень жаль Эверта – этого достойнейшего и благороднейшего человека, хотя против назначения Гурко сказать ничего нельзя было и в боевом отношении он представлял собой даже более крупную величину, чем Эверт. Смена эта совпала с введением в частях армии комитетов, с которыми Эверт примириться не мог.

Приказ Парского о демократизации армии

В 2-х числах я получил следующий приказ по Гренадерскому корпусу за № 415, от 17 марта 1917 г. <...>

Этим приказом положено было начало выборным организациям в войсках. Все это так было непривычно мне, так трудно было руководить всеми ими, давать направление, дабы все выборные комитеты не уклонились бы от своих задач, не вторгались в чисто боевую работу дивизии. Одновременно во всех частях по всему фронту стали избираться делегации для отправки в Петроград и Москву с целью приветствия Временному правительству и ознакомления с положением в столице. То же произошло и в моей дивизии, где организация солдат и офицеров прошла совершенно гладко, на собраниях выборные вели себя вполне корректно, благоразумно и выносили весьма обоснованные решения.

28 марта состоялось у меня в дивизии первое общее собрание для выработки резолюции, которую выборные от дивизии должны были прочитать в Петрограде. Я на этом собрании не был, и с некоторым беспокойством в душе, ожидал его окончания.

Собрание это прошло очень хорошо, по выработке резолюции вынесли постановление выразить благодарность мне за мое всегдашнее отстаивание офицерских и солдатских интересов и заботу о стрелках. Постановление это было встречено бурными криками «ура», о чем мне доложил председатель собрания поручик Шрейдер[636]. Это меня очень тронуло тем более, что я никогда ничего не делал для своей популярности, просто на просто старался исполнять только свой долг.

Приказ, выработанный на этом собрании, депутатам, отправлявшимся в Петроград, гласил следующее:

«Сего числа, мы, нижеподписавшиеся члены депутации 15-й Сибирской стрелковой дивизии, обсуждая вопросы, связанные с поездкой в Петроград и Москву и выполняя постановления ряда общих собраний приняли нижеследующие пункты:

1) Депутации явиться в Петрограде в Государственную Думу, к Временному правительству и Совету рабочих и солдатских депутатов и к командующему войсками подполковнику Грузинову[\[637\]](#).

II) Председателем депутации и представителем ее во всех этих учреждениях и местах избрать поручика Шрейдера, коему и поручить все официальные выступления от имени дивизии и депутации.

III) Все членам депутации предоставляется право выступлений с речами и заявлениями в пределах положений и идей, принятых общим собранием дивизии и делегатскими постановлениями.

IV) Государственной Думе и Временному правительству депутация принесет свое приветствие и, согласно постановлению общих собраний, заявит о неизменной преданности армии Временному правительству и принятой присяге, признавая в Временном правительстве единого верховного и законного руководителя государственной жизни страны.

V) Во всех местах заявить о непоколебимом решении довести войну до победного конца, ибо армия считает, что даже мир, которым бы восстанавливались прежние границы государства, мир без согласия союзников – явится миром позорным, угрожающим русской свободе, отделяющим нас пятном измены и предательства от свободной Англии, республиканской Франции, разбитых и поруганных за други своя Бельгии, Сербии, Черногории и Румынии, от клятвенного обещания восстановить свободную Польшу, немецких и русских земель.

VI) Приветствовать Совет рабочих депутатов, как борца за свободу России; благодарить за понесенные жертвы и воздать им вечную хвалу. Просить его своим авторитетным заявлением рассеять ложные слухи

о том, что между ним и Временным правительством существует борьба за власть, что сам он на эту власть посягает, ибо армия знает только одно правительство, до тех пор пока оно не приведет к новому строю, к новому государственному порядку через Учредительное собрание.

VII) Заявить о той тревоге, которая охватывает армию при мысли, что отсутствие интенсивного труда на предприятиях, работающих на оборону может привести к ослаблению боевых средств армии. Наш лозунг: «Мы сражаемся, не считая минут, которые остались нам для жизни, вы работайте, не считая часов, которые остались вам для отдыха».

VIII) Призывать всех к исполнению своего воинского долга до конца; указать, как опасно для дисциплины, боевого долга и чести народной такое положение, при котором слабодушные могут отказаться от защиты свободы и родины от действительного внешнего врага, под предлогом защиты их от несуществующего внутреннего. Враг на рубеже: здоровые в окопы, больные, израненные и истомленные на внутреннюю службу».

Тяжелое положение лиц командного состава

Но не везде было так гладко среди выборных организаций, все чаще и чаще с разных мест фронта стали приходить вести о выражениях недоверия к командному составу, об эксцессах и других нежелательных явлениях. Во многих частях действительно начальники очутились в совершенно критическом положении: будучи прекрасными боевыми начальниками, честнейшими и безукоризненными, они, в то же время, по своему характеру не могли примириться с требованиями современного момента, совершенно не отдавали себе отчета в происходившем. Такие начальники сразу теряли всякое влияние на свои части, в частях начиналась полная разруха и, конечно, такие их начальники делались уже негодными для дальнейшей службы на фронте.

Идя навстречу таким несчастным, но достойным уважения начальникам, начальник штаба корпуса обратился ко всем начальникам дивизии со следующим предложением от имени командира корпуса:

«20 марта 1917 г. Циркулярно. Секретно. Начальник штаба Гренадерского корпуса по части инспекторской...

Принимая во внимание характер совершавшихся событий, требующих от начальников всех степеней проявлений высокой деятельности, опыта, знаний и авторитета среди подчиненных, командир корпуса просит подвергнуть тщательному исследованию деятельность начальников, мало удовлетворивших означенным требованиям высокого напряжения их деятельности с тем, чтобы начальникам, утомленным в трехлетней войне и не удовлетворяющим требованиям современного момента, дать почетный выход, например, назначением на соответствующие тыловые должности, командир корпуса окажет всякое содействие к удовлетворению ваших ходатайств.

Генерал-майор Довгирд».

Продовольственный кризис

В это же время опять стал ощущаться продовольственный кризис, и я получил из штаба корпуса копию следующей телеграммы Верховного главнокомандующего с резолюцией Парского.

На телеграмме главнокомандующего ниже приводимой^[638] положена следующая резолюция командира корпуса: «В войска. Осветить соответствующим образом, прибегать не только к беседам, начальников, но и через выборных депутатов. Парский». <...>

Разослав эту телеграмму во все части дивизии, я отдал следующий приказ в разъяснение ее:

«Объявляю для сведения телеграмму из ставки № 2719 и приказываю ознакомить с ее содержанием всех офицеров и солдат частей дивизии, разъяснив ее смысл и то, что Родина наша требует от всех нас спокойно относиться к принятым временным правительством мерам сокращения продуктов, признанной, безусловно необходимой на некоторое время.

Затруднительное состояние страны в области продовольствия заставило Временное правительство совместно с исполнительным

комитетом совета рабочих и солдатских депутатов принять в виде временной меры ограничить выдачу продуктов для всего населения и войскам на фронте и в тылу до следующих размеров: хлеба два фунта в войсковом районе, полтора фунта – в тыловом районе, крупы или заменяющих ее припасов в обоих районах двадцать четыре золотника, зернофуража при работе – семь, при расположении на покое – шесть фунтов, сена в обоих случаях пять фунтов и соломы только из местных средств восемь фунтов.

Зернофураж во всех случаях, где, возможно, подлежит замене жмыхами по расчету одного фунта жмыхов за два фунта зернофуража.

Главкозап приказал с двадцать восьмого марта установить размер суточной дачи натурою войсковым и тыловым районам хлеба, пока два фунта, крупы двадцать четыре золотника, всякая недовыдача натурою каких-либо продуктов против установленных приказом главкозапа 1916 г. № 446 нормальных дач должна или заменяться всякими подсобными припасами из местных средств, или выдаваться на руки людям деньгами по установленной расценке, согласно приказа наштаверх 1916 г. № 1804, остатки же нормальных фуражных окладов соответственно дачам, установленным приказом 1916 г. № 61, должны оставаться в распоряжении войсковых частей для приобретения их собственным попечением соломы, где есть из местных средств увеличения дачи зернофуража и сена хотя бы за счет покупки собственным попечением частей войск по требованию Временного правительства категорически воспрещаю. Приварочные оклады, в которые входило по приказу № 448 двадцать золотников крупы или заменяющих ее продуктов, должны исчисляться по-прежнему с тем, чтобы за неотпуском войскам соответствующих продуктов натурою, таковые заменялись картофелем, овощами и вообще всем, что возможно приобрести на местах, или выдавались деньгами на руки как указано в приказе № 1804, вместе с тем Временное правительство категорически воспретило войскам всякого рода заготовки во внутренних округах без согласия уполномоченных минзема, указав привлекать виновных законной ответственности».

Отход дивизии в резерв

27 марта я получил распоряжение – дивизии отойти на отдых в армейский резерв. С одной стороны, я рад был, что дивизия сможет наконец отдохнуть после столь напряженной тяжелой службы в ужасающих условиях в течении почти 3-х месяцев, но, с другой стороны, я очень спасался, как бы полумирная обстановка не отразилась бы на дисциплине, люди не стали бы распускаться и влияние тыла не поколебало бы мою дивизию. <...>

Смена прошла не совсем гладко, т. к. 5-я Гренадерская дивизия, будучи в то время уже распропагандированной, стала предъявлять всевозможные несуразные требования и много времени ушло на уговаривание, вразумления и т. д. В конце концов нас сменили. 29-го марта уже вся моя дивизии была сосредоточена в армейском резерве.

Почти три месяца стоянки дивизии на таком трудном участке доставили мне большое удовлетворение; стрелки мои несли службу более чем удовлетворительно и потому мне хотелось выразить мою благодарность. Я изложил ее в нижеследующем моем приказе:

«За время стоянки на позиции с 15 января с.г. по сегодняшнее число на долю частей вверенной мне дивизии выпала крайне ответственная задача по обороне одного из серьезнейших участков корпуса. А если принять во внимание длительные, упорные жесткие морозы, сменяемые метелями, а затем наступившую сразу дружную весну, выдвинувшую быстрое таяние снегов и затопление больших пространств, то станет ясно, сколько надо было приложить колоссального труда, чтобы выполнить все, что требовалось от частей дивизии. Только благодаря общей дружной работе всех без исключения частей дивизии и ее чинов, проникнутых глубоким сознанием долга эти 2 ½ месяцев первой стоянки на позиции молодой дивизии прошли так гладко и благополучно.

Мне очень отрадно засвидетельствовать это в приказе и от лица службы выразить мою самую сердечную благодарность, во-первых: командирам полков, бывших начальниками боевых участков полковникам Стукалову, Элерцу, Гулидову и Витковскому, во-вторых,

всему штабу во главе с его начальником полковником Суходольским, на обязанности коего лежала разработка, согласно моих указаний, всех боевых задач, выпавших за это время на дивизию, в также и разрешение всех возникавших вопросов. Особенно из чинов штаба я благодарю начальника связи поручика Богомолова за его выдающуюся работу по оборудованию и поддержанию связи, а главное за то, что он вкладывал в это дело всю свою душу, не зная отдыха.

Переходя к действиям артиллерии, приятно отметить быстро налаженные взаимные действия с пехотой и полнейшую между ними связь, что значительно облегчало оборону участка: благодарю командующего 15-м Сибирским стрелковым артиллерийским дивизионом подполковника Тихомирова и всех командиров батарей как дивизиона, так и приданных к нему 2-й батареи Гренадерской артиллерийской бригады и 4-й батареи 2-й Гренадерской дивизионного интенданта капитана Яковлева с чинами его управления, командира дивизионного обоза и всех начальников хозяйственных частей, полков дивизии – благодарю самым сердечным образом за их неутомимую добросовестную службу по снабжению частей дивизии всем необходимым.

Дивизионного врача и всех чинов санитарного ведомства благодарю за их внимательное отношение по уходу за ранеными и больными солдатами и отлично налаженную эвакуацию.

Всему персоналу 55-го передового отряда Красного Креста с начальником отряда А. Н. Семеновским[\[639\]](#) выражаю мое самое глубокое сердечное уважение их образцовой, выше всяких похвал, работе.

В заключение благодарю от души моего ближайшего помощника по строевой части командующего бригадой полковника Буйвида за безупречное исполнение всех моих поручений и наблюдение за строевой подготовкой полков дивизии. Всем офицерам, чиновникам и солдатам выражаю мою признательность за дружную совместную работу. Дай Бог нашей дивизии быть всегда сплоченной, идти всем рука об руку, относясь всем, от мала до велика с уважением друг к другу

и полным доверием. Теперь в обновленной России иначе и быть не может, и я уверен, что вверенная мне дивизия в полном сознании величия и важности переживаемого Россией момента, выполнит свой долг перед Родиной не за страх, а за совесть.

А если так, то никакие немцы нам страшны быть не могут».

112-я отдельная инженерная рота

Как только дивизия сменилась, прибыла 112-я отдельная инженерная рота на смену саперной роты Гренадерского корпуса. Я очень пожалел, что должен был расстаться с этой образцовой ротой, тем более, что прибывшая ко мне на смену инженерная рота оказалась ниже всякой критики и я принужден был даже отказаться от нее, пока она не будет окончательно сформирована. Я изложил все это в полевой записке на имя командира корпуса:

«Доношу, что 112-я инженерная рота прибыла вчера и разместилась в северной части Россошанского леса; прибыла она в истерзанном виде – из 27 лошадей вместо положенных 142, пало 16 и только благодаря подмоге 12-го тяжелого дивизиона, удалось довести имущество, но часть все же осталось в Погорельцах.

При допросе моем командующего ротой поручика Трошина^[640] выяснилось: рота эта формировалась из частей Гренадерского саперного батальона выделением по взводу от рот; 1, 2, 3 взводы удовлетворительны, но 4-й, составленный из 3-й саперной роты гренадерского батальона – ниже всякой критики; очевидно из 3-й саперной роты были удалены все нежелательные элементы. Этот взвод является все время центром внимания командира роты, т. к. от нее всего можно ожидать.

15 декабря выделенные взводы прибыли в район 10-го армейского корпуса и до сего времени все формирование сводилось к снабжению имуществом, причем отпускалось имущество мелочами, в течении 3-х месяцев. В настоящее время командует ротой поручик Трошин. В роте 4 вакансии офицеров, затем не хватает фельдшера и разных категорий

солдат. Строевых – 125, нестроевых 72, лошадей верховых – 14, обозных – 100, интендантского обоза 1-го разряда – 3 повозки, 2-го разряда – 12, продовольственного обоза – 9, инженерного имущества вовсе нет.

Поручик Трошин мне доложил, что когда пришла депеша штаба Гренадерского корпуса о вызове роты, то ее спешно вызвали с позиции и приказано было немедленно выступить. Все наряды на дополнительное число солдат, имущество, лошадей были сделаны и остались в этом полку, и, по-видимому, ввиду вызова роты в другой корпус, оставлены были без исполнения.

Из всего изложенного, Вы изволите усмотреть, что рота прибыла почти в том же виде, как убыла из состава вверенного Вам корпуса 15 декабря прошлого года, и так как приказом по армии она должна была поступить в состав вверенной мне дивизии после ее формирования, то принять какую-либо ответственность за нее, а при этом еще и заботу о ней я не в состоянии, не имея для сего никаких средств. Ввиду этого до окончания ее формирования я прошу не передавать эту роту в мое распоряжение.

В подкрепление моего ходатайства, прилагаю рапорт командира роты от сего числа за № 477».

Расставаясь с саперными гренадерами, я отдал следующий прощальный приказ:

«Сего числа дивизия расстается с 3-й, ныне 2-й саперной ротой Гренадерского саперного полка после 2 ½ мес. совместной службы.

С глубоким сожалением расставаясь с доблестной саперной ротой, я от лица службы считаю приятным для себя долгом выразить мою глубокую благодарность бывшему командиру 3-й саперной роты штабс-капитану Мельникову и ныне командующему ротой поручику Бергу за то огромное содействие с их стороны в деле усовершенствования и оборудования позиции, которое я в дивизии всегда встречал со стороны их и чинов вверенной им роты.

От души благодарю младших офицеров, подпоручика Евстафьева[\[641\]](#) и прапорщиков Гертонана[\[642\]](#) и Иштовского[\[643\]](#), подпрапорщиков Глотова[\[644\]](#) и Моркушина[\[645\]](#) и всех молодцов солдат за их образцовую славную работу на пользу дивизии и того участка, который мне пришлось оборонять. Благодарю также сапер, как первых организаторов солдатских комитетов в дивизии и своим примером облегчившим сибирским стрелкам соорганизоваться и сознательно отнестись к великой реформе освобождения России.

От души желаю ставшей близкой 15-й Сибирской дивизии саперной роте полного успеха и счастья в дальнейшей боевой работе на славу и радость матушки России».

Вместе с переходом дивизии в армейский резерв, пришлось и штабу перейти на новое место стоянки, а именно в «Покатовку», так назывался городок, устроенный генералом Покатовым[\[646\]](#) в чаще леса для размещения штаба его дивизии.

Городок этот представлял собой ряд отдельных чистеньких домиков и землянок среди соснового леса, воздух был дивный, это был настоящий курорт. Одновременно пришлось передвинуть и обозы, т. к. база продовольствия также изменилась, это стоило невероятных трудов, т. к. распутица была ужасающая. Кое-как удалось справиться с этой нелегкой задачей, но много лошадей пало.

1-й приказ нового главнокомандующего Гурко

В Покатовку штаб перешел 29-го марта, в страстной четверг, в этот день получен был приказ нового нашего главнокомандующего генерала Гурко, от которого повеяло наконец бодростью и который ясно давал указания о том, как надо понимать свободу и рассеивал всякие толкования о выборном начальстве и т. д.

Этот приказ явился как бы светлым лучом среди темных туч, все более и более сгущавшихся над нашим фронтом под влиянием разрушающей пропаганды с тыла. Привожу его.[\[647\]](#)

К сожалению, еще до получения этого приказа у меня в дивизии произошел первый прискорбный случай выраженного офицерами и солдатами 57-го Сибирского стрелкового полка недовольства своим командиром полковником Стукаловым и просьбой об устранении его от должности. Хотя это и было вылито в форме вполне приличной, никаких актов не только насилий, какие были в то время заурядным явлением, но и малейших нарушений дисциплины не было; тем не менее, меня один этот факт страшно расстроил, я обвинял себя, не предупредил его, т. к. чувствуя, что Стукалов по свойственной ему бестактности, грубости и недостатку образования, как командир полка не был на должной высоте, я конечно сам должен был по своей инициативе представить ему почетный выход. Я и собирался это сделать, но события шли с такой головокружительной быстротой, что я просто не успел этого сделать и меня предупредили.

Будь состав офицеров старый, кадровый этого бы, конечно, не случилось, но в 57-м полку в то время не было ни одного штаб-офицера и бумага, поданная мне и гласившая, что офицеры и солдаты 57-го Сибирского стрелкового полка, собравшись на общем собрании 28 марта, единогласно постановили просить начальника 15-й Сибирской стрелковой дивизии, т. е. меня, об устранении от должности командира полка полковника Стукалова – была подписана 54 офицерами, из коих более половины (28) прапорщиков. Затем следовали подписи врачей, солдат, по одному представителю от роты, исключительно унтер-офицеров, и даже священника, последнее меня особенно неприятно поразило.

Постановление это мне было лично подано старшим офицером полка, причем им было заявлено мне по поручению собрания, что постановление это отнюдь не является требованием, а исключительно ходатайством и что я могу быть вполне спокоен, что никакого неуважения по отношению к командиру полка допущено не будет, и пока я не найду нужным его устранить, они все будут беспрекословно исполнять все его приказания.

Все это было хорошо, но я отлично понимал, что все это больше слова и раз уже случился такой инцидент, то, конечно, Стукалову оставаться командиром нельзя было. Он подал рапорт о болезни и я назначил комиссию для освидетельствования состояния его здоровья на предмет эвакуации по болезни в тыл. На место Стукалова я назначил временно командующим полком полковника Поступальского из 60-го Сибирского полка, т. к. считал невозможным поручать командование полком одному из офицеров, участвовавших в постановлении с выражением недоверия командиру полка.

Пасха

1-го апреля была Пасха. За суетой по переходу на новое место совсем почти не удалось побывать на страстной неделе на церковных службах. Только на «Плещаницы» я был в 59-м полку, а «12 евангелий» я читал в штабной столовой в присутствии офицеров и солдат штаба.

Заутреня была довольно грустная, полки нашей дивизии стояли довольно далеко от штаба и потому пришлось воспользоваться ближайшей походной церковью Самогитского гренадерского полка, которая от нашего штаба находилась всего в 500 шагах. Погода была убийственная, шел дождь вперемешку со снегом. Стоять же пришлось под открытым небом, т. к. навес был устроен только над алтарем. Внизу ноги уходили в липкую глину. Накануне к нам приехали Матвеевы из Москвы, привезшие опять массу подарков для моей дивизии. Я был очень рад их вновь увидеть у нас, они опять внесли много оживления и своим присутствием прикрасили встречу светлого праздника.

Разговелись мы в землянке, обращенной в столовую штаба, были и сестры Богодуховского отряда с врачами, едва добравшиеся до нас в двуколках – они ехали 1 ½ версты расстояния до нас полтора часа.

Первый и второй день Пасхи я объезжал верхом полки и батареи, христосовался с представителями частей и офицерами, вернувшись к себе, я нашел почтотелеграмму от командира корпуса с предложением

сообщить о настроении в дивизии и ее боеспособности. Я ответил полевой запиской следующего содержания:

«На почтотелеграмму наштакора от сего числа за № 16 доношу, что располагая всего получасом времени для ответа по столь серьезному вопросу, затронутому в почтотелеграмме, мне очень трудно подробно и обстоятельно ответить и я принужден наскоро изложить свое мнение.

Революционная волна несомненно очень сильно отразилась на войсках, как на солдатах, так и офицерах, не исключая и начальствующих лиц. С одной стороны среди войск вообще замечается сильный подъем и бодрое настроение. Лишения, недостаток продовольствия, трудные переходы солдаты и некадровые офицеры переносят гораздо легче, чем прежде и безропотнее, но чтобы у них при этом, в случае нашего наступления, оказался порыв идти вперед – я не думаю, напротив, сейчас каждый из них думает более чем когда-либо о сохранении своей жизни, чтобы вернуться домой здоровым и невредимым, чтобы зажить новой свободной и, как им кажется, счастливой жизнью. Это последнее так велико, что рисковать жизнью, умереть за Родину – вряд ли среди них найдутся таковые.

Начальствующие же лица и кадровые офицеры чувствуют себя как на вулкане, т. к. каждый из них отдает себе полный отчет, что достаточно малейшей неосторожности с его стороны, малейшей искры, брошенной каким-нибудь провокатором, чтобы сразу, стихийно исчезло бы все доверие к нему солдатской массы и все самые лучшие намерения и труды пропали бы даром.

Принимая во внимание все более и более распространяемое известие, что мы только защищаем родину, отказываясь от завоевательных стремлений, станет очевидным, что войска, стоящие на фронте, скорее пригодны для обороны, чем для наступления. Конечно, случайная какая-нибудь победа с нашей стороны, удачный прорыв фронта противника может влить в войска наступательную бодрость, изменить настроение, но для этого надо ряд счастливых случайностей.

Что касается вверенной мне дивизии, то считаю ее пригодной для боя и боеспособной, но, как недавно сформированной, требующей некоторой боевой подготовки в смысле обучения, т. к. она до сего времени совсем была лишена возможности серьезно заняться в силу разных сложившихся для нее неблагоприятных при формировании обстоятельствах. Ее надо натаскать, если так позволено будет выразиться, что и будет мною сделано, если на это дадут время и если присылаемыми пополнениями мне не будут портить как офицеров, так и солдат, последние за редкими исключениями настолько плохи, что составляют для части скорее обузу, а не подмогу».

В этот же день я отдал следующий приказ по усилению боевой подготовки дивизии. <...>

Переход дивизии из Гренадерского корпуса в 9-й армейский в район Синявки

Только я отдал этот приказ, как на другой день пришло приказание, нарушившее все мои планы. Дивизии приказано было перейти в совершенно новый район вблизи Синявки с переводом из Гренадерского корпуса в 9-й армейский. Хотя Гренадерский корпус и не был особенной приманкой, он был очень распушен, но у меня сложились уже известные отношения со штабом и командиром корпуса, который удивительно мило и всегда трогательно, с безусловным доверием относился ко мне и потому мне было очень жаль с ним расстаться.

К тому же, переход хотя и предстоял всего 50 верст, что для солдат было пустяком, но не то было для обозов, которые были измотаны вконец, не хватало лошадей. Пришлось целую ночь проработать для выработки плана перехода. Благодаря ужасающим дорогам, нечего было и думать делать более 15 верст в сутки, поэтому весь переход я распределил на три дня <...>.

Перед выступлением я был у командира Гренадерского корпуса, чтобы откланяться ему, проститься и поблагодарить за его более чем

предупредительное отношение ко мне и к моей дивизии, затем сделал прощальные визиты начальникам гренадерских дивизий[\[648\]](#)[\[649\]](#). Парский и весь штаб гренадерского корпуса тронули меня очень, расставаясь со мною и выражая сожаление уходу моей дивизии. Парский отдал по сему поводу следующий приказ по корпусу, доставивший мне большую радость:

<...> 5-го апреля я двинулся с штабом тоже в три перехода. Первый ночлег был на пункте Пуришкевича в Погорельцах, второй в штабе 9-го корпуса, а третью ночь я уже был на месте. В Погорельцах нас атаковала эскадрилья немецких аэропланов, сброшено было до 50 бомб, к счастью потери были небольшие, все же мы потеряли 5 лошадей в нашем обозе. Матвеевы из Покатовки двинулись вместе и прибыли в новое расположение штаба одновременно с нами. Это было чудное, совсем не разоренное имение «Грушевка», в котором штаб разместился не только с полным удобством, но прямо-таки роскошно. Дом представлял собой настоящий дворец со всеми удобствами вплоть до электрического освещения. В новом помещении меня ждал мой племянник – сын моей сестры Константин[\[650\]](#), и ужасно обрадовался его повидать, он переночевал у меня и уехал в свою бригаду, он отбывал повинность в гвардейской конной артиллерии. Полки разместились более или менее хорошо, на довольно сухих местах, заняв хорошие землянки.

Командиром корпуса оказался мой хороший знакомый, командир Измайловского полка, генерал Киселевский[\[651\]](#), который меня очень радушно принял. К сожалению, это были последние дни его командования, он ожидал другое назначение; его заменил генерал Тележников[\[652\]](#) – довольно отрицательная величина. На другой день нашего переезда в Грушевку пришли подарки, привезенные Матвеевым и в течении нескольких дней мы занимались раздачей их частям дивизии. После этого Матвеевы уехали, к большому сожалению всех чинов штаба, которые все очень сблизились с ними.

Как только я устроился в Грушевке, то послал Парскому в ответ на его прощальный приказ, следующую депешу:

«Комкору Гренадерского. Глубоко растроганные дорогими напутственными словами Вашими в приказе № 437 все чины вверенной мне дивизии просят меня от всего сердца поблагодарить Вас за столь душевное к нам внимание и лестную незаслуженную оценку нашей работы.

С глубокой грустью расставались с вверенным Вам Гренадерским корпусом, где мы были так ласково приняты и где сразу почувствовали себя уютно и хорошо, благодаря той удивительной отзывчивости, которую мы встретили в вас, снисходительности и доброте вашей, которые всегда нас трогали и подбодряли к работе.

Пережив с Вами и вашими гренадерами пробуждение России к новой жизни, эти великие дни мы еще больше сплотили сибирских стрелков с гренадерами и никогда не забудем тот корпус, в который попала наша дивизия впервые после ее формирования...».

Заступление дивизии на позицию

Не успели мы как следует устроиться, как получен был приказ одному из полков дивизии заступить на позицию, сменив части 31-й дивизии.

Новая позиция была совершенно исключительная, как по устройству и оборудованию окопов, так и месторасположению ее. От немцев было далеко и вся она была укрыта. После трудной и опасной позиции в Гренадерском корпусе это был рай. На позицию в окопы я поставил 37-й полк. <...>

10 апреля состоялся приказ о назначении Киселевского командующим 10-й армией, мне было очень жаль с ним расставаться, за краткое наше знакомство, в боевой обстановке, я очень сблизился с ним.

Перед его отъездом в штабе 9-го корпуса состоялся прощальный завтрак, после которого была снята общая группа. <...>

К этому времени относятся первые попытки внести некоторую систему и порядок в образовавшиеся уже политические организации в войсках, которые стали принимать в некоторых частях, главным

образом, на Северном фронте чуть ли не диктаторский характер. Это, конечно, служило причиной полного развала частей. На верхах спохватились и стали вводить эти, возникшие уже организации в известные рамки, что было, конечно, нелегко.

У меня в дивизии организации находились в самом зачаточном состоянии, и потому приказ Верховного главнокомандующего о временном положении об организации чинов Действующей армии и флота пришел как раз вовремя – ломать ничего не пришлось, а просто организовывать комитеты по преподанной свыше программе. Я был очень рад этому приказу, т. к. он устанавливал известный порядок, а главное, не допускал в комитетах обсуждения вопросов боевых, обучения части и организации работ. <...>

Разослав этот приказ во все части дивизии и преподав начальникам всех степеней лично прочесть его в ротах батареях и командах и разъяснить солдатам, я обратился к ним 13 апреля со следующим призывом, изложенным в приказе по дивизии:

«Согласно разосланного во все части дивизии приказа Верховного главнокомандующего от 30 марта с.г. за № 51 с приложенным при оном «Временном положении об организации чинов действующей армии и флота», приказываю ускорить проведение его в жизнь, задержанное переходом дивизии из Гренадерского в 9-й армейский корпус. В исполнение этого приказа, немедленно произвести выборы от полковых комитетов в дивизионные, там, где они еще не были произведены и представить в штаб дивизии для доклада мне списка всех выборных офицеров и солдат, как ротных, так и полковых и дивизионных офицеров и солдат, с указанием в ротных и полковых председателя, товарища председателя и секретаря. Списки представить мне не позже 16 числа этого месяца, дабы иметь возможность собрать дивизионный комитет до 20 апреля и произвести выборы в армейский комитет. При штабе дивизии согласно примечания к § 32 положения, мелкие части дивизии и учреждения образуют один общий полковой комитет. В число этих мелких частей и учреждений, включая команду штаба дивизии, с чинами

управления дивизионного интенданта, комендантскую роту, перевязочный отряд, 1-й и 2-й лазареты отдельно каждый, 55-й передовой отряд Красного Креста и дивизионный обоз. Выборы в этих частях производятся применительно к § 6 положения, в случае недоразумения в применении разрешение этого вопроса возлагаю на начальника штаба.
<...>

Призываю всех от начальников частей дивизии до младших солдат дивизии к дружной, совместной работе на пользу нашей дорогой родине и армии, проникнуться взаимным уважением и доверием друг к другу и помнить, что перед нами стоит наш злейший враг немцы, которые не брезгуют никакими приемами для поколебания нашего духа и внесения разрухи среди нас.

Будем это всегда помнить и не дадим немцу нас одурачить своими провокационными способами, к которым он все чаще и чаще обращается к нам и дадим ему должный отпор на все его гнусные предложения и провокационные прокламации, коими он забрасывает зачастую наши окопы.

Дружно рука об руку будем все работать на пользу нашей свободной России и победой над немцем укрепим нашу свободу на земле русской».

Новый командир корпуса Тележников

15-го апреля прибыл новый командир корпуса Тележников, я поехал ему представиться. Принял он меня любезно, но не произвел на меня впечатления серьезного и дельного начальника. Я сразу почувствовал, что это не работник и что он будет шефствовать, но не командовать, будет бояться за свою шкуру и от него никакой поддержки получить нельзя будет.

Моим докладом о положении дел в моей дивизии он по-видимому остался доволен и выказал мне большое доверие, обратившись ко мне с просьбой не могу ли я рекомендовать ему на имеющуюся у него в штабе вакантную должность начальника штаба. Позволил себе назвать полковника Суходольского, с которым мне было тяжело служить,

но для Тележникова, который, как я был уверен, ищет такого начальника штаба, который бы всю работу взял на себя, Суходольский был для этого весьма подходящим лицом, как безусловно знающий и хороший работник, стремящийся к самостоятельности.

На другой же день Суходольский был вызван Тележниковым и вступил во временное исправление должности начальника штаба корпуса. Заместителем его у меня временно я назначил штабс-капитана Губанова[\[653\]](#). Это была не находка, но мне в то время, когда наступательных действий не ожидалось, был нужен только исполнитель моих приказаний, а кроме того я надеялся, что мне удастся получить начальником штаба Шафаловича, о котором я уже писал в своих воспоминаниях за 1916 г.

За две недели стоянки дивизии на новом месте я, наряду с работой в штабе и организации политической жизни в дивизии, очень много времени проводил в разъездах, посещая полки и батареи. Приходилось быть вовремя начеку, хотя в дивизии все шло гладко, ко мне отношение было отличное, меня берегли, если так можно выразиться, но я все же не мог себе не отдавать отчета, что вся эта масса действовала всегда под впечатлением минуты, сегодня она носила на руках, а завтра, под влиянием какого-нибудь крикуна, могла резко изменить отношение и решиться на всякие эксцессы. Вот и приходилось все время следить за настроением, чтобы быть готовым тем или иным способом отпарировать расходившиеся страсти. Чтобы сохранить равновесие, приходилось на все самое малейшее реагировать, а иногда волей-неволей прибегать и к компромиссам, что для меня всегда бывало особенно мучительно и тяжело.

Мои приказы по обходе позиций

Привожу несколько моих приказов за эти первые две недели новой стоянки:

I

«10 апреля я посетил 59-й Сибирский стрелковый полк на новом месте его стоянки, обошел все землянки, беседовал с офицерами и солдатами. Везде я нашел полный порядок, солдаты имели бодрый молодцеватый вид, последний поход, несмотря на распутицу, сделали легко, отставших не было...

Землянки в первом батальоне и командах очень хорошие, к сожалению, не могу этого сказать обо всех землянках 2-го и 3-го батальонов, где в большинстве показывается вода и приходится все время работать, чтобы ее исчерпать»...

II

«10 апреля в 10 часов я посетил 1-й батальон 58-го Сибирского стрелкового полка, прекрасно расположенный в лесу, близ штаба полкового боевого участка. Землянки отличные, просторные, сухие и не оставляют желать лучшего, хозяйственные постройки также. <...>. При расспросе же моем о ходе занятий получил весьма поверхностный ответ... Убедился в одном, что мой приказ от 2-го апреля за № 144 не соблюдается, укрепленного городка нет, стрельбище не устроено, обучение метанию ручными гранатами не производится и таковых даже в батальоне не имеется». <...>

IV

В этот же день я обошел все позиции боевого участка <...> боевой части 57-го Сибирского стрелкового полка. Впечатление от несения службы полком в окопах, работ самое отрадное, как солдат, так и офицеров. Все имели отличный добрый вид и я поздно вечером оставил позицию под самым лучшим впечатлением.

Одновременно с обходом позиции я на выдержку осматривал и окопы как промежуточной линии, так и 2-й и 3-й линии первой полосы. Труд над ними 31-й пехотной дивизией положено немало, но и нам предстоит еще колоссальная работа, т. к. 3-я линия в совершенно зачаточном

состоянии, а 2-я только местами одета, и, как лисьи норы, так и блиндажи еще далеко не окончены. <...>

VI

15-го сего апреля нашим снарядом, случайно разорвавшимся над окопом 9-й роты 57-ю Сибирского стрелкового полка, были смертельно ранены стрелок этой роты Наум Болюра[654] и легко стрелок Иван Самодуров[655].

Желая особенно почтить память стрелка Наума Болюра, умершего от раны при таких особо печальных роковых обстоятельствах, я приказал командиру полка обставить погребение этого стрелка со всеми подобающими почестями и известить меня о дне и часе похорон, чтобы мне приехать помолиться над его прахом.

Между тем вр. и. д. полкового адъютанта прапорщик Кириллов[656], получив распоряжение об этом от командира полка и отдав все соответствующие указания, забыл доложить командиру полка и означенный стрелок был погребен вчера в 17 часов и ни командующий полком, ни я не были предупреждены. На погребении хора музыки не было.

Такое непонятное отношение к моему приказанию командующего полком полковника Поступальского и такое недопустимое отношение со стороны и.д. полкового адъютанта меня поражает. Очевидно, прапорщик Кириллов слишком молод, чтобы нести ответственные обязанности полкового адъютанта.

Командующему полком мне донести о семейном положении убитого стрелка и выписку о нем из алфавита[657]. <...>

1-го мая заграничного стиля

18 числа – 1-е мая нового стиля приказано было в войсках отметить как международный рабочий праздник, почему мне и пришлось отдать следующий приказ:

«Приветствую все части вверенной мне дивизии с первым празднованием праздника труда свободной России. Будем помнить, что от нас, стоящих на фронте лицом к нашему врагу, зависит закрепление добытой свободы, которая может быть обеспечена только победой. Уверен, что дружными усилиями все частей дивизии с полным доверием друг к другу, мы выполним наш долг перед родиной. Да здравствует сильная духом, крепкая свободная Россия!

В ротах и командах занятий сегодня не производить, парады на работы отменить».

Это распоряжение о праздновании 1-го мая по заграничному стилю явилось для частей моей дивизии совершенно неожиданным и вызвало только недоумение, части дивизии ничем не реагировали на него.

Но не так было в соседней с нами 5-й дивизии, там 19-й Костромской полк организовал целое шествие с музыкой и красными флагами, придя в место расположения штаба дивизии, они вызвали начальника дивизии, приветствовали и качали его. Шествие это очень смутило 60-й полк моей дивизии, который стоял на биваке рядом с Костромским полком.

Под влиянием имевшихся всегда наготове агитаторов, пущен был среди солдат 60-го полка слух, что офицеры, из каких-то контрреволюционных побуждений, умышленно ничего не говорили о 18 апреля (1-го мая) не желая, чтобы стрелки реагировали на него и, благодаря этому, они себя скомпрометировали перед своими соседями-костромичами, не приняв участие в шествии и не устроив у себя никакого празднества.

Получив сведение о начавшемся по сему поводу возбуждении против офицеров, я тотчас поехал в 60-й полк, который, как находившийся в резерве, был сосредоточен в одном месте и размещен был в больших, хороших землянках по расчету одной на роту.

Подъехав к полку и приняв рапорт командира полка и дежурного по полку, я стал обходить землянки, здороваясь с каждой ротой отдельно, останавливался и задавал разные вопросы тому или другому стрелку, проверяя таким образом настроение, присматриваясь и прислушиваясь

к тону ответов. В третьей или четвертой роте, когда я уже собрался выходить, ко мне обратился один из стрелков с просьбой его выслушать от имени солдат. Выразив на это согласие, я вернулся в землянку, где тотчас был окружен целой толпой солдат, впереди которой встал обратившийся ко мне. Присмотревшись в него, я сразу заметил, что передо мной стоит типичный еврей.

Я, конечно, понял, что вся эта агитация дела его рук, но не подал и виду, что отгадал его и спокойно спросил его, что он имеет мне сказать. Он начал очень несвязно объяснять мне, что солдаты обижены на офицеров, которые нарочно скрыли от них первомайский праздник, т. к. не хотели, чтобы они его как-нибудь отметили, что теперь костромичи смеются над ними, что они такие отсталые, такие невежи и т. д. Я им на это сказал, что прежде до революции они могли бы еще претендовать на офицеров, что они их не предупредили о празднике, а теперь, когда офицеры и солдаты являются одинаковыми полноправными гражданами, такие претензии с их стороны не выдерживают никакой критики и таковой претензией они умаляют только звание свободного гражданина, свидетельствуя, что они желают идти на помочах у офицеров, что те или иные устраиваемые празднества являются внеслужебным препровождением времени и офицеры, как таковые, могут быть инициаторами их наравне с солдатами.

Затем я сказал, что эта претензия их на офицеров так сшита белыми нитками, что совершенно ясно, что собака зарыта вовсе не в том, что офицеры не предупредили стрелков о празднике, а просто придрались к случаю, чтобы под влиянием агитаторов возбудить стрелков против офицеров и, обратившись к еврею, стоявшему передо мной, я сказал: «Вы, который взяли на себя инициативу заявить мне неудовольствие со стороны стрелков против офицеров, попавшись грошовой агитации, доказали этим самым только недостаток понимания и умения разбираться в ней, почему вы только ввели в заблуждение стрелков. Он ничего не нашелся мне ответить и сказал только: «А все-таки нам обидно, что мы упустили праздник». Тогда я им сказал: «Если вам так хочется выявить себя чем-нибудь и откликнуться на первомайский праздник, то я ничего

не имею против – устройте себе праздник 1-го мая старого стиля, выработайте программу, у вас 10 дней впереди, по крайней мере у вас праздник будет настоящий первомайский, а не восемнадцато-апрельский, отпразднуете вы его по-русски, а не собезьянничаете с заграницы».

Это по-видимому им понравилось, я почувствовал, что масса на моей стороны. Поговорив еще немного, я обошел остальные роты и уехал.

Мысль, данная мною, была подхвачена с большим энтузиазмом, избрана была комиссия для выработки программы праздника и представлена мне на утверждение, это была смесь старого с новым.

Программа была, насколько мне припоминается, следующая:

«1) Молебствие перед выстроенным покоем, полком в полной боевой амуниции с оркестром на правом фланге и с флагами в каждой роте с выработанными лозунгами.

2) Слово священника.

3) Прохождение церемониальным маршем перед начальником дивизии.

4) Слово начальника дивизии, если он пожелает.

5) Слово председателя полкового комитета.

6) Речи других ораторов.

Затем обед, а днем игры на призы».

Против программы, я, конечно, никаких возражений не сделал, высказал только надежду, что никаких лозунгов, направленных против войны и боевых действий комиссией допущено не будет.

Наступило 1-е мая. Кроме 60-го полка только 59-й реагировал на празднование 1 мая, выпустив следующее воззвание:

«Граждане!

Кто не относился сочувственно к празднованию 1-го мая?

Чьи симпатии не были на стороне трудящегося класса, который устраивая этот праздник, тем самым выказывал свой протест против имущего буржуазного класса. Завтра – Первое мая. Первый свободный

народный праздник. Там, в тылу, народ достойным образом решил посвятить ему этот день. День, когда весь народ, сознавая свою победу над рухнувшим строем, тесно смыкает ряды, чтобы идти к свету, к правде, и создать новую собственную жизнь.

Граждане! Встретим и мы достойным образом этот традиционный праздник и пусть там в тылу знают, что и нам нужен свет, правда, что и мы хотим другой жизни.

Довольно унижения, довольно бесправия. Да взойдет заря новой жизни над нашей многострадальной родиной.

Полковой комитет 59-го Сибирского стрелкового полка».

Но эту программу не суждено было осуществить, она осталась на бумаге, т. к. полк этот в ночь на 1-е мая вступил на позицию.

В 9 часов утра я поехал в 60-й полк. Не без волнения я подъезжал верхом к выстроенному полку, я уже издали увидел длинную полосу флагов и стягов (целую неделю сшивали их и вышивали сами солдаты) по линии фронта. Раздалась команда «на караул», музыка заиграла Преображенский марш, сменившийся «Коль славен».

Под эти чудные звуки я тихо объехал выстроенные покоем батальоны, здороваясь со стрелками и поздравляя их с праздником. Люди выглядели бодро, весело, в каждой роте по флагу, перед каждым батальоном по длинному полотнищу на двух палках. Флаги большей частью красные, остальные белые с надписями из красного кумача.

Полотнища белые с красными буквами, у всех офицеров и солдат на груди красный бантик. Надписи были всевозможные и, к моей радости, ни одной против войны или за мир. Рядом с «Да здравствует революция!», «За демократическую республику!», «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» и такие «Сейте разумное, сейте прекрасное, спасибо вам скажет русский народ», «Поменьше слов, побольше дела» и т. д.

По окончании молебствия священник о. Павел Мансуровский, о котором я уже упоминал как об образцовом священнике, сказал чудное слово, посвященное первому мая с чисто христианской точки зрения,

произведшее огромное впечатление. Затем был церемониальный марш, по окончании которого я обратился к полку, поблагодарив за блестящее прохождение и затем, еще раз приветствуя с праздником труда, сказал несколько слов по поводу его значения.

Я сказал, что уже по своему названию этот день является праздником трудящихся масс, что только тот, кто трудится тем или иным способом, достоин его праздновать, что это есть как бы награда за понесенный им труд, выпавший на его долю. Я и предложил, чтоб каждый про себя подумал, считает ли он себя достойным праздновать этот день, выполнил ли он с полной добросовестностью лежавший на нем долг. К сожалению, таких окажется немного прибавил я, т. к. большинство старалось и старается после данной им свободы отвлечься от лежащих на них обязанностях, сколько раз бывали в полку печальные факты отказа от работы, от исполнения даже приказов. Всем, кто в этом повинен, не может не быть сейчас стыдно, тому не может быть не по себе, если только у него не заглохла совесть.

В заключение я выразил надежду, что сегодняшний праздник вдохнет в них бодрость и желание не отступать вперед от лежащих на них обязанностей, помня, что звание свободного гражданина возлагает на каждого такового большую ответственность перед Богом в лице своей совести и перед Родиной.

Затем я выслушал очень дельное и здоровое слово председателя полкового комитета и простившись с полком, уехал. Полк провожал меня криками «ура».

Организационное собрание дивизионного комитета

Но вернусь к 20 числам апреля, когда 22 апреля состоялось организационное собрание дивизионного комитета учреждений моей дивизии, которое я открыл лично. Первый раз мне пришлось открывать такое собрание, совершенно не вязавшееся со всеми моими взглядами на военное дело и потому эта роль, которую я принужден был взять на себя, была мне невероятно тяжела. Я открыл собрание и, по избрании

президиума, передал председательствование избранному председателю, после чего заседание продолжалось уже в моем отсутствии. <...>

Хотя собрание и прошло гладко, но прочитавши протокол его, у меня остался какой-то неприятный осадок, потом мне удалось несколько направить деятельность комитета по правильному руслу, взяв в свои руки инициативу, и проявленным интересом к работе комитета приобрести необходимое влияние на него. Для этого я завел в приказах по дивизии особый политический отдел, в котором опубликовывал все распоряжения, касающиеся комитетов и политической жизни в частях, печатал протоколы заседаний с моими революциями, а также высказывал свои взгляды на те или иные проявления политической жизни в частях дивизии.

Для заведывания политическим отделом я учредил особую должность в штабе дивизии, на каковую назначил штабс-капитана Пядышева^[658], образцового офицера, умного, отлично разбиравшегося во всех сложных и щепетильных вопросах, а главное, обладавшего огромным тактом. Он и был моим ближайшим помощником по политическим делам и посредником между мной и комитетом. Благодаря ему, приобретшему большое уважение со стороны всех комитетов, у меня наладились с комитетами очень хорошие отношения и никогда недоразумений не было. Все протоколы после заседаний представлялись мне и постановления приводились в исполнение только после моего утверждения – этот порядок, который мне удалось установить, способствовал сохранению порядка в дивизии.

Происшествие на позиции. Несчастный случай при пристрелке 1-й батареи

16 апреля у меня в дивизии произошел весьма прискорбный случай, – 1-я батарея моей дивизии при пристрелке обстреляла свои окопы, последствием чего два стрелка у меня были ранены, из коих один скончался. Меня этот случай страшно расстроил, я приказал произвести дознание, результаты коих я обнародовал в приказе по дивизии:

§ 1

Получив затем рапорт от командующего дивизионом подполковника Тихомирова, я нашел возможным изменить несколько свой приказ.

«Командующий 15-м Сибирским стрелковым артиллерийским дивизионом вошел ко мне с рапортом, ходатайствуя об оставлении поручика Былинского в 1-й батарее. <...>

Основываясь на вышеизложенном, я, в изменение части моего приказа от 24-го сего апреля за № 163, отменяю переводы поручика Былинского во 2-ю и подпоручика Федотченко в 1-ю батарею и на место переведенного прапорщика Якобсона во 2-ю батарею приказываю перевести из 2-й батареи в 1-ю не прапорщика Цехомского, а прикомандированного к 2-й батарее прапорщика пехоты Гусарина[\[664\]](#).

Мое производство в генерал-лейтенанты

24 апреля я получил депешу из Главного штаба:

«Приказом 2 апреля вы произведены генерал-лейтенанты с утверждением должности. Архангельский[\[665\]](#)».

Это производство мое в генерал-лейтенанты дало повод к проявлению по моему адресу трогательных знаков внимания со стороны как частей дивизии, так и большинства комитетов. Среди этих приветствий было очень трогательное от казаков моего конвоя взвода 25-й Особой конной сотни Оренбургского казачьего войска, составленное в простых безыскусных выражениях, а также и от службы связи. Чины штаба дивизии устроили мне импровизированный вечер со струнным оркестром 60-й полка, были приглашены врачи и сестры Богодуховского отряда, было чудное угощение, затем кинематограф, концерт и немного даже потанцевали, было как-то просто, оживленно, весело, забылась сгущенная атмосфера, царившая вокруг.

Объявляя о своем производстве в генерал-лейтенанты в приказе по дивизии, я приписал, что горжусь сознанием, что этой наградой я

всецело обязан ревностной дружной работе всех моих дорогих сотрудников и боевых товарищей офицеров и солдат дивизии.

Уход командующего 2-й армией генерала Смирнова

В этот же день я опубликовал прощальный приказ командующего армией достойного генерала Смирнова, получившего другое назначение. Мне было очень жаль уйти из-под командования этого честнейшего, благороднейшего генерала. Привожу его приказ:

Посещение командиром корпуса моей дивизии

20-го апреля командир корпуса генерал Тележников, впервые посетил расположение моей дивизии и, к моему большому удовлетворению, вынес очень хорошее впечатление. Результаты своего посещения дивизии он изложил в приказе по корпусу:

«2-го апреля я прибыл в район расположения 15-й Сибирской стрелковой дивизии. В штабе дивизии мне были командующим дивизией генерал-майором Джунковским представлены чины штаба дивизии, после чего я ознакомился с задачами, возложенными на дивизию и разработанными соображениями для их выполнения. Участок дивизии, сравнительно с другими дивизиями, небольшой и отлично укреплен. <...>.

58-й Сибирский стрелковый полк представился отлично; вид стрелков бодрый, высматривают молодцами. Были вызваны выборные от ротных комитетов. Заявлений не последовало.

59-й Сибирский стрелковый полк тоже в отличном порядке; стрелки смотрят радостно, уверенно и производят прекрасное впечатление. Прошли церемониальным маршем хорошо.

Из расположения 59-го полка я прошел на наблюдательный пункт 2-й батареи: тут же сосредоточены командный пункт начальника дивизии и наблюдательный пункт командира дивизиона. Проверено было открытие огня; выстрел был дан в 1 минуту 26 секунд. Наблюдательный

пункт надо лучше оборудовать; перспективный чертеж мало отчетлив. Схема заградительного огня мне не была показана.

Севернее г. дв. Мыслобож выдвинуто одно орудие; место выбрано отлично. Вполне приветствую выдвижение артиллерии для ближайшего обстрела противника; лучше выдвигать по два орудия.

Выйдя на середину участка дивизии, я в сопровождении генерал-майора Джунковского прошел по окопам левого фланга дивизии, 2-я линия имеет три полосы проволочных заграждений и представляет отлично оборудованный ряд окопов. Прошел по участку 2-й роты, занимающей первую линию. Окопы прекрасно сооружены, содержание образцово. Изломы окопов дают продольный обстрел. Бойницы отлично устроены. Обстрел прекрасный. Противогазовыми средствами окопы, даже несмотря на малую здесь вероятность газовой атаки, богато снабжены; надо выставлять на каждом ротном участке по одному газовому наблюдателю при складе припасов этого рода.

Служба несется правильно и гарнизон распределен в убежищах, имея достаточное число наблюдателей. Командир роты в виду большого протяжения участка живет отдельно от младших офицеров, проходя по участку полка я осмотрел 2-ю, 3-ю, 4-ю, 6-ю, 7-ю роты 57-го полка. Солдаты смотрят молодцами, отлично себя чувствуют на позиции, никакого утомления не заметно, настроение бодрое. Вообще стрелки, как всегда я привык их видеть, производят самое лучшее, радостное впечатление. Обратил внимание, что вследствие больших переходов в весеннюю распутицу состояние обуви не удовлетворительно. Выдать скорее сапоги из запаса ввозимого в дивизионном обозе и получить от корпусного интенданта. В полках дивизии надо организовать усиленные сапожные мастерские. В 6-й роте пробовал ужин: рисовый суп с салом, очень вкусный, густой.

Объезд участка дивизии закончил осмотром лисьей норы. Солидное трехэтажное врытое в землю сооружение на 1 ½ роты; таких сооружений 8; коих 5 немного меньшего размера. 4-й участок дивизии признан отлично оборудованным; положен гигантский труд — позиция

недоступная. Вообще осмотр позиции и порядок несения службы произвел самое отрадное впечатление».

Поверка учебных команд командиром бригады

25-го апреля командир бригады полковник Буйвид по моему поручению проверил обучение учебных команд полков дивизии и крайне меня обрадовал результатами этой поверки, которые я и изложил в следующем приказе:

«Из донесения полковника Буйвида я с особенно отрадным чувством вижу, что при данных условиях, при которых пройден курс обучения, результаты его прекрасны. Во всех командах обращено одинаково серьезное внимание на выучку людей управлять строем как сомкнутым, так и рассыпанным, и успехи в этом отношении оказались во всех командах очень хорошими. Люди не только освоились управлением сомкнутым и рассыпанным строем, но решали удовлетворительно несложные, летучие задачи по изменению строя и применению огня в боевой обстановке.

Устно ответы по уставам и наставлениям преобладали удовлетворительные и хорошие, а в команде 59-го полка и очень хорошие. Неудовлетворительных баллов не оказалось ни в одной команде.

Оставляет желать лучшего усвоение правил сборки винтовки, как то правил скрепления ложевых колец и выхода бойка ударника, что имеет большое значение в смысле сохранения винтовки в исправности и меткости. Этот раздел усвоен удовлетворительно лишь в команде 58-го полка.

Для унтер-офицера, в роли начальника походной или сторожевой заставы, а также на разведке имеет большое значение уметь хорошо читать планы и карты. Человек, понимающий карту, будет легко ориентироваться, имея ее под рукой, на любой местности, что особенно ценно при боевой обстановке и передвижениях как в бою, так и в походе. Желательна лучшая постановка этого дела в командах, наиболее

удовлетворительной оказалась в команде 60 полка, в которой имеется для обучения достаточно учебных карт и планов разных масштабов.

На строевом смотре, по чистоте и отчетливости движений, ружейных приемов и перестроений представились команды 57-го полка – отлично, остальных полков – очень хорошо. В учебной команде 60-го полка шаг меньше 120-ти в минуту. В общем, результаты обучения очень хороши, в особенности если принять во внимание крайне невыгодные условия в ходе обучения, как то троекратная перемена квартир и походы, и продолжительная зимняя стужа.

Считаю прямым для себя долгом от лица службы выразить чувства моей искренней признательности всем командирам полков и наблюдавшим за полковыми учебными командами. Господ офицеров, начальников учебных команд 57-го полка штабс-капитана Попова[\[675\]](#), 58-го штабс-капитана Давыдова[\[676\]](#), 59-го подпоручика Щетинина[\[677\]](#) и 60-го поручика Борисова[\[678\]](#), а также и младших офицеров и кадровый состав, фельдфебелей и унтер-офицеров команд, от души благодарю за их труды, увенчавшиеся такими успехами. Молодцов-стрелков, окончивших курс учебных команд, сердечно поздравляю с прекрасно выдержанным ими испытанием и прошу их принять мое самое горячее спасибо за их добросовестные труды и проявленное ими усердие в занятиях, – уверен, что такие молодцы, разойдясь по своим ротам, приведут немало пользы строевому и боевому обучению своих товарищей».

Осмотр мною некоторых тыловых учреждений

Осмотрев 26 апреля некоторые, главным образом, тыловые части дивизии, я отдал следующий приказ:

«Вчера я произвел осмотр и ознакомился с расположением перевязочного отряда и 2-го лазарета, а также обозов 2-го разряда 57-го и 59-го Сибирских стрелковых полков.

а) Перевязочный отряд произвел на меня хорошее впечатление, для раненых все отлично приспособлено в фанерном домике, но желательно поскорее освободить барак, где сейчас временно

помещаются санитары, чтобы приспособить его на случай могущего всегда быть неожиданного наплыва раненых. Осмотрев обоз и лошадей, не мог не обратить внимания на отсутствие порядка, также и чистоты во всем расположении отряда. Очевидно, заведующий хозяйством совершенно бездействует и не принимает никаких мер, объявляю ему выговор и очень надеюсь, что как обозные, так и команда носильщиков сама без напоминания примет со своей стороны меры, чтобы перевязочный отряд принял бы тот опрятный и безукоризненно чистый вид, который должен быть в каждом лечебном заведении.

Главному врачу озаботиться, чтобы было больше указателей как на прилегающих дорогах, так и у самого отряда, чтобы раненым, направляемым в перевязочный отряд, не приходилось блуждать. Не видел я и обозначения отряда, положенного согласно ст.3 Положения о военно-санитарных учреждениях и заведениях военного времени.

б) 2-й лазарет – расположился прекрасно, больные и раненые устроены отлично, хозяйственные помещения, помещения для команды и всего персонала не оставляют желать лучшего.

Повозки же запущены, не вычищены, я говорил по сему поводу с обозными; обещались привести все в порядок – буду надеяться, что благоразумие у них возьмет верх и они будут работать не за страх, как при старом режиме, а за совесть.

Обозначительных знаков лазарета, так же как и в перевязочном отряде я не заметил. Несмотря на очень отрадное впечатление, оставшееся у меня от посещения лазарета, мне было больно удостовериться, что врачебный персонал относится к своим обязанностям недостаточно строго – несмотря на то, что больных было около 35 человек и каждую минуту могли быть доставлены и тяжелые больные, тем не менее ни одного врача не оказалось налицо, врачи отлучились на совещание врачей в помещение штаба дивизии и никто не остался в лазарете. Обращаю внимание дивизионного врача на такое неправильное понимание врачами лазаретов вверенной мне дивизии своих обязанностей, а врачу Сабурову[679] ставлю на вид и требую от врачей функционирующих лазаретов, чтобы всегда налицо в лазарете находился бы врач, который бы мог ежеминутно подать необходимую помощь больному или раненому.

в) Обоз 2-го разряда 57-го Сибирского стрелкового полка устроен в дер. Юхимовщина удобно и хорошо, везде видна заботливая рука начальника хозяйственной части капитана Шпигеля[680], вплоть до огорода, который уже обработан и готов для посадки овощей. Все мероприятия, вводимые им в хозяйстве полка, мне кажутся практичными и удобоприменимыми. Очень рад, что могу констатировать плодотворную работу капитана Шпигеля и его ближайших сотрудников.

г) Обоз 2-го разряда 59-го Сибирского стрелкового полка – разместился в г. дв. Жомойдзь, все помещения не оставляют желать лучшего, тем не менее все, что я видел, меня далеко не удовлетворило. Я не успел, конечно, и не имел возможности все проверить, но при обходе и осмотре всего мне бросилась в глаза полная бессистемность, небрежное отношение к лошадям, к перевозочным средствам, полная запущенность. И только в швалье мне показался желаемый порядок.

Принимая во внимание результаты ветеринарного осмотра лошадей, который оказался весьма плачевным и о котором будет объявлено в приказе особо, я не могу вывести другого заключения, что чины

хозяйственной части 59-го Сибирского стрелкового полка во главе с начальником ее подполковником Долецким далеко не стоят на должной высоте. Озабоченный этим, приказываю командиру полка назначить комиссию для проверки деятельности хозяйственной части этого полка, дабы затем упорядочить это дело».

Воззвание комитета 57-го Сибирского стрелкового полка

27 апреля я получил рапорт от командира 57-го Сибирского полка с приложением воззвания полкового комитета этого полка с ходатайством его о разрешении послать оное в одну из редакций для помещения в газетах, что я разрешил.

Воззвание это было следующего содержания:

Несчастный случай в 57-м Сибирском полку от разрыва немецкого снаряда

В этот же день при обстреле немцами нашей передовой линии один тяжелый снаряд попал в окоп землянки резервной роты этого полка и разорвался внутри ее. Из 10 солдат, находившихся в землянке, убито было 8, два каким-то чудом остались в живых, у одного не оказалось даже царапины, он был только оглушен, другой легко ранен в мягкие части и контужен. Я тотчас по получении этого печального известия поехал на место, навестил уцелевших, которые меня поразили своим спокойствием, как будто случилось самое обыкновенное происшествие.

На другой день состоялись похороны убитых при исключительно торжественной обстановке.

В ночь на 1-е мая 59-й полк сменил на позиции 57-й, который отошел в корпусный резерв, а затем пришло распоряжение удлинить фронт дивизии, вследствие чего пришлось на позицию поставить еще 58-й полк.

Переход штаба дивизии в Павлюковщизну

Штабу дивизии вследствие удлинения боевого участка оставаться в г. дв. Грушевка нельзя было, он оказывался совсем на фланге, поэтому пришлось к 5 мая перенести стоянку в г. дв. Павлюковщизна,

находившийся на Слуцком шоссе. Было жаль уходить из Грушевки, лишаться всех удобств, но управлять обороной оттуда было немыслимо.

Во время стоянки штаба в этом богатом польском имении Грушевка, мне пришлось повоевать с местными крестьянами, часть которых, не будучи выселены из боевой полосы, производила бесчинства. Так они разгромили семейный склеп владельца имения, прекрасный мавзолей, вытащили гробы предков и разбросали кости. Помещица (фамилию ее я сейчас не помню)[\[681\]](#) приехала и все привела в порядок, но не прошло и трех дней, как опять могилы были разграблены и кости разбросаны. Тогда я решился вступить и, вызвав к себе старост окрестных деревень, предупредил их, что могилы будут приведены в порядок и если крестьяне опять позволят себе произвести новое святотатство, то все три деревни будут выселены в тыл, т. к. это 3-хверстный район передовой линии. После этого предупреждения бесчинства прекратились.

В день ухода штаба дивизии из Грушевки, немцы совершенно неожиданно обрушились на эти деревни и засыпали их тяжелыми снарядами. Крестьяне в ужасе бежали в леса, деревни запылали, я отправил из резерва два батальона для тушения пожара – удалось отстоять более половины домов. Крестьяне сочли это божьим наказанием за глумление над умершими. Одновременно с переходом на новую позицию от меня взяли мортирную батарею, заменив ее тяжелой. Мне было очень жаль расстаться с ней и я отдал о ней следующий приказ:

«С искренним сожалением расставаясь с доблестной 1-й батареей 10-го мортирного артиллерийского дивизиона, считаю приятным для себя долгом выразить командовавшим батареей во вверенной во время пребывания ее во вверенной мне дивизии капитану Руанет[\[682\]](#) и поручику Пашенко[\[683\]](#) и всем офицерам и солдатам мою сердечную благодарность за прекрасное выполнение всех боевых задач и отличную стрельбу батареи».

5-го мая я устроился со штабом на новом месте в имении Павлюковщина. <...> Зато все было под руками, а это было большим удобством, а главное – от позиции было менее трех верст и штаб

находился в центре ее, прекрасное шоссе соединяло как с позицией, так и со штабом корпуса и со штабом армии.

Меры против пожаров

Благодаря шоссе я стал ездить на позицию в окопы даже на велосипеде. Со второй половины апреля холода и дожди сразу сменились жаркой, сухой погодой, так что в начале мая была прямо засуха, благодаря чему начались даже пожары; озабоченный этим, я обратился со следующим приказом:

«В настоящее время, благодаря сильной засухе в разных местах вспыхивают пожары от неосторожного обращения с огнем. Начальникам частей дивизии вменяю в обязанность разъяснить всем подведомственным им чинам о необходимости соблюдения крайней осторожности с огнем. Начальствующим лицам как офицерам, так и солдатам следить во вверенных им участках, чтобы эта осторожность особенно проявлялась при зажигании костров, отнюдь, уходя, не оставлять их гореть, а тушить самым тщательным образом, чтобы не оставалось ни одной искры.

Командирам полков и частей дивизии, в случае возникновения в их районах каких-либо пожаров, немедленно принимать меры к тушению, наряжая для сего в случае надобности соответствующие команды, не ожидая на то моего разрешения. Одновременно с сим тотчас извещать меня по телефону, а затем представлять и дознание, в коем необходимо выяснять причину возникновения его. <...>

Заседание Комитета дивизии

В первых числах мая было приказано избрать представителя от дивизии на Крестьянский съезд в Петроград[\[684\]](#). Протокол общего по сему поводу собрания был объявлен мною в приказе от 5-го мая одновременно с протоколом заседания дивизионного комитета от 27 апреля. <...>

Из этих всех протоколов, которые я привожу здесь [\[685\]](#) и буду еще приводить, обрисовывается совершенно ясно картина политической жизни в дивизии — все постановления имели непоследовательный характер и являлись случайными под влиянием того или иного настроения в данную минуту, зависевшего от разных причин.

Броневой дивизион впервые в моей дивизии

7-го мая в состав моей дивизии в оперативном отношении вошли 8-е и 9-е отделения броневого дивизиона, действовавшие на Слуцком шоссе. Это были части для меня совершенно новые, с устройством которых мне пришлось заново знакомиться. Я очень скоро изучил их применение в бою и сблизился с офицерами и солдатами, особенно одного из отделений и часто их навешал, хотя приходилось не раз ссориться с ними, когда я замечал их стремление становиться далеко от позиции.

9 мая я отдал по дивизии следующий приказ, вызванный замеченным мною бездействием артиллерии:

Положение о ротных, полковых и армейских комитетах

В первых числах мая получен был приказ Гучкова о новом, окончательно выработанном положении о ротных, полковых и армейских комитетах и дисциплинарных судах.

Все это были компромиссы, уложенные в рамки, удержать кои в оных было довольно трудно, так как при малейшем ослаблении внимания за действиями комитетов, сейчас же выходили недоразумения, зачастую весьма чреватые своими последствиями.

Новое это «Положение» не предусматривало комитета дивизии, поэтому он должен был прекратить свою деятельность, но т. к. имелись сведения, что в дополнение будет еще выработано новое Положение о комитетах дивизии, то я, идя навстречу выраженному общим собранием полковых комитетов пожеланию — иметь в дивизии, объединяющий

полковые комитеты орган, и считая для дела это полезным, отдал следующий приказ по дивизии за 12 мая.

Уход Гучкова. Керенский – военный министр. Новый шаг к развалу армии

В это же время в военном министерстве произошла перемена – ушел Гучков и военным министром сделался Керенский.

Этим назначением был сделан еще один шаг в сторону развала армии в угоду совета рабочих и солдатских депутатов. Вслед за известием о назначении Керенского получен был приказ его – воззвание, обращенное к армии и флоту, которое я объявил в приказе по дивизии от 17 мая:

«Воины – офицеры, солдаты и матросы. В великий грозный час жизни родины нашей, воля народа призвала меня встать во главе всех вооруженных сил государства российского. Безмерно тяжело новое бремя мое, но, как старый солдат революции, беспрекословно подчиняясь суровой дисциплине долга, я принял перед народом и революцией ответственность за армию и флот» <...>

«Пусть сильные по духу и твердости слова нашего нового министра и народного вождя, – прибавил я в приказе, – вольют и в наши души непоколебимое сознание долга перед Родиной и решение «очистить ее и мир от насильников и захватчиков», последуем же за нашим министром, докажем ему, что наша 15-я Сибирская стрелковая дивизия составляет одну целую дружную единицу, готовую смело, не жалея сил и жизни своей, идти вперед и отстаивать свою Родину и вместе с нею свободу».

Затем я объявил и нижеследующий приказ Керенского по армии и флоту, от 1-го мая, весьма характерный, с изложением Декларации прав солдата[686]. <...>

Эта новая декларация прав внесла на фронт во многих частях ряд крупных недоразумений и конечно не могла способствовать поддержанию дисциплины.

Права эти везде стали пониматься по-разному и это, в значительной степени, увеличило количество случаев отказа от исполнения всевозможного рода приказов, вплоть до боевых, тем более, что солдаты почувствовали полную безнаказанность, т. к. взыскания могли налагаться только по суду, а это была одна канитель. Равновесие приходилось поддерживать только нравственным влиянием, а для этого надо было, чтобы массы безусловно верили своему начальнику, что при постоянно имевшихся налицо агитаторах, специально занимавшихся подрывом авторитета начальства, было нелегко.

Приказ о комитетах дивизии

Вслед за приказом с декларацией прав последовал приказ по Военному ведомству с новым «Положением» о комитетах дивизий и корпусов, объявленный мною в нижеследующем приказе по дивизии[\[687\]](#). <...>

С опубликованием этого нового и, по-видимому, окончательного положения удалось организовать комитет дивизии так, что у меня, за все время моего командования дивизией, не было ни одного недоразумения и, как я говорил выше, для большей связи с ним, учрежденный мною при штабе дивизии под руководством штабс-капитана Пядышева, политический отдел много способствовал к улаживанию всех возникавших трений и недоразумений между комитетами и отдельными начальниками частей дивизии. Они все почти ликвидировались безболезненно, благодаря такту и умению Пядышева, не доходя даже до меня.

Трагический случай в 60-м полку

На ряду всех этих дел в жизни дивизии произошли два трагических случая, благодаря личной неосторожности самих погибших. В 60-м полку

поручик Войнов[688] и стрелок Косимов[689] были убиты, а стрелки Булдаков[690] и Столбов[691] были тяжело ранены вызванным взрывом при разборке головки неразорвавшегося немецкого снаряда, а в 57-м полку был убит стрелок Усенков[692] при точно таких же обстоятельствах.

Эти два случая произвели на меня очень тяжелое впечатление, особенно мне было жаль поручика Воинова, так зря погибшего, это был боевой кадровый офицер с Георгиевским оружием, а такие офицеры были в то время на перечень.

Симулянты в лазаретах

14 мая я вынужден был обратиться с следующим приказом по дивизии, т. к. меня поразила огромная цифра больных, прибывавших из частей в лазареты.

«Последнее время во всех лазаретах как дивизионных, так и в приданных к дивизии прилив больных с каждым днем все увеличивается и грозит поставить их лазареты в безвыходное положение, так как эвакуация больных ввиду крайне ограниченного состава санитарных поездов очень затруднена. Околотки полковые тоже все переполнены.

При моих посещениях больных в лазаретах я не мог не обратить внимание, что зачастую больные производят впечатление прикидывающихся больными, на самом же деле они здоровы. С грустью должен я констатировать огромное количество больных симулянтов. <...>

Такое массовое желание попасть в лазарет, каковое наблюдается сейчас, наводит на весьма печальные размышления — не есть ли это скрытое дезертирство. Если открытое дезертирство составляет преступление, то скрытое обманным способом использованное дезертирство, как симуляция болезни, есть уже позор. <...>

Для определения же количества симулянтов, находящихся в настоящее время в лазаретах, и немедленной выписки их из лечебных заведений, назначаю комиссию под председательством дивизионного врача в составе: старшего врача 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона, старшего или главного врача соответствующего лазарета, при депутате от штаба дивизии по назначению начальника штаба.

Полковые комитеты прошу не отказать принять участие в этой комиссии, командировав для этой цели в комиссию по одному представителю от каждого из полковых комитетов полков дивизии».

Этой мерой мне удалось вернуть в полки до 25 % всех больных, а то, что я обратился за помощью для борьбы с этим злом в комитеты, было принято в частях дивизии, как особенный знак моего доверия к комитетам, которые организовали поверку отправлявшихся в околотки самым тщательнейшим образом.

Смена полка на позиции. Прапорщик Савин

В ночь на 16-е мая на позиции 58-й и 59-й полки были сменены 57-м и 60-м полками. Смена 58-го полка 60-м прошла в полном порядке, что касается 57-го полка, то 1-й батальон этого полка под влиянием бывшего в нетрезвом виде прапорщика Савина отказался идти в окопы. Это был первый случай в моей дивизии – отказ от исполнения боевого приказа, для меня он явился полной неожиданностью. 57-й полк отличался своей исполнительностью и никаких признаков брожения в нем не было заметно. Савин уверил солдат, что полк не имели права послать на позицию, т. к. он вместо 3-х недель был в резерве всего две недели.

Как только мне об этом было доложено по телефону, я командировал на место командира бригады, чтобы заставить батальон выступить на позицию и донес о происшедшем командиру корпуса, прося его срочно по телефону возбудить ходатайство об исключении из полка

и увольнении в резерв чинов Минского округа означенного офицера и командировать военного следователя для производства дознания.

Командир бригады застал батальон уже готовым идти на позицию, так что ему не пришлось принимать никаких мер. Савин был изолирован от батальона другими офицерами, которым удалось уговорить стрелков выступить на позицию.

По докладе мне о сем командиру бригады по телефону, я приказал взять Савина под стражу и препроводить его для содержания в особой землянке при Богодуховском передовом отряде Красного Креста. Это последнее обстоятельство сразу отрезвило батальон, люди которого были очень сконфужены и несли затем службу в окопах с полным старанием.

На другой день дознание об этом происшествии было уже представлено мне и, найдя в нем все признаки ст. 246 Свода Военных постановлений, я приказал направить его военному следователю 9-го корпуса для производства предварительного следствия, избрав мерой пресечения содержание под стражей при 65-м передовом перевязочном отряде Красного Креста.

В тот же день следователь, ознакомившись с дознанием, сообщил мне свое мнение; согласившись о нем, я отдал следующий приказ:

После этого, во избежание каких либо осложнений, я для дальнейшего содержания отправил Савина в Минск в распоряжение коменданта, тем более, что и корпусный суд находился в этом городе.

Перед отправкой его в Минск я зашел к нему в землянку, где он содержался; произвел он на меня впечатление довольно отталкивающее своим полным ничтожеством и растерянностью. Когда же его только что арестовали, то он держался нагло.

Посещение моей дивизии японской миссией

17-го мая я получил уведомление, что на другой день ко мне приедет представитель японской военной миссии для осмотра позиции и ознакомления с несением службы в дивизии.

Я его встретил у себя в штабе дивизии; он приехал в сопровождении офицера Генерального штаба из Ставки. Развернув пред ним карту расположения дивизии, я просил его самому наметить мне те пункты, которые бы он пожелал осмотреть. Он сразу опытным глазом наметил мне на позиции места, интересовавшие его и те части дивизии, которые бы он хотел осмотреть. Я никогда не любил никакой бутафорщины, не был склонен очки втирать и потому поехал на позицию и в части дивизии, намеченные мне японцем, не предупредив никого, так что наше посещение явилось большой неожиданностью.

Все было в порядке. Люди выглядели бодро, произвели на моего гостя прекрасное впечатление; он все время удивлялся дисциплинированности моих стрелков; его больше всего поразило то, что все без исключения стрелки, несмотря на недавно вышедшую Декларацию прав, отменявшую отдавание чести, тянулись при встрече с нами и с особенной лихостью отдавали ее.

Когда мы посетили резервный батальон и я, сказав несколько слов стрелкам по адресу посетившего нас капитана дружественной союзнической нам Японии, предложил крикнуть «ура» в честь вождя японской армии – микадо[\[693\]](#), то японец мой страшно растрогался и обратился к моим стрелкам на ломанном русском языке с простым, но сердечным словом. Затем я вызвал песенников, которые пропели несколько сибирских песен.

Вернувшись в штаб, я угостил своих гостей обедом, после чего они уехали. На другой день я получил от него следующее письмо:

Действия разведчиков 58-го полка

В этот же день я был обрадован молодецкими действиями разведчиков 58-го полка, о чем я и отдал в приказе: **Офицерский съезд в Могилеве**

В то время в Могилеве происходил офицерский съезд[697] – со всех концов нашего длиннейшего фронта собралось представительство офицерства, переживавшего в то время столько тяжелого, потрясающего.

С самого начала революции печать обрушилась на офицеров, все было направлено к дискредитированию офицерства, с солдатской массой заигрывали, а офицеров предавали, что вызывало зачастую эксцессы и насилия над ними. Я не присутствовал на этом съезде и только отголоски о происходившем на нем доходили до меня; среди этих отголосков дошла до нас и речь Деникина[698], сказанная им в день закрытия съезда. Привожу ее целиком, как характеризующую тяжелое положение офицерства в тот момент, как вопль одного из прямых честных людей того времени.

Происшествие в дивизионном обозе

В этих же числах мая в дивизионном обозе у меня выяснилось незаконное обращение с солдатами со стороны командира 2-го взвода зауряд-военного чиновника Малышевского[700], что послужило предметом разбора этого дела в дивизионном комитете. Мне было очень жаль Малышевского, который был поразительно добросовестным работником, но факты были налицо и потому я был вынужден предать его суду, дабы не подать повод к самосуду, попытки к коему уже были, когда три солдата обоза, явившись к Малышевскому, объявили его арестованным. Одновременно с преданием Малышевского суду, я предал суду и этих трех солдат за превышение власти.

Этими своими мерами я прекратил начавшееся в обозе брожение. В этот же день я отдал следующий приказ:

Штурмовые роты

25 мая, в целях поднятия боеспособности армии, получено было распоряжение о создании в каждом полку по одной штурмовой роте[701], согласно выработанного положения, вследствие чего я приказал приступить к созданию их, дав следующие указания:

«а) Состав роты 5 офицеров, 20 унтер-офицеров, 32 заместителя, 192 стрелка и 24 полковых сапера при постоянной команде Кольта из 4-х пулеметов.

б) При формировании этих рот обратить особое внимание на выбор соответствующего офицера, которому будет поручено обучение штурмовой роты полка и который явится ее командиром. Офицеров из числа желающих, по назначению командира полка, унтер-офицеров, их заместителей, стрелков, сапер, кольтистов – всех из числа желающих со всего полка.

в) Каждый солдат штурмовой роты должен иметь вооружение: 1) винтовку, по возможности облегченного образца карабин или драгунскую, 2) 6–8 ручных гранат.

Снаряжение: 1) лопату, 2) ножницы для резки проволоки, 3) противогаз и 4) два земляных мешка. Обмундирование должно быть, по возможности, приспособлено для легкости движения, на голове обязательно шлем. Обувь – легкие ботинки с обмотками.

г) Четыре штурмовых роты полков дивизии сводятся в штурмовой батальон под командой особого офицера, назначаемого приказом по дивизии.

д) Главнейшее руководство подготовки штурмовой 5 роты лежит на командире полка, а общее руководство подготовки штурмовых рот в дивизии, составление расписаний занятий в штурмовом батальоне возлагаю на командующего бригадой.

е) Офицерам штурмовых частей ознакомиться детально с разосланной в полки брошюрой, изданной штабом особой армии, под названием «штурмовые батальоны» и указанием комкора (9) по обучению прорыву

укрепленной позиции противника и развитию этого прорыва (приложение к приказу по корпусу № 91 (8)).

ж) Успех боя штурмовых частей основывается прежде всего на обученности и взаимодействии мелких частей, отделений и взводов, поэтому для успеха дела совершенно необходимо теснейшая спайка в штурмовых ротах, взводах, отделениях, а это возможно только при совместной жизни их и работе.

з) Штурмовые роты полков дивизии надлежит разместить в землянках в лесу южнее ф. Заполье, землянки эти осмотреть подробно командиру 58-го Сибирского стрелкового полка и доложить мне лично подробно о необходимых там приспособлениях, которые он найдет нужным сделать.

и) Начальнику связи дивизии составить соображения и представить мне на утверждение проект организации постоянной команды связи при штурмовом батальоне дивизии.

к) По сформировании в каждом полку вышеуказанных рот командирам полков мне донести».

Желающих поступить в эти роты было огромное количество, так что пришлось принимать в них с большим разбором. Они были сформированы быстро, но не достигли своего назначения, они не подняли боеспособности части, т. к. способствовали сильному ослаблению частей, из коих выделены были лучшие офицеры и стрелки.

Кроме того штурмовые роты, попавшие невольно в особое привилегированное положение, вызывали этим самым зависть со стороны обыкновенных строевых рот, а в некоторых частях и озлобление.

В моей дивизии я от них пользы не видел и предпочел бы, чтобы эти чудные офицеры и солдаты, выделенные в них, оставались бы в своих ротах, где их благотворное влияние на окружавших и пример достигли бы большего результата для увеличения боеспособности дивизии. <...>

Инцидент с инспектором артиллерии корпуса

27 мая, благодаря бестактности и.д. начальника штаба моей дивизии Губанова, я был поставлен в неловкое положение перед инспектором артиллерии корпуса[702], которому Губанов, по поводу запроса его о специальном химическом имуществе, находящемся на участке моей дивизии, ответил бумагой в дерзком тоне. Ознакомившись со всей этой перепиской, я принужден был извиниться перед генералом Романовским[703] за ряд неправильностей и бестактностей со стороны Губанова, которому я и высказал всю его неправоту и неприличное отношение, а также и то, что раз депеша была от инспектора артиллерии адресована на мое имя, то ему надлежало и ответ заготовить к моей подписи, тогда бы никакого недоразумения не было бы. <...>

Губанов действительно последнее время стал проявлять ненормальности и мне становилось с ним все труднее, так что я стал даже просить его уехать в отпуск. К счастью в это время состоялось назначение Суходольского начальником штаба 9-го корпуса, так что у меня открылась вакансия начальника штаба и я с нетерпением стал ожидать назначения ко мне настоящего начальника штаба. <...>

Спектакль в 32-м Сибирском стрелковом полку

28-го мая я присутствовал на спектакле в 32-м полку моей бывшей родной 8-й дивизии, куда получил приглашение на открытие солдатского клуба. Спектакль прошел очень хорошо, но общее настроение мне было не по душе, чувствовалась искусственность и какая-то напряженность.

Программа спектакля была следующая:

Телеграмма Керенского по поводу Крестьянского съезда

В этот же день получена была мною телеграмма военного министра Керенского с приказом объявить ее во всех ротах, командах и батареях дивизии:

«Съезд крестьянских депутатов, большинством обсудив вопрос об отношении к войне, вынес большинством всего съезда около 600 человек, против 12, следующую резолюцию: «Трудовое крестьянство, часть великой армии труда, стремится к справедливому миру без обездоленных и униженных – миру без захватов и денежных штрафов, с правом каждого народа самостоятельно решать свою судьбу. В основании этого мира должно быть положено не занятие войсками государств каких либо земель, а воля самого народа спорных областей, никакие кабальные условия принудительного характера, ставящие одну страну в хозяйственную зависимость от другой, недопустимы. Все международные отношения в будущем, все договоры должны заключаться под контролем самих заинтересованных народов; разрешения всех споров между государствами должны производиться международным судом, а не вооруженной силой. Безответственной тайне дипломатии должен быть положен конец».

Всероссийский съезд крестьянских депутатов с негодованием отверг всякую мысль о сепаратном мире и приветствует все шаги совета рабочих и солдатских депутатов к объединению трудящихся всего мира и призыву их к борьбе. Со своей стороны Совет крестьянских депутатов зовет крестьян всех стран принудить свои правительства отказаться от требований аннексий и контрибуций.

Совет крестьянских депутатов решил принять участие в съезде трудящихся всего мира, но в то же время заявляет, что пока объединение всех трудящихся не достигнуто, он считает долгом трудового народа революционной России вести самую активную защиту страны, не останавливаясь ни перед какими жертвами и принять самые решительные меры к поднятию боевой силы армии, как для оборонительных, так и для наступательных действий. Пока революционная русская армия борется с армиями, предводимыми императорами, она будет бороться за спасение великого достоинства русского народа.

Всероссийский Совет крестьянских депутатов обращается ко всем своим братьям и сынам, находящимся в армии, с горячим приветом и призывом подчиняться свободной дисциплине, защищать свободную революционную Россию и помнить, что в этой героической борьбе за нами будет все трудовое крестьянство, что оно благословляет на эту войну и никогда не забудет ими пролитой крови за великое дело».

29 мая я объявил частям дивизии следующий приказ[707] главнокомандующего генерала Гурко. Сведения, изложенные в нем, были и для меня неожиданными. Я знал, что во многих частях происходили братания, но до такого позора, который описан в приказе, я не думал, что наши войска могли дойти. <...>

В этот же день объявлен был и приказ военного и морского министра:

«Воины, офицеры, матросы и солдаты. Помните, что Россия наводнена многочисленной армией шпионов, преступная деятельность которых приносит сильный вред нашей Родине.

Прибегая к различным ухищрениям и прикрываясь именами частных граждан, шпионы для достижения своих целей не гнушаются никакими средствами. Приемы шпионской работы многочисленны и разнообразны и сложны, почему борьба с ними затруднительна. Для борьбы со шпионами существует особые секретные учреждения, именуемые контрразведывательными отделениями. Не смешивайте служащих этих отделений с агентами политического сыска старого режима, верьте, что служащие контрразведки, неся тяжелый труд, являются верными гражданами и защитниками свободной России.

Воины, сохраняйте военную тайну, бдительно охраняйте порученное вашему надзору, будьте внимательны на постах, доброжелательно относитесь к ответственной и сложной задаче опытных в этом деле чинов контрразведки и оказывайте им полное содействие.

Военно-морской министр А. Керенский».

Учет мастеровых в дивизии

В это же время ко мне обратились представители мастеровых-специалистов частей и учреждений дивизии 57-го Сибирского стрелкового полка Фролов[708], 58-го Сибирского полка Злобин[709], и 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона Степашин[710] со следующим заявлением:

«Так как в дивизию периодически поступают требования на мастеровых различных специальностей и были случаи отправления малоопытных или малознающих мастеровых, то желательно было бы для учета, контроля путем испытания знаний и предупреждения случаев высылки неспециалистов учредить при дивизии комиссию мастеровых специалистов (в составе предположительно по 1 члену от каждого полка, артиллерийского дивизиона и учреждения), причем члены комиссии должны помимо твердого знания своих специальностей быть представителями следующих мастерств: механического, слесарного, кустарного, кузнечного, столярного, токарного по металлу.

Задачами комиссии явится:

1) Учет мастеровых во всех полках, отдельных частях и учреждениях дивизии.

2) Производить испытание мастеровым полков, отдельных частей и учреждений по их специальностям в дни, назначенные комиссией.

3) Следить, чтобы высылка мастеровых на заводы по требованиям не ослабляла необходимой производительности работ в полках и учреждениях (в обозах, оружейных мастерских и починочных).

Учитывая, что в обозах 1-го и 2-го разрядов имеются мастеровые специалисты, кои по своему знанию дела, могут принести большую пользу в тылу на заводах, чем в мастерских полка – в окопах же, из числа специалистов, только небольшая часть удовлетворяет требованиям дела, остальные же могут с успехом заменить своих товарищей в обозных мастерских, полагаем, что высылка мастеровых специалистов должна производиться не считаясь с тем, где мастеровой – в окопах ли

или в обозе, а соображаясь исключительно с его знанием дела, конечно, не ослабляя успеха работ в мастерских обозов полков и учреждений.

Имея в виду, что при полковых и артиллерийских мастерских имеются мастерские прикомандированные сверх положенного штатом числа и что они употребляются помимо своих прямых обязанностей мастерского еще и для несения других видов службы (караулы, ездовыми, на работы и занятия), что отвлекает их от дела, желательно бы было, чтобы эти прикомандированные к мастерским не употреблялись бы ни на какие посторонние работы и занятия, кроме своих специальных по мастерской, если нет возможности ввести их в штат.

В распоряжение комиссии для производства испытаний необходимо передать одну из мастерских дивизии, дабы члены комиссии могли по практическим работам судить о годности знания дела экзаменуемых.

Исходя из исключительного желания принести пользу родине, полагаем что учреждение такой комиссии мастерских специалистов даст России и ее промышленности действительно людей знающих свое дело, предупредит случаи посылки мастерских и специалистов и будет способствовать понятию мастерства и интереса к своему делу всех мастерских дивизий».

Мысль их мне показалась очень здоровой и, сочувствуя высказанной мысли и вполне разделяя их разумное и полезное начинание, долженствовавшее внести здоровую силу, единение и порядок в профессии мастерских, я предложил собраться 31-го мая в д. Рачканы к 15 часам всем мастерским специалистам механикам, слесарям, кустарям, кузнецам, столярам и токарям по металлу от всех полков, 15-го Сибирского стрелкового дивизиона, 15-го Сибирского стрелкового паркового артиллерийского дивизиона, перевязочного отряда, 1-го и 2-го лазаретов, дивизионного обоза, комендантской роты и команды штаба дивизии, если в них имеются мастерские – для избрания из своего числа комиссию мастерских специалистов в составе не более двух

представителей от перечисленных частей и учреждений, причем целью комиссии я поставил:

«1) Производство испытаний всем мастеровым дивизии по их специальностям для действительно правильного определения специальных знаний каждого для определения степени его пригодности на командирование на заводы, если потребуется.

2) Регистрацию и учет мастеровых-специалистов в полках, частях и учреждениях дивизии.

3) Наблюдение за тем, чтобы высылка специалистов не нарушала правильности хода и производительности работ в мастерских полков, частей и учреждений дивизии. Порядок испытаний я установил следующий:

а) Дни испытания устанавливать комиссии с согласия начальника хозяйственной части 58-го Сибирского стрелкового полка подполковника Васильева или, за его отсутствием, начальника хозяйственной части 57-го Сибирского стрелкового полка капитана Шпигеля так, чтобы не отрывать одновременно значительное число рабочих из полков, частей и учреждений дивизии.

б) Испытания производить в мастерских 57-го и 58-го Сибирских стрелковых полков в д. Рачканы по соглашению с начальниками хозяйственных частей означенных полков.

в) О дне и времени испытаний доносить мне за 2 дня до такового».

Первое общее собрание мастеровых, назначенное мною на 31 мая, я поручил открыть от моего имени начальнику хозяйственной части 58-го Сибирского стрелкового полка подполковнику Васильеву и передать от моего имени всем собравшимся мои пожелания, чтобы выборы выдвинули действительно лучших мастеров, чтоб комиссия принесла бы ту пользу, на которую рассчитывают инициаторы ее.

Что касается высказанного пожелания, чтобы прикомандированные сверх положенных штатов мастеровые не употреблялись, помимо своих прямых обязанностей мастерового, еще и для других видов службы

(караулы, ездовыми, на работы и занятия), то на это согласия я не дал, т. к. это нарушило бы службу в нестроевой роте.

Это совершенно новое начинание в дивизии оказалось весьма жизненным и мастерские, бывшие всегда самым беспокойным элементом, были очень польщены, что на них обратили внимание, и за все время моего командования никаких хлопот у меня с мастерскими не было.

Школа для подготовки фельдшеров

Одновременно мною было приказано для подготовки фельдшеров на пополнение убыли таковых в частях дивизии, открыть школу фельдшеров военного времени при 1-м лазарете дивизии.

Для обучения командировать в эту школу солдат, удовлетворявших требованию, указанному приказом главкозапа № 1225, в числе по 9 человек от 57-го, 58-го, 59-го Сибирских стрелковых полков, 3 человека от 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона и 2 человека от 15-го Сибирского стрелкового паркового артиллерийского дивизиона.

30 мая я получил запрос от командира корпуса о том, какое количество рот из запасных частей мне необходимо в дивизии для пополнения ее некомплекта, а также спрашивалось и мое мнение относительно того, как отзовется пополнение некомплекта на боеспособности дивизии. Я ответил полевой запиской следующего содержания.

Мое мнение было принято во внимание и я получил пополнение не более 10 рот и все довольно хорошие из 26-го запасного Сибирского полка, что помогло мне сохранить мою дивизию.

Смотр, сделанный мною парковому дивизиону

29-го последовал приказ о подчинении мне во всех отношениях 15-го Сибирского стрелкового паркового артиллерийского дивизиона (до того

времени он был подчинен мне только в оперативном отношении). Я объехал по сему случаю все парки дивизиона, произвел смотры и отдал следующий приказ:

«Вследствие приказа по корпусу от 29 мая с.г. за № 112 § 1 – подчинении мне во всех отношениях 15-го Сибирского стрелкового паркового артиллерийского дивизиона, я 26-го сего мая объехал управление дивизиона, 1-й и 2-й парки и произвел смотры в означенных частях с опросом претензий и поверкой денежных сумм и отчетности.

Претензий нигде заявлено не было, денежные суммы оказались налицо и отчетность везде в порядке, кроме следующих неправильностей:

В управлении дивизиона хозяйственные суммы превышают предельную на 277 руб. 83 коп. В 1-м парке излишек хозяйственных против нормы 3886 руб. 13 коп. – эти суммы подлежат сдаче в военный фонд.

1) Управление паркового дивизиона.

Команда управления представлены была хорошо, помещение для членов команды и канцелярии вполне удовлетворяют своему назначению.

2) 1-й парк – представился в отличном виде, вид солдат не оставляет желать лучшего. Выводка лошадей произвела на меня самое лучшее впечатление, лошади очень хорошего вида, несмотря на фуражный кризис, ковка также очень хороша, только один взвод еще не перекован, но и в этом взводе копыта не запущены, удовлетворительны. Учебная кузница функционирует, кузнецы-мастера производят очень хорошее впечатление. Командующий парком в курсе всех дел. Зарядные ящики, патронные двуколки – все в полном порядке, расположены и укрыты от аэропланов хорошо. Все ящики и двуколки имеют замки и наполненные боевыми припасами на запоре. Одним словом везде видна и чувствуется заботливая рука командующего парком поручика Шенфельда^[711] и дружная работа всех чинов парка.

3) К сожалению не могу того же самого сказать про 2-й парк. <...> При выводке лошадей приходилось по несколько раз повторять, чтобы держали дистанцию... и т. д. Ковка очень плоха, копыта запущены до преступности. На патронных двуколках, наполненных патронами, замков не было, мастерские, кроме шорной не удовлетворяют своему назначению. Предлагаю командиру дивизиона, полковнику Васильеву[712] обратить внимание на все мои замечания и потребовать устранения указанных недостатков».

В этом же приказе в отделе политическом я объявил ряд распоряжений по этой части:

<...>

Результаты выборов в дивизионный комитет доставили мне удовлетворение – работать с ними можно было, секретарь комитета фельдфебель пулеметной команды Кольта Розенберг[713] оказался весьма пригодным для работы в комитете и очень толковым.

31 мая состоялось второе заседание окончательно сформированного комитета дивизии, на котором делегации посланной в 26-й запасный Сибирский полк, пополнявший нашу дивизию поручено было обратиться к полку со следующим приветствием от дивизии:

«Товарищи офицеры и солдаты!

15-я Сибирская стрелковая дивизия шлет вам, как источнику сил, пополняющему наш редющий состав, свой задушевный горячий привет. Товарищи, помогите нам в нашей трудной работе. Мы считаем долгом заявить вам о своем твердом и неуклонном решении отстаивать грудью Родину и добытую свободу до почетного мира всеми средствами от активной обороны до решительного наступления.

<...>

Влейте в наши ряды живую, здоровую силу, многие из нас за три года войны утомились душой и телом. Наши ряды ежедневно тают – необходимо пополнение. Непосильна становится наша работа за спасение свободной Родины.

Отбросьте все страхи и личные выгоды тыловой жизни; помните, что вы сыны свободной России и во имя свободы вы должны, вы обязаны придти помочь нам защищать Родину от самого главного опасного врага, нашу будущую демократическую Республику.

Да здравствует свободный русский народ!»

В этот день получена была следующая телеграмма:

Моя командировка в Петроград в Чрезвычайную комиссию и мой отъезд

Более чем неприятно поразило меня это известие, оно и на весь штаб произвело какое-то удручающее впечатление. Все были уверены, что я уже не вернусь и что по приезде в Петроград меня арестуют и присоединят к арестованным уже и находившимся в крепости министрам. Мне это не думалось, но все же я не без тревоги покидал свою дивизию. Мне жаль было ее оставлять, и я боялся за ее будущее, если меня надолго задержат в Петрограде. Буйвид был очень дельный и хороший служака, но у него не было необходимости авторитета. К тому же и начальника штаба не было.

На другой день я выехал в Петроград. Все чины штаба, весь комитет дивизии в полном составе собрался меня проводить, напутствуя меня самыми задушевными пожеланиями и просьбами скорее вернуться.

В Минске я заехал к главнокомандующему генералу Гурко, настроение там было безотрадное, хотя Гурко бодрился и не падал духом. Дружески поговорив с ним, я прямым поездом выехал в Петроград. Оказалось, что в одно время со мной в Минске была и моя сестра с племянницей; они не успели получить мою депешу и выехали ко мне, чтобы меня навестить. Случайно встретив уполномоченного от Красного Креста, они узнали от него, что я экстренно накануне выехал в Петроград и поспешили вернуться.

Уход генерала Алексеева и назначение Брусилова Верховным главнокомандующим

В Минске я узнал об уходе Алексеева с поста Верховного главнокомандующего и о замене его Брусиловым[716], это была не находка, слава Брусилова была дутая, никаких достоинств за ним не было, он был лакеем до мозга костей и среди настоящих честных военных он уважением не пользовался.

Приехав в Могилев, как мне передавали, он сразу принял тон по отношению к Могилевскому совету рабочих депутатов заискивающий и держал себя без должного достоинства. Говорили даже, что он, будучи встречен на вокзале почетным караулом от Георгиевского батальона[717], подойдя к выстроенной роте, державшей ружья «на караул», и поздоровавшись с ней, обходя фронт перездоровался будто бы за руку с каждым солдатом караула, что было совершенно неуместно и произвело более чем странное впечатление. Вступив в должность, он обратился к армиям со следующим приказом:

«Я назначен Временным правительством Верховным главнокомандующим и смело без колебания принимаю на себя этот пост служения народу для выполнения поставленной народом цели довести нашего врага до согласия заключить с нами и нашими союзниками почетный для нас и справедливый для всех мир на условиях, установленных Временным правительством в полном согласии со всеми представителями народа. <...>

Великая русская революция повелительно требует от нас великих ратных подвигов, чтобы закрепить ими нашу свободу, чтобы земля и воля действительно достались русскому народу и чтобы великая свободная Россия, поборов вместе с нашими союзниками германский милитаризм, могла свободно, спокойно и устойчиво развиваться и посвящать все свои силы и средства не на вооружение и борьбу с соседями, а на долгую мирную счастливую жизнь.

Дорогие боевые товарищи генералы, офицеры и солдаты, помните, что в единении сила, помните, что мы все равные граждане, воины

единой революционной армии свободной России, обязаны соединиться в воистину единое целое и несокрушимое крепкое тело, помните, что для этого требуется железная дисциплина, сковывающая свободных граждан на новых началах сознания каждым из нас своего долга перед родиной, помните, что без этого не может быть победы, а следовательно не дожидаться нам иначе и почетного мира только могущего нам дать свободу и счастье и в сознании необходимости и неизбежности самоотверженного служения на благо наших отцов, матерей, сестер и детей, нашего имущества и главное завоевание права невозбранно пользоваться благами нашей революции.

Я призываю вас всех, русских воинов всяких чинов и положений, сплотиться вокруг красного стяга с девизом свобода, равенство и братство и ринуться на врага сломить его и разрушить навсегда германский милитаризм, давящий своею безумной тяжестью народы всего мира. Если вы при старом режиме, под угрозой расстрела, храбро сражались и били врага, то неужели теперь, чтобы отстоять нашу свободу и возвеличить нашу великую революцию, вы будете колебаться и сомневаться? Неужели вы захотите оправдать позорное для нас утверждение врага, что нас якобы свобода развалила, что мы недостойны ее и что русская революционная армия не грозная сила, а слабая разрозненная толпа недостойных свободы людей?

Нет, я знаю русский народ и русского солдата, я сам русский солдат и смело перед русским народом отвечаю, что мы исполним наш долг до победного конца и добудем нашему отечеству почетный мир с ореолом сияния лучезарной свободы, которую навеки за собой закрепим.

<...> Да здравствует и живет наша мать Россия! Да здравствует наше Временное правительство и наш военный министр Керенский, уповающие на нас, а я, товарищи солдаты и офицеры, ручаюсь за вас перед отечеством. Кто идет вперед, тот побеждает, а кто стоит на месте при атаке противника, безусловно, погибает, мы же хотим победить.

Приказ это прочесть во всех ротах, батареях эскадронах, сотнях и командах. Брусилов».

Просто «Брусилов» без присвоенного ему тогда чина «генерала от кавалерии», что является характерным. И какая разница в тоне нижеследующего прощального приказа Алексеева:

«Почти три года с вами я шел по тернистому пути русской армии. Переживал светлой радостью ваши славные подвиги. Болел душой в тяжкие дни наших неудач. Но шел с твердой верой в промысел Божий в призвание русского народа и в доблесть русского воина. И теперь, когда дрогнули устои военной мощи, я храню ту же веру.

Без нее не стоило бы жить.

Низкий поклон вам, мои боевые соратники. Всем, кто честно исполнил свой долг. Всем, в ком бьется сердце любовью к Родине. Всем, кто в дни народной смуты сохранил решимость не давать на растерзание родной земли.

Низкий поклон от старого солдата и бывшего вашего главнокомандующего. Не поминайте лихом.

Генерал от инфантерии Алексеев».

Благодаря Брусилову развал в армии усилился, т. к. твердые начальники в нем поддержки не имели. Керенский, приехавши в Ставку, пришел в ужас, когда ему показали всю картину развала армии, но он не решился принять радикальных мер против этого развала, боясь, как бы эти меры не способствовали бы контрреволюции. Он стал насаждать комиссаров, из бывших политических, главным образом эсеров, наивно думая, что эти последние сумеют, с одной стороны, укрепить дисциплину, с другой, – пресечь всякие контрреволюционные попытки. Убедившись, что и из этого ничего не выходит, он, напуганный июльским большевистским движением, сменил безвольного и ничтожного Брусилова, заменив его твердым как скала Корниловым[\[718\]](#), но было уже поздно.

Приезд мой в Петроград. Чрезвычайная комиссия. Пребывание в Петрограде

Однако я уклонился от своего последовательного повествования событий, вернусь к моменту моего приезда в Петроград.

Странно и жутко было подъезжать к граду Петра – впервые после переворота. Все казалось как бы на месте, те же дома, трамваи, извозчики, но какой-то отпечаток разнузданности, беспорядка лежал на всем. Улицы, тротуары были неузнаваемы от грязи и сора, много следов разрушений.

Я проехал прямо к себе на Каменноостровский, рад был очутиться дома, мои приехали вслед за мной на другой день.

В первый же день я отправился в Чрезвычайную следственную комиссию. Она помещалась в Зимнем дворце в запасных комнатах Эрмитажа, вход с набережной. На подъезде меня радушно встретили все старые знакомые – швейцары, лакеи бывшего высочайшего двора, также и в залах, где помещалась комиссия. Довольно долго мне пришлось ждать в приемной.

Муравьева[719] – председателя комиссии еще не было, его ждали с минуты на минуту. Он меня встретил очень любезно и предупредительно, сказал, что они меня вызвали с фронта, чтобы получить от меня некоторые показания по делам Департамента полиции и Распутине, затем провел в самый зал, где у них происходили совещания. Там встретился с Родичевым и некоторыми чинами судебного ведомства и сенатором Ивановым[720]; все они принимали участие в работах следственной комиссии, разбиравшей деяния бывших министров. Все ко мне отнеслись очень любезно – я понял, что меня действительно вызвали не в качестве обвиняемого, а свидетеля. Сговорившись со мной о дне и часе, когда я приеду дать показания, меня отпустили.

Как только я вышел из зала заседаний, то встретил следователя по особо важным делам В. М. Руднева[721], которого я очень хорошо знал еще по Москве. Мы встретились друзьями, это был очень честный,

прямой, хороший человек. Он также был привлечен к занятиям в комиссии и очень обрадовался, увидев меня, т. к. у него в руках было дело о Распутине и ему необходимо было меня допросить по некоторым вопросам. Мы сговорились, когда я приду к нему.

До явки в комиссию у меня оставалось четыре дня, которыми я воспользовался, чтобы навестить друзей, знакомых, узнать, как они живут, как прожили все это время. Настроение у всех было сравнительно бодрое, я ожидал худшего. Навестил я и бедную Марию Леонидовну Маклакову, муж коей сидел в Петропавловской крепости; очень было мне ее жаль, хотя она, как истая христианка, безропотно и бодро несла ниспосланный ей крест.

В назначенный день я явился в Чрезвычайную комиссию; меня сейчас же провели в большой зал, где в конце его стоял большой стол, покрытый сукном и заседала комиссия. В центре сидел Муравьев, по бокам – сенатор Иванов, Родичев и еще два неизвестных мне лица. За особым столом сидели стенографистки для записи показаний.

Первое дело, которое мне предъявили – было дело о Малиновском[722]. Я рассказал подробно, всё как было, и опроверг некоторые показания по сему делу Родзянко[723], который несколько искажил мой разговор с ним по этому поводу.

Затем последовал допрос по другим делам, касавшихся Департамента полиции, а именно относительно порядка расходования денег, составлявших «секретный фонд» Департамента полиции[724] вообще и, в частности, причины выдачи Пуришкевичу из этого фонда 10000 рублей, причем мне предъявили и записку его в газетах, гласившую следующее:

В чем дело?

Я ответил, что действительно Пуришкевичу выдано было 10000 рублей, но эти деньги были возвращены в секретный фонд через две недели после из выдачи обратно, и что в отчетах по секретной сумме возврат должен значиться.

Произошло это следующим образом, объяснил я. Пуришкевич обратился ко мне с просьбой, не могу ли я ему достать или выхлопотать пять или десять тысяч рублей для снабжения офицеров и солдат в окопах книгами. Я ответил ему, что из сумм Департамента полиции я выдать денег на такой предмет не могу, т. к. назначение секретного фонда не соответствует характеру такого расхода, а если он имеет в виду снабжать войска на фронте здоровой беспартийной духовной пищей, а не изданиями союза Михаила Архангела, что явилось бы пропагандой, то я готов оказать ему содействие в этом деле.

Я подумал, что, может быть, мне удастся во время одного из высочайших путешествий по России, когда государю очень часто подносили довольно крупные суммы на нужды войны, попросить уделить из этих сумм 10000 руб. на столь хорошее дело, как снабжение окопов здоровой духовной пищей. Такой случай мне и представился. Сопровождая государя при его поездке в 1915 году в г. Одессу и Севастополь, я через Воейкова – дворцового коменданта – просил доложить государю мою просьбу о выдаче Пуришкевичу 10000 руб. из сумм, пожертвованных в Одессе на нужды войны. Воейков доложил государю, который приказал мне эти деньги для передачи Пуришкевичу выдать, но почему-то при этом государь выразил желание, чтобы Пуришкевич не знал, откуда эти деньги. Получив деньги, я поэтому, чтобы скрыть от Пуришкевича источник, послал депешу директору Департамента полиции выдать из секретного фонда Пуришкевичу 10000 руб., которые мною будут пополнены. По возвращении моей из поездки я передал 10000 руб. для внесения на приход в секретную сумму, опять-таки не говоря, откуда они.

Это мое показание вполне удовлетворило комиссию, тем более в отделе прихода была найдена и сумма внесенная мною.

Затем был сделан мне допрос по делу Шорниковой [\[726\]](#), причем Комиссия нашла, что я был не особенно щедр, ограничившись 500 рублями единовременной ей выдаче. При этом один из членов Комиссии заметил, что они не могли не обратить внимания, что за время

моего заведывания департаментом Полиции расходы из секретного фонда производились с видимой осмотрительностью, и они не могут указать мне ни одного неправильного расхода, только один расход Пуришкевича их смутил. Затем, кажется, сенатор Иванов меня спросил: «А знаете ли Вы, какая сумма денег оставалась в кассе Департамента 15 августа 1915 г. в день вашего ухода?» Я ответил, что насколько припоминаю – при вступлении в должность принял около 400.000 рублей, уходя же оставил более полутора миллиона. «А знаете ли, сколько осталось в кассе по уходе Хвостова и Белецкого?» – спросили меня и прибавили: «Ничего кроме долгов». И показали при этом печатную брошюру Тихменева «Джунковский в отставке» – сплошной пасквиль на меня, спросив: «Вы знаете эту брошюру?» Я ответил, что имел ее только в рукописи. «А по чьему поручению она составлена и на чьи деньги?» – «Не знаю», – ответил я. «По поручению Белецкого и Хвостова через Комиссарова, на деньги из секретного фонда Департамента полиции».

Таким образом, я узнал еще одну подлость этих темных личностей. Руднев спрашивал меня исключительно о Распутине и то в общих чертах. Меня приглашали в комиссию три раза, как для показаний, так и для проверки стенограмм, там же мне сказали, что Керенский выражал желание меня повидать. Вследствие этого, а также и не без чувства любопытства увидеть того, которым в то время многие так восхищались, я отправился к Керенскому в здание Адмиралтейства, где он занимал квартиру морского министра.

Старый швейцар, тот же что был и при Григоровиче, меня сейчас же узнал и очень обрадовался, о Керенском он говорил, как мне показалось снисходительным тоном. Я прошел наверх в приемную, где уже сидело несколько лиц. Дежурный адъютант, морской офицер записал мою фамилию на имевшемся в руках у него бланке. Ровно в 11 часов он отправился к Керенскому со списком явившихся. Первым был принят я. Войдя в тот самый кабинет, в котором меня в 1915 году перед моим отъездом на войну принимал Григорович, я увидел перед собой знакомую фигуру депутата Государственной Думы. Только он выглядел и аккуратнее в хорошо сшитом френче и красивых элегантных сапогах

с крагами; правую руку больную, он держал засунутой между пуговицами френча, левую подал и пригласил сесть. Задав мне несколько вопросов по поводу моих показаний в следственной комиссии, он спросил меня, как у меня на фронте, и затем стал рассказывать, как он готовит стремительное наступление на южном фронте и уверен, что успех будет, что он сам поедет подбодрить и воодушевить войска. Но все это, как мне показалось, он говорил неуверенно и производил впечатление человека переутомленного донельзя и подавленного, никакой искры я в нем не заметил, передо мной было просто ничтожество, у которого пороха больше не осталось, и все что он говорил о войсках, все это свидетельствовало только, как он мало во всем этом смыслит и плохо разбирается.

Ушел я от него с очень неприятным чувством, что Россия потеряна, к этому присоединилось еще и другое – чувство недовольства собой – мне казалось, что я сделал что-то плохое, кому-то изменил, отправившись к нему.

Тревожные вести из дивизии

А из дивизии, тем временем, я стал получать от Буйвида очень неутешительные вести, а от командира корпуса получил депешу с просьбой поскорее вернуться. Между полученными вестями особенно встревожило меня донесение Буйвида об аресте командира 58-го полка полковника Элерца своими же солдатами и о других брожениях под влиянием агитации с тыла и прибывшей из Петрограда распропагандированной пулеметной командой Кольта, которая сразу заявила, что прибыла не для войны, а для защиты свободы, т. к. последняя на фронте недостаточно ясно понимается.

Все эти вести заставили меня ускорить свое возвращение и просить Чрезвычайную комиссию меня отпустить.

Отъезд из Петрограда. Заезд в Курскую губернию, приезд в Минск. Новый главнокомандующий Деникин

14-го числа мне удалось выехать из Петрограда. С большой грустью оставлял я своих и с не меньшей тревогой: атмосфера была очень неприятная. Я проехал в Курскую губернию, чтобы навестить моих друзей[727], которые жили в деревне. Поезд пришел в Курск с опозданием на 8 часов, к счастью был воинский поезд на Киев, в котором я и доехал до ст. Лукашевка, где меня ждали лошади. Я пробыл в деревне два дня; первый день от усталости ничего не соображал и только ко второму дню я отдохнул и мог насладиться деревенской обстановкой, окруженный друзьями, вдали от всего тяжелого.

На следующий день я уже выехал; едва попал на поезд, до того все было набито, пришлось до Бахмача простоять в коридоре, наполненном солдатами. Было скверно и утомительно. Что делалось на всех станциях – это было прямо невероятно, такое везде скопление солдат, что казалось происходит какое-то переселение. В Бахмач поезд опоздал на 2 часа, и поезд на Минск уже ушел, пришлось переехать на извозчике на Роменский вокзал и ждать там следующего поезда до утра. Это была пытка. Наконец, пришел поезд, оказалось купе I класса, и до Минска я доехал хорошо, но поезд шел черепашьям шагом. 18-го числа я был в Минске, остановился в «Европейской» гостинице, вымылся, вычистился, пришел в себя и отправился в штаб фронта. Гурко уже не было. Главнокомандующим был Деникин, вступивший в командование 8-го июня.

Вступив в должность, Деникин отдал следующий приказ по армиям Западного фронта, приказ немногосложный, но ясный:

До этого времени Деникина я не встречал, принял он меня очень любезно, понравился мне своим честным прямым взглядом на дело. Иллюзий у него не было, но он считал долгом до конца, пока он в состоянии, твердо неуклонно продолжать свое дело защиты Родины.

В штабе фронта я нашел старшего адъютанта штаба своей дивизии Коптева, который приехал за мной в Минск в автомобиле. От него я узнал

много новостей. Как оказалось, дивизия, в ночь с 15 на 16-е, отошла в резерв командира корпуса с целью поддержать одну из дивизий при предполагавшемся наступлении и для развития затем успеха, если бы таковой был.

Это было совсем в другом районе, так что штабу дивизии пришлось перейти на новое место стоянки в г. дв. Флорианово, туда же прибыл и новый, назначенный ко мне начальником штаба подполковник Генерального штаба Хартулари[\[728\]](#).

Затем он мне рассказал обо всех печальных историях, имевших место в мое отсутствие. Произошли эти печальные истории под влиянием агитации, главным образом, участников последнего Минского съезда военных и рабочих депутатов армий и тыла Западного фронта из-за разногласия с которым ушел Гурко[\[729\]](#). Эти агитаторы возбудили 58-й и 59-й полки, стоявшие на позиции, к отказу от исполнения боевого приказа и ухода с позиции в резерв. 59-й полк не попался на удочку и, после некоторого колебания, дал себя сменить, 58-й же полк под влиянием недовольства командиром на почве недостойной интриги одного из старших офицеров полка сводившего с командиром личные счета, категорически отказался смениться, а когда командир полка полковник Элерц, прибывши на позицию, хотел заставить полк смениться, то распоряжением полкового комитета был арестован, и тот же комитет заставил одного из обер-офицеров[\[730\]](#) полка вступить в командование полком[\[731\]](#). К счастью, этот новый незаконный командир оказался на высоте и благодаря его влиянию полк сменился с позиции в полном порядке.

Отъезд из Минска к себе в дивизию с заездом в штаб 2-й армии и штаб корпуса

Очень всё это было мне противно услышать, и под этим тяжелым впечатлением я выехал из Минска с Коптевым около трех часов дня. Дорога предстояла довольно продолжительная, я сразу почувствовал, что автомобиль пошаливает. Кое-как доехали до Койданова,

где пришлось его чинить, что заняло около 4-х часов. Благодаря этому ехали всю ночь и только ранним утром на другой день прибыли в Несвиж, стоянку штаба 2-й армии, улеглись спать в офицерском общежитии. В 9 часов утра я отправился к командующему армией Веселовскому. Он любезно меня встретил, был очень предупредителен, я с ним мог хорошо откровенно поговорить обо всех делах дивизии. На него инцидент с арестом командира 58-го полка не произвел большого впечатления, это считалось в то время самым обыкновенным явлением; в других частях они сопровождались разными насилиями до убийства включительно, поэтому происшествие в 58-м полку казалось очень невинным.

Устроив все дела в штабе армии, повидав и милейшего начальника штаба генерала Геруа, я двинулся дальше в Грушевку, где я стоял одно время со своим штабом дивизии, а в это время уже стоял штаб корпуса. Явившись к командиру корпуса генералу Тележникову, я остался у него обедать, после чего довольно долго еще говорили о делах, так что у себя в новом расположении штаба дивизии я был только в 7 часов вечера.

И в штабе все радостно меня встретили и с какой-то надежной, что теперь все у них пойдет гладко. Меня такая встреча очень тронула, но и смутила, слишком много надежд они возлагали на мое влияние, а я чувствовал, что мои нравственные силы постепенно уходят.

Познакомился я и с новым начальником штаба Хартулари. Он оказался очень милым, хорошим, честным и мог бы быть дельным; к сожалению это был алкоголик, он с утра начинал с того, что выпивал у себя совсем один – один или два стакана водки. Если же бывали какие-нибудь празднества или приезжали соседи или врачи и сестры лазаретов и подавали к столу вино, то мой Хартулари пьянел от одной рюмки и становился прямо неприличным.

Я после таких двух случаев запретил подавать вино, но это не мешало ему приходить к завтраку или обеду уже выпившим. Было то неприятно, что когда он выпьет, то его тянуло на позицию в окопы, мои офицеры

штаба тогда выручали меня и принимали всевозможные меры, чтобы остановить его.

Мне весьма было жаль Хартулари, он сам мучился этим пороком, я его терпел целый месяц, пока не случился инцидент, выведший меня из терпения. Это было за завтраком, в присутствии жены начальника штаба корпуса Суходольского, очень милой женщины, которая у нас завтракала в тот день. Хартулари к моему ужасу пришел к завтраку совершенно невменяемый.

В тот же вечер я его пригласил к себе и, поговорив с ним по душе, предложил ему немедленно покинуть штаб дивизии и, приехав в Петроград, устроиться в другом месте, на что я ему и дал срок две недели, предупредив его, если он нигде за это время не устроится, то будет мною отчислен в резерв по несоответствию.

Помещение штаба было довольно тесное, но при доме был роскошный сад, так что я очень хорошо устроился в нем, поставив себе палатку.

Ознакомление с делами дивизии. Приказ Гурко и приказы Керенского, полученные в мое отсутствие

С раннего утра, следующего после моего возвращения дня, я принялся за дела, ознакомился с всеми событиями происшедшими за две недели моего отсутствия, а также и распоряжениями и приказами.

Среди них я прочел и очень характерный приказ Гурко, свидетельствовавший, до какого ужаса в некоторых частях войск достигло отсутствие всякого осознания долга. Этот случай имел место в 17-й Сибирской дивизии, которая потом, когда я командовал корпусом, испортила мне много крови.

Привожу этот приказ:

«Во время бывшего 8 сего мая большого пожара в м. Городец и ст. Замирье сгорел также и склад имущества 67-го Сибирского стрелкового полка, в огне наряду с другим имуществом погибло 560 винтовок.

Просьба сторожей помочь спасти от огня винтовки и запасы имущества, обращенная к бывшим по близости на станции многочисленным солдатам, успеха не имела. Солдаты, на обращенные к ним просьбы отвечали сторожам: «У вас спасать нечего, нет ни сапог, ни белья. Бежим туда, где этого много, а винтовки если сгорят, то наделают новых».

Работать над спасением имущества пришлось только четырем солдатам-сторожам, которые успели вынести, вследствие быстрого распространения пожара, только 440 винтовок и небольшую часть остального имущества. В отношении солдат к гибели дорогостоящего казенного имущества, к глубокому сожалению, до сих пор чувствуется взгляд на казну, как на что-то самодовлеющее, не имеющее никакого отношения к народному достоянию. Из ответов солдат сторожам видно, что они не считают необходимым и своей обязанностью спасать казенное имущество. Между тем, пора всем знать и знать крепко, что казна — это достояние всего народа, она составляется из денег народных, собираемых посредством налогов, в каждой казенной вещи есть хотя бы самая маленькая частица, данная каждым из нас, т. е. всем народом народу же. Смотреть на казну, как на что-то чуждое — нельзя, ибо вся казна принадлежит народу.

Необходимо с крайней бережливостью относиться к казенным вещам, ибо небрежное отношение к ним вызовет лишний расход на их заведение и, следовательно, лишние налоги для получения денежных средств. Нам же, военным, еще во время войны нужно особенно бережно хранить винтовки, ибо запасы их невелики и потеря нескольких сотен чувствительна для армии. Недостаток винтовок в нужную минуту может оказаться роковым и поведет ко многим напрасным потерям человеческих жизней. Обращая внимание на печальный факт отношения к казенному имуществу со стороны несознательных солдат, предлагаю всем начальствующим лицам и комитетам разъяснить солдатам, что подобное вышеприведенному отношению в настоящее время не только не допустимо, но прямо преступно.

Главнокомандующий армиями, генерал от кавалерии Гурко».

Затем в мое отсутствие было еще два приказа Керенского по вопросу о дезертирах и о предложении мира Германией. [\[732\]](#) <...>

Кроме этих приказов по армии и флоту опубликованы были еще два приказа по Военному ведомству о новых полковых, военно-окружных и корпусных судах. По этим приказам даже выговоры можно было объявлять только через суд, таким образом, власть начальствующих лиц все сокращалась; я не мог даже сделать замечания, а зато во время боя мне предоставлялось право бить кулаками, нагайками, я мог застрелить любого офицера или солдата, прямо абсурд какой то. <...>

Происшествия в дивизии в мое отсутствие и как я реагировал на них

Ознакомившись со всеми приказами и распоряжениями за мое отсутствие, я по очереди принял с докладами всех начальников отдельных частей дивизии, начиная с генерала Буйвида, который командовал дивизией за время моего отсутствия.

Он мне доложил обо всех причинах, которые, по его мнению, способствовали перемене настроения в дивизии.

Доклады командиров полков также ничего утешительного не дали, да другого и ожидать нельзя было, т. к. полки были разбросаны, размещены плохо, тесно, и вообще в резерве полки всегда разбалтывались, а при тогдашних условиях производить занятия было очень трудно. Кроме того все последние распоряжения, наполненные «углублением революции», могли только способствовать разложению армии, права солдат все увеличивались, а про обязанности все забыли; повторяли войскам одно только ненавистное им слово «наступление», да изредка появлялись истерические приказы Керенского. Ознакомившись с положением дел в частях дивизии со слов начальствующих лиц, я стал постепенно все подбирать к рукам и приводить в порядок.

В мое отсутствие в 59-м полку было преступное посещение немецких окопов двумя офицерами полка. По этому поводу генералом Буйвид был отдан следующий приказ, который я не мог не приветствовать:

«19 июня 1917 г.

Приказ № 238 по 15-й Сибирской стрелковой дивизии.

г. дв. Флорианово

Из представленного мне, при рапорте командира 59-го Сибирского стрелкового полка от 18-го сего июня за № 225, дознания, усматриваю, что 15-го сего июня младший офицер команды пеших разведчиков[733] той же команды и полка, со стрелками Афанасием Андреевым[734] и Романом Боровских[735] ходили в немецкие окопы для мирных сношений, где и пробыли около часу. При этом прапорщик Лемешек[736] по собственному его признанию ходил, чтобы узнать, как живут жители Люблинской губернии, а стрелки Андреев и Боровских – якобы для того, чтобы лучше рассмотреть ранее ими замеченное пулеметное гнездо.

Они прошли в немецкие окопы под белым флагом и провели время в разговорах с немецкими офицерами и солдатами, после чего вернулись в свои окопы назад.

Из того же дознания выясняется, что означенное деяние произошло если не с согласия, то во всяком случае, с ведома начальника команды пеших разведчиков подпоручика Галинского[737], который никаких мер к предотвращению этого явления не принял и о случившемся не донес; есть указания, что и раньше он допускал в своей команде случаи подобных же мирных сношений с немцами.

Полковой комитет 59-го Сибирского стрелкового полка, ознакомившись с обстоятельствами этого дела в заседании 17-го сего июня, вынес всем указанным выше лицам категорическое осуждение.

Вполне присоединяясь к мнению полкового комитета – предаю прапорщика Лемешка, стрелков Андреева и Боровских и подпоручика Галинского 8-му общему корпусному соединенному суду 3-й армии: первых трех в силу первой части ст. 244 кн. XXII Свода Военных

постановлений 1869 года, по обвинению в личном сношении с противником и последнего по обвинению в противозаконном бездействии власти в силу ст. 142 той же книги».

21-го июня я начал объезд всех частей дивизии. Первым долгом назначил смотр провинившемуся 58-му полку. Командир полка полковник Элерц уже был зачислен по болезни в резерв чинов Минского военного округа и отбыл по месту новой службы, поэтому я 20-го июня накануне назначенного мною смотра полку объявил об этом в приказе по дивизии, приказав возвратившемуся из отпуска подполковнику Школину^[738] того же полка, как старшему, вступить во временное командование. Что касается поручика Сциборского, которого полковой комитет заставил вступить в командование полком, то и это распоряжение, как совершенно незаконное, решил просто игнорировать, но затем потребовав к себе на просмотр все приказы по полку за это время и увидав подпись «временно командующий полком поручик Сциборский», я отдал по дивизии следующий приказ:

Я опасался, что встречу протест со стороны полкового комитета, но к счастью он вполне покорился моим распоряжениям. Затем приказом от того же 20-го числа я передал все дело об арестовании Элерца солдатами 58-го полка судебному следователю 9-го армейского корпуса для производства предварительного следствия и привлечения виновных к законной ответственности, усмотрев в действиях солдат признаки преступления, предусмотренного второй частью ст. 151 Свода Военных Постановлений.

Отдав все это в приказе, я 21-го числа выехал верхом в распоряжение 58-го полка на смотр. Полк был выстроен на площади того местечка, в котором был размещен квартиро-бивачным порядком. Поздоровавшись с полком, я объехал все его ряды, внимательно вглядываясь в лица, чтобы угадать настроение. Ничего особенного я не заметил, только некоторые смотрели исподлобья. Встав затем на середину полка, я обратился к ним с несколькими словами по поводу совершенного полком преступления и насилия над командиром полка, после чего сказал им, что я хочу, чтобы

весь полк до единого знал мое мнение об их бывшем командире, которого они так оскорбили и потому я лично прочту им посвященный ему мой приказ по дивизии. Взяв от начальника штаба приказ, я прочел перед всем строем следующее:

Когда я оканчивал чтение приказа, раздался негромкий, но протестующий голос из задних рядов батальона, стоявшего передо мной. Посмотрев по направлению этого голоса, я сказал: «Кто там из-под полы говорит, кто хочет что сказать, выйди смело вперед и скажи!». «Ну выходи же! – крикнул я, видя что никто не двигается. – Очевидно трус, умеющий только за спиной проделывать свои делишки. Предпочитаю такого негодяя и не знать!»

Сказав это я, при гробовой тишине, скомандовал «К церемониальному маршу».

Хор музыки встал передо мной и весь полк со всеми командами стройно продефилировал мимо меня. По окончании смотра я направился в штаб полка, принял полковой комитет, говорил с ним, затем имел отдельную беседу с офицерами, после чего еще обошел всю деревню, заходя почти в каждую избу, где помещались солдаты, пробуя пищу и обращаясь к некоторым с вопросами. Многие мне не понравились, смотрели волками, вызвать их на откровенность я не мог, но это, к счастью, были единицы, так что, в общем, настроение было вполне хорошее.

1-я рота 6-го инженерного полка

22 июня, состоявшая в прикомандировании моей дивизии, 1-я рота 6-го инженерного полка получила другое назначение. Мне было очень жаль расстаться с ней – это была чудная рота, с которой работать было одно удовольствие. Отпуская ее, я отдал следующий приказ:

«С сожалением расставаясь с 1-й ротой 6-го инженерного полка, считаю долгом выразить мою благодарность от лица службы командиру роты штабс-капитану Стржалковскому [\[739\]](#), временно командовавшему ротой, положившему мною труда при составлении плана работ,

прапорщику Погребному[740], младшему офицеру прапорщику Розенталю[741] и всем чинам роты за их содействие при выполнении сложной большой задачи усовершенствования и укрепления позиции вверенной мне дивизии». <...>

Донесение командиру корпуса о результате поверки мною дивизии и ее боеспособности

20 июня я окончил объезд всех полков и частей дивизии и о результатах донес командиру корпуса, изложив в полевой записке нижеследующее:

В это же время из штаба армии поступило требование представить ряд заключений по пунктам относительно боеспособности дивизии. Было очень трудно ответить на все вопросы, т. к. настроение постоянно менялось. Я нашел возможным только приблизительно осветить положение в рядах дивизии, представив заключение в следующем виде.

Привожу заданные вопросы и мои ответы:

«1. О боевой работе на позиции и несении службы.

– Боевая служба на позициях неслась удовлетворительно.

2. Об отношении солдата к производству работ по усилению позиции.

– Отношение солдат к работам разумное, считают, что они необходимы, но на деле работают неохотно, и производительность работ со времени переворота сократилась, по крайней мере, вчетверо.

3. О сменах частей на позициях.

– До 15-го мая смены проходили спокойно. После 15-го мая в некоторых полках были попытки неисполнения боевых приказов о смене.

4. О ведении рекогносцировки и разведки.

– Разведки производились охотниками, которых за последнее время является все меньше и меньше, носили они скорее пассивный характер.

5. Об отношениях между солдатами и офицерами.

– Отношения неровные, то налаживаются, то опять проявляется недоверие. Оно сеется листками крайнего направления, которые раскупаются солдатами нарасхват. Офицеров, а также и тех солдат, которые внушают мысль о поддержании порядка, называют буржуями. Нормальных отношений можно ожидать только при протрезвлении в тылу.

6. О работе комитетов и вынесенных ими резолюциях.

– Комитеты работают, выносят резолюции о поддержании порядка, дисциплины и исполнения приказов и проч., но авторитетом и доверием не пользуются, а потому их постановления и резолюции часто не исполняются. Есть и в комитете лица, вредящие общему делу. У сознательных и способных работников не хватает энергии и пропадает желание работать при таких условиях.

7. Об отношении к братанию.

– Братания в дивизии не было, отношение к нему резко отрицательное.

8. Как и что думают солдаты о наступлении и активной обороне.

– Большинство настроено против наступления. Оборону признают только пассивную.

9. Отношение к организации штурмовых частей.

– Многие смотрят на них с иронией, называют их безумцами. Число желающих идти в штурмовые части все меньше и меньше после того, что увидели, что там требуются усиленные занятия и материальных выгод нет.

10. Взгляд большинства на проповедь Ленина, на события в Кронштадте^[743].

– Сторонники Ленина есть, и они ведут тонкую агитацию, но большинство не сочувствует. Про Кронштадтские события совсем не говорят.

11. Отношение к дезертирам.

– Резко отрицательное.

12. Общая характеристика состояния дисциплины и порядка в частях.

– Дисциплины и порядка нет и восстановить их при всем желании нет возможности, можно только поддерживать равновесие.

13. Настроение и волнующие вопросы.

– Настроение тревожное и неопределенно-нервное. Каждую минуту можно ожидать сюрпризов. Самый больной вопрос – скорейшее заключение мира или, в крайнем случае, освобождение от службы на фронте.

14. Положение офицеров и их работа по урегулированию жизни в частях.

– Положение офицеров очень неопределенное, благодаря отсутствию дисциплины и взглядов солдат на права и обязанности офицеров. Фактически солдаты никаких прав офицера не признают. Небольшая часть опытных офицеров в некоторой степени имеют еще влияние на жизнь полка главным образом в комитетах.

15. Общее заключение о настоящем положении и боеспособности части.

– Среди прапорщиков есть большевики. Дивизия для пассивной обороны боеспособна. Дать заключение о способности к наступлению затрудняюсь, возможно, что при стечении благоприятных обстоятельств можно было бы создать наступательный порыв».

По получении в штабе корпуса ответов от всех начальников дивизий туда приехал командующий армией[744] и мы все были приглашены на совещание.

Все мы высказали свои предположения и мнения о тех или иных мерах, которые бы дали возможность подвигать дисциплину, но все, что мы предлагали, оказывалось неприемлемым с революционной точки зрения и потому наше совещание, продолжавшееся с 3-х часов дня до часу ночи, с перерывом на ужин, никаких реальных последствий иметь не могло.

Я только несколько успокоился за свою дивизию, убедившись из докладов других начальников дивизий, что у меня сравнительно дела обстоят еще хорошо, но от этого, конечно, на душе не могло стать легче.

26-й запасный Сибирский полк

24 июня получено было разрешение на отправку с фронта в свои запасные полки особых делегаций, в случае неисправного прибытия в полки рот пополнения, в составе офицеров и солдат, для проверки списков, направленных в полки, маршевых рот и для сопровождения их в пути с целью воспрепятствования дезертирства, т. к. 26-й запасный Сибирский полк, стоявший в Омске и комплектовавший мою дивизию, очень неисправно последнее время высылал маршевые роты и при том люди были совершенно не обучены, то я предложил дивизионному комитету произвести выборы представителей от полков дивизии для командирования их в 26-й полк, предварительно сносаясь по этому поводу с командиром полка полковником Носовым[\[745\]](#).

Посылка делегации достигла своей цели, она была принята в запасном полку с радушием и гостеприимством. Запасной полк дал согласие на отправку на фронт своей учебной команды и всех кадровых – это был все очень хороший элемент, не успевший распропагандироваться, т. к. в то время разруха еще не докатилась полностью до Омска.

Эта учебная команда, составленная из прекрасных строевых чинов, причем исключительно из сибиряков, плохо реагировала на агитацию и явилась свежей здоровой струей, влившейся в полки моей дивизии. С этого момента я вошел в тесную связь со своим запасным полком, что для дела освежения дивизии оказало большую пользу.

Мусульманская организация

В конце июня месяца был мусульманский праздник, и мусульманская организация дивизии обратилась ко мне с просьбой об отпуске средств на приобретение одежды и книг дивизионному мулле и устройство библиотеки. Приказав выдать председателю организации прапорщику 57-

го Сибирского стрелкового полка Сайфульмину[746] из экономических войсковых сумм по сто рублей от каждого полка и по 25 руб. от каждой из остальных частей дивизии, я в день их праздника послал им приветствие, на что получил следующий ответ:

«Мы все, солдаты-мусульмане вверенной Вам дивизии, шлем все единосердечную благодарность за Ваше поздравление нас с торжественным праздником, и за оказанную Вами нам помощь, которая отделила наши торжественные дни от обыкновенного. Мы сознаем Вашу любовь ко всему народу, который переживает в настоящее время непосильную тяжесть в борьбе за любовь и ко всем националам, и надеется, что этим достигнет открыт источник любви ко всему народу в будущем.

Мулла Муклинов[747]».

Попытки к наступлению на Юго-Западном и на нашем фронте

В это время на Юго-Западном фронте началось наступление[748]. С большими усилиями, при помощи штурмовых рот, удалось двинуть войска, которые и прорвали несколько немецких линий, но удержаться, не будучи поддержаны, не могли и – покатались обратно.

На нашем Западном фронте Деникин отдал следующий приказ:

«Русские армии на Юго-Западном фронте сегодня нанесли поражение врагу, прорвав его линии. Начинается решительная битва, от которой зависит участь русского народа и его свобода. Наши братья на Юго-Западном фронте, победоносно двигаясь вперед, не щадя своей жизни, ждут от нас скорой помощи. Мы не будем предателями. Скоро услышит враг гром наших пушек. Призываю войска Западного напрямч все силы, чтоб скорее приготовиться к наступлению. Иначе проклянет нас русский народ, который вверил нам защиту своей свободы и чести и достояния».

Наступление началось в районе Молодечно[749], нашему корпусу приказано было поддержать и, в случае удачи, развить успех. Ничего

из этого, к глубокому прискорбию, не вышло. Причины были изложены в нижеследующем приказе по фронту Деникина:

«В минувшие 6 – 10 июля операции на Виленском направлении артиллерия ударной группы еще раз покрыла себя боевой славой.

Неприятельская артиллерия, подавленная нашими батареями, не могла развить достаточно сильного огня по атакующим; огромные разрушения позиций противника, его нравственное потрясение и потери в людях настолько ослабили его ружейный огонь, что на некоторых участках по штурмующим не раздалось почти ни одного неприятельского выстрела. Такой выдающийся успех артиллерийской подготовки является результатом обстоятельной, продуманной до мелочей, тактической и технической разработки артиллерийского плана операции и спокойного, методического выполнения его в самом бою.

Все артиллеристы, в сознании долга перед Родиной, без колебаний работали непрерывно днем и ночью в течении пяти дней, пробив пехоте широкую дорогу к успеху. Не их вина, что достигнутые подготовкой результаты не были использованы, как надлежало, большинством назначенной для удара пехоты. Не могу также не отметить боевых заслуг многих чинов 1-го, 7-го, 68-го Сибирских стрелковых, 525-го Курюк-Дариаского, 247-го Мариупольского, 698-го Миргородского, 700-го Блатанского пехотных и 42-го Сибирского стрелкового полков, добровольческой женской команды Бочкаревой[\[750\]](#) и многих штурмовых батальонов и рот, заслуг тем больших, что, невзирая на слабость и малодушие соседей, эти части решительно атаковали врага и сразу достигли значительных успехов.

Особую выдающуюся доблесть выказали в бою этом офицеры, которые, как прежде, смело шли на врага и своею жизнью и кровью запечатлели верность обновленной России. Об их примерных трудах и подвигах, среди травли изменников и предателей, не забудет Родина. От лица службы благодарю всех артиллеристов от генерала до канонира. Поддерживая заслуженную ранее славу своего оружия, вы на деле

доказали Родине истинную к ней любовь и преданность долгу. Да послужат их подвиги вразумляющим примером всем заблудившимся.

Приказываю считать расформированными: 178-го пехотный Прилукский и 675-й пехотный Конотопский полки 169 пехотной дивизии с 7 сего июля; 23-й гренадерский Манглисский, 24-й гренадерский Навтулугский 2-й Кавказской гренадерской дивизии, 703-й пехотный Сурамский и 704-й пехотный Рионский полки, 176-й пехотной дивизии с 17 сего июля.

Полки расформированы за измену воинскому долгу и делу спасения Родины.

В то время, когда армии Юго-Западного фронта по воле народа нанесли удар полчищам Вильгельма и спасли от гибели Россию и молодую свободу, а армии нашего фронта готовились могучим натиском развить победы на юге и, сломив врага, приблизить желанный час мира, расформированные ныне полки не только отказались поддержать товарищей, но, будучи гнездом провокации, немецкого шпионажа и безграничной разнузданности, стремились создать смуту и развал во всей армии и этим самым они играли в руку немцам, явившись их союзниками против своих же братьев.

Войска армий фронта!

Ныне из списков вычеркиваются имена полков, опозоривших себя изменой и предательством Родине.

Пусть с негодованием вспоминают наши дети и внуки тех, кто в тяжелую годину испытаний не только не спасали родную землю, но заведомо продавали ее врагу, оправдывая свою трусость заученными фразами, которые нашептывались агентами Германии.

Главнокомандующий армиями генерал-лейтенант Деникин».

В то время, когда шло наступление на южном фронте и готовилось оно и на нашем, в частях моей дивизии солдаты очень волновались и устраивали постоянные митинги и собрания, на которых обсуждались вопросы о наступлении.

Выведенный из себя всей этой болтовней, смущавшей только честных солдат, я отдал следующий приказ:

«В настоящее время, во всех частях вверенной мне дивизии, происходят митинги и собрания, где главным образом обсуждаются вопросы наступления, причем разгораются страсти и доходят чуть ли не до междоусобицы. На южном фронте доблестные войска 7-й и 11-й армий, а вчера получено было известие и об удачном наступлении 8-й армии, проливают кровь за честь и свободу нашей матушки России, а мы здесь бездельничаем и только разговариваем о том: наступать или не наступать.

Ну, не позор ли это!

Ведь вся Россия, весь народ, за исключением небольшой кучки, решили, что медлить нельзя, что для достижения скорейшего мира и закрепления свободы нашей наступление необходимо, и наш военный министр А. Ф. Керенский издал об этом и приказ.

Какие же тут еще разговоры?

Все мы принадлежим к славной доблестной российской армии, все мы, чтобы не опозорить эту великую армию, не опозорить ту свободу, которую мы завоевали, должны быть достойными ее, должны исполнять беспрекословно все приказы, исходящие от нашего народного военного министра и наших вождей.

Пора прекратить всякие разговоры, пора приняться за дело, пора сознать, что время не терпит, что чем больше мы тратим его на болтовню, тем больше ослабляем себя.

Призываю все части вверенной мне дивизии к безусловному повиновению всем приказам, идущим свыше, без чего не может быть организованной части. Призываю приняться за дело, за занятия, помня, что предстоит ли нам наступать или обороняться, часть может иметь успех только тогда, если она обучена, если она меньше говорит и больше делает.

Прошу всех чинов вверенной мне дивизии сплотиться в одну дружную со мной семью и доказать, что 15-я Сибирская дивизия это не сброд, а сила, готовая отстаивать честь и свободу России».

Назначение Саваренского командиром 58-го полка

В самом конце июня получен был приказ о назначении командиром 58-го полка полковника Саваренского[\[751\]](#). Еще будучи в Петрограде, получив известия об инциденте в 58-м полку с Элерцом, я тотчас вошел с ходатайством, прося о безотлагательном назначении на место Элерца Саваренского, которого я знал за образцового и дельного во всех отношениях офицера. Известие о состоявшемся его назначении доставило мне большую радость, я очень рассчитывал, что Саваренский своим тактом и умением сплотит 58-й полк и объединит офицеров.

Восстание большевиков в Петрограде. Последствия

В первых числах июля в Петрограде произошло восстание[\[752\]](#) – выступили большевики с целью захватить власть в свои руки. Попытка эта была подавлена. Одновременно, на фронте, пропаганда большевизма заметно усилилась и хотя последствия ее не вылились в резкую форму, но наложили свою печать на настроения частей, среди которых широко раскидывались и распространялись прокламации партии большевиков. <...>

Восстание большевиков в Петрограде заставило встрепнуться Временное правительство и Комитет Государственной Думы, и как только оно было ликвидировано, посыпались воззвания одно за другим в противовес большевистским. Привожу здесь три из них, уцелевшие у меня. <...>[\[753\]](#)

2. «Нам в тылу необходимо, чтобы армия немедленно и твердо сказала свое слово, что она требует, во-первых, признания единой власти и именно той, в которую, в качестве временной, установила для спасения страны Государственная Дума, во-вторых, от этой власти армия требует, чтобы она не позволяла никому узурпировать данные ей полномочия, в-

третьих, от всей страны армия требует полного и немедленного объединения перед лицом врага во имя всестороннего обслуживания своих сограждан, с оружием в руках стоящих под огнем врага, и рознь в тылу себя армия сочтет таким же изменническим ударом в спину, каким была измена Сухомлинова и его присных, предавших русскую армию безоружною и заставивших ее истекать кровью.

К порядку, граждане, к работе на оборону родной страны, ибо отечество в опасности и да будет стыдно тем, кто в этот грозный час зовет к борьбе не с могучим врагом за освобождение, захваченных им и находящихся под тяжкою вражескою пятою 16 русских губерний, а к борьбе за свои классовые и партийные интересы. Да будет стыдно тем, кто перед лицом страшной опасности иноземного нашествия дробит и без того еще слабо организованные силы своей Родины и тем подрывает мощь ее сопротивления! И вам, искренно зовущим к благам мира (а кто его не желает) неужто непонятно, что враг, скорее всего, склонился бы к миру, если бы увидел перед собой сильную своим объединением страну, нежели зная ее ослабленной рознью.

Граждане! Ваша боевая армия твердо заявляет: не время для классовой и партийной борьбы, не время для раздоров и бездельничанья, когда враг могучий и умный, укрепился на нашей родной земле. Граждане, не слушайте тех, кто сеет между вами недоверие и вражду – они пособники нашего врага; они предают свою Родину и ее армию. Граждане, не дайте же своей армии еще раз истекать кровью, потому что тыл изменил ей. К порядку, граждане, к работе на оборону родной страны, становитесь все и сейчас же, ибо отечество в опасности и время не ждет».

3. «Граждане – солдаты и офицеры армий Западного фронта!

Великий и грозный час переживает Родина. Под гром беспримерной войны восставший русский народ могучим движением сбросил варварское иго старой власти. Организованные рабочие, в союзе с революционной армией, поддержанные всем народом, свергли старую власть. Новое правительство удаляет врагов народных и заменяет их

защитниками нового порядка. Весь народ, от мала до велика, объединяется, собирает силы, чтобы укрепить новый порядок и помочь новому правительству созвать Учредительное Собрание из свободно выбранных народных представителей, которые установят новые порядки для счастья России. Велика радость наша и всего народа, велико счастье. Но горе нам, если мы в радости и ликовании забудем, что это счастье нужно удержать, закрепить. Горе нам, если мы не объединимся в дружную, единым огнем горящую семью и если взаимной борьбой и разногласиями расшатаем армию.

Офицеры и солдаты! Перед вами сильный враг, которого потрясла весть о нашей свободе, ибо она напоминает Вильгельму, что дни деспотов сочтены и что настанет и его черед. Со злобой и яростью он вновь поведет на вас свои полчища, чтобы, разбив армию, разбить и нашу свободу.

Солдаты и офицеры! Новое правительство и военный министр возвестили нам, что мы теперь не рабы, а граждане, что есть свобода и у нас, что мы должны нашу военную жизнь построить на взаимном доверии. Нет больше нижних чинов, а есть солдаты. Офицеров никто уже не заставляет смотреть на вас, как на рабов. Все стороны нашего быта будут перестроены и голос солдата о его нуждах может раздаваться свободно. Офицеры, помните, что солдаты стали гражданами, уважайте в них достоинство человека, идите навстречу их повседневным нуждам, разбирайте, не откладывая, каждую жалобу, чтобы не было места раздорам среди армии свободного народа.

Солдаты! Герои великих дней! Вам дано право свободно организоваться, свободно обсуждать ваши нужды, выбирайте для этого комитеты по ротам и командирам. Обращайтесь, без стеснения, к вашим начальникам, забудьте старые обиды и протяните руку офицерам, вместе с вами защищающим освобожденный народ. Помните, что без офицеров, без дисциплины, нет армии. Не будет войска, если каждый боец станет творить свою волю. Самоуправству и насилию не может быть места

в армии, защищающей свободу народа. Если смущение одолеет вами, шлите к нам своих выборных за дружеским советом.

Спокойно, терпеливо перестраивайте свою жизнь, помните, что за вашей спиной нет больше изменников и предателей, что весь народ работает для вас, чтобы дать вам хлеб и снаряды.

Железной стеной держитесь против врага. В ваших руках счастье народа. Объединенная комиссия офицерских и солдатских депутатов г. Минска».

Среди комитетов полков многие также реагировали на события, имевшие место в Петрограде. Среди них 57-й полк выступил от своего комитета, со следующим постановлением:

«Полковой комитет 57-го Сибирского стрелкового полка, в заседании от 1 июля 1917 г. с болью в душе обсуждая события в Петрограде и выслушав постановление Временного правительства о мерах, принятых с согласия истинной демократии России, в лице всех Советов, пришел к единственному выводу: мы сбросили одних изменников и нажили других. Такие возгласы, как старый «мы, Божией милостью» и самый новый «Да здравствует анархия» – оба дышат одинаковым рабством и им нет места у нас.

Наш голос, наше лицо и наше сердце, это Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Временное правительство.

Все должно быть исполнено, что исходит от них. Кто против них, тот против нас.

Нет никакого сочувствия тому, кто льет кровь в тылу, кто мешает пополнить армию, кто хочет дать все сразу, чтоб погубить, вырвать и то, что уже завоевано.

Мы ж с вами, дорогие учителя и борцы!

Мы с вами, Керенский, и свободу не погубим!»

А затем тот же комитет обратился и к офицерам:

«Товарищи офицеры!

Полк переживает исключительный момент, прислушайтесь к новому настроению, дайте вашу работу. Спешите помочь и сбросьте с себя спячку, апатию, бездействие.

Долой малодушие, долой бесцветное прозябание. Куда запрятались наши думы, наши сердца. Где прежние ценные порывы бывших студентов?

Товарищи, дайте возможность верить в вас, покажите ваши физиономии, возьмите к себе тех, с кем вы пойдете умирать. Они одни. Полк воскреснет, если встрепенетесь вы.

Товарищи, именем комитетов требуем от вас самое напряженное участие в жизни солдата. Помните вину несчастья Родины, вину гибели Свободы будем делить все поровну. Зовите солдата смелее, проще и тверже, он пойдет с вами. Вот пути к достижению цели: идите в комитеты, там солдат говорит с вами, работайте в окопе, смотрите за всякими нуждами в роте, упорно долбите об основных истинах, 24 непрерывных часа будьте с ними, больше сердечности, решительности и меньше сентиментальности. Нам многим пути известны.

Так ждем помощи...»

Тяжелое положение офицерства

В это же время я получил от бывшего командира 26-го Сибирского полка Романова ряд писем бывших офицеров его 26-го полка, а в то время находившихся в 57-м полку, воззвания комитета которого, я только что привел.

Посылая мне эти письма для прочтения, генерал Романов написал мне следующее письмо:

Я очень поблагодарил Романова, что он поделился со мною этими письмами и, прочтя их, возвратил ему; офицеры изливали своему бывшему командиру все, что наболело в душе каждого из них, какие нравственные муки и страдания они переживали. Больно, тяжело было читать эти откровенные исповеди и не иметь возможности облегчить

положение несчастных офицеров, реально поддержать их угасающий дух. Прочтя эти письма, какою фальшью повеяло от вышеприведенного воззвания к офицерам этого же полка.

Подробности ликвидации большевистского движения в Петрограде мы узнали из нижеследующей телеграммы, разосланной по войскам.

«Несвиж. 9 июля 1917 г. По приказанию командарма сообщаю для скорейшего распространения в войсках следующую телеграмму начальника политического отдела кабинета военмина[\[754\]](#)[\[755\]](#):

Петроград. 7 июля 23 ч. 30 м. Сведения за 7-е июля. Временное правительство, в соглашении с Центральным исполнительным комитетом, назначило командующим сводным отрядом, прибывшим из Действующей армии для водворения революционного порядка в Петрограде, члена Центрального исполнительного комитета Всероссийского совета солдатских и рабочих депутатов, уполномоченного военного министра при армии, поручика Мазуренко[\[756\]](#), который для согласования действий лично подчинен главнокомандующему Петроградским округом. Мазуренко, в своем первом приказе по сводному отряду, объявляет: мы, пришедшие с боевого фронта, обязаны избавить столицу революционной России от безответственных групп, которые вооруженной силой старались навязать свою волю большинству революционной демократии, а собственную трусость и нежелание идти на боевой фронт прикрывают крайними лозунгами и творят насилия, сея смуту в наших рядах и проливая кровь невинных на улицах Петрограда. Действующая армия честно исполняет свой долг на полях сражений и не может допустить, чтобы в момент исполнения революционного долга на фронте ей всаживали нож в спину.

Анархические вооруженные выступления безымянных кучек, самоокапывание в тылу трусов и дезертиров, соединенное с позорным удержанием у себя несоразмерно громадного количества пулеметов и прочего оружия, есть тот занесенный острый нож, который не позволит всадить себе в спину Действующая армия.

Мы будем действовать против тех, кто нарушает волю революционного народа и постановления революционной власти, кто ведет Россию сознательно или несознательно к прежнему царству произвола и насилия, мы будем выполнять распоряжение и приказы центральных органов революционной демократии и Временного правительства, согласуя свои действия с властями Петроградского гарнизона, оставшимися верными делу революции.

С прибытием всех частей этого свободного отряда действующей армии, сегодня главнокомандующим Петроградским военным округом генералом Половцевым[757] отданы приказы пулеметному полку сдать все свое оружие, в том числе и все пулеметы, для чего прибыть поротно на Дворцовую площадь к штабу округа. Если это приказание не будет исполнено в точности к утру 8 июля – будет применена вооруженная сила.

В течении дня продолжалось обезоруживание вооруженных банд. Кое-где шла перестрелка. Город постепенно принимает обычный вид – мосты наведены, движение трамваев восстановилось, магазины открываются, работы на заводах возобновляются. За минувший день арестованы, в числе других большевиков Козловский[758] и Суменсон[759] по обвинению в получении денег из немецких источников.

По поводу слухов о массовых арестах, Центральный исполнительный комитет особым воззванием успокаивает население, что Временным правительством, в полном согласии с центральным комитетом, приняты меры лишь к обезоруживанию «вооруженных групп» и особой резолюцией признает, что меры, принятые в эти тревожные дни Временным правительством, соответствовали интересам революции.

Военный министр Керенский сегодня днем отбыл на фронт, после того, как участвовал в двух заседаниях Временного правительства: вчера вечером и сегодня утром. Сейчас вечером происходит соединенное заседание Центральных исполнительных комитетов Всероссийских советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, в полном составе,

в большом зале Таврического дворца, для обсуждения дальнейших мер общей политики и министерского кризиса. Всероссийский съезд окончательно назначен на 15-е июля в Петрограде.

Временным Правительством введена уголовная наказуемость до трех лет заключения в крепости или тюрьме за публичные призывы к разбою, грабежу, погромам и другим преступлениям над какой-либо частью населения, к неисполнению законных распоряжений власти и к неисполнению во время войны офицерами и солдатами и прочими воинскими частями действующих при новом демократическом строе в армии законов и согласованных с ними распоряжений военной власти (последнее наказуется как государственная измена).

Соответствующий приказ последует завтра.

№ 4500. Вр. и. д. начальника политического отдела кабинета военмина граф Толстой[\[760\]](#)».

Учреждение комиссаров при армиях

К этому времени относится и учреждение новых должностей при армиях, а именно комиссаров. Назначение их было оказывать войсковым начальникам содействие к восстановлению дисциплины и следить за тем, чтобы контрреволюция не могла проникнуть в армию. Кроме того комиссар являлся как бы руководящим органом для всех комитетов.

Я, в сущности, был рад назначению комиссара в нашу 2-ю армию, рассчитывая получать поддержку в трудные минуты.

Первым комиссаром был Гродский[\[761\]](#) – врач, социал-демократ. Вступив в должность, он уведомил меня об этом, прислав следующую депешу:

Я ответил ему следующими словами:

На эту депешу Гродский ответил мне:

Этим обменом депеш наши отношения установились и, я должен отдать справедливость Гродскому, он всегда шел навстречу всем моим

желаниям и помогал мне, давая, по моим телефонным к нему просьбам, должные разъяснения и указания комитетам, когда они уклонялись от своих задач.

Отправление кадров в 26-й Запасной полк; волнение среди оставшихся старослужащих на фронте

В начале июля отправлены были кадры офицеров и унтер-офицеров полков моей дивизии в 26-й запасный Сибирский полк для замены там кадров, отправленных означенным полком в состав моей дивизии. Было очень жаль расставаться с этими боевыми кадровыми офицерами и унтер-офицерами. Они отправились особым эшелоном со ст. Погорельцы, я приехал, чтоб проводить и напутствовать их в дорогу. Моим приездом они, по-видимому, были очень тронуты, т. к. не ожидали его, после того, что я уже простился с ними в полках.

По случаю их отбытия из дивизии я написал следующий приказ, который каждый из них получил в копии:

«Завтра отправляются кадры офицеров и унтер-офицеров полков вверенной мне дивизии в 26-ой запасный Сибирский полк для замены кадров, отправляемых означенным полком в состав нашей дивизии. Список назначенных в 26-й запасный полк, как офицеров, так и солдат, в особом приложении к этому приказу. Офицеров всех, согласно списка, продолжать числить впредь в списках своих полков, но в постоянной командировке, не занимающими вакансий в полках, солдат же из списков полков исключить, как переведенных в 26-й запасный Сибирский полк.

В кадры, покидающие завтра вверенную мне дивизию, главным образом, попали лучшие боевые силы дивизии, лучшие офицеры и солдаты. Очень мне жаль расставаться с опытными боевыми офицерами и солдатами, но я уверен, что из далекой Сибири в более мирной обстановке они послужат общему делу нашей великой Родины и принесут немало пользы исполнением своего долга в тылу. <...>

Уверен, что вдали они не забудут своей родной 15-й сибирской дивизии и будут поддерживать ее честь и славу».

Отъезд этих кадров возбудил в полках зависть среди оставшихся, и стали распространяться слухи, что всех солдат пробывших на фронте 2–3 года, отправят в тыл. Этому слуху способствовали и делегаты 60-го полка, ездившие в Петроград в Главный штаб и как бы подтвердившие справедливость его.

Поэтому дабы пресечь все эти толки, зря только волновавшие части моей дивизии, я, сносаясь предварительно с мобилизационным отделом, отдал следующий приказ по дивизии, который и положил конец этим разговорам:

«Ввиду идущих в полках разговоров о том, что солдаты, прослужившие на войне 2–3 года, могут быть заменены солдатами из запасных полков, а то и вовсе отправлены в тыл, считаю долгом объявить всем частям дивизии, что эти слухи реальной почвы под собой не имеют, и делегаты 60-го Сибирского стрелкового полка, бывшие у товарища военного министра князя Туманова^[762] и в мобилизационном отделе, очевидно, не так поняли данные им в этом отделе объяснения, что видно из последующей моей переписки с начальником мобилизационного отдела и указаний комкора 9.

Копия моей депеши в мобилизационный отдел:

«Делегаты 60-го Сибирского полка вверенной мне дивизии были в 4-м отделении вашего отдела 22 июня, что видно из записки за подписью начальника отделения^[763] (фамилия неразборчива). Делегаты привезли сведения, что в мобилизационном отделе им сказали, что можно отправить в запасный полк всех уставших солдат, находящихся в полках два или три года на войне и взамен их получить из запасного полка и что об этом уже был приказ еще в апреле. Основываясь на этом, они уже доставили список на один только полк 500 солдат.

Такого рода привезенные сведения из мобилизационного отдела произвели волнения в дивизии, что особенно усложняет вопрос о наступлении, т. к. у меня такого апрельского приказа нет и таких распоряжении я не получал. Мною получено только о замене кадров в запасном полку, в числе от дивизии всего 33 офицера и 187 солдат,

что и исполняется. Прошу срочного ответа по телеграфу выяснить, что было объявлено делегатам 60-го Сибирского полка 717».

На 717 посланный мною начальнику мобилизационного отдела и копии комкору 9 получил ответ:

«мобилизационный, никто таких указаний не давал, только были даны разъяснения относительно замены кадровых в связи с высылкой пополнения целыми запасполками, вообще вопрос касался исключительно солдат, находящихся на фронте с начала войны. Делегатам было указано, что смена недопустима. 27584. Саттеруп».

«В виду этого прошу испросить указаний комкора как поступить относительно солдат, находящихся на фронте с начала войны, отправить ли их всех в запасполк на замену, или ограничиться кадром офицеров и солдат, которые отправляются 4-го июля в количестве, указанном в телеграмме Дегенверх 859, сообщенной Вами 22 июня на № 2902, № 5356».

Копия ответа комкора-9 на мое имя:

«5356. В запасный полк, комплектуемый 15-й Сибирской стрелковой дивизией, подлежат отправлению лишь унтер-офицеры, раненые и находящиеся с начала кампании на замену уже присланных. Пока же отправить всех кадровых солдат, находящихся в строю с начала кампании, нельзя — по этому вопросу не было никаких распоряжений или объяснений свыше. Тележников».

Приказ этот произвел скрытое брожение среди оппозиционной части солдат моей дивизии, а главное, были недовольны делегаты 60-го полка, попавшие в глупое положение. Недовольство это вылилось в анонимном и угрожающем письме, которое я получил спустя некоторого времени и о котором я буду говорить в свое время.

Попытка со стороны корпусного комитета обольшевичить дивизионные комитеты

В первой половине июля я узнал, что члены исполнительного комитета корпусного съезда на общем собрании полковых и ротных комитетов подняли вопрос о созыве дивизионного съезда и об устройстве взамен дивизионного комитета такого же исполнительного комитета съезда, как это было устроено при штабе корпуса.

Считая его совершенно незаконным и удивляясь командиру корпуса генералу Тележникову, который допустил это у себя и, предчувствуя, что может произойти большой конфликт, когда я пойду против этого, я обратился к командиру корпуса со следующим донесением, изложенным в полевой записке:

8 июля мне пришлось отдать по дивизии следующий приказ, вследствие сообщения командира корпуса о недостойном поведении чинов 59-го полка:

Восстановление смертной казни за измену

14-го июля вышел приказ по Военному ведомству с постановлением Временного правительства, которое решило, наконец, принять чрезвычайные меры для удержания войска от окончательного развала за № 441.

Это постановление возымело должное действие и, на некоторое время, поддержало несколько дисциплину.

Дивизия возвращается на старую позицию, становится в окопы. Штаб дивизии возвращается в Павлюковщизну

Когда выяснилось, что попытки с нашей стороны перейти в наступление успехом не увенчались, оставление моей дивизии в корпусном резерве потеряло смысл, и я получил приказание в ночь с 13 на 14-е июля встать на позицию, сменив двумя полками части 5-й и 168-й дивизий. Таким образом мне предстояло занять опять почти тот же

участок, который дивизия занимала до отхода в резерв, штабу же дивизии возвратиться в г. дв. Павлюковщина. Я был очень этому рад и отдал по сему поводу оперативный приказ за № 45.

<...>

Отдав этот приказ, я был не вполне спокоен, исполнят ли его полки сразу, не заупрямятся ли они, привыкши ничего не делать в резерве. Если б это случилось, пришлось бы принимать крутые меры. Поэтому накануне выступления я объехал все полки, собирал и беседовал с полковыми комитетами и некоторыми ротными. Всем я объяснял, что нам предстоит впереди, как трудно будет оборонять позицию, что немец с нами теперь как с силой не считается, и что поэтому мы можем ожидать его наступления в любую минуту, что надо быть к этому готовым, говорил также и о предстоящей зиме, что вряд ли мы окончим войну до начала ее, одним словом, никаких иллюзий им не давал.

В результате вышло хорошо, мои откровенные разговоры (стрелки всегда это ценили) возымели благотворное влияние и все полки выступили в назначенные часы. Им пришлось сделать нелегкий переход в 24 версты и прямо, без отдыха, стать на позицию. Все прошло в порядке за исключением небольших недочетов, на которые я и указал в приказе.

<...>

Как только дивизия стала на позицию, я стал потихоньку подбирать ее, что было всегда легче, когда полки стояли в окопах, а не болтались в резерве. Я ездил по 2–3 раза в неделю в окопы, посещал и резервы, служба налаживалась, на работы и учения выходили исправно. Но какого труда это стоило, сколько напряжения. К тому же физически я стал и уставать больше и не мог уже с прежней неустойчивостью делать верхом по несколько десятков верст и ходить много пешком.

На другой день прихода на позицию я приказал батареям выпустить 500 снарядов по самым больным местам немецкой позиции. Сам я отправился на батареи и с наблюдательных пунктов следил за попаданием снарядов. Они ложились довольно хорошо. Один выстрел с мортирной батареи оказался очень удачным. Снаряд попал в землянку,

я отчетливо видел, как полетели бревна, кучи песку и среди всего этого хаоса выбежала собака, а за ней несколько немцев побежали в соседний лес. <...>

На обратном пути, когда я возвращался, со мной произошел несчастный случай, обошедшийся сравнительно благополучно.

Автомобиль мой застрял в болоте, никак мы могли его вытащить, со мной был командир левой артиллерийской группы и начальник связи. Мутовкин – мой верный шофер[\[768\]](#), вновь поступивший ко мне, чтобы вытащить застрявший автомобиль, всунул железный лом между покрышкой и цепями; автомобиль приподняло на лом, и он выскочил из трясины.

Тогда оставалось вытянуть лом, и я стал его вытаскивать, в это время колесо повернулось и меня ломом ударило в переносицу. Искры посыпались у меня из глаз, я ничего в первую минуту не мог сообразить, кровь залила мне все лицо, из левой ноздри кровь лилась как из крана. Кое-как перевязав меня двумя индивидуальными пакетами, кровь удалось остановить, и я направился в Богодуховский перевязочный отряд. Надо было пройти до него 3 версты, автомобиль еще не был в порядке, и пришлось этот путь сделать пешком. Там меня обмыли, перевязали, оказалось, что переносица, к счастью, не была сломана, а только надтреснута. В течении недели у меня все зажило, остался только небольшой знак на носу и краснота в левом глазу держалась довольно долго.

В дивизии и у соседей распространился слух, что меня ранили и в течении двух дней не переставали справляться по телефону, спрашивая, что со мной случилось.

После того, что я в первый день занятия нами позиции предпослал немцам 500 снарядов, они стали ежедневно засыпать наши окопы и расположения резервов 6-ти дюймовыми снарядами и мои части стали нести потери. Я не оставался в долгу и, благодаря тому, что снарядов было много, не жалел их. Вообще было заметно, что немцы стали проявлять большую активность и деятельность, так что приходилось быть

настороже. Приказав в каждом батальоне дивизионного резерва иметь одну роту как дежурную всегда в полном боевом снаряжении, а в полку корпусного резерва – батальон, я в дополнение к этому отдал приказ за № 47 от 20 июля. <...>

Впервые появившиеся дальнобойные орудия немцев. Обстрел Синявки

На другое утро в 5 часов я был разбужен пронзительно резким звуком орудийного выстрела, звук этот был для меня совершенно не знаком, и я не мог себе отдать отчета, кто и откуда стреляет.

В ту же минуту по телефону с позиции мне доложили, что немцы выпустили дымовую завесу, а из тыла, из Синявки (это было в 12 верстах за нами), сообщили, что местечко это и вокзал железной дороги обстреливается неизвестно откуда летящими немецкими снарядами тяжелого невиданного еще до сих под калибра и что имеются жертвы и Синявка объята паникой.

Синявка от немецкой позиции находилась в 18 верстах и потому я был в полном недоумении, как могли немцы стрелять с такого расстояния, примера такого еще не было, а между тем, выйдя на двор, я совершенно ясно услышал громко шипящий звук от снарядов, летевших над моей головой по направлению в тыл.

Благодаря дымовой завесе нельзя было определить место этой новой невиданной доселе дальнобойной батареи.

Потом выяснилось, что немцы подвезли одно дальнобойное орудие, из которого они в течение ряда дней ежедневно стреляли по Синявке между 5 и 7 часами утра, предварительно каждый раз выпуская дымовую завесу. Синявка была объята паникой, жители этого мирного местечка с тревогой ждали методической ежедневной стрельбы немцев, часть жителей бежала совсем, часть уходила на время стрельбы в леса. Паника охватила их, особенно после бегства отсюда этапного коменданта со всем управлением, а также и спешной эвакуации отсюда 384-го военного

госпиталя. Из моих учреждений в Синявке в то время находились 1-й лазарет и 149-я полевая почтовая контора.

21 июля я посетил Синявку, чтобы навести там порядок, хотя это местечко и не входило в район, подчиненный мне. Мои учреждения, находившиеся там же, чуть было не подверглись панике и вздумали уходить, но им так влетело от меня по телефону, за их малодушие, что они сразу очнулись, а когда я приехал сам в Синявку и произвел им смотр, они представились мне героями. К счастью, снаряды ложились большею частью в лесу возле станции и потому потерь было немного. Один снаряд попал в провиантский магазин, разрушив совершенно одно отделение, где хранились банки с какао, так что огромное пространство было засыпано им, другой снаряд упал на главной улице, ранив осколками нескольких жителей. Вообще, несмотря на корректирование стрельбы с аэропланов, которые всё время вились над Синявкой, немцы стреляли плохо, и за все дни из сотни снарядов выпущенных им и было только два попадания в самой Синявке. Воронки от них, которые я наблюдал в лесу, были такого размера, что каждая из них могла вместить в себя несколько сот человек. <...>

Вернувшись к себе из Синявки, я узнал от начальника штаба, что «колбаса», которую я просил мне дать для наблюдения, прибыла в расположение дивизии и стала уже на указанное ей место, зенитные батареи были уже мной переведены на соответствующие места для воспрепятствования немцам корректировать свою стрельбу с аэропланов.

Таким образом, я совершенно приготовился, чтобы всеми своими батареями обрушиться на немецкую батарею химическими и ядовитыми снарядами (у меня их было до 2000) тотчас, как только немцы утром начнут стрелять из своего дальнобойного орудия.

Но немцы меня предубедили – они, очевидно, заметили «колбасу» и решили ретироваться. Без всякой дымовой завесы, неожиданно, среди дня, выпустили они 4 снаряда и замолкли, убрав орудие. Через месяц оно появилось в районе одной из южных армий.

Мои приказы с замечаниями по поводу распушенности

21-го июля мне случайно пришлось присутствовать на погребении стрелка 60-го полка и убедиться полному отсутствию знаний среди команды, отдававшей почести убитому. Вернувшись к себе, я отдал следующий приказ:

«Присутствуя на отпевании убитого стрелка 3-й роты 60-го полка, я обратил внимание на отделение роты, назначенное для отдания почестей и сопровождения тела убитого. Стрелки этого отделения совершенно ничего не знают, многие не сумели взять «на караул», у одного винтовка была заряжена и он, по-видимому, сам этого не знал, у другого затвор был на боевом взводе неизвестно почему. При движении за гробом офицер повел отделение рядами и вздвоил только после отданного мною приказания. Все стрелки произвели впечатление не обученных или забывших то, чему их учили. Вот куда ведет отсутствие занятий. Благодаря их отсутствию и по головной лености в резервах, отсутствию сознательности и непониманию гражданской свободы, части постепенно обращаются в вооруженные толпы, не страшные немцам и ведущие Россию на погибель. Пора встряхнуться и заняться делом».

Через несколько дней после этого вновь пришлось столкнуться с новыми непорядками при отправлении на работы и отдать приказ и по этому поводу:

«Замечено мною, что роты и команды высылаются на работы без офицеров или с неполным числом офицеров, а также, что команды выходят неаккуратно и с большим опозданием против указанного времени и не в должном числе. Принимая во внимание, что офицеров сверхкомплект, приказываю все команды численностью 10 и более солдат, высылать на работы обязательно при офицере, роты численностью 100 солдат при ротном командире и всех офицерах.

Прошу помнить, что наряд на работы согласно приказа Главковерха № 613 п. 7 является боевым приказом, и неточное исполнение наряда может повлечь крайне нежелательные последствия».

23-го июля командир корпуса посетил 60-й полк моей дивизии, обойдя его в окопах в сопровождении моем. По своей снисходительности или просто вследствие малой наблюдательности, он многих дефектов не заметил или не хотел заметить, но я-то не мог не обратить внимания на ряд упущений и беспорядков, бросавшихся мне в глаза, почему я и отдал следующий приказ:

«Вчера утром командир корпуса, в сопровождении моем, посетил окопы 60-го Сибирского стрелкового полка <...> К большому моему стыду, в 3-й батальоне оказалось, что служба в окопах представлена сама себе, присмотра за несением службы со стороны начальствующих лиц, начиная с командующего батальоном и до отделенного, не видно.

Прежде всего меня поразило, что, подъехав на автомобиле прямо ко второй линии, никто не вышел из землянок поинтересоваться, кто это прибыл. Пройдя все расположение 12-й роты, ни ротный командир, ни офицеры – никто нас не встретил. Наблюдатели стояли на своих местах исправно. В 9-й роте ротный командир встретил только тогда, когда за ним послали посыльного от роты.

В этой роте был наибольший беспорядок – некоторые наблюдатели не были на своих местах, другие стояли неодетые и без ружей, грязь в окопах полнейшая, один из стрелков, при подходе командира корпуса, мочился прямо на бруствер, ход сообщения по мосткам для выноса раненых оказался совсем разрушенным. В 1-й роте наблюдатель 4-го взвода не был на месте, ротный командир не знал, по сколько часов стоят наблюдатели на постах, грязь по всей роте такая же, как и 9-й роте, да и не мудрено после того, что мне пришлось видеть – в 1-м взводе несколько стрелков обедали у землянок, сидя за столом, бывший среди них взводный встал и, отойдя не более двух шагов, тут же помочился. Если взводный, обязанный показывать пример подчиненным, ведет себя так некультурно, то что же требовать от стрелков его взвода. Я уже приказал ротному командиру сместить взводного.

Пройдя весь участок батальона – командующего оным командир корпуса так и не увидел. Штабс-капитан Андреев[\[769\]](#), несмотря на то,

что обход этого участка длился от 10 ½ до 13 часов, не явился вовсе. Временно командующему полком произвести как по сему поводу, так и по поводу отсутствия офицеров в 1-й роте расследование и донести мне.

В землянке пулеметчиков Кольта командир корпуса обратил внимание на груды чуждого картофеля – оказалось, что этот картофель вырыт в поле – председателю полкового комитета фельдфебелю этой команды Розенбергу поручаю разобраться в этом печальном явлении. В остальных ротах 1-й, 5-й и 6-й как служба наблюдателей, так и порядок и чистота в окопах были на должной высоте.

В общем, я не мог не обратить внимания на то, что не видно вовсе офицерской работы. В настоящее время так много офицеров в ротах, что вполне возможно, чтобы всегда в окопах в каждой роте находился бы один офицер – требую это на будущее время. В окопах нет обозначений, какие немецкие части стоят против нас, нет обозначений, где начинается и где оканчивается взводный участок, ротный и другие. Патроны хранятся очень небрежно, масса заржавленных обойм и патронов. На вопрос командира корпуса один унтер-офицер ответил, что это старые, найденные в окопах, патроны. Это не оправдание – приказываю командирам рот осматривать все патроны, находящиеся в окопах и рассортировать их, отделив заржавленные для отправки их в головной парк.

Связь, по-видимому, налажена слабо, нет привычки при посещении рот начальствующими лицами немедленно доносить по телефону ротному, батальонному и полковому командирам о прибытии такого лица. <...> Сопровождая командира корпуса и видя своими глазами такую разруху и небрежное отношение к службе частями 60-го Сибирского стрелкового полка, мне было страшно стыдно за полки...».

Приказы о поднятии дисциплины

После неудачи наших на Юго-Западном фронте^[770], рядом со всеми мерами, принимавшимися для поднятия дисциплины, пришлось

и Керенскому придти к сознанию, что без поддержки командного состава и офицерского предохранить армию от развала не представляется возможным, и вот за его подписью появился приказ, отмечавший доблестное поведение лиц этого состава.

Приказ гласил:

Одновременно опубликован был и приказ нового Верховного главнокомандующего [Корнилова]:

Воззвание Союза офицеров

Вслед затем Союз офицеров армии и флота обратился со следующим воззванием:

«Катастрофа на Юго-Западном фронте с ужасающими картинами грабежа и позорного бегства с поля сражения сотен тысяч солдат, анархия внутри страны, полное бессилие власти и неудержанный поток измены, произвола и насилия, грозят в ближайшее время погубить Россию... Мы, представители офицерского корпуса, веками кровью своею защищавшие Россию, и ныне, при тягчайших условиях внешних и внутренних, сохранившие еще присутствие духа и трезвый взгляд на окружающее, требуем принятия Временным правительством исключительных мер для спасения России. Мы, категорически требуем незамедлительного опубликования по телеграфу приказа о введении смертной казни, как временной меры по отношению к всем изменникам Родины, уклоняющимся от боя. Одновременно мы настаиваем на восстановлении полной власти и дисциплины прав начальников всех степеней, не ограниченных безответственными коллегиальными учреждениями. Власть эта должна быть возвращена начальникам от имени Временного правительства путем торжественного акта ко всему народу армии и флоту. Только эта решительная мера может восстановить авторитет власти и чувство порядка в войсках. Тем более, что офицерство, тысячами уже погибшие после 8 июня за свободу Родины, и этим вновь подтвердившие и свою неизменную преданность

отчизне, доказало кровью своей, что, с первых же дней революции, оно требовало власти в армии не для себя, а для спасения Родины.

Если таковые решительные меры в непродолжительном времени опубликованы не будут, то ответственность за могущие быть последствия, ходом захлестнувших нас событий, будет сложена со всех нас – офицеров армии и флота и во всей полноте падет на головы лиц, ныне стоящих у власти. Гоерц[772]».

В это самое время, одно за другим следовали категорические распоряжения Керенского и вообще Временного правительства не уклоняться от закона и твердо неукоснительно идти к одной цели сохранению дисциплины, боеспособности и т. д., причем эти распоряжения касались и комитетов, причем нам предписывалось не суживать их прав, а комитетам не расширять их, строго согласуя свои действия с приказами №№ 213 и 271.

Две параллельных организации на фронте, из них одна большевистская. Моя борьба с этими течениями

У меня в дивизии это всегда строго соблюдалось и потому было сравнительно благополучно. Это-то благополучие в моей дивизии и не нравилось существовавшему в то время Минскому фронтовому комитету, который образовался явочным порядком, вопреки закона, и хотел быть хозяином положения, не стесняясь никакими рамками и диктуя свои постановления низшим органам.

Таким образом, на Западном фронте явились две организации: комитеты и суды, на основании приказов №№ 213 и 271, и фронтовые организации, основанные Минским съездом, о котором я говорил выше, чисто большевистского направления и поставившие себе задачей – аннулировать вышеозначенные приказы и ввести в частях войск свои организации с неограниченными правами по фактическому контролю и руководству действиями командиров корпусов, дивизий и т. д.

Во многих частях им это удавалось и взамен комитетов они провели свои организации – съезды, выделявшие из себя исполнительные

комитеты в лице 16–20 лиц, между тем комитеты дивизий и корпусов в президиуме имели, на основании приказов, не более 5 человек. Для исполнительного комитета рамок, в их деятельности, не было, для президиума же и комитета рамки были строго очерчены.

На такого рода удочку попался и штаб нашего корпуса (я писал уже об этом выше) и другие дивизии корпуса. И вот, армейский исполнительный комитет, будучи органом Минского фронтового комитета, не мог никак успокоиться, что моя дивизия составляет исключение. Он и возбудил вопрос о необходимости созыва съезда в дивизии для выбора исполнительного комитета, предложив это на обсуждение дивизионного комитета. Это и было обсуждено в ближайшем его заседании и комитет вынес постановление о созыве съезда.

Я опротестовал, выставив мотивы: 1) Керенским всякие съезды временно запрещены, 2) не предусмотрены в приказах № 213 и 271.

Подал я и рапорты командиру корпуса, прося его содействия к запрещению съезда, но т. к. он сам перед тем разрешил съезд у себя, то его положение получилось щекотливое и он не знал, как ему быть с моим рапортом. В это время я вдруг узнал, что комиссар 2-й армии прислал депешу непосредственно председателю дивизионного комитета, который мне ее и доложил и в которой он разрешает созыв дивизионного съезда.

Получив такое известие я, одновременно с депешей на имя комиссара с изложением причин, почему я нахожу невозможным созывать съезд, донес полевой запиской командиру корпуса следующее:

Командующий армией (в то время Веселовский уже ушел и был назначен Данилов – рыжий[773], как его называли в отличие от Данилова-черного, начальника штаба Северного фронта) на этой моей записке, поддержанной командиром корпуса и пересланной им ему, наложил резолюцию: «Созвать съезд».

Это меня взорвало, я решил немедленно ехать в Минск к главнокомандующему фронтом, а если и там ничего не выйдет –

в Ставку с просьбой меня уволить. Командир корпуса уговорил меня поехать к командующему армией попробовать лично повлиять на него, чтоб не обострять отношений.

Я и выехал на автомобиле в Несвиж, где стоял штаб армии. Это было 25 июля. По дороге я заехал еще в Синявку в 1-й лазарет, а оттуда в Кауфманский Красного креста лазарет, где в этот день делали операцию главному врачу 1-го лазарета и где лежали тяжело раненые брошенной с аэроплана бомбой санитары того же лазарета. Затем я заехал в дивизионный обоз, произвел ему инспекторский смотр. Нашел все в порядке, чистота, встречавшиеся мне по дороге солдаты обоза, несмотря на то что отдание чести было отменено, становились мне даже во фронт, особенно старательно вытягиваясь. Старые солдаты никак не свыкались с новыми порядками отдания чести.

Побывав в обозе у командира одного, я заехал в мастерскую Земского союза, где у меня был в починке один из автомобилей. Эта мастерская была поразительно хорошо оборудована. Из мастерской долго не мог выехать, что-то случилось с моим автомобилем. Наконец, около 5-ти час дня удалось двинуться в путь, но, проехав верст 20, он опять остановился. Провозились часа два, так что только в 9 час. вечера я подъехал к Несвижу, прямо проехал к начальнику штаба Геруа, который посоветовал мне раньше пойти к комиссару 2, а потом уже к командующему армией. Было уже 10 часов вечера, когда я пришел к комиссару Гродскому, проживавшему в чудном замке князя Радзивилла. Он меня встретил так радушно, прямо радостно, я никак не ожидал такой встречи.

Благодаря его такой предупредительности, я мог с легким сердцем высказать ему совсем откровенно мой взгляд на вещи. Я сказал ему, что такое его распоряжение о созыве съезда, вопреки моему представлению, подтачивает почву под моими ногами, что я должен или умыть руки, что не в моем характере, или отойти от дел, или совсем уйти, т. е. участвовать в прямом нарушении закона и способствовать развалу армии я не могу.

Он очень горячо стал меня убеждать, что я не так понял его распоряжение, что ни о какой замене дивизионного комитета исполнительным и речи быть не может, что он только разрешил один съезд. На это я ему объяснил, как ловко его обошел армейский комитет, введя его в заблуждение, и раскрыл ему всю картину интриг, в сети которых его увлекают.

Моя поездка в Минск

В конце концов он согласился со мной и, под мою диктовку, написал срочную депешу, в самых категорических выражениях, отменявшую распоряжение о съезде и запрещающую всякие разговоры об его созыве с подтверждением не уклоняться от приказа № 271.

Эту депешу он при мне же передал вестовому для отсылки на телеграф. Я был очень этим удовлетворен и поблагодарил очень за явленное мне доверие. Я у него еще посидел некоторое время и мы разговорились – оказалось, что он был из Баку, он хорошо знал моего покойного брата, говорил о нем с восторженным чувством. Мы расстались друзьями.

От него я пошел к Данилову, было уже 12 ночи. Данилов был очень милый, симпатичный, но мало работающий человек; он очень обрадовался такому благополучному разрешению конфликта.

Около часу ночи я простился с ним, сел в автомобиль и поехал в Минск с облегченным сердцем, куда прибыл в 5 часов утра. Всю дорогу лил дождь. В Минске я отлично устроился в «Европейской» гостинице, т. к. задержал себе «номер» по телеграфу, и потому мог отдохнуть и физически, и нравственно от всего пережитого. Когда я проснулся около 10 утра, оказалось, что рядом со мной в гостинице жил Редько, мой бывший начальник 8-й Сибирской стрелковой дивизии.

Ужасно ему я обрадовался, он был зачислен в резерв по несоответствию к данному моменту [\[774\]](#) и жил с женою в Минске.

Поговорив с ними, я пошел в штаб фронта, где мне удалось заручиться обещанием назначения ко мне начальником штаба Шафаловича на место Хартулари, с которым я уже расстался. Затем я навестил Хрипунова, очень был рад побеседовать с этим умным, дельным и милейшим человеком.

Пообедав у Яковлевых (семья дивизионного интенданта моей дивизии), я в 5 час пошел к главнокомандующему Деникину. Он очень хорошо меня принял, выразив полное одобрение всем моим действиям и сказал, что моя дивизия одна из наиболее крепких на его фронте. Вернувшись в гостиницу, я посидел еще с Редько и, переночевав у себя в номере, на другой день в 10 час. утра выехал на своем автомобиле в свою дивизию, по дороге заехал опять в Несвиж и к 8-ми часам вечера был у себя. <...>

События в полках

В ночь с 28 на 29 июля полки на позиции сменились: в окопы заступили 58-й и 59-й полки, а 57-й и 60-й отошли в резерв. Смена прошла в безукоризненном порядке.

29-го числа я вынужден был отдать приказ о предании суду одного стрелка 53-го Сибирского стрелкового полка, не исполнившего приказание:

«25 июля с.г. в 59-й Сибирском стрелковом полку, в 7-й роте взвод в составе 23 солдат, отказался выйти на занятия, и только по личному приказанию командира роты вышли все, за исключением стрелка Василия Кузьменко[775], который категорически отказался исполнить приказание. Усматривая в поступке означенного стрелка признаки преступления, предусмотренные ст. 105 Воинского устава о наказаниях (Свода Военных Постановлений 1869 XXII кн. изд. 4), мною отдано распоряжение об аресте стрелка Кузьменко и препровождению его на распоряжение военного прокурора». <...>

29 июля на нашу дивизию был налет аэропланов. Я в это время объезжал резервные части дивизии и подъехал к месту нахождения

воздухоплавательного отряда в самый момент атаки на него аэропланов, которые сбросили несколько бомб, но безрезультатно. Как только аэропланы удалились, я сел в корзину аэростата («колбасы») и приказал поднять себя. День был чудный, совсем не качало и я с наслаждением минут 20 просидел в корзине на высоте 600 метров, осматривая немецкое расположение. Как только я спустился и сел в автомобиль, чтобы ехать к себе, появился вновь немецкий аппарат и, снизившись, пытался зажечь «колбасу», которая в это время была на земле. Когда же это ему не удалось, будучи отогнан выстрелами из винтовок и зенитной батареи, появился другой аэроплан и немец стал стрелять по «колбасе» из пулемета – в ней оказалось до 45 пробоин, которые пришлось зашивать.

Когда же я вернулся в штаб, туда налетел еще другой немецкий аэроплан и стал летать совсем низко, чуть не зацепляя за деревья – мне показалось даже одно время, что он подбит и снижается. Можно было даже разглядеть летчика простым глазом. Чинами команды штаба была открыта беспорядочная стрельба, но, очевидно, аппарат был бронирован. Его пулемет трещал все время, обдавая свинцовым дождем расположение штаба, но каким-то счастьем, только одна пуля попала в мягкие части одному солдату, ранив его в ту минуту, когда он, с испугу, бросился спрятаться в кустах.

Постреляв из пулемета, летчик стал из какой-то кишки выпускать горящую жидкость, от которой сразу воспламенялось трава, загорались заборы. Командам штаба пришлось все время тушить начинавшиеся пожары. Это был какой-то ад. Досада брала, что этот нахальный немец, как бы глумился над нами, безнаказанно то опускаясь, то поднимаясь над нашим расположением, описывая один круг за другим. Так и не удалось его подцепить и он, по-видимому, целым и невредимым улетел от нас, правда не принес нам большого вреда. <...>

31-го июля я поместил в приказе по дивизии протокол дивизионного комитета от 27-го июля. Из него видно, как работа комитета у меня все налаживалась:

Вступление Саваренского в командование 58-м полком.

Мое посещение полка. Приказы

1-го августа прибыл, наконец, полковник Саваренский и вступил в командование 58-м полком, я был очень рад, что полк, после долгого промежутка, получил хорошего командира.

2-го августа я объехал все учебные команды и посетил две маршевые роты 58-го полка и вынес отличное впечатление, как от внутреннего порядка в землянках, учебных команд, так и от внешнего вида солдат. Особенно хорошо были устроены нары в землянках 58-го Сибирского полка, слабее в 57-м Сибирском стрелковом полку и потому я приказал впредь при устройстве нар за руководство принять нары, устроенные в 58-м полку. Пища везде оказалась отличного качества, кроме 60-го Сибирского стрелкового полка, где была чересчур солон. Маршевые роты 58-го Сибирского стрелкового полка тоже произвели на меня своим видом хорошее впечатление, я не мог не обратить внимание на прекрасно устроенные навесы для ружей в 1-й роте.

В приказе я выразил благодарность всем начальникам учебных команд, особенно поручику Садовому[\[776\]](#), на долю которого помимо учебной команды выпал надзор и за ротами пополнения 58-го полка. В этом же приказе я поместил еще два следующих пункта:

«2. Мною замечено, что во многих частях вверенной мне дивизии не соблюдаются многие №№ уставов внутренней и гарнизонной службы, так например, забыты, по-видимому, пункты Устава внутренней службы 98, 103, 105, особенно пункт г. 245, 337 и 338 Гарнизонного устава, об обязанностях караула и часовых.

Подтверждаю все это к неуклонному исполнению. Без соблюдения всего этого, часть совершенно теряет вид воинской части и производит впечатление толпы – сброда, что отзывается и на боеспособности ее.

Замечено мною, что во многих частях отсутствует пение молитвы, как при вечерней поверке, так и перед обедом. Пение молитвы, согласно декларации прав является не обязательным для всех, но это не значит, что вообще она отменена. Не может быть, чтобы в роте из 200–250 солдат

не было бы людей религиозных, которые в пении молитвы не находили бы утешения. Как же их лишать этого?

Ведь лишение их этого является нарушением их свободы, их религиозного чувства. В силу этого §§ Устава внутренней службы, касающиеся молитв и не отменены.

Приказываю во всех ротах, командах и батареях не забывать производить вечерней переклички и желающим петь молитвы, как после вечерней поверки, так и перед обедом, для чего и подавать команду – желающим петь молитву. Офицерам, находящимся налицо обязательно присутствовать на поверке и вечерней перекличке в своих частях.

3. Дивизионный врач доложил мне, что предохранительные прививки против тифа и холеры идут крайне медленно и происходит это в большей степени вследствие боязни у людей недомогания, которое наблюдается после прививки. Недомогание, наблюдающееся после прививки в общем незначительно и продолжается в среднем около суток. Польза же весьма велика. До прививок, особенно осенью, зимой и весной 1914–1915 года госпиталя и фронта, и тыла переполнялись больными брюшным тифом и холерой. После же введения прививок заболеваемость этими болезнями пала и весьма резко, чуть не до единичных случаев.

Обращая на это внимание чинов вверенной мне дивизии, подтверждаю мой приказ с.г. № 186 № 4.

Настоящий приказ распространить в частях возможно шире».

Неправильные действия в комитете 1-го лазарета и инцидент в 60-м полку

В начале августа при выборе полкового комитета в 1-м лазарете, председательствовавший в собрании председатель ротного комитета лазарета предложил команде самой выбрать двух представителей от общества офицеров. Врачи и чиновники, составлявшие это общество, запротестовали, т. к. на основании пунктов 1 и 3 положения эти два представителя должны избираться самими офицерами. Фельдшер

Иванов[777], желая внести рознь между врачами и командой лазарета, поставил на голосование команды: дать ли офицерам самим выбрать своих представителей или самой команде произвести офицерские выборы.

Команда согласилась выбрать сама.

Тогда врачи и чиновники на своем собрании самостоятельно выбрали из своей среды двух представителей. Произошел конфликт.

Получив об этом донесение, я тотчас телеграфировал об этом нарушении комиссару 2-й армии Гродскому, от которого получил следующий ответ, меня вполне удовлетворивший:

«Начдиву 15-й Сибирской.

Срочным порядком прошу произвести расследование в первом лазарете дивизии действия фельдшера Иванова, предложившего команде выбрать вопреки приказу № 213, не считаясь с последними указаниями. Председатель комитета, который позволяет себе предлагать команде явно незаконные меры, прекрасно зная, сколько в нынешнее время стоит усилий ввести в рамки законности армию, должен быть отстранен, привлечен к ответственности, если бы следствие подтвердило обвинение против него. Дознание в срочном порядке пришлите мне.

Комиссарм-2 Гродский».

3-го августа, когда я сидел у себя, мне доложили о прибытии ко мне двух делегатов из состава ротного комитета 11-й роты 60-го Сибирского стрелкового полка. Я вышел к ним, делегатами оказались председатель ротного комитета младший унтер-офицер Архипов[778] и взводный 1-го взвода младший унтер-офицер Гутеров[779]. Они и подали мне постановление ротного комитета о том, что ни ротному комитету, ни роте неизвестна причина ареста стрелка Плотникова[780], и что ротный комитет ходатайствует об освобождении и возвращении в роту означенного стрелка.

Объяснив делегатам в чем дело, т. к. я имел уже от командира полка донесение и, узнав, что младший унтер-офицер Гутеров является

взводным стрелка Плотникова, я удивился, что взводный и ничего не знает. На это унтер-офицер Гутеров доложил, что стрелок Плотников не вышел на занятия за неимением сапог, которые отдал в починку и что он, взводный, ему разрешил не выходить на занятия. Получив затем дознание, я увидел, что 11-я рота не могла не знать о проступке стрелка Плотникова, т. к. дознание велось в роте 2-го сего августа и сам младший унтер-офицер Гутеров был допрошен по этому делу и ряд других лиц. Младший унтер-офицер Гутеров, докладывая мне, солгал, говоря что не знает причины ареста, а между тем его же накануне допрашивали по делу Плотникова, кроме того он мне удостоверил, что сапоги были у Плотникова рваные и поэтому он ему разрешил на занятия не выходить, а из дознания выяснилось, что сапоги у стрелка Плотникова были целы и что взводный младший унтер-офицер Гутеров ему не разрешал не выходить на занятия.

Считая, что во главе взвода не может оставаться солдат, допустивший в своем докладе начальнику ложь, я приказал отрешить его от должности взводного командира, назначив на его место другого. О проступках же его: 1) умышленное уклонение истины с тем, чтобы ввести меня в заблуждение, 2) способствование уклонению от временного несения служебных обязанностей путем обмана, – я приказал командиру 60-го Сибирского стрелкового полка сообщить полковому суду. <...>

Инцидент с командиром 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона

В этот же день у меня вышел инцидент с командиром 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона, который, игнорируя меня, вошел с непосредственным ходатайством к Верховному главнокомандующему о присвоении его дивизиону наименования «Дивизиона смерти».

Узнав об этом, я объявил в приказе по дивизии следующее:

Командир дивизиона полковник Тихомиров не только не обратился к военмину и главковерху по команде, но даже не счел нужным донести

мне о состоявшихся постановлениях общих собраний батарей и о своем обращении по сему поводу непосредственно к военмину и главковерху. Точно также, получив ответную депешу о присвоении дивизиону наименования «Дивизиона смерти» не донес мне об этом, ограничившись отдать об этом приказ по дивизиону.

Этим самым полковник Тихомиров доказал, что он не знаком совершенно с порядком подчиненности и игнорирует пп. 23 и 25 положения о письмоводстве в военном ведомстве.

Нарушая, таким образом, закон, он, как начальник отдельной части, дает плохой пример своим подчиненным, что особенно важно в настоящее время, когда делаются необычайные везде усилия для внедрения порядка в армии.

Но помимо чисто служебного упущения со стороны командира дивизиона, я не могу не обратить внимания полковника Тихомирова и на то, что он даже словесно не поделился со мной и не дал мне, таким образом, возможность тотчас же, как только общее собрание батарей вынесло свои резолюции, порадоваться за славный 15-го Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион вверенной мне дивизии, проявивший столь глубокое сознание долга, преданность и любовь к Родине и ответивший на происшедший развал и измену некоторых частей Юго-Западного фронта клятвой умереть, но отстоять достоинство и честь России. Этим командир дивизиона как бы подчеркнул стремление дивизиона быть обособленной единицей в составе дивизии.

§ 2.

На основании повеления главковерха 15-му Сибирскому стрелковому артиллерийскому дивизиону на все время войны именоваться Дивизионом смерти.

Справка: депеша дегенверха № 12043.

§ 3.

Командир 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона при рапорте от 2-го августа за № 2326 представил мне резолюцию общего собрания 2-й батареи от 28-го июля сего года о ходатайстве означенной батареи на перевод ее на Южный фронт, где противник вторгся в русскую землю, чтобы делом и боевой работой доказать, что батарея может с честью и с сознанием своего долга перед Родиной нести название «Дивизиона смерти». Командир батареи подполковник Шпренглевский представил означенную резолюцию командиру дивизиона, ходатайствуя по содержанию оной.

Командир же дивизиона не нашел возможным поддержать, основываясь на том, что батарея составляет неразрывную единицу дивизиона. Вполне соглашаясь с мнением командира дивизиона, я отклоняю ходатайство командира батареи и общего собрания ее не только по причине, указанной командиром дивизиона, но и вследствие совершенно незаконного ходатайства вообще, каковое является вмешательством в оперативные дела высшего командного состава, что совершенно недопустимо.

Порыв конечно благородный, хороший и против него, как порыва ничего сказать нельзя, но по существу это ходатайство не выдерживает критики:

1) На Южном фронте противник не вторгся в Русскую землю, а перед нами он занимает огромную площадь Русской земли.

2) Сейчас на Южном фронте сравнительное затишье и неизвестно как противник поведет себя перед нашим фронтом, где он по имеющимся сведениям усиливает свою артиллерию.

3) Чтобы случилось на фронте если бы подобные ходатайства отдельных рот, батарей и т. д. осуществлялись. В конце концов все боевые единицы потеряли бы всякое значение и никакого единства действий не было бы.

4) Мне кажется, что 2-я батарея в бытность свою в 7-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде настолько приобрела уже боевую

славу и известность своими подвигами, что это служит уже достаточной гарантией, что полученное ныне название «смерти» она всегда поддержит с достоинством, невзирая на то, где бы она не находилась».

Получив этот мой приказ, Тихомиров страшно на меня разобиделся и прислал мне рапорт, в котором просил меня, т. к. я признал его «вредным начальником» предать его военному суду.

На это я ему преспокойно ответил следующей полевой запиской, а затем пригласил к себе и поговорил по душе – инцидент был исчерпан. Записка моя была следующего содержания:

Полковой праздник 57-го Сибирского стрелкового полка

6-го августа 57-й Сибирский полк праздновал свой полковой праздник. Программа, выработанная полковым комитетом была следующая:

В 10 час. утра торжественное богослужение в походной церкви, в 11 ½ час. молебствие, после чего парад, чай в собрании, в 2 часа игры для солдат по следующей программе:

На празднике присутствовал командир корпуса – Тележников, который и принимал парад. Все было устроено дивно хорошо, порядок был изумительный, я присутствовал и на играх и на спектакле, все прошло гладко, дружно, не было никакой натянутости, уехал я под чудным впечатлением какого-то дружного единения.

Посещение моей дивизии представителем английской миссии

На другой день меня посетила английская миссия во главе с полковником Бенетом[\[781\]](#). Я им показал в подробности наше расположение, возил их на батареи, в окопы, с наблюдательного пункта стреляли по немцам, показал им и расположение резервов и броневые отделения. На все это ушел целый день и только к вечеру мы вернулись в штаб к обеду. За обедом играл струнный оркестр 60-го полка, который успел разучить английский гимн, и когда я выпил за здоровье

английского короля, а оркестр заиграл английский гимн, мои гости, сдержанные англичане, прослезились.

Они были поражены порядком и чистотой, видом стрелков и несению службы в окопах и резервах, а также успехом работы.

По поводу чистоты один из них сказал, что хорошо было бы, если бы на Невском было бы также чисто, как в окопах.

По возвращении миссии в Петроград, я получил от полковника Бенета следующее письмо на английском языке.

[\[782\]](#) 26 августа 1917 г. Петроград.

Приказ Деникина по поводу насилий над командным составом. Уход Деникина. Назначение Балугина

8 августа главнокомандующий армиями Западного фронта Деникин отдал следующий приказ, вызванный повторяющимися случаями насилий над командным составом. Жутко было узнавать, какие ужасы творились в некоторых частях. Привожу этот образцовый, выдержанный приказ целиком, как характеризующий честную и твердую натуру моего бывшего главнокомандующего.

Это был его последний приказ, т. к. на другой день состоялся его перевод на Юго-Западный фронт, а у нас его заменил Балугин, тот самый, о котором я писал в воспоминаниях за 1916 г. описывая Нарочские бои.

События на позиции. Действия артиллерии

У нас на позиции в это время была полнейшая тишина – в течении 4 суток немцы вдруг не выпустили ни одного снаряда.

Это меня не на шутку обеспокоило, не затевают ли они что-нибудь, поэтому, дабы вызвать их огонь, я приказал всем батареям обрушиться на них, открыть огонь по самым для них больным местам. Они на этот убийственный огонь ответили, к моему удивлению, всего 15 снарядами и то как-то лениво с промежутками.

Я недоумевал, что бы это значило, ведь не могло быть, чтобы у них был недостаток в снарядах. На другой день они обнаружили себя, открыв весьма интенсивный огонь по трем нашим батареям. С одной из них мне донесли, через соседнюю батарею, что на батарее несчастье. Т. к. провода были порваны и я с батареей соединиться не мог, то я решил лично проехать на нее и сев в автомобиль, направился к ней, стрельба со стороны немцев еще продолжалась, но уже не так сильно, больше шрапнелями, которые очень красиво разрывались на довольно большой высоте.

Чем ближе я подъезжал к батарее, тем картина делалась все более и более потрясающей. Батарея эта стояла в густом лесу, будучи прекрасно укрыта; как немцы ее нащупали – было прямо удивительно. Можно было подумать, что по лесу прошел ураган, огромные деревья лежали поваленными друг на друге, пришлось слезать за полверсты до батареи, т. к. вся дорога была завалена ими. На самой батарее одно орудие было исковеркано, деревянные части его сгорели, тут же находившийся погреб с химическими снарядами, несмотря на более чем солидное прикрытие и значительную глубину, был взорван, от чего несколько артиллеристов отравилась при тушении начавшегося пожара газами, один из них очень сильно. Несколько человек из прислуги было ранено. Несмотря на взрыв и адский огонь, батарея не умолкала ни на минуту, часть людей тушила пожар, работали стойко – героями. Я обошел всю батарею, поблагодарил очень артиллеристов за их беззаветно выполненный ими долг, и, взяв отравленных газами к себе в автомобиль, отвез их в Богодуховский отряд.

Вообще за этот день все батареи мои показали себя на высоте и заслужили вполне полученное ими наименование «Дивизиона смерти».

<...>

Посещение мною 1-го лазарета

11-го августа я посетил 1-й лазарет, чтобы навестить раненых и контуженных артиллеристов и одновременно ознакомиться с постановкой занятий в фельдшерской школе. Последствием этого посещения последовал мой следующий приказ:

Инцидент с фруктовым садом

Среди всех моих многочисленных забот о сохранении порядка и боеспособности в моей дивизии, мне пришлось еще принять на себя охрану фруктового сада в расположении штаба дивизии. В это время стали поспевать яблоки, урожай коих был довольно порядочный. От нашествия солдат моей дивизии сад был гарантирован, т. к. мною это было строжайше запрещено и, если бывали случаи воровства яблок, то только единичные. Но в двух верстах от нас стоял полк другой дивизии, неимоверно распущенный^[787], солдаты коего были чистые разбойники и хулиганы. Они бродили толпами и бесчинствовали, и я опасался их гораздо больше, чем немцев.

После двух случаев прямого нападения на сад, я приказал поставить часовых, чтобы никого в сад не пускать. Не жалко было яблок, а жаль было деревьев, которые они ломали. Часовые мои ревностно оберегали сад и не допускали близко подходить к нему, стреляя после второго окрика. Такая мера вывела из себя эти разбойничьи команды и мне было доложено, что уходя, они пообещались на другой день собраться целым батальоном и атаковать сад. Дабы избежать кровопролития, я сговорился с управляющим имения, и не помню, кажется за 500 руб. купил у него все яблоки. Он очень был рад такому финалу, т. к. благодаря этому деревья остались целы.

Купив яблоки, я приказал коменданту сделать наряд и собрать с деревьев все яблоки до одного. Работа эта заняла полдня до вечера и с трех часов утра до 6-ти. К 7 утра ни одного яблока не оставалось. Я приказал их разделить между 57-м полком и командами штаба дивизии. Действительно, около 10 утра мы увиделидвигающиеся толпы соседнего полка 168-й дивизии по направлению к саду. Каково было их удивление, когда они увидели, что все яблоки сняты. Страшно ругаясь, они пошли назад и в отместку пустили по направлению штаба дивизии несколько пуль из винтовок, не причинивших вреда. Инцидент был исчерпан».

Праздник нестроевой роты

15 августа нестроевая рота 57-го полка праздновала свой ротный праздник, пригласив и меня. Праздник прошел очень хорошо, надо было удивляться, как это им удалось все так красиво устроить, порядок был изумительный, гостеприимство самое широкое и радушное.

Привожу программу праздника:

Программа дня 15 августа 1917 г.

Праздник 29-го Сибирского стрелкового полка, неприятно жуткое впечатление

16 августа я ездил в свою родную 8-ю дивизию в 29-й полк, который праздновал в этот день свой полковой праздник и который вспомнил обо мне и пригласил на молебствие, парад и завтрак.

Будучи очень занят, я не успел приехать в начале празднества и попал только к завтраку и то, когда уже все сидели за столами. Меня шумно и очень радушно встретили, все встали, провели меня на почетное место. Завтрак был накрыт в довольно тесной землянке в Полонечском лесу, за завтраком кроме офицеров сидели и солдаты – члены полкового и председатели ротных комитетов. На столах стояли целые батареи вина и водки.

Много уже было выпивших, особенно среди солдат. Неприятное и жуткое впечатление. Я был не рад, что приехал, если бы я мог только ожидать, что я встречу такой разгул, такую распущенность, то, конечно, не поехал бы.

У меня в дивизии на полковых праздниках, особенно последнее время, водка совершенно отсутствовала, а вино бывало в самом ограниченном количестве, только для тостов, и выпивших, даже немного подгулявших, никогда не было. Все проходило чинно, благородно.

Как только я сел, по моему адресу начались тосты один за другим, говорил командир полка, говорили офицеры, говорили солдаты, в общем было все очень трогательно, но та распущенность, которая царила

при этом, меня угнетала. К тому же началась какая-то перебранка между офицерами и солдатами, сидевшими за одним столом – я смотрел на это и слушал, и так тяжело стало на душе, что я старался улечься минутку, чтобы уехать. Но это не так легко было сделать.

Ко мне подсел один из фельдфебелей, заслуженный георгиевский кавалер, бывший со мной в бою под Нарочем. Он был выпивши и начал мне объясняться в любви, в преданности, вспоминая время, когда я был их начальником и, схватив мою руку, стал ее целовать. Мне стало страшно неловко, я не знал куда деться.

К концу завтрака был уже полнейший беспорядок, которым и воспользовался, чтобы направиться к выходу. Провожаемый некоторыми, которые были трезвы и командиром полка, я сел в автомобиль. Старые стрелки окружили меня и устроили мне овацию. Под их крики «ура» и собравшихся офицеров я двинулся в путь под тяжелым впечатлением. «Вот отчего у нас во многих частях доходит до насилий над офицерами и командным составом, вот где главная причина развала, неуважения к старшим», – подумал я.

Командировка на агитаторские курсы. Моя переписка с командиром корпуса

18 августа я получил приказание от командующего корпусом командировать 90 человек от дивизии на агитаторские курсы при исполнительном комитете корпуса. Я был страшно против такого рода командировок, вносящих дезорганизацию в частях, и потому, исполнив приказание, я донес полевой запиской следующее:

Я приказал выдать жалобщику причитающиеся ему 90 руб. и вошел к комиссару-2, прося доложить командарму, как быть с остальными, не подавшими жалобу, т. к. справедливость требует тогда всем уплатить, а вся сумма составит 1490 руб. Вот опасаясь вновь, что возникнет такая переписка, и я прошу убедительно до начала курсов дать указание – помимо продовольствия, которое они будут получать, потребуется ли еще им платить по 3 руб. в сутки, что составит в вверенной мне дивизии

273 руб. в день, так что расход на 10 дней примерно выразится в сумме 2730 руб.

Этот вопрос играет большую роль и при выборах, страсти разгораются у большинства из-за этих денег.

Извиняясь за многосложность моего донесения, но когда внутреннее чувство подсказывает о вреде для вверенной части, то не высказать считаю нарушением служебной присяги.

Генерал-лейтенант Джунковский».

Смена полков на позиции

В ночь с 13-го на 20 августа я приказал на позиции произвести смену полков – 57-м и 60-м полком заступить в окопе, а 58-му и 59-му отойти в дивизионный и корпусной резервы.

Смена произведена была в полнейшем порядке, что мне доставило большое удовлетворение.

На другой день, как только полки сменились, я получил следующее анонимное письмо[\[789\]](#):

«Г-н генерал! Мы, старослужащие солдаты, находясь на фронте 4-й год, вы это примите к сведению, и даже не согласны приказа за 5 августа, в котором вы пишете, что солдаты не будут отправлены в тыл и пишете, что во всех полках заменены, но только в пехотных, а у нас нет и не будут. Обсудили мы ваш приказ, то категорически заявляем, что если мы будем отправлены, то придется вам погибнуть в окопах от своей пули, вот вам последнее слово и вот на меня выпал жребий убить вас.

Генерал-лейтенанту Джунковскому.

У нас коих не ходят уже только от одних от секретов неужели мы недостойны этого.

Страм, мы отлично знаем, что это вы хлопчете, чтобы нас оставили, но вы нахлопчите только на свою толстую шею, в которую войдет пуля кровавая, 4-х годовалая, сидящая в окопах».

Получая это письмо, я в ту же ночь отправился в окопы и обошел все расположение дивизии, подробно проверив службу, не только в окопах, но и в секретах. От несения службы вынес очень хорошее впечатление. На другое утро я отдал следующий приказ по дивизии:

Следуют подписи.

<...>

Мои замечания полкам, изложенные в приказах

Посетив на следующий день окопы 60-го полка, я, проезжая через дер. Медведичи, был неприятно поражен отсутствием воинского вида в 12-й роте этого полка, расположенной в этой деревне, и потому отдал об этом следующий приказ:

«Вчера я посетил расположение 12-й роты 60-го Сибирского стрелкового полка в резерве левого боевого участка, а также прошел небольшой участок 11-й роты в передовых окопах.

Не могу сказать, что я вынес отрадное впечатление от резервной роты, которая своим видом и манерой держать себя напоминала недисциплинированную толпу, а никак не воинскую часть.

В окопах мною найдено было все в порядке и чистоте, мостки, по которым я возвращался, требуют капитального ремонта. На обратном пути при проезде через дер. Медведичи я обратил внимание на толпы солдат 2-го батальона 60-го Сибирского стрелкового полка, которые так же, как и 12-я рота, не имели вида воинской части, а разболтанной толпы. При этом никто из них не имел разрешения на отпуск из места своего расположения.

Пора же наконец проникнуться, что родина наша в опасности, что враг уже угрожает своим обходом г. Риге, что только неустанной работой над самим собой можно достигнуть выработать из себя настоящего защитника отечества, пора придти к сознанию, что довольно нам распускаться, надо и подтянуться, пока не грянула катастрофа.

Обращаю внимание временно командующего полком на беспорядок в 60-м Сибирского стрелкового полку, замеченный уже не первый раз, призываю полковой комитет прийти на помощь своим влиянием на солдат».

Обратив внимание при разговорах с офицерами и солдатами частей дивизии, что многие из них совершенно не знакомы со всеми последними распоряжениями, я отдал следующий приказ:

«Мною обращено внимание, что во многих ротах и командах зачастую не осведомлены с последними распоряжениями Временного правительства с приказами нашего Верховного главнокомандующего и другими распоряжениями нашего военного начальства, а также и с моими приказами.

Такое незнание может повлечь к весьма печальным недоразумениям и конфликтам. А между тем этого надо всемерно избегать, все всегда должно быть ясно и определенно и каждый должен знать, что он должен делать и может делать и что он не имеет права делать.

В моих приказах по дивизии я помещаю все решительно распоряжения, исходящие свыше, которые для нас являются обязательными, помещаю и все свои замечания, касающиеся частей вверенной мне дивизии. Поэтому прочитывая мои приказы, каждый будет в курсе дела и недоразумения места не будет. Приказываю всем начальникам частей дивизии принять все меры к тому, чтоб мои приказы доходили до всех вверенных им как офицеров, так и солдат.

Для сего приказываю после вечерней поверки во всех ротах и командах в присутствии всех офицеров обязательно прочитывать их моих приказов все те выдержки, которые касаются части или имеют общее руководящее значение.

Знакомство с приказами и распоряжениями начальства, объяснение их ввести как обязательное в число часов, положенных для занятий, дабы никто не мог отговориться, что не знает этого или другого».

25-го августа я издал руководящий приказ на предмет однообразного ведения занятий, т. к. заметил постоянные отступления от предписаний по этому случаю:

Приказ Корнилова о братании

В этот же день получен был следующий приказ Корнилова, помещенный мною в приказе по дивизии:

Инцидент с прапорщиком Морозовым

29-го августа произошел у меня инцидент с прапорщиком 60-го полка Морозовым [\[790\]](#), который позволил себе подать рапорт с критикой моих действий. Дело в том, что последнее время происходили трения при выходе на учебные занятия. Стрелки отказывались выходить в полном боевом снаряжении, говоря, теперь офицеры сравнены с солдатами, а между тем с них не требуют, чтобы они выходили в снаряжении. Это, конечно, было справедливо.

Разобрав этот вопрос, я разрешил стрелкам на занятия выходить без меховых мешков, чисто по экономическим соображениям – они очень трепались, но обязательно велел иметь на себе скатанные шинели; приказав и офицерам выходить с ними. Это вызвало неудовольствие со стороны некоторой части офицеров, и один из них, Морозов, и выступил с протестом. Проступок его я изложил в приказе, передав дело военному следователю:

«Командир 60-го Сибирского стрелкового полка при рапорте от 29-го сего августа за № 929 препроводил мне рапорт младшего офицера 12-й роты того же полка прапорщика Морозова 2-го, поданный последним по команде 28 сего августа за № 31.

В этом рапорте прапорщик Морозов 2-й вошел в неуместное обсуждение моего приказа за № 359, указывая в своем рапорте на превышение мною власти и порицая мои распоряжения по службе, изложенные в означенном приказе, причем позволил себе ряд циничных

выражений. Прапорщик Морозов 2-й не склонился даже на увещания командира полка, последствием чего и было направление рапорта ко мне.

Усматривая в рапорте прапорщика Морозова 2-го признаки преступления, предусмотренные в 25 части 96 ст. и в 1 части лит. б. 104 и ст. Военного устава о наказании (Свод Военных Постановлений 1869 г. кн. XXII изд. 4) всю переписку приказываю сообщить военному следователю 9-го армейского корпуса.

Находя же оставление на боевой позиции такого недисциплинированного и совершенно не знакомого с уставами и со службой офицера угрожающим порядку в боевой обстановке, прикомандироваваю его к 58-му Сибирскому стрелковому полку, с принятием против него меры пресечения уклонения от суда, отдачу под надзор ближайшего начальства по усмотрению командира полка (ст. 470 п. 1 и 473 Устава Военно-Судебного, Свод Военных Постановлений 1869 года кн. XXIV изд. 4).

Основание: п.п. ст. 2 отд. IV приказа по Военному Ведомству 1917 г. № 336».

Спустя неделю я получил от следователя копию его постановления, каковую и объявил в моем приказе. <...>

Донесение командиру корпуса о настроении

30 августа по запросу командира корпуса о настроении в дивизии, я донес полевой запиской следующее:

Выступление Корнилова

В конце августа произошли крупные события, известия о которых докатились до фронта уже спустя несколько дней. В то время Верховным главнокомандующим был генерал Корнилов, человек безусловно честный, железной воли, но это был человек не государственного ума и потому он пошел напролом, не учтя все побочные обстоятельства и преграды, которые одолеть можно было только хитростью, а никак

не идя напрямик. Военным министром был известный Савинков[792], председателем Совета министров – Керенский. Эти двое последних преследовали не спасение Родины, а осуществление своих политических идей, что же касается Корнилова, то он все ставил на карту для спасения родины. Естественно, что сговориться они не могли, т. к. преследовали разные цели.

До нас на фронте дошли телеграммы и приказы Керенского, а также и нашего главнокомандующего генерала Балужева, из которых видно было, что что-то произошло, что состоялось выступление Корнилова, но что почему, мы узнали уже позже. <...>

В результате генерал Корнилов был арестован, с ним и главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Деникин. Алексеев фактически опять сделался верховным руководителем войск Действующей армии, но ненадолго, т. к. вскоре в должности начальника штаба Верховного главнокомандующего его заменил Духонин[793], так трагически погибший в день вступления Крыленко[794] в должность Верховного главнокомандующего в приезд его в ставку 19 ноября того же года.

Впоследствии в печати появилось письмо генерала Алексеева на имя Милюкова, бывшего при Керенском министром иностранных дел, и писанное им в день сдачи им должности начальника штаба Верховного главнокомандующего. Это письмо проливает некоторый свет на события конца августа 1917 года. Привожу его целиком:[795]

«12 сентября 1917 г. Могилев

Многоуважаемый Павел Николаевич!

Перед моим отъездом из Петрограда, 31 августа, я не имел возможности повидать Вас. Теперь, сдав должность, я не могу приехать в Петроград и беспокою вас письмом. Помощь ваша, других общественных деятелей, всех, кто может что-либо сделать, нужна скорая энергичная и широкая.

Основная причина моего ухода – коренное несогласие с направлением дела Корнилова и, особенно, Деникина и лиц с ними привлеченных к ответу.

Усилия лиц, составляющих правительство, сводятся к тому, чтобы убедить всю Россию, что события 27–30 августа являются мятежом и авантюрой кучки мятежных генералов и офицеров, стремившихся свергнуть существующий государственный строй и стать во главе управления. Стараются убедить, что дело это простое, несложное, что кучка мятежников, не опиравшаяся на сочувствие и помощь каких-либо кругов, проявила измену Родине и мятеж, а потому кучка эта подлежит быстрому преданию суду самому примитивному из судов – суду военно-революционному и заслуженной смертной казни. <...>

Павел Николаевич! Совершается возмутительное дело, а общественная совесть спит, честная печать эту совесть не будит: она молчит. Неужели она будет только оплакивать могилы честнейших русских людей, искусных и доблестных генералов, любящих Россию и только ради нее, поставивших на карту доброе имя и свою жизнь.

Неужели не настало время громко вопиять об этом и разъяснить русскому народу, в чем же заключается дело Корнилова? Думаю, что это долг честной печати.

Дело Корнилова не было делом кучки авантюристов. Он опирался на сочувствие и помощь широких кругов нашей интеллигенции, для которой слишком тяжелы были страдания Родины, доведенной до гибели неудачным подбором правителей и министров.

Никто не мог бы доказать, что движение направлено было против существовавшего 27–31 августа государственного строя. Оно было направлено исключительно против последовательно вступавших в состав министров и быстро уходивших из него лиц, не могших составить прочной твердой власти и ведущих государство к конечной гибели. Цель движения – не изменять существующий государственный строй, а переменить только людей, найти таких, которые бы могли спасти Россию.

Выступление Корнилова не было тайной от членов правительства. Вопрос этот обсуждался с Савинковым, Филоненко[796] и через них – Керенским. Только примитивный военно-революционный суд может скрыть участие этих лиц в предварительных переговорах и соглашениях. Савинков уже должен был сознаться печатно в этом.

Филоненко будет выведен на чистую воду, он в будущем министерстве претендовал на пост министра иностранных дел и, великодушно на другой день соглашаясь на пост министра внутренних дел.

Участие Керенского бесспорно. Почему все эти люди отступили, когда началось движение, почему отказались они от своих слов, я сказать не умею.

Движение дивизий 3-го конного корпуса к Петрограду совершилось по указанию Керенского, переданному Савинковым. В какой мере было выработано и установлено соглашение (объяснимое ожидаемым выступлением большевиков) пусть укажет вам следующая короткая телеграмма:

«27-го августа 2 час. 40 мин. Петроград. Управляющему военным министерством. Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28-го августа. Прошу объявить Петроград на военном положении 29 августа № 6394. Генерал Корнилов».

Думаю, что мне не нужно объяснять значение этой телеграммы. Члены правительства, принимавшие участие в деле и почему-то отступившие от него в минуту решительную, решили в ночь с 26-го на 27-е августа, т. е. почти час в час, когда Корнилов писал свою телеграмму за № 5394, сместить его с поста Верховного главнокомандующего. <...>

Вы, до известной степени, знаете, что некоторые круги нашего общества не только знали обо всем, не только сочувствовали идейно, но, как могли, помогали Корнилову.

Корнилов не искал власти лично для себя. Цель его была создание власти твердой, прочной, надежно вести Россию ко спасению. Но ведь это – желание и стремление честного и любящего свою Родину. Почему же ответить должны только 30 генералов и офицеров, большая часть которых и совсем не может быть ответственной.

Неужели в угоду всесильной демократии и для спасения участников, которые хотят спрятать свое участие? Пора начать кампанию в печати по этому вопиющему делу. Россия не может допустить готовящегося, в самом скором времени, преступления, по отношению ее лучших, доблестных сынов и искусных генералов.

Корнилов не покушался на государственный строй; он стремился при содействии членов правительства изменить состав последнего, подобрать людей деятельных и энергичных.

Это не измена, не мятеж. Здесь нет признаков преступления, предусмотренного ст. 110 Устава о наказаниях воинских. Едва ли можно даже подвести под ст. 100. Пусть поведут с натяжкой под ст. 100. Эта статья не влечет предания военно-революционному суду. Такого суда быть не может. Суд должен быть обычный, где участие прокурора, председателя, юриста, защитников обеспечит широту расследования. Для г-д Филоненко тогда будет иная работа, кроме снятия шляпы над могилой Корнилова [\[797\]](#) («Русское слово», 10 сент. № 107 стр. 3); им придется занять место рядом с генералом Корниловым. <...>

Прошу сказать, что если честная печать не начнет немедленно энергичного разъяснения дела, настойчивого требования правды и справедливости, то через 5–7 дней наши деятели доведут дело до военно-революционного суда с тем, чтобы в несовершенных формах его утопить истину и скрыть весь ход этого дела. Тогда генерал Корнилов вынужден будет широко развить перед судом всю подготовку, все переговоры с лицами и кругами, их участие, чтобы показать русскому народу, с кем он шел, какие истинные цели он преследовал и как, в тяжкую минуту, он, покинутый всеми, с малым числом офицеров

предстал перед спешным судом, чтобы заплатить своей судьбой за гибнущую Родину. Вот суть моей мольбы к Вам.

Помогите и поддержите.

Искренне преданный Вам Михаил Алексеев».

30-го августа последовал приказ по Военному ведомству о комиссарах и новом положении о войсковых организациях, чисто уже большевистского направления, таким образом, само правительство Керенского, не отдавая себе отчета, или просто по своей дряблости не могшее сопротивляться течению большевизма, шло быстрыми шагами к власти советов. <...>

3-го сентября я изложил в приказе по дивизии результаты осмотра мною кирпичного завода и проверки маршевых рот, а также результаты испытаний в учебных командах. <...>

Результаты испытаний в учебных командах

5 числа я отдал следующий приказ:

«Бригадный командир донес мне о результатах испытания, произведенных по окончании курса в учебных командах 57-го, 58-го и 60-го Сибирских стрелковых полков 17, 18 и 21 августа с.г. Результаты оказались блестящими.

На строевом смотре все команды представились отлично как по молодцоватости стойки, отчетливости приемов, так и стройности перестроений и движений. Стройность была соблюдена невзирая и на то, что на должностях взводных и отделенных были поставлены слабейшие по баллам и ротное учение производилось под командой также слабейшего из обучавшихся. Особенно молодцеватой выправкой отличалась команда 58-го полка. Видно было, что начальники команд обратили серьезное внимание на то, чтобы из каждого обучающегося выработать, строевика, легко справляющегося со строем в любом положении.

В 60-м полку выделялась отлично поставленная гимнастика – это могучее средство для выработки ловкости и поворотливости, что так необходимо в бою, устный экзамен по уставам и наставлениям прошел во всех полках очень хорошо. Особенно блестящие ответы были в 58-м полку.

Во всех командах обращено было серьезное внимание на сборку и разборку винтовки, в чем предыдущий выпуск был несколько слаб. Большие успехи были замечены и в чтении карт. С чувством глубокого нравственного удовлетворения отмечая обо всем вышеизложенном в приказе, я от души благодарю за отличные успехи начальников команд Сибирских стрелковых полков: 58-го поручика Садового, 60-го поручика Борисова, 57-го прапорщика Горшкова[\[798\]](#), а также всех офицеров и весь кадр учебных команд.

Молодцам стрелкам, окончившим учебные команды, говорю сердечное русское спасибо и от души желаю им счастья, успеха и служить примером образцовой службы своим младшим товарищам в ротах.

Затем последовал мой приказ о маршевых ротах:

«В течение августа месяца мне случилось видеть маршевые роты 58-го Сибирского стрелкового полка во время учения.

Я был порадован их отличным видом. На днях эти две роты после произведенного им испытания распущены по ротам. Испытание дало отличные результаты. Не могу не отдать справедливости временно командовавшему 58-м Сибирским стрелковым полком, по мысли которого маршевые роты расположены были в районе учебных команд, где и обучались почти целый месяц, беря пример с лихой учебной команды полка. Жаль, что в других полках не было сделано того же. Сердечно благодарю командовавших ротами подпоручиков Юшкова[\[799\]](#) и Чугунова[\[800\]](#), всех офицеров рот и кадры за их усердие к делу подготовки рот, давшее такие хорошие результаты».

Приказ Балужева о нарушениях дисциплины

В этот же день я поместил в приказе по дивизии приказ Балужева о дерзком поведении солдат Красноярского запасного батальона – как знамение времени:

«1-го августа командующий 2-й Сибирской стрелковой дивизией генерал-майор Бирюков[801] произвел смотр Красноярскому запасному батальону, приданному дивизии, для разбивки по полкам. Во время смотра учебной команды батальона рядовой команды Красовский[802] после команды «1-я шеренга, пальба шеренгой», когда ружья были взяты на изготовку, упорно держал винтовку штыком вниз и на замечание командующего дивизией: «Поднимите штык», – дерзко ответил ему из строя: – «Один раз в день кормят, а заставляют штык выше держать».

Командующий дивизией приказал Красовскому «К ноге» и выйти вперед, после чего приказал командиру батальона отправить Красовского в штаб дивизии для перевода в один из полков дивизии.

После этого случая командующий дивизией продолжал смотр 7-го Сибирского стрелкового полка. По окончании смотра, когда люди были распущены, к нему подошел один из конвойных, сопровождавших Красовского, и доложил, что штурмовая рота и солдаты Красноярского батальона отбили у конвойных арестованного и освободили его.

Вскоре командующего дивизией окружила толпа возбужденных солдат Красноярского полка, в руках у которых были куски цвелоого хлеба. Из толпы вышел солдат Субачев[803], бывший член ротного комитета, и начал доказывать, что Красовский прав и что командующий дивизией не имел права арестовывать его, и призывал толпу постоять за обиженного товарища. Толпа продолжала шуметь и волноваться, не слушая уговоров командующего дивизией и не соглашаясь на его предложение вызвать для разбора дела комиссара.

В то время, когда командующий дивизией писал телефонограмму комиссару, к нему вновь подошел Субачев и оскорбил его грубыми словами.

Около 18 часов прибыл вытребованный командующим дивизией председатель дивизионного комитета и один из членов постоянной комиссии. После разговора их с солдатами, примерно через полчаса, к экипажу командующего дивизией подошли 10–12 солдат, среди которых был и Субачев, и признались, что батальон был неправ.

На другой день солдаты Красовский и Субачев вытребованы были в штаб дивизии, где чистосердечно повинились в своих поступках. После этого командующий дивизией счел себя вправе простить их и вместо предания суду ограничился переводом одного в 8-й, а другого в 7-й Сибирский стрелковый полк».

Командир корпуса, после сношения с армейским комиссаром, нашел невозможным согласиться с решением командующего дивизией:

«Обращаю внимание всех начальников, что начальнику не предоставляется права оставлять проступки и упущения подчиненных без взыскания, и все проступки военнослужащих в настоящее время должны рассматриваться подлежащим судом.

Прощать может только тот, кому предоставлено право налагать взыскания. В настоящее же время последнего право начальникам не предоставлено и тот из них, который берет на себя это право, сам подлежит ответственности по суду, а потому дело о рядовых Красовском и Субачеве приказываю передать подлежащему прокурору, для привлечения их к судебной ответственности.

Подписал: генерал от инфантерии Балугев».

Переход дивизии на новое месторасположение

Около 10 сентября получено было распоряжение о переходе дивизии в новое место расположения несколько южнее, сменив 168-ю дивизию.

Новая позиция была в несколько раз длиннее прежней, фронт дивизии был растянут на 30 верст, но зато большая ее часть, тянувшаяся по берегу озера, была совершенно безопасна, т. к. озеро, шириной версты 2,

отделяло нас от немцев и только небольшой участок был как бы продолжением прежнего.

Оборонять такую позицию было нетрудно, но управлять раскинутыми на огромное пространство взводами и ротами было трудно, тем более, что все кругом было сплошное болото, и чтобы попасть на передовую линию, приходилось идти версты 3–4 по искусственно устроенным узким тропинкам из проложенных по болоту жердей. Подъехать ближе нельзя было. Окопов тоже не было, взамен их были устроены бревенчатые форты на отделение или взвод каждый, в виде укрепленных узлов. Сообщения между этими фортами тоже были не везде, и для того, чтоб от одного форта подойти к другому, надо было идти в тыл версты 3 и по новым приложенным мосткам от центра обратно. От этих укрепленных мест выставлялись дозоры и часовые на берегу озера. Обход и объезд участков отнимал страшно много времени. <...>

Назначение Шафаловича начальником штаба

15-го сентября я получил извещение о состоявшемся назначении Шафаловича, согласно моему о том ходатайству, начальником штаба дивизии, но, к сожалению, ожидать его я мог только через 3 недели по окончании его отпуска, поэтому, не имея подходящего офицера, т. к. Губанов делался все более ненормальным, я приказал вступить в и. д. начальника штаба командиру бригады генералу Буйvidу.

Через несколько дней ко мне был командирован из штаба корпуса капитан Кухаренко[804], который и заместил Буйвида. Кухаренко был отличный, дельный во всех отношениях офицер и явился мне огромной подмогой в это трудное время. <...>

Полученное предложение принять командование 3-м Сибирским армейским корпусом

15 сентября я получил запрос от командарма-2 согласен ли я принять командование 3-м Сибирским армейским корпусом. Я знал, что состою кандидатом на корпус вне очереди и потому мог конечно, ожидать такого

рода предложения, но никак не думал, что произойдет так скоро, тем более, что я был одним из самых молодых начальников дивизий и имел очень мало чисто боевого опыта.

3-й Сибирский корпус был мне родным, я начал в нем боевую службу, но в то время это был корпус страшно распушенный, последнее время в нем корпусные командиры сменялись друг за другом и когда мне предлагали это назначение, то в главе корпуса стоял генерал от инфантерии Кондратович, которого в течении трех месяцев не удостоивали утверждения в должности, он был все время командующим.

Почему его хотели совсем убрать, я не знал. Обдумав, помолившись, я решил раньше окончательного согласия проехать к командующему армией Данилову и переговорить с ним.

Начальником штаба армии был у него Суворов[\[805\]](#) – на редкость милая личность, твердого характера, очень умный, доброжелательный, иметь с ним дело было одно удовольствие. После разговора с ним и Даниловым, я дал согласие и они меня предупредили, что мне придется вступить в должность в течении ближайших дней. Я попросил разрешение проехать ненадолго в Петроград по сдаче дивизии и уже по возвращении принять корпус.

Данилов мне это разрешил, я сговорился с ним, что 22 сентября выеду в Петроград, пробуду несколько дней и проеду прямо в расположение корпуса.

Прямо от него я проехал в штаб 9-го корпуса объявить Тележникову о моем уходе от него. Оказалось, что и он ожидал со дня на день зачисления в резерв, а на его место назначался генерал Снесарев[\[806\]](#).

В штабе моей дивизии все приуныли, узнав о моем уходе. Мне оставалось всего несколько дней, которые я и посвятил на приведение в порядок всех дел по дивизии, а также и на посещение всех частей дивизии, чтобы проститься с ними, поблагодарить за доброе ко мне отношение. <...>

Подбит немецкий аэроплан, лётчики взяты в плен

18 сентября я получил приятное известие, из района 59-го полка, что нами подбит немецкий аэроплан, и два летчика взяты в плен, но т. к. солдаты настроены против летчиков с неимоверной злобой за то, что последние ежедневно сбрасывали в расположение полка по несколько бомб, то командир полка опасается, как бы стрелки не растерзали летчиков, а между тем их надо доставить в штаб армии для допроса. Я решил лично поехать в 59-й полк, поздравить стрелков с трофеем и привезти их. Один из них был тяжело ранен в руку, надо было проехать только в один конец 25 верст. Никаких, к счастью, эксцессов не было, и я благополучно довез их до штаба, где поместил их в передовом отряде и поставил караул, а на другой день отправил в штаб армии. <...>

Приказ Верховного главнокомандующего о насилиях во флоте

19-го сентября я объявил приказ Балугева по армиям фронта по поводу все учащавшихся случаев насилия до убийств включительно лиц офицерского и командного состава:

«24-го сентября Верховный главнокомандующий, по поводу убийства офицера на одном из кораблей Балтийского флота, отдал следующий приказ: «срочно требую немедленного прекращения отвратительных насилий, чинимых не забывшими своей долг и совесть командами, прикрывающими свои преступления спасением родины и свободы и в действительности вносящими полный развал в боевую готовность флота перед лицом врага, поэтому являющимися изменниками Родины. Позорные контрреволюционные действия убийц-насильников лягут несмываемыми пятнами на все команды Балтийского флота.

На вверенном мне фронте в один день: в 256-м запасном полку озверевшая толпа солдат совершила бессмысленное убийство врача; в другом полку, на позиции, в палатку батальонного командира убийца-насильник бросил ночью ручную гранату и в третьем полку солдаты

одной роты стали бросать в уговаривавшего их исполнить приказание батальонного командира камнями.

Преступления эти вполне подходят к тем, которые Верховный главнокомандующий клеймит в своем приказе. Преступления эти указывают на полный развал в тех частях, в которых они имеют место, и налагают позорное клеймо на всю армию. Солдаты, совершающие такие преступления, под видом спасения революции сами совершают контрреволюцию. Армия революции может поддержать только своим порядком и боевою готовностью. О какой же боевой готовности можно говорить в тех частях, в которых подчиненный поднимает руку на своего начальника. Требую от всех не только полного повиновения начальникам, но и оказанием полного уважения, а от начальников – пресечения в корне подобных преступлений, не останавливаясь перед принятием самых решительных мер.

Виновных же в таких преступлениях немедленно предавать военно-революционному суду.

Я верю в русского солдата. Я верю в то, что солдату дорога свобода родины и он готов за нее положить свою жизнь и если в частях случаются преступления вроде указанных выше, то они совершаются потерявшими стыд и совесть предателями, изменниками. Поэтому обращаюсь ко всей благомыслящей массе солдат с призывом самим пресекать в корне все подобные выступления своих товарищей и тем спасти честь своей части и армии.

Приказ прочесть в ротах, батареях и т. д.

Генерал от инфантерии Балуев».

В этот же день я получил телеграмму, что я допущен командующим 2-й армией к командованию 3-м Сибирским армейским корпусом и предписание отправиться к новому месту служения. В этот день прибыл новый командир 9-го корпуса Снесарев, к которому я поехал представиться.

Снесарев мне очень понравился, на другой день он посетил штаб моей дивизии, я ему представил всех офицеров штаба и комитет дивизии в полном составе. На всех он произвел самое отрадное впечатление своим благородством, умом и доброжелательством.

Мое прощание с дивизией

К этому времени я успел уже объехать все части дивизии, со всеми ими я простился лично, оставался мне еще 60-й полк, расположенный недалеко от штаба дивизии в резерве. Полковой комитет этого полка и командир полковник Либер[807] – новый и очень хороший командир – просили меня приехать в полк и назначить для сего время. Я назначил на 21-е число в 3 часа дня. В этот день я ездил к командиру корпуса, чтобы откланяться и проститься с чинами штаба. Меня там задержали и я попал в 60-й полк не к 3-м, а к 4 часам, мне это было очень обидно и стало неловко, когда я вдруг увидел весь полк построенных покоем в батальонных колоннах, во всей боевой готовности. Последовала команда на караул, музыка играла Преображенский марш.

Не без волнения, растроганный такой встречей, я обошел полк, извинившись прежде всего за такую неаккуратность. От имени всего полка командир его просил моего разрешения отслужить перед фронтом напутственный мне молебен, после него священник от имени всех солдат благословил меня иконой, а от имени всех офицеров, врачей и чиновников прочел следующее постановление:

Все это было так неожиданно, так не соответствовало переживаемому времени, что я даже растерялся и первую минуту не знал, как выразить всю глубину наполнявших меня чувств. Затем меня просили зайти в новый солдатский клуб, где был чай. Растроганный, смущенный я простился со всеми и среди шпалер «ура» возвратился к себе.

На другой день, вечером, в штабной столовой состоялся в честь меня прощальный ужин с представителями от всех частей дивизии, среди коих были и солдаты. Ужин прошел при большом подъеме и порядке, пили умеренно, были и сестры передового отряда. Ряд тостов, самых

задушевных и незаслуженных даже мною, были произнесены за ужином. Помню особенно хорошо один тост, который очень меня тронул. Он был произнесен одним солдатом, который окончил его словами:

«Мы никогда не забудем нашего начальника дивизии, которого всегда можно было встретить то ночью, то днем без всякой свиты проходящего по окопам скромно, без всякого оружия, со своей кривой палочкой».

Последнее меня особенно тронуло – я правда всегда всюду ходил со своей кривой палочкой, хожу с нею и посейчас, когда пишу эти строки, 7 лет спустя. <...>

Мой отъезд из дивизии

Уехал я 22 сентября, по дороге в Минск заехал к командующему армией. Каково было мое удивление – он и Суворов встретили меня сконфуженно. Оказалось, что Керенский – Верховный главнокомандующий не утвердил моего назначения, на что Балугев вновь послал представление и собственноручное письмо в Ставку, настаивая на моем назначении. Это известие было мне и неприятно, с одной стороны, для самолюбия, а с другой оно обрадовало – значит, сам Господь устраивает мне почетный выход из всей этой каши, происходившей на фронте. Я сговорился с Даниловым, что если мое назначение не пройдет, то я уже не вернусь и он возбудит ходатайство о зачислении меня в резерв. Мы условились, что результат я буду ожидать в Петрограде.

В Минске я представился генералу Балугеву. Он встретил меня более чем любезно и заявил мне, что если только меня ставка не утвердит – он не останется главнокомандующим. На этом я и уехал в Петроград, совершенно успокоенный, положившись на волю Божию. До чего было приятно очутиться у себя в Петрограде, видеть дорогих близких.

Зашел я в Главный штаб к милейшему Архангельскому, который обещал тот час же меня уведомить, как только получен будет ответ из Ставки. В ожидании ответа я спокойно и радостно жил в Петрограде, наслаждаясь уютной жизнью в домашней обстановке, а главное,

не чувствовал на душе никакой ответственности, что последнее время на фронте было особенно тяжело.

Печальные вести из бывшей моей дивизии

В самых первых числах октября я был огорчен письмом от Буйвида из моей бывшей дивизии с приложением его приказа. Полученное известие меня сразило. В том самом полку, который меня так провожал и в котором, казалось, было все так спокойно и хорошо 21-го сентября, в том самом полку чрез 3 дня – 24 числа произошло такое потрясающее событие.

Привожу описание этого ужаса, изложенного в письме Буйвида и его приказ по этому поводу, присланный мне.

<...> Затем я получил второе печальное известие о фронте – застрелился начальник 5-й пехотной дивизии Койчев, это был очень хороший добрейший человек. Он оставил записку: «При теперешних условиях служить и жить не могу, в моей смерти никого не винить». Жаль было его очень.

Приказ о моем назначении командиром 3-го Сибирского армейского корпуса. Назначение Верховского военным министром

2 октября Архангельский меня уведомил, что Керенский утвердил мое назначение. Это меня мало порадовало, только самолюбие было удовлетворено. Делать было нечего – надо было собираться в дорогу и ехать к новому месту служения. 4 октября по армии и флоту вышел приказ о назначении моем командиром 3-го Сибирского армейского корпуса с оставлением по гвардейской пехоте. Приказ был подписан новым военным министром Верховским^[813], который заменил Савинкова. С марта месяца это был уже четвертый министр.

Мой отъезд из Петрограда к новому месту служения

В этот день я и выехал из Петрограда. Очень тяжело было ехать на неизвестное, оставлять дорогих близких. Доехал я до Минска хорошо, но поезд, по обыкновению, опоздал на три часа, так что я приехал туда уже после обеда 5-го октября, все же успел явиться к Балуюеву, побывать у начальника штаба фронта и у дежурного генерала. Все были более чем внимательны и любезны. Балуюев был страшно доволен, что настоял на моем назначении. Затем я заехал к жене моего бывшего дивизионного интенданта Яковлевой – очень симпатичной милейшей женщине, поужинал у нее, отдохнул душой и в 10 часов вечера был на вокзале. Едва нашел место в вагоне и в страшной тесноте среди солдат, не дававших, конечно, дороги и не уступавших место, доехал, вернее измучился ехавши до Столбцов. Меня ждал автомобиль из штаба корпуса и личный мой новый адъютант Мельников[\[814\]](#). Был час ночи, лил дождь, дорога была убийственная, но тем не менее мы доехали довольно быстро. Разобрав вещи, лег спать.

Комната, отведенная мне, была очень хорошая просторная, светлая с 5 окнами. В этом доме жили еще начальник штаба, инспектор артиллерии и мои адъютанты; это был дом управлявшего имением князя Святополк-Мирского, т. к. главный помещичий дом был сожжен и представлял одни руины. Вокруг был большой сад и много надворных построек, в которых размещены были все отделения штаба.

Рядом было еврейское местечко Мир, представлявшее собой небольшой заштатный городок, в нем были размещены также некоторые части корпуса – обозы штаба, управления корпусных интенданта, инженера и суда, а также размещен был и корпусной комитет.

Мое вступление в должность

Встал я 6-го числа в 9 час. утра, напился кофе и отправился к командовавшему корпусом Кондратовичу, застал его в весьма минорном духу, отчисление его от командования корпусом подействовало на него удручающе – было жаль на него смотреть.

Поговорили с ним по душе, решили, что я в этот день буду знакомиться с делами и начальниками отдельных частей корпуса, на другой день вступлю уже в должность.

Перед обедом я принял всех чинов штаба корпуса, во главе которых стоял начальник штаба генерал Плющевский-Плющик[\[815\]](#), дельный, работающий, высокой степени порядочный, а главное тактичный и пользовавшийся большим уважением со стороны всех. Я вспоминаю службу с ним с самым дорогим чувством. В день моего приезда его не было, он приехал через 3 дня, должность начальника штаба исправлял старший адъютант Генерального штаба Рудаков[\[816\]](#), выдающийся работник, скромный, дельный. Личными адъютантами моими были: штабс-капитан Калькус[\[817\]](#) и поручик Мельников, оба милые люди, и я решил их оставить при себе. Но остальные чины штаба мне показались дельными, серьезными, кроме инспектора артиллерии[\[818\]](#) и корпусного инженера[\[819\]](#), которые сильно устарели и не соответствовали переживаемому времени, да и года не позволяли им уже работать так, как бы следовало.

Кто мне особенно понравился – это председатель суда и корпусной интендант[\[820\]](#); иметь с ними дело было одно удовольствие. В 4 часа я принял корпусный комитет, пришлось много говорить, среди членов было несколько офицеров, с которыми я раньше был знаком. Беседа с комитетом меня удовлетворила, я высказал перед ним свои взгляды и то направление, которого я буду неуклонно держаться, все члены комитета были предупредительны, вежливы и корректны.

Мы расстались, как мне показалось, довольными друг другом. В 5 часов я принимал начальников дивизий, которых у меня было четыре – 7-я Сибирская (генерал Вивьен де Шатобрен[\[821\]](#)), 8-я Сибирская (князь Макаев[\[822\]](#)), 17-я Сибирская (не помню) и 7-я Туркестанская (генерал Гондель[\[823\]](#)). Все они были в общем слабы, за исключением князя Макаева, который был на высоте и умел выходить из затруднительных положений.

До 8 часов я беседовал с ними, знакомясь самым детальным образом с настроением и службой в их частях. После ужина я проработал до поздней ночи, просидев над бумагами, и ознакомился с делопроизводством штаба и постановкой дела в оном.

Совершенно измученный от всех разговоров и от неутешительной картины разрухи, представившейся моим глазам, я лег спать, чтобы на другой день уже вступить в должность. Нелегко было на душе – корпус находился на краю полного развала, видно было, что он был без головы. Начальники дивизий не получали никаких директив, никакой поддержки от ближайшего начальства и сами не проявляли инициативы. Кондратович, чувствуя себя временным командиром, предоставлял все своему течению и только подписывал текущие бумаги – в полках было плохо, настроение скверное. Требовалась колоссальная выдержка и работа.

Но я все же решил напрячь все свои силы, чтобы попробовать спасти положение, я не хотел складывать руки, мне казалось, что, с помощью Божьей, если не будет никаких сюрпризов с тыла, я смогу удержать корпус от дальнейшего развала, а может быть, упорной работой и дать ему должное направление. 17-я Сибирская дивизия, которая совершенно развалилась, была назначена к расформированию; с 7-й и 8-й Сибирскими я надеялся справиться, тревожила меня 7-я Туркестанская, находившаяся на отлете верстах в 30-ти. Позиция корпуса тоже затрудняла управление им, будучи растянутой на 75 верст. В смысле серьезности опасным участком являлся только левый, примыкавший к Гренадерскому корпусу, правый же был очень удален от немцев, примыкал он к 3-му армейскому корпусу.

В обоих этих корпусах разложение в войсках было полное. 7 октября я вступил в должность. <...>

Приказ комиссара Ставки о ложных распространяемых слухах

В этот же день я отдал в приказе следующую телеграмму комиссара Ставки, которую приказал прочесть во всех ротах, командах, батареях и сотне:

Прощальный ужин Кондратовичу. Полковой праздник 31-го Сибирского стрелкового полка

Вечером в этот день в столовой штаба был устроен ужин в честь Кондратовича и меня, были начальники частей корпуса, представители корпусного комитета. Ужин прошел оживленно, просто и симпатично. Очень сердечно провожали Кондратовича и очень сердечно приветствовали меня. Было много тостов, пришлось много говорить, разошлись в 12 часов.

8-го я выехал с Кондратовичем на автомобиле в дер. Юровичи на полковой праздник 31-го полка. То, что я там увидел, превзошло все мои ожидания – демократизация этого полка была полная, для меня это все было дико. Во-первых, меня не подождали и начали молебен без меня. После молебна состоялся парад, прохождение было отвратительное, шли не солдаты, а какой-то сброд. Затем был обед – солдаты и офицеры имели тот же стол, обедали вместе из котла, а начальство и штабные и часть полковых в шатре. Подавали нам то же, что было и у солдат, и для полной демократизации посадили за наш стол моих и начальника дивизии шоферов.

Ко мне отнеслись с большим вниманием, но мне казалось, что все это происходит не наяву.

Никаких замечаний я никому не сделал и не высказал и удивления, я только присматривался и знакомился с непривычной обстановкой.

Мое представление командующему армией

Из 31 полка я направился с Кондратовичем к командующему армией в г. Слуцк на автомобиле, ужинали у Данилова, которому я сделал подробный доклад о впечатлении, произведенном на меня корпусом, и отлично поговорил с ним и его начальником штаба Суворовым. С ними было очень приятно иметь дело, особенно с Суворовым, который в сущности и командовал армией и всегда шел навстречу всем возникавшим у меня сомнениям и вопросам, всегда и во всем я находил в нем полную поддержку.

В Слуцке я переночевал, а утром проехал в штаб моей бывшей 15-й дивизии, т. к. меня очень просили заехать в Богодуховский отряд, с которым я не успел проститься. Очень было радостно очутиться среди родных близких мне бывших сослуживцев. Богодуховцы очень трогательно меня встретили, поднесли чудный букет и жетон.

Пообедав у них, снявшись группой, я выехал от них в 3 ч. дня, чтобы еще заехать в Несвиж к комиссарму-2. Гродского уже не было, его заместил эсэр Моисеенко [\[825\]](#). Он мне очень понравился, не такой быстрый, как Гродский, но дельнее и серьезнее. Очень хорошо я с ним поговорил, и мы вполне сошлись во взглядах на положение дел. От Моисеенко я заехал к Гучкову в Красный Крест и домой попал к ужину.

Корпусной съезд

10 октября состоялось открытие корпусного съезда, на котором были собраны представители всех частей и учреждений корпуса числом около 900. Для заседаний съезда магистратом местечка Мир была отведена синагога. Я счел своим долгом явиться на открытие съезда, чтобы приветствовать собравшихся и сказать им несколько слов, хотя меня это весьма смущало, я как старый военный никак не мог в душе примириться с этими организациями, а кроме того, я всегда боялся какой-нибудь выходки агитатора или провокатора. Я отправился с начальником штаба

и адъютантом, застал уже всех собравшихся, это собрание напомнило мне Государственную Думу в маленьком масштабе.

Так же, как и в Думе, сидели по партиям, в середине центр, справа меньшевики, правые эсэры, кадеты, слева – левые эсэры и большевики. Открыл заседание председатель корпусного комитета[\[826\]](#), которого я предупредил, что хочу сказать несколько слов. Я опасался, как бы он не сказал, что «товарищ Джунковский» желает сказать слово, мне это было бы страшно неприятно. К счастью, этого не случилось. Председатель сказал вполне корректно: «Слово желает сказать командир корпуса». Я встал и обратился со следующим приветствием:

«Позвольте приветствовать вас всех представителей частей и учреждений вверенного мне корпуса, собравшихся на корпусный съезд в такой исключительный по серьезности момент. От души желаю вам счастья и успеха в вашей работе на благополучие нашего корпуса и благо нашей исстрадавшейся родины.

Я с большим удовлетворением прочел вчера постановление исполнительного корпусного комитета с призывом сохранить полный порядок и спокойствие на фронте нашего корпуса, столь необходимого для того, чтобы вовремя закончить выборы в Учредительное собрание, на которое мы все возлагаем наши надежды. Но и помимо этого сейчас нам приходится на фронте быть особенно бдительными – имеются совершенно определенные данные, подтвержденные двумя перебежчиками, что немцы выжидают только благоприятной погоды для них, чтобы, пустив газы против Гренадерского корпуса на Скробовском участке, выбить гренадер с их позиции.

Нам, как ближайшим соседям гренадер на нашем левом фланге, и полку армейского резерва, находящемуся в затылок гренадерам, надлежит быть в полной боевой готовности отразить удар.

Все указания по сему доводу мною даны начальнику 8-й Сибирской дивизии, и я надеюсь, что наш корпус выполнит свой долг.

Сознавая всю огромную ответственность, которая лежит на мне за все, чтобы ни произошло в корпусе, я прошу вашей помощи и поддержки в трудном деле по командованию корпусом.

Твердо надеюсь, что как я с корпусным комитетом, так и весь командный состав вверенного мне корпуса в дружной совместной работе поддержат наш корпус на той высоте, какую требует момент, переживаемый Россией».

Когда я кончил, то, как и в Думе, после речи члена правительства, правая половина зала огласила воздух аплодисментами, левая молчала, аплодировали только отдельные единицы. Я подумал: хорошо еще, что никто не зашикал. Сев на свое место, я прослушал речь двух ораторов, ничего собой не представлявших и, пожелав еще раз съезду успеха, покинул заседание. Съезд продолжался три дня, резолюции, вынесенные им, были вполне приемлемыми, результатом я был удовлетворен.

Как мне передавали – моя речь произвела своим доброжелательством хорошее впечатление, только левая часть критиковала мое заявление об ожидавшемся наступлении немцев, они были уверены, что я нарочно хотел напугать и придумал это, чтобы приподнять настроение. Они изменили мнение, когда не прошло и 3-х дней после моих слов, как немцы обрушились на гренадер, и только благодаря нашей 8-й дивизии атака была отбита.

Приказ Главковерха об исполнении боевых приказов

Вернувшись со съезда, я весь день просидел дома, занимался текущей работой, а также подготовкой к выборам в Учредительное собрание. В этот день я отдал следующий приказ, телеграмму военного прокурора, полученную мною:

«Главковерх приказал привлекать к ответственности всех призывающих к неисполнению боевых приказов, от кого бы подобные призывы ни исходили и в какую бы форму ни выливались.

Объявляя о сем и войскам вверенного мне корпуса, приказываю всем начальствующим лицам принять означенный приказ Верховного главнокомандующего к неуклонному исполнению. Приказ этот прочесть во всех ротах и командах частей корпуса и разъяснить, какие приказы считаются боевыми и какие последствия ожидают тех офицеров и солдат, кои уклоняются от их исполнения (ст. ст. 104 лит. б первой и второй части 105 лит. б, 106 лит. бив, 107 лит. б, 110 лит. б, 111 лит. б, 112, 126 лит. б 127 лит. б, 245 и 246 Воинского Устава о наказаниях Свода Военных Постановлений 1869 г. XXIII кн. 4 изд.).

Твердо надеюсь, что все офицеры и солдаты, как свободные граждане, работающие не за страх, а за совесть, глубоко проникнутые сознанием лежащего на них долга перед родиной, не дадут повода своим начальствующим лицам к необходимости прибегать к мерам, указанным в приказе Верховного главнокомандующего. Рассчитываю очень на поддержку в этом отношении со стороны войсковых комитетов».

Распределение моего времени

Время свое я распределил следующим образом: утром в 8 часов я получал от начальника штаба всю почту и депеши, полученные за ночь, с докладом же начальник штаба бывал у меня по вечерам. Докладные дни у меня были – понедельник и четверг с 9½ утра до 3-х дня с перерывом на обед. В 9 ½ часов – корпусный интендант, 10 ½ – корпусный врач, 11 часов – корпусный инженер, 12 часов – ветеринарный корпусный врач, 2 часа дня – инспектор артиллерии, 3 часа дня – полевой корпусный контролер, 7 часов вечера – председатель и прокурор корпусного суда.

Остальные дни я оставил для объездов учреждений корпуса и расположения частей.

10 октября командующий 7-й Туркестанской дивизией генерал Гондель уехал в отпуск и в командование дивизией вступил командир бригады герцог Н. Н. Лейхтенберский, чему я был очень рад, т. к. на него я мог вполне положиться: это был и храбрый и толковый командир, твердого характера и не малодушный. Кроме того, я был с ним

в дружеских отношениях, свою службу он начал в Преображенском полку на правах вольноопределяющегося моей роты и под моим руководством, когда я нес строевую службу в этом полку. Я был вполне в нем уверен и знал, что ничего скрывать от меня он не будет, а для меня это было главное. Он был сыном князя Николая Максимилиановича[\[827\]](#), внука Николая I. <...>

Объезды полков и учреждений корпуса я начал с полков 8-й Сибирской дивизии, приказав 32-му полку этой дивизии быть построенным 11 октября к 10 часам утра в районе своих расположений. Подъехав к выстроенному полку, я заметил растерянные лица начальника дивизии и других – оказалось, что 2-й батальон отказался выйти, и перед мной стояли только 1-й и 3-й батальоны и команды. Я, ни слова не говоря, обошел выстроенные части, которые, надо отдать им справедливость, глядели молодцами и очень бодро приветствовали меня. Обратившись с несколькими словами приветствия, я высказал им свой взгляд на поступок их товарищей 2-го батальона, потом пропустил представившиеся мне части церемониальным маршем. Надо было видеть, как они проходили, как тянулись, казалось, своим старанием они хотели как бы загладить позорное поведение 2-го батальона. По окончании смотра я обошел все помещения полка, кроме 2-го батальона, который ожидал, что я приду побеседовать с ним и, как мне передавали, был очень разочарован, когда я, пройдя мимо стрелков этого батальона, стоявших у своих землянок, не поздоровавшись с ними, сел в автомобиль и уехал. Вернувшись к себе, я собрал совещание, на котором каждый командир полка и отдельной части сделали мне подробный доклад о настроении в своих частях.

На другой день я отправился в 67-й полк, который, к моему удивлению, представился мне отлично и никаких протестов по поводу расформирования не заявил, напротив, беседы с офицерами и стрелками произвели на меня очень хорошее впечатление.

Однако вслед за моим посещением этого полка 17-й дивизии я стал получать донесения об отказе одного полка за другим этой дивизии

исполнить приказ о расформировании, что меня поставило в очень затруднительное положение, т. к. в связи с этим расформированием я уже отдал приказ о перегруппировке на позиции. Пришлось переделывать всю диспозицию. Все это произошло под влиянием сильной большевистской пропаганды. Из сочувствия к полкам 17-й дивизии последовал отказ и полков Туркестанской дивизии идти на позицию. Пришлось столкнуться с самым серьезным неисполнением боевых приказов, члены корпусного комитета ездили во все части уговаривать полки, но успеха не имели. Пришлось отменить перегруппировку, говорить по «Юзу»[\[828\]](#) с командующим армией. Он находил, что у меня это все детские игрушки, о которых волноваться не следует, что в Гренадерском и 50-м корпусах куда хуже; там прямо уходили с позиции. Но мне от этого легче не было: я не мог так покойно на все это смотреть. И решил испытать еще одно средство и отдал приказ, с целью рассеять поводы, которые приводили агитаторы, и для выигрыша времени разрешил как бы отсрочить расформирование до возвращения делегации от военного министра. <...>

На другой день выхода этого приказа я получил донесение, что 67-й полк постановил исполнить мой приказ о расформировании и, в полном порядке, выступил уже по назначению. Это было мне большой победой, но я все же опасался, как бы Керенский не напортил мне.

От этого истерического человека можно было всего ожидать, он мог для популярности, или просто по непониманию, под влиянием минуты, разрешить делегации от 55-го полка не расформировываться. Тогда бы все пропало и я был бы поставлен в глупейшее положение; к счастью, этого не случилось. Одновременно с донесением об исполненном 67-м полком приказе я получил уведомление, что 2-й батальон 32-го полка хочет послать ко мне депутацию с извинением за некорректное относительно меня поведение, но потом, под влиянием опять-таки агитации, депутация ко мне не явилась. <...>

К сожалению, командарм не решился на предложенную мною крутую меру расформирования 2-го батальона 32-го полка, т. к. в других частях даже более преступные замыслы оставались безнаказанными.

16-го я отдал приказ по поводу неправильного толкования вопросов об отдании чести, дав следующие разъяснения:

Успокоясь несколько после инцидентов в 32-м полку и полках 17-й Сибирской дивизии, я получил донесение о новой неприятности в 25-м Сибирском полку, где соединенное заседание полкового, ротных и командных комитетов вынесло постановление о немедленном удалении командира полка Данишевского[829], основанное на голословных обвинениях его в нежелании работать с выборными организациями. Это известие меня совсем сразило – полковник Данишевский был выдающимся командиром полка, офицером беззаветной храбрости, имел орден Св. Георгия 4-й степени. Потеря такого командира для боевой службы корпуса была невознаграждаемая. Остаться ему в полку, конечно, было бесполезно после нанесенного ему оскорбления, и т. к. он, по кресту Св. Георгия, имел право на отпуск, то я ему разрешил 2-х месячный отпуск с сохранением содержания, а там видно будет. Копию протокола собрания я препроводил в штаб армии и комиссару армии, прося его назначить расследование своей властью. Выполнив это, я сел верхом и поехал в 25-й полк к Данишевскому, выразить ему сочувствие по поводу нанесенного ему оскорбления и возмущение поступку представителей полка.

Вернувшись, я отдал по корпусу следующий приказ:

«Командующий 7-й Сибирской стрелковой дивизией при надписи от 17 сего октября представил мне рапорт командира 25-го Сибирского стрелкового полка генерала-лейтенанта Кондратенко, от 16-го общего заседания полкового, ротных и командных комитетов того же полка.

Ознакомившись с содержанием означенного протокола, я не мог, при всем моем уважении к войсковым организациям, не придти к грустному размышлению о том, с какой легкостью полковым комитетом вынесено столь серьезное постановление, как удаление командира полка.

Забыта вся выдающаяся боевая служба командира полка, забыта пролитая им два раза кровь за спасение родины, забыт и орден

Св. Георгия, украшающий его грудь, свидетельствующий об его беззаветной службе.

Разрешив полковнику Данишевскому двухмесячный отпуск, приво на каковой ему дает орден св. Георгия, я не считаю возможным оставить подобный случай особой важности без расследования и вхожу к командарму с ходатайством просить комиссарма-2 назначить по сему случаю расследование».

В этот же день я посетил штаб 7-й Сибирской дивизии в Турце, где приказал собрать всех командиров полков, дивизий и начальников отдельных частей. Среди офицеров штаба со времени моего командования этой дивизией, год назад, было мало перемен. Приняли меня радушно, с строгательным гостеприимством. Сначала пообедали, потом было совещание. Пришлось говорить очень много, прямо учить их, объяснять с азбуки, т. к. все опустили руки, находились в подавленном настроении, представляя все своему течению, а это было плохо, т. к. все катилось под гору, и потому необходимо было делать преграды, задерживать этот поток и отводить его в сторону, а в то время это было еще возможно.

Из штаба 7-й Сибирской я проехал в Рапиово, где стоял 3-й Сибирский воздухоплавательный отряд, подробно осмотрел его расположение и проверил тетрадь с записями наблюдений с аэростата. На другой день я сделал смотр штурмовому батальону 7-й Сибирской дивизии и был очень удовлетворен боевым видом молодцов штурмовиков.

Оттуда я проехал в 6-й Сибирский авиационный отряд, которым командовал лихой барон Боде[\[830\]](#). Мне казалось, что я попал в какой-то оазис среди всей разрухи, до того блестяще мне представился этот отряд. Приехал я к ним совершенно для них неожиданно, как раз перед отправлением одного летчика с наблюдателем на разведку в сопровождении истребителя. На моих глазах аппараты взлетели на воздух, несмотря на отчаянный ветер. Особенно лихо поднялся истребитель, небольшой боевой аппарат. Как только пустили машину,

этот аппаратик стремглав покатился по полю прямо к деревьям, казалось вот-вот сейчас столкнется с ними, но дойдя шагов 20 до них, истребитель этот сразу взял высоту, поднявшись почти отвесно, это был отважный трюк, удивительно эффектный. Затем поднялся корнет Казанский^[831] с наблюдателем на другом аппарате. Аппарат бросало ветром, как мячик, но летчики скоро справились и взяли направление к позиции.

Когда они исчезли из виду, я обошел все мастерские, гаражи, помещения команд, выслушивал доклады. Во время чая в собрании летчики вернулись, пройдя в 1 ½ часа 150 верст. Прямо с аппарата они явились ко мне с рапортом. Я прошел с ними в оперативную комнату, где мне был сделан подробный доклад с указанием на карте всех обследованных пунктов немецкой позиции. В отличном расположении духа я вернулся к себе...

19 числа я присутствовал на открытии и освящении лазарета Елизаветинской общины недалеко от стоянки штаба моего корпуса. Это тот самый отряд, о котором я не раз упоминал в своих воспоминаниях о войне 1916 года, когда командовал 7-й Сибирской дивизией. Было очень симпатично, уютно на их празднике, встретили меня с тем же гостеприимством, как бывало и ранее. Состав врачей и сестер был почти прежний, т. к. они стояли всего в версте от нас, то я часто в свободное время ездил к ним отдохнуть душой.

20 числа я посетил 31-й полк, обойдя окопы, а также и несколько батарей, проверил стрельбу с одного из наблюдательных пунктов. Знакомился и с работами на участках 7 и 8 дивизий. Результаты своих наблюдений я поместил в приказ по корпусу от 23 октября. <...>

Знакомясь с приказами и донесениями, бывшими еще до меня, я не мог не обратить внимания на особенно частое неисполнение приказов в 27-м Сибирском полку. Меня это поразило, т. к., когда я командовал 7-й Сибирской дивизией, этот полк был одним из лучших и исправнейшим. Чтобы проверить, действительно ли этот полк так обольшевичился, я назначил полку смотр на 21 октября в 10 ч. утра с тем,

чтобы затем с одним батальоном проделать тактическое ученье, проверив обучение одиночного бойца.

Накануне смотра начальник дивизии предупредил моего начальника штаба, что в полку неладно и что он опасается как бы чего не вышло. Отменять смотр я считал малодушием и к 10-ти часам утра на автомобиле с дежурным адъютантом отправился к месту расположения полка. Подъехав к дер. Некрашевичи я увидел издали густую массу людей – присмотревшись, разглядел выстроенные в порядке батальоны на указанном мною месте. Но по мере того, как я приближался, мне стало казаться, что чего-то не хватает – полк стоял в порядке, но без ружей и снаряжения, в шинелях в рукавах при поясах и только. На правом фланге – оркестр музыки и все начальство дивизии с Вивьен де Шатобреном во главе.

Я слез с автомобиля, принял рапорт дежурного по полку офицера, затем командира полка. Музыка заиграла встречу. Все как будто честь честью. Я подошел к начальнику дивизии, бригадному, которые бледные стояли на правом фланге. Поздоровавшись с ними, я стал обходить батальоны, здороваясь с каждым отдельно и вглядываясь в лицо каждого стрелка. Полк стоял очень опрятно одетый, выровнен был отлично, но мне сразу бросился в глаза нахальный взгляд некоторых, казалось, он говорил: «А вот посмотрим, вышли мы без ружей, попробуй-ка, скажи что-нибудь, мы покажем». На мое приветствие ответили дружно, хорошо.

Я обошел весь полк, нарочно очень медленно, обдумывая свое дальнейшее поведение. В строю было около 2500, так что прошло порядочно времени, пока я окончил обход. Выйдя перед серединой полка, я приказал загнуть фланг и меня окружить. Все сразу бросились, я понял, что сделал ошибку – строй обратился в толпу. Чтобы исправить, я приказал им несколько отодвинуться и стать в порядок. Послушались, у меня же несколько отлегло на душе. Очевидно, подействовал мой спокойный, неторопливый тон.

Я обратился к полку с несколькими словами, сказав, что всего год назад я покинул 7-ю дивизию, прокомандовав ею 2 месяца и теперь опять

попал в родной мне корпус, приехал я к ним, обязанный по долгу службы проверить все части моего корпуса и составить себе понятие об их боеспособности и что, помня лихую службу полка, я никак не мог ожидать встретить такое преступное неисполнение моего приказа. Я сказал, как недостойно звания свободного гражданина пользоваться безнаказанностью и не исполнять приказаний в боевой линии, как мне тяжело разочароваться в 27-м полку и убедиться, что рассчитывать я на него не могу и т. д.

В ответ на это из рядов раздались голоса: «А зачем у нас всегда измена?». «Зачем генералы изменяют?» «Остров Эзель продали». Я пригласил говорившего выйти ко мне, но никто не вышел. Затем другой голос раздался: «Лучше бы вместо смотра, посмотрели бы халупы и землянки, где мы живем, как вши и блохи нас едят, как голодаем» и т. д. Затем раздались протесты по поводу моих слов о небоеспособности полка. Т. к. никто из говоривших не пожелал выйти, то я приказал отойти стрелкам на места, что они исполнили.

Сказав начальнику дивизии, что я нахожу излишним производить какой-либо смотр недисциплинированной толпе, я приказал распустить батальоны по халупам и землянкам, а сам отправился на кухню пробовать пищу и осматривать помещения.

Мое хладнокровие по-видимому обезоружило людей, и они несколько сбавили тон. Пока я обходил землянки, ко мне подошел председатель полкового комитета и сказал, что стрелки, собравшиеся на лугу, просят меня подойти к ним и побеседовать, при этом он меня предупредил, что не советует мне идти, т. к. толпа очень возбуждена. Я сказал ему: «Передайте, что я приду, окончивши обход землянок» – и продолжал, не торопясь, переходить из одной землянки в другую.

Осмотрев все, я направился к толпе, за мной шел бледный, как полотно, начальник дивизии и растерянный командир полка. Мне дали дорогу, я прошел в середину толпы, обратил внимание на принесенный стол. Один из стрелков обратился ко мне с просьбой встать на стол, чтобы меня можно было лучше слышать. Я отказался,

сказав, что не привык говорить со столов или со скамеек, говорю только, сидя верхом или стоя на земле. Они не настаивали. Наступило молчание. Я прервал его, сказав: «Ведь вы просили меня придти поговорить с вами, почему же вы молчите, предлагайте мне вопросы, я буду охотно вам отвечать».

Тогда они стали нехотя задавать мне вопросы, один абсурднее другого, об изменах генералов, о продаже Риги и т. д, на которые я отвечал совершенно спокойно, доказывая им всю нелепость того, чем их начинили. Затем опять наступило молчание, видно было, что все это было сделано, и мне показалось, что многим из них было даже неловко. Тогда я сказал, что, очевидно, все вопросы исчерпаны, а я еще не осмотрел помещение пулеметной команды, и потому я их оставляю. С этими словами я двинулся вперед, мне дали дорогу и я вышел из их круга, не без удовольствия, небольшая часть пошла за мной. Обернувшись, я увидел, что какой-то агитатор вскочил на стол и стал, жестикулируя, что-то разъяснять стрелкам, я расслышал только несколько раз повторенные им слова «власть советов».

Обойдя помещение пулеметной команды, я сел в автомобиль и, простившись со всеми меня провожавшими, к их большей радости, уехал к себе. Только отъехав несколько верст, у меня отлегло на душе, за эти два часа, проведенные в 27-м полку, пришлось немало пережить.

Вернувшись к себе, я сейчас же по аппарату Юза сообщил командующему армией обо всем, происшедшем в 27-м полку, и отдал приказ по корпусу[\[832\]](#). <...>

25 октября опубликован был приказ главнокомандующего армиями Западного фронта по поводу выборов в Учредительное Собрание, а также и правила о предвыборной агитации в войсковых районах на фронте. <...>

26-го октября делегации 65-го и 66-го Сибирских полков вернулись из Петрограда в полном разочаровании, им приказано было расформироваться, вопрос был исчерпан, и я решил произвести необходимую перегруппировку на позиции, которую мне и удалось

привести в исполнение. Смена прошла почти в полном порядке, что мне доставило большое удовлетворение. В Петрограде и Москве этим временем происходили крупные события, большевики одерживали верх. До нас слухи доходили с большим опозданием, и мы жили только отголосками.

Когда в Петрограде власть перешла уже к большевикам, мы жили старым, продолжая получать запоздалые приказы Керенского. 25 октября – самый день переворота, мы получили приказ его, с изложенным в нем постановлением временного Правительства с перечнем ряда крупных мер к восстановлению дисциплины и водворения порядка в частях действующей армии и борьбы с большевиками. Вот когда правительство спохватилось.

Ничего не подозревая о происходившем в Петрограде, я ничего не мог сделать другого, как преподать приказ этот к неуклонному исполнению, препроводив его всем начальникам дивизий моего корпуса и инспектору артиллерии, при циркулярном письме.

Слухи один тревожнее другого из Петрограда. На фронте большевизм разрастается

Все это, конечно, осталось на бумаге. Когда я писал это письмо, правительство, издавшее это постановление, уже не существовало. Во главе правительства стала власть советов. Мы не скоро узнали об этом, и продолжали жить своей жизнью, только разные слухи, один кошмарнее другого, доходили до нас. Я в это время вынужден был сидеть дома, не мог никуда уехать, так как, проходя как-то вечером по двору штаба, поскользнувшись, упал, и так неудачно, что вытянул связки на правом плече. Целую неделю пришлось мне ежедневно ездить на перевязку в Елизаветинский лазарет и на массаж. Это было совсем не вовремя и крайне было мне неприятно.

В одну из таких поездок на перевязку, к глубокому конфузу всего персонала лазарета, у меня украли мое резиновое пальто и фуражку в то время, когда я находился в перевязочной, так что для возвращения к себе

мне пришлось занять шинель и фуражку у старшего врача. Очевидно, это было сделано кем-нибудь из санитаров, и больше из озорства. А может быть, и проходящим мимо каким-нибудь посторонним солдатом, воровство с развитием большевизма стало обыкновенным явлением, а большевизм в это время, чувствуя свою силу, стал все более и более захватывать массы, тем более что фронтовой комитет в Минске и армейский при нашей армии были чисто большевистского направления, и только мой корпусной комитет держался твердо, не поддаваясь этому влиянию; в полках же делились на партии, происходили междоусобицы, положение было напряженное.

Я старался принимать все меры, какие только мог, чтобы удержать в частях равновесие, не допустить до эксцессов. В довершение всего этого на фронте надвигался голод, становилось прямо жутко. С разраставшимися событиями в Петрограде подвоз сразу прекратился, жили запасами. Власть командного состава свелась почти к нулю, без комитетов ничего сделать было нельзя.

У меня, к счастью, благодаря наладившейся работе с комитетом, никаких недоразумений не было. Комитет по отношению меня держался более чем корректно, ничего не предпринимая, не доложив мне, не испросив моего согласия, благодаря этому и равновесие у меня в корпусе не нарушалось и, глядя со стороны, все как будто было блестяще, позицию обороняли, браться с немцами не ходили, по ночам ходили на разведки, а что касается артиллерии, то в боевом отношении она не оставляла желать лучшего, спуску немцам не давала.

31 октября получен был приказ с выдержками из нового Положения о войсковых комитетах, и на новых началах. Этим положением власть командного состава умалялась еще больше. Это положение я объявил в следующем приказе:

Слухи о перевороте подтвердились. Во главе власти Советов Ленин

Только в первых числах ноября мы наконец узнали, что власть Временного правительства пала, что во главе новой власти советов стал Ленин, что Керенский удрал, и Верховного главнокомандующего таким образом у нас не было. Последнее подтвердилось приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего от 2 ноября за № 8080:

Приказ Духонина:

«До прибытия в ставку Главковерха я сего числа вступил во временное исполнение должности Верховного главнокомандующего. Приказываю войска, направленные на Гатчину, остановить и сосредоточить в районах, указанных мною главкоसेву. Всякие самочинные выступления войск прекратить, принять меры к скорейшему установлению порядка на железнодорожных станциях и в гарнизонах. Главное внимание обратить на укрепление положения на фронтах и на обеспечении довольствия войск».

События на фронте после переворота

После этого каждый день приносил известия одно тревожнее другого, вести о насилии над лицами командного состава все учащались, да и не мудрено, т. к. большинство приказов, которые получались в то время, были проникнуты надавливанием на командный состав и на офицеров, положение последних становилась прямо трагичным. Жаль было их страшно. Я старался всеми силами их поддержать нравственно, входя в их положение, и мне удалось сохранить равновесие — ни одного эксцесса, насилия по отношению к офицерству у меня в корпусе не было. Я продолжал посещать окопы и тыловые учреждения, обревизовав уже в ноябре, когда развал вокруг был полный, корпусную хлебопекарню.

8 ноября ввиду катастрофического положения по части продовольствия я созвал у себя совещание, на которое пригласил всех начальников дивизий, интендантов и членов президиума корпусного

комитета. Накануне этого дня прибыл ко мне комиссар, назначенный в мой корпус, до этого времени у меня такового не было и все распоряжения я отдавал самостоятельно. Комиссар этот был солдат из тыла, большевик, но очень скромный, чувствовал себя он как-то очень неловко, т. к. абсолютно ничего не знал и не понимал, ни по фронтовой, ни по хозяйственной части. Его роль на совещании была весьма плачевная, он растерянно смотрел, когда я обращался к нему, испрашивая его согласия на то или иное решение.

Пробыл он у нас три дня и уехал, и я его больше не видал. На совещании раскрылась ужасающая картина, как в продовольственном отношении, так и по вопросу снабжения теплыми вещами и одеждой.

Было оглашено полученное накануне известие, что на прибытие теплых вещей рассчитывать нельзя, т. к. в Москве весь склад, предназначенный для отправки на фронт, разграблен, а также разграблены по пути следования и все вагоны с теплыми вещами, уже отправленные в действующую армию. Положение было трагическое, т. к. люди мерзли, погода была адская. С продовольствием тоже было не ладно, с тыла ничего не поступало, запасы истощались, только снарядов было полное изобилие, а их уже было не нужно, всюду несли клич «долой войну», «скорее мир». На совещании были разработаны все меры, чтобы как-нибудь справиться с надвигающимся голодом, и надо отдать справедливость корпусному интенданту – достойному всякого уважения полковнику Шестакову, благодаря ему нам удалось выйти из ужасающего положения с честью и до голода у нас не дошло.

Но до чего я измучился за это время. Вспоминая сейчас эти дни, я не понимаю, как я только все это вынес. Правда, вся эта передряга сильно отозвалась на моем здоровье, так что ряд сердечных припадков заставили меня обратиться к консилиуму врачей, которые нашли мое сердце в очень плохом состоянии, настаивая на моем скорейшем отъезде на Кавказ для лечения. Но как оставить в такую минуту корпус, не поддержать его, покинуть, когда я чувствовал, что приношу еще какую-то пользу, что мое влияние еще не потеряно, что со мной еще

считаются. И действительно, на позиции у меня еще был порядок, да и в резервах было сравнительно прилично, так что еще 9 и 10 ноября я мог совершенно сознательно отдать по корпусу два нижеследующих приказа:

Смещение Духонина. Начатие переговоров о мире

Эти были мои последние приказы. На другой день распространились слухи, что генерал Духонин смещен с должности Верховного главнокомандующего и на его место назначен прапорщик Крыленко, а затем пришли и газеты, подтвердившие эти слухи и известив нас о начатии мирных переговоров.

На другой день получения этих вестей мне предстояло явиться в полковую избирательную комиссию по выборам в Учредительное собрание подать свой голос, вернее, записку с напечатанным на ней списком. Таких списков было у нас на фронте 12, каждый от имени какой-нибудь партии. Но к вечеру этого дня пришло распоряжение отложить выборы до 22-го ноября.

Известие о смещении Духонина дало повод фронтовому комитету г. Минска[\[834\]](#) сместить Балуюева, а на его место главнокомандующим назначить подполковника Каменщикова[\[835\]](#) – офицера 12-го Туркестанского полка моего корпуса.

Балуюев отказался сдать ему должность и был арестован домашним арестом. Начальник штаба отказался подчиниться Каменщикову и объявил о вступлении своем в должность главнокомандующего на основании положения о полевом управлении войск в военное время, в виду ареста Балуюева. Таким образом в Минске явилось два главнокомандующих – оба издавали приказы. Кто слушал кого – неизвестно.

Я исполнял распоряжения начальника штаба, т. к. Каменщиков являлся для меня самозванцем. Фронтовому комитету не было предоставлено права смещать и назначать главнокомандующих. Кроме того, я знал хорошо Каменщикова по своему корпусу – это был человек

совершенно невменяемый, он психически был расстроен и поднимался вопрос об освидетельствовании его умственных способностей. Происходила полная неразбериха.

Вскоре в Минск с фронта, по своей инициативе, прибыла польская дивизия [\[836\]](#) и освободила Балуюца из-под ареста. При таких условиях приходилось командовать корпусом. В Ставке продолжал распоряжаться Духонин. Положение становилось невозможным, и хотя у меня и было уже разрешение на семинедельный отпуск для лечения на Кавказе, но я медлил, мне не хотелось покидать корпус, я решил выехать в отпуск после того, что выполню свой гражданский долг и подам свой голос по выборам в Учредительное Собрание, выборы были назначены на 22 ноября.

Как все это было тяжело! Как тяжело было видеть, какими гигантскими шагами все идет к произволу. С корпусным комитетом у меня отношения тоже наладились. Председателем был большевик, но, благодаря своему уму и уравновешенности, он не делал никаких нелепостей, с ним было легко сговориться и он, по отношению меня, был корректен.

С 14-го ноября я фактически перестал командовать корпусом, перестал ездить по частям своего корпуса, т. к. это уже было бесполезно, я не мог отдать ни одного приказа, не зная, будет ли оно в соответствии с новыми взглядами, не последует ли свыше противоположное распоряжение.

Я сидел у себя дома, получая телеграммы донесений, которые, если требовали распоряжения, сообщал в комитет, который фактически и ведал всеми делами; моя роль ограничивалась резолюциями на текущих бумагах и подписыванием приказов, вел я жизнь непривычную для меня: вставал в 9 часов, два раза в неделю продолжал принимать доклады начальников отдельных частей корпуса; в 1 час обедал с чинами штаба, потом сидел дома, читал, раскладывал пасьянс, в 8 часов ужинал, затем принимал доклады, вернее, беседовал и отводил душу с начальником штаба, опять садился за пасьянс и в 12 ночи ложился спать.

Так каждый день. Иногда, чтобы развлечься, ходил с начальником штаба в кофейню в местечко Мир, где давали очень вкусный кофе по-варшавски с чудным домашним куличом. Кофейня эта была очень чистая, опрятная, хозяева – поляки, очень милые люди; выезжал очень редко в полки, было тяжело ездить, смотреть на разруху и не иметь возможности ничего улучшить, было нестерпимо. Порядок, конечно сравнительный, на позиции до самого моего отъезда поддерживался благодаря преданным делу членам оперативно-контрольной комиссии[837], с которыми я и имел больше всего дела. Это были очень дельные достойные люди, и у меня с ними сложились самые лучшие отношения. Благодаря им у меня на позиции службу несли исправно, и когда рядом, в Гренадерском и 3-м армейском корпусах, были уже выкинута белые флаги и заключено было перемирие[838], мой корпус продолжал воевать, высылая и разведки и обстреливая немецкие позиции, т. к. кроме слухов о будто бы заключенном перемирии никаких других распоряжений свыше не было.

Так шли дни за днями, я ждал 22 ноября, чтобы уехать. Совершенно неожиданно 18 числа ко мне явился один из членов корпусного комитета, фельдфебель саперного батальона, человек весьма доброжелательный, старый кадровый солдат и, узнав, что я назначил свой отъезд на 22, стал меня просить ускорить свой отъезд, прямо чуть ли не умолял меня уехать на другой же день, говоря, что в воздухе нехорошо, чувствуется что-то тревожное и раз у меня имеется отпуск, он советует не задерживаться.

Переговорив с начальником штаба, я пришел к заключению, что откладывать отъезд мне не имеет смысла и лучше мне уехать, не дожидаясь момента, когда роль моя как командира корпуса сведется на нет и когда я обращусь из начальника в подневольного и мне придется исполнять распоряжения, не согласные с моей совестью. Решил не рисковать и пожертвовать выборами в Учредительное собрание и уехать на следующий же день. Вызвав начальника 7-й Сибирской дивизии, как старшего, в штаб, я предложил ему вступить во временное командование корпусом.

Вечером за ужином я объявил всем офицерам штаба о своем отъезде на следующий день, зашел в корпусный комитет проститься с председателем и членами оперативно-контрольной комиссии.

На другое утро приехал генерал Вивьен де Шатобрен, я ему дал руководящие указания, ознакомил его с положением дел и предложил ему вступить во временное командование корпусом, подписав по сему поводу соответствующий приказ. Затем я донес командующему армией о своём отъезде в отпуск. По телефону я простился с начальниками дивизий и начальниками отдельных частей, поблагодарил очень командиров артиллерийских бригад за отличное несение службы в батареях, в 1 час дня обедал в штабной столовой, собрались все начальники учреждений штаба корпуса.

Очень трогательно все отнеслись ко мне, пили за мое благополучное путешествие, за возвращение при лучших обстоятельствах. Конечно, все, и я, думали, что мы прощаемся совсем, что больше мы не увидимся, все вещи свои, имущество и вестовых я оставил в штабе на попечении комитета, с его разрешения. После обеда мы снялись группой, я простился со всеми.

На душе было грустно, тяжело было покидать всех их, преданных мне и дорогих моих сотрудников, оставлять их как бы на произвол судьбы, что-то каждого из них ждало? Невольно приходила мысль. Простившись со всеми и напутствуемый всеми чинами штаба и команды и некоторыми членами комитета, я сел в автомобиль. Грустно очень было уезжать, но на душе было спокойно от сознания, что штаб я оставлял нетронутым разрухой, он был цел в полном своем составе. Когда автомобиль выехал за ворота имения, послышалась орудийная стрельба – это мои верные артиллеристы твердо защищали свою позицию и как бы говорили мне на прощание, чтобы я был за них спокоен, что они выполняют свой долг до конца.

До Минска меня сопровождал мой адъютант штабс-капитан Калькус. В Минске я переночевал у знакомого мне полковника Пархомова[\[839\]](#), а в 12 часов дня 20-го со скорым выехал на Петроград.

Очутился в одном вагоне с Суворовым – оказалось, что и он также ехал в отпуск, с ним был и генерал Чермоев[840] из Гренадерского корпуса. Очень приятно и радостно было их встретить, отлично мы доехали до Орши. Подъезжая к этой узловой станции, где нам предстояло пересестъ на петроградский из Могилева поезд, мы обратили внимание на царившее на станционной платформе необычное оживление. Выйдя из вагона, я узнал от начальника станции, что несколько минут перед тем, мимо Орши по направлению к Могилеву, прошел специальный поезд с новым Верховным главнокомандующим Крыленко и чинами его штаба и два броневых поезда, с войсками, что все пути заняты и неизвестно, придет ли вообще в этот день скорый поезд Киев-Петроград, т. к. он задержан в Могилеве.

Встреча с арестованным Буйвидом

Положение было из неприятных, удовольствия просидеть в Орше на станции, быть может, сутки, не было никакого и мы пожалели, что вылезли из вагона, лучше было бы проехать прямо на Москву и оттуда в Петроград. Втроем прошли мы на вокзал и уселись в буфет, заказав себе обед. В ожидании обеда наше внимание было привлечено небольшой группой военных, окруженных конвоирами, всмотревшись я узнал среди арестованных генералов Буйвида (бывший у меня бригадным в 15-й дивизии и заместивший меня, когда я получил корпус) и Бонч-Богдановского, одного из корпусных командиров или начальников дивизии. Я был страшно изумлен, увидев Буйвида – оказалось, что 15-я Сибирская дивизия, мое детище, которую я сформировал и которой так благополучно прокомандовал почти год, вскоре после моего отъезда подверглась общей участи и стала разваливаться, причем один из полков ее, 60-й Сибирский, который меня так трогательно провожал, самовольно ушел с фронта для укрепления революции в тылу, а когда Буйвид стал принимать меры к водворению его, то был арестован дивизионным комитетом и препровожден в Минск, откуда фронтовой комитет отправил его в Петроград в распоряжение Смольного, т. е. центральной власти. Бонч-Богдановский тоже был арестован своим

комитетом. И вот они в ожидании того же поезда на Петроград сидели в буфете со своими конвоирами.

Ужас, происшедший в Могилеве

Пообедав, я пошел к начальнику станции узнать, нет ли известий на счет поезда, застал его бледным, как полотно – он только что отошел от телефона, говорил с Могилевым, и был до того расстроен, что с трудом переводил дух, не мог в течение нескольких минут совсем говорить. Отведя в сторону, он только сказал: «Какой ужас, какой ужас, они убили Духонина, и какое надругательство над трупом, какое зверство!» Про поезд он ничего узнать не мог.

Через некоторое время этот же начальник станции отыскал меня и сказал, что на станции стоит салон-вагон начальника Либаво-Роменской ж.д., который идет на Петроград, и он предлагает мне перейти к нему и, устроившись в его вагоне, дожидаться поезда. «Идите в вагон к нему, – прибавил он, – не оставайтесь на станции, здесь слишком на вас обращают внимание, теперь такое время, идите скорее». Я сказал, что я не один, со мной Суворов и Чермоев. «Идите все, но только скорее, не оставайтесь здесь», – ответил мне этот добрейший достойнейший начальник станции, желавший меня спасти от неприятностей.

Я отыскал своих спутников и мы прошли через запасные пути и вошли в указанный вагон, в котором нас любезно и гостеприимно встретил начальник Либаво-Роменской ж.д. – фамилии сейчас не помню. Подали чай, мы уселись мирно в салоне, но мысли наши были полны этой драмой, происшедшей только что в Могилеве. Подробностей мы никаких не знали, только то немногое, что передал мне начальник станции со слов начальника станции Могилева, сказанных по телефону.

Как только мы уселись, не успели и допить чаю, как недалеко от нас на путях остановился воинский поезд – все вагоны были разукрашены еловыми ветвями, гирляндами, красными флагами, солдаты, среди коих было много матросов, пели какие-то революционные песни и, как мне показалось, четверть из них, по крайней мере, были выпивши, держали

себя с особенным ухарством, разнузданностью, впечатление жуткое и отталкивающее.

Поезд простоял недолго, отошел по направлению к Могилеву.

Задержка нас троих и отправление в Смольный по приказанию адъютанта Крыленко

Вслед за тем на тех же путях остановился специальный поезд-локомотив, тендер, багажный вагон и с иголочки новенький блестящий салон-вагон, сиявший огнями, но без всяких внешних украшений. Не прошло и четверги часа после остановки этого поезда, как в вагон, в котором мы сидели, вошел небольшого роста военный в хаки, но без погон (тогда еще военные носили погоны), три звездочки – чин поручика – прикреплены были на воротнике. Одет он был чисто, даже элегантно, видом был похож на кадрового офицера, но совсем мальчик. С ним вошло еще два солдата.

Подойдя к нам, он спросил наши документы. Мы предъявили отпускные билеты, долго и внимательно все трое просмотрели их, после чего этот юноша заявил не без апломба: «Вы, – указывая на меня и Чермоева, – отправитесь в Смольный в Военно-революционный комитет Петрограда, а Вы, – поворачиваясь к Суворову, – поедете со мной в Могилев к Верховному главнокомандующему». Суворов взмолился: «Уже разрешите и мне в Смольный, мне Могилев совсем не по дороге, за что Вы делаете такую разницу, нет уж, позвольте нам вместе». «Ну хорошо, – сказал юноша, оказавшийся адъютантом Крыленко, и прибавил: – Я сегодня же поеду обратно в Петроград и застаю вас всех еще в Смольном».

После этого они ушли, а в вагон начальника Либаво-Роменской ж.д. привели Буйвида и Бонч-Богдановского с конвоирами, которым было поручено также доставить в Смольный и нас.

Таким образом, вагон бедного начальника Либаво-Роменской ж.д. обратили в арестантский, отобрав салон для арестованных генералов с конвоирами, нам троим отведя большое купе, так что хозяину вагона

осталось только маленькое купе. Мой вестовой – верный мой слуга Маров^[841] поместился с проводником.

Скоро пришел поезд из Могилева, к нему прицепили наш вагон, и мы двинулись на Петроград. Т. к. нас троих везли не в качестве арестованных, то я мог все свои вещи поручить своему вестовому, которому отдал и все свои ценные вещи и деньги, чтобы он прямо с вокзала отвез все к моей сестре на квартиру, а ей я написал подробное письмо с описанием всего происшедшего. Очень тяжело было по приезде в Петроград быть лишенным возможности поехать к своим близким, а главное, я тревожился очень за мою сестру, как то она примет эту неприятную весть о моем задержании.

Прибытие в Смольный. Арест и отправление в крепость

Прямо с вокзала мы поехали все на извозчиках в Смольный, я ехал с Суворовым, Чермоев с конвойным за нами. Приехав в Смольный, нас повели в верхний этаж в помещения Военно-революционного комитета, адъютант штаба нас допросил, отобрал документы и предложил до приезда главнокомандующего Антонова расположиться в соседней комнате, сказав, что наша участь будет зависеть от решения сего последнего. Все офицеры и писарь были прежние, из Главного штаба, все они с большим сочувствием отнеслись к нам, но тем не менее, когда нас ввели в назначенную для нас комнату, то к дверям поставили часового с ружьем. Этот часовой не имел вовсе солдатского вида, был похож на хулигана, но был весьма добродушен. Около 12 часов ночи меня вызвали в канцелярию, и какова была моя радость, когда я увидел мою сестру – моего верного друга, которая, получив мое письмо, поехала в Смольный и добилась свидания со мной.

Мы хорошо посидели и поговорили с полчаса, я был так рад, что повидал ее, мог ее успокоить. Это свидание дало мне много бодрости. В 2 часа ночи приехал наконец Антонов, но видеть нас он не пожелал, и нас к нему тоже не допустили. Когда он уехал, к нам вошел принимавший нас штабс-капитан и, не без смущения, сообщил,

что Антонов приказал нас троих вместе с Буйвидом и Бонч-Богдановским отправить в Петропавловскую крепость. Это для нас явилось большой неожиданностью – мы ожидали, что нас отпустят.

Объявив нам резолюцию, штабс-капитан этот сказал, что нас отвезут в крепость, когда придут автомобили, и что у нас есть еще время, чтобы написать заявления на имя главнокомандующего, что он нам рекомендует сделать. Он казался очень озабоченным и старался нам помочь всеми силами; посоветовал нам в каком тоне надлежит написать это заявление. Впоследствии мы узнали, что относительно нас троих резолюция Антонова была краткая: «В крепость и расстрелять».

Эта резолюция и смутила так всех окружавших, т. к. они все видели, что с нами произошло недоразумение. Когда заявления нами были подписаны и сданы, то я разговорился с одним из офицеров – это был молодой юноша подпоручик пограничной стражи. Меня, как я помню, страшно поразила его одна фраза. Когда я ему стал говорить о том, что в прежнее время всегда возмущались, когда ни с того ни с сего лишали свободы, нарушая таким образом неприкосновенность личности, о которой всегда так усиленно проповедовали левые круги, он мне ответил: «Неприкосновенность – это предрассудок буржуазии». Я посмотрел на него удивленными глазами, но не продолжал разговора, находя это, после его слов, излишним.

Автомобиль подали только в 5 час. утра. Когда нас собрались везти, в комнату вошел приехавший из Могилева адъютант Крыленко, по приказанию которого нас привезли в Смольный. Надо было видеть, до чего он растерялся и сконфузился, увидев нас отправляемыми в крепость. Он пошел к телефону, хотел соединиться с Антоновым, но ничего из этого не вышло, тогда он стал уговаривать офицера не отправлять нас, оставить нас, говоря что он направил нас в Военно-революционный комитет только для удостоверения наших личностей и регистрации. Но офицер сказал, что не имеет права не исполнить приказа главнокомандующего и прибавил по адресу адъютанта Крыленко, что незачем было подымать всю эту историю.

Адъютант Крыленко, очевидно ознакомившийся с резолюцией Антонова, казался более взволнованным, чем мы, имел вид провинившегося мальчишки, который не знал, как выйти из созданного им же положения. Он старался нас успокоить, обещал исправить происшедшее недоразумение. На этом мы и расстались с ним.

Было подано два крытых автомобиля, в первый посадили Буйвида с Бонч-Богдановским и конвоем, во второй нас троих, с нами сел тот самый поручик, который так оригинально объяснил мне свое мнение по поводу неприкосновенности личности. Заняв место в автомобиле, он зажег электрическую лампочку, очевидно, чтобы легче за нами следить.

Прибытие в крепость в Алексеевский рavelин

Быстро докатили нас до крепости и подвезли ко входу в рavelин. Я старался угадать, куда нас поведут, последний раз я был в крепостных местах заключения менее трех лет назад в 1915 году, когда я осматривал эти исторические места – Алексеевский рavelин и Трубецкой бастион – в качестве товарища министра, ведавшего Департаментом полиции (эти места заключения были в ведении Департамента).

В то время содержался в крепости только один арестованный, германский консул из Ковно [\[842\]](#), по обвинению в шпионстве. Он содержался в одной из камер в Трубецком бастионе. Теперь же, когда нас привезли, все было полно арестованными, так что нас не могли разместить, и временно, до очистки камеры, нас всех пятерых отвели в хорошо мне знакомую квартиру коменданта в большой зал, где мы устроились на стульях.

В 9 часов утра за нами пришли и повели через двор по направлению к Трубецкому бастиону. Но там нас только обыскали. Обыскивали матросы вполне корректно, деньги оставили, но не все, чтобы мы могли покупать в крепостной лавочке через сторожа продукты.

Обыскав, повели обратно через двор и поместили нас всех пятерых вместе в большой камере Алексеевского рavelина, в которой стояло пять

коек с соломенными матрацами и постельными принадлежностями. Камера на замок не закрывалась, но стоял часовой. Осмотревшись, мы обратили внимание на исписанные стены разными автографами, среди которых нашли подпись Гурко, бывшего главнокомандующего Западным фронтом с отметкой дат, когда он прибыл в камеру и когда выбыл, мы тоже расписались на стене, это было 22 ноября.

Настроение наше было весьма бодрое, мы не знали о лаконической резолюции Антонова и предполагали, что посидим мы недельку, другую и нас все же выпустят, т. к. придраться к нам нельзя было, мы никакого преступления не совершили, что касается Буйвида, то он был мрачен, я старался его успокоить.

Свидание с сестрой

Сторож, узнавший меня, был страшно поражен, увидев меня, это был очень милый, услужливый старик, мы послали его за разными закусками, хлебом и с удовольствием закусили и напились чаю, затем немного прикорнули, всю ночь ведь мы не спали.

Около трех часов дня меня вызвали из камеры — это опять моя добрейшая сестра нашла меня и здесь, и получила разрешение на свидание. Ужасно я ей обрадовался, она приехала не одна, а с моей племянницей Н. Н. Шебашевой, это было мне большим утешением. Меня привели в ту самую комнату, где нас обыскивали, и там на диване мы уселись втроем, рядом поместился матрос, держался он корректно, доброжелательно. Свидание продолжалось полчаса, я успел узнать от сестры, что в штабе, т. е. в Военно-революционном комитете, общее сочувствие на нашей стороне.

Вернулся я после свидания бодрый и довольный, камера мне показалась даже чуть ли не привлекательной.

Отправление нас в Смольный

В 6 часов вечера нас троих вызвали к коменданту – получено было приказание доставить нас в Смольный. Довольно много времени заняла выдача нам отобранных у нас вещей, после чего на двух извозчиках нас повезли в Смольный. Этот раз Суворов ехал с Чермоевым, а я с плац-адъютантом. В Смольном нас встретил тот же штабс-капитан, но лицо его было совсем другое, он радостно нам объявил, что будем отпущены, что остается только сделать отметку на наших документах, но надо будет подождать начальника штаба.

Освобождение нас и мое возвращение домой

Это была такая радость. Счастье охватило нас от мысли очутиться на свободе после всего пережитого. В 10 часов вечера я приехал к себе, радостный, взволнованный, меня ждали, т. к. мою сестру предупредили в Смольном, – она там была еще раз – что меня отпустят. Время с 23-го ноября по 1 декабря я прожил со своими тихо и радостно, успел за это время повидать всех близких и родных, осмотреться и приглядеться ко всему происходившему вокруг.

Поездку свою на Кавказ я решил отложить – мне не хотелось расставаться со своими, было жутко уезжать так далеко, да и на юге было далеко не спокойно.

Продолжать военную службу для меня не имело смысла, участвовать в развале армии я находил противным своей совести, перемирие на фронтах было почти везде уже заключено[\[843\]](#), и потому я решил воспользоваться своим правом и, подвергнув себя освидетельствованию, выйти в отставку.

Мой выход в отставку

Для сего я обратился к профессору военного клинического госпиталя Сиротину[\[844\]](#), который любезно согласился принять меня на испытание в госпиталь на предмет освидетельствования состояния моего здоровья в смысле годности или негодности его для продолжения

военной службы, я и лег в госпиталь в первых числах декабря. Лежать там было очень хорошо, чистота, порядок были полные, меня ежедневно навещали, так что 12 дней, проведенных мною в этом госпитале, были для меня прекрасным отдыхом. Меня всячески исследовали и в довершение всего сделали рентгеновский снимок с моего сердца. Это исследование решило мою участь.

Снимок показал сильное расширение аорты, так что при освидетельствовании меня особой комиссией при Военно-медицинской академии никаких споров не было, меня даже ни о чем не спрашивали, а на основании истории болезни и снимка все члены комиссии единогласно постановили считать меня подлежащим увольнению от службы в отставку с правом на пенсию.

При этом мне было выдано нижеследующее свидетельство:

Получив это свидетельство, я при рапорте представил его в Главный штаб, прося об увольнении моем от службы. В ответ на мой рапорт последовал следующий Приказ армии и флоту от 17 декабря 1917 г.:

«По пехоте.

Числящийся по гвардейской пехоте, командир 3-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенант Джунковский увольняется от службы за болезнью с мундиром и пенсией».

Этот приказ, хотя и был подписан 17 декабря, но опубликован он был только в феврале, так что в виду окончившегося в январе месяце срока моего отпуска, мне пришлось просить о продлении его у коменданта в Петрограде, который был так любезен, что продлил мне его впредь до выхода приказа о моем увольнении от службы. Командующему 2-й армией я послал рапорт с извещением о состоявшемся освидетельствовании меня и предстоявшем увольнении меня от службы. Одновременно я уведомил и штаб моего корпуса и комитет.

Отъезд мой в Курскую губернию

Вместо поездки на Кавказ я решил проехать к моим друзьям в Курскую губернию. Помня происшедшее со мной в Орше я, опасаясь как бы со мной вновь не произошло неприятности в пути, т. к. передвижения в то время по железным дорогам сопряжены были с большими затруднениями в отношении к генералам (в то время еще ходили в форме и в погонах) было не доброжелательное, я отправился перед своей поездкой в военный отдел ЦИКа, в Смольный и, высказав откровенно свои опасения, предъявив документы, просил выдать мне какое-либо удостоверение для гарантии моей личности. В военном отделе ЦИКа отнеслись очень внимательно ко мне и выдали мне следующее удостоверение:

Возвращение мое в Петроград и назначение мне пенсии

Благодаря этому удостоверению, я прекрасно проехал в Курск и обратно, нигде мне не было учинено никаких препятствий. Я очень хорошо отдохнул у моих друзей как нравственно, так и физически.

Несколько раз меня по дороге, как генерала, останавливали, но удостоверение военного отдела ЦИКа спасало меня от неприятностей. На обратном пути я провел несколько дней в Москве и вернулся благополучно в Петроград к своим, где меня ждало уведомление Главного штаба с приказом о моем увольнении от службы, а в апреле вышла мне и пенсия по 3270 рублей из казны и по 1288 руб. из эмеритальной кассы, эту пенсию я ежемесячно аккуратно получал из Казначейства, вплоть до моего ареста 1-го сентября.

Посылка Мутовкина на фронт для ликвидации оставшегося имущества и привоза вещей

Получив окончательную отставку, я решил послать кого-нибудь на фронт в штаб 3-го Сибирского корпуса, чтобы узнать цело ли там мое имущество, и если оно цело, то, распродав на месте лошадей, экипажи, мебель, остальное привезти в Петроград. Не получая с декабря месяца

никаких оттуда вестей, я полагал, что все это у меня конфисковано, но на всякий случай послал туда моего верного, бывшего у меня шофером и преданного мне Мутовкина, ловкого и смышленного.

Две недели я ждал его возвращения и потерял уже надежду, как вдруг, как-то вечером раздался звонок — я пошел открыть дверь и, к моей радости, увидел Мутовкина и моего вестового с массой багажа. Как я обрадовался, как приятно было увидеть своих вестовых, свои вещи. Оказалось, что несмотря на царившую разруху, грабежи, все мое имущество, все мои вещи, все было сохранено в целости. Вестовые мои отняты у меня не были и находились при моих вещах.

Комитет все время ждал моего возвращения, и когда пришел приказ произвести выборы командного состава, то комитет заявил, что до моего возвращения производить выборов не будет. Когда же было получено известие, что я не возвращусь более, комитет произвел выборы — выбрав генерала Вивьена де Шатобренна, которого я оставил своим заместителем.

Посланному мною Мутовкину комитет оказал полное содействие по ликвидации моего имущества, так что ему и моим вестовым удалось довольно выгодно продать лошадей и экипажи, на все же остальное комитет выдал литературу для бесплатного провоза 14 пудов багажа до Петрограда, разрешив и вестовым сопровождать мои вещи, для отвоза их на станцию предоставил грузовик, одним словом, проявил прямо трогательное внимание.

Я получил и несколько сот рублей недополученного жалованья, за вычетом всех расходов. Такое отношение, такое внимание ко мне со стороны комитета и чинов штаба меня даже взволновало, я был растроган до слез. А разбирая вещи, я не мог не обратить внимания, что мне прислали все до последней нитки, даже недопитая бутылка мaderas и начатая коробка с печеньем, которые я, уезжая 18-го ноября, оставил на окне своей комнаты, оказались среди вещей.

Я послал тотчас комитету телеграмму с выражением благодарности за проявленное им по отношению меня столь дорогое внимание, послал и привет командующему корпусом и чинам штаба.

В это время, т. е. в конце февраля, корпус как таковой, в сущности, уже перестал существовать, существовал только комитет, штаб, в весьма ограниченном виде, и на 75-ти верстной позиции стояло около 9 тысяч штыков. Между тем, когда я уезжал, 3 месяца назад, корпус представлял собой еще внушительную силу, в строю было 60 000 штыков, все это самовольно разбежалось, ушло с позиции. Не прошло и нескольких недель после того, что я получил свои вещи – и комитет, и штаб, и остатки корпуса покинули позицию, все было кончено, немцы стали хозяевами всей Украины, Белоруссии т. д.

Вивьен де Шатобрен приехал в Петроград, был у меня и с грустью рассказывал о последних днях существования корпуса. Как тяжело, как больно отозвалось все это на душе. Я был счастлив, что не был при агонии корпуса, что уехал я как раз вовремя, сохраняя в своей душе воспоминания хотя и не о выдающейся, но все же боевой единице, которую представлял еще тогда мой корпус.

Не полных 2 месяца моего командования кажутся мне годом – столько пришлось пережить, переволноваться за это краткое время. Отрадно очень вспомнить многих светлых личностей среди чинов корпуса, с которыми мне пришлось столкнуться в ту страдную пору, я сохраняю и по сей час в душе неизгладимое чувство признательности к ним за всю ту доброту и сердечность, с которыми они нравственно шли мне навстречу и поддерживали меня.

Где они теперь все? Куда судьба их занесла? Я не знаю. Из всех я встречал в Петрограде в 1918 году Вивьена де Шатобрена, он поступил конторщиком по отпуску дров на каких-то барках на Неве, а затем вскоре умер в одной из городских больниц; встречал я Плющевского-Плющика – эту светлую личность – моего начальника штаба, он уехал затем на фронт к Парскому, больше я его не видал.

На этом я кончаю свои воспоминания своей службы, которой была полна моя жизнь в течение лучших лет моей жизни.

Писать дальше свои воспоминания преждевременно, да и тяжело. Может быть, через несколько лет, если Господь сохранит мне жизнь, я возьмусь за перо и поведаю и эти годы, проведенные мною в душевном уединении, и за эти годы найдется, может быть, немало ценного материала.

Вклейка

**Генерал-лейтенант, командующий 15-й Сибирской дивизией
В. Ф. Джунковский. 1917 г.**

В штабе 8-й Сибирской дивизии. Слева направо: нач. штаба полковник Н. Н. Соколов, В. Ф. Джунковский, начальник дивизии генерал-лейтенант А. Е. Редько, адъютант капитан А. В. Афанасьев. 1916 г.

Утро командующего дивизией В. Ф. Джунковского. Рапиово. Июль 1916 г.

В. кн. Дмитрий Павлович, контр-адмирал Н. П. Саблин, граф А. Н. Граббе, император Николай II, министр двора В. Б. Фредерикс и дежурный генерал П. К. Кондзеровский. Июнь 1915 г. Фото В. Джунковского

Командир 3-го Сибирского армейского корпуса В. О. Трофимов и В. Ф. Джунковский у полевой кухни в 28-м Сибирском полку. 1916 г.

В. Ф. Джунковский с офицерами 25-го и 27-го Сибирских полков. 6 августа 1916 г.

На передовой 30-го Сибирского полка. Лето 1916 г. Фото В. Джунковского

После боя под Нарочью в 6-й батарее 8-й Сибирской артиллерийской бригады. 1916 г.

Разрыв снаряда, запечатленный В. Ф. Джунковским в «долине смерти». Март 1916 г.

Похороны стрелков 30-го Сибирского полка, погибших в боях под Нарочью. Март 1916 г. Фото В. Джунковского

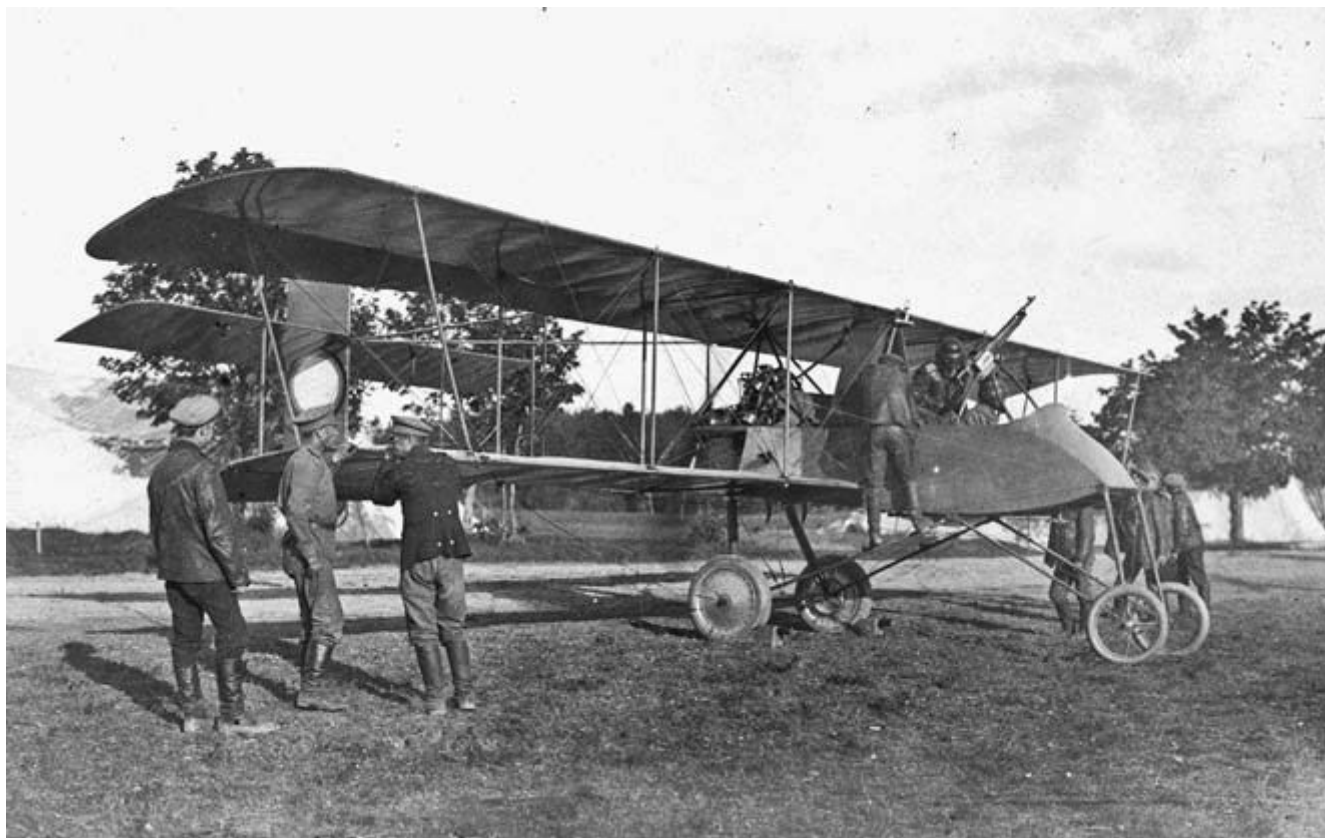
**3-х дюймовое орудие, приспособленное для стрельбы по аэропланам.
Рапиово. Июнь 1916 г. Фото Джунковского**

**Германский аэроплан, подбитый артиллеристами у д. Луки. Июль 1916 г.
Фото В. Джунковского**

«Колбаса» – привязной аэростат для корректировки артиллерийского огня. Сентябрь 1916 г. Фото В. Джунковского

Подготовка к вылету аэроплана «Ву азен» 6-го Сибирск ого корпусного авиационного отряда. 1916 г.

Разгрузка хлеба у полковой пекарни в 30-м Сибирском полку. 1916 г.

В. Ф. Джунковский и А.Ф Матвеева перед раздачей подарков москвичей в 15-й Сибирской дивизии. 1917 г.

**Н. Н. Шебашева, Е. Ф. Джунковская, А. Е. Редько и В. Ф. Джунковский
в расположении воздухоплавательного отряда. 1916 г.**

**Е. Ф. Джунковская у пулемета «Кольт» в 32-м Сибирском полку. 1916 г.
Фото В. Джунковского**

**В. Ф. Джунковский после осмотра немецких позиций с аэростата.
Сельцы. Май 1916 г.**

6-ти дюймовое орудие 12-й тяжелой артиллерийской бригады. Скробово. 1917 г. Фото В. Джунковского

В. Ф. Джунковский с сестрами Пермского лазарета. Отоцевичи. Июнь 1916 г.

Перевязочный отряд 8-й Сибирской дивизии в церкви дер. Горево. Март 1916 г

**Установка пулемета «Максим» для противоаэропланной стрельбы.
На заднем плане господский двор Залесье. 1916 г. Фото В. Джунковского**

**Сбор подарков для сибирских стрелков В. Ф. Джунковского в Сергиевской
полицейской управе Московской губ. 3 апреля 1916 г.**

**Местечко Койданов – место дислокации штаба 15-й Сибирской дивизии.
Январь 1917 г. Фото В. Джунковского**

В. Ф. Джунковский с сослуживцами и сестрами Гродненского отряда за пасхальным столом. Высоковщина, 10 апреля 1916 г.

Глубокоуважаемому и дорогому
Владимиру Осиповичу Журков-
скому - как выражение моего лучшего
чувства и горячей признательности
от всей души за преданное благо-
желательное содействие по работам в Московской
Практической Академии 1909-1916 гг.
А. Реформатского.
20 Сент. 1916 г.

**А. Н. Реформатский, директор Московской практической академии.
С дарственной надписью на обороте фотографии.**

Полевые занятия в 32-м Сибирском полку. 1916 г. Фото В. Джунковского

борозну и публичную
 военному товарищу -
 сослуживцу и наставнику
 товарищу Гаврилу Сергеевичу
 Павлову
 от А. Федорова
 23/IV - 1916 г.
 Замыслил А. Г. Г. Г. Г.

**А. Е. Редько, генерал-лейтенант, командующий 8-й Сибирской дивизией.
С дарственной надписью на обороте фотографии.**

Занятия по преодолению проволочных заграждений в 15-й Сибирской дивизии. 1917 г. Фото В. Джунковского

Командир Гренадерского корпуса генерал-лейтенант Д. П. Парский зачитывает манифест об отречении императора. 4 марта 1917 г.

Представители Черноморского флота и члены дивизионного комитета 15-й Сибирской дивизии (сидит 3-й слева В. Ф. Джунковский). 1917 г.

Сноски

1

Джунковский В. Ф. Воспоминания. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – Т.1.– 736 с.; Т.2. 688 с.

2

Здесь и далее цитаты приводятся по настоящему изданию.

3

ГА РФ. Ф.826. Оп.1. Д.375. Л. 1-137

4

Начало 1915 г. см.: Джунковский В. Ф. Воспоминания. – М., 1997, т. 2. Печатается по ГА РФ Ф.826. Оп.1. Д.56. ЛЛ.313-354

5

...Евреиновыми... – Евреинова Антонина (Нина) Васильевна (урожд. Сабашникова, 1861–1945), издатель журнала «Северный вестник», родная сестра книгоиздателей Михаила и Сергея Сабашниковых. В 1886 вышла замуж за А. В. Евреинова (1853–1903). В. Ф. Джунковский часто гостил в ее имении Борщень Курской губ. В 1922 г. выехала с детьми в Чехословакию (Прага), позднее в Болгарию (София), Францию (Париж, Тулуза).

6

...Особое совещание по обороне. – Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Высший государственный орган, образован по утвержденному императором закону от 17 августа 1915 об учреждении особых совещаний для оперативного решения вопросов укрепления обороноспособности России в условиях чрезвычайного положения в годы войны. Упразднен 21 марта 1918.

7

...Ольденбургский Александр Петрович (1844–1932), принц, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, сенатор, член Государственного совета. С 03.09.1914 – верховный начальник санитарной и эвакуационной части Действующей армии. После Февральской революции в числе родственников Романовых уволен от службы с мундиром. С 1917 в эмиграции в Финляндии, с 1918 во Франции, жил и умер в Биаррице.

8

...Щербатов Павел Борисович (1871–1951), князь, полковник л-гв. Гусарского полка. С 25.07.1914 – адъютант Верховного главнокомандующего, с 24.08.1915 – адъютант главнокомандующего Кавказским фронтом и наместника на Кавказе. После октябрьского переворота – участник Белого движения. С 1920 – в эмиграции в Бельгии.

9

...Мещанинов Иван Васильевич (1846–1918), действительный тайный советник, сенатор, товарищ министра народного просвещения (1901–1902). В 1914–1917 гг. помощник А. П. Ольденбургского. Умер в Петрограде.

10

...Николай Николаевич (младший, 1856–1929), великий князь, генерал-адъютант (1894), генерал от кавалерии (1901), председатель Совета государственной обороны (1905–1908). С 20.07.1914 по 23.08.1915 – Верховный главнокомандующий; с 24.08.1915 по 01.03.1917 – Главнокомандующий Кавказским фронтом и наместник на Кавказе. После Февральской революции – под домашним арестом в имении Дюльбер (Крым). С 1919 – в эмиграции в Италии, позднее – во Франции. С декабря 1924 – руководитель всеми русскими военными зарубежными организациями.

11

...Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916), граф, генерал от кавалерии (1890), генерал-адъютант (1875), министр Императорского Двора (1881–1904). С 27.02.1905 – наместник на Кавказе, главнокомандующий войсками Кавказского военного округа и войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск. 19.07.1914 назначен главнокомандующим Кавказской армией, однако не принимал участия в руководстве военными действиями, передав свои функции генералу Н. Н. Юденичу. Скончался в Алушке 15.01.1916.

12

...императрицы – имеется в виду Александра Федоровна, урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская (1872–1918), супруга императора Николая II. Расстреляна вместе с семьей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

13

...в роде Воейкова... – Воейков Владимир Николаевич (1868–1947), генерал-майор. С 24.12.1913 – дворцовый комендант, в 1915 назначен «главнонаблюдающим за физическим развитием народонаселения Российской империи». После Февральской революции был заключен в Петропавловскую крепость, позднее в отставке. С 1918 в эмиграции в Бельгии, позднее – в Финляндии. Имел прозвище «Кувака» за активное продвижение на рынок минеральной воды, добываемой в одноименном имении в Нижнеломовском у. Пензенской губ.

14

...Распутин Григорий Ефимович (Новых, 1869–1916), «старец» из крестьян Тобольской губ., приближенный ко двору и имевший пагубное влияние на императора Николая II и императрицу Александру Федоровну. Был убит в ночь

с 16 на 17 декабря 1916 г. в Петрограде в доме князя Ф. Ф. Юсупова при участии великого князя Дмитрия Павловича.

15

...Саблин Николай Павлович (1880–1937), флигель-адъютант (1912), контр-адмирал (1916). С августа 1914 – назначен состоять при Николае II на время пребывания императора на театре военных действий, позднее – командир Отдельного батальона Гвардейского экипажа, командир императорской яхты «Штандарт». После Февральской революции – в отставке. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Турции, позднее в Германии и Франции.

16

...Вырубова Анна Александровна (урожд. Танеева, 1884–1964), фрейлина (1904), ближайшая подруга императрицы Александры Фёдоровны, мемуаристка. Считалась одной из самых горячих почитательниц Григория Распутина. С 1920 – в эмиграции в Финляндии.

17

...Адрианов Александр Александрович (1861–1918), генерал-майор Свиты е.и.в. (1912). С 14.02.1907 по 30.05.1915 – московский градоначальник, ушел в отставку по требованию министра внутренних дел Н. А. Маклакова в связи с немецкими погромами 25.05. – 29.05.1915 г. Умер в Москве.

18

...Белецкий Степан Петрович (1873–1918), тайный советник, сенатор. С февраля 1912 по январь 1914 – директор Департамента полиции, до 19.02.1916 – товарищ министра внутренних дел, позднее был назначен иркутским генерал-губернатором, но после отказа выехать к месту назначения был уволен. После Февральской революции до 25.11.1917 содержался в Петропавловской крепости. Расстрелян как заложник в начале красного террора.

19

...записки Белецкого... – имеется в виду брошюра-памфлет, подготовленная под руководством С. П. Белецкого: Тихменев Н. П. Генерал Джунковский в отставке. – Петроград, 1915.

20

...Орлов Владимир Николаевич (1867–1927), князь, генерал-адъютант (1915), генерал-лейтенант (1915). С 26.08.1906 по 25.08.1915 – начальник военно-походной канцелярии Е. И. В. С 16.11.1915 – помощник по гражданской части Наместника на Кавказе. После Февральской революции уволен от службы. С конца 1917 жил в имении Чаир в Крыму вместе с великим князем Николаем Николаевичем, в 1919 эмигрировал во Францию.

21

...Дрентельн Александр Александрович (1868–1925), генерал-майор Свиты е.и.в. (1916), генерал-майор. С 18.09.1909 – штаб-офицер для поручений при императорской главной квартире, с 28.11.1915 по 27.04.1917 – командир л-гв. Преображенского полка. После Февральской революции – в отставке, в гражданской войне участия не принимал, умер в Вологодской губ.

22

...Никольский Владимир Павлович (1873–1960), генерал-майор Генерального штаба (1915), с 14.08.1913 по 30.04.1917 – начальник штаба Отдельного Корпуса Жандармов, позднее – в резерве чинов при штабе Петроградского в/о. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Болгарии.

23

...Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932), действительный статский советник, член Государственного совета. В 1908–1915 гг. московский губернский предводитель дворянства, в 1914–1915 гг. главноуполномоченный Российского общества Красного Креста по эвакуации во внутренние район империи. С 05.07. по 26.09.1915 – обер-прокурор Святейшего Синода, с 04.12.1916 – председатель Постоянного совета Объединенных дворянских обществ. После Февральской революции член Всероссийского Поместного Собора (1917–1918), неоднократно подвергался арестам и ссылкам. Умер в Костроме.

24

...Григорович Иван Константинович (1853–1930), адмирал (1911), генерал-адъютант (1912), член Государственного совета. С 19.11.1911 по 28.2.1917 – морской министр. После Октябрьского переворота сотрудник Морской исторической комиссии по обобщению опыта мировой войны и боевых действий на море. С 1924 – в эмиграции во Франции.

25

...Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927), тайный советник, гофмейстер, министр иностранных дел, член Государственного совета. С 08. 11.1910 по 07.07.1916 – министр иностранных дел. После 1917 –участник Белого движения. С 1920 – в эмиграции во Франции.

26

...Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921), действительный тайный советник, гофмейстер, государственный секретарь, главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908–1915), член Государственного совета. После 1918 – участник Белого движения, в 1920 – председатель «Правительства Юга России» П. Н. Врангеля. С 1920 – в эмиграции во Франции.

27

...Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920), генерал от инфантерии, член Государственного совета. С 13.06.1915 – управляющий делами военного министерства; с 10.09.1915 по 15.03.1916 гг. военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства. После Февральской революции – председатель Особой комиссии по реорганизации армии на демократических началах и Комиссии по улучшению быта военных чинов; после Октябрьской революции – в отставке, подвергался арестам. С лета 1920 – в Красной армии.

28

...Вельяминов Александр Николаевич (1859–1953), действительный статский советник. С 27.08.1904 по 19.02.1906 – ставропольский гражданский губернатор, в 1915 – в отставке, после 1920 – в эмиграции в Бельгии (Брюссель).

29

Воейков В. Н.

30

Озеров С. С.

31

...Сережа... – имеется в виду Озеров Сергей Сергеевич (1852–1920), генерал-майор Свиты, генерал-лейтенант. В 1915–1917 гг. начальник управления

Собственного е.и.в. дворца. После Февральской революции уволен от службы. Скончался и похоронен в Москве.

32

...Гюббенет (? – 1915), ротмистр, помощник начальник Границкого отделения Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог на пограничном пункте.

33

...Мейер фон, подполковник Отдельного корпуса жандармов.

34

...Принцев, ротмистр Отдельного корпуса жандармов.

35

...Евецкий, ротмистр Отдельного корпуса жандармов.

36

...Степанов, ротмистр Отдельного корпуса жандармов.

37

...Снетюк Иван, унтер-офицер Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог.

38

...Курилов Кузьма, унтер-офицер Среднеазиатского жандармского полицейского управления железной дороги.

39

...Соломин, и.д. вахмистра Отдельного корпуса жандармов.

40

...Веденяпин, полковник Отдельного корпуса жандармов.

41

...Григорьев, подполковник Отдельного корпуса жандармов.

42

...Денисов, ротмистр Отдельного корпуса жандармов.

43

...Правигов Дмитрий Александрович (1863–1941), генерал-майор (1915). С 26.09.1913 по 22.04.1916 – помощник начальника штаба Отдельного корпуса жандармов, позднее – в резерве чинов при штабе Московского ВО. С 1917 – в эмиграции во Франции.

44

...Клыков Митрофан Яковлевич (1847–1918), генерал-лейтенант (1913), с 02.12.1914 – помощник Варшавского генерал-губернатора по полицейской части. После Февральской революции – в отставке.

45

...Петров, начальник Варшавского жандармского полицейского управления железных дорог.

46

...моей сестры... – имеется в виду Джунковская Евдокия Федоровна (1856–1935), фрейлина императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны. С 1908 состояла при великой княжне Марии Павловне. В 1915 – председательница Общины Св. Евгении Петроградского комитета попечения о сестрах милосердия Красного креста, председательница Царскосельского комитета Российского общества Красного Креста.

47

...Щербатов Николай Борисович, (1868–1943), князь, камергер (1909), действительный статский советник (1913), член Государственного совета от полтавского земства. С 05.06. по 26.09.1915 – управляющий Министерством внутренних дел. После Октябрьской революции – в эмиграции в Германии.

48

...Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918), генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1916). С 19.07.1914 – начальник штаба Юго-Западного Фронта; с 22.03. по 04.08.1915 – Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, с 04.08. по 18.08.1915 – Западного фронта. С 18.08.1915 по 02.03.1917 – начальник

штаба Верховного главнокомандующего; с 10.11.1916 по 17.02.1917 – в отпуске по болезни. С 11.03.1917 – вр. и. о. Верховного главнокомандующего; с 02.04. по 22.05.1917 – Верховный главнокомандующий, позднее – в распоряжении Временного правительства. С 11.09.1917 – в отставке. Участник Белого движения, скончался от болезни в Екатеринодаре.

49

...Эверт Алексей Ермолаевич (1857–1926), генерал-адъютант, генерал от инфантерии. С 20.08.1915 – главнокомандующий армиями Западного Фронта. После Февральской революции 11.03.1917 снят с должности и уволен от службы за болезнью с мундиром и пенсией. После Октябрьского переворота арестовывался в 1918, позднее жил в Смоленске и Верее как частное лицо.

50

...Дурново Петр Николаевич (1843–1915), статс-секретарь, министр внутренних дел, член Государственного совета. С 23.10.1905 по 22.04. 1906 – министр внутренних дел. В 1906–1915 гг. лидер группы правых в Государственном Совете. Скончался 11 сентября 1915.

51

...Юсупов Феликс Феликсович (граф Сумароков-Эльстон, старший, 1856–1928), князь, генерал-адъютант (1915), генерал-лейтенант (1915). С 05.05.1915 по 19.06.1915 главный начальник Московского в/о и до 03.09.1915 – главноначальствующий над Москвой. Позднее числился по гвардейской кавалерии. После Октябрьской революции выехал в Крым, с 1919 – в эмиграции в Италии (Рим).

52

...Мрозовский Иосиф Иванович (1857–1934), генерал от инфантерии (1913), Переименован в генерала от артиллерии (1914). С 21.05.1912 – командир Гренадерского корпуса, с 02.09.1915 по 10.03.1917 – командующий войсками Московского в/о. После Февральской революции уволен от службы. Участник Белого движения, с 1920 – эмиграции во Франции (Ницца, Париж)

53

...Крашенинников Николай Сергеевич (1857–1918), тайный советник, сенатор, член Государственного совета. В июне 1915 возглавил расследование о произошедших в Москве беспорядках. В феврале 1917 арестован и заключен

в Петропавловскую крепость, позднее освобожден. Расстрелян в октябре 1918 большевиками в Пятигорске как заложник.

54

...Арсеньев Дмитрий Сергеевич (1832–1915), генерал-адъютант (1896), вице-адмирал (1887), член Государственного совета. Участник Крымской (1854–1856) и русско-турецкой (1877–1878) войн, подавления польского восстания 1863. С 1864 по 1885 гг. состоял сначала воспитателем, а затем попечителем великих князей Сергея и Павла Александровичей. В 1882–1895 гг. начальник Николаевской морской академии и директор Морского училища, преобразованного под его управлением в Морской корпус. Умер 14 сентября 1915.

55

...Сергея... – Сергей Александрович (1857–1905), великий князь, пятый сын Александра II, погиб от бомбы, брошенной террористом Иваном Каляевым.

56

...Павел Александрович (1860–1919), великий князь, шестой сын Александра II. Расстрелян большевиками в Алапаевске.

57

...Волжин Александр Николаевич (1860–1933), действительный статский советник (1910), член Государственного совета. С 30.09.1915 – и.д. обер-прокурора Святейшего Синода, с 01.01. по 07.08.1916 – обер-прокурор Святейшего Синода. С 1918 – в эмиграции, последние годы – во Франции, в Ницце.

58

...Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918), камергер, действительный статский советник, член Государственного совета. С 26.09.1915 по 03.03.1916 – министр внутренних дел. Расстрелян во время красного террора.

59

...Татищев Дмитрий Николаевич (1867–1919), граф, шталмейстер (1912), генерал-лейтенант (1916). С 07.06.1909 по 20.10.1915 – ярославский гражданский губернатор. С 20.10.1915 – командующий Отдельным корпусом жандармов, 06.12.1916 – утвержден в должности. После Февральской революции в отставке. Расстрелян большевиками как заложник.

60

...Брюн де Сент-Ипполит Валентин Анатольевич (1871–1918), тайный советник, из дворян французского происхождения. С 03.02.1914 по 04.10.1915 – директор Департамента полиции, затем сенатор Судебного департамента.

61

...Моллов Русчу (Гавриил) Георгиевич (1867–1925), действительный статский советник. Болгарин, принял русское подданство, землевладелец Полтавской губернии. С 06.09.15 по 23.11.15 – директор Департамента полиции позднее, в 1916 – член Главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия министерства торговли и промышленности. Участник Белого движения, после 1920 – в эмиграции в Болгарии.

62

...Истомин Петр Владимирович (1877 – после 1928), с 10.08 по 17.10.1915 – товарищ обер-прокурора Св. Синода, позднее директор канцелярии заместителя на Кавказе. После Февральской революции остался в России, неоднократно арестовывался.

63

...выборщиков в Государственный Совет – имеется в виду новая система формирования верхней палаты российского парламента – Государственного совета (с 23.04.1906), при которой половина членов назначалась, а другая избиралась по 5 разрядам (куриям): от православного духовенства – 6 человек; от дворянских обществ – 18 человек; от губернских земских собраний – по одному от каждого; от академии наук и университетов – 6 человек; от совета торговли и мануфактур, биржевых комитетов и купеческих управ – 12 человек; кроме того 2 человека избирались от Финляндского сейма. Выборы были как прямыми (от губернских земских собраний) так и двухступенчатыми.

64

...Михаил Александрович (1878–1918), великий князь, младший сын императора Александра III, брат Николая II. В 1914–1916 – начальник Кавказской конной («Дикой») дивизии, с 04.02.1916 по 19.01.1917 – командир 2-го кавалерийского корпуса; позднее – генерал-инспектор кавалерии. 3 марта 1917 отказался принять российский престол до решения Учредительного собрания. Расстрелян большевиками в Алапаевске.

65

...урожденной Шереметьевской – Вульферт (Брасова) Наталья Сергеевна, также известная как княгиня Романовская-Брасова (1880–1952), морганатическая супруга великого князя Михаила Александровича.

66

...его адъютанта – вероятно, личный секретарь в. кн. Михаила Александровича Джонсон Николай (Брайан) Николаевич (1878? – 1918).

67

...Александр III (1845–1894), сын Александра II, с 1 марта 1881 – император.

68

...Голицын Владимир Владимирович (1879–1969), князь, камер-юнкер, губернский секретарь. В 1914–1917 гг. помощник московского уездного предводителя дворянства. После 1917 остался в России, подвергался репрессиям.

69

...Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918), граф, обер-егермейстер (1904), действительный тайный советник, член Государственного совета (1906–1917) русский общественный деятель, историк, коллекционер.

70

...Обухов Александр Трофимович (1861–1929), статский советник, земский начальник 2-го участка Московского уезда.

71

...Осетров Николай Александрович (? – 1935), действительный статский советник, столичный почетный мировой судья. После октябрьской революции в эмиграции во Франции (Париж).

72

...Шереметев Павел Сергеевич (1871–1943), граф, коллежский советник (1906), камергер (1910), русский общественный деятель, историк и художник. В 1914–1916 гг. состоял в ополчении. После Октябрьской революции до 1927 года был заведующим музеем-усадьбой Остафьево.

73

...Базилевский Петр Александрович (1855–1920), действительный статский советник (1910). В 1905–1914 гг. предводитель дворянства Московского уезда, с сентября 1915 – предводитель дворянства Московской губернии.

74

...Тучков Павел Александрович (1862–1918), камергер, действительный статский советник. В 1914–1917 – член Московского губернского комитета помощи раненым воинам.

75

...Янов Платон Алексеевич, камергер, действительный статский советник. В 1914–1916 гг. предводитель дворянства Серпуховского у. Московской губ.

76

...«Русские Ведомости» – российская общественно-политическая газета, выходившая в Москве в 1863–1918 гг. Орган либеральной московской профессуры и земских деятелей.

77

...Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957), присяжный поверенный, член Государственной думы II, III и IV созывов. С 1917 – в эмиграции.

78

Н. Ф. Джунковский.

79

...брату... – Джунковский Николай Федорович (1846–1916), егермейстер, тайный советник (1915). Был членом Совета наместника на Кавказе от министерства финансов. Женат на Джунковской (урожд. Винер) Елизавете Владимировне (1862–1928).

80

...Сенько-Поповский Леонид Андреевич (Александрович) (1883–1931), коллежский асессор, подполковник. В 1911–1916 гг. чиновник особых поручений при министре внутренних дел, откомандирован в распоряжение товарища министра внутренних дел и командира отдельного корпуса жандармов; и. о. секретаря при ген.

П. Г. Курлове и ген. В. Ф. Джунковском, в 1916–1917 гг. и. о. Черноморского вице-губернатора. Участник Белого движения. С 1920 – в эмиграции в Греции, позднее – во Франции.

81

Л. А. Бардин.

82

...начальник Владикавказского жандармского управления... – имеется в виду Бардин Леонид Алексеевич (1864–1936), генерал-майор (1916). С 19.01.1915 до февраля 1917 – начальник Владикавказского жандармского полицейского управления железных дорог. Участник Белого движения. С 1920 – в эмиграции в Югославии, позднее – во Франции.

83

...машина Бенца... – «Бенц» марка автомобиля по имени создателя Карла Бенца. Существовала самостоятельно до 1926 г., когда «Бенц» и «Даймлер» слились в один концерн, выпускающий автомобили под маркой «Мерседес-Бенц».

84

...Анастасия Николаевна (Стана Петрович-Негош, 1868–1935), принцесса Черногорская, дочь короля Николы I Черногорского и его жены Милены Вукотич, великая княгиня, с 1907 – супруга великого князя Николая Николаевича (младшего). В первом браке герцогиня Лейхтенбергская (1888–1906), супруга герцога Г. М. Лейхтенбергского.

85

...Петерсон Николай Леонидович (1866–1920), гофмейстер, действительный статский советник, сенатор, с 06.12.1913 – помощник по гражданской части наместника на Кавказе. Участник Белого движения, умер на о. Лемнос.

86

Г. В. Мусселиус.

87

...почтово-телеграфного округа, – вероятно, Мусселиус Герман Васильевич, действительный статский советник, начальник Тифлисского почтово-телеграфного округа.

88

...Ганешин Сергей Никитович (1852–1933), купец 1-й гильдии Московской губ. В 1905 открыл отель-пансион в Кисловодске, в 1914 пансион был преобразован в санаторий, а в 1916 был единственным в Кисловодске частным лечебным учреждением, куда был проведен нарзан.

89

Е. Ф. Джунковская.

90

...Сомов Сергей Михайлович (1854–1924), действительный статский советник (1907), гофмейстер (1917), последний в истории член Государственного совета по назначению (1917). С 14.02.1914 – петроградский губернский предводитель дворянства. После октября 1917 – в эмиграции в Германии.

91

...Марков 2-й... – Марков Николай Евгеньевич (1866–1945), публицист, политик правых взглядов, член III и IV Государственной думы. Монархист, один из лидеров черносотенцев. С 1910 г. председатель главного совета Союза русского народа. После революции 1917 года – участник Белого движения. С 1920-х годов находился в эмиграции, продолжив политическую деятельность в православно-монархическом русле.

92

...племянницей Н. Н. Шебашевой... – Шебашева Надежда Николаевна, племянница В. Ф. Джунковского – дочь Е. Ф. Джунковской и Н. Шебашева.

93

...Ткаченко Петр, в 1914–1915 гг. слуга и денщик В. Ф. Джунковского.

94

Далее текст по ГА РФ. Ф.826. Оп.1. Д.58. Л. 313–354.

95

...Кондзеровский (Кондырев-Кондзеровский) Петр Константинович (1869–1929), генерал-лейтенант (1914). С 19.07.1914 – дежурный генерал при Верховном главнокомандующем. Участник Белого движения. С 1919 – в эмиграции в Финляндии, позднее во Франции.

96

...Арцымович Михаил Викторович (1859–1933), шталмейстер (1912), действительный статский советник (1899), сенатор. С 19.12.1911 по 1915 – витебский гражданский губернатор. После Октябрьской революции в эмиграции в Латвии.

97

...Шульц Александр Робертович (1869 –?), полковник (1912). С 11.06.1913 по 1917 – начальник Витебского губернского жандармского управления.

98

...Пильц Александр Иванович (1870–1944), действительный статский советник (1911), с 15.03.1910 до февраля 1916 – могилевский губернатор. Участник Белого движения. С 1920 – в эмиграции в Болгарии, погиб во время 2-й мировой войны.

99

...Гирс Алексей Федорович (1871–1858), камергер, действительный статский советник. С 26.11.1912 по 30.04.1915 минский гражданский губернатор, позднее – нижегородский губернатор. После Февральской революции в эмиграции в Эстонии, с 1924 – во Франции (Париж).

100

А. А. Скалон.

101

...полицмейстер Минска... – имеется в виду Скалон Алексей Александрович (1860 –?), полковник.

102

...Квевцинский Михаил Федорович (1866–1923), генерал-лейтенант (1915). С 21.09.1915 по 03.04.1917 – начальник штаба армий Западного фронта, позднее

командующий 3-й армией, с 11.08.1917 – в резерве. Участник Белого движения. С 1920 – в эмиграции в Швеции, позднее – в Норвегии.

103

П. П. Лебедев.

104

...генерал-квартирмейстер Западного фронта – Лебедев Павел Павлович (1872–1933), генерал-майор (1915). 10.09.1915 по 18.04.1917 – генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта. С мая 1918 – в Красной армии.

105

...Апухтин Александр Николаевич (1862–1928), генерал-лейтенант (1914). С 19.07.1914 по 15.04.1917 – командующий, позднее – начальник 68-й пехотной дивизии, с 22.04.1917 – в резерве чинов при штабе Петроградского в/о. С 1918 – на службе в РККА. Умер и похоронен в Ташкенте.

106

...Смирнов Владимир Васильевич (1849–1918), генерал от инфантерии. С 20.11.1914 – командующий 2-й армии. В марте 1917, после смещения А. Е. Эверта, исполнял обязанности главнокомандующего армиями Западного фронта, продолжая оставаться командующим 2-й армией, с 22.04.1917 – член Военного совета, позднее в отставке. Расстрелян большевиками как заложник.

107

И. И. Попов.

108

...начальнику штаба 10-й армии – Попов Иван Иванович (1866–1918), генерал-лейтенант (1916). С 04.03.1915 по 14.10.1916 – и.д. начальника штаба 10-й армии, позднее – начальник 32-й пехотной дивизии. После Октябрьской революции возглавил антибольшевистскую военную организацию в Казани, был арестован и расстрелян.

109

Д. П. Троцкий.

110

...молодой начальник дивизии – имеется в виду Троцкий Дмитрий Павлович (1861 –?), генерал-лейтенант (1917). С 25.08.1915 – командующий 65-й пехотной дивизией, утвержден в должности 14.07.1917.

111

А. Е. Редько.

112

...8-й Сибирской... начальник дивизии – Редько Алексей Ефимович (1862 –?), генерал-лейтенант (1915). Участник русско-японской войны (1904–1905). С 23.07.1910 по 19.07.1914 – начальник 4-й Туркестанской стрелковой бригады, 19.07.-07.08.1914 – командующий 14-й Сибирской стрелковой дивизией, с 07.08.1914 – командующий 8-й Сибирской стрелковой дивизией, с 22.01.1915 по 06.04.1917 – начальник той же дивизии, с 06.04.1917 – командир 3-го Сибирского армейского корпуса. В июле 1917 покинул пост по требованию взбунтовавшихся солдат.

113

...Радкевич Евгений Александрович (Родкевич, 1851–1930), генерал от инфантерии (1912). С 25.4.1915 по 12.12.1916 – командующий 10-й армией, с 25.4.1917 – помощник главнокомандующего войсками Петроградского в/о. В 1918–1923 гг. на службе в РККА.

114

В. О. Трофимов.

115

...командира 3-го Сибирского армейского корпуса – Трофимов Владимир Онуфриевич (1860–1924), генерал-лейтенант (1914). С 08.08.1914 – начальник 7-й Сибирской стрелковой дивизии 3-го Сибирского армейского корпуса. Отличился во время августовской операции 01. – 02.1915, возглавив отступление частей 3-го Сибирского и 26-го армейских корпусов. С 25.04.1915 по 06.04.1917 – командующий 3-й Сибирский армейским корпусом. Награжден георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й ст. (1915). 01.08.1917 уволен от службы. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Югославии.

116

...Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920), член II и IV Государственной думы, один из инициаторов создания Союза русского народа, участник убийства Г. Распутина. В 1914 г. создал санитарный отряд, включавший питательный пункт и передвижную аптеку с походной библиотекой.

117

П. М. Воробьев.

118

...начальнику штаба... – Воробьев Петр Михайлович (1855–1918), генерал-лейтенант (1916). с 29.03.1915 по 01.02.1917 – начальник штаба 3-го Сибирского корпуса. С 1918 – участник Белого движения.

119

...Романов Владимир Романович (1868 – после 1920), генерал-майор (1915). С мая 1915 – командир бригады 8-й Сибирской стрелковой дивизии, с 07.12.1915 по 17.01.1917 – начальник штаба 44-го армейского корпуса. Участник Белого движения на востоке России.

120

...Мещеринов Павел Григорьевич (1867 –?), генерал-майор (1915). С 01.09.1915 по 26.05.1917 командир 8-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, позднее – инспектор артиллерии 42-го армейского корпуса. В 1918 – в гетманской армии.

121

Н. Г. и С. Г. Мещериновы.

122

...его братьев-преображенцев – братья генерала П. Г. Мещеринова: Николай Григорьевич (1864–1935), полковник л. – гв. Преображенского полка и Сергей Григорьевич (? – после 1954), капитан л. – гв. Преображенского полка.

123

Лишь самое необходимое (фр.).

124

...Радзин (Радзинь) Петр Карлович (1880–1930), полковник Генерального штаба (1917), генерал латвийской службы (1920). В 1915 – подполковник, с 06.12.1915 – и.д. начальника штаба 8-й Сибирской стр. дивизии, в 1916–1917 гг. и.д. начальника штаба 61-й пех. дивизии. С 1919 – в латвийской армии.

125

...Константинов, капитан, старший адъютант по хозяйственной части штаба 8-й Сибирской дивизии.

126

Солдаты-гранатометчики.

127

...Веревкин Пётр Владимирович (1862–1946), егермейстер, действительный статский советник (1914). В 1912–1916 гг. виленский гражданский губернатор. Позднее в эмиграции во Франции.

128

...«чемоданов»... – имеются в виду тяжелые артиллерийские снаряды калибра свыше 120 мм.

129

...Гучков Александр Иванович (1862–1936), действительный статский советник, один из создателей и председатель ЦК партии «Союз 17 октября»; председатель III Государственной думы. С июля 1915 председатель Центрального военно-промышленного комитета; с лета 1915 один из лидеров Прогрессивного блока; с сентября 1915 член Особого совещания по обороне государства, возглавлял Комиссию по пересмотру норм санитарного и медицинского снабжения армии. С 02.03.1917 по 02.05.1917 – военный и морской министр. Участник Белого движения, с 1919 в эмиграции во Франции.

130

В. И. Гедройц.

131

...женщина – врач-хирург... – скорее всего Гедройц Вера Игнатьевна (1870–1932), княжна, одна из первых женщин в мире, получившая звание профессора хирургии и возглавившая хирургическую кафедру, участница Русско-японской войны, прозаик и поэтесса Серебряного века.

132

...хирургом был американец... – возможно, Гроу Малколм (1887–1960), в 1915 году приехавший по приглашению своего друга-хирурга в Россию, где работал в госпитале, затем был принят на службу в русскую армию в качестве военного врача.

133

...Чаплина Александра Александровна, урожденная фон-Галлер, вторая жена Н. Д. Чаплина.

134

Н. Д. Чаплин.

135

...товарищ министра юстиции – Чаплин Николай Дмитриевич (1852 – после 1932), действительный тайный советник (1916), сенатор (1905). С 06.05.1905 по февраль 1917 – управляющий Межевой частью на правах товарища министра юстиции.

136

И. Г. Щегловитов.

137

...Петр Великий – Петр I (1672–1725), царь (с 1682), император (с 1721).

138

...сводного Осовецкого корпуса – имеется в виду временное соединение в составе 57-й и 111-й пехотных дивизий под командованием генерал-лейтенанта Бржозовского Николая Александровича (1857– не ранее 1920).

139

...Аппарат оказался действительно совершенно новеньким – имеется в виду многоцелевой самолет Альбатрос С–III с мотором Мерседес 160 л. с.

140

...фотографический аппарат – длиннофокусный аппарат со шторно-щелевым затвором, производства немецкой фирмы Герц-Аншютц.

141

...Святополк-Мирский Михаил Николаевич (1870–1938), князь, камергер. В 1915–1917 гг. уполномоченный Гродненского передового санитарного отряда РОКК. После 1918 – в эмиграции в Болгарии, позднее в Польше.

142

Г. дв. – здесь и далее – господский двор.

143

М. М. Карин.

144

...дивизионного интенданта – Карин Михаил Михайлович (1867–1919), генерал-майор (1915). С 13.05.1915 по 27.02.1917 – дивизионный интендант 9-й Сибирской стрелковой дивизии. Расстрелян большевиками.

145

...на час времени подвешивали – имеется в виду наказание, практикуемое немецкой лагерной администрацией для военнопленных, подвешивание за связанные руки к столбу.

146

Ф. В. Костяев.

147

...Командир полка... – Костяев Федор Васильевич (1878–1925), генерал-майор (1917), в 1915 – полковник, командир 32-го Сибирского стрелкового полка, с 08.02.1917 – начальник штаба 17-й Сибирской стрелковой дивизии, позднее начальник штаба 1-го Сибирского армейского корпуса. С 1918 – в РККА.

148

...пушка Гочкиса – 47-мм скорострельная пушка Гочкиса – нарезная казнозарядная скорострельная корабельная пушка, разработанная французской фирмой (Hotchkiss et Cie) и принятая на вооружение в Российском флоте в 1888. В 1-й мировой войне, когда война приобрела позиционный характер, армии потребовалась лёгкая и отличающаяся высокой точностью стрельбы траншейная пушка. В гражданских мастерских или силами воинских частей под пушки начали изготавливать деревянные колёсные лафеты. Орудия на таких лафетах считались самым действенным оружием против пулемётов противника, но из-за тяжёлого ствола и сильного отката лафет часто ломался.

149

По нарастающей.

150

П. П. Оссовский.

151

...дивизионного врача... – Оссовский Петр Петрович (1871 – после 1934), статский советник, выпускник Военно-медицинской академии.

152

П. А. Мансуровский.

153

...благочинного дивизии... – имеется в виду Мансуровский Павел Андреевич (1876 – после 1930), протоиерей, в 1915–1916 гг. благочинный 8-й Сибирской стрелковой дивизии. После революции подвергался репрессиям.

154

...Московская Практическая академия коммерческих наук – среднее учебное заведение для подготовки коммерсантов в Российской империи. Основано в 1810, начиная с 1844 года занимало дом Дурасовых на Покровском бульваре. Расформирована в 1917.

155

...Общество любителей коммерческих знаний – общество, учрежденное в 1810 году для финансирования Практической академии наук. В 1910 году в обществе состояло 96 действительных членов, в т. ч. представители крупнейших московских предпринимательских семей: Абрикосовы, Бурышкины, Гучковы, Коншины, Кокоревы, Кузнецовы, Рябушинские и др.

156

...Реформатский Александр Николаевич (1864–1937), известный российский и советский ученый-химик. В 1906–1916 гг. директор Московской практической академии. После 1917 – декан физико-математического факультета МГУ, декан химико-фармацевтического факультета 2-го МГУ, заслуженный деятель науки РСФСР (1935).

157

...Карпова Мария Дмитриевна (урожд. Лепешкина, 1876–1943), жена Карпова Тимофея Геннадиевича, оба – члены Московского благотворительного общества.

158

...Корибут-Дашкевич Ольга Викторовна, сестра милосердия.

159

...в Молодечно на царском смотре... – императорский смотр состоялся 22 декабря 1915 в районе станции Уша в районе г. Молодечно.

160

...Климович Евгений Константинович (1871–1930), генерал-лейтенант (1916). С июня 1915 – московский градоначальник, с 14.02. по 15.09.1916 – директор Департамента полиции. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Югославии (Белград).

161

...Лавринович Василий Евдокимович, прапорщик, в 1915 – офицер штаба 8-й Сибирской стрелковой дивизии.

162

А. В. Хвостов.

163

...Новый министр МВД... – имеется в виду Хвостов А. Н. См. примеч. 55.

164

...Центральный кооперативный комитет... – имеется в виду Центральный комитет кооперативов Московской губернии.

165

...Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), князь, член I, III, IV Государственной думы, министр-председатель и министр внутренних дел Временного правительства. С 30.06.1914 – главноуполномоченный Всероссийского Земского союза помощи больным и раненым воинам, с 1915 – председатель Главного комитета Земского и Городского союзов по снабжению армии (Земгор). С 1918 – в эмиграции во Франции.

166

...Челноков Михаил Васильевич (1863–1935), потомственный почетный гражданин, один из лидеров кадетской партии, член Государственной думы II, III и IV созывов. С сентября 1914 – главноуполномоченный Всероссийского союза городов, в ноябре 1914 – марте 1917 московский городской голова. Участник Белого движения, с 1919 – в эмиграции в Сербии.

167

...Ольховский Петр Дмитриевич (1852–1936), генерал от инфантерии (1910). С 22.04.1915 – в распоряжении Верховного главнокомандующего, с 19.06.1915 – главный начальник Московского в/о. После Февральской революции в отставке, с 1918 – в эмиграции во Франции (Париж).

168

...Спиридович Александр Иванович (1873–1952), генерал-майор (1915). С 01.01.1906 по 15.08.1916 – начальник охраны в Царском Селе. В 1911 был в числе лиц, признанных по итогам расследования сенатора Трусевича ответственными в убийстве П. А. Столыпина. Избежал суда благодаря личному вмешательству Николая II. В 1916 был назначен градоначальником в Ялту. С 1919 – в эмиграции во Франции, после 1950 – в США.

169

...Макарова... – имеется в виду вторая жена А. И. Спиридовича.

170

...Назанский Владимир Иванович (1877–1939), полковник (1915). В 1910–1914 гг. бакинский полицмейстер, с июня 1915 – помощник московского градоначальника. Участник Белого движения. С 1920 – в эмиграции во Франции.

171

...«Медведя» или в «Праге»... – рестораны в Петербурге: «Медведь» на Конюшенной улице и «Прага» на Арбатской площади.

172

...Баржили Николай Александрович (1865 –?), камергер, статский советник, в 1914–1917 гг. уполномоченный Гродненского передового перевязочного отряда РОКК.

173

...Михалков Александр Владимирович (1856–1915), сын помещика Московской, Костромской и Ярославской губерний, коллекционера и библиофила В. С. Михалкова (1817–1900).

174

...Баженов Николай Николаевич (1857–1923), в 1904–1916 гг. главный врач Московской Преображенской психиатрической больницы. В 1914 г. возглавил сводный эвакогоспиталь в Москве, в 1915 – уполномоченный РОКК на Кавказском фронте. В 1917–1923 работал в Бельгия, умер в Москве.

175

...его детей... – имеются в виду Владимир (1886–1932), Марица (1883–1966) и Ольга (1894–1972) Михалковы.

176

...Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917), действительный тайный советник, сенатор, член Государственного совета. В апреле – июле 1906 и с января 1914 по январь 1916 гг. председатель Совета министров. После Февральской революции был арестован, позднее освобожден. Убит при разгроме имения.

177

...Штюмер Борис Владимирович (1848–1917), тайный советник, член Государственного совета. С 20.01.1916 по 10.11.1916 – председатель Совета министров, одновременно министр внутренних дел, а с 07.07 по 10.11.1916 – министр иностранных дел. В ходе Февральской революции помещен в Петропавловскую крепость, где и скончался 20 августа 1917.

178

...Столыпин Пётр Аркадьевич (1862–1911), выдающийся государственный деятель, сторонник ограниченной монархии, в 1906–1911 гг. председатель Совета министров и министр внутренних дел, осуществил ряд экономических реформ. Был смертельно ранен эсером Д. Г. Богровым в Киеве и скончался 18 сентября 1911 г.

179

...в грязной истории «Ржевский – Симонович» – имеется в виду неудачная попытка министра внутренних дел А. Н. Хвостова организовать убийство Распутина с помощью директора Департамента полиции С. П. Белецкого и заведующего охраной Распутина М. С. Комиссарова. Убедившись в их нежелании участвовать, Хвостов привлек журналиста Б. Ржевского, приняв его на службу в МВД. Но Белецкий организовал арест Ржевского и узнал о планах Хвостова. Информация дошла до Распутина, А. А. Вырубовой, а через неё – до императорской четы. Разразился громкий скандал.

180

...Манусевич-Мануйлов Иван Федорович (1869–1918), отставной коллежский асессор, журналист, сотрудник Департамента полиции. В 1916 – чиновник особых поручений при премьер-министре Б. В. Штюмере, посредник в его контактах с Г. Распутиным. Расстрелян большевиками.

181

Хвостов – министр внутренних дел. – Примеч. автора.

182

Белецкий – товарищ министра внутренних дел. – Примеч. автора.

183

Жалование председателя Совета министров. – Примеч. автора.

184

54000 р., которые получал министр вн. дел как шеф жандармов. – Примеч. автора.

185

1) [Крыжановский] – бывший тов. мин. вн. дел при Столыпине, 2) кн. Волконский, бывш. товарищ председателя Думы, затем тов. мин. вн. дел, 3) А. Б. Нейдгарт – управляющий делами Татьянинск. комитета, 4) кн. Урусов – Екатерин. губерн. предводитель, 5) Княжевич, Таврич. губерн., 6) Б. В. Штюмер, 7) Муратов, бывш. Курский и Тамбов. губернат. – Примеч. автора.

186

...«Крыж» – имеется в виду Крыжановский Сергей Ефимович (1862–1935), тайный советник (1907), статс-секретарь (1916). В 1906–1911 гг. товарищ министра внутренних дел, в 1911–1917 гг. государственный секретарь. С 1918 – в эмиграции в Финляндии. С 1920 – во Франции.

187

«Думский любимец»... – Волконский Владимир Михайлович (1868–1953), князь, действительный статский советник (1912), член III и IV Государственной думы. С 27.07.1915 по 03.01.1917 – назначен товарищем министра внутренних дел. Участник Белого движения. С 1919 – в эмиграции в Германии.

188

...«Беженец» – Нейдгарт Алексей Борисович (1863–1918), действительный статский советник, член Государственного совета. С 1914 председатель Комитета великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Расстрелян большевиками.

189

...Столыпина Ольга Борисовна, урожденная Нейдгарт (1865–1944), жена П. А. Столыпина.

190

«Урус» – Урусов Николай Петрович (1864–1918), князь, шталмейстер (1906), действительный статский советник, член Государственного совета. С 20.02.1908 – екатеринославский губернский предводитель дворянства, в 1914–1916 гг. главноуполномоченный РОКК при Черноморском флоте. Расстрелян как заложник.

191

«Княжич» – Княжевич Николай Антонович (1871–1950), генерал-майор Свиты е.и.в. С 09.10.1912 – командир 2-й бригады 8-й кавалерийской дивизии, награжден георгиевским оружием (1915). С 14.11.1914 – Таврический губернатор, с 11.01.1917 – Одесский градоначальник. С 1918 – в эмиграции.

192

«Первач» – Штюмер Б. В. См. примеч. 150.

193

«Мурат» – Муратов Николай Павлович (1867 – после 1930), действительный статский советник, член Государственного совета. В 1906–1912 гг. тамбовский губернатор, в 1912–1915 гг. курский губернатор, с января 1915 – член совета министерства внутренних дел, занимался организацией снабжения Действующей армии. После революции остался в России, репрессирован.

194

...Пучков Сергей Васильевич (1856–1926), в 1906–1918 гг. главный врач полицейской (Александровской) больницы, в 1914–1917 гг. заместитель председателя комиссии по устройству в Москве основного склада Красного Креста, с 1914 – попечитель Московского городского Братского кладбища.

195

...Челноков Василий Михайлович (1890–1938), сын М. В. Челнокова, участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Сербии.

196

...Раттур А. Г., в 1915–1917 гг. уполномоченный Комитета московских городских служащих для оказания помощи больным и раненым воинам.

197

...Костров Л. В., в 1915–1917 гг. служащий Комитета московских городских служащих для оказания помощи больным и раненым воинам.

198

Далее печатается по ГА РФ. Ф.826. Оп.1. Д.58. С.49-319

199

Pas d'Espagne – модный салонный танец.

200

...Костров Л. В., в 1915–1917 гг. служащий Комитета московских городских служащих для оказания помощи больным и раненым воинам.

201

...он был механиком... – возможно, имеется в виду механик Талич, обеспечивавший полеты С. И. Уточкина в 1910–1911 гг.

202

...Уточкин Сергей Иванович (1876–1916), один из первых русских авиаторов и лётчиков-испытателей, многосторонний и талантливый спортсмен-фехтовальщик, пловец, яхтсмен, боксер, футболист, вело-, мото- и автогонщик начала 20-го века.

203

...Костров Л. В., в 1915–1917 гг. служащий Комитета московских городских служащих для оказания помощи больным и раненым воинам.

204

...Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927), граф, генерал-адъютант (1896), генерал от кавалерии (1901), министр императорского двора и уделов (1897–1917), член Государственного совета. С 14.06.1898 по 28.03.1917 – командующий Императорской главной квартирой, позднее в отставке. С 1924 – в эмиграции в Финляндии.

205

...Матвеев Николай Алексеевич (? – 1930), ротмистр, с 1909 по 1917 гг. бранд-майор Московской пожарной команды, с 1918 – в пожарной охране г. Москвы.

206

...Лист Отто Адольфович, потомственный почетный гражданин г. Москвы, в 1916–1917 гг. директор акционерного общества «Густав Лист».

207

Е. П. Климович.

208

...жену – имеется в виду Климович Екатерина Петровна (урожд. Тютчева) (1876–1943).

209

...широкая колея на Архангельск – имеется в виду завершение строительства второй колеи от Вологды до Архангельска, что значительно упростило доставку военных грузов, прибывающих морским путем в порт Архангельска.

210

...Родзянки... – Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), действительный статский советник (1906), гофмейстер (1899), лидер партии Союз 17 октября (октябристов). Председатель Государственной думы 3-го и 4-го созывов. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Югославии.

211

...Кондратович Киприан Антонович (1859–1932), генерал от инфантерии (1911). С 25.11.1915 – в резерве чинов при штабе Минского в/о, с августа 1917 командовал 75-й пех. дивизией. С 1917 – активный участник воссоздания белорусской государственности, в 1918–1919 гг. и.о. министра обороны. С 1920 – в эмиграции в Польше.

212

...Жданко Александр Ефимович (1858–1917), генерал-лейтенант (1915). С 19.07.1914 по 23.11.1916 – командующий 64-й пехотной дивизией), позднее – в резерве чинов при штабе Киевского в/о. Умер от болезни в Киеве.

213

Т. О. Жданко.

214

...жил с женой – имеется в виду Жданко Тамара Осиповна (урожд. Доливо-Добровольская, 1877–1962), вторая супруга с 1904.

215

А. А. Орлов.

216

...начальником инженеров армии – Орлов Александр Александрович, в 1916 – полковник, с 23.04.1916 – начальник инженеров 10-й армии.

217

Н. Н. Соколов.

218

...начальнику штаба – Соколов Николай Николаевич, подполковник, с 29.02.1916 – и.д. начальника штаба 8-й Сибирской стр. дивизии.

219

...министр юстиции – Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918), статс-секретарь е.и.в. (1911), действительный тайный советник (1914), член Государственного совета. С 24.04.1906 по 06.07.1915 – министр юстиции, позднее – председатель Государственного совета. После Февральской революции содержался под арестом в Петропавловской крепости. Расстрелян большевиками как заложник в ходе красного террора 5 сентября 1918.

220

Н. Я. Худыковский.

221

...и дивизионным врачом – Худыковский Николай Яковлевич (1886–1945), статский советник, с 1914 – старший врач 11-й Сибирской артиллерийской бригады, позднее – 8-й Сибирской стрелковой дивизии. Участник Белого движения в Сибири. С 1923 – в эмиграции.

222

...пулеметов Кольта... – имеется в виду ручной пулемет Кольт-Браунинг обр. 1895–1914 (т. н. «русский заказ») под трехлинейный патрон 7.62 мм. Состоял на вооружении российской армии в период 1-й мировой войны.

223

...Матвеев Сергей Иванович, в 1916–1917 гг. помощник московского уездного предводителя дворянства; Матвеева Александра Федоровна, его супруга.

224

...Елизавета Федоровна (1864–1918), принцесса Гессен-Дармштадтская, великая княгиня, супруга великого князя Сергея Александровича, основательница Марфо-Мариинской обители в Москве. Убита большевиками в Алапаевске, канонизирована в 1992.

225

...Молоствов Константин Владимирович (1869 –?), полковник (1915). В 1906–1916 гг. состоял для поручений при начальнике Главштаба сверх штата. После 1918 – в эмиграции в Китае.

226

...Хрулева Лидия Николаевна, в 1916 – сестра милосердия общины РОКК, вдова тайного советника.

227

...Штемпель фон Елизавета Николаевна, баронесса, сестра милосердия Петроградской общины РОКК.

228

...Шлиппе Фёдор Владимирович (1873–1951), директор департамента министерства земледелия. В 1913–1915 гг. председатель Московской губернской земской управы, в 1914–1917 – товарищ главноуполномоченного Всероссийского земского союза. После 1917 года – в эмиграции в Германии.

229

...Витте Сергей Юльевич (1849–1915), граф, в 1892–1903 гг. министр финансов, с августа 1903 – председатель Комитета министров, с октября 1905 по апрель 1906 – глава Совета министров, член Государственного совета.

230

...Муравьев Николай Валерианович (1850–1908), государственный секретарь, министр юстиции, член Государственного совета. С 01.01.1894 по 14.01.1905 – министр юстиции и генерал-прокурор.

231

Оговорка, Петроградом город стал называться с 1914 г.

232

...Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), сенатор (1868), член Государственного совета, в 1880–1905 гг. обер-прокурор Святейшего синода.

233

...Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), сенатор (1868), член Государственного совета, в 1880–1905 гг. обер-прокурор Святейшего синода.

234

П. К. Радзин.

235

Б. М. Зиневич.

236

...командующего полком... – Зиневич Бронислав Михайлович (1874 – после 1922), полковник (1915). В июне-августе 1916 г. командующий 31-м Сибирским стрелковым полком, с 11.1916 по 11.11.1917 – командир 534-го пехотного Новокиевского полка. Участник Белого движения в Сибири, позднее принят в РККА, репрессирован.

237

...Антонов, в 1916 – подполковник, председатель комиссии 31-го полка 8-й Сибирской стрелковой дивизии.

238

...Гернгросс Александр Алексеевич (1851–1925), генерал от инфантерии (1910). С 15.08.1914 по 28.12.1916 – командир 26-го армейского корпуса.

239

...Братанов Василий Николаевич (1862 –?), генерал-лейтенант (1915). В 1915–1917 гг. командующий 7-й Сибирской стр. дивизией. С 1918 – в РККА.

240

Д. П. Троцкий и С. К. Добrorольский.

241

...двумя начальниками дивизий – имеются в виду начальники 65-й и 78-й дивизий: Троцкий Д. П. и Добrorольский Сергей Константинович (1867–1930), генерал-лейтенант (1914). В 1914 г. начальник штаба 3-й армии; с 03.06.1915 – начальник 78-й пех. дивизии; в 1917 – командир 55-го, затем 10-го армейских корпусов. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Германии.

242

Д. Хард.

243

...главный врач Гродненского отряда – Хард Д., британский хирург на русской службе.

244

П. М. Метляев.

245

...старшим адъютантом штаба – Метляев Петр Михайлович, в 1916 – подпоручик, старший адъютант штаба 8-й Сибирской стр. дивизии.

246

...Хрипунов А. С., прапорщик, в 1916 – ординарец начальника 8-й Сибирской стрелковой дивизии.

247

...«Северо-помощь» – санитарно-благотворительная организация, созданная в 1915 по инициативе члена Государственного совета С. И. Зубчанинова. Занималась эвакуацией населения из губерний в полосу Северо-Западного, позднее – Западного фронтов. Было развернуто: 295 питательных станов, 72 больницы, 73 амбулатории, 47 школ, аптеки, бани, жилые бараки, детские приюты.

248

...Соколов Николай Николаевич, см. прим. 15 к 1916 г.

249

...государь посетил Думу... – 9 февраля 1916 г.

250

...Питирим... – в миру Павел Васильевич Окнов (1858–1920), в 1915–1917 гг. митрополит Петроградский и Ладужский. Имел репутацию ставленника Распутина и был смещен с кафедры после Февральской революции.

251

...Андросов Константин Николаевич, в 1912–1916 гг. чиновник особых поручений при московском губернаторе.

252

...Зуров Александр Александрович (1863–1937), егермейстер (1909), генерал-майор (1905). В 1907–1908 гг. командир лейб-гвардии Семёновского полка. С 1908 года – в отставке. После 1918 – в эмиграции в Польше.

253

...ВЗС – Всероссийский Земской союз помощи больным и раненым воинам, основанный 30.07.1914 на съезде уполномоченных губернских земств. Позднее Союз начал выполнять заказы главного интендантства на одежду и обувь для армии. С 1915 Земский и Городской союзы участвуют в мобилизации кустарной промышленности для снабжения армии и начинают активную политическую деятельность.

254

...Зубчанинов Сергей Иванович (1864–1935), член Государственной думы 3-го созыва, член Государственного совета, Псковский губернский предводитель дворянства (1913). В 1914–1917 гг. главноуполномоченный по устройству беженцев Северного района.

255

...Долгов Сергей Михайлович (1850 –?), почетный потомственный гражданин г. Москвы, и.д. председателя попечительского совета Московской практической академии коммерческих наук, директор Московского торгового банка.

256

...Муравьев Николай Леонидович (1866–1940), граф, егермейстер (1909), тайный советник (1916), сенатор. С 04.10.1908 по 12.02.1913 – полтавский гражданский губернатор, с 13.02.1913 по 06.05.1916 – московский губернатор. После Февральской революции в эмиграции в Бельгии.

257

А. Н. – здесь и далее А. Н. Реформатский.

258

...Оболешев Николай Николаевич (1868–1920), генерал-лейтенант (1915). С 19.07.1914 по 02.1917 – начальник штаба Московского в/о. С 1918 – в РККА, неоднократно арестовывался.

259

...Крикопуло Иван Константинович (1878 –?), полковник Отдельного корпуса жандармов. С 18.06.1915 г. начальник Борисовского отделения Московско-Рижского жандармского полицейского управления железных дорог. Участник Белого движения. С 1920 – в эвакуации в Югославии.

260

...Томилин Клавдий Николаевич (1871–1947), потомственный почетный гражданин г. Москвы. В 1915–1916 гг. член правления «Общества средних торговых рядов», основатель пос. Томилино.

261

...Усачев Василий Васильевич, в 1916 – член попечительского совета Московской практической академии коммерческих наук.

262

...Волков Александр Александрович (1876–1919), в 1916–1917 гг. приват-доцент Московского университета, преподаватель математики на Высших женских курсах и Московском техническом училище.

263

...Высших женских курсах – имеются в виду Московские высшие женские курсы (курсы В. И. Герье).

264

...Чаплыгин Сергей Алексеевич (1869–1942), российский и советский ученый, механик и математик, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда.

265

...Барков Александр Сергеевич (1873–1953), российский и советский ученый-географ, в 1911–1925 гг. директор Флеровской гимназии.

266

...Прове Роман Иванович, почетный потомственный гражданин г. Москвы, член Московского биржевого общества.

267

...Филиппов Дмитрий Иванович, в 1916 – купец 1-й гильдии, член Общества любителей коммерческих знаний.

268

...Херсонский Леонид Александрович, в 1907–1913 гг. директор гимназии в Малаховке.

269

...Казаков Алексей Васильевич, статский советник, инспектор Императорской Московской практической академии коммерческих наук.

270

...Диомидов Михаил Иванович, протоиерей, законоучитель Московской практической академии коммерческих знаний.

271

...Пичета Владимир Иванович (1878–1947), российский и советский историк, академик АН СССР. В 1916 – преподаватель истории Московской практической академии коммерческих наук.

272

...Калитинский Александр Петрович (1880–1946), русский археолог, искусствовед. С 1919 – в эмиграции в Чехословакии, позднее – во Франции.

273

...Анучин Дмитрий Николаевич (1843–1923), русский антрополог, этнограф, географ, археолог и музеевед.

274

...в Археологическом институте... – Археологический институт был учрежден в Москве в 1907 г... Осуществили проект бывший министр народного просвещения генерал-лейтенант В. Г. Глазов и приват-доцент Харьковского университета А. И. Успенский, который и стал директором института. В 1915 г. институт переехал на Миусскую площадь. В 20-е гг. вошел в состав МГУ.

275

...университете Шанявского... – Московский народный университет имени А. Л. Шанявского основан на средства генерал-майора в отставке А. Л. Шанявского в 1908 г. В попечительский совет университета входили князь В. М. Голицын, М. М. Ковалевский, Л. А. Шанявская, М. В. Сабашников и др. После революции в здании университета на Миусской площади размещались партийные организации, с 1991 здание занимает РГГУ.

276

...гимназии Флерова... – частная мужская гимназия А. Е. Флёрва.

277

...гимназии Протопоповой... – гимназия О. Ф. Протопоповой для молодых девушек в Москве.

278

...Германова Мария Николаевна (урожд. Красовская, 1884–1940), русская актриса, супруга А. П. Калитинского. В 1902–1919 гг. артистка Московского художественного театра, с 1919 в эмиграции.

279

...Гучков Николай Иванович (1860–1935), российский предприниматель, политик и общественный деятель. В 1905–1912 гг. московский городской голова. С 1920 – в эмиграции во Франции.

280

...Шпет Густав Густавович (1879–1937), русский философ, психолог, теоретик искусства, переводчик философской и художественной литературы. Репрессирован.

281

...Гучков Константин Иванович (1865–1934), младший брат Н. И. Гучкова, предприниматель.

282

...Алексеев Александр Семенович (1861–1916), профессор, директор Московской практической академии коммерческих наук с 1896 по 1906 гг.

283

...академическом храме – имеется в виду домовая церковь Московской практической академии в том же здании на Покровском бульваре.

284

...Гулидов Владимир Платонович, полковник, (в 1916 – подполковник) 30-го Сибирского полка, с 12.12.1916 – командир 523-го пехотного, позднее 59-го Сибирского стрелкового полка.

285

...Кандырин Николай Митрофанович (1873–1920), почетный потомственный гражданин г. Москвы, член Совета Московского коммерческого училища.

286

...А. В. К. – видимо, Казаков Алексей Васильевич. См. примеч. 58 к 1916 г.

287

Эмеритальных выдач (от лат. *emeritus* – отслуживший), выплаты за выслугу или пенсионные.

288

...директор Археологического института – Успенский Александр Иванович (1873–1938), историк, доктор богословия, доктор теории и истории искусств. С 1907 по 1918 гг. профессор, директор Археологического института.

289

...Ефимов Евгений Николаевич, магистр уголовного права, в 1916–1917 гг. директор Московской практической академии коммерческих наук.

290

...директора Коммерческого института – Новгородцев Павел Иванович (1866–1924), юрист-правовед, общественный и политический деятель. В 1906–1918 гг. директор Коммерческого института, после 1919 – в эмиграции во Франции.

291

...Линсцер Герман Федорович (1874–1946), литературовед, до 1917 г. директор Тенишевского училища в Петрограде. После революции – зав. кафедрой западно-европейской литературы Казанского педагогического института.

292

...Сазонов – возможно Сазонов Михаил Павлович, в 1916 – коллежский советник, советник Московского отделения попечительства ведомства императрицы Марии Федоровны о глухонемых.

293

...Верховский Владимир Михайлович, в 1916 – коллежский советник, профессор Коммерческого института.

294

...О. Л. К. З. – Общество любителей коммерческих знаний.

295

...Военный Комитет – имеется в виду отдел управления Московского учебного округа, заведующий начальным военным образованием.

296

...Лахтин Леонид Козмич, в 1916 – действительный статский советник, заслуженный профессор Императорского Московского университета.

297

...Эпштейн Ефим Моисеевич (1864–1939), преподаватель Московского и Петербургского коммерческих институтов, член правления Азовско-Донского банка.

298

...Никитинский Яков Яковлевич (1854–1924), статский советник. В 1916 – профессор Технического училища.

299

...Смирнов Сергей Алексеевич (1883–1956), предприниматель, государственный контролёр Временного правительства (1917). С сентября 1914 – член центрального комитета Всероссийского Союза городов. С июня 1915 – заместитель председателя Московского военно-промышленного комитета (МВПК) П. П. Рябушинского, в 1916 – фактически возглавил МВПК.

300

...Сапожников Владимир Григорьевич (1843–1916), действительный статский советник (1910). С 1863 – действительный член Общества любителей коммерческих знаний, с 1883 – его казначей, в 1897–1916 гг. председатель Совета.

301

...Казанский Александр Павлович (1859 –?), профессор, в 1886–1914 гг. профессор кафедры психологии и философии Новороссийского университета.

302

...Вульф Георгий Викторович, профессор Коммерческого института.

303

...Кадужинский Гавриил Павлович, в 1916 – коллежский советник, преподаватель Московской практической академии коммерческих наук.

304

...Шуваев, в 1916 – неимущий учащийся Московской практической академии коммерческих наук.

305

Символ веры, кредо.

306

Этимися словами характеризовали главные моменты моей деятельности и члены Совета в их адресе, поднесенном мне при прощании, и преподаватели Академии в своих прощальных речах. – Примеч. автора.

307

Е. А. Реформатская.

308

...Реформатская Екатерина Андреевна, супруга Реформатского А. Н.

309

...Шелков Паисий Иванович, преподаватель коммерческой арифметики.

310

Условие (англ.).

311

...Трифон, в миру – Туркестанов Борис Петрович (Туркестанишвили, 1861–1934), епископ, митрополит (1931). В 1914 г. и.д. полкового священника 168-го пехотного Миргородского полка и благочинного 42-й пехотной дивизии. Потеряв на фронте один глаз, в 1916 г. вернулся в Москву.

312

...Ильин Алексей Александрович, почетный потомственный гражданин г. Москвы, член попечительского совета Московской практической академии коммерческих наук.

313

...Абрикосов Алексей Иванович (1824–1904), действительный статский советник, основатель кондитерской фабрики «Товарищество А. И. Абрикосова сыновей» (ныне концерн «Бабаевский»). В 1883–1897 гг. председатель попечительского совета Московской практической академии коммерческих наук.

314

...Смирнов Николай Константинович, личный почетный гражданин г. Москвы, член Общества вспомоществования бывшим воспитанникам Практической академии.

315

...Круглый, инспектор министерства просвещения.

316

П. Н. Игнатьев.

317

...министру – Игнатьев Павел Николаевич (1870–1945), граф, тайный советник, министр народного просвещения с 1915 по 1917 г. С 1920 – в эмиграции в Англии, позднее – в Канаде.

318

...Лагорио Александр Евгеньевич (1852–1917), статский советник, заведующий учебным отделом министерства торговли и промышленности.

319

Здесь и далее – Е. Н. Ефимов.

320

...Зернов Георгий Сергеевич, в 1916 – надворный советник, преподаватель Московской практической академии коммерческих наук.

321

...Петров Петр Петрович (1850–1928), действительный статский советник, преподаватель Московской практической академии коммерческих наук.

322

...издали солидный труд по технологии и товароведению... – П. П. Петровым, Я. Я. Никитинским и Ф. В. Церевитиновым в 1906–1908 гг. был издан учебник по товароведению промышленных товаров и пищевых продуктов в двух томах. В 1914–1915 гг. этот учебник был переработан и значительно расширен.

323

...Нелидов Федор Федорович, в 1916 – коллежский советник, преподаватель Московской практической академии коммерческих наук.

324

...Кузнецов Николай Дмитриевич (1863–1929), профессор церковного права, известный церковный и религиозный деятель, участник громкого процесса «Самарина-Кузнецова», инспирированного в 1920 г. советскими властями.

325

...Кузьминский Владимир Васильевич (1863 – после 1918), товарищ министра финансов (1914–1917). В годы Первой мировой войны – председатель Межведомственной комиссии при министерстве финансов по сверхсметным кредитам на надобности военного времени (1914–1917).

326

...Земляков Александр Герасимович, в 1916 – личный почетный гражданин, служащий Конторы двора великой княгини Елизаветы Федоровны.

327

...Княжевич Лидия Павловна, (урожд. Родственная,? – 1945), супруга Княжевича А. А., скончалась в эмиграции в США. Дима – Княжевич Дмитрий Александрович, сын Княжевича А. А.

328

...«соколиной» гимнастики – или «сокольской», система гимнастического воспитания, возникшая в середине XIX в. в Чехии. Для сокольской гимнастики характерна статичность, прямолинейность, резкость движений, условность поз и положений. Сокольская гимнастика была популярной в начале XX века и вновь возродилась в 1920-х гг. в среде русской эмиграции.

329

...Княжевич Александр Антонович (1869 – после 1917), камергер, статский советник. В 1913–1916 гг. чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе.

330

...Грунер Арвид Федорович (? – 1917), в 1916 – преподаватель Московской практической академии коммерческих наук.

331

...Вильтон Александр Альфредович, в 1916 – статский советник, преподаватель Московской практической академии коммерческих наук.

332

...Авинов Николай Николаевич, в 1916 – профессор Московского коммерческого института.

333

...капитал имени Зосимы – имеется в виду капитал в размере 20 тысяч рублей, который пожертвовал в 1810 году при основании Московской практической академии Зосима Зой Павлович (1757–1827), русский дворянин, коллекционер и меценат.

334

Terra incognita – неизвестная земля.

335

...Кислицын Николай Георгиевич, в 1916 – преподаватель Московской практической академии коммерческих наук.

336

Заговор (франц.).

337

...Мейер Эрнст Федорович, в 1916 – статский советник, преподаватель Московской практической академии коммерческих наук.

338

Все вместе (лат.).

339

...начальнику отделения Михайлову – Михайлов Михаил Петрович, в 1916 – действительный статский советник, начальник отделения министерства торговли и промышленности.

340

...Никуленко Михаил Федорович, (1872–1954), коллежский советник, в 1916 г. преподаватель Московской практической академии коммерческих наук.

341

...Каллаш Владимир Владимирович, (1861–1918), русский и украинский литературовед, фольклорист, библиограф, в 1916 – статский советник, преподаватель Московской практической академии коммерческих наук.

342

...училище Горбачева... – частное мужское 8-классное коммерческое училище Н. Ф. Горбачева в Москве.

343

О мертвых либо хорошо, либо ничего.

344

...Алфёров Александр Данилович (1862–1919), русский педагог, в 1917 г. и. о. комиссара средних учебных заведений в Москве. Расстрелян большевиками.

345

Доктор Штокман – герой одноименной пьесы Г. Ибсена.

346

Н. И. Астров.

347

...Астров Николай Иванович (1868–1934), мировой судья, гласный Московской городской думы, один из основателей кадетской партии. С марта 1917 – городской голова Москвы. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Англии, в Чехословакии.

348

...Шредер, в 1916 – поручик 31-го Сибирского стр. полка.

349

...Глазунов, в феврале-марте 1916 – прапорщик 31-го полка, ординарец командующего сводной группой 3-го Сибирского армейского корпуса.

350

...Никитин, в 1916 – капитан 31-го Сибирского стр. полка.

351

...Рагоза Александр Францевич (1858–1919), генерал от инфантерии (1914). С 30.08.1915 – командующий 4-й армией; в марте-апреле 1917 временно командовал армиями Румынского фронта. Участник Белого движения, расстрелян большевиками.

352

...Балуев Петр Семенович (1857–1923), генерал от инфантерии (1915). В 1914 г. командир 6-го, затем 5-го арм. корпуса. В 1916–1917 гг. вр. и.д. командующего Особой армией, позднее командующий Особой (с 02.04.1917) и 11-й (09–19.07.1917)

армиями, главнокомандующий армиями Юго-Западного (24–31.07.1917) и Западного (с 02.08.1917) фронтов. С 1919 в РККА.

353

...Плешков Михаил Михайлович (1856–1927), генерал от кавалерии (1913). С 1912 по 1917 гг. командир 1-го Сибирского армейского корпуса, руководил действиями ударной группы 2-й армии при наступлении у оз. Нарочь. Участник Белого движения на Дальнем Востоке. С 1923 в эмиграции в Китае.

354

...Рооп Владимир Аркадьевич (1876 –?), барон, подполковник. В 1914–1916 – командир 2-го дивизиона 8-й Сибирской стр. артиллерийской бригады.

355

...Надежный Дмитрий Николаевич (1873–1945), генерал-лейтенант (1917), генерал-лейтенант советской армии (1941). В 1915–1916 гг. командир бригады 10-й пехотной дивизии, позднее начальник штаба 69-й пехотной дивизии, с 13.05.1916 – командующий 10-й пехотной дивизией. С 1918 – в РККА.

356

Командир 30-го Сибирского полка. – Примеч. автора.

357

...Изюмов Александр Николаевич (1859 –?), полковник, генерал-майор (1917). В 1914–1915 гг. командующий 32-м и 29-м Сибирскими стрелковыми полками, с 16.07.1915 по 08.07.1917 – командир 30-го Сибирского стр. полка. Участник Белого движения на востоке России.

358

...Басов Кузьма Терентьевич (1862 –?), полковник, служил в 201-м пехотном Горийскоом полку, с 21.11.1915 – командир 29-го Сибирского стр. полка.

359

А. В. Щербачев.

360

...командир Колыванского полка – Щербачев Аркадий Владимирович (1873–1916), генерал-майор, в 1915–1916 гг. командир 40-го пехотного Колыванского полка. Во время Нарочской операции был тяжело ранен и скончался от ран.

361

...Люкшин Василий Григорьевич (? – 1916), подпоручик 32-го Сибирского стр. полка.

362

...Дрошин Александр Аристархович (? – 1916), штабс-капитан, командир 1-го батальона 32-го Сибирского стр. полка.

363

...Кульчицкий, в 1916 – капитан, командир 1-го батальона 31-го Сибирского стр. полка.

364

...Пширков Захар Федорович (1877 – после 1920), подполковник. В марте 1916 – штабс-капитан, командир 1-го батальона 30-го Сибирского стр. полка.

365

М. А. Соковнин.

366

...начальника штаба армии – Соковнин Михаил Алексеевич (1863–1943), генерал-лейтенант. В 1915–1916 гг. и.д. начальника штаба 2-й армии, командир 38-го армейского корпуса, с 22.04.1917 – командующий 1-й армией, с 30.07.1917 – командующий 8-й армией в составе Румынского фронта. С 1918 – в РККА.

367

...Георгий Михайлович (1863–1919), великий князь, генерал-адъютант (1909). В 1914–1917 гг. состоял при Ставке Верховного главнокомандующего.

368

...Лебедев Дмитрий Капитонович (1872–1935), генерал-майор (1917). С 07.09.1915 по 03.01.1917 – командир 26-го пехотного Могилевского полка,

позднее – и.д. гл. редактора журнала «Военный сборник» и газеты «Русский инвалид». В 1918–1922 гг. в РККА, в 1922 выехал в Эстонию.

369

...Вальтер Ричард-Кирилл Францевич (1870–1945), генерал-лейтенант (1916). С 11.10.1915 по 29.05.1916 – начальник штаба 5-го армейского корпуса, В 1916–1917 гг. командующий 7-й пех. дивизией, позднее начальник штаба Особой армии, с 10.09.1917 – начальник штаба Западного фронта. Участник Белого движения на востоке России. В эмиграции в Китае с 1921.

370

...Шебеко Вадим Николаевич (1864–1943), генерал-майор Свиты, генерал-майор (1913). С 18.10.1913 – гродненский губернатор; с 17.02.1916 – московский градоначальник; с 29.04.1917 – в отставке; с 1918 – в эмиграции во Франции.

371

...Пашенко Иван Григорьевич (1872 – после 1938), генерал-майор (1916). С 03.06.1916 – командующий 10-й арт. бригадой. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Югославии.

372

...Гашкевич Николай Яковлевич, полковник (1915). С 10.02.1916 – командир 2-го дивизиона 9-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады.

373

...Кондра Иван Николаевич (1864 –?), полковник (1914), с 19.04.1915 – командир 25-го Сибирского стрелкового полка.

374

...Пацевич Михаил Васильевич (1856–1916), полковник, с 08.09.1913 по 13.02.1916 – командир 39-го пехотного Томского полка.

375

...Бонч-Богдановский Александр Михайлович (1872 –?), генерал-майор (1916). С 27.02.1915 – командир 220-го пех. Скопинского полка, с 02.09.1916 – бригадный командир 51-й пех. дивизии, с 18.04.1917 командующий 27-й пех. дивизией. С 1918 – на службе в РККА.

376

...Ярон Владимир Иванович (1872–1919), генерал-лейтенант, начальник штабов 2-й Сибирской стр. дивизии (1916), 35-го арм. корпуса (с 29.07.1916), 1-го Сибирского арм. корпуса (с 09.09.1916), с 18.04.1917 – командующий 2-й Сибирской стр. дивизией, позднее – начальник штаба 8-й армии. Участник Белого движения в составе Добровольческой армии. Умер в Одессе.

377

...Ельчанинов Андрей Георгиевич (1868–1918), генерал-лейтенант, в 1914 – начальник штаба Новогеоргиевской крепости, с 18.05.1915 по 14.07.1917 – командующий 10-й Сибирской стр. дивизией и начальник той же дивизии. Позднее командир 8-го армейского корпуса и командующий войсками Одесского в/о правительства Центральной рады. Убит большевиками.

378

...Керенский Александр Федорович (1881–1970), член IV Государственной думы, член Временного комитета Государственной думы, товарищ председателя исполкома Петросовета. С 2 марта по 5 мая 1917 – министр юстиции, в мае-сентябре 1917 – военный и морской министр, затем – министр-председатель Временного правительства, с 30 августа одновременно Верховный главнокомандующий. В эмиграции во Франции, позднее – в США.

379

...Апарин Григорий Иванович, председатель Московского столичного попечительства о народной трезвости.

380

...Неклюдовыми – возможно, Неклюдов Григорий Николаевич (1884–1937), священник, с женой или сестрой Екатериной.

381

Я о них уже писал в своих воспоминаниях, когда они к Рождеству привозили подарки. – Примеч. автора.

382

...Василенко, в 1916 – прапорщик, позднее – поручик, ординарец начальника 8-й Сибирской стр. дивизии.

383

...Прозвицкий Митрофан Михайлович (1884 –?), полковник, в 1916–1917 гг. и.д. начальника отделения генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта.

384

...Гроссет Герман Павлович (? – 1916), в 1916 – подпоручик 32-го Сибирского стр. полка.

385

...Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926), генерал-адъютант (1911), генерал от инфантерии (1906). С 11.03.1909 по 13.06.1915 – военный министр.

386

...Верховная комиссия... – имеется в виду Верховная комиссия для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии (1915–1916). Учреждена 25.07.1915 в связи с обвинением военного министра В. А. Сухомлинова и ряда лиц в государственной измене и шпионаже. По заключению комиссии Государственный совет назначил следствие.

387

...Кузьмин Иван Апполонович, тайный советник, председатель департамента Петроградской судебной палаты, сенатор, в 1916 назначен производящим следствие по делу о бывшем военном министре В. А. Сухомлинове.

388

...Мясоедов Сергей Николаевич (1865–1915), полковник, повешен во время Первой мировой войны по ложному обвинению в шпионаже.

389

...Богородский Сергей Александрович (1856–?), тайный советник, с 1914 сенатор уголовно-кассационного департамента Сената. В связи с болезнью сенатора И. А. Кузьмина, провел у Сухомлинова обыск и, арестовав, отправил его Петропавловскую крепость.

390

...Носович Владимир Павлович (1964–1936), тайный советник (1917), сенатор (1917). В 1916 – обер-прокурор уголовного кассационного департамента Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Югославии.

391

...Смитен Борис Николаевич (1877–1958), статский советник, прокурор Харьковской судебной палаты. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции во Франции.

392

...его жену – имеется в виду Сухомлинова Екатерина Викторовна (урожд. Гошкевич, 1882–1921), в первом браке Бутович, в 1909–1918 гг. супруга В. А. Сухомлинова.

393

А. А. Хвостов.

394

...министру юстиции – имеется в виду Хвостов Александр Алексеевич (Хвостов-старший, 1857–1922), действительный статский советник, член Государственного совета. С 06.07.1915 по 07.07.1916 – министр юстиции; с 07.07.1915 по 16.09.1916 – внутренних дел. После Февральской революции – в отставке.

395

...Шуваев Дмитрий Савельевич (1954–1937), генерал от инфантерии. С 13.12.1915 – и.д. главного полевого интенданта, с 15.03.1916 по 03.01.1917 – военный министр. С 1918 – в РККА, репрессирован.

396

...его помиловали, а жену его расстреляли. – имеется в виду расстрел за спекуляцию бывшей супруги В. А. Сухомлинова – Е. В. Сухомлиновой вместе с гражданским мужем Габеевым.

397

...Рубинштейн Дмитрий Львович (1876–1936), директор-распорядитель правления Русско-французского банка, был тесно связан с Распутиным.

398

И. В. Манусевич-Мануйлов.

399

...привязной шар... – имеется в виду аэростат для корректировки артиллерийского огня.

400

...Сабуров Александр Петрович (1870–1919), церемониймейстер, действительный статский советник (1912). В 1915–1916 гг. чиновник для особых поручений при министре внутренних дел, с мая 1916 по февраль 1917 – петроградский губернатор. Расстрелян большевиками.

401

...Клейнмихель Николай Владимирович (1877–1918), граф, в 1903–1916 гг. богодуховский уездный предводитель дворянства, с 15.08.1916 – московский вице-губернатор. Расстрелян большевиками 24 января 1918.

402

А. А. Миклашевская (Олсуфьева).

403

...Олсуфьева Александра Андреевна (урожд. Миклашевская, 1846–1929), графиня, гофмейстерина (1898).

404

...Гадон Владимир Сергеевич (1860–1937), генерал-майор Свиты е.и.в. (1910), в 1904–1905 гг. командир л. – гв. Преображенского полка. В 1914–1917 гг. состоял лицом для особых поручений РОКК по проверке лечебных заведений Действующей армии. С мая 1917 – в отставке. Неоднократно подвергался репрессиям, расстрелян на Бутовском полигоне.

405

...поезд-баню... – созданный по проекту Всероссийского Земского союза специальный поезд, имеющий в своем составе до 4 помывочных комплексов. Состав также включал дезинсекционную камеру и парикмахерскую. Пропускная способность поезда-бани составляла свыше 3000 человек в сутки.

406

Н. Е. Джунковский.

407

...моему племяннику... – Джунковский Николай Евгеньевич (? – 1975), в 1920 – штабс-ротмистр л. – гв Драгунского полка.

408

...бригаду, отправлявшуюся во Францию... – имеется в виду 1-я Особая пехотная бригада – составная часть Русского экспедиционного корпуса во Франции и Греции.

409

...Шейдеман Сергей Михайлович (1857–1922), генерал от кавалерии (1913). С 23.08.1914 – командующий 2-й армией; с 05.12. 1914 по 04.07.1917 – командир 1-го Туркестанского армейского корпуса; С 1918 – в РККА.

410

...Маниковский Алексей Алексеевич (1865–1920), генерал от артиллерии (1916). С 24.05.1915 по 06.03.1917 – начальник Главного артиллерийского управления, позднее – помощник военного министра А. И. Гучкова, вр.и.о. управляющего Военным министерством, товарищ военного министра по снабжению. С 1918 – на службе в РККА. Погиб при крушении поезда.

411

...миной унтер-офицера Семенова... – имеется в виду гибкий удлинённый заряд взрывчатых веществ для проделывания проходов в проволочных заграждениях («мина-заряд»). Позднее аналогичное оружие использовали в Англии.

412

...Мехмандаров Самед Бек (Садык Бек, 1855–1931), генерал от кавалерии, с 11.12.1914 по 28.03.1917 – командир 2-го Кавказского армейского корпуса. В 1920 военный министр Азербайджанской республики, позднее – в РККА.

413

...Эриванский, Грузинский, Тифлисский и Мингрельский. – имеются ввиду 13-й лейб-гренадерский Эриванский царя Михаила Феодоровича, 14-й гренадерский Грузинский е.и.в. наследника цесаревича, 15-й гренадерский Тифлисский е.и.в. великого князя Константина Константиновича и 16-й гренадерский Мингрельский е.и.в. великого князя Дмитрия Константиновича полки.

414

...первых числах июня. – Икона прибыла из Москвы в Ставку 28 мая 1917, затем находилась в течении двадцати дней в районе соединений 4-й армии, а после возвращения с фронта хранилась при штабе вплоть до апреля 1917, когда была возвращена в Московский Успенский собор.

415

...и священник Пшенишников – имеются в виду: Любимов Николай Александрович (1854–1924), протопресвитер Большого Успенского собора города Москвы; Розов Константин Васильевич (1874–1923), в 1907–1918 гг. протодиакон в Большом Успенском Соборе; Пшенишников (Пшеничников) Николай, в 1916 – протоиерей Большого Успенского собора города Москвы.

416

...был успех на Юго-Западном фронте... – имеется в виду успешное наступление Юго-Западного фронта 22.05. – 26.06.1916, вошедшее в историю как «Брусиловский прорыв».

417

...Вырубов Василий Васильевич (1879–1963), российский земский и государственный деятель. С 1914 – член Главного комитета Земского городского союза, в 1915–1916 гг. председатель комитета Всероссийского Земского союза Западного фронта. После Февральской революции – товарищ министра внутренних дел Временного правительства, с мая 1917 – помощник по гражданским

делам при начальниках штаба Верховного главнокомандующего. Участник Белого движения, с 1918 – в эмиграции во Франции.

418

Дивизионный интендант... – Косяченко Алексей Иванович (1880 – после 1947), полковник (1917). С 1916 – дивизионный интендант 8-й Сибирской стр. дивизии, позднее – помощник начальника интендантского управления Северного фронта. Участник Гражданской войны в армии Украинской державы. С 1920 – в РККА, позднее – работал в народном хозяйстве, репрессирован.

419

...кавказца Басова – Басов Кузьма Тереньтьевич, см. примеч. 133 к 1916 г.

420

...черного Данилова – Данилов Георгий (Юрий) Никифорович (1866–1937), генерал от инфантерии (1914). С 19.07.1914 генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего, с 30.08.1915 по 11.08.1916 – командующий 25-м армейским корпусом, позднее – начальник штаба Северного фронта, с 29.04.1917 – командующий 5-й армией. В январе-марте 1918 – в РККА, с апреля 1918 – участник Белого движения. С 1920 – в эмиграции во Франции.

421

...перешел в наступление... – имеется в виду участие 25-го армейского корпуса в Барановичской операции Западного фронта 20.06. – 12.07.1916. Основной удар наносили 9-й и 35-й корпуса, а вспомогательные – 25-й, Гренадерский и 10-й корпуса. 25-й корпус атаковал на 2,5-км участке севернее Дробыши, а Гренадерский – одной дивизией на местечко Столовичи, в 10 км южнее главного удара. 10-й корпус должен был действовать на 20 км южнее основного направления в 4 км от Дарево до Лабузы. В результате согласованных действий войска должны были преодолеть от 3 до 4 км оборонительных позиций и выйти на рубеж Цирин – Олизаровщина – Арабовщина – Дубово. Однако поставленные задачи выполнены не были, а потери составили около 75 тыс. человек.

422

...начальником штаба... – Шафалович Федор Платонович (1884–1952), подполковник российской (1916), генерал-лейтенант советской армии (1943). В 1916–1917 гг. и.д. штаб-офицера при штабе 3-го Сибирского арм. корпуса, в 1917 – и.д. начальника штаба 15-й Сибирской стр. дивизии. С 1918 – в РККА.

423

...Рябушинский Владимир Павлович (1873–1955), выпускник Московской академии практических наук, совладелец «Товарищества мануфактур П. М. Рябушинского с сыновьями». С 1914 г. вольноопределяющийся в Действующей армии. Участник Белого движения. С 1920 – в эмиграции во Франции.

424

...поручика Богдановича... – вероятно Богданович Георгий, в 1915 – прапорщик 18-й пехотного Вологодского полка, кавалер ордена св. Георгия 4-й степени (1915).

425

...Андреевская Анастасия Евгеньевна, дочь Андреевского Е.К.

426

...Погожев Александр Дмитриевич, статский советник, в 1914–1915 гг. помощник инспектора 3-го Московского кадетского корпуса, в 1916 – уполномоченный 1-го Сибирского санитарного отряда РОКК.

427

...Симанский Пантелеймон Николаевич (1866–1938), генерал-майор (1909). С 19.07.1914 по 7.07.1917 – начальник 61-й пехотной дивизией. Участник Белого движения. С 1919 – в эмиграции в Польше.

428

...Должников, в 1916 – прапорщик 3-й роты 1-го батальона 30-го Сибирского стр. полка.

429

...Панич, в 1916 – прапорщик 3-й роты 1-го батальона 30-го Сибирского стр. полка.

430

...Моисеев, в 1916 – рядовой 3-й роты 1-го батальона 30-го Сибирского стр. полка.

431

...Баранов, в 1916 – младший унтер-офицер 3-й роты 1-го батальона 30-го Сибирского стр. полка.

432

...Питсан Павел, в 1916 – рядовой 1-й роты 1-го батальона 30-го Сибирского стр. полка.

433

...Стаев Павел Степанович (1870–1951), генерал-майор (1915). С 04.03.1915 – генерал-квартирмейстер штаба 4-й армии, с 18.09.1916 по 01.10.1917 – командующий 1-й гренадерской дивизией. С 1918 – в РККА, скончался в Москве.

434

...Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), генерал-адъютант (1898), генерал от инфантерии (1900), военный министр (1898–1904). С 12.09.1915 – командир Гренадерского корпуса; с 06.02.1916 – главнокомандующий армиями Северного фронта; с 22.07.1916 по 05.06.1917 – Туркестанский генерал-губернатор и войсковой наказной атаман Семиреченского казачьего войска; с мая 1917 – в отставке, убит бандитами.

435

...Лейхтенбергский Николай Николаевич (1868–1928), герцог, флигель-адъютант (1912), генерал-майор (1917). С 12.06.1915 – командир 12-го Туркестанского стр. полка. Участник Белого движения. С 1918 – в эмиграции в Германии. Жена – Мария Николаевна (урожд. графиня Граббе, 1869–1948).

436

...Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918), гофмейстер (1911), тайный советник (1912), министр внутренних дел (1912–1915), шеф жандармов (1912–1915), член Государственного совета. Расстрелян в период красного террора.

437

...Демченко Всеволод Яковлевич (1875–1933), коллежский советник (1913), член Государственной думы 4-го созыва. Участник Белого движения, с 1919 – в эмиграции в Германии, позднее – в Италии; Неклюдов Анатолий Васильевич (1856 –?), камергер, действительный статский советник. В 1914–1917 гг. чрезвычайный

посланник и полномочный министр России в Швеции, после 1918 – в эмиграции во Франции; Офросимов Павел Александрович, генерал, командир л. – гв. Уланского полка.

438

...в заседании съезда губернаторов... – имеется в виду акция Б. В. Штюрмера, направленная на дезинформирование императора Николая II о реальном положении дел в стране. Между 1 и 5 мая 1916 в Петрограде было проведено совещание с участием губернаторов 15 регионов для оценки текущих событий. 8 мая императору был передан доклад о положении дел и полном отсутствии серьезных проблемы в сфере безопасности для династии и самого монарха.

439

...Юши Оболенского... – вероятно Оболенский Дмитрий Александрович (1882–1964), князь, в 1915 – камер-юнкер.

440

...Похвиснев Эманнуил Борисович (1860 –?), генерал-лейтенант (1910). С 29.07.1914 – начальник артиллерийского снабжений Северо-Западного фронта, в 1916 – начальник артиллерийского снабжения Западного фронта.

441

...Юра и Леля, – имеются в виду Маклаковы Георгий (Юрий) (1892–1969), участник 1-й мировой войны, с 1920 – в эмиграции, профессор русского языка и литературы Лильского университета; Алексей (1896–1945), участник 1-й мировой и Гражданской войн, с 1920 – в эмиграции.

442

...Додик... – Леонид Николаевич (? – после 1929), участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции.

443

...Антонов Николай Иванович (1859–1938), действительный статский советник, член Государственной думы 3-го и 4-го созывов, «октябрист». Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Югославии.

444

...Беннигсен Эммануил Павлович (1875–1962), граф, член Государственной думы 3-го и 4-го созывов, «октябрист». Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции во Франции;

445

...Зиновьев Александр Дмитриевич (1854–1931), штабмейстер, член Государственного совета. В 1914–1917 гг. главноуполномоченный Северного района РОКК. С 1918 – в эмиграции в Эстонии, позднее – в Англии и Италии.

446

М. А. Маклакова.

447

...Богданович Сергей Ильич (1865 –?), генерал-майор (1915). 25.05.1915 по 07.04.1917 – начальник штаба 3-го Сибирского армейского корпуса, с 07.04. по 08.06.1917 – командующий 7-й Сибирской стрелковой дивизией, позднее – командующий 8-й пех. дивизией. Участник Гражданской войны в составе армии Украинской державы. С 1919 – в эмиграции в Югославии.

448

...Панафутин Андрей Иванович (1859 –?), генерал-майор (1912). В декабре 1916 – сентябре 1917 гг. командующий бригадой 7-й Сибирской стр. дивизии. Уволен от службы 08.09.1917 за болезнью.

449

...Фартушный Авраам Кузьмич (1888 –?), капитан Генерального штаба (1916). С 07.1915 по 14.09.1917 – старший адъютант штаба 7-й Сибирской стрелковой дивизии, в мае-августе 1916 – и.д. начальника штаба дивизии. Участник Гражданской войны в армии Украинской державы, позднее УНР.

450

...Воскресенский Владимир Иванович (1867 –?), генерал-майор (1915). С 02.02.1916 – начальник штаба 7-й Сибирской стрелковой дивизии, позднее и.о. начальника штаба 35-го армейского корпуса, с 01.01. по 12.05.1917 – начальник штаба 26-го армейского корпуса, с 15.08.1915 – генерал-квартирмейстер штаба 9-й армии. Участник Белого движения, с 1919 – в эмиграции во Франции.

451

...Радзивилл Альберт Станислав (1885–1935), князь, польский политик, ординат Несвижа.

452

В. И. Бутенко.

453

...у командира полка... – имеется в виду Бутенко Василий Иванович (1874 –?), полковник (1914). С 08.02.1916 – командир 27-го Сибирского стр. полка.

454

Нельсон.

455

...с полковым адъютантом... – имеется в виду Нельсон, в 1916 – подпоручик 25-го Сибирского стрелкового полка.

456

...гессенскую палатку – имеется в виду палатка, созданная в армии герцога Гессен-Дармштадского. Верх палатки был из двух слоев, внешний водонепроницаемый, внутренний из толстого верблюжьего сукна, с возможностью установки до 2 печей. Палатка имела 12 окон, пол застилался непромокаемым брезентом. Размер около 100 м², позволял разместить 20 и более человек.

457

С. В. Цейль (Покатов)

458

...начальнику 55-й пехотной дивизии – имеется в виду Цейль (с 1915 – Покатов) Сергей Владимирович (1867–1834), генерал-лейтенант (1916). В 1916–1917 гг. командующий, позже – начальник 55-й пехотной дивизии. Участник Белого движения. С 1920 – в эмиграции в Чехословакии.

459

Г. Ф. Романов.

460

...командира полка – имеется в виду Романов Герасим Федорович (1868 –?), полковник (1915), генерал-майор (1917). С 25.08.1915 – командир 26-го Сибирского стр. полка, с апреля 1917 – командир бригады 178-й пехотной дивизии. С 1918 по 14.04.1919 – на службе в РККА, позднее – участник Белого движения.

461

С. М. Михеладзе.

462

...дивизионным интендантом – имеется в виду Михеладзе (Махвиладзе) Соломон Михайлович, князь, подполковник (1915), в 1916 – дивизионный интендант 7-й Сибирской стрелковой дивизии.

463

...Чернышев Иван, в 1916 – капитан, командир обоза 7-й Сибирской стрелковой дивизии.

464

...Карсунский Арсений Ефимович (1856 –?), статский советник. В 1915–1916 гг. дивизионный врач 7-й Сибирской стрелковой дивизии.

465

...Карпов Иван Саввич, в 1916 – подъесаул, командир конвоя начальника дивизии, и. д. адъютанта по хозяйственной части 7-й Сибирской стрелковой дивизии.

466

...Соболевский, подполковник, в 1916 – вр. и. д. командира 28-го Сибирского стр. полка.

467

...Степанцов Евгений Семенович (1867 –?), генерал-майор (1917). С 13.05. 1916 – командующий 7-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригадой.

468

...Раевский Н. И. – в 1916 главный врач Евгеньевской общины.

469

...Губанов Федор Тимофеевич, в 1916 – штабс-капитан, заведующий службой связи 7-й Сибирской стр. дивизии.

470

...Бильдерлинг, барон, в 1916 – и.о. особоуполномоченного РОКК в Минской губ.

471

...Абаканович Павел Константинович (1855–1917), генерал лейтенант (1915). С 21.10.1915 – и.д. начальника санитарного отдела штаба 4-й армии.

472

...инспектору артиллерии корпуса – имеется в виду Злобин Иван Михайлович (1854–1916), генерал-лейтенант (1915). С 16.01.1914 по 09.01.1916 – и.д. инспектора артиллерии 3-го Сибирского арм. корпуса, позднее – инспектор артиллерии Казанского в/о. Умер от болезни.

473

И. М. Злобин.

474

...Штединг Иван Павлович (1871–1920), полковник (1915). С 05.08.1915 – командир 1-го дивизиона 7-й Сибирской стр. арт. бригады. Участник Белого движения, остался в Крыму, расстрелян в Симферополе.

475

...Буржинский Иван Васильевич, подполковник, в 1916 – командир 1-й батареи 7-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады.

476

...начальник дивизии – имеется в виду Фидаров Афако Пациевич (1859–1930), генерал-лейтенант (1916). С 02.08.1913 по 1917 – начальник 1-й Туркестанской каз. дивизии. Участник Белого движения, остался в России, расстрелян.

477

...Решетин Федор Спиридонович, с 02.05.1916 – поручик, командир 13-й роты.

478

...Лушпа Андрей Федорович (1880 – после 1922), полковник (1916).
С 14.08.1915 – командир 4-го батальона 27-го Сибирского стрелкового полка.

479

...отец Алексей, священник 2-го лазарета 8-й Сибирской стр. дивизии.

480

...Бурнашев, в 1916 – прапорщик, начальник полицейской команды при штабе 15-й стрелковой дивизии.

481

...Красовский, в 1916 прапорщик 15-й стрелковой дивизии.

482

...Похилый, старший унтер-офицер 28-го Сибирского стр. полка.

483

...Основьяненко – Квитка Григорий Федорович (псевдоним Основьяненко, 1778–1843), украинский писатель и драматург.

484

...Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925), русский писатель, сатирик, театральный критик, с 1920 – в эмиграции.

485

...Лежанский, Русенко, Бычковский, Иваненко, Лежанский, Арбуз, Резников, Баумштейн, Жура, Капустин, Сахаров – рядовые стрелки 28-го Сибирского стр. полка.

486

Карсунского.

487

...Малеев, в 1916 – штабс-капитана 32-го Сибирского стр. полка.

488

...Гурко (Ромейко-Гурко) Василий Иосифович (1864–1937), генерал от кавалерии (1916). С 06.12.1915 – командующий 5-й армии; с 14.08.1916 – командующий Особой армией; с 10.11.1916 по 17.2.1917 исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего на время болезни М. В. Алексеева, оставаясь командующим армией; с 31.3.1917 – главнокомандующий армиями Западного фронта; с 23.5.1917 – в распоряжении Верховного главнокомандующего; с 14.10.1917 – в отставке. С 1918 – участник Белого движения, с 1919 – в эмиграции в Италии.

489

...Станиславский Андрей Васильевич (1883–1941), полковник Генерального штаба (1917). С 10.09.1915 по 03.01.1917 – ст. адъютант штаба отделения генерал-квартирмейстера штаба 4-й армии, с 23.11.1916 по 09.01.1917 – вр. и.д. начальника штаба 15-й Сибирской стрелковой дивизии. Участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции во Франции.

490

...Буйвид Иван Фридрихович (1864–1937), генерал-майор (1917). С 09.12.1914 по 29.11.1916 – командир 17-го пехотного Архангелогородского полка, с 29.11.1916 по 10.10.1917 – командующий бригадой 131-й пех. дивизии, позднее бригадный командир 15-й Сибирской стр. дивизии. Участник Белого движения. В эмиграции в Латвии, в 1921–1928 гг. состоял в латвийской армии.

491

...имения графа Чапского – имеется в виду имение Станьково под местечком Койданово (ныне – гор. Дзержинск Минской обл.), принадлежавшее графу Гуттен-Чапскому фон Эмерику Северину (1828–1896), известному коллекционеру.

492

...дежурным генералом – имеется в виду Ракитин Всеволод Владимирович (1883 – после 1920), генерал-майор (1915). В 1915–1916 – на штабных должностях в отделении генерал-квартирмейстера штаба 4-й армии; с 25.07.1916 – и.д. дежурного генерала штаба 4-й армии. Участник Белого движения.

493

...Фролов Александр Григорьевич, в 1916 – капитан Генерального штаба, старший адъютант по оперативной части штаба 131-й пехотной (с 21.12.116 – 15-й Сибирской стрелковой) дивизии.

494

...Коптев Алексей Иванович, капитан (1917). В 1916 – штабс-капитан, старший адъютант по инспекторской части штаба 131-й пехотной (с 21.12.16 – 15-й Сибирской стрелковой) дивизии.

495

...Шоттен Павел Михайлович, в 1916 – подпоручик, обер-офицер для поручений при штабе 131-й пехотной (с 21.12.116 – 15-й Сибирской) дивизии.

496

...Богомолов, в 1916 – подпоручик, с 07.12.1916 – поручик, начальник команды для связи штаба 131-й пехотной (с 21.12.116 – 15-й Сибирской) дивизии.

497

...Яковлев Владимир Дмитриевич, в 1916 – капитан (1913), с 06.12.1916 дивизионный интендант 131-й пехотной (с 21.12.116 – 15-й Сибирской) дивизии.

498

...Рожалин Сергей Григорьевич, статский советник (1916), с 17.12.1916 – дивизионный врач 131-й пехотной (с 21.12.116 – 15-й Сибирской) дивизии.

499

...Стукалов, полковник, в 1916 – командир батальона 26-го Сибирского полка, с 12.11.1916 по 08.04.1917 – командир 521-го (позднее 57-го Сибирского стр.) полка.

500

...Элерц-Усов Александр Васильевич (Элерц, 1875–1920), генерал-майор (1918). В 1916 – полковник, вр.и.д. командира 27-го Сибирского стрелкового полка, с 12.11.1916 командир 522-го (58-го Сибирского стр. полка), позднее в резерве чинов Минского в/о. Участник Белого движения. Расстрелян большевиками.

501

...Витковский Михаил Константинович (1869-?), полковник (1916). В 1914–1916 гг. командир батальона 268-й пехотного Пошехонского полка, в боях 09–11.08.1915 временно командующий 266-м пех. Пореченским полком, с 12.11.1916 – командир 524-го (с 10.01.1917 – 61-го Сибирского стр. полка). Участник Белого движения на востоке России, с 1920 в РККА.

502

...Куцевалов Банифатий, в 1916 – штабс-капитана 32-го Сибирского стр. полка, кавалер ордена Св. Георгия 4 степени, с ноября 1916 – командующий 5-й ротой 524-го пехотного, позднее 60-го Сибирского стрелкового полка.

503

...Лилов, в 1916 земский начальник Несвижского уезда Минской губ.

504

...Коренец, штабс-капитан, в марте-октябре помощник командира дивизионного обоза 8-й Сибирской стр. дивизии, с 14.12.1916 – командир дивизионного обоза 131-й пехотной, позднее 15-й Сибирской стр. дивизии.

505

В. Б. Гюббенет.

506

...окружным военно-медицинским инспектором – имеется в виду Гюббенет Виктор Борисович (1862 – после 1917), с августа 1915 по августа 1917 – начальник начальник военно-санитарного управления Минского военного округа.

507

...ортоскоп – оптический прибор или механическое приспособление для обеспечения визуального контроля над прицеливанием в процессе обучения или контроля за ведением огня.

508

...Туманов Николай Евсеевич (1844 – после 1918), князь, инженер-генерал (1907). С 30.08.1914 – главный начальник Двинского (быв. Виленский) в/о., с 14.09.1915 – главный начальник Петроградского в/о, с 13.06.1916 по 22.03.1917 –

главный начальник снабжений армий Западного фронта. После Октябрьской революции проживал на Кавказе, где и умер.

509

...Трубецкой Георгий Иванович (1866–1926), князь, генерал-лейтенант (1914). С 10.04.1906 по 01.01.1914 – командир собственного е.и.в. Конвоя, с 18.10.1914 по 18.04.1917 – начальник 2-й кавалерийской дивизии. С 1918 – в эмиграции во Франции.

510

...двум уносам конной батареи – обычно первая пара лошадей в запряжке четверкой и более.

511

...Эбелов Михаил Исаевич (Мали-Кадель Исаевич, 1855–1919), генерал от инфантерии (1913). С 19.07.1914 по 09.08.1917 – генерал-губернатор всех областей Одесского военного округа, объявленных на военном положении. Расстрелян большевиками после объявления на Украине красного террора.

512

...Терентьев Герасим Львович (1864 – после 1922), полковник Отдельного корпуса жандармов. С 28.01.1914 по 09.12.1916 – начальник Екатеринославского губернского жандармского управления. С 1919 – в эмиграции во Францию.

513

...Федоренко Михаил, в 1916 – полковник, числился по армейской пехоте, начальник Темир-Хан-Шурина Дагестанской области.

514

...Тржецяк Владимир Валерианович, полковник Отдельного корпуса жандармов (1914). В октябре-декабре 1916 г. начальник Казанского, с 09.12.1916 – Саратовского губернского жандармского управления.

515

...Сосновский Иван Васильевич (1911–1917), действительный статский советник., в 1907–1911 гг. архангельский губернатор, с 1911 по 11.01.1917 –

одесский градоначальник, в январе-феврале 1917 – товарищ министра внутренних дел. Жена – Сосновская Любовь Семеновна, (урожд. Тюменцева).

516

...Постовский Александр Иванович (1861–1941), генерал-лейтенант (1912). С 17.11.1912 по 29.07.1915 – начальник 1-й гренадерской дивизии, позднее – состоял в резерве чинов при штабе Петроградского в/о, позже состоял в распоряжении военного министра. С 1919 – в эмиграции во Франции.

517

...Милеант Гавриил Георгиевич (1864–1936), генерал-лейтенант (1913). С 29.09.1915 по 15.03.1917 – начальник Главного военно-технического управления. Участник Белого движения, с 1920 в эмиграции в Югославии.

518

...Патон Оскар Николаевич, действительный статский советник (1911), в 1916 – член Петроградской судебной палаты.

519

...Прокопович Сергей Александрович (1872 – после 1936), полковник Отдельного корпуса жандармов, после 1917 – в эмиграции.

520

...Горбатовский Владимир Николаевич (1851–1924), генерал от инфантерии (1914). С 20.8.1915 – командующий 12-й армией, с 20.03.1916 – 6-й армией Северного фронта, а после передачи армии в состав Румынского фронта и с 12.12.1916 – командующий 10-й армией. С 01.04.1917 – в резерве. После Октябрьской революции – в эмиграции в Эстонии.

521

...Горбатовский, тоже со своим штабом... – имеются в виду последствия, вызванные вступлением в войну Румынии, создание нового Румынского фронта и переброску в его состав штабов с управлениями.

522

...Николаев – вероятно имеется в виду Николаев Дмитрий Николаевич, в 1916 – делопроизводитель земского отдела министерства внутренних дел.

523

...Андреевский Евгений Константинович, в 1916 – тайный советник, состоял при министре внутренних дел.

524

...празднование 6-го прошло очень скромно... – имеется в виду тезоименитство императора Николая II.

525

...Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918), член 3-й и 4-й Государственной думы (1909), с августа 1915 – Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом (Осотопа); с 16.09.1916 – управляющий министерством внутренних дел, с 20.12.1916 по 28.02.1917 – министр внутренних дел. Расстрелян в период красного террора.

526

...Шабельский Павел Николаевич (1860–1935), генерал-лейтенант (1913). В 1907–1916 гг. генерал для особых поручений при министре внутренних дел, по званию шефа жандармов. Участник Белого движения, с 1919 – в эмиграции во Франции.

527

...в итальянской забастовке... – форма забастовки, заключающаяся в предельно формальном исполнении сотрудниками своих должностных обязанностей и правил, ни на шаг не отступая от них и ни на шаг не выходя за их пределы.

528

...Веревкин Александр Николаевич (1864–1922), юрист, действительный тайный советник, в 1910–1917 гг. товарищ министра юстиции.

529

...Иславин Михаил Владимирович (1864–1942), тайный советник (1914). В 1913–1917 гг. новгородский губернатор. С 1918 – в эмиграции во Франции.

530

...Нейдгарт Алексей Борисович. См. примеч. 156 к 1915 г.

531

М. В. Никольская.

532

...Никольская Мария Владимировна, супруга Никольского В. П.

533

М. Ф. Квецинский.

534

Б. П. Бобровский.

535

...начальником... отдела штаба 2-й армии... – имеется в виду Бобровский Борис Павлович (1868–1919), генерал-майор (1911). С августа 1914 до 10.07.1916 – начальник этапно-хозяйственного отдела штаба 2-й армии. Участник Белого движения, убит большевиками в Киеве.

536

...Койчев Христо Нейкович (1863–1917), генерал-майор (1913). В 1916 – в резерве чинов при штабе Минского в/о, с 09.08.1916 – начальник штаба 8-й Сибирской стр. дивизии, с 07.02.1917 – командующий 17-й Сибирской стр. дивизией. Покончил жизнь самоубийством.

537

...Борун, в 1916 – поручик, офицер 32-го Сибирского стрелкового полка.

538

...Косовец Макар, рядовой 523-го пехотного полка.

539

...Косогоров Гордей, ефрейтора 523-го пехотного полка.

540

...Иванов, в 1916 – капитан, командующий 3-м батальоном 523-го пехотного полка.

541

Ермаков.

542

...командира 6-й роты – имеется в виду Ермаков, в 1916 – капитан, командир 6-й роты 523-го пехотного полка.

543

...Лабызенков Яков, рядовой стрелок 2-й роты 521-го пехотного полка.

544

...Попов, в 1916 – полковник, командир 2-го батальона, 521-го пехотного полка.

545

...Заболотский, в 1916 – прапорщика, командующий 2-й ротой 521-го пехотного полка.

546

...Алексееenko Якова, в 1916 – взводный командир, старший унтер-офицер 521-го пехотного полка.

547

...Казаков, в 1916 – отделенный командир, младший унтер-офицер 521-го пехотного полка.

548

...Молотков Иван, в 1916 – ветеринарный фельдшер 521-го пехотного полка.

549

...Диденко Николай, младший ветеринарный фельдшер, ветеринарный фельдшер 522-го пехотного полка.

550

...Беднарский Александр, в 1916 – и.о. ветеринарного фельдшера 523-го пехотного полка.

551

...Малянович Иван, в 1916 – ветеринарный фельдшер 524-го пехотного полка.

552

...Герасимович Георгий Эдуардович, в 1916 – подпоручик, комендант штаба 131-й пехотной (15-й Сибирской стр.) дивизии.

553

...Юсупова Зинаида Николаевна (1861–1939), княгиня, с 1882 графиня Сумарокова-Эльстон.

554

...в участии ее сына в этом деле... – имеется в виду Юсупов Феликс Феликсович (младший, 1887–1967), князь, граф Сумароков-Эльстон, один участников убийства Г. Распутина.

555

Подчеркнуты места, переданные шифром. – Примеч. автора.

556

...Цветаев Дмитрий Владимирович (1852–1920), действительный статский советник (1895), профессор Московского университета, с 1912 – член московского отдела Императорского русского военно-исторического общества.

557

...свободного государства... – имеется в виду Королевство Польское, основанное Актом от 5 ноября 1916 при поддержке Польской социалистической партии и др. польских партий и признанное Германской империей и Австро-Венгрией. Королевство было образовано без определенных границ и существовало как государство-сателлит Германии.

558

...экзарх Грузии – имеется в виду митрополит Платон (в миру Порфирий Федорович Рождественский) (1866–1934), епископ Русско-Православной Греко-Кафолической Северо-Американской митрополии. С 05.12.1915 по 12.03.1917 – архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии и член Святейшего Синода.

559

В. В. Смирнов.

560

...Захаров Александр Александрович, в 1916 – действительный статский советник, московский губернский тюремный инспектор.

561

...Васильев Александр Петрович, в ноябре 1916 – подполковник, вр. и. д. командира 522-го пехотного полка.

562

...Долецкий Петр Федорович, в ноябре 1916 – капитан, вр. и.д. командира 523-го пехотного полка.

563

...солдатский спектакль «Царь Максимилиан» – народная драма «Царь Максимилиан», имевшая широкое хождение в конце XIX – начале XX вв. Ее играли в солдатской, матросской, городской, рабочей, крестьянской среде. Сюжет опирается на историю Петра I и царевича Алексея. Герои драмы – царь Максимилиан и его сын Адольф. Отец ради женитьбы готов переменить православную веру, сын выступает против планов отца, его заключают под стражу и казнят.

564

Далее следуют приказы № 1,2,3 по 15-й Сибирской стрелковой дивизии. См. ГА РФ. Ф.826. Оп.1. Д. 377. Л. 1-27.

565

...солдатский спектакль «Царь Максимилиан» – народная драма «Царь Максимилиан», имевшая широкое хождение в конце XIX – начале XX вв. Ее играли в солдатской, матросской, городской, рабочей, крестьянской среде. Сюжет опирается на историю Петра I и царевича Алексея. Герои драмы – царь Максимилиан и его сын Адольф. Отец ради женитьбы готов переменить православную веру, сын выступает против планов отца, его заключают под стражу и казнят.

566

...Довгирд Стефан Антонович (1871 –?), генерал-майор Генерального штаба (1915). С 09.10.1916 по 23.06.1917 – начальник штаба Гренадерского корпуса, позже – командующий 2-й Гренадерской дивизией. Участник Белого движения.

567

Ф. С. Васильев.

568

...Малишевский Казимир Альбертович (1862 –?), полковник (1915). С 03.07.1915 по февраль 1917 – командир 31-го Сибирского стр. полка.

569

...Императорское московское общество воздухоплавания – существовало с 1910 по 1917 гг. Руководящим органом являлся совет. Включало научно-технический, спортивный и военный комитеты. В 1911 г. при обществе была организована Московская школа авиации, где велась подготовка и переподготовка военных лётчиков и механиков, а также проводились опытные работы и испытания самолётов и их вооружения.

570

Текст брошюры см. ГА РФ. Ф. 826. Оп.1. Д. 369. Л. 3-13.

571

...Зайкин, в 1917 – ефрейтор 10-й роты 3-го батальона 2-го гренадерского Ростовского полка.

572

...Мовлян, в 1917 – гренадер 10-й роты 3-го батальона 2-го гренадерского Ростовского полка.

573

...Лавров Дмитрий Мелитонович (1867–1929), профессор фармакологии Юрьевского, после 1918 – Одесского университета, в 1915–1916 гг. работал над созданием удушающих боевых газов и средств защиты и дегазации.

574

...Георгианов, в 1917 – поручик, командующий 3-м батальоном 2-го гренадерского Ростовского полка.

575

...Фищенко, прапорщик 5-й роты 60-го Сибирского стрелкового полка.

576

...Гусак Андрей, в 1917 – старший унтер-офицер, взводный командир 60-го Сибирского стрелкового полка.

577

...Окуньков Борис Владимирович (1863 –?), генерал-майор (1915). С 01.09.1916 по 16.03.1917 – дежурный генерал штаба Московского в/о, позднее – и.д. начальника штаба Московского в/о. 22.06.1917 уволен от службы за болезнью с мундиром и пенсией.

578

...Шереметевский Владимир Владимирович (1863–1943), коллежский советник, историк, сотрудник Московского архива министерства юстиции.

579

...Лавров Дмитрий Мелитонович (1867–1929), профессор фармакологии Юрьевского, после 1918 – Одесского университета, в 1915–1916 гг. работал над созданием удушающих боевых газов и средств защиты и дегазации.

580

...Зюдов, в 1917 – младший унтер-офицер 11-й роты 59-го Сибирского стрелкового полка.

581

...это был день рождения Вильгельма – Вильгельм II (1859–1941), германский император и король Пруссии (1888–1918) родился 15 (27) января 1859.

582

Лисьи норы представляли собой глубокие подземные галереи с 2-мя выходами наружу. Они строились на опасных местах для укрытия стрелков. Я считал их

на позиции нежелательными, т. к. во время сильного обстрела очень бывало трудно поднять оттуда стрелков. – Примеч. автора.

583

...Трибух Степан, в 1917 – младший унтер-офицер 2-й роты 60-го Сибирского стрелкового полка.

584

...Носков Петр, в 1917 – стрелок 2-й роты 60-го Сибирского стр. полка.

585

...Шпренглевский Евгений Павлович, в 1917 – подполковник, командир 2-й батареи 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона.

586

...Ясенский Александр Павлович, в 1917 – подполковник, командир 3-й батареи 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона.

587

...Тихомиров Александр Дмитриевич, полковник (1917), с 22.12.1916 – командир 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона.

588

...Барыков Дмитрий Васильевич (1872 –?), полковник (1916), с 01.1917 – командующий 5-м гренадерским Киевским полком.

589

...это был день рождения Вильгельма – Вильгельм II (1859–1941), германский император и король Пруссии (1888–1918) родился 15 (27) января 1859.

590

Этого вольноопределяющегося очевидно распропагандировали в тылу, т. к. он недавно перед тем возвратился из отпуска и сразу стал заниматься пропагандой среди нижних чинов. – Примеч. автора.

591

...Машковский, в 1917 – капитан 5-го гренадерского Киевского полка.

592

Великий князь Павел Александрович был в то время инспектором войск гвардии. – Примеч. автора.

593

...делом Дмитрия – имеется в виду Дмитрий Павлович (1891–1942), великий князь, двоюродный брат Николая II, обвиненный в соучастии в убийстве Распутина, распоряжением императора был отправлен служить в Персию.

594

...Шиллинг Дмитрий Иванович (1870–1943), генерал-майор (1917). С 06.06.1916 по 06.04.1917 начальник управления инспектора войск гвардии. Участник Белого движения в составе ВСЮР. С 1920 – в эмиграции Югославии.

595

...Иванов, в 1917 – штабс-капитан, командующий 3-м батальоном 59-го Сибирского стрелкового полка.

596

...Бузулукского полка... – 329-й пехотный Бузулукский полк 83-й пехотной дивизии.

597

...Солдатов Сергей Михайлович, в 1917 – поручик, младший офицер 3-й батареи 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона.

598

...Поступальский Иван Владимирович, полковник (1917), в 1917 – командир 2-го батальона 60-го Сибирского стрелкового полка, с апреля – командующий 57-м Сибирским стрелковым полком.

599

...Александр II (1818–1881), с 18.02.1855 – российский император.

600

...Росов, в 1917 – поручик, начальник команды пеших разведчиков -го Сибирского стрелкового полка.

601

...Еремечёв Григорий, в 1917 – ефрейтор команды пеших разведчиков 60-го Сибирского стрелкового полка.

602

...Латыпов Хорис, в 1917 – стрелок команды пеших разведчиков 60-го Сибирского стрелкового полка.

603

...Никитин Николай, в 1917 – ефрейтор команды пеших разведчиков 60-го Сибирского стрелкового полка.

604

...Бурко Андрей, в 1917 – стрелок команды пеших разведчиков 60-го Сибирского стрелкового полка.

605

...Калинин Степан, в 1917 – стрелок команды пеших разведчиков 60-го Сибирского стрелкового полка.

606

...Чернятин Николай, в 1917 – стрелок команды пеших разведчиков 60-го Сибирского стрелкового полка.

607

...Следевский Викентий, в 1917 – стрелок команды пеших разведчиков 60-го Сибирского стрелкового полка.

608

...Буянов, в 1917 – унтер-офицер Отдельного корпуса жандармов.

609

Далее текст по ГА РФ. Ф.826. Оп.1. Д.59. Л.1-195

610

...Милюков Павел Николаевич (1859–1943), российский государственный и политический деятель, историк. Член Государственной думы III и IV созывов

от Петербурга, председатель кадетской фракции, один из создателей Прогрессивного блока, выступал с острой критикой методов ведения войны и управления страной. После Февральской революции – член Временного комитета Государственной думы; со 02.03. по 01.05.1917 – министр иностранных дел Временного правительства. С ноября 1917 – участник Белого движения, сторонник германской ориентации; с ноября 1918 – в эмиграции во Франции.

611

...Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940), российский политический и государственный деятель, член Государственной думы III и IV созывов, член ЦК партии кадетов с 1909. В 1914–1916 гг. член комитета Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам, член Особого совещания по обороне государства. С 02.03.1917 – министр путей сообщения Временного правительства; с 08.07.1917 – заместитель министра-председателя; с 24.07.1917 одновременно и министр финансов; с сентября 1917 – генерал-губернатор Финляндии. После Октябрьской революции остался в СССР. Репрессирован.

612

...Коновалов Александр Иванович (1875–1948), российский политический и общественный деятель, предприниматель, один из учредителей банка Рябушинских, член IV Государственной думы. В 1914–1917 гг. товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета, один из организаторов Прогрессивного блока. С 02.03. по 01.05.1917 – министр торговли и промышленности Временного правительства, с 25.09.1917 – министр промышленности и заместитель министра-председателя Временного правительства; с 1918 – в эмиграции во Франции, с 1939 – в США.

613

...Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929), российский общественный деятель, ученый-экономист, в 1908–1911 гг. ректор Московского университета. С 02.03. по 21.07.1917 – министр просвещения Временного правительства. С марта 1918 – вернулся к преподаванию в Московском университете.

614

...Шингарев Андрей Иванович (1869–1918), один из основателей партии конституционных демократов, член Государственной думы II, III и IV созывов. С 02.03. по 01.05.1917 – министр земледелия Временного правительства; с 05.05. по 02.07.1917 – министр финансов. Зверски убит матросами.

615

...черный кабинет... – имеется в виду подразделение Департамента полиции, занимавшееся перлюстрацией писем.

616

...Годнев Иван Васильевич (1854–1919), статский советник, член Государственной думы III и IV созывов, октябрист. С августа 1915 – член ОСОТОП. С 27.02.1917 – член Временного комитета Государственной думы, с 02.03. по 21.07.1917 государственный контролер Временного правительства. Умер в Омске.

617

...Львов (2-й) Владимир Николаевич (1872–1934), политик, крупный землевладелец, октябрист. Член III и IV Государственной думы. С 27.02.1917 – член Временного комитета Государственной думы, с 02.03. по 21.07.1917 обер-прокурор Св. Синода. Эмигрировал, в 1922 вернулся в РСФСР. Репрессирован.

618

...звуки кавалергардского марша... – великий князь Михаил Александрович являлся командиром Кавалергардского полка с 1.01. по 17.12.1912.

619

...Рубин Николай Васильевич (1873 –?), в 1917 – протоиерей штаба 2-й армии от военного и морского духовенства, в 1917–1918 гг. член Собора Православной Русской Церкви.

620

...Полыгалов, младший унтер-офицер команды разведчиков 58-го Сибирского стрелкового полка.

621

...Щеглов, в 1917 – стрелок команды разведчиков 58-го Сибирского стрелкового полка.

622

...Белогрудцев, в 1917 – стрелок команды разведчиков 58-го Сибирского стрелкового полка.

623

...Грицко, в 1917 – стрелок команды разведчиков 58-го Сибирского стрелкового полка.

624

...Подъяпольский Владимир Александрович, в 1917 – штабс-капитан, полковой адъютант 58-го Сибирского стрелкового полка.

625

Здесь приводится лишь одно.

626

Было уволено до 100 генералов... – имеется в виду «гучковская чистка» среди высшего командного состава, организованная и осуществленная военным министром А. И. Гучковым в марте-апреле 1917 г., оказавшая серьёзное отрицательное воздействие на армию и на внутривойсковую ситуацию в России.

627

...Крюков, в 1917 – поручик, вр.и.д. командующего 31-м Сибирским стрелковым полком.

628

...Дурнев, в 1917 – стрелок 58-го Сибирского стрелкового полка.

629

...Крылов, в 1917 – взводный фейерверкер, Григоренко, в 1917 – старший фейерверкер 4-й батареи 2-й Гренадерской артиллерийской бригады.

630

...Каминский, в 1917 – капитан, командующий 4-й батареи 2-й Гренадерской артиллерийской бригады.

631

...Щепкин Николай Николаевич (1854–1919), один из основателей партии конституционных демократов, член Государственной думы 3-го и 4-го созывов. Участник Белого движения, расстрелян большевиками.

632

...Савин, в 1917 – прапорщик 2-й роты 1-го батальона 57-го Сибирского стрелкового полка.

633

...Голицин, в 1917 – прапорщик, младший офицер 11-й роты 3-го батальона 59-го Сибирского стрелкового полка.

634

...Искрицкий Евгений Андреевич (1874–1949), генерал-лейтенант (1917). С 04.11.1914 по 22.08.1915 – командующий л-гв. Павловским полком, с 29.02.1916 – начальник штаба 9-го арм. корпуса, с 07.02.1917 – командующий 168-й пехотной дивизией, с 03.07.1917 – командир 1-го Сибирского армейского корпуса. В 1918 вступил в РККА, репрессирован, умер в ссылке в Чимкенте.

635

...Клембовский Владислав Наполеонович (1860–1921), генерал от инфантерии, с 13.12.1915 – начальник штаба армий Юго-Западного фронта, в 1916–1917 гг. помощник начальника штаба, затем вр. и.д. начальника штаба Верховного главнокомандующего, с 31.05 по 09.09.1917 – главнокомандующий армиями Северного фронта, позднее – член Военного совета. С 1918 – на службе в РККА. Умер в заключении.

636

...Шрейдер Михаил Ильич, в 1917 – поручик, и.д. адъютанта 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона.

637

...Грузинов Александр Евграфович (1873 –?), полковник (1913). В 1914–1915 гг. командующий 22-й ополченческой легкой батареей, в 1915–1917 гг. председатель Московской губернской земской управы, с 01.03. по 29.04.1917 – командующий войсками Петроградского в/о.

638

Суть телеграммы М. В. Алексеева изложена далее в разъяснении.

639

...Семеновский А. Н., в 1917 – начальник 55-го передового отряда Красного Креста.

640

...Трошин, в 1917 – поручик, командующий 112-й инженерной ротой.

641

...Евстафьев, в 1917 – подпоручик 2-й саперной роты Гренадерского саперного полка.

642

...Гертонан, в 1917 – прапорщик 2-й саперной роты Гренадерского саперного полка.

643

...Иштовский, в 1917 – прапорщик 2-й саперной роты Гренадерского саперного полка.

644

...Глотов, в 1917 – подпрапорщик 2-й саперной роты Гренадерского саперного полка.

645

...Моркушин, в 1917 – подпрапорщик 2-й саперной роты Гренадерского саперного полка.

646

...Покатов – см. Цейль Сергей Владимирович, примечание 224 за 1916 год.

647

Приводится частично.

648

П. С. Стаев и Н. Г. Ставрович.

649

...начальникам гренадерских дивизий... – имеются в виду Стаев П. С. и Ставрович Николай Григорьевич (1857–1933), генерал-лейтенант, в 1911–1916 гг. начальник 2-й Гренадерской дивизии, с 10.03.1916 по 18.04.1917 – начальник 27-й пехотной дивизии. Участник Гражданской войны в армии Украинской державы, с 1919 – в эмиграции в Югославии.

650

...сын моей сестры... – Джунковский Константин, в 1917 – офицер Гвардейской Конно-артиллерийской бригады.

651

...Киселевский Николай Михайлович, (1866–1939), генерал-майор Свиты (1909), генерал-лейтенант (1915). С 11.02.1908 по 24.12.1913 – командир л. – гв. Измайловского полка, с 04.11.1914 – командующий 3-й гренадерской дивизией, с 23.08.1916 – командир 9-го армейского корпуса, с 09.04.1917 по 12.07.1917 – командующий 10-й армией. Участник Белого движения в составе ВСЮР. С 1920 – в эмиграции в Югославии, с 1928 – во Франции.

652

...Тележников (до 1917 – Шрайдер) Петр Дмитриевич (1863 – после 1920), генерал-лейтенант (1915). С 21.03.1915 по 19.04.1917 – командующий 17-й пехотной дивизией, командир 9-го армейского корпуса с 14.05. по 09.09.1917. С 1919 – в РККА.

653

...Губанов, штабс-капитан Генерального штаба, в апреле-мае 1917 – вр. и. д. начальника штаба 15-Сибирской стрелковой дивизии.

654

...Балюр Наум (? – 1917), в 1917 – стрелок 9-й роты 57-го Сибирского стрелкового полка.

655

...Самодуров Иван, в 1917 – стрелок 9-й роты 57-го Сибирского стр. полка.

656

...Кириллов, в 1917 – прапорщик, вр. и.д. адъютанта 57-го Сибирского стрелкового полка.

657

Строевой список чинов полка.

658

...Пядышев, в 1917 – штабс-капитан, с января 1917 – старший адъютант штаба 15-й Сибирской стрелковой дивизии, с мая 1917 – начальник политического отделения штаба дивизии.

659

...Былинский Григорий Андреевич, в 1917 – поручик, заведующий хозяйственной частью 1-й батареи, в мае 1917 – временно командующий 1-й батареей 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона.

660

...Якобсон Юлий Федорович, в 1917 – прапорщик, младший офицер 2-й батареи 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона.

661

...Денисов – старший фейерверкер 1-й батареи 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона, с 27.05.1917 – член дивизионного комитета.

662

...Федотченко Алексей Николаевич, подпоручик, делопроизводитель 2-й батареи 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона, в июне 1917 – вр.и.д. командующего 2-й батареей, с 27.05.1917 – член дивизионного комитета.

663

...Цехомский Сигизмунд Станиславович (1895–1937), прапорщик, младший офицер 2-й батареи 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона.

664

...Гусарин, в 1917 – прапорщик, младший офицер 1-й 1-го батальона 59-го Сибирского стрелкового полка, прикомандирован ко 2-й батарее 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона.

665

...Архангельский Александр Петрович (1872–1959), генерал-лейтенант (1917). С 24.07.1914 – и.д. дежурного генерала Главного штаба, с 17.04.1917 – дежурный генерал при Верховном главнокомандующем, с 09.05.1917 – начальник Главного штаба. С 1918 – в РККА, поддерживал связь с Национальным центром, позднее – участник Белого движения, с 1920 – в эмиграции в Югославии, с 1927 – в Бельгии.

666

...Веселовский Антоний (Анатолий) Андреевич (1866–1939), генерал-лейтенант (1915). С 09.02.1915 – командир бригады 46-й пехотной дивизии, с 21.08.1915 – начальник 46-й пехотной дивизии, с 16.11.1915 – командир 19-го армейского корпуса, с 08.04.1917 – командующий 2-й армией Западного фронта, с июля 1917 – в отставке.

667

...Лодзинская операция – наступательная операция германских войск на лодзинском направлении русско-германского фронта, проведённая 29 октября (11 ноября) – 11 (24) ноября 1914 г. В результате действий русских войск германский план окружения 2-й и 5-й русских армий провалился, но и планировавшееся русское наступление вглубь Германии было сорвано.

668

В дни жесточайших боев у Боржимова... – имеются в виду оборонительные бои 19 ноября – 20 декабря 1914, когда русские войска, отступив от Лодзи, заняли новую линию обороны вдоль правого берега реки Бзура и ее притока Равки. Несмотря на все попытки германского командования прорвать русскую оборону на этом участке фронта, немецкое наступление было остановлено.

669

...«сидения» на р. Равке... – 8-ми месячная оборона линии Бзура-Равка, сопровождавшееся огромными потерями с обеих сторон. В результате не добившись

положительного результат фронтальным наступлением, германское командование в Польше перешло к плану фланговых охватов.

670

...на Свенцяном направлении... – имеется в виду Свенцянский прорыв – наступательная операция 10-й германской армии (генерал Г. фон Эйхгорн) против 10-й русской армии (генерал Е. А. Радкевич) Западного фронта 26.08.–19.09.1915. В результате немецкой кавалерийской группе удалось вторгнуться в брешь во фронте русских войск и развернуть наступление по направлению к м. Свенцяны, Молодечно, Сморгонь и войти в тыл 10-й армии. Русское командование сумело перебросить к району прорыва несколько корпусов, объединив их под руководством командования 2-й армии. 3–4.09.1915 кавалерийская группа была остановлена, а к 19.09.1915 фронт стабилизировался на линии оз. Дрисвяты, оз. Нарочь, Сморгонь, Делятин.

671

...славными боями под Молодечно, под Вилейкой и озером Нарочь – оборонительные бои в конце 1915 – начале 1916, в которых противники проявили чудеса доблести и героизма, но поставленных целей достигнуто не было.

672

...Гоерц фон Алексей Александрович (1883–1937), генерал-майор (1917), с 01.11.1915 – и.д. старшего адъютанта отделения генерал-квартирмейстера штаба 2-й армии, позже и.д. начальника штаба 2-й армии, с 04.09.1917 – начальник отдела управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Западного фронта. С 1923 в эмиграции в Нью-Йорке (США).

673

...Беляев Сергей Тимофеевич (1867–1923), генерал-лейтенант (1916). С 26.09.1914 по 28.11.1915 – и.д. инспектора артиллерии 29-го арм. корпуса, позднее – генерал для поручений при главнокомандующем армиями Западного фронта, с 16.04.1916 – инспектор артиллерии 2-й армии. С 1918 – в РККА.

674

...Ильяшев Сергей Аполлонович (1877 –?), полковник (1913). С 23.04.1916 – и.д. начальника инженеров 2-й армии, позднее – и.д. начальника инженеров армий Западного фронта, с 18.09.1917 – штатный преподаватель Николаевской инж. Академии.

675

...Попов, в 1917 – штабс-капитан, начальник учебной команды 57-го Сибирского стрелкового полка.

676

...Давыдов, в 1917 – штабс-капитан, начальник учебной команды 58-го Сибирского стрелкового полка.

677

...Щетинин, в 1917 – подпоручик, начальник учебной команды 59-го Сибирского стрелкового полка.

678

...Борисов, в 1917 – поручик, начальник учебной команды 60-го Сибирского стрелкового полка.

679

...Сабуров, в 1917 – врач 2-го лазарета 15-й Сибирской стрелковой дивизии.

680

...Шпигель, в 1917 – капитан, начальник хозяйственной части 57-го Сибирского стрелкового полка.

681

Помещица (фамилию ее я сейчас не помню)... – вероятно Рейтан Алина, последняя владелица поместья Грушевка (совр. Ляховичский р-н Брестской обл.), принадлежавшего роду Рейтанов.

682

...Руанет Михаил Аполлинариевич, в марте 1917 – капитан, командующий 1-й батареей 10-го мортирного артиллерийского дивизиона.

683

...Пашенко – в 1917, поручик, младший офицер 1-й батареей 10-го мортирного артиллерийского дивизиона.

684

...на Крестьянский съезд – имеется в виду I-й Всероссийский съезд советов крестьянских депутатов, проходивший в Петрограде с 17.05. по 10.06.1917.

685

Протоколы опускаются.

686

Здесь опускается.

687

Также опускается.

688

...Войнов Георгий (? – 1917), поручик, кавалер Георгиевского оружия (1917), офицер 60-го Сибирского стрелкового полка.

689

...Косимов, в 1917 – стрелок 60-го Сибирского стрелкового полка.

690

...Булдаков, в 1917 – стрелок 60-го Сибирского стрелкового полка.

691

...Столбов, в 1917 – стрелок 60-го Сибирского стрелкового полка.

692

...Усенков, в 1917 – стрелок 57-го Сибирского стрелкового полка.

693

...микадо – древнее наименование верховного правителя в Японии, речь идет об императоре Йошихито (1879–1926).

694

...Обата Тоширо, в 1917 – капитан японской службы, офицер японской военной миссии при Ставке.

695

...Терехов, в 1917 – прапорщик, начальник команды разведчиков-охотников 58-го Сибирского стрелкового полка.

696

...Очкин, подпоручик 57-го Сибирского стрелкового полка, заведующий разведкой 15-й Сибирской стрелковой дивизии.

697

...офицерский съезд – Могилевский офицерский съезд проходил с 07.05. по 22.05.1917. В ходе работы съезда выявились принципиальные разногласия между высшим и средним звеном офицерского корпуса и Временным правительством, которое представлял прибывший 20.05.1917 новый военный министр А. Ф. Керенский.

698

...Деникин Антон Иванович (1872–1947), генерал от инфантерии (1917). С 28.03.1917 – помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего; с 05.04.1917 – начальник штаба Верховного главнокомандующего; с 31.05.1917 – главнокомандующий армиями Западного; с 02.08.1917 – Юго-Западного фронтов; с 29.08. по 19.11.1917 – под арестом как участник выступления Л. Г. Корнилова; с декабря 1917 – участник Белого движения; позднее – командующий Добровольческой армией; с 08.01.1919 по 05.04.1920 – Главнокомандующий ВСЮР. С апреля 1920 – в эмиграции в Англии, позднее – в Венгрии, Бельгии, Франции; с 1945 – в США.

699

М. В. Алексеев.

700

...Малышевский Петр, в 1917 – зауряд-военный чиновник, командира 2-го взвода дивизионного обоза.

701

...по одной штурмовой роте – имеется в виду приказ Верховного главнокомандующего А. А. Брусилова от 08.07.1917 о создании штурмовых (ударных) рот при каждом полку Действующей армии. Содержание ударных частей

предполагалось сверхсметным и возлагалось на армейские соединения. До 1917 г. в русской армии существовали т. н. «штурмовые взводы» («взводы гренадер», «гренадерские взводы»), возникшие в условиях окопной войны и предназначенные для действия в условиях ближнего боя. Необходимость решать оперативно-тактические задачи потребовала укрупнения состава этих частей, и «штурмовые взводы» к началу 1917 должны были постепенно превратиться в «штурмовые батальоны». Тогда же появилось и новое наименование частей – ударные. Термин «ударный» стал восприниматься как почетное наименование, его стали включать в наименование частей, по роду своих действий не являвшиеся штурмовыми (то есть не предназначенные специально для прорыва оборонительных линий).

702

Н. А. Романовский.

703

...Романовский Николай Александрович (1860–1928), генерал-лейтенант (1915). С 07.05.1915 – и.д. инспектора артиллерии 36-го арм. корпуса, с 12.05.1916 – инспектор артиллерии 9-го арм. корпуса. Участник Гражданской войны в армии Украинской Державы. С 1919 – в эмиграции в Югославии.

704

...Георгиевский, в 1917 – поручик 32-го Сибирского стрелкового полка.

705

...Чанцев, в 1917 – прапорщик 32-го Сибирского стрелкового полка.

706

...Поржацкий, в 1917 – подпоручик 32-го Сибирского стрелкового полка.

707

Здесь опускается.

708

...Фролов, в 1917 – мастерской-специалист, 57-го Сибирского стрелкового полка.

709

...Злобин, в 1917 – мастерской-специалист 58-го Сибирского полка.

710

...Степашин, в 1917 – мастерской-специалист 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона.

711

...Шенфельд, в 1917 – поручик, командующий 1-м парком 15-го Сибирского стрелкового паркового артиллерийского дивизиона.

712

...Васильев Алексей Васильевич, в 1917 – полковник, командир 15-го Сибирского стрелкового паркового артиллерийского дивизиона.

713

...Розенберг, в 1917 – фельдфебель пулеметной команды «Кольта», член дивизионного комитета.

714

...Чрезвычайная следственная комиссия – чрезвычайный следственный орган, учрежденный 17.03.1917 Временным правительством для расследования деятельности должностных лиц царского режима, действовавший до октября 1917. За время работы было произведено 88 опросов и допрошено 59 лиц, как из числа царских министров, генералов и сановников, находящихся в заключении в Петропавловской крепости, так и приглашенных для дачи показаний.

715

...Геруа Александр Владимирович (1870–1944), генерал-лейтенант (1917). С 25.01.1915 – генерал-квартирмейстер штаба 5-й, затем 12-й армии, с 10.10.1915 – командующий 38-й пех. дивизией, с 31.10.1916 по 07.07.1917 – и.д. начальника штаба 2-й армии, позднее – начальник Балтийского сухопутного отряда, командир 18-го армейского корпуса. С декабря 1917 – в РККА, одновременно занимался нелегальной работой против красных. С июня 1918 – участник Белого движения. С 1920 в эмиграции в Румынии, в 1944 вывезен в СССР.

716

...Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926), генерал от кавалерии (1912), генерал-адъютант (1915). С 28.07.1914 – командующий 8-й армией, с 17.03.1916 – главнокомандующий Юго-Западным фронтом, с 22.05. по 19.07.1917 – Верховный главнокомандующий. С 1920 – на службе в РККА, главный инспектор кавалерии РККА.

717

...Георгиевского батальона... – имеется в виду батальон, созданный 01.02.1916 для охраны Ставки Верховного главнокомандующего и переименованный в «Георгиевский батальон для охраны Ставки...» (08.07.1916). Батальон укомплектовывался только георгиевскими кавалерами.

718

...Корнилов Лавр Георгиевич (1876–1918), генерал от инфантерии (1917). С 19.08.1914 – командующий 48-й пехотной дивизией, с 13.09.1916 – командир 25-го армейского корпуса, с 02.03.1917 – командующий войсками Петроградского в/о, с 29.04.1917 – командующий 8-й армией, с 10.07.1917 – главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта, с 18.07. по 29.08.1917 – Верховный главнокомандующий. 03.08.1917 представил Временному правительству программу вывода вооруженных сил из кризиса, которая была отвергнута как «чрезмерная» и «жестокая». 02.09.1917 арестован за попытку мятежа. С ноября 1917 – один из лидеров Белого движения. Убит во время штурма Екатеринодара.

719

...Муравьев Николай Константинович (1870–1936), присяжный поверенный, адвокат и общественный деятель. С 04.03.1917 – председателем Чрезвычайной следственной комиссии. После октября 1917 – председатель Комитета политического Красного Креста, защитник на многих политических процессах, подвергался арестам и высылке из Москвы.

720

...Иванов Сергей Валентинович (1852–1925), сенатор, в 1917 – товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии.

721

...Руднев Владимир Михайлович, в 1917 – товарищ прокурора Екатеринославского окружного суда, в марте 1917 включён в Чрезвычайную следственную комиссию с поручением изучить обстоятельства, связанные с деятельностью Распутина («обследовать источник безответственного влияния при Дворе»).

722

...Малиновский Роман Вацлавович (1876–1918), социал-демократ, меньшевик, затем большевик, член ЦК РСДРП (1912–1914). С 1910 – секретный сотрудник Департамента полиции, член Государственной думы 4-го созыва, в 1912–1914 гг. глава социал-демократической фракции, в 1917 разоблачен как провокатор, позднее расстрелян.

723

См. Джунковский В. Ф. Воспоминания. М. Т.2. С. 79–80.

724

...«секретный фонд» Департамента полиции... – средства, выделяемые по личному разрешению министра внутренних дел «на известное употребление» из утвержденных законом сметных ассигнований, включая выделение из десятиmillionного фонда экстраординарной сметы и из трехmillionного и полуторамillionного дополнительного ассигнования. Основанием на выделение средств являлось секретное высочайшее повеление 29.08.1905.

725

...Ковельском фронте – имеется в виду участок Юго-Западного фронта в районе г. Ковель, где проходили боевые действия летом 1916.

726

...Шорникова Екатерина Николаевна (урожд. Головина, во 2-м браке – Юдкевич; 1883 –?), секретная сотрудница Петербургского охранного отделения.

727

А. В. Евреинову.

728

...Хартулари Владимир Дмитриевич (1877 –?), подполковник Генерального штаба (1916). С 02.02.1915 по 12.06.1916 – старший адъютант штаба 1-й Сибирской стр. дивизии, позднее – и.д. штаб-офицера для поручений при штабе 10-го арм. корпуса; в 1917 – состоял в распоряжении начальника штаба Западного фронта. Участник Белого движения в составе ВСЮР.

729

...из-за разногласия, с которым ушел Гурко – имеется в виду деятельность В. И. Гурко на посту главнокомандующего Западного фронта против революционного развала армии, за сохранение воинской дисциплины и участия в летнем наступлении 1917 года. Особенно активно протестовал Гурко против издания и распространения на фронте «Декларации о правах солдата» Временного правительства. 04.06.1917 он был смещен с должности.

730

Сциборский.

731

...одного из обер-офицеров полка – Сциборский, в 1917 – поручик 58-го Сибирского стрелкового полка.

732

Здесь опущены.

733

Лемешек.

734

...Андреев Афанасий, в 1917 – стрелок команды пеших разведчиков 59-го Сибирского стрелкового полка.

735

...Боровских Роман, в 1917 – стрелок команды пеших разведчиков 59-го Сибирского стрелкового полка.

736

...Лемешек, в 1917 – прапорщик, младший офицер команды пеших разведчиков 59-го Сибирского стрелкового полка.

737

...Галинский, в 1917 – подпоручик 59-го Сибирского стрелкового полка.

738

...Школин Андрей Андреевич, в 1917 – подполковник, командующий 2-м батальоном 58-го Сибирского стрелкового полка.

739

...Стржалковский, в 1917 – капитан, командующий 1-й саперной ротой 6-го инженерного полка, в январе-июне – и.д. начальника инженерной службы 15-й Сибирской стрелковой дивизии, с августа 1917 – командир 15-й Сибирской инженерной роты.

740

...Погребной, в 1917 – прапорщик 1-й роты 6-го инженерного полка.

741

...Розенталь, в 1917 – прапорщик, младший офицер 1-й роты 6-го инженерного полка.

742

...20-го же апреля... – арест В. А. Сухомлинова состоялся 29 апреля 1916.

743

...события в Кронштадте... – имеются в виду убийство адмирала Вирена и других офицеров во время Февральской революции.

744

А. А. Веселовский.

745

...Носов, полковник, в 1917 году командир 26-го запасного Сибирского полка.

746

...Сайфульмин, в 1917 – прапорщик 57-го Сибирского стрелкового полка, председатель мусульманского комитета дивизии.

747

...Муклинов, в 1917 – мулла 15-й Сибирской стрелковой дивизии.

748

...на Юго-Западном фронте, началось наступление – имеется в виду июньское наступление 1917 г. Юго-Западного фронта (командующий генерал А. Е. Гутор), окончившееся провалом. Войска после первых двух дней боев отказались вести боевые действия, а контрудары германских и австро-венгерских войск заставили русские войска полностью очистить Галицию.

749

...Наступление началось в районе Молодечно – Наступление Юго-Западного фронта согласно общего плана должно было быть поддержано ударами Западного, Северного и Румынского фронтов. Наступление 5-й армии Северного фронта 09.07.1917 велось из района Молодечно в направлении Вильно, а 10-й армии Западного фронта 10.07.1917 – из Якобштадта в направлении Ковно.

750

...Бочкарева Мария Леонтьевна (1889–1920), российский прапорщик, командир 1-го батальона смерти, одна из первых женщин-офицеров. В 1917 сформировала первый в истории русской армии женский батальон. Участник Белого движения, расстреляна большевиками.

751

...Саваренский Николай Петрович (1875–1936), полковник (1916). В 1914–1916 гг. офицер 27-го Сибирского стр. полка, с июня 1917 – командир 58-го Сибирского стр. полка. После октября 1917 – на советской гражданской службе.

752

...в Петрограде произошло восстание – имеется в виду июльское восстание, антиправительственные выступления 3–5 июля 1917 г. в Петрограде, начавшееся после срыва летнего наступления при участии большевиков и анархистов.

753

Опускается первое, о создании Особого отдела по сношению с войсками.

754

В. Л. Барановский.

755

...начальника политического отдела кабинета военмина – имеется в виду Барановский Владимир Львович (1882–1931), генерал-майор (1917). С 21.09.1916 – штаб-офицер для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера штаба Верховного Главнокомандующего, с 06.06.1917 – начальник кабинета военного министра Керенского, своего родственника (муж сестры), с 11.09. по 14.11.1917 – генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта. С сентября 1918 – добровольно в РККА. Репрессирован, умер в заключении.

756

...Мазуренко Григорий (Юрий) Петрович (1885–1937), поручик, социал-демократ (меньшевик). В 1917 – член ВЦИК, избранного I Всероссийским съездом Советов, особоуполномоченный военного министра А. Ф. Керенского, командующий отрядом, отправленным в июле 1917 в армию для ведения контрпропаганды. Участник Гражданской войны на Украине, один из лидеров Украинской коммунистической партии, репрессирован.

757

...Половцев Петр Александрович (1874–1964), генерал-лейтенант. 22 мая 1917 года назначен главнокомандующим войсками Петроградского военного округа, сменив генерала Л. Г. Корнилова.

758

...Козловский Мечислав Юльевич (1876–1927), присяжный поверенный, адвокат, участник российского, польского и литовского революционного движения. В июле 1917 обвинялся в «государственной измене шпионаже» и «отмываний» денег германского Генштаба, переводимых из Берлина через Парвуса-Ганецкого. В октябре 1917 освобожден.

759

...Суменсон Евгения Маврикиевна (1880 –?), двоюродная сестра Фюрстенберга Я. С. (Я. Ганецкого, 1879–1937), польского и русского революционера. В 1914–1917 гг. представляла швейцарскую фирму Nestle в России. В октябре 1917 освобождена под залог.

760

...Толстой Иван Дмитриевич (1890–1948), граф, полковник (1918). В 1917 – капитан, офицер политического отдела кабинета военмина. Участник Белого движения, после 1920 – в эмиграции во Франции.

761

...Гродский К. М., в 1917 – комиссар Временного правительства при штабе 2-й армии.

762

...Туманов Георгий Николаевич (1880–1917), князь, генерал-майор. В 1914–1915 гг. помощник начальника отделения ГУГШ; с 20.11.1915 – и.д. начальника отделения ГУГШ; с 09.05.1917 – помощник военного министра. Убит на улице Петрограда во время Октябрьского переворота.

763

...начальника отделения – имеется в виду Саттеруп Дмитрий Вадимович (Владимирович, 1873–1940), генерал-майор (1917). С 14.02.1913 – начальник мобилизационного отделения ГУГШ. С 1917 – в РККА, репрессирован.

764

...Гонопольский, в 1917 – чиновник 60-го Сибирского стрелкового полка.

765

Детализация пунктов постановления опускается.

766

...Ефремов Иван Николаевич (1866–1945), политический и общественный деятель, член Государственной думы I, III и IV созывов. В июле 1917 – министр юстиции, с 24.07 по 25.09 – министр государственного призрения Временного

правительства, позднее – чрезвычайный посланник и полномочный представитель в Швейцарии; с 1918 – в эмиграции во Франции.

767

...Якубович Григорий Андрианович (1880–1926), генерал-майор (1917). С 14.10.1916 – начальник отделения ГУГШ, с 10.07.1917 – помощник военного министра, с 17.10.1917 – член Военного совета. Участник Белого движения, с 1920 в эмиграции во Франции.

768

См. Воспоминания. Т. 2, М., 1997 г.

769

...Андреев, в 1917 – штабс-капитан, командующий 3-м батальоном 60-го Сибирского стрелкового полка.

770

...неудачи наших на Юго-Западном фронте – контрнаступление австро-германской армии 06. – 21.07.1917 против войск Юго-Западного фронта и последующее отступление русских частей на 65–85 км. восточнее исходной позиции.

771

...о горестных событиях в 11-й армии – имеется в виду прорыв 06.07.1917 противником обороны на участке 11-й армии и паническое бегство большинства частей и соединений, что вынудило к отступлению и части и 7-й армии.

772

...Гоерц фон Николай Никитич (1872–1924), полковник (1916). В 1913–1917 гг. служил в 126-м пехотном Рыльском полку, с 28.04.1917 – командир 43-го пехотного Охотского полка. Участник Белого движения в армии Украинской державы и Северо-Западной армии. С 1919 – в эмиграции в Эстонии.

773

...Данилов-рыжий – имеется в виду Данилов Николай Александрович (1867–1934), генерал от инфантерии. В 1914 г. начальник снабжений армий Северо-Западного фронта, с 30.08.1915 – командир 25-го, с 13.06.1916 – 10-го армейского

корпуса, с 12.06.1917 – командующий 2-й армией. С 1918 – в РККА. Имел в армии прозвище Данилов-рыжий, чтобы отличать его от генералов Данилова-чёрного (Ю. Н. Данилов) и Данилова-белого (А. В. Данилов).

774

Рассказывали, что выйдя первый раз к выстроенной части после выхода приказа, заменившего «здравия желаем, Ваше превосходительство» словами «Здравствуйте, господин генерал» и услышав новое это приветствие, не сдержался и сказал: «Дураки, болваны». Это и было будто причиной его зачисления в резерв. – Примеч. автора.

775

...Садовой, в 1917 – поручик, начальник учебной команды 58-го Сибирского стрелкового полка.

776

...Кузьменко Василий, в 1917 – стрелок 7-й роты 59-го Сибирского стр. полка.

777

...Иванов, в 1917 – фельдшер, председатель ротного комитета 1-го лазарета.

778

...Архипов, в 1917 – младший унтер-офицер, председатель ротного комитета 11-й роты 60-го Сибирского стрелкового полка.

779

...Гутеров, в 1917 – младший унтер-офицер, взводный 1-го взвода 11-й роты 60-го Сибирского стрелкового полка.

780

...Плотников, в 1917 – стрелок 11-й роты 60-го Сибирского стр. полка.

781

...Бенет Вир, в 1917 – полковник, представитель британской военной миссии в Действующей армии.

782

Перевод В. Ф. Джунковского.

783

...убили командира полка... – имеется в виду Пургасов Андрей Андреевич (1886–1917), генерал-майор (1917), кавалер Георгиевского оружия (1915) и ордена Св. Георгия 4-й степени (1915). С 02.06.1916 – командир 299-го пехотного Дубненского полка. Заколот штыками солдатами на фронте.

784

...командиру соседнего полка... – имеется в виду Грешнер Петр Васильевич, в 1916–1917 – полковник, командир 218-го пехотного Горбатовского полка, в августе 1917 был избит солдатами, отчислен в резерв по болезни.

785

...Грушин Иван, в 1917 – бомбардир 1-й батареи 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона.

786

...Камынин Александр, в 1917 – бомбардир 1-й батареи 15-го Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона.

787

...полк другой дивизии, невероятно распущенный – имеется в виду один из полков 168-й пехотной дивизии.

788

П. Д. Тележников.

789

Стилистика и орфография сохранена в соответствии с оригиналом.

790

...Морозов 2-й, в 1917 – прапорщик, младший офицер 12-й роты 60-го Сибирского стрелкового полка.

791

...в неудачах под Ригой – имеется в виду Рижская операция 8-й германской армии (генерал О. Гутьер) в районе Риги 19–24.08.1917, в результате которой были захвачены Рига и Моонзундский архипелаг.

792

...Савинков Борис Викторович (1879–1925), один из лидеров партии эсеров. В 1914–1916 гг. русский доброволец на французской службе, военный корреспондент, с 28.06.1917 – комиссар Юго-Западного фронта, с 09.07. по 29.08.1917 – товарищ военного министра, управляющим военным министерством. Участник Гражданской войны и Белого движения. Эмигрировал в Польшу, нелегально вернулся в СССР, был арестован ЧК и покончил самоубийством в тюрьме.

793

...Духонин Николай Николаевич (1876–1917), генерал-лейтенант (1917). С 05.06.1916 – генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта, с 29.05.1917 – и.д. начальника штаба Юго-Западного фронта, с 04.08.1917 – начальник штаба армий Западного фронта, с 10.09.1917 – начальник штаба Верховного главнокомандующего, с 03 по 09.11.1917 вр.и.д. Верховного главнокомандующего, зверски убит толпой солдат и матросов 28.11.1917.

794

...Крыленко Николай Васильевич (1885 – 1938), член ЦК РСДРП(б), нарком юстиции СССР. В 1917 – прапорщик, сотрудник газеты «Солдатская правда», решением II-го Всероссийского съезда Советов включен в состав Совета народных комиссаров в качестве члена Комитета по военным и морским делам, с 09.11.1917 по 05.03.1918 – Верховный главнокомандующий. Позднее – председатель Верховного революционного трибунала ВЦИК, заместитель наркома юстиции, прокурор Республики; нарком юстиции РСФСР и СССР.

795

Приводится с некоторыми сокращениями.

796

...Филоненко Максимилиан Максимилианович (1885–1960), штабс-капитан, политический деятель, адвокат Парижской судебной палаты. В июне-июле 1917 –

комиссар Временного правительства в 8-й армии, с 19.07.1917 – комиссар при Ставке Верховного главнокомандующего. Участник Белого движения в Северной области. С 1919 в эмиграции во Франции.

797

...над могилой Корнилова... – М. М. Филоненко сказал: «Я люблю и уважаю генерала Корнилова, но его нужно расстрелять, и я сниму шляпу перед его могилой...».

798

...Горшков, в 1917 – прапорщик, начальник учебной команды 57-го Сибирского стрелкового полка.

799

...Юшков, в 1917 – подпоручик, командующий маршевой ротой 58-го Сибирского стрелкового полка.

800

...Чугунов, в 1917 – подпоручик, командующий маршевой ротой 58-го Сибирского стрелкового полка.

801

...Бирюков Николай Павлович (1873–1919), генерал-майор (1916). С 12.10.1916 – командующий бригадой 4-й стрелковой дивизии, позднее – 2-й Сибирской стрелковой дивизией. Расстрелян по приговору ВЧК.

802

...Красовский, в 1917 – стрелок учебной команды Красноярского запасного батальона.

803

...Субачев, в 1917 – стрелок Красноярского запасного батальона, член ротного комитета.

804

...Кухаренко, в 1917 – капитан, офицер штаба 9-го армейского корпуса, и.д. начальника штаба 15-й Сибирской стрелковой дивизии.

805

...Суворов Михаил Николаевич (1877–1948), генерал-майор (1916). С 07.06.1916 – командир 121-го пехотного Пензенского полка, в 1917 – начальник штаба 50-го армейского корпуса, с 30.07.1917 – и.д. начальника штаба 2-й армии. Состоял в нелегальных организациях Петрограда, позднее в составе Северо-Западной армии Н. Н. Юденича. С 1920 – в эмиграции во Франции.

806

...Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1937), генерал-лейтенант Генерального штаба (1917). С 09. – 11.1916 командующий 64-й пехотной дивизией, с 01.03. по 12.04.1917 – начальник штаба 12-го арм. корпуса с 12.04.1917 – командующий 159-й пехотной дивизией, с 09.09.1917 – командующий 9-м армейским корпусом. С весны 1918 – в РККА, неоднократно арестовывался, умер в больнице.

807

...Либер Казимир Михайлович, в 1917 – полковник, с августа 1917 – командир 60-го Сибирского стрелкового полка.

808

...Зонне И. И., в 1917 – штабс-капитан, начальник пулементной команды 60-го Сибирского стрелкового полка.

809

...Леш Леонид Вильгельмович (1862–1934), генерал от инфантерии (1915). С 03.06.1915 по 03.04.1917 – командующий 3-й армией, позднее – в резерве, с 02.10.1917 главный начальник Минского в/о (до 12.1917). Участник Белого движения во войсках ВСЮР, с 1920 – в эмиграции Югославии.

810

...Вера Павловна – врач 36-го санитарно-эпидемиологического отряда.

811

...Анохин Сергей Викторович (1873 –?), полковник (1912), с 31.05.1913 – помощник начальника отдела Главного военно-судного управления.

812

...Савищев Николай Георгиевич (1877 –?), генерал-майор (1917). С 26.09.1916 – командир 168-го пех. Миргородского полка. Участник Белого движения на Юге России, с 1920 – в эмиграции.

813

...Верховский Александр Иванович (1886–1938), Генерального штаба генерал-майор (1917), комбриг (1936). В 1914 – капитан, старший адъютант 3-й Финляндской стрелковой бригады; после Февральской революции 1917 – командующий войсками Московского в/о; с 30.08. по 22.10.1917 – военный министр Временного правительства. С февраля 1919 – в РККА. Репрессирован.

814

...Мельников, в 1917 – поручик, адъютант командующего 3-м Сибирским армейским корпусом.

815

...Плющевский-Плющик Григорий Александрович (1875–1938), генерал-майор (1917). С 10.06.1915 – начальник штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии, с по 22.10.1916 – командир 87-го пех. Нейшлотского полка, 21.03.1917 – начальник штаба 7-й Сибирской стр. дивизии, 30.07.1917 – начальник штаба 3-го Сибирского арм. корпуса (пр. 24.09.1917; ст. 06.12.1916; за отличие). С 1918 – добровольно в РККА, репрессирован.

816

....Рудаков Александр Александрович (1877 –?), Генерального штаба подполковник (1917), с 09.05.1917 по 01.03.1918 – и.д. штаб-офицера для поручений при штабе, позднее – старший адъютант штаба 3-го Сибирского армейского корпуса. С 1918 – добровольно в РККА.

817

...Калькус, в 1917 – штабс-капитан, адъютант командующего 3-м Сибирским армейским корпусом.

818

...инспектора артиллерии – имеется в виду Мальковский Александр Николаевич (1858 –?), генерал-майор (1914). С 01.04.1915 – командир 59-й арт. Бригады, с 06.11.1916 инспектор артиллерии 3-го Сибирского арм. корпуса.

819

...корпусного инженера – имеется в виду Кудрявцев Константин Николаевич (1881 – после 1922), полковник (1916). С 17.09.1914 по 30.04.1917 – корпусной инженер 5-го Сибирского арм. корпуса, с 30.04.1917 – командир 3-го Сибирского инженерного полка, в ноябре 1917 – вновь избран корпусным инженером 5-го Сибирского арм. корпуса. Участник Белого движения на Востоке России. С 1922 – в эмиграции в Югославии.

820

...корпусной интендант – имеется в виду Шестаков Иван Павлович (1872 –?), полковник (1915), с 06.12.1911 – дивизионный интендант 7-й Сибирской стр. дивизии, после 05.07.1917 – вр.и.д. интенданта 3-го Сибирского армейского корпуса.

821

...Вивьен де Шатобрен Иосиф Иосифович (1861–1919?), генерал-майор (1912). С 27.10.1915 – в резерве чинов при штабе Двинского в/о, с 07.01.1916 – начальник 1-й бригады 13-й кавалерийской дивизии, с 11.03 – начальник штаба 4-го Сибирского армейского корпуса, с 12.04.1917 – начальник 7-й Сибирской стрелковой дивизии, с 12.08.1917 – начальник штаба 7-го Сибирского армейского корпуса. Скончался в Петрограде.

822

...Макаев Илья Захарович (1857 –?), князь, генерал-майор (1914). С 29.07.1914 – командир бригады 56-й пех. дивизии, с 23.09.1917 – командующий 8-й Сибирской стр. дивизией.

823

...Гондель Владимир Карлович (1869 –?), генерал-майор (1917). С 25.04.1915 по 03.1917 – командующий бригадой 7-й Туркестанской стр. дивизии, с 24.07.1917 – вр.и.д. командующего дивизии. С 1918 – в РККА.

824

...Станкевич Владимир Бенедиктович (1884–1968), литовский и русский политик. С марта 1917 – начальник кабинета военного министра А. Ф. Керенского, позднее комиссар Временного правительства на Северном фронте, с сентября – комиссар Временного правительства в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилёве. Участник Белого движения. С 1919 – в эмиграции.

825

...Моисеенко Борис Николаевич (1880–1918), член партии социалистов революционеров, депутат Учредительного собрания. С сентября 1917 комиссар Временного правительства при штабе 2-й армии. Убит в Омске офицерским отрядом.

826

...председатель корпусного комитета – Апетер Иван Андреевич (1890–1938), стрелок 26-го Сибирского стр. полка, в 1917 г. председатель комитета 3-го Сибирского армейского корпуса, с 22.11.1917 – комиссар штаба, затем комиссар военно-политического отдела штаба Верховного главнокомандующего. В СССР служил в органах госбезопасности, репрессирован.

827

...Романовский Николай Максимилианович (1843–1891), князь, 4-й герцог Лейхтенбергский, внук императора Николая I, генерал от кавалерии (1890), геолог, президент Российского минералогического общества.

828

Телеграфный аппарат, называемый по имени изобретателя Д. Юза.

829

...Данишевский Дмитрий Андреевич (? – 1919), полковник (1916), в 1917 – командир 25-го Сибирского стрелкового полка. Участник Белого движения, погиб в бою.

830

...защиты крепости Верден – имеется в виду сражение под Верденом между немецкими и французскими войсками на Западном фронте в период с 21.02. по 18.12.1916.

831

...Казанский, в 1917 – корнет Черкассского конного полка, летчик-наблюдатель 6-го Сибирского корпусного авиационного отряда. // 239...Рублев Федор, в 1917 – стрелок 9-й роты 30-го Сибирского стр. полка.

832

Здесь опускается. См. ГА РФ. Ф.826. Оп.1. Приказ № 923/19 3-му Сибирскому армейскому корпусу..

833

...Ляшкевич, в 1917 – поручик, начальник связи 3-го Сибирского армейского корпуса.

834

...фронтовому комитету г. Минска – имеется в виду Военно-революционный комитет (ВРК) Западного фронта, созданный 26.10.1917 в Минске, отстранивший от командования фронтом П. С. Балуюева и назначивший нового командующего Западным фронтом.

835

...Каменщиков Виктор Васильевич (1879–1959), подполковник (1917), в 1917 – командир батальона 12-го Туркестанского стрелкового полка, член полкового и дивизионного комитетов, с 07.05.1917 – исполнительного комитета 2-й армии. С 1918 – в РККА, позднее в войсках ВЧК, и на партийной работе.

836

...польская дивизия – имеется в виду одна из частей 1-го Польского корпуса, созданного 24.07.1917 на основе расформированной ранее 1-й Польской стрелковой дивизии (под командованием генерала Юзефа Довбор-Мусницкого).

837

...оперативно-контрольной комиссии – имеются в виду совместные российско-германские или российско-австро-венгерские органы контроля за соблюдением условий перемирия на российско-германском фронте.

838

Переговоры о перемирии в полосе 2-й армии Западного фронта велись, начиная с 13–14.11.1917. В полосе 10-й армии в период с 15 по 19.11.1917 был уже заключен ряд соглашений, причем с русской стороны они подписывались комитетами полков, дивизий и корпусов.

839

...Пархомов Леонид Николаевич (1873 –?), полковник (1910). С 06.1916 – в 505-м пехотном Староконстантиновском полку, позднее в резерве чинов Минского в/о.

840

...Чермоев Владимир Александрович (1866-после 1931), генерал-майор (1915), С 16.09.1915 – командир бригады 67-й пех. дивизии, с 07.02. по 06.08.1917 – командующий 170-й пех. дивизией, С 01.10.1917 – командующий 1-й Гренадерской дивизией. Остался в СССР, репрессирован.

841

...Маров, в 1917 – рядовой 15-й Сибирской стрелковой дивизии, вестовой В. Ф. Джунковского.

842

...германский консул из Ковно – имеется в виду Лерхенфельд фон Г. М., ротмистр прусской гвардии, в 1912–1914 гг. консул Германии в Ковно.

843

...перемирие на фронтах было почти везде уже заключено – соглашение о перемирии на Западном фронте было подписано 21.11.1917 представителями военно-революционного комитета Западного фронта и объединенного германского и австро-венгерского командования; официально перемирие между Россией и странами австро-германского блока заключено в Брест-Литовске 02.12.1917.

844

...Сиротинин Василий Николаевич (1855–1934), действительный статский советник (1909), профессор Военно-медицинской академии. С 1904 – директор клиники внутренних болезней академии, заведующий 1-м терапевтическим отделением Клинического военного госпиталя. Участник Белого движения во ВСЮР. С 1920 – в эмиграции в Югославии, с 1924 – во Франции.

845

...Могилянский Алексей Михайлович (1858 –?), статский советник (1914), доктор медицины, профессор Военно-медицинской академии, в 1912–1914 гг. начальник Клинического военного госпиталя, в 1917 – и.д. главного врача.

846

...Карпинский Александр Иванович (1872 –?), врач-психиатр, д-р медицины, в 1917 – и. о профессора судебной медицины Клинического военного госпиталя.

847

...Тавилдаров Н. Н., в 1917 – ассистент отделения начальник Клинического военного госпиталя.

848

Имеется в виду Ильин Михаил Дмитриевич (? – 1937), профессор, доктор медицины и биологии, с 13.06. по 13.12.1917 – временно исполняющий должность президента Военно-медицинской академии.

849

...Енукидзе Амель Сафронович (1877–1937), профессиональный революционер, партийный и государственный деятель. С июня 1917 г. член Петроградского совета и исполкома, с ноября 1917 – заведующий (председатель) военным отделом ВЦИК, в дальнейшем на государственной службе, репрессирован.

□